

ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Журнал теоретических и прикладных исследований
Издается с 1999 г.

2015 № 3 (63) Т. 2

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Волчек В. А. – д-р ист. наук, проф., ректор КемГУ (Кемерово, Россия) – председатель совета.
Аникин А. Е. – д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).
Бабиц М. – д-р юр. наук, проф. Баян-Лукского университета (Баян Лука, Респ. Сербская, Босния и Герцеговина).
Дружинин В. Г. – д-р биол. наук, проф., проректор по научной работе КемГУ (Кемерово, Россия).
Захаров Ю. А. – д-р хим. наук, проф., чл.-корр. РАН, зав. кафедрой химии твердого тела КемГУ (Кемерово, Россия).
Конторович А. Э. – д-р геол.-минерал. наук, академик РАН, председатель Президиума Кемеровского научного центра СО РАН (Новосибирск, Россия).
Кремер Р. – д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала «Welttrends» (Потсдам, Германия).
Лаврик О. И. – д-р хим. наук, чл.-корр. РАН, Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН (Новосибирск, Россия).
Милошевич Х. д-р техн. наук, проф. факультета математических наук и информационных технологий Сербского университета (Косовска Митровица, Сербия).
Молодин В. И. – д-р истор. наук, академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).
Пихица П. В. – Ph. D., с.н.с. Сеульского национального университета (Сеул, Южная Корея).
Суслов В. И. – д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия).
Чистякова С. Н. – д-р пед. наук, чл.-корр. РАО, академик-секретарь РАО (г. Москва, Россия).
Шокин Ю. И. – д-р физ.-мат. наук, академик РАН, Институт вычислительных технологий СО РАН (Новосибирск, Россия).
Юревич А. В. – д-р психол. наук, чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (Москва, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Дружинин В. Г. – д-р биол. наук, проф., гл. редактор, КемГУ (Кемерово, Россия).
Невзоров Б. П. – д-р пед. наук, проф., отв. редактор, КемГУ (Кемерово, Россия).
Митько Н. В. – зам. директора науч. библиотеки, отв. редактор, КемГУ (Кемерово, Россия).
Араева Л. А. – д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Бибилло В. Н. – д-р юрид. наук, проф., БГУ (Минск, Беларусь).
Бобров В. В. – д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Гаврилов С. О. – д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Гудов А. М. – д-р физ.-мат. наук, доц., КемГУ (Кемерово, Россия).
Данилов Н. Н. – д-р физ.-мат. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Желтов В. В. – д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Зильбер Б. И. – д-р физ.-мат. наук, проф., Институт Математики Оксфордского Университета (Оксфорд, Великобритания).
Исмаилов З. Р. – д-р хим. наук, проф., чл.-корр. РАН, ИУХМ СО РАН (Кемерово, Россия).
Казин Э. М. – д-р биол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Касаткина Н. Э. – д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Клочко В. Е. – д-р психол. наук, проф., НИ ТГУ (Томск, Россия).
Лушников Г. И. – д-р филол. наук, проф., КГУ (Ялта, Россия).
Мороз А. А. – д-р хим. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Овчинников В. А. – д-р ист. наук, проф., КРИПО (Кемерово, Россия).
Поплавной А. С. – д-р физ.-мат. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Проскурин С. Г. – д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).
Серый А. В. – д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Тюпа В. И. – д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).
Черненко Т. Г. – д-р юрид. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Шабашев В. А. – д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Шадрин А. В. – д-р техн. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Щенников В. П. – д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Яницкий М. С. – д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

BULLETIN OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

Journal of theoretical and applied research
Founded in 1999

2015 № 3 (63) Vol. 2

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission

FOUNDER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

EDITORIAL ADVISORY BOARD:

V. A. Volchek – Dr. of History, Prof., Rector of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair.
A. E. Anikin – Dr. of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
M. Babic – Dr. of Law, Prof. at Banja Luka University (Banja Luka, Republika Srpska, Bosnia and Herzegovina).
V. G. Druzhinin – Dr. of Biology, Vice-Rector for Science of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Yu. A. Zakharov – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Chemistry of Solids of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Al. E. Kontorovich – Dr. of Geography and Mineralogy, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Presidium of Kemerovo Scientific Centre of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Kemerovo, Russia).
R. Kraemer – Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).
O. I. Lavrik – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
H. Milosevic – Dr of Technical Science, Prof. at the Faculty of Mathematical Science and Information Technology, Serbian University (Kosovska Mitrovica, Serbia).
V. I. Molodin – Dr. of History, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
P. V. Pikhitsa – Ph.D., senior researcher at Seoul National University (Seoul, South Korea).
V. I. Suslov – Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
S. N. Chistyakova – Dr. of Pedagogic, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Academic Secretary of the RAE (Moscow, Russia).
Yu. I. Shokin – Dr. of Physics and Mathematics, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Computational Technologies of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
A. V. Yurevich – Dr. of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

EDITORIAL BOARD:

V. G. Druzhinin – Dr. of Biology, Prof., Editor-in-Chief – Chair, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
B. P. Nevzorov – Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
N. V. Mitko – Deputy Director of Scientific Library, Executive Editor Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
L. A. Araeva – Dr. of Philology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. N. Bibilo – Dr. of Law, Prof., Belarusian State University (Minsk, Belarus).
V. V. Bobrov – Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
S. O. Gavrilov – Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
M. Gudov – Dr. of Physics and Mathematics, Associate Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
N. N. Danilov – Dr. of Physics and Mathematics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. V. Zheltov – Dr. of Philosophy, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
B. I. Zilber – Dr. of Physics and Mathematics, Prof. of Mathematical Logic, Mathematical Institute, University of Oxford (Oxford, England).
Z. R. Ismagilov – Dr. of Chemistry, Prof., Institute of Coal Chemistry and Materials Chemistry at the Siberian Branch of RAS (Kemerovo, Russia).
E. M. Kazin – Dr. of Biology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
N. E. Kasatkina – Dr. of Pedagogic, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. E. Klochko – Dr. of Psychology, Prof., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia).
G. I. Lushnikova – Dr. of Philology, Prof., Crimean University for the Humanities (Yalta, Russia).
A. A. Moroz – Dr. of Chemistry, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. A. Ovchinnikov – Dr. of History, Prof., Kuzbass Regional Institute for Professional Education Development (Kemerovo, Russia).
A. S. Poplavyoy – Dr. of Physics and Mathematics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
S. T. Proskurin – Dr. of Philology, Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).
A. V. Seriy – Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. I. Tyupa – Dr. of Philology, Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).
T. G. Chernenko – Dr. of Law, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. A. Shabashev – Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
A. V. Shadrin – Dr. of Technical Science, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. P. Shchennikov – Dr. of Philosophy, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
M. S. Yanitskiy – Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Журнал издается по решению редакционно-издательского совета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

Выходит 1 раз в квартал

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации: ПИ ФС77-40023 от 04.06.2010 г.

Адрес редакции:
650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, к. 2125.
Тел.: (3842) 58-13-01
Факс: (3842)58-44-03
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Адрес сайта:
<http://vestnik.kemsu.ru>

Адрес учредителя:
650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842) 58-28-39
Факс: 8(3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Подписной индекс:
Объединенный каталог «Пресса России» – 42150

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в реферативную базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).
<http://elibrary.ru>

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Printed by the decision of Scientific Editorial Publishing Council of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

Issued once a quarter

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
Certificate of registration: ПИ ФС77-40023 of 04.06.2010

Editorial Office Address:
650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St., room 2125.
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8 (3842) 58-44-03
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Web-site:
<http://vestnik.kemsu.ru>

Founder Address:
650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St.
Tel.: (3842) 58-28-39
Fax: (3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Subscription indices:
42150 – in the United catalogue "The Press of Russia"

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index" <http://elibrary.ru>.

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ЕВРОПЫ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

- 7 **Арапина С. В., Гетман М. А.** Отношения России и Европы во взглядах Р. Н. фон Куденхове-Калерги
- 12 **Баранов Н. Н.** Братья Гримм в политической культуре Германии первой половины XIX в.
- 17 **Бобкова М. С.** Историографические этюды о Михаиле Николаевиче Машкине
- 21 **Ерохин В. Н.** Формирование английского национализма и его репрезентация в религиозно-политической борьбе в Англии в первые десятилетия XVII века
- 26 **Зайцева Т. И.** Изучение гендерных отношений правящей элиты Средневековья и раннего Нового времени в современной историографии: основные этапы и направления исследований
- 32 **Казаков С. О.** Метаморфозы консерватизма на исходе XX века
- 37 **Митюрёва Д. С.** Жан Боден и Томас Гоббс: в поисках идеального государя
- 41 **Решетникова Л. С.** Роль общественных кругов Европы в подписании Пакта Рериха
- 43 **Смирнов Д. А.** Гершом Шолем и Вальтер Беньямин: частная жизнь и дружба двух интеллектуалов в контексте идеологической борьбы межвоенного времени
- 49 **Терехов О. Э.** От традиции к «консервативной революции»: история и идеология в культурно-исторической концепции Освальда Шпенглера
- 53 **Терехова О. Н.** Абсолютная монархия в странах Западной Европы как социально-политическая система
- 57 **Турыгин А. А.** «Если бы я был императором...»: Идеи и суждения Генриха Класа о пангерманской альтернативе развития Германии (первая четверть XX века)
- 61 **Шайхутдинова Е. Н.** Значение публичных торжественных ритуалов в процессе сакрализации власти монархов в средние века и раннее Новое время в исследованиях британских и американских ученых конца XX – начала XXI в.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА И ПРАВОГО РАДИКАЛИЗМА

- 65 **Артамошин С. В.** Националистские идеи в Германии в годы Веймарской республики
- 68 **Ермаков А. М.** Юлиус Штрейхер и пропаганда антисемитизма среди детей и молодежи в нацистской Германии

INTELLECTUAL AND SOCIO-POLITICAL LIFE IN EUROPE IN MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY

- 7 **S. V. Arapina, M. A. Getman.** Relations between Russia and Europe in the views of R. N. von Coudenhove-Kalergi
- 12 **N. N. Baranov.** The Brothers Grimm in the political culture of Germany in the first half of the 19th century
- 17 **M. S. Bobkova.** A historiographical étude about Mikhail Nikolayevich Mashkin
- 21 **V. N. Yerokhin.** Formation of English nationalism and its representation in the religious and political struggle in England during the first decades of the 17th century
- 26 **T. I. Zaytseva.** Investigation of gender attitudes of the ruling elite in the Middle Ages and Early Modern Age in modern historiography: main stages and directions of research
- 32 **S. O. Kazakov.** Metamorphosis of conservatism at the end of the 20th century
- 37 **D. S. Mityureva.** Jean Bodin and Thomas Hobbes: in search of the perfect sovereign
- 41 **L. S. Reshetnikova.** The role of the European public communities in the adoption of the Roerich's Pact
- 43 **D. A. Smirnov.** Gershom Scholem and Walter Benjamin: private life and friendship of two intellectuals in the context of ideological struggle of the interwar period
- 49 **O. E. Terekhov.** From tradition to “conservative revolution”: history and ideology in Oswald Spengler's cultural-historical theory
- 53 **O. N. Terekhova.** Absolute monarchy in Western Europe as a socio-political system
- 57 **A. A. Turygin.** «If I were the Emperor ...»: Heinrich Class's ideas and judgments about the Pan-German alternative of development of Germany (the first quarter of the 20th century)
- 61 **E. N. Shaykhutdinova.** The significance of public ceremonial rituals in the process of monarchs' power sacralization in the Middle Ages and the Early Modern Period in the researches of British and American historians of the late 20th – early 21st centuries

THEORY AND PRACTICE OF THE GERMAN FASCISM AND RIGHT RADICALISM

- 65 **S. V. Artamoshin.** Nationalistic ideas in Germany in the days of the Weimar Republic
- 68 **A. M. Ermakov.** Julius Streicher and anti-Semitic propaganda among children and youth in Nazi Germany

- 74 **Дорохов В. Г.** Военный дневник М. Васильчиковой и отображение повседневной жизни в гитлеровской Германии (1940 – 1945 гг.)
- 78 **Корнева Л. Н.** Современная немецкая историография социально-экономической политики нацистской Германии
- 85 **Кудрин Е. И.** Надзирательницы концлагерей СС. К вопросу о состоянии источниковой базы исследования
- 91 **Сербина А. С.** Новый правый радикализм в Германии
- 95 **Хряков А. В.** Теория германского континуитета О. Хефлера в немецком научно-политическом пространстве третьего рейха

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

- 100 **Бетмакаев А. М.** Иностранцы в ГДР: основные группы и отношения с восточными немцами (1949 – 1990 гг.)
- 105 **Бонвеч Б.** Распад антигитлеровской военной коалиции на «два лагеря» и немецкие писатели: роль Мелвина Ласки в послевоенном Берлине
- 110 **Евдокимова Т. В.** О специфике рекрутирования элит на пост рейхсминистра иностранных дел в период Веймарской республики
- 115 **Елескина О. В.** Некоторые аспекты культурной политики ЕС
- 119 **Жаронкина Е. А.** Политика американской военной администрации по возрождению культурной и духовной жизни Германии (1945 – 1949 гг.)
- 124 **Корьякина Е. Ю.** Особенности миграционной политики Германии на рубеже XX – XXI вв.
- 129 **Костромина Н. Г.** Особенности партийного противостояния, внутрипартийных связей и взаимодействия с избирателями в странах ЕС (на примере Германии)
- 135 **Любомирова Е. С.** Молодёжная политика ФРГ в 1949 – 1957 гг. и её акторы: общая характеристика
- 140 **Синдеев А. А.** Выборы 1950 г. в Народную палату ГДР: подготовка и проведение
- 145 **Хахалкина Е. В.** Иммигранты в британском обществе: проблемы приема и интеграции в 1945 – 1951 гг.
- 151 **Шальхорн Б.** Политическое образование Запад – Восток: задачи Восточной Академии Лüneбурга во времена холодной войны и после окончания раздела Европы

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

- 157 **Аршинцева О. А.** Великобритания и проблема стабилизации версальского миропорядка в первой половине 1920-х гг.

- 74 **V. G. Dorokhov.** M. Vasilchikova's war diary as a display of everyday life in Nazi Germany (1940 – 1945)
- 78 **L. N. Korneva.** Modern German historiography of socio-economic policies of Nazi Germany
- 85 **E. I. Kudrin.** Supervisors of the SS-Concentration Camps. To the question of the state of the research sources base
- 91 **A. S. Serbina.** New right radicalism in Germany
- 95 **A. V. Khryakov.** The theory of German continuity by O. Hoeffler in the political and scientific space of the Third Reich

INTERNAL POLICY OF EUROPEAN COUNTRIES IN CONTEMPORARY HISTORY

- 100 **A. M. Betmakaev.** Foreigners in the GDR: major groups and relations with East Germans (1949 – 1990)
- 105 **B. Bonwetsch.** The break-up of the anti-Hitler military coalition into “two camps” and German writers: the role of Melvin Lasky in post-war Berlin
- 110 **T. V. Evdokimova.** On the specificity of elites recruitment to the post of Reich Minister of Foreign Affairs in the period of the Weimar Republic
- 115 **O. V. Eleskina.** Some aspects of the EU cultural policy
- 119 **E. A. Zharonkina.** The American military government policy on the revival of cultural and spiritual life in Germany (1945 – 1949)
- 124 **E. Yu. Koryakina.** Some aspects of the migration policy in Germany at the turn of the 20th – 21st centuries
- 129 **N. G. Kostromina.** Features of party opposition, intra-party relations and interaction with the voters in the EU countries (the example of Germany)
- 135 **E. S. Lyubomirova.** Germany's youth policy in 1949 – 1957 and its actors: general overview
- 140 **A. A. Sindeev.** Volkskammer-Election in 1950: preparation and delivery
- 145 **E. V. Khakhalkina.** Immigrants in the British society: problems of admission and integration, 1945 – 1951
- 151 **B. Schalhorn.** The East-West political education: challenges for the East Academy of Lüneburg during the Cold War and since the end of the Division of Europe

FOREIGN POLICY AND INTERNATIONAL RELATIONS OF EUROPEAN COUNTRIES IN CONTEMPORARY HISTORY

- 157 **O. A. Arshintseva.** Great Britain and the problem of stabilization of Versailles international order in the first half of the 1920s

- 163 **Баев О. В.** Европейские рынки капиталов и внешний долг России в начале XX в.
- 169 **Бармин В. А.** Усилия без успеха: о планах фашисткой Германии в отношении Синьцзяна в 1941 – 1943 гг.
- 172 **Буденкова А. В.** Европейский Союз и обеспечение безопасности в Азиатско-тихоокеанском регионе
- 178 **Гузикова М. О., Нестеров А. Г.** Косово на пути к суверенитету: к истории вопроса
- 184 **Игумнова Л. О.** Метод моделирования и имитации во внешней политике ЕС
- 190 **Кретинин С. В.** «Черное Кровавое Вербное воскресенье» в Лодзи 9 апреля 1933 г.
- 193 **Лекаренко О. Г.** Отношение США К созданию ЕЭС и ЕАСТ: сравнительный анализ
- 199 **Мирошников М. С.** Формирование политики Европейского Союза по отношению к несостоявшимся государствам в 1990-е годы
- 204 **Нестерова Т. П.** Итальянская экономическая политика в Египте в 1920-х – 1930-х гг.
- 210 **Погорельская А. М.** Вклад европейского союза в построение глобального режима управления миграцией
- 215 **Романова Т. А.** Структурные уровни анализа в отношениях России и Евросоюза на современном этапе
- 223 **Самутина О. С., Юматов К. В.** Европейский Союз, Россия и грузино-абхазский конфликт (1992 – 2015 гг.)
- 231 **Семенов О. Ю., Белащенко Д. А.** Динамика развития общей европейской политики безопасности и обороны на примере деятельности ЕС в Закавказье
- 236 **Семенов О. Ю., Белащенко Д. А.** Позиция ФРГ в отношении украинского кризиса в контексте проблем европейской безопасности и отношений с Российской Федерацией
- 241 **Созонов М. Н.** Репарационный вопрос в контексте англо-германских отношений 1924 – 1929 гг.
- 246 **Черноперов В. Л.** Дипломат В. Л. Копп в становлении советско-германских научных связей и политике трудовой миграции из Веймарской республики в РСФСР (1919 – 1921 гг.)
- РЕЦЕНЗИИ**
- 253 **Дериглазова Л. В.** Рецензия на монографию: Зеликова Ю. А. Стареющая Европа: демография, политика, социология. СПб.: Норма, 2014. 224 с. ISBN 978-5-87857-229-3
- 256 Правила для авторов журнала
- 258 Подписка на «Вестник КемГУ»
- 163 **O. V. Baev.** European capital markets and the external debt of Russia in the early 20th century
- 169 **V. A. Barmin.** Efforts without success: the plans of Nazi Germany in respect to Xinjiang in 1941 – 1943
- 172 **A. V. Budenkova.** The European Union and security in the Asia-Pacific region
- 178 **M. O. Guzikova, A. G. Nesterov.** Kosovo on its way to sovereignty: to the history of the question
- 184 **L. O. Igumnova.** The method of modeling and imitation in foreign policy of the EU
- 190 **S. V. Kretinin.** “Black Bloody Palm Sunday” in Lodz, 9 April 1933
- 193 **O. G. Lekarenko.** The attitude of the USA to the creation of EEC and EFTA: comparative analysis
- 199 **M. S. Miroshnikov.** Development of the European Union’s policy towards failed states in the 1990s
- 204 **T. P. Nesterova.** Italian economical politics in Egypt in the 1920s – 1930s
- 210 **A. M. Pogorelskaya.** The EU contribution to the global governance of migration
- 215 **T. A. Romanova.** Structural levels of analysis in the EU – Russia relations at present
- 223 **O. S. Samutina, K. V. Yumatov.** The European Union, Russia and the Georgia – Abkhazia conflict (1992 – 2015)
- 231 **O. Yu. Semenov, D. A. Belashchenko.** Common European security and defense policy development dynamics: the example of the European Union activity in the Caucasus region
- 236 **O. Yu. Semenov, D. A. Belashchenko.** German position towards Ukraine crisis within the context of European security problems and relations with the Russian Federation
- 241 **M. N. Sozonov.** The question of reparations in the context of Anglo-German relations in 1924 – 1929
- 246 **V. L. Chernoperov.** The role of the diplomat V. L. Kopp in the formation of the Soviet-German scientific ties and the policy of labour migration from Weimar Republic to the RSFSR (1919 – 1921)
- REVIEWS**
- 253 **L. V. Deriglazova.** A review of the monograph Aging Europe: Demography, Politics, Sociology by Yu. A. Zelikova (St. Petersburg: Norma, 2014. 224 p. ISBN 978-5-87857-229-3)
- 256 Information and instructions for authors
- 258 Subscribe to Bulletin of KemSU

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник статей подготовлен и опубликован при поддержке Европейского Союза, грант на создание Центра Европейского Союза в Сибири № 2010/257-459.

Публикация подготовлена на основе оригинальных материалов, предоставленных авторами. Европейский Союз не несет ответственности за выводы и мнения, высказанные авторами.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ
ЕВРОПЫ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

УДК 94:327(470+43)

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ЕВРОПЫ ВО ВЗГЛЯДАХ Р. Н. ФОН КУДЕНХОВЕ-КАЛЕРГИ

С. В. Арапина, М. А. Гетман

RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND EUROPE IN THE VIEWS
OF R. N. VON COUDENHOVE-KALERGI

S. V. Arapina, M. A. Getman

В статье рассмотрены взгляды лидера панъевропейского движения 20 – 30-х годов XX века Р. Н. фон Куденхове – Калерги на отношения России и Европы. В межвоенный период он предложил концепцию "пан-Европа", предусматривающую объединение континентальных европейских стран, на основе заключения между ними договора об арбитраже, признании нерушимости границ, создании общего экономического пространства. Впоследствии эти принципы легли в основу современного Европейского Союза. По мнению Куденхове-Калерги, основной целью создания единого европейского пространства являлось противостояние потенциальной экспансии со стороны России, которая в течение нескольких веков вела завоевательную политику на западном направлении. Несмотря на принадлежность к европейской культуре, Россия по своей сути не являлась европейским государством, а после революции 1917 года отстранилась от Европы политически. Однако Калерги писал о необходимости тесного экономического сотрудничества между Россией и Европой, объясняя это географической принадлежностью к одному континенту и прагматическими интересами двух "политических комплексов".

The paper considers the views of the leader of the pan-European movement of the 1920s – 1930s, R. N. von Coudenhove-Kalergi on the relations between Russia and Europe. In his design of "pan-Europe", advanced in the interwar period, such aspects as arbitration, recognition of the inviolability of borders and the common economic space were supposed to become the basis of the integration. R. N. von Coudenhove-Kalergi considered the main cause of creating a common European space to be the resistance to a possible invasion of Russian troops. According to Kalergi, after the Revolution of 1917 Russia stopped being a part of Europe politically, despite its belonging to the European culture. However, Kalergi notes the need for close economic cooperation between the "two political conglomerations". This is explained by geographical belonging to one continent and pragmatical interests of Europe and Russia.

Ключевые слова: отношения России и Европы, Р. Н. Куденхове-Калерги, панъевропейский проект, европейская внешняя политика, Европейский Союз.

Keywords: relations between Russia and Europe, R. N. von Coudenhove-Kalergi, pan-European project, European foreign policy, European Union.

Точкой отсчета существования Европейского Союза считается заключение Маастрихтского договора в 1992 г., определившего дальнейшее направление евроинтеграции. (см. *договор о Европейском Союзе. Маастрихт. 7 февраля 1992 ("Маастрихтский договор")*, документ № 228) [10]. Созданием ЕС был завершен почти полувековой процесс постепенного сближения европейских стран, развернувшийся после Второй мировой войны. Однако идеи создания единого европейского пространства высказывались на протяжении всего Нового времени, начиная с XIV в. Проекты, предлагавшиеся европейскими мыслителями в XIX столетии, относились к разряду утопий, которые никто не взялся бы претворить в жизнь.

В XX в., после Первой мировой войны, когда Европа утратила свои лидерские позиции на мировой

арене и перестала быть мировым гегемоном, уступив место новым, внеевропейским политическим и экономическим центрам, возникла необходимость дать ответ на этот вызов времени. Свое оригинальное решение предложил граф Рихард Николас фон Куденхове-Калерги.

Родился граф 16 ноября 1894 г. Его отец – Генрих Куденхове-Калерги был австрийским дипломатом, состоявшим на службе в Японии. Мать, Мицу Аояма, была японкой по происхождению.

Детство Р. Н. Куденхове-Калерги провел в чешском имении Побьежовице.

Впоследствии он писал об уникальной космополитической атмосфере, которая окружала его юные годы. Связано это, прежде всего, с его родителями: матерью – японкой, не отказавшейся от родной для неё восточ-

ной культуры, и отцом, который ощущал себя патриотом Австро-Венгерской империи, вмещавшей различные народы. Образование граф получал в элитной венской школе "Терезианум". Изучал философию и современную историю. Окончание его обучения совпало с окончанием Первой мировой войны. Наблюдая современную ему обстановку на континенте, понимая, что угроза еще одной войны, которая могла бы стать еще более разрушительной и тяжелой, сохраняется, поскольку европейские страны не были согласны с установившимися границами, граф начинает разрабатывать проект объединения Европы [8].

Свои идеи Р. Н. Куденхове-Калерги высказал в книге "Пан-Европа", изданной в Вене в 1923 г. Куденхове-Калерги поставил следующий "европейский вопрос": "Может ли Европа при своей политической и экономической разобщенности сохранить мир и собственную независимость в противостоянии с растущими неевропейскими державами или же необходимо, чтобы для защиты своего существования она объединила свои страны в сообщество?" [8, с. 15].

В течение 20 – 30-х гг. XX в. панъевропейское движение, лидером которого являлся Куденхове-Калерги, имело большое число сторонников среди интеллигенции, а также среди некоторых европейских политиков.

Исходил граф, прежде всего из того, что европейскому континенту грозит утрата своей идентичности под напором новых "мировых империй", к которым он относил Британскую, Российскую, Американскую, Восточноазиатскую. Эти "империи" делают стремительный рывок в своем развитии, посредством достижений технического прогресса, оставляя ослабленную мировой войной Европу позади. Более того, новые центры силы вступили на путь интеграции, объединяя под своим началом разные народы, не жертвуя при этом своей индивидуальностью и свободой. Континентальная Европа, в свою очередь, оказалась раздробленной на множество мелких стран, которые являются слабыми, неконкурентоспособными. Такие крупные европейские страны, как Германия, Франция, Италия оказались по разные стороны баррикад, являясь либо победителем, либо побежденным. Великобританию и Россию Куденхове-Калерги по разным причинам не относил к европейским странам.

Для того чтобы если не восстановить европоцентристский мир, но хотя бы не допустить дальнейшего регресса европейского континента, граф предлагал создать "пан-Европу": объединение континентальных европейских государств, с отказом от таможенных, а в перспективе и от государственных, границ, со свободной торговлей. Народы Европы должны были осознать себя как некую единую европейскую нацию, связанную общей историей и культурой. Предполагалось заключение европейского гарантийного пакта, который позволил бы в будущем избежать новой войны между государствами континента.

В своей теоретической работе "Пан-Европа" Р. Н. Куденхове-Калерги значительное внимание уделяет проблеме отношений России и Европы, а также места России в семье европейских народов. Отдельная глава была посвящена истории "русского вторжения на Запад", способам его прекращения, и перспек-

тивам сотрудничества между Россией и объединенной Европой. Рассуждая о русской культуре, Куденхове-Калерги отмечает, что она является одной из разновидностей культуры европейской, с переплетением азиатских культурных традиций. Политически же Россия принадлежала то Азии, то Европе. Императорский период в истории России означал принадлежность к европейскому континенту, когда Россия "восприняла внешнюю форму европейской культуры, но не стала европейской по сути" [8, с. 37].

Большевистская революция, по мнению графа, оторвала Россию от Европы. Теперь большевики, с помощью "европейской теории и азиатской практики" пытаются создать "новые культурные формы" [8, с. 37].

По его мнению, после 1917 г., Россия оторвалась от Европы, и превратилась в "федеративную империю без колоний, большая часть которой находится в Азии, а меньшая в Европе" [8, с. 19]. Россия стала в большей степени евроазиатской державой, отказавшейся от европейской системы демократии, и, соответственно, политически отошедшая от европейского континента. Западные области России, такие как Польша, Прибалтика, Финляндия, присоединились к "европейской государственной системе", поскольку всегда тяготели к Европе, а не к России. Исходя из вышеперечисленного, Куденхове-Калерги считал, что восточная граница Европы сместилась, и проходит теперь не "по Уралу, а по политической границе между Россией и её демократическими соседями" [8, с. 19]. То есть, по мнению графа, Европа кончается там, где кончается демократическая политическая система. Именно этим он обосновывает недопущение России до единого европейского пространства.

Более того, Р. Н. Куденхове-Калерги считал, что европейскому континенту грозит неминуемое военное вторжение России, которая в тот момент времени восстанавливала свою экономику. Как только этот процесс завершится, Россия начнет свою экспансию, и примется за решение "европейского вопроса", то есть превратит европейские государства в свои западные провинции. Он писал о том, что "два наступающих десятилетия явят истории зрелище состязания между единением Европы и восстановлением России. Если Россия воспрянет после экономической катастрофы прежде, чем объединится Европа, – Европа безвозвратно попадет под русскую гегемонию; если Европа объединится до того, как Россия восстановит свою экономику – Европа будет спасена от русской опасности" [4, с. 112].

Следовательно, одна из главных причин создания пан-Европы, это предотвращение "русской угрозы", ведь для единой Европы такой опасности просто не существует. Он исходил из того, что новые малые государства, возникшие на политической карте Европы после войны не способны защитить себя. Неспособна на это и разоруженная Германия, которой традиционно отводилась роль некоего "буфера" на восточных границах.

Р. Н. Куденхове-Калерги приходит к выводу о том, что "одним только своим существованием Россия оказывает на Европу постоянное давление – это давление возрастает, поскольку прирост европейского

населения ниже, чем прирост российского" [8, с. 52]. Исходя из этой логики, весь европейский вопрос заключается в русской проблеме как предотвращении русского нашествия, и единственное средство избежать этого – создать объединенную Европу.

Говоря о современном ему этапе отношений России и Европы, Куденхове-Калерги прибегает к историческим параллелям, таким как постепенное подчинение всей Эллады Македонией. Судьба Древней Греции кажется ему показательной, поскольку эллины не осознали в нужный момент опасности и пали жертвой внутренних разногласий, чем не преминул воспользоваться их северный сосед.

Самостоятельные европейские государства похожи на города-полисы, боровшиеся между собой за гегемонию, но, однако, воспринимавшие себя "единым культурным сообществом, превосходящим все прочие народы".

Апогеем борьбы между греческими полисами стала Пелопонесская война, последствия которой для Эллады Калерги сравнивает с последствиями Первой мировой войны для современной Европы.

Он пишет, что, "пока греческие города воевали между собой за господство, на севере Греции возникла новая варварская держава – Македония. В то время возможность македонского вторжения казалась грекам столь же невероятной, как сегодня большинству европейцев кажется невероятным вторжение России" [8, с. 51]. Часть эллинов пришли к выводу о необходимости создания федерации, которая могла бы спасти полисы от покорения Македонией, но национализм и "политическая близорукость" взяли верх. "Свобода Греции навсегда была уничтожена" царем Филиппом, а сама Эллада осталась на обочине мировой истории, потому что не смогла "прислушаться к голосу времени". По его мнению, "Россия – это Македония для Европы" [8, с. 52].

Куденхове-Калерги попытался дать исторический экскурс европейскому направлению в русской внешней политике.

Россия, со времен Петра I, находится в "состоянии военного похода на Запад", который был остановлен только на подступах к центрально-европейским монархиям – Пруссии и Австрии. Этим двум странам отводилась роль служить стеной, ограждающей Европу от русского давления. В дальнейшем Российская империя сделала попытку "обойти эту стену с юга" [8, с. 53]. После русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. российская граница придвинулась почти к Эгейскому морю, что являлось наивысшей точкой "российского марша на Запад", и тогда в Европе пришли к мнению, что турецкая угроза исчезла, уступив место русской. Этим объясняется позиция европейских держав на Берлинском конгрессе, оказавших поддержку Османской империи, и настоявших на пересмотре Сан-Стефанского мирного договора. Поход России на Запад был "обречен на провал", пока существовали центрально-европейские державы, поэтому в её интересах было принимать участие в коалиции, которая бы выступала противником этих государств.

Окончание мировой войны привело к распаду центральных держав, и, как следствие, падению европейского "оборонительного вала". Малые и средние госу-

дарства и "одно большое разоруженное государство", занявшие теперь место распавшихся монархий, не способны оградить европейский континент от нападения со стороны России. По мнению Куденхове-Калерги, "как только Россия придет в себя после своих внутренних катастроф, её стремительное продвижение на Запад не остановит ни Польша, ни Румыния, ни Чехословакия, ни тем более такие разоруженные страны, как Венгрия, Австрия или Германия" [8, с. 54]. Россия сможет подчинить себе Центральную Европу, что будет являться всего лишь "этапом" на пути её экспансии к Западной Европе. Последствия для Европы были бы такими же, как и для Древней Греции.

Несмотря на кардинальные перемены внутри России, её экспансионистские "устремления остались прежними". Калерги называет это "политической тенденцией", к требованиям которой вынуждены приспособляться все без исключения лидеры России. Здесь он не видит разницы между "царским империализмом, использовавшим лозунги панславянской пропаганды" и большевиками, провозгласившими "пролетарский интернационализм" [8, с. 54 – 55]. Советская Россия, как и Россия императорская, по убеждению Куденхове-Калерги, имеет наступательные планы по отношению к европейским странам, а её армия по-прежнему превосходит по своей численности все европейские войска. Вожди России "провозглашают своей главной целью уничтожение европейской демократии и присоединение всех народов к Московскому союзу", то есть к СССР [8, с. 55].

Европейцам следует осознать, "что любой мир между демократическими и советскими государствами означает для Советов лишь перемирие, остановку для накопления сил и подготовки новой атаки, поскольку неизменной целью коммунистических вождей остается мировая коммунистическая революция" [8, с. 55].

Калерги был уверен, что характер политического режима и устройства России в данном случае значения не имеет: если ей представится возможность подчинить Европу, она это сделает, вне зависимости от своего "цвета".

Среди прочих объяснений Калерги называет попытку "компенсировать отобранные у народа права" посредством ведения наступательной внешней политики: военная слава и победы могут принести консолидацию населения вокруг коммунистического режима.

Говоря о последствиях возможного русского нашествия в Европу, Калерги предрекает культурную и политическую катастрофу, не называя, впрочем, подробностей и вновь обращаясь к историческим аналогиям, таким как вторжение Тамерлана в Багдад [8, с. 56]. Очевидно, что здесь прослеживается попытка сыграть не только на антисоветском настрое, но и на известном стереотипе о "русских варварах", стремящихся разрушить европейскую культуру.

Поэтому Куденхове-Калерги пишет о том, что общей целью для всех европейцев, в независимости от национальности и политических взглядов должно стать предотвращение русского вторжения. "Единственно мудрой европейской политикой по отношению к России может быть мирная политика", однако, необходимо быть готовыми к различным вариантам [8,

с. 57]. Выходом должна стать совместная защита всеми европейскими странами российско-европейских границ, означающая создание оборонительного союза "против русской военной угрозы". Заключение подобного гарантийного пакта, по словам Куденхове-Калерги, могло бы на длительное время обеспечить безопасность европейского континента. Этот панъевропейский военный союз, по сути, свелся бы к тому, что на крупные европейские государства ложилась бы забота о защите малых и слабых стран Европы. Калерги оправдывает это довольно простым аргументом о том, что Польша, например, не способна оказать военное сопротивление державе, территория которой превышает её размеры в десятки раз, и, следовательно, полностью взять на себя "бремя спасения Европы".

"Если Россия будет знать, что в случае нападения на Польшу и Румынию против нее выступят войска Франции, Италии и Германии, она скорее подумает о последствиях такого нападения, чем в случае, когда со стороны Германии ожидается нейтралитет, а защищенность таких государств, как Польша обеспечивается только наличием "Малой Антанты" [8, с. 57].

Еще одной предпосылкой для предотвращения русской экспансии и защиты восточной границы служит "единство европейских государств".

Нельзя допускать конфликтов между европейскими народами, поскольку они приводят к ослаблению обороноспособности, и, следовательно, невозможности дать отпор военной экспансии со стороны России. "Каждая новая европейская война предоставляет России желанный шанс к вторжению. А как только российская армия попадет в Европу, добровольно ее она уже не покинет" [8, с. 58].

Для того чтобы избежать потенциального вмешательства России во внутренние европейские дела, Калерги предлагает заключить в обязательном порядке договор о международном арбитражном суде.

Куденхове-Калерги считал, что "пророссийская ориентация нескольких европейских государств" также представляет опасность для существования Европы [8, с. 59]. Прежде всего, здесь имелась в виду Германия, которая в апреле 1922 г. заключила с Советской Россией Рапалльский договор, положивший начало тесному сотрудничеству двух стран. Как следствие, произошло сближение политических позиций двух государств, оставшихся за рамками Версальской системы международных отношений, сложившейся после Первой мировой войны, и отчуждение Германии "от западноевропейского сообщества" и Лиги Наций. Калерги считает, что просоветская ориентация Веймарской республики обусловлена надеждой на ревизию Версальского договора, при посредничестве СССР, и осуществление очередного раздела Польши.

Однако, несмотря на военную угрозу, исходящую от России, Европа заинтересована в дружественных отношениях с ней, поскольку это отвечает экономической целесообразности. Калерги рассуждает таким образом: Европа занимается производством промышленных товаров, для которых необходим рынок сбыта. Россия является в основном аграрной страной, "промышленность которой была повсеместно уничтожена революцией" [8, с. 60].

Поэтому она была бы вынуждена приобретать у Европы готовые промышленные товары, в том числе и средства производства, последняя же нуждается в российском зерне. То есть, характер торговли между Россией и Европой носил бы для первой колониальный характер: сырье и продовольствие в обмен на готовые изделия.

Враждебные отношения между Европой и СССР могли бы навредить экономическим позициям обоих "политических комплексов", а "пользу от этого могла получить только американская промышленность".

Калерги предсказывает усиление конкуренции между европейской и внеевропейской промышленностью за российский рынок сбыта. Он отмечает, что у Европы здесь должно быть преимущество: она более предназначена для товарообмена с Россией, имеет общие границы, и поэтому органически может рассматриваться как основной поставщик товаров в Россию. Куденхове-Калерги предупреждает, что политические разногласия в данном случае не должны мешать взаимовыгодному экономическому сотрудничеству: "политике должна диктовать экономика". Так, "и Европа, и Россия нуждаются друг в друге, чтобы сообща возродиться". Но, если Европа желает успешно конкурировать на мировом рынке с "крупными английскими и американскими экономикой", ей необходимо "выступать по отношению к России как экономически целое", ликвидировав свои внутренние таможенные границы [8, с. 60].

Утрата европейским континентом гегемонии, ослабление экономических и политических позиций всех европейских государств, при одновременном ускорении темпов экономического роста неевропейских "центров силы", привело к необходимости поиска решений, которые бы могли позволить Европе сохранить свою роль в качестве самостоятельного субъекта мирового процесса. По представлению Р. Н. Куденхове-Калерги таким решением являлось создание Пан-Европы – федерации европейских государств, объединенных общим рынком и общим оборонительным союзом.

Однако одной из главных причин, подталкивавших к объединению, по мысли Куденхове-Калерги, была военная угроза со стороны России. Он был убежден, что в независимости от политического режима, Россия стремится к экспансии на западном направлении. Последствием для Европы могли бы стать экономический и культурный упадок.

Используя антибольшевистскую и традиционную антирусскую риторику, Калерги обосновывал потребность "отлучения" России от Европы, которая одним своим существованием "будет всегда оказывать давление на континент". Он также весьма прозрачно намекал на то, что Германия должна была вновь стать заслоном от "русской опасности", и что тесное сотрудничество двух государств не являлось бы желательным для пан-Европы.

Но в то же время, он настаивал на необходимости взаимодействия в области торговли, что отвечало интересам двух "политических комплексов", признавал русскую культуру частью европейской, правда, с некоторыми оговорками.

Куденхове-Калерги сегодня считается одним из "духовных отцов" объединенной Европы, поскольку большинство его идей нашли свое воплощение в Европейском Союзе. В какой-то степени это касается и внешней политики ЕС, в том числе и её "русском направлении". До 2014 г. можно было с уверенностью говорить о том, что Европа, следуя заветам Калерги, держит в военном отношении Россию в стороне, в то же время, являясь для нее крупнейшим торговым партнером. Но, несмотря на предупреждения, "политике было позволено диктовать свои условия экономике". Говоря об органически присущей России экспансии, Калерги выпускает из виду тот факт, что чаще всего ей приходилось не атаковать, а обороняться. Кроме того, он не делает попытки объяснить глубинные причины этой "завоевательной политики" по отношению к Европе, ограничиваясь констатацией не-

которых фактов, и их весьма поверхностной трактовкой.

Впрочем, следует отдать должное и его исторической прозорливости. Действительно, не решенные европейские проблемы вылились в новую, более разрушительную мировую войну. И Россия действительно, по окончании её, включила в сферу своего влияния Восточную Европу. Однако это было сделано не из-за "стремления к экспансии", а в попытке создать "зону безопасности", отгораживающую СССР от новой потенциальной агрессии с Запада.

Отношения России с Европой всегда отличались сложностью, чередовались периодами взаимного сближения и отчуждения. Но очевидно, что поддержание мира между ними и прагматичное сотрудничество, отвечающее интересам обеих сторон, будут способствовать стабильности на европейском континенте.

Литература

1. Артемов В. А. У истоков идеи "единой Европы" и панъевропейского движения в Европе в 20 – 40-е гг. XX в. // Из истории международных отношений и европейской интеграции. Воронеж, 2003. № 1/1.
2. Госсман Л. Идея Европы / пер. с англ. Д. Аронсона // Логос. 2012. № 4(88). С. 81 – 108.
3. Громова А. Р. Куденхове-Калерги и Панъевропейское движение в начале 30-х гг. (по материалам Центра хранения историко-документальных коллекций) // Объединение Европы и Советский Союз. 1919 – 1932. М., 1999.
4. Европейский манифест 1 мая 1924 года. Публикация // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М.: Наука, 1991. С. 111 – 120.
5. Кембаев Ж. М. Концепция Пан-Европы Р. Куденхове-Калерги как одна из важнейших стадий в становлении идеи европейского единства // История государства и права. 2010. № 22.
6. Кораблева А. Е. Европа и европейцы как историческая и культурная общность в панъевропейском проекте Р. Куденхове-Калерги // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 92. С. 69 – 72.
7. Кораблева А. Е. Панъевропейский проект Р. Куденхове-Калерги и международные отношения в Европе в 20 – 30-е гг. XX века: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2009.
8. Куденхове-Калерги Р. Н. Пан-Европа / пер. с нем. Б. Швигловой, И. Абдуллиной. М.: Вита Планетаре, 2006. 168 с.
9. Панарина Е. А. Развитие идеи европейской интеграции в первой половине XX века: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2006. 279 с.
10. Системная история международных отношений 1918 – 2003. Т. 4. Документы 1945 – 2003 гг. / под ред. А. Д. Богатурова. М., 2004.
11. Чубарьян А. О. Европейская идея в истории. Проблемы войны и мира. М.: Международные отношения, 1987. 352 с.

Информация об авторе:

Арапина Светлана Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КемГУ, arapina77@mail.ru.

Svetlana V. Arapina – Candidate of History, Assistant Professor at the department of Modern and Contemporary History and International Relations, Kemerovo State University.

Гетман Маргарита Алексеевна – магистрант факультета истории и международных отношений КемГУ, margarita.getman2015@yandex.ru.

Margarita A. Getman – Master's Degree student at the Faculty of History and International Relations, Kemerovo State University.

(Научный руководитель – С. В. Арапина).

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

УДК 94(430)

БРАТЬЯ ГРИММ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ГЕРМАНИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.*Н. Н. Баранов***THE BROTHERS GRIMM IN THE POLITICAL CULTURE OF GERMANY
IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY***N. N. Baranov*

В статье предложена новая интерпретация традиционного образа братьев Гримм как далеких от политики кабинетных ученых. На основе опубликованных источников личного происхождения братьев и людей их круга дан анализ степени и значения их участия в основных политических событиях на территории Германии и Европы в первой половине XIX в. Братья Гримм в своем научном творчестве и общественной деятельности с одной стороны предстают сторонниками конституционного строя и гражданского общества, а с другой – сильного монархического государства и развития национальных традиций. В этом проявлялся противоречивый характер основ политической культуры Германии эпохи модерна.

The paper proposes a new interpretation of the traditional view on the Brothers Grimm as armchair scientists far removed from politics. The role and significance of the Brothers' participation in the major political events in Germany and Europe in the first half of the 19th century were analyzed on the basis of published personal sources and those of the people around them. On the one hand, the Brothers Grimm in their scientific work and social activities were supporters of the constitutional system and civil society, and on the other – of a strong monarchical state and national traditions development. This reflects the contradictory nature of the foundations of German political culture of the Modern epoch.

Ключевые слова: Германия, эпоха реставрации, германистика, франкфуртское Национальное собрание, «геттингенская семерка», «Немецкий словарь».

Keywords: Germany, Conservative Order, German studies, Frankfurt Parliament, «Gottingen Seven», «German dictionary».

Образ братьев Гримм практически у любого современного человека неизбежно вызывает ряд стереотипных ассоциаций. Все читали, слушали или смотрели киноверсии сказок братьев Гримм. Они – создатели многотомного «Немецкого словаря». Старший брат Якоб – автор классической «Немецкой грамматики». Менее известно, что Гриммы большую часть жизни предпочитали работать в двух рядом расположенных кабинетах. Это было место, где они чувствовали себя лучше всего, и откуда их периодически изгоняла Доротея – супруга младшего брата Вильгельма, «чтобы мужчины не заплесневели за словарями». Они идеально вписываются в образ кабинетных ученых. Вторым любимым занятием братьев с молодости было посещение библиотек с их несметными богатствами. В общей сложности на протяжении 30 лет они исполняли должностные библиотечарей, и это занятие их вполне устраивало. Классический тип «книжных червей». Наконец, их можно представить в прогулках по деревням и полям их гессенской родины, в поисках сказок, легенд и других традиций, собирание, сохранение и толкование которых стало целью их жизни.

Политическая активность, казалось бы, совсем не соответствуют традиционному образу жизни обоих братьев. При этом политика, были это великие события мирового масштаба или местные происшествия в пределах маленького территориального государства, постоянно оказывала влияние на их повседневную жизнь. Когда Якобу было четыре, а Вильгельму три года, во Франции разразилась революция, эхо взрыва которой скоро докатилось до Гессен-Касселя, где их отец служил государственным чиновником сначала в городке Ханау, а позднее в Штайнау. После ранней

смерти отца братья учились в лицее в земельной столице Касселе и с 1802 по 1806 гг. изучали право в университете Марбурга. В это время они пережили экспансию наполеоновской Франции, жертвой которой, в конце концов, стала их родина. В 1807 г. Кургессен был аннексирован и вошел в состав Вестфальского королевства под управлением младшего брата Наполеона Жерома Бонапарта. Правда, после того как вслед за отцом скончалась мать и Якоб как старший в семье должен был взять на себя заботу о пяти младших братьях и сестрах, он получил место библиотекаря в личной библиотеке Жерома. Однако это не уменьшило чувства неприязни к чужеземному господству. Годы спустя Вильгельм отмечал в своей автобиографии 1830 г. о поразивших его неприятных переменах в Касселе: «чужие люди, чужие нравы, на улицах и дорожках чужой громко звучащий язык» [3, с. 3].

Братья, уже приобретшие определенную известность своими первыми публикациями, приветствовали очевидный после 1812 г. поворот в ходе войны. Когда весной 1814 г. союзные войска вступили в Париж, Якоб Гримм прибыл туда в качестве секретаря кургессенской миссии, чтобы обеспечить возврат реквизируемых французами культурных ценностей. Осенью того же года Якоб был отправлен участвовать в работе Венского конгресса. Однако его надежды на принятие свободной имперской конституции вскоре рухнули. Его разочарование нашло свое выражение в серии статей для издававшейся Й. Герресом газеты «Рейнский Меркурий» вплоть до ее запрета в 1816 г.

В том же году братья окончательно вернулись в библиотеку в Касселе. Дипломатическая деятельность

в период освободительной войны отрезвила Якоба, а очевидное усиление реставраторских тенденций в Германии разочаровывало обоих. Заняв скромные должности библиотекарей, они находили время и возможности развивать свою широкую исследовательскую деятельность. Когда позднее Вильгельм в 39 лет женился, его новое супружеское счастье не только не разрушило братского согласия, но скорее даже усилило его. Семейная и академическая идиллия вдали от политики казалась обеспеченной на длительный срок. Однако обстоятельства вновь привели обоих в политику.

На рубеже 1829 – 1830 гг. Якоб и Вильгельм Гримм заняли должности профессоров и библиотекарей в геттингенском университете на территории Ганновера, после того как против ожидания они по воле курфюрста не получили руководящих мест в библиотеке в Касселе. Вместе с тем после длительных лишений появились благоприятные предпосылки для развития их профессиональных способностей в качестве ученых: братья занялись исследованиями и преподаванием в одном из самых известных немецких университетов и больше не должны были заботиться о средствах к существованию. Однако через 7 лет они совершенно неожиданно для себя оказались в центре прогремевшего на всю Германию политического скандала, были лишены работы и изгнаны.

Что вызвало этот внезапный удар судьбы? В середине 1837 г. со смертью короля Вильгельма IV закончился длившийся более 120 лет период личной унии Англии и Ганновера. На британских островах стала царствовать королева Виктория, а в Ганновере – ее дядя Эрнст Август. В высшей степени консервативный новый король отказался присягнуть основному закону государства, введенному в 1833 г. по инициативе сословного собрания. Он отменил конституцию и освободил государственных служащих от принесенной на верность ей клятвы.

Настал час знаменитой «Геттингенской семерки». Семеро из общего числа в ту пору 32 геттингенских профессоров, в том числе братья Гримм под руководством Фридриха Кристофа Дальмана 7 ноября 1837 г. сделали заявление, что по их представлениям и совести основной закон остается действующим и потому они не могут быть освобождены в одностороннем порядке от конституционной клятвы. Хотя университетское руководство пыталось сначала утаить, а затем преуменьшить значение этого заявления, оно вскоре стало достоянием общественности и преподносилось как прямой протест против монархического произвола. Королевский гнев тут же обрушился на непокорных подданных. Его наивысшей точкой стали решение университетского суда об увольнении профессоров и королевское распоряжение о пожизненной высылке трех из них как изменников. 17 декабря 1837 г. Дальман, Якоб Гримм и историк литературы Георг Густав Гервинус, под приветственные выкрики многочисленных сопровождавших их студентов пересекли границу между Ганновером и Кургессеном южнее Геттингена. Выступление «Геттингенской семерки» дало ясный сигнал для всей Германии – не только радикальные студенты, но и уважаемые профессора способны противостоять своеволию

правителей. Был организован сбор денег в пользу «семерки», им предлагалась всевозможная помощь.

«Политические профессора» стали лидерами либерального движения предмартовской Германии. В отсталых по сравнению с Западной Европой германских государствах именно профессора были самыми важными представителями гражданского общества и выразителями его потребности в политических реформах. С кафедр немецких университетов, которые тогда представляли собой практически единственные общегерманские учреждения, профессора внедряли в сознание студенческой молодежи идеи «хорошего государства» и «справедливой конституции». Они требовали участия буржуазии в принятии ответственных политических решений и государственного единства Германии. Многие из них были также основоположниками политической науки, в первую очередь Дальман, автор ганноверского Основного закона инициатор геттингенского протеста и самый близкий друг обоих братьев Гримм во время их пребывания в Геттингене. Эти профессора изучали политику, преподавали ее и в то же время действовали как политики, участвуя в парламентах своих государств.

Однако члены «геттингенской семерки» осознавали свой протест против уничтожения конституции королем как действие по сути неapolитическое – все подписанты были в этом единомышленны. Протест для них был в первую очередь выражением их этических принципов. Чтобы не могло возникнуть никаких сомнений в мотивах протеста, Дальман и Якоб Гримм написали разъясняющую статью, которая после трудностей с органами цензуры в нескольких германских государствах была опубликована в апреле 1838 г. в Швейцарии. Квинтэссенция позиции Якоба Гримма, изложенной под названием «О моем увольнении» выражена уже в эпиграфе, взятом из опубликованной Гриммами «Песни о Нибелунгах» – «*War sint die Eide komen?*» («Куда деваются клятвы?») [8].

Братья, а письмо Якоба его младший брат читал и корректировал, придавали большое значение своей непричастности какой-либо политической партии. Они вели речь исключительно о том, что были связаны клятвой, которая не могла потерять силу одним росчерком пера монарха. Как профессора они потеряли бы уважение студентов и самоуважение, если бы смирились с монархическим произволом по причинам политической лояльности. В письме от 26 декабря 1839 г. к Беттине фон Арним, их многолетней подруге и покровительнице, Гримм еще раз прояснил мотивы Геттингенского заявления: «О нашем геттингенском протесте я почти ничего больше не могу сказать. Мне казалось и кажется, что любой легко способен его оценить. При этом все зависит только от права и совести. Никакие политика и благоразумие не должны говорить одновременно, что можно выразить также следующим образом: поступай справедливо и добросовестно, в конечном счете, политически и умно и оправдаешься перед Богом» [4, s. 133].

В геттингенском конституционном конфликте столкнулись два мира. С одной стороны, это было высокомерие монарха, который видел в подданных только безропотных исполнителей своей воли. Не-

сколько лет спустя после увольнения и высылки геттингенской семерки король Эрнст Август утверждал: «профессоров, проституток и танцовщиц можно получить повсюду, где им предлагают на несколько талеров больше» [3, s. 5]. С другой стороны, выступала верность ученых своим взглядам и убеждениям, их стремление защитить, по словам Дальмана из его объяснительной записки «К взаимопониманию» (Базель, 1838 г.) «бессмертного короля, законную волю правительства» от «смертного короля», если он нарушал право и конституцию [6, s. 30]. Участники «геттингенской семерки», и это особенно верно для братьев Гримм, хотели бы представить свои действия как аполитичные и не революционные, но своим протестом они все же были признаны представителями либерализма и правового государства. В эпоху реставрации они вызвали к жизни ожидания и надежды, которые требовали осуществления.

В 1841 г. братья Гримм были приглашены новым прусским королем Фридрихом-Вильгельмом IV – «романтиком на троне» в Берлин в качестве оплачиваемых членов академии наук. Теперь они снова не отягощенные материальными заботами могли посвятить себя разносторонним трудам на широком поле германистики. В представлении обоих отцов-основателей этой науки она охватывала как область изучения немецкого языка, так и германское право, и историю Германии. Германистка объединяла все три дисциплины на основе исторического метода. Политический импульс, который скрывался за этой научной программой, стал очевидным, когда в сентябре 1846 г. в старинном императорском зале франкфуртской ратуши в первый раз собрался съезд германистов. Якоб Гримм, единодушно избранный председателем, заявил в своей речи при открытии съезда, что хотя сама политика должна оставаться вне обсуждения, вопросы истории, права и языка, которые затрагивают политическую сферу, должны подниматься со всей научной строгостью. Показательным примером подобного научного рассмотрения политических вопросов стали высказывания собравшихся по поводу тлевшего уже в течение нескольких десятилетий конфликта вокруг Шлезвига и Гольштейна. Речь шла о том, должно ли герцогство Шлезвиг войти в состав датского или немецкого государства. Для германистов во главе с Якобом Гриммом на это был единственный ответ: если бы только не средневековое положение договора, что Шлезвиг и Гольштейн должны навсегда оставаться неделимыми, само собой разумеется, «что говорящие по-немецки принадлежат к нам и не должны отрываться», как писал Я. Гримм Гервинусу 16 августа 1846 г. [5, s. 82].

Якоб Гримм не рвался к политической деятельности, но если на кону стояла судьба отечества, он не уклонялся от вызовов. Так и произошло, когда мартовская революция 1848 г. открыла путь к национально-государственному объединению всех немцев на основе либеральной конституции. Он был избран в Национальное собрание во Франкфурте на Майне от 29 рейнско-прусского избирательного округа, который территориально охватывал Мюльхайм на Руре и Эссен. 24 мая 1848 г. Гримм занял предназначенное ему место в первом ряду у центрального прохода на

отдельном сиденье напротив ораторской трибуны и президиума. Там же он вновь встретил троих из шестерых своих соратников по «геттингенской семерке» – Дальмана, Гервинуса и государственоведа Альбрехта. С ними и большинством из 49 университетских профессоров, избранных в национальное собрание, он присоединился к так называемой партии «казино». Эта правоцентристская политическая группировка выступала в поддержку программы создания конституционной монархии на основах правового государства. Как кратко и лаконично обрисовал ее Якоб Гримм в благодарственном письме, адресованном избирателям его округа «Я выступаю за свободное единое отечество под властью могущественного короля и против всяких республиканских стремлений. Детали мне подскажут мое сердце и время» [3, s. 6].

Якоб Гримм много раз брал слово в Национальном собрании, в том числе дважды по конституционным вопросам. Как и большинство немецких либералов того времени, он стремился при разработке конституции опираться на исторический опыт – не для восстановления отживших порядков, но для возрождения и дальнейшего развития старинных прав немецкого народа. В этом смысле он предложил 4 июля 1848 г. в качестве первой статьи «Основных прав немецкого народа»: «Все немцы свободны, немецкая земля не терпит никакой кабалы. Приезжих подневольных, которые остаются здесь, она делает свободными» [9, s. 729]. Это предложение поначалу было встречено аплодисментами, но затем отклонено 205 голосами против 192. Многим депутатам чрезмерной казалась связь гарантий буржуазных свобод в государстве с приверженностью к немецкому национальному духу. Самую продолжительную речь в национальном собрании – «О дворянстве и орденах» Якоб Гримм произнес 1 августа 1848 г. Сословные различия, как и штатские ордена, представлялись ему устаревшими, подлежали отмене и замещению свободными гражданско-правовыми объединениями [9, s. 1310 – 1312]. Однако он не смог провести и это предложение. Его вторая речь от 9 июня 1848 г. и содержавшееся в ней предложение сначала имели успех. Речь шла о необходимости объединения Германии в общем и о шлезвиг-гольштейнском вопросе в частности. Якоб Гримм со ссылкой на свои научные работы объяснял, что жители Шлезвига издавна историей и языком связаны с Германией. Он призывал вести войну против Дании до тех пор, пока не будут признаны справедливые права Германии на неделимый Шлезвиг, и настаивал на принятии заявления Национального собрания о недопустимости внешнего вмешательства в дела, связанные с обеспечением национальных интересов [9, s. 289 – 290].

Однако Пруссия, которая должна была вести эту союзную войну, в конце августа 1848 г. самовольно заключила перемирие с Данией. Большинство собравшихся в Паульскирхе депутатов немецкого народа выступило с решительным протестом против этого соглашения. По инициативе Дальмана, сплоченное большинство левых депутатов при поддержке части центра и даже консерваторов, 5 сентября 1848 г. приняло решение отклонить соглашение о перемирии. Однако уже 16 сентября большинством голосов соб-

рание согласилось на выполнение соглашения о перемирии. Реальная политика одержала победу над верностью убеждениям. Одновременно для Якоба Гримма настало время отхода от активной политики. 2 октября 1848 г. он сложил мандат и вернулся в Берлин. Это был в меньшей степени акт протеста против определенной политики, скорее выражение неприязни к политическим будням и компромиссам. Уже в первой речи 29 мая 1848 г. о регламенте он высказал неудовлетворенность по поводу медлительных парламентских процедур, особенно совещаний комитетов. По мнению Гримма, национальное собрание должно было только декларировать то, что было давно ясно народному духу – конституцию единства и свободы всех немцев. То, что в действительности происходило тогда во Франкфурте между фракциями и во всей Германии между парламентами и князьями он воспринимал как выражение дипломатических маневров и политических интриг вопреки требованиям времени.

Не в последнюю очередь отход Якоба Гримма, приверженца в равной степени сильной и ответственной королевской власти от политики, был связан с его разочарованием в тщеславных и слабых германских правителях. Это в первую очередь относилось к прусскому королю, который не понимал своих общегерманских задач и отказался от предложенной ему императорской короны.

Спустя год после преисполненного надежд письма к своим избирателям в Руре, в мае 1849 г. Гримм мог только констатировать, что ни свободного, ни единого отечества, ни даже сильной в полном смысле королевской власти не получилось. Снова и снова он сетовал, например, в письме геттингенскому историку Георгу Вайцу в 1859 г.: «Как часто печальная судьба нашего отечества должна приходить на ум, западать в сердце и отравлять жизнь. Даже не нужно думать о спасении, если оно не сопровождается большими опасностями и переворотами» [3, s. 7].

После политических волнений и разочарований 1848 – 1849 гг. Якоб Гримм жаждал спокойствия в кругу семьи брата и деятельности в среде ученых в Берлине. При этом академические занятия, которые ждали там его и брата неизбежно приобретали политическое значение. На первом месте стояла масштабная задача создания «Немецкого словаря». Он должен был охватывать весь нововерхненемецкий словарный состав от Мартина Лютера до Иоганна Вольфганга фон Гете.

Уже начало этого проекта свидетельствовало о его политическом значении. Когда оба брата в 1838 г. были лишены места и дохода, они приняли предложение издательства предпринять собрание немецкой лексики. Якоб в письме брату называл словарь «плодом нашей ссылки». Оба предвидели, что берут на себя большое бремя, но не могли представить себе его реальную тяжесть. Только в 1854 г. увидел свет первый том. Якоб Гримм писал в предисловии к нему, что масса слов падала на составителей и засыпала их «целыми днями как тонкие, плотные снежные хлопья с неба». Когда 16 декабря 1859 г. на 74 году жизни умер Вильгельм, он закончил только взятую им на себя единственную букву «D». Якоб как старший и

более напористый брат обрабатывал буквы А, В, С и затем Е и F. Он умер 20 сентября 1863 г. в 79 лет, когда занимался редакцией статьи о слове «Фрукт».

Якоб Гримм в знаменитом предисловии к первому тому словаря ясно указывал на существование тех политических надежд, которые были связаны с этим гигантским филологическим произведением. Для него побудительными мотивами труда были «окрепшая любовь к отечеству и непреходящее желание его более прочного объединения», а само произведение он преподносил «на алтарь любимого отечества». Словарь должен был возвысить славу немецкого языка и немецкого народа, «которые были едины». Предисловие выливалось в патриотический призыв: «Любимые соотечественники немцы, какой бы империи, какой бы веры ни были, вступайте в открытый всем вам зал вашего исконного, древнего языка, чтобы вы учили, почитали и держались его, ваша народная сила и время связаны с ним. Он еще распространяется через Рейн вплоть до Эльзаса, до Лотарингии, через Айдер глубоко в Шлезвиг-Гольштейн, по побережью Балтийского моря до Риги и Ревеля, по ту сторону Карпат в стародавние области Семиградья. Также к вам, эмигрировавшие немцы, над соленым морем доберется эта книга и навеет или укрепит щемящие, прелестные мысли о родном языке, языке сопровождающих вас наших поэтов, как вечно продолжают жить английские и испанские в Америке» [7, s. LXVIII].

Братья находились под влиянием идей Иоганна Готтфрида Гердера и романтиков, что в языке, литературе и истории, а шире в культуре воплощается дух народа. В более поздних понятиях Гриммов можно обозначить как опекунов немецкой «культурной нации», которые стремились однако к ее преобразованию в «государственную нацию». Работу обоих братьев по новому открытию сохранению, и дальнейшему развитию немецкого языка можно считать сегодня существенным основанием «немецкой идентичности».

Язык означал для них не только средство, но и содержание как частных, так и публичных коммуникаций, в языке люди воплощают свое национальное самосознание. При этом ни у Гриммов, ни у Гердера еще нет никакого экспансионистского и националистического высокомерия, что можно было бы предположить при чтении процитированного выше окончания предисловия или первой строфы национального гимна Германии, которую написал близкий Гриммам Гофман Фаллерслебен. Их интерес к языку одновременно был патриотическим и космополитным, они исследовали и содействовали исследованию многочисленных других германских, славянских и романских языков. В центре дела всей жизни братьев было, однако, собирание и исследование немецкого языка и немецких традиций.

Речь идет не только о трудах по германистике в узком смысле слова, как первое издание в 1819 г. «Немецкой грамматики» Якоба Гримма с законом передвижения согласных, всемирно известным «законом Гримма», или выпуск многочисленных старонемецких литературных памятников, как «Песнь о Хильдебранде», осуществленный Вильгельмом в 1830 г. Также в программу входили собирание «Дет-

ских и домашних сказок» и «Немецких саг», исследование Якобом немецких мифов. И, наконец, оба брата, которые изучали юриспруденцию и на протяжении всей жизни поддерживали дружеские отношения со своим университетским учителем, основателем исторической школы права Фридрихом Карлом фон Савиньи, также собирали и издавали многочисленные исторические памятники права. Якоб опубликовал в 1828 г. «Немецкие юридические древности» в 1000 печатных страниц и издал с 1840 г. 4 тома «Наставлений» из круга крестьянских правовых преданий. Братья были убеждены, что, как и язык, право также не конструируется и узаконивается, а формируется из устной традиции народа и черпается из преданий.

Гриммы, как и их друзья, и современники-романтики верили и надеялись на органическое дальнейшее развитие исторической жизни. Для них, как это выразил Якоб в предисловии к первому тому «Немецкого словаря» (1854), с одной стороны падал «на бесчисленные места нашей современности свет из прошлого», а с другой – из сегодняшнего дня свет на некоторые «лежащие в темноте пятна и вершины старого

языка» [7, s. IV]. Поэтому братья воспринимали свои масштабные исторические труды не только как продукты научной эрудиции, но и как «весьма и весьма политические», как говорил Якоб о его появившейся в 1848 г. «Истории немецкого языка». В исследовании прошлого они находили утешение на фоне малопривлекательных будней и надежды на лучшее будущее. На историю в целом распространялось то, что Вильгельм установил для сказки в частности: из нее можно извлечь уроки, пригодные для современности. При всем разочаровании и упадке духа из-за политического положения братья все же надеялись на возвращение «времен, когда заклания еще помогали» – так начиналась первая сказка из их коллекции «Король-лушанок или Железный Генрих».

Еще при жизни братья Гримм были удостоены общественного уважения, которое проявлялось в различных формах, следствием чего стал некоторый флер легендарности вокруг этой поразительной пары ученых. После их смерти их жизнь и деятельность еще больше ушла в область мифов. До сегодняшнего дня каждое поколение немцев создает свой собственный образ Якоба и Вильгельма Гриммов.

Литература

1. Герстнер Г. Братья Гримм / пер. с нем. Е. Шеншина; предисл. Г. А. Шевченко. М.: Молодая гвардия, 1980. 271 с.
2. Скурла Г. Братья Гримм: Очерк жизни и творчества / пер. с нем. С. Шлапоберской; предисл. А. Гугнина. М.: Радуга, 1989. 304 с.
3. Bleek W. Die Bruder Grimm und die deutsche Politik // Aus Politik und Zeitgeschichte. Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament. 1986. 4 Januar (№ B 1/86). S. 3 – 16.
4. Briefwechsel Bettine von Arnims mit den Brüdern Grimm 1838 – 1841 // Herausgegeben von Hartwig Schultz. Frankfurt am Main: Insel, 1985. 418 s.
5. Briefwechsel zwischen Jacob und Wilhelm Grimm, Dahlmann und Gervinus. Herausgegeben von Eduard Appel. Bd. 2. Berlin: Dümmler, 1886. 592 s.
6. Dahlmann F. Ch. Zur Verständigung. Basel, 1838. 86 s.
7. Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. Bd. 1. Berlin: Hirzel, 1854. 967 s.
8. Grimm J. Über seine Entlassung. Basel, 1838. 42 s.
9. Stenographischer Bericht über die Verhandlungen der Deutschen Constituirenden Nationalversammlung zu Frankfurt am Main hrsg. auf Beschluß der Nationalversammlung durch die Redaktionskommission und in deren Auftrag von Professor Franz Wigard. Frankfurt am Main, 1848. Bd. 1. S. 1 – 782; Bd 2. S. 783 – 1572.

Информация об авторе:

Баранов Николай Николаевич – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, зав. кафедрой Новой и новейшей истории Уральского федерального университета, baranov61@mail.ru.

Nikolay N. Baranov – Doctor of History, Associate Professor, Leading Research Associate at the Institute of History and Archeology of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Modern and Contemporary History, Ural Federal University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

УДК 94(430).084 + 94(100)"19/20"

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ О МИХАИЛЕ НИКОЛАЕВИЧЕ МАШКИНЕ

М. С. Бобкова

A HISTORIOGRAPHICAL ÉTUDE ABOUT MIKHAIL NIKOLAYEVICH MASHKIN

M. S. Bobkova

Статья посвящена анализу изучения истории Германии, истории международных отношений, историографии истории германского колониализма в конце XIX – начале XX веков в работах известного советского ученого М. Н. Машкина. В основе исследования – научные работы и документы исследователя, хранящиеся в Институте всеобщей истории РАН. Они показывают важный вклад М. Н. Машкина в методологию историографического анализа. Он строился на полемике с автором, которая основывалась на хорошем знании источников и позиций других исследователей. Это подчеркивает не только экспертный характер историографических очерков ученого, но и их значимость для формирования научной традиции в отечественной науке. Одним из важных концептов ученого была идея кризиса и гибели теории европоцентризма. Он связывал ее с процессами деколонизации и перестройки международных отношений в XX веке. Полемический подход и непосредственные результаты исследований М. Н. Машкина не утратили актуальности в современной исторической науке, что подчеркивает необходимость более детального изучения наследия ученого.

The paper analyzes the study of German history, the history of international relations and the historiography of the history of German colonialism in the late 19th to the early 20th centuries in the works of the famous Soviet scientist M. N. Mashkin. The study focuses on the researcher's works and documents stored in the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. They reveal M. N. Mashkin's important contribution to the methodology of historiographic analysis. It was based on polemic with the author and profound knowledge of other historians' viewpoints. This highlights not only the expert character of the researcher's historiographical études, but also their significance for the formation of the scientific tradition in the Russian science. One of the researcher's important conceptions was his idea of the crisis and collapse of the Eurocentrism theory. He linked it to the processes of decolonization and rebuilding of international relations in the 20th century. The polemical approach the results of M. N. Mashkin's researches remain up-to-date in the contemporary historical science, which highlights the importance of more detailed studies of the researcher's heritage.

Ключевые слова: историография, международные отношения, история дипломатии, колониальная политика, история Германии, Новая и Новейшая история, германистика, М. Н. Машкин.

Keywords: historiography, international relations, international policy, diplomatic history, colonial policy, history of Germany, modern history, M. N. Mashkin.

Изучение развития исторического познания как в целом, так и по отношению к отдельным историческим эпохам, странам или проблемам является важной составляющей исследовательского поля исторической культуры. Юбилей факультета истории и международных отношений Кемеровского государственного университета, на котором работают мои коллеги и друзья, стал приятным поводом для размышлений о судьбах историков и их наследии. Научная жизнь этого факультета всегда поражала и поражает неожиданностью исследовательских тем и фундаментальностью их разработки. В советское время именно здесь появлялись новые работы по изучению индустрии Кузбасса, именно здесь велись глубокие исследования археологических памятников средневековых кочевников Евразии, а в 90-е гг. прошлого века Юрием Владимировичем Галактионовым была основана Кузбасская научная школа германистики. В 1999 г. по его инициативе был создан Западносибирский центр германских исследований – первая в России межрегиональная общественная организация, объединившая историков-германистов, преподавателей вузов Кемерово, Томска, Новосибирска, Барнаула.

В 2006 г. на первом заседании только что созданного Центра истории исторического знания ИВИ РАН один из старейших специалистов по истории Германии, по истории колониальной политики и по истории

международных отношений Михаил Николаевич Машкин представил трехтомное издание «Истории Германии» под редакцией Б. Бонвича и Ю. В. Галактионова [3], подготовленное историками Западносибирского центра германских исследований.

Волею судьбы на меня легла ответственность за завершение работы и выход в свет последней книги М. Н. Машкина, в которой он планировал издать свои работы по историографии, написанные почти за 60 лет научной работы. Михаил Николаевич ушел из жизни 11 февраля 2014 г. В этот же день в 2015 г. мы провели заседание междисциплинарного он-лайн семинара «Люди и тексты» [2], посвященное презентации посмертно вышедшей новой книги нашего коллеги [6]. Редактируя его книгу, я погрузилась в довольно далекую от моих научных интересов проблематику и по мере продвижения работы с удивлением обнаружила, что сюжеты, касающиеся германской истории рубежа XIX – XX вв., истории международных отношений этого периода и связанная с ней колониальная история, рассмотренные через призму историографической дисциплины до сих пор не утратили ни научной, ни социальной актуальности. Мне бы хотелось поделиться некоторыми своими наблюдениями, которые, возможно, будут интересны новистам, изучающим историю международных отношений и историю Германии.

Прежде всего, кратко остановлюсь на биографии М. Н. Машкина [6, с. 5 – 18, 442 – 448], так как на ее примере можно проследить общие тенденции формирования личности историка-исследователя. К тому же, личная биография Михаила Николаевича – мало чем отличается от общей биографии старшего поколения советских ученых-историков (жизненный путь Михаила Николаевича Машкина реконструирован на основе его личного дела, хранящегося в отделе кадров ИВИ РАН). Он родился в Москве 28 февраля 1926 г. С детства, благодаря атмосфере в семье, он был погружен в мир музыки Клио. Дедушкой М. Н. Машкина по линии мамы, был Георгий Карлович Вебер, получивший образование на историко-филологическом факультете Петербургского университета. В Санкт-Петербурге Г. К. Вебер преподавал историю в знаменитом Тенишевском училище. По высочайшему повелению его императорского величества Николая II, в 1905 г. по линии Министерства просвещения Георгий Карлович был отправлен изучать системы образования европейских государств для подготовки материалов для реформы системы образования в России. В течение четырех лет он побывал в Германии, Швейцарии и Италии, и лишь начало Первой мировой войны в 1914 г. приостановило подготовку и проведение реформы. После возвращения из-за границы он переехал в Москву, где продолжил педагогическую деятельность, работал в гимназии и читал лекции на Высших женских курсах Владимира Ивановича Герье (ныне Московский педагогический государственный университет). В советское время он был вынужден заниматься библиотечной деятельностью, разбирал архивы Московского Кремля, был заведующим отделом иностранного комплектования библиотеки Комкакадемии. Г. К. Вебер был арестован в 1935 г. по так называемому «кремлевскому делу». 27 июля 1935 г. военной коллегией Верховного суда СССР под председательством В. В. Ульяхова в закрытом судебном заседании по обвинению в подстрекательстве к совершению террористического акта в числе других Вебер был осужден на три года ссылки. Отбывал наказание в Нарымском округе, в селе Каргасок, а затем вновь был арестован 29 июня 1937 г. как «член контрреволюционной кадетско-монархической и эсеровской организации» и тройкой УНКВД Запсибкрая 1 августа 1937 г. приговорен к высшей мере наказания и был расстрелян 27 августа 1937 г. [1].

Сын Георгия Карловича – Борис Георгиевич Вебер (1902 – 1984 гг. – дядя М. Н. Машкина) стал известным советским историком, доктором исторических наук. Он много лет проработал в Институте всеобщей истории АН СССР и был специалистом по историографии истории Нового времени. Самое большое влияние на М. Н. Машкина, безусловно, оказал отец – Николай Александрович, который заведовал кафедрами древней истории Московского института истории, философии и литературы (с 1941 г.) и МГУ (с 1943 г.). С 1948 г. заведовал сектором древней истории Института истории АН СССР. В 1951 г. ему посмертно была присуждена Государственная премия СССР. Часто проходившие в доме дискуссии о различных проблемах исторической науки, большая историческая библиотека, раннее приобщение к немец-

кому и французскому языкам – все это предопределило будущий профессиональный выбор М. Н. Машкина.

После начала Великой Отечественной войны, в октябре 1941 г. он эвакуировался вместе с семьей в Среднюю Азию – г. Ташкент, потом Ашхабад – по месту эвакуации МГУ, где работал отец. В августе 1942 г. вместе с университетом семья Машкиных переехала в Свердловск. В январе 1943 г. Михаил Николаевич был зачислен в число студентов свердловской части исторического факультета МГУ. Михаил Николаевич вернулся в Москву и приступил к занятиям на факультете международных отношений МГУ одновременно в порядке экстерната занимался на историческом факультете, который закончил в начале 1947 г. по специальности «Новая история», получив диплом «с отличием». В июле 1947 г. был принят аспирантом в Институт истории АН СССР по сектору Новой истории. 16 сентября 1950 г. М. Н. Машкин был принят на работу в сектор Новой и Новейшей истории Института истории АН СССР, который с 1957 по 1966 гг. возглавлял доктор исторических наук Борис Федорович Поршнев. 14 апреля 1952 г. Михаил Николаевич защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Германская дипломатия и конец русско-германского договора о нейтралитете в 1890 г.». Глубокий анализ внешней политики Германии XIX – начала XX вв., истории международных отношений этого периода неизбежно выводил М. Н. Машкина на активное изучение места и роли Франции в колониальной политике, которая по сути и определяла актуальную континентальную международную ситуацию. В 1969 г. М. Н. Машкин перешел работать в группу по истории Франции ИВИ АН СССР, которой руководил известный советский историк Альберт Захарович Манфред. В 1981 г. Машкин защитил докторскую диссертацию по теме «Социалисты и демократы Франции и колониальный вопрос в 30 – 70-е гг. XIX в.». С 1986 г. по 1992 гг. он работал в Секторе истории колониализма и национально-освободительных движений ИВИ АН СССР (ИВИ РАН) под руководством Бориса Михайловича Туполева.

В основе высокого профессионализма М. Н. Машкина лежало блестящее знание источников по тем сюжетам, которые он изучал. В 1951 г. были опубликованы стенограммы курса его лекций в Историко-архивном институте «Источники по истории внешней политики России 1800 – 1917 гг.» [5]. Много времени он проводил в Главном архиве Управления МВД СССР, в архиве историко-дипломатического управления МИД СССР и архиве Генерального штаба Министерства обороны СССР. В Германии Михаил Николаевич работал с документами в Центральном институте истории (Zentralinstitut für Geschichte) при Академии наук ГДР, в Институте марксизма-ленинизма в Берлине при ЦК СЕПГ (Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED), в Институте общественных наук при ЦК СЕПГ (Institut für Gesellschaftswissenschaften beim ZK der SED).

По истории международных отношений М. Н. Машкин исследовал отношения Германии и

России в конце XIX – начале XX вв., а также колониальные притязания германского империализма.

Ряд работ М. Н. Машкин посвятил зарубежной и советской историографии. Много лет он являлся членом Научного Совета АН СССР «История исторической науки». Он опубликовал ряд исследований об изучении в СССР германского империализма, об историографии германского колониальной политики XIX в., об отдельных зарубежных историках.

Особенность историографических очерков М. Н. Машкина состоит в том, что он, выражая несогласие с той или иной позицией, высказанной в научной литературе, в качестве своих аргументов приводит фрагменты документов, активно использует исторические источники, которые прекрасно знал. Это подчеркивает не только некий экспертный характер историографии, ее значимость для формирования научной традиции, но и собственно исследовательские функции этой работы.

М. Н. Машкин был редактором научных переводов исторической литературы с иностранных языков на русский, выходившей в издательствах «Прогресс» и «Иностранная литература». В общем, он опубликовал более 100 научных работ. 24 из них составили содержание последней книги М. Н. Машкина «Историографические очерки всеобщей истории», большинство из них были написаны в период его работы в секторе Новой и Новейшей истории ИВИ АН СССР (1950 – 1986 гг.).

Прежде всего, следует остановиться на характеристике основных черт, которые выделял М. Н. Машкин, в изучении истории международных отношений и в истории германского колониализма. Это, в основном, второй раздел книги, посвященный германской колониальной политике XIX в. в историографии XX столетия (германская колониальная экспансия в Восточной Африке в 80-х гг. XIX в.; Кайзеровская Германия и марокканский вопрос; Германия в начале Первой мировой войны (фрагмент из статьи «Из истории германской милитаристской пропаганды конца XIX – начала XX в.») [6, с. 18 – 359].

Первая статья, представленная в этом разделе, была написана для коллективной работы, посвященной 90-летию академика АН СССР (с 1939 г.), англо-советского дипломата, первого посла Советской России в Персии, первого директора Института мирового хозяйства и мировой политики, ответственного редактора журнала «Международная жизнь», член РСДРП с 1901 г. Фёдора Ароновича Ротштейна (умер в 1953 г.). В 60-е гг. XX в. усиливается внимание в историографии и публицистике к проблемам истории колониальной политики Германии в целом и к германской политике в Африке в особенности. Эти точки зрения не представляли собой нового явления. Они по существу служили продолжением и развитием в новых исторических условиях старых взглядов германской науки и публицистики на проблемы колониальной истории Германии. Наибольшее количество литературы по этим вопросам появилось между двумя мировыми войнами, когда наряду с пропагандистскими изданиями, открыто требовавшими возвращения Германии колоний, выходили книги исследовательского характера, написанные с тех же идейных пози-

ций защитников германского колониализма. Особенное распространение сочинения по истории колониальной политики Германии получили в период нацизма, стремления Германии к реваншу и мировому господству, когда на книжный рынок хлынул настоящий поток колониалистской литературы.

Со всей очевидностью, М. Н. Машкин показал в своей статье прямую связь развития этого направления истории с актуальной политической конъюнктурой и его ангажированностью интересами национальной политики Германии на международной арене в различные периоды времени. Так, например, М. Н. Машкин подчеркивал, что в конце 70-х – начале 80-х гг. XIX столетия стремление сделать колониальную экспансию панацеей от всех бед и в экономической и в социальной области было широко распространено в море немецких исторических сочинений – книг, брошюр и статей по колониальным вопросам [6, с. 249 – 254].

В ходе исследования зарубежной историографии М. Н. Машкин специально остановился на изучении особенностей колониальной политики Отто фон Бисмарка. Ученый подчеркивал, что ее основой являлось целенаправленное столкновение колониальных интересов Англии, Франции, России, значительно облегчавшее проникновение Германии на интересующие ее территории. Другой стороной этой политики были попытки Германии втянуть Россию в региональные конфликты с целью ослабления ее колониальных притязаний в Восточной Азии – в Китае. Так как политика «*Drang nach Osten*» в момент своего формирования в XIX в. использовалась для обоснования немецкой экспансии на Восток (прежде всего, в Восточную Азию), для подчёркивания стратегической важности конкретной борьбы с Россией, которая являлась главной помехой в осуществлении колониальной экспансии Германии в Китай и Корею.

Не менее интересна оценка Машкиным изучения в германской литературе такого явления как «торговая колония» и понятия «скрытая интервенция», когда колонизация осуществляется через внедрение (различными способами) систем государственного управления, форм и механизмов действия социальных институтов, «культурных» ценностей, направленных непосредственно на саморазрушение данного социума и в конечном итоге, на его гибель, вероятность которой «оправдает» цивилизационную миссию страны-колонизатора. Только так, по мнению Бисмарка, могли быть разрушены основы китайской стабильности, укрепленные в традиционализме. Условием успешной и быстрой экспансии по отношению к традиционным обществам, по мнению М. Н. Машкина, является разрушение их самоидентичности и внедрение инородных по происхождению и разрушительных по воздействию политических, экономических, социальных, культурных механизмов и институтов [6, с. 190 – 195].

Безусловно, интересное развитие в книге М. Н. Машкина получает идея, высказанная в начале 60-х гг. XX в. немецким историком Вальтером Марковым о кризисе и гибели теории европоцентризма. М. Н. Машкин цитирует В. Маркова и подчеркивает, что «взращенный одновременно как колониальной

практикой, так и колониальной теорией европоцентризм, который разрывает всеобщую историю в понимании К. Маркса, на субъект и объект, и тем самым делает ее иллюзорной, терпит сейчас крах» [6, с. 357 – 359]. По прошествии полувека, в ситуации глубочайшего кризиса не только политического, экономического, культурного, в ситуации глубокой изоляции, иницируемой Европой и Америкой, в ситуации кризиса самоидентичности, последовавшего за распадом СССР и постоянно нарастающего, Россия наконец-то обратила свои взоры в Азию и на Ближний Восток. Но формирование менталитета и его изменение процесс крайне консервативный и требует десятилетий, столетий – больших темпоральных периодов. И сегодня, например, крайне сложно представить студента или даже преподавателя, который бы в одинокой степени отлично ориентировался бы в истории исторического знания, как Европы, так и Америки, Азии и Востока в диапазоне всей мировой хронологии. Обратите внимание, что до сих пор, общетеоретические курсы по истории сконцентрированы, по преимуществу, вокруг европейских моделей. Логически продолжая рассуждения М. Н. Машкина, можно понять, что и по прошествии столетия мы по-прежнему являемся носителями колониалистского самосознания, поскольку европоцентризм, безусловно, имел своей основой колониальную экспансию европейцев, начавшуюся в XVI в. и теперь принимающую совершенно новые формы (например, «цветные революции»). В этом контексте весьма перспективным выглядит мир-системный анализ истории, развиваемый в работах О. В. Кима [4, с. 70 – 75].

Особую актуальность в современной ситуации имеют статьи Михаила Николаевича, связанные с изучением механизмов организации региональных военных конфликтов и мировых войн. В условиях информационных войн, в которые теперь уже вовлечены практически все страны мира, совершенно по-новому звучит изучение проблемы идеологической подготовки широких масс в различных странах к войне. Машкин показал, какую роль в формировании милитаристского сознания в Германии в условиях конца XIX – начала XX вв. играла пропаганда [6, с. 281 – 287]. На протяжении длительного времени идеология войны самыми различными путями вносилась в сознание народов. Очень большую роль играла печать как периодическая, превратившаяся в конце XIX – начале XX вв. во внушительную силу, так и непериодическая, в виде брошюрной (памфлетной) литературы, также рассчитанная на массового читателя. Очень заметной была роль милитаристской пропаганды в раздувании шовинистического угара в различных странах во время июльского кризиса 1914 г. и в ходе самой войны.

Литература

1. Дворяне: книга памяти (Вебер Г. К.) // Сайт Международного историко-просветительского правозащитного и благотворительного общества Мемориал. Режим доступа: <http://pkk.memo.ru/page%202/KNIGA/Ve.html> (дата обращения: 10.02.2015).
2. Бобкова М. С. Историографические сюжеты в работе историка (о последней книге Михаила Николаевича Машкина) // Всемирная история. Единое научно-образовательное пространство. 11.02.2015. Режим доступа: <http://www.worldhist.ru/News/384/10566/> (дата обращения: 12.02.2015).

Особым жанром историографии являются рецензии на новые книги. М. Н. Машкин, не пропускавший ни одной новинки, вышедшей из под пера зарубежных и отечественных историков по интересовавшим его научным проблемам, был прекрасным знатоком историографии и автором нескольких десятков рецензий на опубликованные не только научные труды, но и публицистику или художественные произведения.

В свою последнюю книгу он включил несколько рецензий, каждая из которых заслуживает внимания. Мы упомянем об одной – отзыв на роман-эпопею нобелевского лауреата Роже Мартен дю Гара «Семья Тибо» [6, с. 285 – 297]. Михаил Николаевич отмечает, что в «Семье Тибо» Роже Мартен дю Гар рисует запоминающуюся картину начала Первой мировой войны. Эта картина является обобщением собственного опыта писателя-современника и участника войны. С другой стороны, работая над последними частями романа, Роже Мартен дю Гар, который был по образованию архивист и палеограф, изучил большое количество документов и материалов, исторических трудов, публицистики и комплектов прессы, которые имели отношение к Первой мировой войне. Характер материалов отразился на трактовке исторических событий в романе, во многом определил их авторскую оценку, а также оценку выведенных или упомянутых в ходе повествования исторических личностей. Однако, отмечает М. Н. Машкин, картина, нарисованная Роже Мартен дю Гаром не передает всей сложности и взаимосвязи исторических явлений, а иногда отражает неправильные и субъективные положения и утверждения ряда политических деятелей (например, причины войны, роль социал-демократического движения в ее предотвращении, II Интернационала). Высокопрофессиональный подход М. Н. Машкина к анализу популярного исторического романа показывает, что историк, безусловно, имеет некоторые возможности влиять на формирование исторических образов в массовом сознании общества.

Завершая свой небольшой очерк, мы отметим, что имя Михаила Николаевича Машкина относится к старшему поколению отечественных историков. Поколению, создавшему своим трудом выдающийся феномен советской исторической науки, обогатившей профессиональное сообщество целым рядом блестящих исследований по социальной, экономической, политической истории. Поколению скромных тружеников науки, работы которых, безусловно, внесли свой вклад и в формирование Кузбасской научной школы германистики, работы представителей которой и сегодня соответствуют самым высоким научным стандартам и находятся в актуальном историографическом тренде.

3. История Германии: учебное пособие для студентов вузов: в 3-х т. / под ред. Б. Бонвича, Ю. В. Галактионова. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005.
4. Ким О. В. Война и социальная трансформация в Европе Раннего Нового времени // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2(54). Т. 3. С. 70 – 75.
5. Машкин М. Н. Источники по истории внешней политики России 1800 – 1917 гг. М., 1951. 154 с.
6. Машкин М. Н. Очерки историографии всеобщей истории / под ред. М. С. Бобковой. М.: ИВИ РАН, 2015. 448 с.

Информация об авторе:

Бобкова Марина Станиславовна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра истории исторического знания Института всеобщей истории Российской академии наук, профессор МГИМО (У) МИД России, bobkova_marina@list.ru.

Marina S. Bobkova – Doctor of History, Senior Research Associate, Head of the Center for History of Historical Knowledge, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Professor at MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

УДК 94 (410)

ФОРМИРОВАНИЕ АНГЛИЙСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ В АНГЛИИ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XVII ВЕКА

В. Н. Ерохин

FORMATION OF ENGLISH NATIONALISM AND ITS REPRESENTATION IN THE RELIGIOUS AND POLITICAL STRUGGLE IN ENGLAND DURING THE FIRST DECADES OF THE 17TH CENTURY

V. N. Yerokhin

Целью статьи является обзорное рассмотрение существующих к настоящему времени в социальных науках подходов к пониманию этничности и национализма и анализ религиозно-политических аспектов формирования английского национализма в предреволюционные десятилетия в первой половине XVII века. Автор считает, что в понимании этничности и национализма следует избегать крайностей примордиализма и конструктивизма, опираясь на конкретно-исторический материал, дающий возможность более глубоко, по сравнению с чисто социологическим подходом, выразить специфику формирования национализма в английском обществе раннего Нового времени. Рост националистических взглядов в первые десятилетия XVII века в Англии, как показал автор, выразился в том, что начавшая формироваться с 1534 г. протестантская церковь Англии все более дистанцировалась не только от католической церкви, но и от континентальных протестантских церквей, тем самым обретая собственную идентичность.

The paper aims at giving a survey of the approaches practiced among specialists in social sciences who study ethnicity and nationalism at the contemporary stage of investigations. Further on, the author considers religious and political aspects of English nationalism at its moulding stage during the pre-revolutionary decades in the first half of the 17th century. The author believes that the extremes of primordialism and constructivism must be avoided in understanding ethnicity and nationalism when relying upon particular historical facts. Such an approach based on historical methodology gives the opportunity for deeper understanding of the peculiarities of formation of nationalism in Early Modern England as compared with purely sociological methods. The author shows that the rise of nationalist opinions in England during the first decades of the 17th century expressed itself in such a course of events when the Anglican Church created by the break with Rome in 1534 began to distance itself not only from the Catholic Church but also from the Protestant Churches on the continent of Europe thus acquiring its own identity.

Ключевые слова: национализм, Реформация, история Англии раннего Нового времени, английский национализм.

Keywords: Nationalism, Reformation, Early Modern History of England, English Nationalism.

В современной исторической науке, а также в социальных науках в последние несколько десятилетий, и особенно заметно на рубеже XX – XXI вв. в одну из наиболее интенсивно обсуждаемых групп проблем, стало превращаться изучение этничности и национализма. Теоретико-методологические основы в понимании этой проблематики активно разрабатывались, в первую очередь, социологами, в результате чего к на-

стоящему времени сложились три основных теоретических подхода к определению понятий «этнос», «этничность», «нация»: примордиализм, конструктивизм и инструментализм. Если кратко характеризовать эти подходы, примордиализм рассматривает этнос как общность людей, формирующуюся на основе наличия у них объективно существующих, особых неповторимых специфических признаков в материальной и ду-

ховной культуре, психологическом складе и поведенческих характеристиках. Эти признаки, по сути дела, онтологичны, бытийственны, и проявляются в реальной жизни в наблюдаемых исторических формах, позволяющих определить принадлежность человека к тому или иному этносу и отличить один этнос от другого. Изучение этноса, этничности, нации в социальных науках в XX в. поначалу строилось, исходя из примордиалистских позиций [2; 7].

Представители конструктивизма трактуют этнос не как объективно сложившуюся и существующую общность людей, а как социальный и интеллектуальный конструкт, искусственное социальное образование, созданное в результате целенаправленной деятельности интеллектуальных и политических элит, государственной власти. Конструктивизм в западных социальных науках заявил о себе в 1980-е гг. и обрел немало последователей, впоследствии, в том числе, и среди отечественных этнологов [1; 3; 5; 6; 20].

Инструментализм – подход, рассматривающий этнос и этничность, национальную принадлежность как инструмент для достижения различными элитами, социальными группами, отдельными людьми тех или иных экономических, политических и иных целей, в первую очередь для повышения своего социального статуса, борьбы за привилегии и власть. В западных социальных науках инструментализм тоже довольно влиятелен [10].

В современной мировой исторической науке широко распространилось мнение, согласно которому историческое знание для повышения его познавательной продуктивности должно широко взаимодействовать с социальными науками. Междисциплинарность, несет историку расширение эвристического потенциала научно-исторических исследований. Вместе с тем, некоторые зарубежные историки уже давно обращали внимание и на то, что может потерять историческое исследование при безоглядной ориентации на междисциплинарные подходы, и это мнение тоже следует учитывать. В частности, известный британский историк Э. П. Томпсон уже в начале 1970-х гг. в ходе дискуссий в Великобритании о возможностях взаимодействия истории и социальных наук в статье «Антропология и дисциплина исторического контекста» привлек внимание к тому, что такие дисциплины, как антропология, социология, криминология, в сущности, являются неисторическими, отвлекаются от специфики исторического контекста. С этим и связана, на его взгляд, противоречивая и спорная природа многих социологических концепций – они ведь зачастую строятся просто на разной эмпирической базе, или под влиянием разных интуиций. Поэтому Э. П. Томпсон призывал осторожно относиться к кросс-культурным исследованиям, базирующимся на примерах, взятых из совершенно разных культур, без учета исторического контекста [30]. В историческом знании, по его мнению, все-таки не должен теряться его индивидуализирующий компонент. Социологический подход с характерным для него стремлением к обобщениям несет в себе риск потери понимания специфики исторического явления. Э. П. Томпсон для сохранения этой специфики, не отвергая социологического подхода напрочь, рекомендовал использовать также метод примеров и контр-

примеров, и считал, что его еще нужно дополнить детальными исследованиями отдельных случаев (case-studies).

Широко распространившийся в понимании происхождения этноса и нации конструктивистский подход, несомненно имеющий весьма значимый эвристический потенциал, в то же время способствует формированию далеко не во всех случаях справедливого мнения, согласно которому появление и этноса, и нации является результатом проявления инициативного, волевого, организующего начала, которое воплощают социальные элиты, государственная власть. В любой традиции конструктивистский подход призывает видеть интенцию (намеренность), искусственность, результат влияния чьих-то социальных интересов, доходящих до манипуляций. В немалом количестве случаев это бывает справедливым. Но следует признать также, что сформировавшаяся традиция далеко не всегда является результатом целенаправленных манипуляций – традиция может вырастать из жизненно важного, значимого для большинства, экзистенциального по содержанию опыта, в некоторых случаях несущего в себе альтернативу жизни или смерти. Конструктивисты, анализирующие «изобретение традиции», не вполне учитывают то, что иногда поддержание традиции практически не нуждается в манипулятивных ухищрениях. Уместность традиционных памятных мероприятий, связанных, например, с трагедией белорусской Хатыни в марте 1943 г., понятна не только современникам, но и потомкам. Со временем поддержание такого рода традиций будет нуждаться в относительно больших по объему разъяснениях и комментариях – подобные традиции тоже не вечны, но и сконструированными их называть было бы не вполне адекватно. Понятно, что конструктивизм не тождествен фикционализму, и в конструктивистском дискурсе происходит осмысление того, как формируются традиции, историческая память, но конструктивисты своим аналитическим подходом способны, в первую очередь, сделать относительным значение любых событий, не всегда при этом достаточно глубоко поняв и прочувствовав их.

При анализе конструктивистского подхода к пониманию этничности и нации даже возникает мысль, что конструктивизм, заявивший о себе в начале 1980-х гг., прямо отражает интересы глобалистских кругов в современном мире, которым национальное государство мешает в эффективном проникновении в те районы мира, где можно чем-нибудь поживиться. Конструктивизм, в котором подчеркивается конвенциональная природа национального государства, является проекцией в изучение этничности и национализма постмодернистского мировоззрения, которое готово подвергнуть деконструкции все социальные и индивидуальные явления и «вывести их на чистую воду», что не всегда способствует их адекватному пониманию. Человеческая познавательная деятельность такова, что любое осмысливаемое явление проходит через сознание, «воображается», не становясь от этого конструктивистским по характеру и содержанию, не переставая быть также бытийственным, имеющим отношение к действительности. В обсуждении этой проблемы можно только согласиться с недавно сформулированной позицией Н. А. Хачатурян и М. А. Юсима. Согласно их

мнению, именно историки могут внести вклад в то, чтобы в понимании этничности и национализма уравнивать неприемлемые в чистом виде крайности примордиализма и конструктивизма [8, с. 19 – 22]. С одной стороны, действительно, и традиции не вечны, но, в то же время, и нации в подавляющем своем большинстве нельзя сказать, что являются по всем параметрам конструкциями лишь Нового времени. Историческая наука работает с фактами и осторожна, по сравнению с социологией, в каких-либо попытках воспарить к недостоаточно валидным обобщениям. В происхождении наций в новое время во многих случаях можно проследить, что эти нации, особенно в моноэтнических государствах, смогли преемственно сложиться на определенном этническом субстрате, или же с доминирующим участием государство-образующего народа. В этом случае и формирование нации происходит продуктивнее, когда историческое прошлое народа не является для него изобретением, граничащим с фикцией. Как иронически отмечает М. А. Юсим, в конечном счете, специализация в рамках исторической науки, по сути дела, до сих пор этнографична. Большинство историков занимается отечественными историями своих стран. Есть также те, кого интересует история какого-то другого этноса, нации, государства. Но такой подход не означает, что целые поколения исследователей продолжают заниматься чем-то воображаемым и сконструированным [8, с. 37 – 38]. «Вообразив» с исследовательскими целями этнос, нацию, историю страны, не следует отрицать онтологический, бытийственный статус этих явлений.

По давнему широкому признанию многих исследователей, одним из первых европейских национализмов Нового времени можно признать английский национализм [4; 18; 19; 27]. При этом можно утверждать, что одним из выражений процесса формирования национализма в Западной Европе в целом в XVI в. стало начало религиозной Реформации. Знаменательным в этом свете выглядит и то, что, в отличие от универсалистских устремлений католической церкви, стремившейся охватить в вероисповедном, а порой и в политическом отношении всю Европу, протестанты изначально раскололись на различные направления. В возникновении и развитии этих направлений в протестантизме явственно проявлялось влияние конкретно-исторических обстоятельств, существовавших в разных странах, складывались свои местные национализмы.

Интересно проследить, в каких формах проявлялся и на каком языке «разговаривал» этот ранний западно-европейский национализм. В английском случае непосредственным импульсом в развитии национализма стал церковно-административный разрыв с Римом в 1534 г. по инициативе правившего монарха Генриха VIII (1509 – 1547). В соответствии с мировоззренческой спецификой XVI – XVII вв. самые разнообразные проблемы общественной жизни люди, жившие в это время, осмысливали, как правило, на основе религиозных понятий, образности и символики. Так что и ранний английский национализм «заговорил» на религиозно-политическом языке, чтобы подчеркнуть специфику Англии, ее место в мире, оттолкнувшись при этом от своих противников.

После утверждения протестантизма в Англии одним из символов безусловной протестантской ортодоксии для церкви Англии, как отмечают многие исследователи, стало отождествление папы с Антихристом. Эта идея появилась в середине XVI в. в примечаниях к кальвинистской женеvской Библии при ее переводе на английский язык и в книге Джона Фокса (1517 – 1587) «Деяния и памятники церкви Англии», которую называют еще «Книгой мучеников». В результате книга Фокса приобрела основополагающее значение для протестантской церкви Англии. Церковь Англии не приняла тезис о папе как Антихристе на доктринальном уровне и не утверждала, что его признание необходимо для спасения человека. Но этой доктрины в церкви Англии придерживался широкий круг протестантов [9; 14].

Ряд историков обращали внимание на изучение антикатолических настроений в Англии в первые десятилетия XVII в. [13; 23; 32, р. 27 – 62]. Постоянная озабоченность необходимостью борьбы с католицизмом отличала не только духовных лиц, но была характерна также для депутатов парламента, мировых судей в графствах [14]. Рациональная основа антипапизма в Англии, считает Э. Милтон, состояла в служении нескольким важным целям. Прежде всего, ненависть к папизму рассматривалась как позитивное проявление принадлежности к тем, кто исповедует истинную религию. Для пуритан повышенное чувство отвращения к папизму было одним из признаков избранности, их отличало поляризованное мировосприятие, готовность придавать провиденциальное и пророческое значение конфликтам в мирской жизни. Истинная, с пуританской точки зрения, церковь в земной жизни всегда должна была находиться в состоянии перманентной войны с силами тьмы, поэтому конфликт с римско-католической церковью был неизбежен [25, р. 171 – 175; 26, р. 35 – 36]. Страх перед папизмом способствовал также активизации работы по катехизации – углублению знаний в области доктрины [16]. Протестанты в Англии опасались прозелитической активности католиков. В жизни церкви Англии обвинение своих соперников в папизме стало также превращаться в полемическую тактику, направленную на подрыв позиции соперничающей фракции в борьбе за власть и влияние [26, р. 37 – 38, 55].

Идентификация папы с Антихристом сыграла большую роль в понимании церковной истории английскими протестантами. Апокалиптическая традиция утвердилась в английской протестантской историографии и стала способом репрезентации истории в их среде. Они использовали также текст из Откровения Иоанна Богослова 18:4 – божественное повеление покинуть Вавилон, или быть осужденным за его грехи, что стало оправданием Реформации в ответ на обвинения со стороны Рима в том, что протестанты совершили акт схизмы. Стал развиваться своего рода «апокалиптический национализм», в котором высоко оценивалась особая эсхатологическая роль Англии в итоговом разгроме Антихриста и особо подчеркивалась роль благочестивого набожного правителя в этой борьбе. Этот взгляд с присущим ему дуализмом связан с влиянием кальвинистского учения о предопределении.

Заметные изменения в церковно-административной политике произошли в то время, когда архиепископом Кентерберийским был Уильям Лод (1633 – 1645). По сей день в отечественной историографии сохраняется очень схематичное представление о фигуре Лода, деятельность которого несла в себе, в том числе, и выражение стремления англиканской церкви занять свое особое место среди протестантских церквей. Лодианство принесло с собой попытки пересмотра многих идей и позиций, существовавших в английском протестантизме во второй половине XVI в. Период возвышения лодианской группировки стал временем, когда отождествление папы с Антихристом стало превращаться в своего рода маркер принадлежности к пуританам. Лод просто стал избегать высказываний об этом и стремился трактовать разрыв с Римом как, в первую очередь, юридический, правовой акт, представлял Реформацию как мероприятие, проведенное национальными церквями для того, чтобы самоопределились, избавиться от злоупотреблений. Для Лода возможность и право на Реформацию состояли в том, что отдельные церкви все-таки имели право на то, чтобы проводить у себя реформы в том случае, если эти реформы не проводит церковь в целом. Конфликт с Римом, таким образом, переходил в плоскость спора о юрисдикции, а не о чистоте доктрины [26, р. 117 – 121, 123 – 124].

Для многих протестантов точный статус римской церкви оставался неясным. Но все же они обращали внимание на то, что римская церковь сохранила некоторые признаки, которые давали Риму статус церкви при всех его антихристианских действиях. Даже то, что в католической церкви уселся Антихрист, в толковании некоторых умеренных английских протестантов, было свидетельством того, что римская церковь является церковью, и поэтому Антихрист увел ее с пути истинного. Обычно английские протестанты придерживались мнения, что католическая церковь – все же церковь, хотя и не подлинная: существовала теоретическая необходимость обеспечить признание возможности спасения для предков, которые входили в католическую церковь в дореформационный период. Необходима была также и борьба с сепаратистами, поэтому высказывался аргумент, что действенные таинства могут совершаться и в церкви, которая в чем-то ошибается в своей доктрине и в которой есть малограмотные и не способные проповедовать священники. Сущность же католической церкви для Лода состояла в том, что католическая церковь отвечала некоторым существенным характеристиками, позволявшим относить ее к христианским церквям – проводила крещение, верила во Христа, Писание и таинства. Римская церковь отрицала, что спасение возможно в протестантских церквях, в то время как протестанты считали возможным спасение в рамках римской церкви [26, р. 132 – 136, 153 – 155, 167].

Некоторые представители группировки Лода (например, Ричард Монтагю) считали, что церковь Англии могла бы примириться с Римом на условиях, подобных статусу галликанской церкви во Франции, резко осуждая только деятельность иезуитов и инквизиции. Но такого рода идеи среди подавляющего большинства сторонников Лода не имели отклика, к тому

же в Риме в XVII в. в официальной форме отрицали, что католическая церковь во Франции имеет какой-то особый статус – Рим опасался породить дальнейшие дезинтеграционные тенденции в католическом мире [26, р. 227, 265]. Самого Лода, по мнению Э. Милтона, «мало интересовала возможность воссоединения с Римом на условиях, подобных положению галликанской церкви». Лод был решительным образом против совместного причастия с католиками (intercommunion). Хотя лодианцы отошли от прежнего антипапизма англиканской церкви времен Елизаветы и Якова I, никто из влиятельных представителей этой группировки даже не думал об обращении в католицизм, сосредоточивая свои интересы на защите независимости церкви Англии. Лодианцы искренне не видели причин для перехода в католическую церковь, которую рассматривали как не реформированную, исповедующую доктрину, уступавшую по убедительности доктрине церкви Англии [26, р. 366 – 369; 31].

Историки обсуждают также вопрос об отношениях церкви Англии с лютеранами. Лютеранскую доктрину в Англии признавали протестантской, хотя труды лютеран, как считает Э. Милтон, в Англии знали плохо. Среди англиканских богословов преобладало мнение, что церковь лютеран недостаточно реформирована – в ней сохранились картины на религиозные сюжеты, напоминавшие образа. Главными спорными вопросами в полемике с лютеранами были лютеранское понимание Евхаристии как консубстанции и вездесущность Христа в Евхаристии (ubiquity), понимание свободы воли и предопределения. Позиция лютеран считалась безупречной в вопросе об оправдании верой. Англикане-сторонники епископального строя в управлении церковью критиковали лютеран относительно меньше, чем остальные кальвинисты. Существовало также политическое недоверие к лютеранам из-за частой готовностью немецких лютеран сговариваться с имперскими властями в Германии в ущерб кальвинистам в XVI в., что повторилось и в XVII в.: во время Тридцатилетней войны (1618 – 1648) лютеранская Саксония помогала католикам в борьбе с германскими кальвинистами. В то же время потребность в политических контактах с лютеранами не исчезала – лютеранская Швеция в 1630-е гг. превратилась в одну из опор Реформации в Европе [26, р. 386, 389].

Лодианцы в середине 1630-х годов установили контакты со шведской лютеранской церковью. Обдумывалась даже возможность создания общего вероисповедания для церквей Англии, Швеции и Дании. За этим стояла возможность создания северного протестантского союза против Габсбургов, в который организаторы не хотели приглашать кальвинистские церкви Нидерландов. Историки все же придерживаются мнения, что переговоры о возможности объединения с лютеранами для создания северного протестантского союза были для Англии лишь политическим маневрированием. Лод в своих высказываниях близко подходил к тому, чтобы отказать в статусе церквей тем континентальным протестантским церквям, в которых не было епископального строя управления, как у лютеран [26, р. 444, 454 – 455; 28; 29].

Исследователи также обращают внимание на то, что в первые десятилетия XVII в. в церкви Англии

происходило переосмысление отношения к кальвинизму. Тем не менее, признано, что 39 статей были вполне совместимыми с кальвинизмом, который доминировал в английских университетах, где получало образование английское духовенство [22, р. 52 – 53]. Лод же исходил из того, что церковь Англии должна быть самостоятельной по отношению к континентальным реформированным церквам и к кальвинизму. Среди англиканских богословов нарастало стремление к утверждению собственной идентичности без отождествления себя с каким-то другим направлением в Реформации [26, р. 432 – 438]. В церкви Англии с начала XVII в. появились притязания на то, что она является лучшей среди всех протестантских церквей по уровню образованности духовенства. В отношении же иностранных реформированных церквей говорилось о низких доходах священников, их слабой образованности, что не давало им необходимой степени влияния и возможности бороться с различными сектами. Карл I заявлял, что Реформация церкви Англии происходила самостоятельно и не имеет отношения к Реформации какой-либо другой церкви [24; 26, р. 496 – 502].

Во взаимоотношениях с континентальными протестантами у англичан с начала XVII в. также стали проявляться соперничество и ксенофобия. Лодианцы были против того, чтобы вмешиваться в европейские дела на стороне протестантов, и считали, что интересы внешней политики страны должны определять, с кем из зарубежных протестантов можно поддерживать контакты [21; 26, р. 503 – 515]. Становление англиканской церкви состояло в том, чтобы отойти от ранней реформационной идентичности и занять свое собственное место. Идентичность англиканской церкви и будущая *via media* (средний путь) были возможны только при разрыве с континентальным кальвинизмом [26, р. 527, 531; 33]. При этом большинство населения – носители массового сознания не могли вникнуть в такие детали. Внешне же действия лодианской группировки напоминали попытку рекатолизации церкви Англии, вызывая опасения светских лиц, которые и по религиозным, и по материальным причинам не хотели возвращения католицизма. Католицизм к 1640 г. уже представлялся большинству англичан чуждым и опасным.

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
2. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983.
3. Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.
4. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М., 2008.
5. Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
6. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998.
7. Широкогоров С. М. Этнос. Исследование основных принципов изменений этнических и этно-природных явлений. Шанхай, 1923.
8. Этноты и «нации» в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / под ред. Н. А. Хачатурян. СПб., 2015.
9. Banckham R. Tudor Apocalypse. Abingdon, 1978.
10. Bell D. Ethnicity and Social Change // Glazier, Nathan and Moynihan, Daniel (Eds). Ethnicity: Theory and Experience. Cambridge (Mass.), 1975.
11. Capp B. The Political Dimension of Apocalyptic Thought // Patrides, C. A. and Wittreich, J. (Eds.). The Apocalypse in English Renaissance Thought and Literature. Manchester, 1984.
12. Christianson P. Reformers and Babylon. Toronto, 1978.
13. Clifton R. The Popular Fear of Catholics during the English Revolution // Past & Present. 52. 1971.
14. Fincham K. Prelacy and Politics: Archbishop Abbot's Defence of Protestant Orthodoxy // Historical Research. № 61. 1988.
15. Firth K. The Apocalyptic Tradition in Reformation Britain 1530 – 1645. Oxford, 1979.
16. Green I. «For Children in Years and Children in Understanding»: the Emergence of the English Catechism under Elizabeth and the Early Stuarts // Journal of Ecclesiastical History. 37. 1986.
17. Haller W. Foxe's Book of Martyrs and the Elect Nation. London, 1963.
18. Hastings A. The Construction of Nationhood: Ethnicity, Religion and Nationalism. Cambridge, 1997.
19. Hill C. Antichrist in Seventeenth-Century England. Oxford, 1971.
20. Hobsbawm E., Ranger T. (eds.). The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
21. Hoyle D. M. Near Popery Yet No Popery. Theological Debate in Cambridge, 1590 – 1644. Cambridge University PhD, 1991.
22. Kendall R. T. Calvin and English Calvinism. Oxford, 1979.
23. Lake P. Anti-Popery: the Structure of a Prejudice // Cust, R. and Hughes, A. (Eds.). Conflict in Early Stuart England. London, 1989.
24. Lake P. The Laudians and the Argument from Authority // Kunze, B. Y. (Ed.). Court, Country and Culture. Rochester, 1992.
25. Lake P. The Significance of the Elizabethan Identification of the Pope as Antichrist // Journal of Ecclesiastical History. 31. 1980.
26. Milton A. Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought. Cambridge University Press, 1995.
27. Newman G. The Rise of English Nationalism: A Cultural History, 1740 – 1830. London, 1987.

28. Sommerville M. R. Richard Hooker and his Contemporaries on Episcopacy: An Elizabethan Consensus // Journal of Ecclesiastical History. 35. 1984.
29. Sommerville J. P. The Royal Supremacy and Episcopacy «Jure Divino», 1603 – 1640 // Journal of Ecclesiastical History. 34. 1983.
30. Thompson E. P. Anthropology and the Discipline of Historical Context // Midland History. № I. 1972. P. 41 – 55.
31. Tighe W. J. William Laud and the Reunion of the Churches: Some Evidence from 1637 and 1638 // Historical Journal. 30. 1987.
32. Weiner C. Z. The Beleaguered Isle. A Study of Elizabethan and Early Jacobean Anticlericalism // Past & Present 51. 1971.
33. White P. The Via Media of the Early Stuart Church // Fincham K. (Ed.). The Early Stuart Church. London, 1993.

Информация об авторе:

Ерохин Владимир Николаевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры документоведения и всеобщей истории Нижневартковского государственного университета, erohin_vladimir@inbox.ru.

Vladimir N. Yerokhin – Doctor of History, Associate Professor, Professor at the Department of Documentation Studies and Universal History, Nizhnevartovsk State University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

УДК 930:001.12(89), 94(4/9)

**ИЗУЧЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ:
ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Т. И. Зайцева

**INVESTIGATION OF GENDER ATTITUDES OF THE RULING ELITE IN THE MIDDLE AGES
AND EARLY MODERN AGE IN MODERN HISTORIOGRAPHY:
MAIN STAGES AND DIRECTIONS OF RESEARCH**

T. I. Zaytseva

На основе анализа немецких, французских и отечественных исследований гендерных отношений правящей элиты Германии и Франции эпохи Средневековья и начального периода раннего Нового времени (X – первая половина XVI в.) в статье характеризуются этапы и направления научного поиска в обозначенной области.

Речь идет о публикациях второй половины XX – начала XXI в., в которых рассматриваются матримониальные практики правящей элиты и политическая роль женщин-правительниц. Привлечены работы германистов и франковедов, работающих в русле женской и гендерной истории; а также сторонников традиционных подходов, активно обращающихся к вопросам взаимоотношений полов.

Делаются выводы, что изучение «истории женщин» из среды правящей элиты X – XV вв. в зарубежной и отечественной науке развернулось в конце 1970-х – 1980-е гг., тогда же связанные с женщинами-правительницами сюжеты стали активно обсуждаться в общих исследованиях политической и социальной истории.

В 1990-е гг. вопросы женской истории оказались включенными в исследования феномена двора. В обозначенные десятилетия ученые стали обращаться и к более позднему периоду – первой половине XVI в., как в рамках общей проблематики, так и собственно в русле «истории женщин». Тогда же появились первые публикации по гендерной истории.

В 2000-е гг. с распространением гендерной методологии и исходя из ее специфики изучение рассматриваемой проблематики стало осуществляться через призму анализа ряда общественных институтов и социальных и культурных феноменов. В то же время на протяжении всех трех этапов внимание ученых привлекали фигуры особенно выдающихся женщин-правительниц, а также ряд известных исторических сюжетов.

The paper provides a characteristic of the stages and directions of scientific research on gender attitudes of the ruling elite of Germany and France in the Middle Ages and the first part of the Early Modern Age (10th – first half of the 16th centuries) on the basis of the analysis of German, French and Russian works.

It refers to the publications of the second half of the 20th – early 21st centuries where the matrimonial practice of the ruling elite and the political role of women-governesses are under consideration. The study involved several research works of German and French historians, working in the field of female and gender history; and also supporters of the traditional approach who are actively addressing the questions of gender interrelations.

The author concludes that the investigation of the “history of women” from the ruling elite in the 10th – 15th in foreign and Russian science developed in the late 1970s – 1980s and it was then when plots connected with women-governesses began to be actively discussed in general research of political and social history.

In the 1990s the questions of the female history became the part of Court phenomenon research. At the same time scientists began to address to the later period – the first half of the 16th century, drawing their attention to the general

problematics, as well as to the “history of women” itself. It was the period when the first publications on gender history appeared.

In the 2000s, along with the distribution of gender methodology and due to its specificity, historians started to carry out their research of the considered problematics in terms of the analysis of some public institutions and social and cultural phenomena. Meanwhile, during all three periods scientists’ attention was attracted to the figures of especially outstanding women-governesses, and also to a number of well-known historical plots.

Ключевые слова: современная историография, гендерные отношения, средневековая правящая элита.

Keywords: modern historiography, gender attitudes, ruling elite of the Middle Ages.

В зарубежной и отечественной медиевистике традиционно весьма значительное место занимает изучение правящей элиты феодального общества. Интерес к названной социальной группе тесно связан с ее ролью в развитии средневековой цивилизации – эпохи, когда основная масса населения не только представляла собой по преимуществу «безмолвствующее большинство», но и имела достаточно опосредованное влияние на динамику общественного развития. Не случайно развернувшийся с середины XX столетия «антропологический поворот» исторической науки, значительно изменив исследовательские приоритеты ученых, привел не к угасанию интереса к правящей элите Средневековья, но к постановке в связи с ней целого спектра новых вопросов. Не избежали особого интереса к этой социальной группе и возникшие во второй половине XX в. исторические женские и гендерные исследования, в рамках которых ее изучение заняло довольно заметное место.

Цель статьи – на основе анализа комплекса немецких, французских и отечественных исследований гендерных отношений правящей элиты двух европейских стран, Германии и Франции, в эпоху Средневековья и начальный период раннего Нового времени (X – первая половина XVI вв.) охарактеризовать основные этапы и направления научного поиска в обозначенной области.

Речь идет о публикациях конца 1970 – 1990-х гг., а также трудах начала XXI в., в которых рассматриваются матримониальные практики правящей элиты двух регионов и связанные с ними нормы и девиации, а также политическая роль женщин-правительниц. Были привлечены работы германистов и франковедов, не только работающих в русле женской и гендерной истории; но и медиевистов, не специализирующихся на гендерной проблематике, однако активно обращающихся к вопросам взаимоотношений полов.

В конце 1970-х – 1980-х гг. обозначенная проблематика была рассмотрена в ряде монографий немецких историков, посвященных распространенным в средние века формам жизнедеятельности. А. Борст охарактеризовал брачные стратегии и практики правящей элиты [41]. О. Борст обратился к фактам женского соправления, а также к фигурам отдельных правительниц [42]. Х.-В. Гетц затронул ряд вопросов относительно матримониальной практики правящей элиты, женской политической роли, причастности мужчин-правителей куртуазной культуре [53].

Поднимались вопросы взаимоотношений полов и в рамках изучения немецкими исследователями других тем политической и социальной истории. Так, изучая процесс эволюции форм господства в средневековой Германии, Б. Штрайх выделил различные

варианты существования женских дворов [66]; О. Г. Эксле на примере деятельности Елизаветы Тюрингской проанализировал характер религиозности женщин-правительниц [37].

Непосредственно исследуя женскую историю, Э. Эннен в получившей широкую известность монографии рассмотрела два основных сюжета, связанных с правящей элитой Германии – деятельность выдающихся императриц раннего Средневековья; а также брачную политику княжеских и императорских династий поздних средних веков, венцом которой стала деятельность Габсбургов [49]. Другая немецкая исследовательница «истории женщин», С. Рейтер в своей публикации обратилась к целому комплексу вопросов относительно рассматриваемой социальной группы – от матримониальной практики и деторождения до политического влияния и форм репрезентации представительниц «второго» пола [65]. В 1980-е гг. вышли также статьи У. Либек-Грюн, показавшей отставание Германии в области развития женского литературного творчества, в том числе среди представительниц правящей элиты [58], и К. Опитц о политическом значении бракосочетаний различных групп аристократии [61].

Таким образом, в конце 1970-х – 1980-е гг. немецкие медиевисты стали активно включать связанную с женщинами-правительницами проблематику в свои исследования политической и социальной истории; тогда же сформировалась собственно женская история правящей элиты средневековой Германии. При этом характерно, что обе группы исследователей разрабатывали сходные темы, что может быть связано с ростом популярности нового междисциплинарного направления – женских исследований и влиянием обозначившихся в его рамках направлений научного поиска.

Указанные тенденции сохранились и на протяжении следующего десятилетия. Так, в первой половине 1990-х гг. М. Вайтманн в своей книге о Габсбургах подробно остановился на знаменитой брачной политике этой династии [69]. На рубеже 1990 – 2000-х гг. в ходе развернувшихся исследований социального пространства двора классического и позднего Средневековья к проблеме взаимоотношений полов в среде правящей элиты обратились В. Паравичини [62] и И. Бумке [43]. Историки проанализировали важнейшие матримониальные союзы немецких правителей, осуществление посредством этих союзов французского культурного влияния, наконец, роль женщин-правительниц в формировании и эволюции придворной культуры Германии. В целом следует отметить, что в медиевистике классического толка внимание исследователей оказалось сосредоточено главным образом на политическом значении брачно-семейной

сферы находившихся у власти мужчин, хотя присутствует и интерес к фигурам отличавшихся особым политическим влиянием правительниц.

В начале XXI в., уже в рамках собственно гендерной историографии, к правящей элите обратились Б. Эльперс, изучившая роль женщин в институтах родства и господства, их значение в сохранении династической памяти, а также сущность и эволюцию практики материнского регентства [48]; К. Вальш, затронувшая вопросы символической репрезентации и политической ответственности немецких княгинь [68]; Х.-Ф. Фельскау, в своей статье показавшая влияние набожности Елизаветы Тюрингской на правительниц восточных частей Империи [50]. В этой группе публикаций, помимо рассмотрения политической роли женщин, внимание ученых оказалось обращено также на так называемую частную сферу их бытования, для правящей элиты самым тесным образом связанную со сферой публичной или политической, а также на область религиозной жизни. Характерным стало также изучение женской и гендерной истории с точки зрения каких-либо культурных феноменов или социальных институтов (таких как господство, регентство, родство, династия и пр.), историко-социологическое измерение проводимых исследований.

В отечественной историографии к взаимоотношениям полов в среде немецкой правящей элиты Средневековья еще в конце 1970-х гг. обратился Н. Ф. Колесниченко, подробно остановившийся на брачных стратегиях правителей и случаях женского влияния на властную сферу [20]. Традиции учета двух названных факторов при изучении политической истории Средневековья, заданные этим советским ученым, а также знакомые российским историкам по публикациям немецких коллег, можно обнаружить и в некоторых исследованиях современных медиевистов. Так, Н. Ф. Усков на примере Оттона I [34], А. Б. Герштейн и О. С. Воскобойников на примере Фридриха II [12 – 13] показали особенности организации брачно-семейной жизни правителей Германии; В. Д. Балакин представил биографические данные и охарактеризовал политическую роль ряда немецких императриц [3 – 4] (см. также вводную статью этого автора к осуществленному им переводу текста источника [2] – прим. автора).

На протяжении 2000-х гг. появилось несколько работ отечественных историков, специализирующихся на женских и гендерных исследованиях. В том числе следует назвать статьи Е. Ю. Арнаутовой, на материалах агиографии охарактеризовавшей образы королей и супружеских пар правителей, а также символику телесной красоты представителей правящей элиты [1]; и Л. В. Вонсович, на примере известных правительниц раннего Средневековья рассмотревшей проблему женской политической власти [11]. К фигуре знаменитой императрицы Адельгейды в числе прочих исторических примеров обратилась и Л. П. Репина, разбирая общий вопрос о вовлеченности женщин в эпоху средних веков в сферу политической власти, степень их причастности к «делам государства» [28 – 29]. Наконец, И. А. Мальцева [23] и Н. И. Девятайкина [15] проанализировали образы ряда немецких императриц в сочинениях итальянских гуманистов.

Исследования относительно представительниц немецкой правящей элиты первой половины XVI в. появились с некоторым отставанием, в 1990-е гг. Так, Р. В. Дюльмен [47] обратился к некоторым фигурам из их среды в рамках своей монографии о повседневной жизни этой эпохи. Первые публикации по женской истории интересующей нас социальной группы также относятся к этому периоду [67; 71]. На протяжении 2000-х гг. история правящей элиты XVI в. стала объектом уже целого ряда публикаций по женской и гендерной истории (Д. Фрайста [51], Х. Вундер [70], Г. Нольте [60], П. Пуппель [64] и др. авторов). Исследователи обратились к роли женщин-правительниц в государственном управлении, институте династии, культурных процессах эпохи.

В отечественной германистике вопросы взаимоотношений полов в связи с правящей элитой начального этапа раннего Нового времени попали в поле внимания историков в 2000-е гг. в связи с активизацией изучения политической истории и рассматриваемого в рамках последней института династии (М. А. Бойцов [11], Д. А. Будюкин [9], А. Ю. Проккопьев [27]); хотя можно встретить и единичные исследования собственно женской истории [14].

В области франковедения в отношении изучения женской и гендерной истории средневековых правящих элит ситуация развивалась сходным с германистикой образом. Так, в изданных в 1980-е гг. монографиях в ходе изложения общей истории страны французские историки-медиевисты Ж. Дюби [17], А. и Е. Боннефены [40] подробно проанализировали гендерную составляющую деятельности Капетингов. В написанном на протяжении 1980 – 1990-х гг. и получившем весьма широкую известность исследовании «Людвиг IX Святой» Ж. Ле Гофф на отдельном примере рассмотрел матримониальную практику и семейные связи в королевской среде, а также политическое значение женщин из окружения французского правителя [21].

В те же десятилетия в своих, ставших классическими публикациях по «истории женщин», Ж. Дюби обратился к роли династических браков, положению женщин-правительниц в придворном ритуале и куртуазных отношениях, фигурам отдельных представительниц правящей элиты [16; 46]. В рамках заданных этим ученым традиций действовали и другие французские историки. В частности, А. Жорис в своей статье на ряде исторических сюжетов показал специфику поведения правителей в приватной сфере [55].

В отечественной историографии вопросы взаимоотношений полов в среде французской правящей элиты Средневековья в 1990-е гг. затрагивал в ходе своих комплексных демографических исследований Ю. Л. Бесмертный [7 – 8]. Другой известный российский историк, специалист в области политической истории позднесредневековой Франции Ю. П. Малинин в одной из статей проанализировал общую стилистику гендерных отношений в придворном пространстве [22]. Н. И. Басовская в процессе изучения Столетней войны на примере этой эпохи рассмотрела брачно-семейный аспект политики, а также специфику общественного образа французской королевы [5 – 6].

На рубеже 1990 – 2000-х гг. изучаемая нами проблематика стала объектом внимания уже в рамках собственно женских, а позднее и гендерных исследований российских историков-франковедов. Так, М. А. Буланакова, анализируя брачные практики и специфику социального статуса женщин из высших слоев средневекового общества, обратилась и к особенностям положения представительниц правящей элиты, их политическим возможностям, «сетям влияния», роли в воспитании наследников престола [10]. О. И. Тогоева в ряде статей реконструировала существовавшие в позднесредневековой Франции представления о социальных ролях и желательных формах поведения женщин-правительниц [31 – 33].

Отношения полов в среде правящей элиты Франции первой половины XVI в. были представлены в 1980 – начале 1990-х гг. в цикле монографий французских историков, вышедших в серии «Повседневная история» – Ж. М. Констана [44], И. Клуласа [19], Г. Шоссинан-Ногаре [36]. Авторы затронули вопросы распределения собственности, взаимодействия в бытовой сфере, личностных взаимоотношений в семьях и за их пределами, ряд других сюжетов. В 1990-е гг. изучение истории женщин из среды правящей элиты обозначенной эпохи было предпринято в рамках коллективных проектов «История женщин на Западе» и «Женщина и власть». В том числе речь идет о публикациях В. Наум-Грапп [24], Н. Пелегрэн [63], М. Лазар [56], в которых рассматривается широкий спектр вопросов, начиная с общественно-политических функций и ролей и заканчивая особенностями внешней репрезентации.

В 2000-е гг. было осуществлено несколько специальных исследований, посвященных политическому значению французских королей в начальный период раннего Нового времени. Среди них можно назвать соответствующие разделы монографий М. Лазар [57], Д. Годино [52], С. Бовале-Бутуйри [38]; статьи Ф. Козандей [19; 45]. Свои оценки связанным с женщинами-правительницами сюжетам французской истории (прежде всего относительно их роли в придворной жизни и культуре в целом) высказали немецкие исследовательницы Г. Бок [39], К. М. Мюллер [59], А. Грев [54].

В отечественной историографии в начале 2000-х гг. к вопросам, связанным с женщинами из правящей элиты Франции первой половины XVI в. в рамках изучения института двора обратились Т. Стрыгина [30], В. В. Шишкин [35], С. А. Польская [25]; на отдельных представительниц этой социальной группы в процессе анализа женских «сетей влияния» в сфере политической власти ссылаются Л. П. Репина

[28 – 29]. Ряд сюжетов, связанных с матримониальной политикой властителей обеих стран, Германии и Франции в раннее Новое время, затронул в своей статье Н. В. Попов [26].

Таким образом, в историографии второй половины XX – начала XXI в. весьма активно изучаются проблемы взаимоотношения полов в среде правящей элиты, что хорошо видно на примере анализа наработорки исследователей относительно Германии и Франции X – XVI вв.

Изучение истории женщин из среды правящей элиты двух стран как в зарубежной (немецкой и французской), так и в отечественной науке развернулось, начиная с конца 1970-х гг. и особенно в 1980-е гг., в формате статей и разделов монографий. Кроме того, связанные с взаимоотношениями полов и женщинами-правительницами сюжеты нередко поднимались в рамках общих исследований по политической и социальной истории, что было связано не только со спецификой изучаемого общества, но и с научным влиянием довольно активно развивавшихся в обозначенные годы междисциплинарных женских исследований.

В 1990-е гг. сложившиеся в предшествующий период тенденции в основном сохранились, хотя можно отметить и некоторые изменения, связанные как с общенаучными влияниями, так и логикой развития самого рассматриваемого направления. Так, сюжеты женской и гендерной истории оказались включенными в развернувшиеся на этом этапе развития медиэвистики и приобретшие весьма большую популярность исследования феномена двора. Кроме того, если первоначально внимание историков было сосредоточено на периоде X – XV вв., то в обозначенные десятилетия ученые стали обращаться и к более позднему периоду – первой половине XVI в., как в рамках более общей проблематики, так и собственно в русле женской истории как исследовательского направления. Наконец, появились первые публикации по гендерной истории.

В 2000-е гг. с распространением гендерной методологии и, исходя из ее специфики, изучение рассматриваемой в статье проблематики стало осуществляться через призму анализа тех или иных общественных институтов, социальных и культурных феноменов. В то же время, на всем протяжении всех трех этапов особое внимание ученых привлекали фигуры выдающихся или известных женщин-правительниц (таких как Адельгейда, Феофано, Елизавета Тюрингская в Германии, Бланка Кастильская, Изабелла Баварская во Франции), а также ряд популярных исторических сюжетов (брачная политика Габсбургов, семейная жизнь Людовика IX и пр.).

Литература

1. Арнаутова Е. Ю. Женщина в «культуре мужчин»: брак, любовь, телесная красота глазами агиографов X века // *Адам и Ева*. № 1. М., 2001. С. 46 – 89.
2. Балакин В. Д. Жизнеописание императрицы Адельгейд от Одилона, аббата Клунийского. Вводная статья // *Диалог со временем*. Вып. 3. М., 2000. С. 309 – 311.
3. Балакин В. Д. Оттон III // *Вопросы истории*. 2001. № 9. С. 65 – 84.
4. Балакин В. Д. Творцы священной Римской империи. М., 2004. 356 с.
5. Басовская Н. И. Столетняя война: леопард против лилии. М., 2003. 428 с.
6. Басовская Н. И. Ищите женщину... // Н. И. Басовская. Цель истории – история. М., 2002. С. 376 – 388.
7. Бессмертный Ю. Л. Брак, семья и любовь в средневековой Франции // *Пятнадцать радостей брака*. М., 1991. С. 282 – 310.

8. Бессмертный Ю. Л. Жизнь и смерть в средние века. М., 1991. 240 с.
9. Будюкин Д. А. Династия и семья немецкой аристократии XV – XVII вв.: структура, иерархия, управление // Политическая культура в истории Германии и России. Кемерово, 2009. С. 319 – 324.
10. Буланаква М. Ментальные стереотипы и образ знатной женщины в период утверждения церковного брака в средневековой Франции. // Педагогический вестник. № 2. Ярославль, 1997. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Article/Bul_MenSt.php.
11. Вонсович Л. В. Знаменитые женщины средневековой Германии (X – XII вв.) // Женщины в истории: возможность быть увиденными. Вып. 2. Минск, 2002. С. 63 – 66.
12. Воскобойников О. С. Душа мира: Наука, искусство и политика при дворе Фридриха II (1200 – 1250). М., 2008. 559 с.
13. Герштейн А. Б. Традиции и новаторство в императорской идее Фридриха II Гогенштауфена // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. М., 2008. С. 301 – 318.
14. Гончарова В. И. Приватное и публичное в судьбе женщины-правительницы (история Маргариты Австрийской) // Гендерная теория и историческое знание. Сыктывкар, 2005. С. 57 – 61.
15. Девятайкина Н. И. Петрарка, императрица Анна и тема знаменитых женщин: гендерный ракурс // Адам и Ева. № 11. М., 2006. С. 258 – 272.
16. Дюби Ж. Женщины при дворе // История женщин на Западе. Молчание средних веков. СПб., 2009. С. 249 – 264.
17. Дюби Ж. История Франции. От Гуго Капета до Жанны д'Арк. М., 2001. 416 с.
18. Клулас И. Повседневная жизнь в замках Луары в эпоху Возрождения. М., 2001. 358 с.
19. Козандей Ф. Анна Бретонская и монархические церемонии: репрезентация королевы Франции на рубеже XV – XVI вв. // Адам и Ева. № 3. М., 2002. С. 29 – 42.
20. Колеснический Н. Ф. «Священная Римская империя»: притязания и действительность. М., 1977. 199 с.
21. Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой. М., 2001. 800 с.
22. Малинин Ю. П. «И все объаты пламенем любовным, без помыслов дурных» // Казус. Вып. 1. М., 1997. С. 41 – 54.
23. Мальцева И. А. Женские образы в «Истории Богемии» Энея Смильвия Пиколомини // Возрождение: общественно-политическая и историческая мысль, человек в гуманизме. Иваново, 2003. С. 41 – 53.
24. Наум-Грапп В. Красивая женщина // История женщин на Западе. Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения. СПб., 2008. С. 98 – 114.
25. Польская С. А. Королевские постцеремониальные пиры в регламенте церемоний французского королевского двора // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда. М.; СПб., 2001. С. 235 – 242.
26. Попов Н. В. Династические браки и «брачная дипломатия» в Западной Европе раннего нового времени // Новая и новейшая история. 1998. № 6. С. 143 – 169.
27. Прокопьев А. Ю. Династии и дворянство в конфессиональной Германии: к проблеме идентичности элит // Нобилитет в истории Старой Европы. СПб., 2010. С. 194 – 228.
28. Репина Л. П. Гендерная иерархия и «власть женщин» // Искусство власти. СПб., 2007. С. 486 – 504.
29. Репина Л. П. От «домашних дел» к «делам государства»: гендер и власть в историческом контексте // Диалог со временем. Вып. 19. М., 2007. С. 5 – 27.
30. Стрыгина Т. В. Высшее аристократическое общество во Франции XVI в.: представление об идеальном придворном в «Гептамероне» Маргариты Валуа, королевы Наваррской // Человек XVI столетия. М., 2000. С. 83 – 89.
31. Тогоева О. И. Virgo/Virago. Женщина у власти на средневековом Западе // Власть и образ. Очерки по-тестарной имагологии. СПб., 2010. С. 256 – 274.
32. Тогоева О. И. Карл VII и Жанна д'Арк: утрата девственности как утрата власти // Поблекшее сияние власти. М., 2006. С. 52 – 83.
33. Тогоева О. И. Красавица и Чудовище (Из практической мифологии) // Власть и образ ... С. 233 – 255.
34. Усков Н. Ф. Кочующие короли: государь и его двор в монастыре // Двор монарха в средневековой Европе ... С. 33 – 67.
35. Шишкин В. В. Мужчины в доме французской королевы (XVI – XVII вв.) // Двор монарха в средневековой Европе ... С. 150 – 164.
36. Шоссинан-Ногаре Г. Повседневная жизнь жен и возлюбленных французских королей. М., 2003. 249 с.
37. Эске О. Г. Бедность и призрение бедных около 1200 г.: к вопросу о понимании добровольной бедности Елизаветы Тюрингской // Эске О. Г. Действительность и знания. Очерки социальной истории Средневековья. М., 2007. С. 188 – 232.
38. Beauvalet-Boutouyrie S. Les femmes à l'époque moderne (XVI-e – XVIII-e siècles). P., 2003. 270 p.
39. Bock G. Querelle des femmes: ein europäischer Streit um die Geschlechter. Macht der Väter, Macht der Männer, Macht der Frauen // Bock G. Frauen in der europäischen Geschichte. München, 2005. S. 46 – 52.
40. Bonnefin A., Bonnefin E. La monarchie française. 987 – 1789. P., 1987. 398 p.
41. Borst A. Lebensformen im Mittelalter. F.–a.–M., 1979. 783 s.
42. Borst O. Alltagsleben im Mittelalter. F.–a.–M., 1984. 659 s.
43. Bumke J. Höfische Kultur: Literatur und Gesellschaft im hohen Mittelalter. München, 2008. 860 s.
44. Constant J.-M. La vie quotidienne de la noblesse française XVIe et XVIIe siècles. P., 1985. 317 p.

45. Cosandey F. Puissance maternelle et pouvoir politique. La regence des reines mères // *Clio. Femmes, Genre, Histoire*. 21. 2005. <http://clio.revues.org/1447>.
46. Duby G. Dames du XII-e siècle. I. Héloïse, Aliénor, Iseut et quelques autres. P., 1995. 173 p.
47. Dülmen R. v. Kultur und Alltag in der Frühen Neuzeit. Bd. 1-2. München, 1990 – 1992.
48. Elpers B. Während sie die Markgrafschaft leitete, erzog sie ihren kleinen Sohn. Mütterliche Regentschaften als Phänomen adliger Herrschaftspraxis // *Fürstin und Fürst. Familienbeziehungen und Handlungsmöglichkeiten von hochadeligen Frauen im Mittelalter*. Ostfildern, 2004. S. 153 – 166.
49. Ennen E. Frauen im Mittelalter. München, 1985. 320 s.
50. Felskau Ch. Imitatio und institutionalisierte Armenfürsorge. Das «Modell Elisabeth» und die mulieres religiöse in Ostmitteleuropa (ca. 1200 – 1280) // *Elisabeth von Thüringen und die neue Frömmigkeit in Europa*. F.-a.-M., 2008. S. 53 – 76.
51. Freist D. Geschlechtergeschichte: Normen und soziale Praxis. Politische Partizipation und Herrschaft // *Frühe Neuzeit*. München, 2000. S. 193 – 196.
52. Godineau D. Les femmes dans la société française 16e–18e siècles. P., 2003. 253 p.
53. Goetz H.-W. Leben im Mittelalter: vom 7. bis 13. Jahrhundert. München, 1986. 302 s.
54. Grewe A. Margarete von Navarra und der Hof von Nerac // *Höfe – Salons – Akademien: Kulturtransfer und Gender im Europa der Frühen Neuzeit*. Hidesheim, 2007. S. 19 – 40.
55. Joris A. Un seul amour... Ou plusieurs femmes? // *Mariages – lignages, XII-e - XIV-e siècles. Mélanges offerts à Georges Duby*. P., 1992. P. 197 – 214.
56. Lazard M. Femmes, littérature, culture au XVIe siècles en France // *Femmes et pouvoirs sous l'Ancien Régime*. P., 1991. P. 101 – 117.
57. Lazard M. Les avenues de Fémynie. Les femmes et la Renaissance. P., 2001. 437 p.
58. Liebertz-Grün U. Autorinnen im Umkreis der Höfe // *Frauen Literatur Geschichte. Schreibende Frauen vom Mittelalter bis zur Gegenwart*. Stuttgart, 1985. S. 16 – 34.
59. Müller C. M. Französische Übersetzerinnen der Frühen Neuzeit // *Höfe – Salons – Akademien ...* S. 65 – 86.
60. Nolte G. der leib der höchst schatz – Zur fürstliche Körperlichkeit, Gesunderhaltung und Lebenssicherung (1450 – 1550). Familien- und alltagsgeschichtliche Perspektiven // *Fürstin und Fürst ...* S. 45 – 92.
61. Opitz C. Vom Familienzweist zum sozialen Konflikt. Über adlige Eheschließungspraktiken im Hoch- und Spätmittelalter // *Weiblichkeit in geschichtlicher Perspektive. Fallstudien und Reflektionen zu Grundproblemen der historischen Frauenforschung*. F.-a.-M., 1988. S. 116 – 149.
62. Paravicini W. Die ritterlich-höfische Kultur des Mittelalters. München, 1999. 142 s.
63. Pellegrine N. L'androgine en XVIe siècle: pour une relecture des savoirs // *Femmes et pouvoirs ...* P. 11 – 52.
64. Puppel P. Der Kampf und die vormundschaftliche Regentschaft zwischen Landgräfinwitwe Anna von Hessen und der hessischen Ritterschaft (1509/1514 – 1518). // *Fürstin und Fürst ...* S. 247 – 263.
65. Reiter S. Weltliche Lebensformen von Frauen im 10. Jahrhundert. Das Zeugnis der erzählenden Quellen. // *Frauen in der Geschichte–7*. Düsseldorf, 1986. S. 209 – 226.
66. Streich B. Zwischen Reiseherrschaft und Residenzbildung: der Wettinische Hof im späten Mittelalter. Köln, 1989. 666 s.
67. Tiller E. Frau im Spiegel: die Selben und die Andere zwischen Welt und Text: von Herren, Fremden und Frauen, ein 16. Jahrhundert. F.-a.-M., 1996. 973 s.
68. Walsh C. Die Fürstin an der Zeitenwende zwischen Representationsverpflichtung und politischer Verantwortung // *Fürstin und Fürst ...* S. 265 – 279.
69. Weithmann M. Stichwort Habsburger. München, 1993. 95 s.
70. Wunder H. Dynastie und Herrschaftssicherung: Geschlechter und Geschlecht // *Dynastie und Herrschaftssicherung in der Frühen Neuzeit: Geschlechter und Geschlecht*. Berlin, 2002. S. 9 – 27.
71. Wunder H. «Er ist die Sonn', sie ist der Mond». Frauen in der Frühen Neuzeit. München, 1992. 368 s.

Информация об авторе:

Зайцева Татьяна Игоревна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой всеобщей истории Томского государственного педагогического университета, tatiana_zaytseva1@mail.ru.

Tatiana I. Zaytzeva – Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of World History, Tomsk State Pedagogical University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

УДК 94(4)

МЕТАМОРФОЗЫ КОНСЕРВАТИЗМА НА ИСХОДЕ XX ВЕКА

С. О. Казаков

METAMORPHOSIS OF CONSERVATISM AT THE END OF THE 20TH CENTURY

S. O. Kazakov

В статье представлена концепция интегрального консерватизма, охватывающая духовное наследие немецкого мыслителя Эрнста Юнгера (1895 – 1998) в заключительный период его творчества. Проводится анализ влияния его идей на европейский консерватизм, рассматривается их взаимосвязь с идейно-политической теорией и практикой различных течений всего консервативного политического спектра в последней трети XX века. В результате делается вывод о наличии в заключительный период творчества Э. Юнгера особого синтеза, дающего основание считать его консерватизм интегральным, то есть включающим в себя все типы консервативной идейно-политической традиции, а также говорится о серьезном влиянии идей писателя на весь консервативный лагерь без исключения. Результаты статьи могут быть использованы для дальнейшего анализа характера изменений, происходящих в современном западном консерватизме.

The paper introduces the concept of integral conservatism, covering the spiritual heritage of the German philosopher Ernst Jünger (1895 – 1998) in the final period of his work. The author analyzes the impact of his ideas on the European conservatism and considers their relation to the ideological and political theory and practice throughout the whole political spectrum in the last third of the 20th century. As a result, the paper concludes that the final period of Ernst Jünger's work is characterized by special synthesis, giving reason to believe his conservative to be integral, that is, including all types of conservative ideological and political tradition, as well as to talk about the serious influence of the writer's ideas on the entire conservative camp without exception. The research results can be used for further analysis of the nature of the changes taking place in the modern Western conservatism.

Ключевые слова: консерватизм, «Новые правые», консервативная волна, неоконсерватизм.

Keywords: Conservatism, «New Right», «Right wing radicalism», Conservative wave, neoconservatism.

Последняя треть XX в. стала чрезвычайно важным этапом трансформации консерватизма как одной из ключевых идейно-политических традиций Запада. После длительного периода послевоенного консенсуса различия между консервативным, либеральным и социал-демократическим политическими направлениями в значительной степени нивелировались, установки каждого из них находились в тесной взаимосвязи. Однако это не означает, что идейные искания прекратились, а в политике стали преобладать простые подходы к решению ключевых проблем современности. Напротив относительный «штиль» после Второй мировой войны до начала 70-х гг. XX в., в конце концов, породил новые вызовы. И поиск ответов на них лежал том числе и на пути консервативного транзита, изменений в консервативном лагере.

Одним из самых ярких примеров консервативной метаморфозы в рассматриваемый в данной статье отрезок исторического времени является духовное наследие выдающегося немецкого мыслителя и писателя Эрнста Юнгера (1895 – 1998). Он начинал как праворадикальный пропагандист и публицист в годы Веймарской республики и изменил свои взгляды на значительно более умеренные в ходе нацистской диктатуры и «германской катастрофы», стал прижизненным «классиком» немецкой литературы в 50 – 60-е гг. XX в. В то же время писатель был объектом для критики как для левых интеллектуалов, видевших в нем по-прежнему радикального противника республики, так и единомышленников «справа», обвинявших его в конъюнктурности и стремлении «пристать к тихому берегу» [19, s. 435] после Второй мировой войны. Все

это свидетельствовало о глубине и широте духовных исканий мыслителя, значительности перемен, которые коснулись его воззрений.

Несомненно, многое из вышеперечисленного повлияло на то, что в заключительный период своего творчества Юнгер, на наш взгляд, вышел на уровень интегрального консерватизма, который, с одной стороны, отражал опыт исканий и решений западного консерватизма в конце XX в., а с другой стороны, демонстрировал влияние, которое юнгеровское творчество оказывало на весь спектр европейского консервативного лагеря. Именно его специфика и представляется важной для анализа в данной статье.

Творческая эволюция Э. Юнгера в 70-е гг. XX в. после вроде бы устоявшегося писательского реноме оказалась не совсем простой. Не последнюю роль в этом сыграли как личные впечатления, так и общественные события. Широкомасштабный кризис на Западе не мог не коснуться писателя. Террористические вылазки левых радикалов в Италии и Германии вызвали очевидную реакцию справа. Европейские «новые правые» приняли вызов и, конечно же, Эрнст Юнгер, был для них не последним источником вдохновения. В литературных произведениях этого десятилетия писатель предлагает различные рецепты преодоления кризиса, от традиционалистского до праворадикального. Немецкий философ и теолог Петер Козловски считал, что Юнгер в своем небольшом произведении «Рогатка» (1973) возвращается к традиции в ее нижнесаксонском укладе через педагогическую модель описанной им гимназии и интерната [15, s. 144]. Традиционализм повести наталкивает иссле-

дователя на мысль о том, что именно это явление становится для Э. Юнгера альтернативой общественному коллапсу в Европе. Однако последующий роман писателя «Эвмесвиль» (1977) позволяет усомниться в однозначности такого подхода. Роман с учетом выбора его главного героя представляется более интересным в свете происходивших событий, поскольку в нем отражается квинтэссенция юнгеровского видения, захватывающего исторический и метаисторический пласт его консервативных размышлений. Берлинский ученый Стеффен Мартус ссылается на позицию, в соответствии с которой Юнгер в романе стремится показать различие между собственным сопротивлением современности и тем, что демонстрировали террористы в 70-е гг. XX в. [16, s. 212].

«Эвмесвиль» в какой-то степени является исходной точкой в пессимистическом витке творчества Юнгера, набирающем свой ход именно в 70-е гг. XX в. Эвмесвиль – несуществующий город-государство будущего в Северной Африке, в котором установлена тирания. Рассказчик, Мануэль Венатор, потомственный профессиональный историк, является еще и барменом в ночном клубе тирана Кондора, которого он предпочитает поклонникам демократии – трибунам, поскольку в нем он видит «тип хорошего отца семейства», «мелкого немецкого князька эпохи барокко» [1, с. 268]. В описании города легко угадываются традиционалистские и праворадикальные черты консервативной критики современной цивилизации. Она характеризуется тем, что «ценности продолжали мельчать» [1, с. 37], «различия, в большей мере, исчезли» [1, с. 95]. По сути, Юнгер описывает современное ему «общество потребления» и «государство всеобщего благоденствия»: «Современный человек... числится как избирательный голос, как налогоплательщик и получатель заработной платы, как особый вид, влачащий жалкое существование в реестрах всевозможных канцелярий и министерств» [1, с. 238 – 239]. В связи с этим в произведении выводится оптимальный тип личности в представленных условиях – анарх, которому пытается соответствовать не только главный герой, но и сам автор. «Анарх не имеет ожиданий. Он ни на кого, кроме себя, не рассчитывает» [1, с. 223]. Ключевым атрибутом анарха является его личная свобода (отличающаяся от либерального понимания): «...он сохраняет свою свободу, какой бы хорошей или плохой не была власть... Она остается его неделимой собственностью» [1, с. 368 – 369]. И эта свобода не связана со стремлением смены политического режима, напротив, «простейший шаг к свободе – скинуть с себя этот груз» [1, с. 457]. В конце концов, главный герой романа в экстремистском стиле покидает город и вместе со свитой тирана пропадает в лесу.

Судя по разнообразной реакции на роман «Эвмесвиль», от признания дистанции автора по отношению к терроризму, критики за отстраненность и элитарную холодность [23, s. 29 – 31] до обвинений в создании «практического руководства для радикальных правых о том, как скрыть свое антидемократическое мышление и как вести себя в политически враждебной среде», «агрессивной критике демократии» [22, s. 356 –

357] можно утверждать, что юнгеровское видение кризиса интегрировало в себе различные способы и манеры восприятия и реакции на происходящее – от праворадикального и традиционалистского до либерально-консервативного.

Между тем, личное неучастие в политическом процессе ФРГ не избавляло писателя от вторжения политики в его жизнь, особенно когда речь шла о литературных и интеллектуальных заслугах. Он, по-прежнему является дискуссионной фигурой, «тень Веймара» не дает ему выйти за рамки образа, сложившегося у «левых» и либеральных интеллектуалов. Получение премии Гете в 1982 г. сопровождалось сопротивлением со стороны партии «зеленых», чьи представители в городском собрании Франкфурта-на-Майне выступили резко против, спровоцировав общественную дискуссию о возможности вручения премии «попутчику фашизма и с головы до ног носителю национал-социализма» [16, s. 175].

Безусловно, кризис 70-х гг. XX в. серьезно повлиял на Юнгера, усилив пессимистический тренд в его творчестве, а леволиберальные критические оценки могли лишь усугубить его. Неслучайно, совершенно иным в это время было представление о философе у «новых правых», по мнению некоторых исследователей, воспринявших его концепт сопротивления в отношении постмодернизма [16, s. 213] и для которых он был культовой фигурой.

Армин Молер, бывший секретарь мыслителя и автор работ о нем, ставший к этому времени влиятельным радикальным консервативным публицистом, по-прежнему являлся активным пропагандистом раннего творчества Юнгера, посвятив ему ряд публикаций и рассуждений в своих работах [17; 18]. В статье «Фашистский стиль» он отделяет Юнгера от нацизма, видя в его творчестве духовную позицию, отражающую «новый аристократизм» [18, s. 178]. Редактор коллективного сборника «Международный консерватизм» (1973), Герд-Клаус Кальтенбруннер во вступительной статье говорит о Э. Юнгере как о «пионере такого углубленного консервативного подхода, о необходимости которого говорится уже в «органической конструкции» [14, s. 11] (*Прим. автора: понятие, использовавшееся в произведении «Рабочий» 1932 г.*). Но Кальтенбруннер в отличие от многих «новых правых» не ограничивается восхищением по поводу ранних работ, находя и в произведениях после Второй мировой подтверждение того, что Юнгер говорит о «правой позиции человека» как о позиции особого отношения к универсуму, что «куда важнее простого наращивания знаний» [14, s. 11], и о специфике консервативной критики [13, s. 94], что лишний раз свидетельствует в пользу метаконсервативного стиля философа.

Важнейшее значение наследие философа имело в эти годы и для «новой правой» во Франции. Консервативное творчество Эрнста Юнгера и его брата Фридриха Георга вошло в теоретическую основу этого течения [4, s. 198]. Во Франции ее «новые правые» видят результат воплощения «буржуазного идеала просветительского рационализма», тогда как Германия предстает как «образец органически созданной

общности с аристократическими ценностями» [4, s. 200]. Ален де Бенуа, один из лидеров «французской правой», весьма резко говорит о том, что «Немец – это Рабочий, а Француз – это Буржуа» [4, s. 200]. В главе книги Бенуа «При всей дружбе – филиппика к немцам» Юнгер прямо назван одним из авторов, вдохновляющих «новых правых» Франции, в пику Хоркхаймеру и Хабермасу [3, s. 97]. Бенуа в интервью журналу «Шпигель» в 1979 г. причислил Юнгера из-за его основательного экзистенциального отношения к «любимейшим авторам Франции» [5, s. 162]. Позднее, уже после смерти философа, в статье «Эрнст Юнгер и новая правая» он напишет, что хотя «Эрнст Юнгер не принадлежит к авторам, на которых французские правые часто ссылаются, но как видно из вышесказанного, он имеет огромное значение для них» [2, s. 34]. Сам же Бенуа признался, что его восхищение мыслителем и его трудами всегда было сильным: в молодости «первым» Юнгером – двадцатых и тридцатых годов, позднее «вторым» Юнгером – анархом, «мыслителем вне времени», поднявшимся настолько высоко, чтобы настолько же больше видеть» [2, s. 33 – 34]. Бенуа сожалеет о том, что «модные интеллектуалы» вне зависимости от политических пристрастий не часто цитируют Юнгера, и советует поехать в Италию, в которой интеллектуалы всего спектра мнений от левых до правых ссылаются на него [2, s. 34]. В связи с этим следует отметить, что в интервью с одним из видных представителей правых в Италии, Джузеппе Преццолини говорится об интересе к «консервативной революции» и работам Эрнста Юнгера [21, p. 208 – 209]. Сам немецкий писатель упомянул в дневниках собственное письмо с благодарностью за включение его в международный редакционный совет итальянского правоконсервативного издания «Ла Дестра» [10, s. 62] (*Прим. автора: «Правая»*). Все вышперечисленное свидетельствует об интернациональном значении юнгеровского консервативного наследия, широте и глубине его проникновения ткань европейского правого консерватизма.

Следует отметить, что в отличие от диагностической и прогностической вариативности литературных работ, дневники этого времени куда более явно пронизаны нескрываемым, личностно-ценностным и философским неприятием эпохи и пессимизмом в ее отношении. «Мне кажется, – пишет Эрнст Юнгер в 1973 г., – что оптимизм, который я питал в конце Второй мировой войны, уменьшился. Смотрите работы «Мир» и «Через линию» (*Прим. автора: работы 50-х гг.*). И произошло это не только по причине развития, в первую очередь европейского, но и под воздействием фундаментального пессимизма Фридриха Георга» [10, s. 121].

С наступлением «консервативной волны» на Западе и приходом к власти на длительный период в ФРГ Г. Коля и ХДС/ХСС в альянсе с СвДП, дискуссии вокруг творчества Э. Юнгера не прекратились. И они по-прежнему создают вокруг него феномен консервативного парадокса, как будто подчеркивая одновременно условность крайностей и глубину расхождений в основе современного идейно-политического спектра. Юнгер является не только патриархом, мне-

ние о котором определяет идейно-духовную принадлежность, но и тем, кто эти позиции существенно корректирует. Многообразие его творчества все чаще приводит к неоднозначным выводам, как в исследовательской среде, так и в общественной жизни. Поляризация мнений сочетается с консенсусной ролью философа в определенных ситуациях, в какой-то мере отражая динамику, как взглядов Юнгера, так и изменения в реальности. В связи с возросшим вниманием к нему исследователи и публицисты даже вели в публичный и научный оборот дефиницию – «ренессанс Юнгера». Оснований для такого определения в 80 – 90-е гг. XX в. более чем достаточно.

В сентябре 1984 г. Эрнст Юнгер, единственный из писателей Европы, вместе с президентом Франции Ф. Миттераном и канцлером ФРГ Г. Колем, принимает участие в официальной церемонии «Салюта признания» в Вердене, посвященном юбилею начала Первой мировой войны. Коль еще четырежды посетит мыслителя в Вильфлингене: в 1985 и 1993 гг. вместе с Миттераном, в 1990 г. с премьер-министром Испании Фелипе Гонсалесом и на столетний юбилей в 1995 г. приедет с федеральным президентом Вернером Херцогом. В 1987 г. в Риме международную литературную премию «Тевере» Юнгеру вручал президент Италии Франческо Коссига. Встречи на высшем уровне, внимание со стороны руководителей европейских государств с различными политическими взглядами подтверждают, что писатель становится фигурой, чьи консервативные взгляды приобретает в эти годы максимальную широту.

Не исключено, что Коль пытался интеллектуально и электорально усилить свое политическое реноме за счет писателя. Не следует забывать, что для экстремистско-консервативного фронта ФРГ Юнгер оставался культовой фигурой. Подтверждением тому являются многочисленные публикации, посвященные ему в 80 – 90-е гг. в правоконсервативных журналах “Criticon”, “Junge Freiheit” различными авторами, от Армина Молера до Карлхайнца Вайссмана. Альянс ХДС/ХСС, таким образом, укреплял позиции за счет избирателей этого круга. Однако и сам канцлер, используя свой немалый политический вес, способствовал тому, чтобы Юнгер пережил «ренессанс» в эти годы, делая все, для того, чтобы автор перестал в общественном сознании быть сугубо крайне правым мыслителем, тем более что желающих свести представление о нем до этого минимума было предостаточно. Неслучайно, Коль как «вождь консерватизма у власти в ФРГ» со временем был обвинен в чрезмерном внимании к Эрнсту Юнгеру, «идеологу и носителю традиций немецкого консерватизма», идентификация с которым вела, по мнению автора публикации, к формированию современного консерватизма, как в традиционных, так и модернизированных «неоконсервативных формах», демагогически подменяющего социальные проблемы национальными вопросами [20, s. 134 – 135]. На основании этого либеральные и левые деятели полагали, что вместе с «ренессансом» Юнгера и знаменитым «спором историков» в ФРГ «граница между правым консерватизмом, правым

экстремизмом и неофашизмом все больше размывается» [10, s. 142].

В то же время некоторые «левые» из бывшей ГДР после крушения социализма в поиске «третьего пути» между «западным капитализмом» и «государственным социализмом» увидели в Юнгере «сейсмографа подземных движений в истории и обществе» [7]. После крушения социализма «левые» интеллектуалы и литераторы, такие как Хайнер Мюллер и Франк Касторф, находят духовное родство с «консервативным революционером» Эрнстом Юнгером в обличии цивилизации, вере в «постбуржуазный мир» и в нежелании признать «триумф либерализма» [7].

Как ни странно, некоторые левые порой совпадают с частью радикальных правых в отношении к писателю. По мнению публициста Рихарда Херцингера, Эрнст Юнгер стал «идентификационной фигурой для новых правых и старых левых» благодаря «жесту культурно-критической вариации и плодам в духе удобной метафизики девственности в ответ на вызовы настоящего», синтезировав их в типе «анарха» [6, s. 98 – 99]. При этом публицист считает, что «параллели между «правой» и «левой» критикой цивилизации столь значительны, что проведение демаркации вдоль этой хорошо знакомой, идеологической, разделительной линии представляется затруднительным» [6, s. 110]. С одной стороны, это подтверждает позицию самого Юнгера, не делавшего, по его словам, различия между правыми и левыми, и считавшего это разделение в эпоху техники и массовых коммуникаций «более недействующим» [8, s. 29], за что, как он говорил, «меня, среди прочего, причисляли к национал-социалистам и черному фронту» [9, s. 157], а с другой – является еще одним свидетельством консервативной широты юнгеровского творчества. Эта позиция выражается и в оценках мыслителем основных политических режимов XX века: «На взгляд анарха, – с которым есть прямые ассоциации личности самого автора [11, s. 193], – не существует большой разницы между тоталитаризмом и массовой демократией» [8, s. 115 – 116].

«Моя жена и я – мы лояльные граждане страны, но без восхищения: для нас немецкий рейх остается реальностью. Между нами говоря, мы все же живем сейчас в системе отношений, в которой позволено все» [9, s. 163], – заявил писатель в интервью журналу «Шпигель» в 1982 г. Писатель напомнил, что он никогда «не приходил в согласие с государственными институтами», и «буржуазный порядок меня никогда не удовлетворял» [9, s. 160]. Продолжение того «неустойчивого равновесия в отношениях с государст-

вом, которое установилось после вручения премии Гете», вполне, по словам мыслителя, его бы устроило [9, s. 160]. Хотя он называет двух политиков, которым симпатизирует в современной Германии, правда, не за идеи и политическую позицию, а как личностям: лидера ХСС того времени – Франца-Йозефа Штрауса и одного из лидеров СДПГ Герберта Рихарда Венера [9, s. 163]. Как истинный консерватор он находит, что «демократия не фиксированное понятие», особенно если иметь в виду ГДР и Грецию эпохи Перикла, в одной из которых он «был бы демократ, а в другой – антидемократ» [9, s. 159].

В работе «Автор и авторство. Дополнение» постепенно написанной в 80-е и 90-е гг., Юнгер приводит «хорошую» на его взгляд, цитату из Полибия, в которой «демократией по праву» может называться не тот режим, в котором «массы обладают правом делать то, что им нравится» а то государство, в котором, «при условии воли большинства», «устоявшейся привычкой и традицией стало поклонение богам, почитание родителей, уважение к старикам и подчинение законам» [12, s. 312]. Любопытно, что интересную и более понятную презентацию нового и традиционного, техники и культуры, прогресса и традиции для Юнгера являет Япония, в которой индивид после работы приходит и надевает кимоно, тем самым символизируя возможность «ухода в себя» и способность «заново восстановить связь со своими собственными традициями» [8, s. 77].

Подводя итог можно сказать, что в юнгеровском наследии заключительного периода проявилась во всем многообразии консервативная структура мышления. Интегральный консерватизм стимулирует проявление противоречий во взглядах, но и стремится к их сглаживанию, поскольку несет в себе не просто архитектурные свойства консервативного мышления, но и вбирает в себя особенности всех типов консерватизма.

В юнгеровском творчестве последней трети прошлого столетия во многом отражается специфика европейского консерватизма и всей консервативной традиции в XX в. Сложность сохранения ценностей и прерывистость из-за частой смены политических режимов вынуждали мыслить неординарно. Э. Юнгер сумел почерпнуть в каждом из направлений консервативной мысли жизненно стойкие компоненты и трансформировать их в определенную систему взглядов, отразив в ходе транзита своих воззрений черты и принципы всех разновидностей консерватизма.

Литература

1. Юнгер Э. Эвмесвилль [пер. с нем.]. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. 640 с.
2. Benoist A. de. Ernst Jünger und die Nouvelle Droite // Sezession-22. Februar, 2008. S. 30 – 34. Режим доступа: <http://www.sezession.de/heftseiten/heft-22-februar-2008> (дата обращения: 12.03.2015).
3. Benoist A. de. Kulturrevolution von rechts: Gramsci und die Nouvelle Droite. Krefeld, SINUS-Verlag, 1985. 156 s.
4. Christadler M. Die “Nouvelle Droite” in Frankreich // Neokonservative und “Neue Rechte”. München, C. H. Beck Verlag, 1983. S. 198 – 206.
5. «Den alten Volksgeist erwecken». Alain de Benoist über die "Verwurzelungst" – Ideologie der französischen Neuen Rechten // Spiegel. Hamburg. 1979. Jg. 33. № 34. S. 157 – 162.

6. Herzinger R. Werden wie alle Jünger? Über die renaissance konservativer Modernerkritik und die postmoderne Sehnsucht nach der organischen Moderne // Kursbuch. Die Zukunft der Moderne. Berlin. Dezember, 1995. S. 93 – 117.
7. Herzinger R. Der komplette Text: Warum Ernst Jüngers Werk bei Linksintellektuellen salonfähig wurde // Die Zeit. 09 / 1998. Режим доступа: <http://www.zeit.de/1998/09/thema.txt.19980219.xml> (дата обращения: 12.03.2015).
8. Jünger E. Die kommenden Titanen. Ernst Jünger mit Antonio Gnoli und Franco Volpi. / Dt. von Peter Weiß. Wien; Leipzig: Karolinger, 2002. 155 s.
9. Jünger E. «Ein Bruderschaftstrinken mit dem Tod». Der 87-jährige Schriftsteller Ernst Jünger über Geschichte, Politik und die Bundesrepublik // Der Spiegel. 1982. № 33. S. 154 – 163.
10. Jünger E. Siebzig verweht II/E. Jünger. Stuttgart: Klett-Cotta, 1981. 641 s.
11. Jünger E. Siebzig verweht V/E. Jünger. Stuttgart: Klett-Cotta, 1997. 204 s.
12. Jünger E. Autor und Autorschaft. Nachträge // Sämtliche Werke. Zweite Abteilung. Essays IX. Fassungen III. Erster Supplement-Band. Stuttgart: Klett-Cotta, 1999. Bd. 19. S. 267 – 421.
13. Kaltenbrunner G. K. Prospektiver Konservatismus // Der schwierige Konservatismus. Definition, Theorien, Portrats. Herford, Berlin: Nicolai, 1975. S. 91 – 129.
14. Kaltenbrunner G. K. Vorwort des Herausgebers // Konservatismus International. Stuttgart: Seewald Verlag, 1973. S. 5 – 11.
15. Koslowski P. Der Mythos der Moderne. Die dichterliche Philosophie Ernst Jüngers. München: Wilhelm Fink Verlag, 1991. 200 s.
16. Martus S. Ernst Jünger. Stuttgart; Weimar: Metzler, 2001. 269 s.
17. Mohler A. Von rechts gesehen. Stuttgart; Seewald Verlag, 1974. 343 s.
18. Mohler A. Der faschistische Stil // Konservatismus International / Hrsg. G.- K. Kaltenbrunner. Stuttgart: Seewald Verlag, 1973. S. 172 – 198.
19. Morat D. Von der Tat zur Gelassenheit. Konservatives Denken bei Martin Heidegger, Ernst Jünger und Friedrich Georg Jünger. Göttingen, Wallstein Verlag. 2007. 592 s.
20. Müller H. “Stählerne Romantik” und Mythos Krieg. Anmerkungen zur Ernst-Jünger-Renaissance im Konservatismus der achtziger Jahre // Die Waffen nieder! Schriftsteller in dem Friedensbewegungen. Berlin, 1989. S. 130 – 142.
21. Prezzolini G. Intervista sulla Destra. A cura di Claudio Quarantotto. Rom. Borghese, 1978. S. 208 – 211.
22. Seferens H. «Leute von übermorgen und von vorgestern». Ernst Jüngers Ikonographie der Gegenauflklärung und die deutsche Rechte nach 1945. Bodenheim, 1998. 398 s.
23. Weilmeier C. Eumeswil. Ernst Jüngers Philosophie der institutionellen Ordnung. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades an der Hochschule für Philosophie Philosophische Fakultät SJ, München. München, 2004. 200 s.

Информация об авторе:

Казаков Сергей Оганович – кандидат исторических наук, руководитель пресс-центра «КП-Прикамье» г. Пермь, teodor730@gmail.ru.

Sergey O. Kazakov – Candidate of History, Head of the Press-centre of «KP-Prikamye», Perm.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

ЖАН БОДЕН И ТОМАС ГОББС: В ПОИСКАХ ИДЕАЛЬНОГО ГОСУДАРЯ

Д. С. Мутюрёва

JEAN BODIN AND THOMAS HOBBS: IN SEARCH OF THE PERFECT SOVEREIGN

D. S. Mityureva

В статье предпринимается попытка проследить рецепцию политических идей Жана Бодена в трудах Томаса Гоббса. Анализ глубины взаимосвязи политических традиций Франции и Англии может помочь нам пролить свет на представления европейских мыслителей Раннего Нового времени об идеальном государственном устройстве, которые появлялись в процессе этой негласной дискуссии. Боденовская теория суверенитета является важнейшим элементом, который впоследствии лег в основу учения Томаса Гоббса. Это легко можно проследить на примере теории гражданского послушания, нашедшей отражение у обоих авторов. Однако представляется интересным не только убедиться в этой гипотезе, но и сравнить другие сюжеты, волновавшие Бодена и Гоббса и определившие ход развития современной правовой и политической мысли. В статье сделано предположение о том, что интеллектуальная связь между идеями Бодена и Гоббса может быть сильнее, чем принято считать в историографии.

The paper deals with the reception of Jean Bodin's political ideas in the works of Thomas Hobbes. The analysis of the relationship between the political traditions of France and England helps understand the presentation of the ideal political system of European thinkers of the Early Modern period. Bodin's theory of sovereignty is an essential part of Thomas Hobbes's doctrine. This may be verified in the theory of civil obedience, as it is reflected in both authors' works. The paper attempts to verify this hypothesis and other themes by comparing the subjects and issues raised in the works of Bodin and Hobbes that determined the development of modern legal and political thought. The paper suggests that the relationship between Bodin's and Hobbes's intellectual ideas may be stronger than it is assumed in the historiography.

Ключевые слова: Боден, Гоббс, абсолютизм, суверенитет, божественный закон, естественный закон, послушание.

Keywords: Bodin, Hobbes, absolutism, sovereignty, divine and natural law, obedience.

На страницах исторических исследований, посвященных судьбе интеллектуалов Раннего Нового и Нового времени, нередко можно встретить сравнение концепций двух политических мыслителей, которые заложили основы современной европейской политической мысли. Политическая философия Жана Бодена и Томаса Гоббса была сосредоточена на рассмотрении общественного порядка с точки зрения укрепления власти абсолютного монарха, который устанавливал бы законы и обеспечивал порядок и стабильность в обществе, потребность в которых по мере нарастания политической и социальной напряженности ощущалась все сильнее. Сложилась устойчивая историографическая традиция, согласно которой считается, что Гоббс заимствовал идею суверенитета у Бодена и вывел ее на новый более качественный уровень [16, с. 2 – 8; 17, с. 234 – 241]. Однако анализ метафорически изложенных концептов философии Бодена позволяет задать некоторые новые вопросы к проблеме рецепции его идей. В этой связи представляется интересным еще раз обратить внимание на некоторые параллели, отчетливо просматривающиеся в трактатах «Шесть книг о государстве» и «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского».

В первую очередь важно отметить, что часто в кругу историков идей делается акцент на средневековом мышлении Бодена. Справедливости ради надо сказать, что такое утверждение не лишено оснований: как интеллектуал и яркий представитель эрудитской школы, ученый впитал в себя дух, метод и сущность

схоластического учения. Несмотря на смелые заявления автора о революционном разрыве с предшествующей историографической традицией, безусловно, истоки его воззрений следует искать в традиционных для Средневековья концепциях. Однако сложно согласиться с исследователями утверждающими, что прогресс концепции Гоббса по сравнению с идеями Бодена заключается именно в том, что его философия более секуляризирована, а боденовская – в большей степени зависит от теологии. Рассмотрим подробнее этот аспект.

Во-первых, вопрос о религиозной принадлежности Бодена не может быть разрешен однозначно: официально он был католиком, в ранних дружеских письмах говорил о своих симпатиях к кальвинизму, в поздних трактатах развивал идеи о естественной религии. Не вызывает сомнений, что религиозно-политическая обстановка во Франции XVI в. и сила католического духовенства обязывала Бодена как государственного служащего присягать на верность официальной религии, однако сам склад ума Бодена был прежде всего политическим, а не религиозным. Мысль его была в большей степени практическая, хотя и была насквозь пронизана мифологическими представлениями. К этой религиозной индифферентности присоединялось осознание того, что тягостные смуты, столь долго тревожившие его страну, не в последнюю очередь были продуктом религиозных притязаний. В этот период можно наблюдать устойчивое безразличие к религиозным вопросам не только у Бодена: достаточно вспомнить Генриха IV, неоднократно

но меняющего одну религию на другую для достижения известного политического результата.

Во-вторых, сравнивая парадигмы Бодена и Гоббса нельзя забывать о том, что мы имеем дело с разными политическими традициями. Во Франции идея сакральности королевской власти опиралась на христианское представление о ее божественном происхождении. И хотя, согласно евангельскому учению, всякая власть – от Бога, божественность власти короля приобретала особое значение благодаря обряду миропомазания, совершавшемуся при коронации, традиция которого во Франции берет начало с восшествия на престол Пипина Короткого. А с XIII в. в литературе даже начинает проследиваться мысль, что французские короли, в отличие от других, наделены особой божьей милостью: «Несомненно, что король Франции пользуется особой милостью Св. Духа благодаря миропомазанию, ибо его мажут на царство наиболее чудесным образом, как ни одного другого короля, – миром из Священной Скланки, ниспосланной ангелом небесным, и это доказывает, что французские короли мажутся не только по человеческому установлению, но и по велению Отца и Сына и Св. Духа» [11, с. 197]. Таким образом, Бодену было бы сложно отказаться от традиции обожествления королевской власти, на которой в XVI в. зиждилась власть монарха. Кроме того, это стало бы противоречить принципу редукционизма, который проследивается во всех трактатах Жана Бодена, начиная с «Метода легкого познания истории» и заканчивая «Театром природы» [12].

В общественно-политической мысли Англии XVI – начала XVII в. также активно продвигалась идея о том, что суверенитет светского государя незыблем, так как получен он не от народа, а непосредственно от Всевышнего. Самым ярким защитником этой теории был английский король Яков I. В качестве аргумента такой концепции юристы общего права и даже значительная часть англиканского духовенства как раз и использовали боденовское учение о суверенитете. Однако это учение натолкнулось в Англии на древние парламентские привилегии. Известно, что многие английские антиквари и юристы мифологизировали историю парламента, уводя корни его возникновения в англо-саксонские времена. По традиционалистской логике древность укрепляла и поднимала авторитет парламента, позволяя его членам отстаивать свои привилегии и вольности в дискуссиях с королевской властью. В ходе обсуждения 1628 г. знаменитой Петиции о праве Эдвард Кок заявил, что «суверенная власть» – не парламентский термин. Он ослабляет Великую Хартию и все прочие статуты. <...> Приняв его, мы поставим суверенную власть выше всех законов. Власть по праву мы заменим на власть на силе. <...> Он противен нашей петиции, которая является петицией о праве, опирающейся на акты парламента. <...> Давайте держаться наших привилегий в соответствии с правом» [9]. Таким образом, часть английского дворянства понимала под «суверенитетом» верховную власть, ничем не связанную и никем не ограниченную. Такой властью, по их мнению, владели короли Франции и Испании, и она несовместима с вольностями подданных Англии.

Однако разные взгляды на природу королевской власти, обусловленные соответствующими традициями, не были помехой для провозглашения обоими апологетами абсолютизма необходимости формирования институционального порядка, который покончил бы с феодальным обществом, тормозившим развитие государства. Социальные потрясения и ситуация постоянного политического конфликта дала толчок для поиска искусственного порядка путем создания государства, регулируемого законами. Оба мыслителя понимали закон как инструмент и непеременимое условие для обеспечения «послушания» (obedience). Ссылаясь на Аристотеля, Боден провозглашает идею о том, что «пока государство действительно сильно, власть продолжает укрепляться, возможно даже, что она находит свое краткое и сжатое выражение в решениях, приказах и наказаниях» [4, с. 137]. Потребность во внутреннем мире любой ценой также ярко видна во всех построениях Гоббса: недаром он первым основным законом природы считает правило «*Pax quaerenda est*» (должно искать мира) [7]. Одной из самых главных причин ослабления государства Гоббс называет «недостаточность абсолютной власти»: «Одна из этих немощей состоит в том, что человек, добившийся королевства, довольствуется иногда меньшей властью, чем та, которая необходима в интересах мира и защиты государства» [8, с. 250 – 251].

В этой связи интересно обратить внимание на парадокс: взгляды обоих мыслителей, несмотря на их явную поддержку правящего режима, не были приняты соответствующими политическими элитами. Когда появился «Левифан» Гоббс лишился милости короля и был обвинен в недостатке лояльности. Под видимым консерватизмом Гоббса скрывались такие тенденции, которые делали его весьма опасным для традиционной политики Стюартов. Попытка Гоббса вывести абсолютизм из первобытного договора может быть воспринята двояко: если в основе всего государственного строя лежит свободное соглашение частных волей, то одно это расшатывает здание абсолютной власти. Не избежал нападок со стороны правящей элиты и Боден. Некто Де-ла-Серр написал отзыв о трактате «Шесть книг о государстве» под заглавием «Доклад королю о губительных учениях, содержащихся в книге Бодена». Де-ла-Серр видит в Бодене скрытого кальвиниста, который побуждает протестантов к восстанию. Так была понята проповедь широкой веротерпимости, с помощью которой Боден хотел устранить всякие поводы к внутренним смутам [13].

События, ставшие фоном для написания «Левифана», придали дополнительную яркость теории Гоббса о происхождении государства. Естественное состояние мыслитель характеризует как «войну всех против всех», которая грозит обществу самоистреблением. Отсюда жизненная необходимость для всех людей сменить естественное состояние на состояние государственное. Суверенная власть таким образом учреждается путем общественного договора, который заключают между собой индивиды. Позднее договорная теория появления государства стала считаться более прогрессивной по сравнению с представлениями Бодена о божественном происхождении королев-

ской власти. Но почему-то исследователи прошли мимо того факта, что и Боден не был так уж консервативен в этом вопросе: «Кто сомневается в том, что любая великая империя выросла как противовес анархии, в борьбе с разрушительными силами?». Примечательно, что, несмотря на несомненное признание необходимости монархии, Боден пишет не о подданных, а о гражданах, объединенных государством [4, с. 138].

Как бы то ни было, сам Гоббс считал вполне обоснованным утверждение, что власть, установленная по договору, должна быть безусловной и неограниченной. И в этом пункте Гоббс практически повторяет Бодена. Он утверждает, что при всякой форме правления всегда можно указать некоторую высшую власть, которой подчинены все другие, но которая сама не подлежит никакому контролю. Установленная волей граждан, она не может быть уничтожена по их произволу. Актом договора они связали себя обязанностью подчинения, от которой не могут отступить. В неограниченности и неделимости суверенной власти Гоббс видит залог сохранения мира в государстве: «Если бы раньше большая часть населения Англии не придерживалась мнения, что указанные права были разделены между королем, лордами и палатой общин, то народ никогда не был бы разделен и дело не дошло бы до гражданской войны» [8, с. 141]. При этом суверен, будучи сам подданным Бога, должен соблюдать естественные законы и обеспечивать безопасность народа, под которой подразумевается «обеспечение за всяким человеком всех благ жизни, приобретенных законным трудом, безопасным и безвредным для государства» [8, с. 260].

Стремление Бодена поставить суверена над законом в «Шести книгах о государстве» нередко приводило к тому, что его политическую теорию также интерпретировали как теорию неограниченной власти монарха [6, с. 406; 10, с. 113 – 117]. Монарх, по Бодену, обладает суверенитетом и властью над жизнью и смертью своих подданных, а государством управляет при помощи своего совета, консулов, канцлеров и других государственных служащих. При этом подданные не должны осуждать и противиться воле государя, т. к. им не дано понять тонкостей государственных дел [15, с. 160]. Между тем Боден, настаивая на том, что монархическая власть должна быть неограниченной, вместе с тем расписывает и систему ограничений суверенной власти [3].

Таким образом, главная задача мыслителей состоит в том, чтобы поддержать сильную власть, но при этом выяснить и установить гарантии для ее правомерного действия.

Резюмируя сказанное можно отметить, что юридическая новация Бодена была в требовании универсальных законов, созданных на основе божественных законов, суверенных правил, продиктованных людям. Однако в своей философской системе Боден обращается к Богу как единственной опоре для подчинения законам. В отличие от него, правовая философия Гоббса «светская» и фигура Бога стирается с политической карты. Монарх создает законы в соответствии с социальными и политическими обстоятельствами, эти законы должны выполняться, т. к. они полезны для

самых подданных. Отказ подчиняться должен был быть наказан. Правовая философия Гоббса является несомненно более светской, потому что в его концепции законы являются продуктом земного царства, а не небесного. Именно благодаря трудам Гоббса начинает обретать форму современная политическая наука. Мыслитель стоит во главе процесса секуляризации: он хотел дать научное или математико-геометрическое обоснование государства [14, с. 279].

Но в этом случае опять необходимо сделать несколько оговорок. Во-первых, не будем забывать о том, что и Боден искал гармоническую справедливость в государстве в арифметических и геометрических построениях [1, с. 160 – 183]. Боден пишет: «Нельзя утверждать, что королевское государство является наилучшим, если не учесть, что оно должно быть смягчено аристократическим и народным правлением посредством гармонической справедливости, которая состоит из геометрической справедливости и арифметической, которые более подходят аристократическому и народному государствам, что делает монархическое государство простым, а правление – смешанным и смягченным без всякой путаницы трех {типов правления} государств» [5].

Во-вторых, и парадигма Гоббса все же не лишена теологических составляющих. Говоря о Боге, Гоббс пишет: «Естественное право, при помощи которого Бог царствует над людьми и наказывает тех, кто нарушает Его законы, должно быть произведено ...из Его *непреодолимого могущества*» [8, с. 277 – 278]. Таким образом, первопричиной для Гоббса, также как и для Бодена, является Бог. Можно проследить и боденовское влияние на представления Гоббса о суверене, в основе которых – убеждение в том, что соглашение между людьми и Богом может быть заключено лишь при посредничестве наместника Бога на земле, обладающего верховной властью [2].

Таким образом, можно предположить, что Жан Боден в своих взглядах не так уж сильно отставал от Томаса Гоббса. Основной целью мыслителей был поиск выхода из кризисной ситуации: и в том, и в другом случае можно говорить о том, что защита монархической идеи является скорее продуктом холодной логики, чем истинного монархического чувства. Оба еще не были готовы отказаться от теологической интерпретации истории, хотя XVII век рационализма позволил Гоббсу быть более смелым в суждениях. Более того, Гоббс творил уже в то время, когда в интеллектуальной среде было «модно» говорить об освобождении науки от оков теологии. Конечно, Томас Гоббс был человеком абсолютно новой эпохи, которая в большей степени порвала с традициями Средних веков. Однако Гоббсу, вне всякого сомнения, все же не была чужда тяга к метафорам и различного рода иносказаниям, на которые так богаты трактаты Средневековья. Скорее всего, он видел в сочинениях Бодена больше, чем тот в силу обстоятельств мог себе позволить озвучить прямо. И это в очередной раз напоминает нам о том, насколько важно для правильной интерпретации идеи исследовать среду, в которой она появляется, и возможность ее провозвестника свободно высказывать свои мысли.

Литература

1. Баязитова Г. И., Митюрёва Д. С. В преддверии рождения государства: язык, право и философия в политической теории Жана Бодена. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2012. 240 с.
2. Баязитова Г. И. К вопросу о божественном и естественном законах в политической философии Жана Бодена и Томаса Гоббса // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 10. С. 106 – 109.
3. Баязитова Г. И. «Суверенитет есть власть абсолютная и непрерывная...». К вопросу об ограничении суверенной власти в «Шести книгах о государстве» Жана Бодена // Clavis medii aevi. Вып. 2. Тюмень: Печатник, 2007. С. 146 – 155.
4. Боден Ж. Метод легкого познания истории / под ред. М. С. Бобковой. М.: Наука, 2000. 412 с.
5. Боден Ж. Шесть книг о государстве [пер. Г. И. Баязитовой] // Историописание и историческая мысль западноевропейского Средневековья: в 3-х кн. Кн. 3: XV – XVII века: практикум-хрестоматия; ав.-сост.: М. С. Бобкова, С. Г. Мереминский, А. И. Сидоров. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 219 – 229.
6. Вайнштейн О. Л. Западноевропейская средневековая историография. М.; Л.: Наука, 1964. 483 с.
7. Гаджиев К. С. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования // Вопросы философии. 1991. № 7. С. 19 – 35.
8. Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / под ред. В. В. Соколова. М.: Мысль, 1991. 731 с.
9. Кондратьев С. В. В праве места нет «суверенитету» (Об одном коротком обсуждении в парламенте 1628 г.) // Европа: международный альманах. Вып. 3. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2003. С. 67 – 74.
10. Косминский Е. М. Историография средних веков V в. – сер. XIX в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. 430 с.
11. Малинин Ю. П. Общественно-политическая мысль позднесредневековой Франции XIV – XV вв. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2000. 236 с.
12. Митюрёва Д. С. «Весь мир – театр»: семантические коды в политической философии Жана Бодена // Европа: международный альманах. Т. XIII/1–2. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2014. С. 60 – 66.
13. Новгородцев П. И. Лекции по истории философии права. Учения нового времени, XVI – XIX вв. 3-е изд. М.: Высшая школа, 1914. 234 с. Режим доступа: <http://www.allpravo.ru/library/doc108p0/instrum5264/> (дата обращения: 20.02.2015).
14. Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса / пер. с нем. Д. В. Кузницына. СПб.: Владимир Даль, 2006. 300 с.
15. Bodin J. Les six livres de la République. P.: par J. Du Puys, 1579. 1058 p.
16. Politique, droit et théologie chez Bodin, Grotius et Hobbes / sous la direction de Luc Foisneau. P.: Kimé, 1997. 314 p.
17. Skinner Q. The Foundation of Political Thought. Vol. 2. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1978. 432 p.

Информация об авторе:

Митюрёва Дарья Сергеевна – аспирант кафедры новой истории и международных отношений Тюменского государственного университета, dmiturova@yandex.ru.

Daria S. Mityureva – post-graduate student at the Department of Modern History and International Relations, Tyumen State University.

(Научный руководитель: Кондратьев Сергей Витальевич – доктор исторических наук, профессор, директор Института истории и политических наук Тюменского государственного университета, skondratiev@utmn.ru.

Academic advisor: Sergey V. Kondratiev – Doctor of History, Full Professor, Director of the Institute of History and Political Sciences, Tyumen State University).

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

УДК 94:341.232.7

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ КРУГОВ ЕВРОПЫ В ПОДПИСАНИИ ПАКТА РЕРИХА

*Л. С. Решетникова*THE ROLE OF THE EUROPEAN PUBLIC COMMUNITIES
IN THE ADOPTION OF THE ROERICH'S PACT*L. S. Reshetnikova*

В статье освещается деятельность общественных кругов Европы и представителей русской культурной эмиграции в разработке и принятии Пакта Рериха «Об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников». Автор обращает внимание на сотрудничество представителей русской культурной эмиграции, прежде всего Рерихов, общественных сил, официальных кругов европейских стран по разработке и принятию Пакта Рериха как международного документа. Автор показывает международное значение Пакта как модели для последующих международных документов по защите памятников культуры.

The paper focuses on the activities of the European public communities in the elaboration and adoption of the Roerich's Pact "For the protection of the artistic and scientific institutes and historical monuments". The author turned attention to the collaboration of the representatives of the Russian cultural emigration and of the European countries in the elaboration and adoption of the Pact as the international document. The author shows this document as a model convention for the protection of cultural monuments.

Ключевые слова: культура, памятники, пакт, Рерих, Брюгге, общественность.

Keywords: culture, historical monuments, pact, Roerich, public communities.

«...Сокровища Культуры являются оплотом народа. Всё строительство, всё просвещение, всё духовное вдохновение, вся радость и спасение нарождаются на основах Культурных ценностей», – так оценивал значение памятников культуры Н. К. Рерих.

Обращение к этой теме не случайно. Несмотря на страшные уроки Второй мировой войны, многочисленные межгосударственные договоры и соглашения, мир сотрясают локальные войны и конфликты. Американские бомбардировки в Ираке уничтожили сокровища древней культуры Месопотамии, места, где были заложены основы европейской культуры и цивилизации. Религиозные фанатики, талибы в Афганистане взорвали памятники буддийской культуры, в Сирии уничтожили древние памятники христианской культуры, музеи и библиотеки. Фанатики Исламского государства взорвали древнюю Пальмиру. Художественные галереи, здания институтов, церквей, музеи, библиотеки в Сербии уничтожены бомбардировками НАТО. Межрелигиозные и этнические конфликты в Мали, подогреваемые вмешательством определённых кругов Европы и США, привели к уничтожению редчайших памятников древней африканской культуры. В странах, которые считают себя цивилизованными, нарастает вульгаризация и варваризация, поддерживаются, в том числе и государственными структурами антигуманистические явления и акции. Это подаётся как новые, модернистские направления в развитии культуры. Создаётся впечатление, что идёт целенаправленное разрушение гуманистических начал, основ жизни общества. Перед современным человечеством вновь встаёт задача их защиты и сохранения, воплощённых в памятниках культуры, в традициях. С этих позиций представляет интерес история создания и подписания Пакта Рериха, в которой объединились защитники культуры и России, и Европы, и Америки.

Пакт Н. К. Рериха или международный договор «Об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников» был подписан в апреле

1935 г. в Вашингтоне главами Панамериканского союза, включая США. Это было результатом почти тридцатилетней деятельности Н. К. и Е. И. Рерихов и их единомышленников во многих странах, но прежде всего в Европе. В 20 – 30-е гг., понимая неизбежность большой войны, Рерихи и их сторонники стремились привлечь внимание представителей государств, деятелей мировой культуры и общественных кругов на необходимость защиты и сохранения памятников культуры – древних и современных. О значимости такого международного соглашения Н. К. Рерих говорил ещё до Первой мировой войны. Как отмечала Л. Шапошникова, генеральный директор Международного Центра Рерихов, он интуитивно осознавал свою задачу как планетарную миссию. Большую помощь и поддержку им оказали представители культурных, научных, клерикальных и даже военных кругов Европы. Многие из них были создателями и участниками обществ Рериха. К началу 30-х гг. в этих обществах насчитывалось более восьмидесяти, большинство из них (64) было в европейских странах. Их участниками было разработано Воззвание по принятию пакта Рериха, созданы комитеты для его реализации. В 1929 г. оно было поддержано официальными кругами Франции и США. Побудительным толчком было разрушение храма Христа Спасителя в Москве. Надо отметить, что для правящих сил в этих странах это был прецедент в русле их антисоветской и антирусской политики в целом. Но для сторонников Пакта это был ободряющий знак, защищая культуру, её памятники, они поднимались над противоборствующими сторонами, утверждали гуманистические начала, их объединяющие людей ценности. Эту позицию прекрасно выразил Н. К. Рерих в обращении к Болгарской ассоциации: «Весь мир разбился сейчас на разрушителей и созидателей. Но каждый, кто понимает высокое значение культуры, конечно, будет среди строителей, среди напрягающих энергию, чтобы защитить мир от злобных попыток тьмы» [4, с. 34].

Е. И. Рерих в одном из писем своим корреспондентам в Америку писала: «Наша культурная деятельность была и есть поверх всякой политики» [5, с. 76].

В своей деятельности защитники Пакта опирались на исторические прецеденты, международные акты и договоры, подписанные во второй половине XIX – начале XX вв. Это мирная конференция в Гааге 1899 г., Гаагское Положение 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны и, конечно же, Женевская конвенция 1864 г., утвердившая международную организацию Красного Креста. Н. К. Рериха сравнивали с её основателем Анри Дюнаном, а Пакт называли Красным Крестом Культуры. Надо отметить, что инициатором созыва конференции в Гааге 1899 г. был российский император Николай II. В 1914 г. он поддержал предложение делегации художников о создании государственной комиссии по охране и защите памятников культуры в России. В состав этой делегации входил и Н. К. Рерих. Им был создан список древних памятников русской культуры, прежде всего храмов, нуждающихся в реставрации и охране.

Защитники Пакта развернули активную разнообразную деятельность по его пропаганде. Это были многочисленные художественные и фотовыставки, на которых экспонировались картины и публицистические работы Н. К. Рериха и его сподвижников, статьи в различных европейских журналах и газетах, лекции, конференции, обращения к правительствам стран. При Европейском центре в Париже была предпринята попытка создания Восточного института по изучению восточных языков, религий и философских учений для лучшего взаимопонимания народов Запада и Востока. Во Французской Военной Школе барон де Тюн прочитал цикл лекций, посвящённых Пакту и его символу – Знамени Мира. Аналогичный цикл лекций был прочитан доктором Шклявером (*один из главных разработчиков статей Пакта – Л. Р.*) в старейшем университете Европы в Саламанке (Испания). Идея подписания Пакта, деятельность его разработчиков была поддержана в высших официальных кругах. Это король Югославии Александр, король Борис Болгарский, принц Евгений Шведский, президент Чехословакии Масарик, император Японии, Папа Римский Александр и др.

Основными центрами движения в защиту Культуры и продвижения Пакта были Европейский центр в Париже и Международный союз за Пакт Рериха в Бельгии. Следует отметить работу Латышского общества в Риге. Его руководителями были общественный деятель Латвии Рихард Рудзитис и известные врачи Феликс и Гаральд Лукины. Они собирали подписи в поддержку Пакта, принимали активное участие в подготовке выставок картин Н. К. Рериха. Созданное при этом обществе издательство публиковало на русском языке статьи Н. К. Рериха, тексты «Живой Этики», труды известных мыслителей и религиозных деятелей Востока.

Большую роль в разработке и продвижении Пакта сыграли такие деятели, как Михаил Александрович Таубе, профессор Международного института права, упоминавшийся выше Георгий Гаврилович Шклявер, организатор и председатель Комитета Пакта Рериха при Европейском центре в Париже, юрист-международник, профессор Сорбонны, генеральный секре-

тарь Общества Рериха при Европейском центре. Он и М. А. Таубе были основными разработчиками статей Пакта. Степень профессиональной подготовки документов была настолько высока, что Марга Куцарова, юрист, председатель Национального общества имени Рерихов в Болгарии, сравнивая положения Пакта с международными документами – Гаагской конвенцией 1907 г., Женевскими конвенциями 1949 г., Гаагской конвенцией 1954 г., отмечает высокий уровень проработанности положений Пакта Рериха. «Пакт Рериха об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников, подписанный 15 апреля 1935 г. в Белом Доме в Вашингтоне, предусматривает их защиту без оговорок. ...Пакт впервые ясно и категорично установил в международном праве принцип приоритета защиты ценностей культуры, которые имеют непреходящее значение для всего человечества, над военной необходимостью, имеющей преходящее и конъюнктурное значение. ...Подписанием Пакта Рериха всем народам, всему человечеству была дана исключительная возможность – спасти в предстоящей мировой войне многие бесценные сокровища культуры, ибо Пакт Рериха был задуман и разработан, как универсальный международный договор. Это нужно особо подчеркнуть. Пакт впервые регламентировал принципы и правила защиты культурных ценностей, и эти установления имели и имеют общемировое значение» [2, с. 12]. Куцарова подчёркивает, что при разработке дополнительных соглашений в 70 и 90-е гг. (*Дополнительный протокол 1977 г., Второй протокол к Гаагской конвенции 1954 г., принятый в 2004 г. – Л. Р.*), специалисты по международному праву опирались на статьи Пакта Рериха.

Следует особо отметить значение деятельности Камилла Тюльпинка, председателя Королевского общества охраны памятников в Бельгии, председателя Международного союза за Пакт Рерихов. Во многом благодаря его усилиям был создан в 1931 г. этот союз, и в 30-е гг. Бельгия стала фактически центром движения. По его инициативе Брюгге, по сути, это город – музей Северной Европы, с главным собором Сакре Кёр (Святой Крови), одним из древнейших соборов Европы были избраны местом проведения конференций по Пакту. Первая конференция была открыта в сентябре 1931 г. Местом проведения стала ратуша, располагавшаяся на площади знаменитого фламандского художника Ван Эйка. В её работе приняли участие представители почти двадцати правительств, научных и культурных обществ, всего более ста человек. Конференция утвердила статьи Пакта Рериха и наметила пути его реализации. Также был учреждён Международный фонд Пакта, и было принято обращение ко всем государствам и международным организациям поддержать Пакт. Для её участников в зале городской ратуши была подготовлена художественная выставка. К её открытию Н. К. Рерих послал часть своих картин для выставки. К сожалению, во время Второй Мировой войны эти картины были утрачены. Только одну из них удалось недавно обнаружить в полицейском управлении Коре Кокс, участнице голландского общества Рериха. Вторая конференция была проведена через год, в августе 1932 г. Главной целью было принятие обращения ко всем государствам поддержать Пакт. Её участники подтвердили значи-

мость Пакта и предложили объявить Рим, Брюгге и Венецию городами – музеями, подлежащими защите на основе положений Пакта. С обострением ситуации в Европе их деятельность была перенесена в Соединённые Штаты Америки, где он и был принят как международный акт. Это стало возможным во многом благодаря совместной деятельности его сторонников – представителей русской культурной эмиграции, европейских общественных и политических сил и

поддержке американских культурных и политических кругов. Пакт Рериха приобрёл международный характер и его положения легли в основу международных конвенций по сохранению и защите памятников культуры во второй половине XX в. К сожалению, в современном Брюгге мало кто помнит о Пакте Рериха, о том какую роль сыграли их соотечественники в его судьбе.

Литература

1. Богуславский М. М. Международная охрана культурных ценностей. М.: Международные отношения, 1979.
2. Куцарова Марга. Пакт Рериха – основа международной правовой системы защиты ценностей культуры и её будущее // Культура и время. 2005. № 4(18).
3. Пакт Рериха 1935 г. / пер. с англ. Н. Л. Некрасовой; Гагская конвенция 1954 г. Знамя Мира. Международный Центр Рерихов. М., 1995.
4. Рерих Н. К. Документы, обращения, очерки, эссе, письма из архива МРЦ. Знамя Мира. Международный Центр Рерихов. М., 1995.
5. Рерих Е. И. Письма в Америку. 1929 – 1936. М.: Сфера, 1996. Т. I.
6. Смирнов К. Красота спасёт мир, если мир спасёт красоту. Знамя Мира. Международный Центр Рерихов. М., 1995.
7. Шапошникова Л. Метаисторический смысл Пакта Рериха // 75 лет Пакту Рериха: мат. Междунар. научно-общ. конф. М., 2011. С. 80 – 87.
8. Шатин В. Время собирать камни... Документальный фильм: The Red Cross of Culture. К 70-летию подписания Пакта Рериха. МОО «Международный Центр Рерихов», 2005.

Информация об авторе:

Решетникова Людмила Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент КемГУ.

Ludmila S. Reshetnikova – Candidate of History, Associate Professor, Kemerovo State University

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

УДК 94

ГЕРШОМ ШОЛЕМ И ВАЛЬТЕР БЕНЬЯМИН: ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ И ДРУЖБА ДВУХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ В КОНТЕКСТЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ МЕЖВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Д. А. Смирнов

GERSHOM SCHOLEM AND WALTER BENJAMIN: PRIVATE LIFE AND FRIENDSHIP OF TWO INTELLECTUALS IN THE CONTEXT OF IDEOLOGICAL STRUGGLE OF THE INTERWAR PERIOD

D. A. Smirnov

Статья подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ на проведение научно-исследовательской работы № 33.526.2014/К «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX – начала XXI вв.: виртуальность и реальность».

В статье с позиции интеллектуальной истории анализируются события и обстоятельства частной жизни и дружбы Гершом Шолема и Вальтера Беньямина как представителей поколения интеллектуалов межвоенного времени. Взаимоотношения Шолема и Беньямина рассматриваются в контексте влияния на них идеологической борьбы и политических проблем истории Веймарской республики и нацистской Германии. Источниками, отражающими события частной жизни и дружбы мыслителей, являются сохранившиеся сегодня в личных архивах дневники и письма Шолема и Беньямина. Наряду с законченными и незаконченными научными работами они выступают важнейшей документальной базой исследуемого вопроса. В этих источниках личного плана также представлены философские и теологические дискуссии между ними и мнения мыслителей по поводу актуальных на тот момент вопросов гуманитарного знания. Колоритные оценки исторического контекста дополняют картины интеллектуального пространства. Анализ документов показывает, что политические события, экономические и социальные проблемы глубоко влияли на научные представления мыслителей, но делали их личные связи еще более тесными.

Events and circumstances of private life and friendship of Gershom Scholem and Walter Benjamin as the representatives of the intellectual generation of the interwar period are analyzed in the paper from the perspective of intellectual history. Relationship of Scholem and Benjamin is considered in the context of influence of ideological struggle and political problems of the Weimar Republic and Nazi Germany history on it. The sources reflecting the events of private life and friendship of the thinkers are diaries and letters of Scholem and Benjamin preserved at the moment in the personal archives. Along with the finished and unfinished scientific works they are the most important documentary base of the studied issue. In those personal sources philosophical and theological discussions between the thinkers and their opinions about humanitarian issues current at the time are provided. Picturesque assessments of the historical context complete the scenes of intellectual space. The analysis of the documents shows that the political events, economic and social problems influenced deeply the scientific ideas of the thinkers, but made their personal relations even closer.

Ключевые слова: Гершом Шолем, Вальтер Беньямин, интеллектуалы, интеллектуальная история, межвоенное время.

Keywords: Gershom Scholem, Walter Benjamin, intellectuals, intellectual history, interwar period.

Изучение в России интеллектуальной истории Германии 1920-х – 1930-х гг. отмечено в последние годы растущим интересом к жизни и идеям немецкого мыслителя Вальтера Беньямина (1892 – 1940). Его многочисленные контакты и разносторонние занятия позволяют воссоздать широкое и противоречивое интеллектуальное пространство не только Германии, но и Европы межвоенного времени в целом.

Одним из интеллектуальных контактов Беньямина, повлиявших на его научную деятельность, а также на отношение к общественно-политическим событиям, стала его дружба с Гершомом Шолемом (1897 – 1982), крупнейшим еврейским философом XX в., заложившим основы современной науки о каббале и еврейской мистике.

Они познакомились еще в студенческие годы. Их объединяли тогда схожие моменты личной жизни, поскольку обоим в стремлении свободно заниматься интеллектуальной деятельностью пришлось преодолеть сопротивление родителей. Когда Шолем стал изучать иврит и примкнул к сионистскому движению, его отец выступил против этого и призывал адаптироваться к немецкому обществу, а не афишировать свое еврейство. Это стало причиной конфликта Шолема с отцом, обострившегося во время Первой мировой войны, когда Шолем, кстати, как и Беньямин, отрицательно отнесся к немецкому патриотизму. Беньямин скрывался от призыва в Швейцарии, а Шолем был освобожден от военной службы по медицинским показаниям.

Если занятия Гершома иудаизмом вызвали неприятие у родителей, то у Вальтера фактический конфликт в семье произошел из-за того, что он, избрав основными занятиями писательство и журналистику, больше полагался на материальные средства родителей и много путешествовал. Для бюргерских представлений родителей занятия сына были несерьезными. По окончании гимназии в 1912 г. Беньямин поступил на философский факультет во Фрайбургский университет, но из-за войны окончил учебу только в 1919 г. в Берне, где защитил диссертацию «О понятии художественной критики в немецком романтизме».

Шолем также учился во многих университетах и лишь в 1922 г. защитил диссертацию, ставшую комментированным переводом каббалистического трактата «Сефер-ха-бахир». В годы студенчества большое влияние на Шолема оказал авторитетный еврейский философ Мартин Бубер. Позднее между Бубером и

Шолемом возникли серьезные разногласия как по политическим вопросам, так и по вопросам философской оценки еврейского духовного наследия.

Беньямин в своем познании мира также не обошел вниманием еврейскую религиозную философию, в том числе идеи Бубера. Именно их критическое обсуждение позволило молодым исследователям найти общее в мировоззрении друг друга. Их непосредственное знакомство произошло 23 июля 1915 г., когда Шолем посетил комнату Беньямина, и она произвела на него впечатление «кельи философа», где мыслитель с «историко-философским мышлением», «усердно занимался «сущностью исторического процесса»». По просьбе Беньямина Шолем изложил тогда свой взгляд на исторический процесс: «Все мы имеем кровную связь, которая завещает нам духовную субстанцию и определенные тенденции развития; далее, каждый по отдельности имеет определенных, не принадлежащих к кровной связи духовных предков, которые дают форму его субстанции». Беньямин выслушал его и сделал вывод, что их взгляды на исторический процесс отражают два разных пути: социализм и сионизм [12, с. 132 – 133]. Шолем признает в воспоминаниях, что по отношению к Беньямину уже в начале 1920-х гг. оказался в двойственном положении, которое он объяснял не только поворотом Беньямина к марксизму, но и различиями в характере двух друзей. Впрочем, различия позволили на долгие годы сформировать компромисс для обмена мнениями.

Их встречи, как свидетельствуют дневники Шолема и переписка, стали довольно частыми. Беньямин старался рассказывать Шолему о своих планах и ожидал этого же от него. При этом продолжавшаяся война оказывала влияние на настроения молодых людей, и несмотря на небольшой объем писем, Беньямин считал необходимым сообщить, например, что он «мало надеется на конец войны в этом году» [4, с. 282] и не уверен, что письмо дойдет до Шолема, поскольку тот может быть в армии [4, с. 307].

Спустя полгода Шолем признавал: «Это знакомство оказывает и окажет на меня духовное влияние» [12, с. 176]. Однако детальный разговор состоялся у них лишь в августе 1916 г., когда в течение нескольких дней молодые люди попытались обсудить все наиболее актуальные темы. Шолем во введении к дневнику потом написал: «Все время, пока были вместе, мы ужасно много говорили об иудаизме: о переезде в Палестину, об «аграрном сионизме», об Ахад

га-Аме и «справедливости», но больше всего о Бубере, от которого за четыре дня почти ничего не осталось. Бен-Ямин был прав, когда, прощаясь, сказал мне, что, случись мне встретить Бубера, стоит передать ему от нашего имени ведро слез» [3, с. 17]. Как однажды признался Шолем, во время разговора он увидел в Бен-Ямине «тип экспериментатора» [14].

Разговор августа 1916 г. позволил Шолему сделать вывод о разносторонности мышления Бен-Ямина: «Ум Бен-Ямина вращается и будет еще долго вращаться вокруг мифа, к которому он хочет подойти с самых различных сторон. Со стороны истории, где он идет от романтизма, со стороны поэзии, где он идет от Гердерлина, со стороны религии, где он идет от иудаизма, и со стороны права. «Когда у меня однажды будет своя философия, – сказал он мне, – это будет в какой-то мере философия иудаизма»» [12, с. 391]. Такое стремление к целостному восприятию предмета познания, магическому восприятию становилось характерным для методологии Бен-Ямина.

В 1917 – 1918 гг. переписка Шолема и Бен-Ямина стала более развернутой. Кроме проблем еврейской мистики вопросами обсуждения становились особенности философии истории Канта, взаимосвязь метафизики и религии, проблемы традиции и воспитания, различия между иудаизмом и христианством. В одном из писем в ответ на мысли Шолема о еврейской религиозной традиции Бен-Ямин пишет об историческом значении традиции: «Я убежден, что традиция является средством, в котором ученик непрерывно и во всей сфере воспитания превращается в учителя. В рамках традиции все являются воспитывающими, стремящимися к воспитывающим и всё является воспитанием. Эти отношения символизируются и обобщаются в процессе обучения. Кто не учился, тот не может воспитывать, потому что он не видит, на каком месте он сам стоит, как он таким образом охватывает традицию и посредством этого становится учителем. Кто понял свое знание как уникально переданное, тот и становится неповторимым образом свободным» [4, с. 382].

Воспоминания Шолема, относящиеся к периоду Первой мировой войны, дают нам сегодня также первые описания отдельных сторон поведения Бен-Ямина. Шолем отмечает, что наряду со его стремлением оставаться в одиночестве, а также избегать дискуссий о политических событиях военной поры, заметным было его «желание придавать таинственность всему вокруг» [15, с. 34]. Кроме того, на Шолема «непосредственно произвела впечатление гениальность» мыслителя: «Ясность, которая часто следовала из его скрытого мышления, энергия и острота, с которой он экспериментировал в разговоре, и приправленная остроумными фразами неожиданная строгость, с которой он детально останавливался на вещах, намеченных во мне, главные моменты которых, осязаемость моих сионистских убеждений и вытекавшие из моего философско-математического выбора специальности в университете вопросы, для него на самом деле были все же далеки. Он был хорошим слушателем, хотя и любил долго и много говорить» [15, с. 36].

Непосредственно свою дружбу с Бен-Ямином Шолем позже характеризует так: «Впервые я встретил

человека с очень самобытной силой мысли, которая обращалась со мной на новом уровне и вела в новые глубины. Каждый нашел в другом собеседника, и наши беседы протекали чрезвычайно живо. Таким образом, мы, вероятно, способствовали развитию своего в другом. В общении между нами были взлеты и падения, и в течение восьми лет, прежде, чем я уехал в Палестину, возникла дружба, которая продолжалась до самой его смерти, и сверх того» [13, с. 76].

Мысли Бен-Ямина охватывали Шолема своей «излучающей собственную мораль аурой». Насколько он мог их понимать, «они имели собственную мораль, связанную с религиозной сферой, которая тогда определялась совершенно ясно и открыто в исходной точке его мышления. Но в отношении к вещам повседневной жизни Бен-Ямин противопоставлял определенно аморальный элемент, с которым я не мог согласиться, хотя он оправдывал себя, исходя из презрения к бюргерскому». Шолем отмечает у Бен-Ямина в его отношении к бюргерскому миру «нигилистические черты»: «Моральные категории он признавал только в сфере жизни, воздвигнутой вокруг себя... Бен-Ямин объяснял это тем, что люди, как мы, возлагают на себя обязательства только перед равными себе, но не обязаны следовать правилам общества, которые мы отвергаем. Мое понимание честности, например, по требованию родителей, полностью отвергалось». При этом Шолем отмечает, что «Бен-Ямин на самом деле не был циничным человеком, что хорошо сочеталось с глубоко укоренной в нем мессианской верой» [15, с. 70, 71].

Переписка Шолема и Бен-Ямина свидетельствует, что в 1919 г. именно научный интерес к еврейской религиозной философии, и конкретно к каббалистической литературе, все больше сближал друзей, формируя в общении между ними особое интеллектуальное пространство, предметы которого были зачастую понятны только им двоим. В 1920 г. Бен-Ямин, очевидно по совету Шолема, начал регулярно покупать и знакомиться с еврейской религиозной литературой, о чем постоянно сообщал другу. В одном из писем, спрашивая о перспективах докторской защиты Шолема, Бен-Ямин заявил: «Я хочу стать великим каббалистом, если Вы не станете доктором *«summa cum laude»*» [5, с. 92]. Спустя десятилетия Шолем напишет: «В этом году я полагал, что обращение Бен-Ямина к интенсивным занятиям иудаизмом прямо стучалось в дверь. Но мне были ясны и препятствия для этого, и я умолял его в письмах не упустить благоприятное и подходящее время» [15, с. 117].

В 1920 – 1921 гг. Бен-Ямин часто обращался к Шолему с просьбой разъяснить то или иной вопрос в сионизме. По поводу одной из критических заметок Шолема Бен-Ямин прямо указал, что высказанные в ней мысли близки его идеям, сформулированным в «Задаче переводчика» [5, с. 215].

В конце 1922 г. Шолем стал преподавать курс «История еврейской мистики» в еврейской народной школе в Берлине. Но идея переезда в Палестину его не покинула и постепенно реализовывалась. Бен-Ямин все больше высказывал сожалений по поводу скорого отъезда Шолема. Впрочем, он не стремился его отговаривать. После переселения в Палестину в 1923 г.

Шодем сконцентрировал свои исследования на еврейской мистике. И Бенъямин, благодаря его письмам, постоянно открывал для себя что-то новое из этой сферы, знакомясь с новыми текстами философа в печатном виде или в виде рукописей.

Именно оформившийся тогда интерес к магическому, мистическому, находивший выражение у Шолема в занятиях каббалистикой, а у Бенъямина в изучении эпохи барокко позволил позже Ханне Арендт обозначить основу тесного общения двух интеллектуалов: «В этом смысле точную пару бенъяминовскому, в двойном смысле барочному, выбору составляло дикийинное решение Шолема прийти к иудаизму через каббалу, то есть такую часть еврейской словесности, которая не передавалась и принципиально непередаваема в рамках установленной еврейской традиции, поскольку всегда имела для нее явный привкус незаконного» [1, с. 180].

Вершиной влияния Шолема на Бенъямина можно считать именно период начала 1920-х гг. После отъезда Шолема в Палестину Бенъямин постоянно переписывался с ним и признавался, что тот является одним из немногих, кто хорошо понимает его. Они обменивались новостями и рассказывали друг другу о своей работе. Для Шолема одной из целей становится стремление убедить Бенъямина перебраться в Палестину.

Текстами Бенъямина, написанными под влиянием интереса к теологии, можно считать «О языке прежде всего и о языке людей», «О программе будущей философии», «Теологически-политический фрагмент», «К критике власти». Как отмечал впоследствии Шодем, ««Теологически-политический фрагмент» являлся чистейшим иудейским текстом, в котором Бенъямин пытался выяснить для себя, как выглядел бы мессианиззм. Этот фрагмент завершался признанием нигилизма, объясняемым с точки зрения иудаизма. Теологические мотивы можно обнаружить и в «Критике власти»» [9, с. 7]. Материалы журнала «Ангелус новус», который Бенъямин задумывал в начале 1920-х гг., также планировалось посвятить религиозным темам.

После завершения в 1925 г. докторской диссертации «Происхождение немецкой барочной драмы» и краха при ее защите публикации Бенъямина носят все более фрагментарный характер. Это были либо рецензии, либо заметки по итогам путешествий. Дневниковые записи были также скорее описательны. Письма Шолема и Бенъямина друг другу были все меньше посвящены одному конкретному вопросу – обсуждению книги, научному факту или отдельному исследованию – и приобрели форму подробного рассказа о событиях из жизни. Бенъямин все больше проникался разнообразными научными идеями и общественными настроениями, развивавшимися в Германии («веймарского периода»). Сохранять повышенный интерес к каббалистике мыслителю было трудно не только потому, что самый активный из друзей-каббалистов был далеко, но и потому, что круг знакомств Бенъямина расширялся и многие близкие симпатизировали прежде всего левому движению, а для него самого все острее становился даже вопрос о вступлении в компартию [6, с. 109]. Стремясь разобраться в себе, Бен-

ямин подробно излагал в письмах другу за и против такого вступления [6, с. 158 – 163].

Но в центре их переписки были не только актуальные идеи и события. Шодем признает впоследствии, что и он, и многие друзья ожидали от Бенъямина в середине 1920-х гг. «нечто значительное». Он обладал таким систематическим мышлением, которое способно было представить новую систему метафизики. Однако, как отмечает Шодем, единственно, в каком качестве он действительно проводил в конце концов систематическую линию, это было качество «философско-литературного фрагментиста». В этом качестве он реализовывал себя в рецензиях и заметках. Крупнейшим «значительным» исследованием для Бенъямина в это время мог стать труд о парижских пассажах, над которым мыслитель трудился 13 последних лет жизни, но так и не завершил. Углубление в это исследование, отмечает Шодем, сопровождалось исключительно поворотом к марксизму. При этом он замечает, что старался «не способствовать этому повороту» и сохранять у Бенъямина интерес к теологии [14].

Впрочем, в середине 1920-х гг. идея отправиться в Палестину вслед за Шодемом также продолжала оставаться для Бенъямина актуальной. Но Бенъямин ценил свое положение свободного исследователя. Он путешествовал по Европе, завязывал знакомства и переписку с людьми разных взглядов. Поэтому выбор пути в Палестину казался ему непреднамеренным сужением и интеллектуального, и географического горизонта жизни и деятельности. Тем не менее, Палестина представлялась Бенъямину и таким чистым пространством, где не нужно постоянно доказывать и показывать, кто ты есть и чего ты стоишь, как это было в Европе и конкретно в Германии, охваченной политическими и общественными потрясениями. Это была «земля обетованная» для свободного интеллектуального творчества. Но вставала задача обретения там полной свободы, а это, и по мысли Шолема, и по признанию Бенъямина, было невозможно без глубокого вживания в еврейскую интеллектуальную культуру и конкретно без знания иврита. Мыслитель прилагал большие усилия, чтобы овладеть языком.

В 1928 г. Бенъямин писал о намерении посетить Шолема в Палестине [6, с. 378]. Решающим для этого могло бы стать знакомство благодаря Шодему с Иудой Магнесом, президентом Еврейского университета в Иерусалиме. После знакомства в Париже с Бенъямином Магнес согласился дать ему стипендию в объеме 3600 марок на 1 – 2 года в размере 150 – 300 марок в месяц для изучения иврита, с условием, что он затем посвятит себя изучению всего, что связано с еврейством [15, с. 172 – 175].

Но в феврале 1929 г. Бенъямин сообщил Шодему, что готов учить иврит в Берлине, а в Палестину поехать лишь осенью, если из Европы будет возвращаться сам Шодем. Однако, позже, ссылаясь на высокие цены на учебу, Бенъямин написал, что еще не начинал систематически изучать иврит. При этом он продолжал интересоваться трудами Шолема на тему каббалы [6, с. 437]. В своих письмах Шодему Бенъямин постоянно раскрывает все новые аргументы к

поездке в Палестину, но не решается сделать последний шаг.

В 1920-е гг. основу интеллектуальной деятельности Бенямина составляла критическая позиция, выражавшаяся в независимом и свободном суждении по вопросам гуманитарных наук. Но постепенно независимая позиция Бенямина первых лет Веймарской республики становилась невозможной. Это стало очевидно на рубеже 1920-х – 1930-х гг. в условиях обострения политической борьбы в Германии. По поводу ситуации, в которой оказался лично Бенямин, Шолем вспоминает: «Бенямин был аутсайдером в двойном смысле: в отношении науки, где он оставался таким в значительной степени до настоящего времени, и в отношении литературы. Немногие его коллеги среди литераторов могли бы начать что-то делать с ним; многим он был неприятен. И это чувство было взаимным» [15, s. 182].

Для самого Бенямина широкий интерес к общественной жизни все более приобретал характер открытой политической экспертизы. Интеллектуальное фланирование нуждалось в острой политической полемике, поскольку многое вокруг противоречило сути свободной критики. По мнению Шолема, именно в 1930 г. четко обозначились «поворотный момент в духовном развитии и пик интенсивной деятельности Бенямина в литературе и философии» [15, s. 197 – 198]. Наверно признавая в этом году, что он так и не переселится в Палестину, Бенямин писал Шолему: «Никакого другого образа полного жизни иудаизма я совершенно ни в ком не узнал, кроме тебя. Вопрос, который я ставлю перед иудаизмом, всегда является вопросом, который я – я не хочу не говорить тебе (так как моя дружба не будет зависеть ни от какого решения) – отношу к силам, затронутым тобой во мне» [6, s. 520].

В 1931 г. на фоне экономического кризиса основной темой их переписки становятся именно личные проблемы и социальные неурядицы. Однако новейшая литература, в том числе по каббалистике, также обсуждается [7, s. 52]. С обострением ситуации в Германии изменилась риторика в письмах друзей. В 1932 г. они стали называть нацистский режим Третьим Рейхом. Но обсуждения научных дел они практически не касались, скорее понимая, что актуальному положению друг друга помочь не смогут, и обращаясь к коллеге лишь за духовной поддержкой.

В середине 1930-х гг. друзья в своих письмах часто обсуждают судьбу общих знакомых, которые еще оставались в Германии, сына и брата Бенямина, брата Шолема. Ситуация в Европе вновь обостряла вопрос о переселении Бенямина в Палестину и в 1933 г. он писал Шолему, что готов поехать, но только если все будет подготовлено. На это он не мог надеяться, так как не владел ни ивритом, ни английским языком, и признавал, что для него «в Палестине меньше странства, чем в Европе» [7, s. 238].

Постоянной темой размышлений в письмах этого времени становится история. Итогом этого были не только материалы, собранные Бенямином к исследованию парижских пассажей, но и историко-философские тезисы «О понятии истории». Возможно, они подтолкнули Шолема к написанию собственных

«10 неисторических тезисов о каббале». По его мнению, изменениям во взгляде на марксизм у Бенямина, нашедшим отражение и в тезисах «О понятии истории», и в сохранившихся архивных материалах, способствовали тогда сталинские репрессии и начало Второй мировой войны.

Бенямин активно использовал предложенные Марксом категории и дал своей модели исторического познания, понимаемого как пробуждение, также марксистское объяснение [8, s. 495 – 496]. При этом Шолем указывает на «загадочное сочетание переплетающихся друг с другом в мышлении Бенямина двух образов мысли – метафизически-религиозного и материалистического». Шолем признает, что позиция мыслителя находила более яркое и точное выражение в работах, основанных на материалистическом образе мысли. Он относит такую относительную победу материализма в мышлении Бенямина к середине 1920-х гг. [15, s. 156]. Впрочем, по его словам, метафизика оставалась для Бенямина духовным источником, с которым «категории материализма мало и часто совсем не имели дела». Исторический материализм, по оценке Шолема, был признан Бенямином «как эвристический принцип, но не как догма» [15, s. 210]. Эту мысль он высказал и в письме другу в 1931 г., считая, что Бенямин от материалистического метода «независим полностью (в лучшем случае) или (в худшем случае, как во многих работах последних двух лет) играет с двусмысленностями и погрешностями этого метода» [15, s. 284]. Шолем полагал, что занятия материализмом могут быть безопасны для Бенямина лишь до момента, когда он будет разоблачен как «типичный контрреволюционер и буржуа, как этого не стремится избегать», поскольку его «диалектика не является диалектикой материалиста» и он «подобен настоящему материалисту лишь до тех пор, пока пишет для буржуа о буржуа» [15, s. 284].

По мнению Шолема, осторожному обращению с историческим материализмом у Бенямина «до самого конца соответствовала в его работах и сохраняющаяся приверженность иудейским категориям» [15, s. 210]. Однако последний момент можно считать очевидным лишь для Шолема, полагавшего, что Бенямина все еще можно было повернуть к каббалистике.

Сохранившийся в эти годы интерес Бенямина к еврейской религиозной философии Шолем обнаружил позже в его тексте «Агесилаус Сантандер», написанном в 1933 г., где Бенямин комментирует картину Пауля Клее «Angelus Novus». По словам Шолема, эта картина «играла в его жизни глубокую роль как образ для размышлений и как напоминание о духовном предназначении». Шолем указывает, что в этом тексте обнаруживает себя «двунаправленность беняминовского мышления, в котором мистическая интуиция и рациональный взгляд часто лишь внешне связываются диалектикой», и называет ее также «самой удивительной чертой Бенямина», «сочетанием редкой проникновенности мысли, дара ее диалектической остроты со склонностью к фантастическим теориям» [2, с. 186].

Бенямин обращается в «Агесилаус Сантандер» к еврейским религиозным мотивам для объяснения

личной жизни, вспоминая о традиции давать при рождении тайное имя: «Так в берлинской комнате, где я жил, тот, кто не успел явиться из моего имени во всем своем снаряжении на свет дня, прикрепил к стене свое изображение: Новый Ангел. Каббала рассказывает, что Господь каждый миг творит сонмы новых ангелов, предназначение каждого из которых – одно мгновение петь хвалу Господу перед его престолом, чтобы потом раствориться в Ничто. Новый Ангел и выдал себя за такого, прежде чем пожелал назваться» [2, с. 186]. В созданных Беняминами образах Шолем находит не только отражения событий его личной жизни, но и оценки общественной реальности. Более того, следуя за выявленными в тексте связями с каббалистикой, Шолем резюмирует: «В фантазмагорическом видении картина «Angelus Novus» становится для Бенямина образом его Ангела как оккультной реальности его самого» [2, с. 192].

В последние годы жизни Бенямина к повседневным трудностям добавились политические проблемы. Начало Второй мировой войны привело к тому, что мыслитель оказался под угрозой быть интернированным из Франции, где проживал. К тому же его угнетала общая ситуация в самой Германии: преследование несогласных, тревожные новости о близких, а также поведение тех, кто отказался от сопротивления режиму [8, с. 1172].

Близко общавшийся с Бенямином в Париже в 1937 – 1938 гг. Сима Моргенштерн рассказывал позже Шолему, что они больше разговаривали о литературе, чем о политике, пока не началась война: «В то время

он был оптимистом и его намного больше интересовали разговоры со мной о Лескове, чем о Сталине и Геббельсе. До мрачного дня, когда обрушилась новость о пакте Гитлера и Сталина». По оценкам Моргенштерна, в отличие от многих коммунистов, «новость о пакте нанесла ему лично неисцелимый удар»: «Этот поступок Сталина отнял у него веру в исторический материализм». И эти новые обстоятельства создали предпосылки для работы над очерком «О понятии истории»: «Я предполагаю, что в ту же неделю он составил план своих тезисов, которые позже написал и которые не означали ничего иного, как ревизию исторического материализма» [10, с. 251 – 252]. Моргенштерн признался Шолему, что «всегда считал Бенямина заблуждавшимся каббалистом и с болью сожалел, что такой духовно глубокий человек, как он, мог еще испытывать заблуждения в большевизме и мог быть сбит с толку им» [11, с. 516].

Такая оценка соответствовала и мнению самого Шолема. Свой главный труд «Основные течения в еврейской мистике», вышедший вскоре после смерти мыслителя, он посвятил ему: «Памяти Вальтера Бенямина, друга всей моей жизни, чей гений соединял глубокую интуицию метафизика с даром критического истолкования и эрудицией ученого. Умер в Порт-Боу, на пути к свободе». Эти слова констатировали признание Шолемом значения Бенямина и для своих идей, и для мировой интеллектуальной истории. Своим долгом он считал сохранить и донести идеи Бенямина до широких масс и следовал этому до конца своей жизни.

Литература

1. Арентс Х. Вальтер Бенямин // Иностранная литература. 1997. № 12.
2. Шолем Г. Вальтер Бенямин и его ангел // Иностранная литература. 1997. № 12.
3. Цит. по: Заболотная Н.-Э. Г. Г. Шолем – духовные странствия // Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике. М.: Мосты культуры, 2004.
4. Benjamin W. Gesammelte Briefe. 6 Bände. Frankfurt am Main: Suhrkamp. 1995 – 2000. Band I.
5. Benjamin W. Gesammelte Briefe. 6 Bände. Frankfurt am Main: Suhrkamp. 1995 – 2000. Band II.
6. Benjamin W. Gesammelte Briefe. 6 Bände. Frankfurt am Main: Suhrkamp. 1995 – 2000. Band III.
7. Benjamin W. Gesammelte Briefe. 6 Bände. Frankfurt am Main: Suhrkamp. 1995 – 2000. Band IV.
8. Benjamin W. Gesammelte Schriften. 7 Bände. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1972 – 1989. Band. V.
9. Colloquium mit Professor Gershom Scholem am Freien Universität Berlin (Seminar für allgemeine und vergleichende Literaturwissenschaft) am 17. Mai 1968: Walter Benjamin// Scholem Archive in the Jewish National Library of the Hebrew University. Arc. 4. 1598. 11. S. 7.
10. Morgenstern S. Drei Briefberichte zu Walter Benjamins Exil // «Was noch begraben lag». Zur Walter Benjamins Exil. Briefe und Dokumente. Hrsg. von Geret Luhr. Berlin: Bostelmann & Siebenhaar Verlag, 2000.
11. Morgenstern S. Über Walter Benjamin. Aus Briefen an Gershom Scholem // Morgenstern S. Kritiken, Berichte, Tagebücher. Lüneburg: zu Klampen, 2001.
12. Scholem G. Tagebücher. Nebst Aufsätzen und Entwürfen bis 1923. 1. Halbband 1913 – 1917. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995.
13. Scholem G. Von Berlin nach Jerusalem. Jugenderinnerungen. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1994.
14. Scholem G. Vorwort zu Erinnerungen von Walter Benjamin // Scholem Archive in the Jewish National Library of the Hebrew University. Arc. 4. 1598. 2-54.
15. Scholem G. Walter Benjamin – die Geschichte einer Freundschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1975.

Информация об авторе:

Смирнов Дмитрий Александрович – доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета, d-smirnov@mail.ru.

Dmitriy A. Smirnov – Doctor of History, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of World History and International Relations, Ivanovo State University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

УДК 930:94(430).085

ОТ ТРАДИЦИИ К «КОНСЕРВАТИВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»: ИСТОРИЯ И ИДЕОЛОГИЯ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ОСВАЛЬДА ШПЕНГЛЕРА

О. Э. Терехов

FROM TRADITION TO “CONSERVATIVE REVOLUTION”: HISTORY AND IDEOLOGY IN OSWALD SPENGLER’S CULTURAL-HISTORICAL THEORY

O. E. Terekhov

Цель статьи – рассмотреть идеологические предпосылки культурно-исторической концепции Освальда Шпенглера в его труде «Закат Европы», которые оказали влияние на становление его политических взглядов как идеолога немецкой «консервативной революции». Автор анализирует проблему мировоззренческого перехода Шпенглера от политического и идеологического традиционализма к идеологии «консервативной революции». В контексте культурно-исторической концепции «Заката Европы» раскрывается связь между теоретико-методологическими взглядами Шпенглера на исторический процесс и его политическими идеями.

The purpose of the paper is to consider the ideological background of Oswald Spengler’s cultural-historical theory in his work *The Decline of the West*, which influenced the formation of his political views as an ideologist of the German “conservative revolution”. The author analyzes the problem of Spengler’s ideological transition from political and ideological traditionalism to the ideology of “conservative revolution”. In the context of the cultural-historical concepts of *The Decline of the West* the paper reveals the relations between Spengler’s theoretical and methodological views on the historical process and his political ideas.

Ключевые слова: Освальд Шпенглер, «Закат Европы», традиционализм, «консервативная революция».

Keywords: Oswald Spengler, *The Decline of the West*, traditionalism, “conservative revolution”.

Освальд Шпенглер (1880 – 1936) занимает важное место в германской гуманитарной и общественно-политической мысли первой трети XX столетия. Философ истории, культуролог и публицист, он оказал заметное влияние на немецкую консервативную мысль своей эпохи. В интеллектуальном наследии Шпенглера отразились основные этапы эволюции германского консерватизма: традиционализм консерваторов кайзеровского рейха, культурпессимизм младоконсерватизма в форме «консервативной революции» веймарского периода германской истории, мотивы правого радикализма и нигилизма в национал-социалистическом духе.

В написанном в годы Первой мировой войны, первом томе своего главного труда «Закат Европы» (1918), Шпенглер выстраивает глобальную философско-историческую концепцию развития человечества. В основе этой концепции находилась одна из центральных идей немецкой гуманитарной мысли – идея борьбы западной цивилизации и немецкой культуры. Шпенглер выступал за сохранение традиций, но он пришел к выводу о том, что старые традиции были уже в значительной мере утрачены, и связь поколений разрушена. Как и консерваторы XIX века, Шпенглер рассматривал общество в качестве органического целого, однако существенным отличием его представлений об обществе от традиционного консерватизма является отсутствие опоры на религию. По его мнению, государство основывается на принципе «воли к власти» и не нуждается ни в какой-либо божественной санкции. В этом отношении Шпенглер выступил последователем своего духовного учителя Ницше.

Феномен «Заката Европы» имеет не только философско-историческую и культурологическую составляющую. Книга являет собой блестящий образец того, насколько зачастую тесно в германской гуманитарной мысли проходила связь между собственно научными

изысканиями и теми идеологическими выводами, которые можно было сделать из них. Книга наглядно свидетельствовала, какие политические теории можно было вывести из казалось бы сугубо философского учения о закате культур. Впрочем, сам Шпенглер и не отрицал политический подтекст своей книги, выход которой был приурочен к окончательной победе немецкого оружия в мировой войне [3, с. 127], а замысел «Заката Европы» возник из политического очерка 1911 г., написанного им как отклик на текущие политические события [3, с. 183].

Проблема политической составляющей в философии истории Шпенглера нашла достаточно подробное освещение в шпенглероведении. Х. Мёллер писал о том, что политические сочинения Шпенглера следует воспринимать и понимать «как актуальные парафразы его необычайно сенсационного и волнующего главного труда» [12, с. 51]. Д. Фелькен подчеркивал, что вопрос о принципах философии Шпенглера, ее методологических и мировоззренческих основах возможен только в контексте современной Шпенглеру идеологии [9, с. 49]. Биограф Шпенглера А. М. Коктанек, рассматривая предпосылки возникновения «Пруссачества и социализма», приходит к выводу, что политические работы Шпенглера были завершающим аккордом в разработке формы его взглядов на историю и человека [10, с. 232].

По мнению Дж. Фарренкопфа, «Закат Европы» необходимо рассматривать не только как новаторскую книгу по философии истории, но и как труд призванный дать немецкой элите рекомендации по искусству управления государством [8, с. 45 – 46, 72]. Шпенглер, по мнению Фарренкопфа, попытался соединить три великие немецкие интеллектуальные традиции: философию истории, культурпессимизм, «Realpolitik». Ж. Мерлио полагает, что за маской культурпессимизма

и героического реализма, которую надел на себя Шпенглер, скрывалась банальная мифология германского империализма [11, с. 221]. В исторической системе Шпенглера нашли свое выражение все мифы и желания немецкой национальной буржуазии: миф об особом пути Германии; имперский и государственный миф; миф о Фаусте как символе германской культуры; миф о Пруссии как о подлинной выразительнице германской сущности; миф о великом вожде. Высокие культуры Шпенглера были образцом националистического идеала автаркии.

Р. фон Буше считает Шпенглера авангардистом в ряду консервативных мыслителей Веймарской республики и выделяет три важных концептуальных момента, на которых основан этот авангардизм:

1) Шпенглер первым, среди консерваторов Веймарской республики, обнаружил, что причины политических проблем могут иметь более глубокий характер, чем внешние события, породившие их;

2) пессимистическая культурфилософия Шпенглера стала важным опытом создания метаполитических конструкций в германском консерватизме в Веймарской республике;

3) изобретенный Шпенглером, звучный тезис-лозунг о «Закате Европы» (*буржуазной, либеральной, космополитической Европы – авт.*) стал символом обновленного немецкого консервативного движения в Веймарской республике [6, с. 119 – 120].

К. Мёккель следующим образом характеризует сущность философско-исторических и политических взглядов Шпенглера: «В своей критике культуры и человека, которая, помимо философии жизни, основывается также на социал-дарвинистских и антилиберальных позициях, Шпенглер глубоко проникает в сущность современного индустриального общества и массового производства. Несмотря на всю свою полемику с историческим романтизмом, в глубине души Шпенглер, тем не менее, симпатизирует доиндустриальной, крестьянско-почвеннической цивилизации. Он стал голосом консервативных кругов в составе правящей элиты, враждебно настроенных к Веймарской республике, хотя сотрудничество Шпенглера с национал-социализмом, конечно, не состоялось в силу его элитистских убеждений» [1, с. 159 – 160].

Шпенглера, как политически ориентированного мыслителя, в первую очередь занимал вопрос о проявлении в духовных и материальных феноменах культуры выражения ее идеологической и мировоззренческой основы. Издателю Курту Вольфу он следующим образом характеризовал суть замысла «Заката Европы»: «Проблема формы духовного и социального развития сегодняшней Европы образует здесь сущность окончательного анализа человеческой культуры» [9, с. 40]. В самой книге он более образно проговаривает эту мысль: «Становилось ясным, что политическая проблема не может быть понята из самой политики и что существенные черты, скрытые в глубинах, зачастую осязаемо проявляются лишь в сфере искусства, часто даже только в форме весьма отдаленных научных и чисто философских мыслей» [3, с. 183].

В таком контексте «Закат Европы» является знаковой книгой, в которой отразился переход Шпенглера от политического традиционализма типичного для немец-

ких консерваторов кайзеровской эпохи к радикализации идейно-политических воззрений после поражения Германии в Первой мировой войне, Ноябрьской революции и учреждения буржуазно-демократической Веймарской республики. Эта разница особенно наглядно заметна в проблематике первого и второго томов (вышел из печати в 1922 г.). Если в первом томе политика присутствует подспудно, как бы на заднем фоне философско-исторических размышлений Шпенглера, то во втором – политика и все, что ей сопутствует, становится едва ли не главным предметом рассуждений Шпенглера. При этом в первом томе Шпенглер предстает как консервативный мыслитель традиционалистского типа, хотя и с известными оговорками, то второй том являет нам во многом политического радикала, признанного духовного и интеллектуального вождя, стремительно набирающего популярность в национально ориентированных и патриотических настроенных кругах Веймарской Германии феномена «консервативной революции».

Будучи сторонником идеи несовместимости немецкой культуры с западной цивилизацией, Шпенглер отверг итоги Ноябрьской революции в Германии. Учреждение буржуазно-демократической Веймарской республики он воспринял как предательство исторических, культурных и национальных традиций германской государственности. Республика означала для Шпенглера крушение прусской государственно-политической традиции [14, с. 115]. Мировая война также показала, какие цивилизационные силы будут доминировать в будущей мировой империи: англосаксонский капитализм или по-пруски организованный социализм. Первая мировая война завершилась, по мнению Шпенглера, не национальным возрождением, а национальным крахом Германии.

В данном политическом контексте рассуждений Шпенглера о мировой истории, культурно-историческая концепция «Заката Европы» стала едва ли не главным идеологическим оружием Германии после войны. Сама идея возвращения к культурно-историческим типам, казалось бы забытым в европейской философско-исторической мысли, вызвала неподдельный интерес у широкой публики. Циклическая концепция истории, предложенная Шпенглером, явно не вписывалась в контекст господствующего европоцентризма западной гуманитарной мысли начала XX столетия. Шпенглер, сам того не желая, обнажил кризисные точки развития западной цивилизации и показал ограниченность и конечность любого исторического процесса в пространстве и времени.

Особенно это касалось главного вывода Шпенглера о наступлении цивилизации и «Закате Европы». Высшей точкой упадка и разложения культурно-исторических типов становится для Шпенглера цивилизация, которую он называет последней стадией существования культур. В этом и заключалась основная идея первого тома: показать на грандиозных исторических примерах судьбу западной (фаустовской) культуры, входящей в стадию цивилизации, которая неизбежно должна была закончиться ее распадом. «Гибель Запада, рассмотренная таким образом, означает не больше и не меньше как проблему цивилизации» [3, с. 163]. Цивилизация разрушает традиционную основу

культуры, базис которой составляет мистический и почвеннический прафеномен, и выпускает на свет силы космополитизма, экономики, денег, политики, цезаризма и т. д. Естественно, что в условиях поражения Германии в Первой мировой войне и общего духа культурпессимизма в послевоенной Европе, фаталистическая философия истории Шпенглера вызвала большой интерес в широких слоях общества. В Германии книгу называли «духовным наркотиком» горечи поражения.

В своей манере критики культуры и цивилизации «Закат Европы» идет в русле популярного философского направления начала столетия философии жизни, к которой принадлежал Шпенглер как мыслитель, и отличается склонностью рассматривать формирование интеллектуального характера человека Нового времени, с его регулярностью, точностью и субординацией. Это воспринималось как процесс, параллельный упадку душевной стороны человеческого существа, расщеплению и отчуждению целостной личности, как она сложилась еще до развития промышленного производства в XIX в. Именно философия жизни в Германии стала центром иррационалистических тенденций в гуманитарной мысли, которые в политической плоскости находились между традиционалистским консерватизмом кайзеровского рейха и откровенной реакцией.

В первом томе «Заката Европы» также появляется один из основополагающих мотивов политической философии Шпенглера — проблема социализма. Шпенглер следующим образом обосновывает свое понимание социализма. «Социализм есть ставшее иррелигиозным фаустовское жизнечувствование» — писал Шпенглер [3, с. 546]. Социализм в представлении Шпенглера являлся неким этическим кодексом фаустовского человека эпохи цивилизации, еще не растерявшего свою жизненную активность. Шпенглер отверг экономическую трактовку социализма и наполнил понятие «социализм» этическим содержанием. Шпенглер делает вывод о близости принципов этического социализма с прусским духом, основными чертами которого были: право на труд, долг и воля к власти. Таким образом, уже в первом томе «Заката Европы» содержались основные компоненты шпенглеровской концепции «прусского социализма», развитые позднее в его главном политическом сочинении «Пруссачество и социализм».

Во втором томе «Заката Европы» Шпенглер политические мотивы и политическая философия Шпенглера заняли едва ли не главное место [4]. Шпенглер, анализируя политическую историю, вновь вернулся к противопоставлению цивилизации и культуры через оценку роли в истории социальных сословий, которые, по его мнению, являются отображением метафизического момента в истории [4, с. 355]. Шпенглер ставит политику в центр исторического развития, космического течения жизни «Политика в высшем смысле — это жизнь, и жизнь — это политика» — пишет он [4, с. 354].

Шпенглер подчеркивает силу традиций для становления и развития института государства. Государство возможно только в контексте культуры, а создателями и носителями культуры в истории, по Шпенглеру, выступают дворянство и духовенство. Именно эти два сословия являются носителями смысла исторического

процесса. Позитивно оценивает Шпенглер и крестьянство, которое как сословие кровно связано с землей и поэтому также является носителем культуры.

«Всемирная история — история государств» — утверждал он [4, с. 385]. Шпенглер, основываясь на своем принципе морфологического подхода к истории, рассматривает государство как естественную форму исторического существования народа, обусловленную особенностями культуры. Проблема стабильности государства — это вопрос о его внутреннем авторитете, который зависел не от конституции, а от работы правительства и авторитета вождя [7, с. 40 — 41]. Истинным порождением культуры и, соответственно, подлинным государством могло быть, по мнению Шпенглера, только сословное государство.

С наступлением цивилизации и приходом буржуазии к политической власти авторитет государства начинает падать. Наступает современная эпоха демократии и парламентаризма, которую Шпенглер ненавидел. Шпенглер считал парламентаризм «продолжением буржуазной революции иными средствами» [4, с. 441]. Демократия верный признак и начало упадка и гибели культуры. С распадом парламентаризма государство в эпоху цивилизации вступает в свою заключительную стадию — стадию цезаризма; господства сильной харизматической личности, но лишенной культурно-исторической детерминации. «Цезаризмом я называю такой способ управления, который, несмотря на все государственно-правовые формулировки... бесформен по своему внутреннему существу» — характеризовал Шпенглер последнюю стадию существования государства в истории [4, с. 459].

К. Экерманн, рассматривая функцию власти и политики в философии истории Шпенглера, писала, что «в концепции Шпенглера власть возникает как противоположность культуре, а политика становится высшим проявлением виталистского напора в самоутверждении властной экспансии» [7, с. 40]. Шпенглер понимал государство как органический индивидуум, в котором единичная воля подчинялась воли общей [7, с. 40].

Уже в первом томе «Заката Европы» Шпенглер в своем понимании традиции вышел за рамки традиционализма вильгельмовской эпохи в Германии. Во втором томе, как мы писали выше, этот тренд проявился еще более отчетливо. Наряду с А. Мёллером ванн ден Бруком и рядом других деятелей, Шпенглер становится основоположником влиятельного идейного направления в германском консерватизме в период Веймарской республики «консервативной революции». Предпосылки «консервативной революции» в духовной и общественно-политической жизни Германии формировались еще до Первой мировой войны, но «великий немецкий кризис» 1918 г. до предела обострил конфликт идеологии модерна и либерализма, активно пробивавших себе дорогу в кайзеровском рейхе, и традиционных архетипов немецкого общественного самосознания, которые опирались на культ государства, авторитета, служения, иерархии, сословно-корпоративного устройства общества и силы.

В историографии «консервативной революции», довольно обширной, существуют две общепризнанные концепции, которые по-разному трактуют этот фено-

мен. Основоположник изучения «консервативной революции» А. Молер давал следующие ее определение: «Консервативная революция» – это процесс, имеющий европейский характер, который еще не завершен, но начало которого следует относить к Великой Французской революции. «Консервативная революция» – это контрреволюция, направленная против идей Великой Французской революции и в целом XIX столетия» [13, с. 19].

Другой вариант трактовки «консервативной революции» принадлежит известному современному германскому политологу и социологу Ш. Бройеру, который считает, что «консервативная революция» не была консервативной в том смысле в каком ее понимают, и в целом мало имела отношение к консерватизму как таковому. Несмотря на апелляцию к традиционным формам политического сознания и использования идей-символов немецкого консерватизма, она явственно несла черты модерна. Бройер рассматривает «консервативную революцию» как одно из проявлений кризиса «буржуазного сознания» в форме нового национализма, родившегося в недрах «массового общества», стремившегося разрушить узкоклассовые интересы «старого» консерватизма и рассматривающего как единое целое [5, с. 183]. «Консервативная революция осталась в истории последним ярким явлением немецкого романтизма» [2, с. 133].

По существу, в «Закате Европы» Шпенглер отразил главные мировоззренческие и идейные тренды

«консервативной революции»: идею сословно-корпоративного строя и общественной иерархии, опору на традицию и поиск новых ценностных ориентиров для ее дальнейшего развития, неприятие как чуждых духу немцев идеалов секуляризации, либерализма, демократии, народного представительства, равенства и свободы и борьба с либеральными доктринами эпохи Просвещения и нового времени, синтез правой и левой идеологии, консерватизма и социализма (концепция «прусского социализма»), регулируемая экономика, солидаризм, культ труда и служения обществу и государству, культ вождя и апологию чиновничества и авторитарных методов управления, борьба с буржуазными ценностями (культ наживы, денег, капитал, парламентаризм, демократия).

Переход Шпенглера в идейный лагерь «консервативной революции» был изначально предопределен замыслом и задачами, которые он ставил в «Закате Европы»: обновить немецкую консервативную традицию. В этом отношении его интеллектуальные усилия развивались в русле идеологии «консервативной революции». «Революционные консерваторы» стремились посредством духовной революции и политической активности возродить потерянные духовные и политические идеалы консерватизма: единство, авторитет, иерархию. Но такое возрождение мыслилось ими не как простое возвращение к предвоенным ценностям германского консерватизма, а как их кардинальное обновление.

Литература

1. Мёккель К. Диагностика кризиса: Гуссерль против Шпенглера // Логос. 2007. № 6. С. 147 – 175.
2. Сендеров В. Кризис современного консерватизма // Новый мир. 2007. № 1. С. 117 – 151.
3. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1: Гештальт и действительность // пер. с нем. М.: Мысль, 1993. 663 с.
4. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы [пер. с нем.]. М.: Мысль, 1998. 606 с.
5. Breuer S. Anatomie der Konservativen Revolution. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1993. 232 s.
6. Bussche R. von dem. Konservatismus in der Weimarer Republik: die Politisierung des Unpolitischen. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1998. 428 s.
7. Eckermann K E. Oswald Spengler und moderne Kulturkritik. Bonn, 1980. 315 s.
8. Farrenkopf J. Klio und Cäsar. Spenglers Philosophie der Weltgeschichte im Dienste der Staatskunst // Der Fall Spengler: Eine kritische Bilanz / Hrsg. von A. Demandt, J. Farrenkopf. Köln, Weimer, Wien: Böhlau Verlag, 1994. S. 45 – 73.
9. Felken D. Oswald Spengler: Konservativer Denker zwischen Kaiserreich und Diktatur. München: Beck, 1988. 304 s.
10. Kottanek A. M. Oswald Spengler und seiner Zeit. München: Beck, 1968. XXVII. 523 s.
11. Merlio G. Die mythenlose Mythologie des Oswald Spengler // Moderne und Mythos / Hrsg. von S. Vietta, H. Uerlings. München: Wilhelm Fink Verlag, 2006. S. 207 – 225.
12. Möller H. Oswald Spengler – Geschichte im Dienste der Zeitkritik // Spengler heute / Hrsg. von Ch. Ludz. München: Beck, 1980. S. 49 – 73.
13. Mohler A. Die Konservative Revolution in Deutschland 1918 – 1932: Grundriss ihrer Weltanschauungen. Stuttgart: Vorwerk, 1950. 287 s.
14. Sieferle R. P. Die Konservative Revolution: fünf biographische Skizzen (Paul Lensch, Oswald Spengler, Ernst Jünger, Hans Freyer. Frankfurt am Main: Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1995. 250 s.
15. Spengler O. Politische Schriften. München: Beck, 1933. XII, 337 s.

Информация об авторе:

Терехов Олег Эдуардович – доктор исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КемГУ, terehov1968@mail.ru.

Oleg E. Terekhov – Doctor of History, Assistant Professor at the Department of Modern and Contemporary History and International Relations, Kemerovo State University

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

УДК 94(100) «05/16-18»

АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХИЯ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

О. Н. Терехова

ABSOLUTE MONARCHY IN WESTERN EUROPE AS A SOCIO-POLITICAL SYSTEM

O. N. Terekhova

В статье рассматривается европейская абсолютная монархия как социально-политический феномен. Анализируются тенденции развития европейских государств и основные направления трансформации политических структур, выделяются определяющие черты абсолютной монархии. Автор анализирует разнообразные факторы, которые оказали влияние на становление и развитие абсолютной монархии в европейских странах. Показывается, что абсолютная монархия была явлением переходной эпохи, для которой было характерно сочетание старых и новых принципов управления. Освещаются историографические проблемы и основные подходы в трактовке абсолютной монархии. Особое внимание уделяется проблемам трансформации характера социальных связей как между государством и обществом в целом, так и между государством и отдельными социальными группами.

The paper analyzes the European absolute monarchy as a socio-political phenomenon. The trends in the development of European countries and the main directions of transformation of political structures are discussed, defining features of absolute monarchy are determined. The author examines various factors that influenced the formation and development of the absolute monarchy in Europe. It is shown that the absolute monarchy was a phenomenon of the transitional epoch, which was characterized by a combination of old and new principles of administration. Historiographical problems and main approaches to the interpretation of the absolute monarchy are described. Particular attention is paid to the transformation of the nature of social ties between the state and the society as a whole, as well as between the state and particular social groups.

Ключевые слова: европейский абсолютизм, монархия, королевская власть, социальные связи.

Keywords: European absolutism, monarchy, the royal power, social ties.

История абсолютной монархии и трансформации политических структур является одной из центральных проблем периода XV – XVIII вв., поскольку именно в рамках абсолютизма совершился переход от средневековой системы организации политической власти к новому типу государственности.

В XVI – XVII вв. важным фактором развития политических структур выступает территориальный. По словам П. Шоню, в XVII веке государства принимают оптимальный размер [12, с. 22]. Трансформация политических институтов привела к соседству государств различных типов – республик и монархий. Л. И. Иволина отмечает, что большинству образованных европейцев XVI – XVII вв. республики представлялись старомодными и неразвитыми, а монархия как институт воспринималась как норма и, несмотря на критику современных им реалий, рассматривалась наилучшей формой правления [3, с. 110].

Преобладающей формой государственного устройства становится абсолютная монархия, а общие контуры эволюции политических структур в европейских государствах были идентичными.

В эволюции форм государственного устройства отчетливо проявилась диалектика общего и особенно в европейском историческом процессе – растущее осознание Европы как некоей географической и культурно-исторической общности и дальнейший рост самостоятельности отдельных национальных и многонациональных государственных образований, сопровождавшийся подъемом национального самосоз-

нания и разрывом универсалистских связей средневекового типа [4, с. 159].

Схожесть тенденций в эволюции политических структур можно объяснить, с одной стороны, тем, что формы государственной власти развиваются относительно самостоятельно, а с другой – тем, что они в большей степени, чем социально-экономические структуры, подвержены внешнему влиянию, обладают большей способностью к усвоению опыта и практики соседних, более развитых государств. Перри Андерсон отмечал, что французский абсолютизм «достиг своего институционального апофеоза в последние десятилетия XVII в. Структура государства и культура гармоничного правления, достигшая совершенства в правление Людовика XIV, стала моделью для остальной аристократии Европы: Испания, Португалия, Пьемонт и Пруссия были только наиболее очевидными примерами его влияния» [1, с. 96].

Проблема европейской абсолютной монархии и развития политических институтов занимает одно из центральных мест, как в зарубежной, так и отечественной историографии и является дискуссионной. Дискуссии охватывают различные аспекты проявления феномена «абсолютной монархии»: социально-экономические, политические, социокультурные, так как абсолютизм был комплексной моделью строения общества и государства XVI – XVIII вв.

Британский историк Н. Хеншелл, говоря о трактовках термина «абсолютизм», выделяет четыре подхода к изучению самого феномена. Марксистский, в котором «понятие «абсолютизм» полностью характе-

ризует существовавшую социально-экономическую систему» [11, с. 9]. Второй подход, по мнению Н. Хеншелла, «представляет «абсолютизм» спланированным воплощением теории, а не результатом действия обезличенных сил», которую изобрели интеллектуалы раннего Нового времени как «модернизированную, действенную, целенаправленную и разумную версию монархии» [11, с. 10]. Третья и четвертая точки зрения на происхождения абсолютизма, согласно Н. Хеншеллу, «считают главным фактором формирования «абсолютизма» практическую необходимость преобразований в стране» [11, с. 10]. Как одну из версий такого подхода Н. Хеншелл выделяет роль «военной революции» в формировании абсолютизма (об историографии роли «военной революции» в формировании института абсолютной монархии см.: 5, с. 38 – 42). Все подходы активно развивались с конца XIX вв., имеют давнюю историю, собственные традиции исследования и сторонников в зарубежной и отечественной историографии.

Не оспаривая выше приведенную типологию сущности абсолютизма Н. Хеншелла, позволим заметить, что различные подходы к его изучению по существу можно свести к двум магистральным концепциям: структурно-функциональной и социокультурной. Структурно-функциональный подход – рассматривает абсолютизм на вертикальном уровне, в контексте перехода от индивидуального к социальному. Социокультурный подход берет свое начало с «новой исторической науки», исторической антропологии, его основателями по праву можно считать нидерландского исследователя Й. Хейзинга и французского историка М. Блока. Работа Й. Хейзинга «Осень средневековья» вышла в 1919 г., а на русский язык была переведена и напечатана в 1988 г., после чего неоднократно переиздавалась [10]. М. Блок написал своих «Королей – чудотворцев» в 1924 г., а их перевод на русский язык был осуществлен в 1998 г. [2]. Сторонники социокультурного подхода к абсолютизму делают акцент на изучение многогранных социальных связей, менталитета западноевропейского общества эпохи абсолютизма, когда индивидуальное и социальное находятся в неразрывной связи друг с другом и возникает «единство социального и ментального, образующие историческую целостность» [9, с. 145].

Проиллюстрируем эти два подхода на примере концепций двух выдающихся специалистов в области изучения абсолютизма: британского историка-марксиста Перри Андерсона и немецкого историка-социолога Норберта Элиаса. Для П. Андерсона, как исследователя, придерживавшегося строго детерминистского принципа объяснения истории, к тому же стоящего на позициях марксизма, структурная составляющая всех элементов абсолютизма является аксиомой. «Абсолютизм был по своей сути именно перенацеленным и перезаряженным аппаратом феодального господства, созданным для того, чтобы вернуть крестьянские массы на их традиционные социальные позиции – несмотря на и вопреки тем приобретениям, которые они получили в результате замещения повинностей», – констатирует П. Андерсон [1, с. 18]. Таким образом, для него абсолютная монархия – это

порождение изменившейся социально-экономической ситуации.

Н. Элиас в своем подходе к абсолютизму идет с другой стороны, как бы изнутри самого феномена. Н. Элиас считал, что «...мы получим не только неполную, но и искаженную картину истории, если ограничимся тем, что истоки блеска эпохи Людовика XIV или – тем более – происхождение королевского двора и корни политики французского государства станем искать в неповторимой индивидуальности отдельных лиц» [13, с. 37].

Историко-социологическая концепция Н. Элиаса строится на понятии фигураций, которое он же и ввел в научный оборот. Под фигурациями, он понимает, социальные процессы и социальные связи, в которых люди тесно взаимодействуют друг с другом. Н. Элиас считает, что фигурации понятие не статичное, а динамичное. Фигурации постоянно изменяются и имеют свой неповторимый облик как на макроуровне, так и на микроуровне. Задача исторической социологии, по мнению Н. Элиаса, заключается в изучении причин складывания и механизма трансформации той или иной фигурации [13, с. 38 – 41].

Н. Элиаса, прежде всего, интересует внутренняя логика функционирования абсолютистского государства, механизмы которые связывали в социальном, культурном, психологическом и тому подобном плане общество эпохи абсолютизма, иными словами – социокультурная составляющая режима абсолютной монархии, что он блестяще продемонстрировал на примере анализа феномена придворного общества французского короля Людовика XIV. В подобной перспективе, абсолютизм выступает как сложная иерархическая система, пронизанная насквозь не только вертикальными, но и горизонтальными связями. Н. Элиас даже не пытается сформулировать определение абсолютизма. Оно ему и не нужно. Главный предмет его труда – один из сегментов абсолютизма придворное общество.

В 1980 – 2000 гг. сначала в зарубежной, а затем и в отечественной историографии наметились новые тенденции в изучении абсолютной монархии.

Французский историк Жоэль Корнет отмечает, что «возникла далекая от прямолинейного и несколько вневременного видения, отраженного в речах, политических и теоретических концепциях одних и тех же постоянно цитируемых авторов...», очень конкретная история местной и повседневной политической практики... Подобный подход позволяет понять разницу между своего рода идеальным государством и «реальным абсолютизмом», претворившимся в жизнь его представителями. Кроме того, это история зачастую напряженных взаимоотношений между теорией и практикой, словом и делом, центром и периферией королевства» [Цит. по: 7, с. 174].

Центральная позиция связана с понимаем зарубежной и отечественной историографией характера власти и социальных связей в эпоху абсолютизма. С точки зрения формы правления абсолютную монархию можно определить как политический режим централизованного государства с юридически неограниченной властью монарха. Во Франции, например, мо-

наρχу принадлежала вся полнота власти, и считалось, что все остальные лица и учреждения имеют какие-либо полномочия только в силу того, что их им делегировал король. Его компетенции подлежали все отрасли и любые вопросы управления, он имел право на личное вмешательство в традиционную компетенцию других органов. Его единоличное решение могло отменить любое другое решение, но само не могло быть обжаловано.

Возможно поэтому, в общественном мнении закрепилось стереотипное представление об абсолютной монархии как о форме государственного устройства, при которой монарху принадлежит неограниченная верховная власть. Многие видные фигуры эпохи абсолютизма стали для общества олицетворением тирании и беззакония – Ришелье, Мазарини, Людовик XIV и другие. Достаточно вспомнить судьбу, постигшую место захоронения кардинала Ришелье, могила которого неоднократно подвергалась публичному разграблению. 5 декабря 1793 г. толпа, «вооруженная» приказом Конвента разрушить гробницы «тиранов», ворвалась в церковь Сорбонны, где был захоронен прах кардинала. Надгробие было разбито, бальзамированная мумия растерзана. В майские дни студенческих волнений 1968 г. был разорван огромный портрет кардинала Ришелье кисти Филиппа де Шампены, сама гробница не пострадала только потому, что находилась на реставрации.

Не отрицая неограниченного характера власти монарха в эпоху абсолютизма, необходимо отметить, что в самих представлениях о власти того времени были заложены механизмы ограничения государственного принуждения. Таковым, например, являлось мнение о том, что король всегда обязан следовать принципу справедливости и соблюдать законы. Н. Е. Копосов отмечает, «что не только публицисты эпохи, но и виднейшие государственные деятели французского абсолютизма, такие, как Ришелье и Людовик XIV, полагали, что нарушения законности допустимы лишь в случае крайней государственной необходимости. Эту же точку зрения разделяла и масса королевских чиновников, в подавляющем большинстве получивших юридическое образование и воспитанных в духе почтения правовой традиции» [6, с. 44]. Кроме того, в эпоху абсолютизма существовала чрезвычайно сложная процедура изменения закона, что являлось существенным барьером на пути беззакония. Н. Хеншелл пишет, что «власть короны была абсолютной, но король, тем не менее, находился в сфере действия закона и мог привлекаться к суду. Она была абсолютной, но должна была уважать основные законы страны, например, запрет отчуждать свои владения. Будучи абсолютной, она допускала открытое проведение политических дискуссий» [11, с. 144].

Да и сами монархи отнюдь не воспринимали себя в качестве полновластных правителей. В. Н. Малов, анализируя психологический портрет Людовика XIV, обращается к знаменитому стереотипу: «Государство – это я». В. Н. Малов подчеркивает, что даже если эта фраза и была произнесена, то только в конкретной ситуации и в конкретном полемическом контексте с парламентом. В то время как приведенные цитаты из

«Мемуаров» Людовика XIV свидетельствуют об осознании монархом «общественного блага», «блага подданных» и тому подобное [8, с. 152].

В эпоху абсолютной монархии формируются принципиально новые социальные связи между европейскими монархами и римскими папами, правителем и подданными, государством и обществом.

Монархи эпохи абсолютизма, в первую очередь, стремятся освободиться от влияния внешних сил и пересмотреть характер сложившихся социальных связей с институтом Католической церкви. Н. Хеншелл писал, что «абсолютная монархия не могла существовать до XIV в., так как теоретически правители европейских государств являлись подданными папы и императора. Но с XIV в. они начали претендовать на *impegium*, или имперскую власть, делавшую их равными императору, который не подчинялся никому. Римское право стало источником цитат, в которых прославлялась королевская власть, а фраза «*rex in regno suo est Imperator*» («король в своем королевстве есть император») была сделана лозунгом» [11, с. 143].

Большое значение в этом процессе сыграли Реформация и антипапские настроения общества. Центральным принципом религиозных доктрин Реформации стал тезис об «оправдании верой» – учение о непосредственной связи человека с Богом. Провозглашалось, что «спасения» человека достигается не с помощью строгого выполнения обрядов, а на основе внутреннего Божьего дара – веры. Смысл учения об «оправдании верой» заключался в отрицании привилегированного положения духовенства, в отказе от церковной иерархии и супрематии папства. Это учение позволяло признать, что внутреннее общение с Богом осуществляется в ходе самой мирской жизни, с помощью должным образом устроенного светского порядка. Следовательно, этот порядок, и в первую очередь королевская власть, получал отныне религиозную санкцию на автономное развитие. Реформационные учения, таким образом, укрепляли позиции светской власти и государств в борьбе против притязаний папства.

Таким образом, церковь теряла автономию и стала частью государства, а королевская власть отстояла право на суверенитет и получила дополнительные доходы. Одновременно, сконцентрировав в своих руках светскую и религиозную власть, король становится официальным духовным лидером общества, а церковь приобретает национальный характер.

Одновременно королевская власть стремится освободиться от влияния аристократии, которая в эпоху абсолютизма начала превращаться в предмет беспокойства для королевской власти и источник политических смут. Эта линия трансформации социальных связей имела несколько направлений. Первая была связана с изменениями характера военного дела. Появление огнестрельного оружия привело к тому, что ни один замок не мог теперь устоять против артиллерии, появление ручного огнестрельного оружия сделало бессмысленным применение лат. Абсолютная монархия стала временем господства наемных армий, подчинявшихся королевской власти.

Немаловажную роль в трансформации характера социального взаимодействия между королевской властью и аристократией сыграли процессы централизации и изменение принципов управления. Н. Элиас пишет, что если бы у аристократа «была страна, которой он мог управлять, то благодаря своей реальной функции, благодаря обширности своей власти он всегда имел бы первенство перед графом. Для него и тогда было бы важно, хотя и не так необходимо выразить это первенство в общественном обиходе, ибо он находил бы себе реализацию не только таким способом. Но в абсолютистском сословном обществе различным дворянским степеням уже почти не соответствуют никакие потестарные функции. Это, в общем, только титулы, даруемые королем» [13, с. 82].

Однако представляется неверным говорить о разрыве между королевской властью и аристократией. Скорее наблюдается трансформация характера социальных связей и социальное дисциплинирование, формирование взаимосвязи и взаимозависимости между королем и аристократией. Королевская власть поощряет в среде аристократии новые социокультурные формы. В результате складывания королевского двора происходит постепенная трансформация рыцаря в галантного придворного. Монархи эпохи абсолютизма в отличие от средневековых королей раздавали не земли, а деньги и денежные ренты. Н. Элиас пишет «его деньги собирали вокруг себя этих людей», которых объединял и выделял из общества именно образ жизни, направляемый культом «роскоши» [13, с. 193]. Все это объединяло короля и аристократию в единое целое. Получение придворной должности обеспечивало ее держателю близость к королю, почет и социальное превосходство, за которыми стояло богатство и власть.

Следовательно, можно говорить, что кардинально изменилась политическая организация дворянства. Вассально-ленные отношения потеряли значение в качестве основы политической структуры общества. Поземельные отношения почти полностью отделились от личных связей, вассальные обязательства превратились в формальность, усилилась роль политических клиентов. Поскольку основной земельный фонд был исчерпан, материальной основой клиентов стало политическое покровительство и вознаграждение за счет новых источников доходов, главным из которых стали поступления от королевской службы. Используя соперничество внутри дворянства и систему клиентов, королевская власть, контролировавшая распределение почестей, должностей, пенсий, могла держать дворянство в повиновении, ибо в отличие от вассально-ленных отношений новая система предполагала постоянное наличие центрального распределения благ. Однако политическая роль этой организации дворянства была двойственной. С одной стороны, дворянские группировки были источником постоянного политического напряжения, так что малейшее ослабление королевской власти было чревато смутой. С другой, через систему клиентов дворянство оказывалось тесно связанным с монархом и государством. Перестройка социальных связей между государством

и феодальным сословием была важнейшим условием существования абсолютистской монархии.

Таким образом, создание централизованного государства и усиление королевской власти было вызвано необходимостью отстранения духовенства и аристократии от участия в политике. Н. Хеншелл считает, что «абсолютная власть была защитным механизмом, который делал монарха независимым от церкви и знати. Чем больше прав государи старались закрепить за собой, чтобы создать противовес этим своим конкурентам, тем четче они определяли права подданных. Пока королевские полномочия были ограничены какой-либо внешней властью, гарантии свободы подданных четко не оговаривались. Когда королевская власть стала суверенной, гарантии прав были определены» [11, с. 144 – 145].

В XVI – XVII вв. происходит становление государственных сфер управления в различных областях. Формируется государственный контроль за образованием и социальным обеспечением, так как школы и богадельни находились в ведении церкви. Государственная власть осуществляет продовольственное снабжение, регулирование рыночной торговли, централизованный импорт. Государство берет под свой контроль вопросы внутренней безопасности и надзор за порядком и другие. Создание регулярной армии и переход государства к системе постоянных налогов потребовали и соответствующих управленческих структур. В принципе эти вопросы решались государством и в предыдущие эпохи, но теперь они приобретают регулярную институциональную основу. Формирование бюрократии и нового типа социальных связей позволяет говорить, что в эпоху абсолютизма в европейских странах складываются основы государственного аппарата нового типа.

Прочные социальные связи формируются между королевской властью и городским населением, особенно раннекапиталистическими элементами. Королевская власть должна была учитывать их укреплявшиеся позиции и в какой-то мере ориентироваться в своем функционировании на них. Буржуазия нуждается в покровительстве и поддержке, а королевская власть в кредитах и финансовой помощи, налоговых поступлениях от промышленности и торговли.

Таким образом, очевидно, что в XVII в. королевская власть возвышается над средневековой иерархией и начинает осознавать себя как общественный институт, призванный служить государственным интересам. Существенно меняется характер социальных связей. В средневековом обществе они представляли собой во многом выстроенные на контрактной договорной основе персонифицированные отношения. В эпоху абсолютистской монархии социальные связи приобретают институциональный и унифицированный характер. В результате изменения социально-экономической ситуации развивается идея подданства, всеобщей зависимости от королевской власти.

Литература

1. Андерсон П. Родословная абсолютистского государства. М.: Территория будущего, 2010. 512 с.
2. Блок М. Короли – чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и Англии. М.: Языки русской культуры, 1998. 712 с.
3. Ивонина Л. И. Придворная жизнь в эпоху Карла II Стюарта // Вопросы истории. 2010. № 11. С. 110 – 123.
4. Кареев В. М. Введение // История Европы. Т. 3: От средневековья к новому времени (конец XV – первая половина XVII в.). М.: Наука, 1993. С. 159 – 163.
5. Ким О. В. Военный фактор в социально-политической трансформации общества раннего Нового времени // Гуманитарные науки и образование в XXI веке. Социокультурные и политические трансформации на европейском и евразийском пространстве в новое и новейшее время: тезисы Международной научной конференции. Кемерово, 2012. С. 38 – 42.
6. Копосов Н. Е. Абсолютная монархия во Франции // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 25 – 45.
7. Ле Мао К. Людовик XIV и парламент Бордо: весьма умеренный абсолютизм // Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905 – 1972). М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 174 – 194.
8. Малов В. Н. Людовик XIV: опыт психологической характеристики // Новая и Новейшая история. 1996. № 6. С. 152 – 169.
9. Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. III: Историографическая революция. Томск: Издательство Томского университета, 2008. 554 с.
10. Хейзинга Й. Осень средневековья: исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М.: Прогресс – Культура, 1995. 416 с.
11. Хеншелл Н. Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб.: Алетейя, 2003. 272 с.
12. Шоню П. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 608 с.
13. Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история. М.: Языки славянской культуры, 2002. 368 с.

Информация об авторе:

Терехова Оксана Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории цивилизаций и социокультурных коммуникаций КемГУ, terehov1968@mail.ru.

Oksana N. Terekhova – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of History of Civilization and Socio-Cultural Communications, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

УДК 9:94(430)(093):94(430)"1871/1918"

**«ЕСЛИ БЫ Я БЫЛ ИМПЕРАТОРОМ...»: ИДЕИ И СУЖДЕНИЯ ГЕНРИХА КЛАССА
О ПАНГЕРМАНСКОЙ АЛЬТЕРНАТИВЕ РАЗВИТИЯ ГЕРМАНИИ (первая четверть XX века)**

А. А. Турыгин

**«IF I WERE THE EMPEROR ...»: HEINRICH CLASS'S IDEAS AND JUDGMENTS ABOUT THE
PAN-GERMAN ALTERNATIVE OF DEVELOPMENT OF GERMANY (the first quarter of the 20th century)**

A. A. Turugin

В статье анализируется один из важнейших источников по истории пангерманизма (непереведенный на русский язык) – политический памфлет лидера Пангерманского союза Генриха Класа. Автор рассматривается структура, логика изложения, а также принципиально важные концептуальные подходы Класа на предмет переустройства германского государства и общества накануне Первой мировой войны. Концепция Класа представляет исследовательский интерес, во-первых, так как отражает взгляды консервативного, националистического блока немецкой элиты, во-вторых, как источник, свидетельствующий об изменении сознания части немецкого общества, что предопределило ее лояльность национал-социалистическому режиму. О популярности памфлета Класа свидетельствует факт его многочисленных переизданий, в том числе после войны (более десяти раз). Автор критически рассматривает намерение Класа сохранить название памфлета, даже после революции и крушения монархии в Германии. В статье рассматриваются точки зрения современных авторов на проблему пангерманизма и пангерманской публицистики (Й. Ляйтх, Р. Херинг, Х. Хагенлюке). Статья написана с привлечением документов, собранных автором в немецких архивах и библиотеках.

The paper analyzes one of the major sources on Pan-Germanism history (not translated in Russian) – a political lampoon by Heinrich Class, the leader of the Pan-German Union. The author considers the structure, logics of statement, and also Class's essentially important conceptual approaches regarding the reorganization of the German state and society on the eve of World War I. Class's conception attracts research interest, first, as it reflects the views of the conservative nationalist block of the German elite, secondly, as it is the source testifying to a change of consciousness in a part of the German society that predetermined its loyalty to the national socialist regime. The fact of its numerous reprinting, including post-

War (more than ten times) testifies to the popularity of Class's lampoon. The author critically considers Class's intention to keep the name of the lampoon even after the revolution and the crash of monarchy in Germany. The paper considers the researchers' points of view on the problem of Pan-Germanism and Pan-German published works (J. Leicht, R. Hering, H. Hagenlücke). The paper bases on the documents collected by the author in German archives and libraries.

Ключевые слова: памфлет, пангерманизм, имперская реформа, политика «онемечивания», аннексионизм, диктатор, национал-социализм, война.

Keywords: lampoon, Pan-Germanism, imperial reform, policy of Germanization, annexation, dictator, national socialism, war.

За всю полувековую историю Пангерманского союза (1891 – 1939), пожалуй, не было такого часто публикуемого и читаемого в Германии произведения, как политический памфлет лидера пангерманцев Генриха Класса (1868 – 1953) – «Если бы я был императором: Политические истины и необходимость». «Так я назвал, – писал Класс во *Введении*, – воспоминания о своей молодости, которые не были для меня игрой воображения, а, скорее, представляли фактический опыт практического переживания политической жизни, связанной с заботой об отечестве. В результате чего, за время продолжительной политической деятельности и постоянных наблюдений, сформировались мои устойчивые убеждения» [5].

Политик и публицист Генрих Класс был одной из ключевых и фигур консервативного, пангерманского движения конца XIX – начала XX вв. Он был известен в Германии и за ее пределами как сторонник идей Великой Германии и «жизненного пространства» для немцев, теоретик радикального национализма, антисемитизма и экспансионизма. На закате политической карьеры сам Класс относил себя к идеологическим наставникам национал-социалистического движения. Обладая мандатом депутата рейхстага и полагаясь на свой авторитет, заработанный в период подъема националистического движения, Класс тщетно рассчитывал занять руководящий пост в гитлеровском государстве. Однако, не оправдав своих политических амбиций и не сумев предотвратить в 1939 г. роспуск Пангерманского союза, Класс разочаровался в большой политике, уединившись в тюрингской Йене, где провел последние годы своей жизни и умер 16 апреля 1953 г.

Класс является автором множества произведений (очерков, памфлетов, статей), которые активно печатались и публиковались в прессе. Благодаря поддержке со стороны промышленных и финансовых элит, лоббированием интересов которых занимались пангерманцы, публикацией их трудов занималось авторитетное и одно из старейших в Германии издательств – *Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung*.

Памфлет Класса «Если бы я был императором...», с многочисленными поправками переиздававшийся в течение семи лет первоначально фактически ежегодно, к 1925 г. обрел четкую, завершённую форму рассуждения о политической действительности Германии. Первая публикация памфлета в Лейпциге (1912), как и последующие, были подписаны Классом под псевдонимом «*Daniel Frymann*» (Даниэль Фриман – это литературный персонаж, взятый Классом из новеллы швейцарского поэта Готфрида Келлера «Знамя семи стойких»). Внушительный объем текста, опубликованный более чем на двухстах страницах, с изменениями и дополнениями печатался также после Ноябрьской революции (1918). Класс не пожелал изменить название даже ввиду крушения

монархии в Германии, связав текст памфлета с намерениями ее возродить.

Структура текста включает *Введение*, в котором Класс описал свои авторские намерения, и пять глав: «О сожалениях, потребностях и опасениях» (глава 1), «Об имперской реформе» (глава 2), «Об основах германского политического могущества» (глава 3), «Друзья и враги» (глава 4), «Если бы я был императором» (глава 6).

Следуя логике и последовательности изложения, политические взгляды Класса можно систематизировать вокруг главных тезисов.

Управление государством. Единственной приемлемой накануне войны формой государственного правления должна быть диктатура во главе с императором [5, s. 210f, 221f.]: «Массовые иллюзии, очевидно, рассеются только тогда, когда диктатура спасет то, что еще можно спасти» [5, s. VIII]. В доказательство состоятельности подобного суждения Класс приводит аргументы о том, что европейские народы уже познали республику, с «господством масс», хотя некоторые из них «еще предаются соблазну, веря в её ложь и обещания» [...]. Неограниченная демократия республики, напротив, «дала народам лишь коррупцию, утраченное правосознание и традиций, грабёж государственного имущества, – иными словами, все проявления полнейшего хаоса» [5, s. 208f.]. Господство вырастает из способности к руководству, из способности действовать во имя общего блага [5, s. 220]. Так как корона не в состоянии провести эту реформу, «она должна передать имперские полномочия мужу, которому благоволит судьба» [5, s. 221]. Накануне войны Класс думал о Вильгельме II, который был в состоянии провести имперскую реформу, присвоив себе диктаторские полномочия, что позволило бы «спасти Отечество» [5, s. 221]. Однако после поражения Германии, Ноябрьской революцией и отречения кайзера, взгляды Класса изменились, – в текст памфлета добавилось упоминание о независимом «диктаторе»: «Диктатор принуждает к проведению имперской реформы, которая способна возродить государство во главе с императором, который по праву крови и деяний его великих предков достоин его возглавить» [5, s. 222]. Класс намекал на то, что имперскую реформу был в состоянии провести диктатор, который в дальнейшем сможет передать престол правопреемникам германского престола из династии Гогенцоллернов. Однако точные сроки Классом не оговаривались.

По мнению Р. Херинга вопрос о диктатуре, решавшийся в других произведениях, раскрывается через механизм его избрания. Так, анализируя личные документы Класса в Федеральном архиве Берлина, исследователь отмечает, что диктатор должен выбираться на местах из военных и патриотов – членов местных патриотических объединений. Из числа ме-

стных диктаторов выбирается один на всю страну, который формирует свой кабинет. Патриотические объединения и рейхсвер должны вручить власть диктатору, обеспечив ее дальнейшей поддержкой [7, s. 357]. В своей власти диктатор должен опираться на «аристократов не по факту рождения, а успешных, имеющих благородные помыслы, ясное сознание, самоотверженность в поступках и заботе о народе и государстве» [7, s. 357].

Сам Класс убежден, что в вопросе о диктатуре не стоит поворачиваться к прошлому и искать вразумительный пример в истории империи, не стоит также ориентироваться на другие страны (как полагал Трейчке), это есть «судьбоносная задача немецкого народа, осмыслить и ответить на вопросы о собственном будущем» [5, s. 154].

Имперская реформа. Суть имперской реформы у Класа сводится к отмене всеобщего и равного избирательного права, вместо которого вводится классовый порядок голосования, при участии в принятии политических решений представителей имущих и образованных классов [5, s. 64ff.]. «Всеобщее избирательное право, — писал Класс, — это всего лишь идея преступника Руссо, который распространял мысль о якобы всеобщем равенстве. Суть идеи, определенно, разрушительна для всякого государства» [5, s. 64ff.]. Только ограничив избирательное право, передав власть «мужам, глубоко знающим немецкий народ и его потребности, посвятившим себя служению Отечеству», можно утверждать, что у них «появится возможность для плодотворного сотрудничества, хотя невозможно законно их к этому принудить» [5, s. 64ff.]. Такой порядок, по мнению Класа, был бы в любом случае лучше «лозунгов социал-демократии, вовсе лишит немецкий народ каких бы то ни было прав» [5, s. 64ff.].

Обращение к немецкому народу, а не к нации (второй вариант был предпочтительней для политиков), пангерманцы стали использовать в момент окончательного разрыва с правительством и превращением Пангерманского союза в оплот «народной оппозиции». Первый конфликт с правительством у пангерманцев произошел во время второго Марокканского кризиса (1911) [7], а окончательный разлад случился уже к 1917 г. по вопросу о подводной войне (*U-Boot-Krieg*).

Слияние понятий «народа» и «нации» у пангерманцев продиктовано, как представляется, следующим соображением: необходимостью самоидентификации немцев. Если понятие «народ» более всего позволяет проследить естественную культурно-историческую, в том числе расово-биологическую линию идентификации, то понятие «нация» вызывает к искусственной, политической. Принимая во внимание «коллективный национализм», отождествление пангерманцами «народа» с «нацией» имело своей целью обоснование интеграции немецкого общества «снизу», а не через принятие политических решений «сверху». Подобная интеграция в рамках фронта «народной оппозиции» могла бы стать аргументом в борьбе за власть. Ввиду нерешительности правительства, отсутствия сильного политического лидера *a la* Бисмарк, нарастающей критики правительства и отставания Германии в деле захвата колоний («завоевания места под солнцем») от Великобритании или

Франции, лидеры пангерманизма стремились перехватить правительственную инициативу и приобрести возможность влиять на политические решения.

Понятие «народ» (в его естественном, расово-биологическом состоянии) давало возможность не только очертить обозримый круг индивидуумов в пределах определенных границ, но и круг проблем в дихотомии «свой — чужой».

Враги империи. Опасаясь «массового подстрекательства» со стороны социал-демократии, в качестве предупредительных мер, Класс пишет о необходимости запретить деятельность тех сил, которые будут стремиться «подорвать существующий государственный и общественный порядок»: собрания, газеты, журналы [5, s. 64ff.]. В борьбе с внутренними врагами нужно «оставить в стороне сентиментальность», понимая, «что решительное и быстрое вмешательство гораздо менее жестоко, чем промедление» [5, s. 64ff.].

К числу внутренних врагов Класс относил евреев. Обвиняя евреев в бедах и несчастьях немецкого народа, в революционном подстрекательстве, Класс требовал выработки специальных норм права, которые бы регулировали жизнь евреев в Германии [5, s. 64ff.]. «Необходимо провести четкую грань между немцами и евреями, ограничив возможности пагубного воздействия последних. Достичь этого можно следующим образом: ограничив евреев доступ к учреждениям и должностям, будь то оплачиваемая или добровольная деятельность на гражданском или военном поприще, ...лишить евреев избирательных прав, устранить от руководства банков, обложить двукратным налогом и т. д.» [5, s. 64ff.].

К чуждым элементам кроме евреев Класс относил поляков, французов и датчан. Применительно к ним государство должно занять четкую позицию «изначально воспринимать их как представителей враждебных государств, запретив им доступ к делам управления империей» [5, s. 64ff.]. Отказ о бисмарковского принципа смешения народов, должен стать новым основанием государства: «Германия — немцам, здоровые немцы — вечности» [5, s. 222].

В своем рассуждении о врагах немецкого народа Класс, фактически, сформулировал задачу на будущее (что отразилось на деятельности Пангерманского союза вплоть до его роспуска в 1939 г.): «От всего, что связано с немецким народом, необходимо удалить чуждые ему элементы, в буквальном смысле выслать их с территории империи, без возможности вернуться... Сам по себе народ вечен, и останется в вечности, возвышаясь над единичным, если бесцеремонно устранить в зародыше любую множественность» [5, s. 134f.].

Внешняя политика. Главную задачу германской внешней политики Класс видел в установлении могущества Германской империи, ее превращении в «великую державу». Пробой силы, по мнению Класа, непременно должна стать война: «Война как очистительный рок способствует нашему оздоровлению. Также как он, совершенствующий целое и единичное, война устраняет всё гадкое и нелепое. Будь благословенна война, которая пробудит в народе всё самое величественное, бескорыстное и самоотверженно. Война очистит душу народа от пороков мелочного эгоизма» [5, s. 182f.].

Война должна была обеспечить немцам то самое «жизненное пространство», которое по законам не-

мецкой геополитики, должно было стать средством превращения страны в великую державу. Класс писал по этому поводу: «Если Германия одержит победу и добьется аннексии территорий, населенных французами или русскими, – людьми нам враждебными, – то, безусловно, возникнет вопрос, пойдет ли стране на пользу её новое положение?... Отвечая на него, важно помнить, что особое положение немцев внутри Европы состоит в том, что он как бы стянут узами; при значительном росте немецкий народ может задохнуться в них, если не получит притока воздуха. В этом случае следует признать, чтобы противник на Западе или Востоке очистил для нас землю от своих людей» [5, s. 180, 182f.]. В отношении восточной границы с Россией Класс отметил, что «нам потребуются такие территории, которые обеспечат лучшую границу и предоставят землю для заселения» [5, s. 195].

На востоке планировалось создание «Восточной марки», что подразумевало германскую территориальную экспансию военными методами. Класс писал: «Восток предназначен для немецкого народа». Согласно Классу, расселение немцев на Востоке должно начаться с переселения крестьян, которые создали бы прочные связи с территорией. Этот процесс, по мнению Класса, жизненно необходим для самих немцев, он помог бы разрешить, в частности и аграрный вопрос [5, s. 131].

Таким образом, принципиальный план Класса в отношении аннексированных территорий шел дальше

простого «онемечивания» населения, он одним из первых стал говорить о «зачистке» территорий и депортации населения, чем в дальнейшем воспользуются национал-социалисты.

Таким образом, памфлет Класса по ряду параметров стоит рассматривать не только как «важнейший манифест пангерманской идеологии накануне 1914 г.» (Х. Хагенлюке) [6, s. 36], но и, в определенной степени, как «веху» в изменившемся сознании немцев, определившую их последующую лояльность национал-социализму. В нем Класс догматически обосновал националистические идеи, без лишней скромности публично заявив, что если бы был императором, то в первую очередь расправился бы с врагами империи – социалистами и евреями. Победу на выборах социал-демократов в 1912 г. Класс назвал не иначе как «заговором против немецкого народа». Если бы он стал императором, то сразу запретил бы партию, выдворил бы за пределы страны редакторов социалистических газет и профсоюзов, а евреев лишил бы гражданских прав, объявив «чужестранцами». После уничтожения внутренних врагов, Класс намеревался провести необходимые реформы и заняться внешней политикой в духе «мировой политики» (*Weltpolitik*). Не случайно, что после прочтения произведения Класса, у Гитлера сложилось впечатление, что в ней «содержится все, что необходимо Германии» [1, с. 112].

Литература

1. Лессер Й. Третий рейх: символы злодейства. История нацизма в Германии (1933 – 1945). М.: Центрполиграф, 2010. 288 с.
2. Эванс Р. Третий рейх. Зарождение империи. М.: Астрель, 2010. 642 с.
3. Bihl. W (Hrsg.). Deutsche Quellen zur Geschichte des Ersten Weltkrieges Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1991. 525 s.
4. Cartarius U. (Hrsg.). Deutschland im Ersten Weltkrieg. Texte und Dokumente 1914 – 1918. München, 1982. 371 s.
5. Frymann D (Claß H.). Wenn ich der Kaiser wäre. Politische Wahrheiten und Notwendigkeiten. Leipzig, 1925. 235 s.
6. Hagenlücke H. Deutsche Vaterlandspartei. Die nationale Rechte am Ende des Kaiserreiches. Düsseldorf, 1997. 402 s.
7. Hering R. Konstruierte Nation. Der Alldeutsche Verband 1890 bis 1939. Hamburg: Hans Christians Verlag, 2003. 600 s.
8. Leicht J. Heinrich Class (1868-1953). Die politische Biographie eines Alldeutschen. Paderborn, 2012. 463 s.
9. Mommsen Wolfgang J. Der Geist von 1914. Das Programm eines politischen Sonderweges der Deutschen, in: Der autoritäre Nationalstaat. Verfassung, Gesellschaft und Kultur des deutschen Kaiserreiches. Frankfurt am Main, 1992. 266 s.

Информация об авторе:

Турьгин Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова, aturigin@mail.ru.

Alexander A. Turygin – Candidate of History, Associate Professor, Nekrasov Kostroma State University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

УДК 930(415) «19-20»

**ЗНАЧЕНИЕ ПУБЛИЧНЫХ ТОРЖЕСТВЕННЫХ РИТУАЛОВ В ПРОЦЕССЕ САКРАЛИЗАЦИИ
ВЛАСТИ МОНАРХОВ В СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ
БРИТАНСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ УЧЕНЫХ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI В.**

Е. Н. Шайхутдинова

**THE SIGNIFICANCE OF PUBLIC CEREMONIAL RITUALS IN THE PROCESS OF MONARCHS'
POWER SACRALIZATION IN THE MIDDLE AGES AND THE EARLY MODERN PERIOD
IN THE RESEARCHES OF BRITISH AND AMERICAN HISTORIANS
OF THE LATE 20TH – EARLY 21ST CENTURIES**

E. N. Shaykhutdinova

Статья посвящена изучению королевских публичных церемоний в средние века и раннее Новое время, рассматриваемых в работах английских и американских историков конца XX – начала XXI вв. Анализируются торжественные въезды французских и английских монархов, брачные церемонии, а также процедура прощания с умершими правителями в Англии и Франции. Исследуются взгляды ученых на ритуалы, дается оценка подходам авторов к анализу ключевых элементов церемоний и интерпретации данных публичных мероприятий в целом. Выделяются принципиальные особенности торжественных процессий, с точки зрения представленных специалистов, и их значение для презентации власти и ее сакрализации. Установлено, что торжественные мероприятия с участием монарха выступали одним из определяющих способов установления связи между королем и подданными. Отмечено обращение авторов к понятию социального диалога как способа формирования священного образа власти.

The paper is devoted to the analysis of the royal public ceremonies in the Middle Ages and the Early Modern Period considered in the papers of British and American historians of the late 20th – early 21st centuries. The author analyses the ceremonial trips of French and British Monarchs, matrimonial ceremonies and the procedure of farewell with dead rulers in England and France. The scientists' views on the rituals are studied, their approaches to analysing the key elements of the ceremonies and their general interpretation of these public events are evaluated. The author marks the principal features of ceremonial processions from the point of view of the represented specialists and their significance for the power presentation and its sacralization. Research revealed that ceremonial events with participation of a monarch were one of main ways to establish a connection between a monarch and their homagers. The author marks the researchers addressing to the concept of social dialogue as a way to form the sacral image of power.

Ключевые слова: публичная церемония, социальный диалог, презентация власти, символика ритуала.

Keywords: public ceremony, social dialog, power presentation, ritual symbolism.

Традиционно принято считать, что именно коронационный ритуал способствовал сакрализации власти монархов в средние века и раннее Новое время. Безусловно, все элементы данной церемонии были продуманы и выстроены так, что наследник престола качественно менял свой статус и приобретал принципиально новые характеристики в глазах приближенных. Совместная деятельность представителей католического духовенства и высшей знати в раннее средневековье сделали коронацию важнейшим таинством, формиравшим вокруг преемника трона ореол святости и богоизбранности. Однако одной из особенностей данного ритуала было то, что только избранные могли присутствовать при его свершении. Абсолютные массы подданных только как факт принимали восшествие нового правителя на престол. Безусловно, это не влияло на восприятие государя как благословленного Всевышним на правление монарха – мощнейшее воздействие религиозной мысли на мировоззрение простого народа имело свой эффект. Однако для укрепления авторитета, для демонстрации близости короля и подданных часто использовались церемонии, в которых государь предстал перед народными массами и люди могли воочию видеть человека, которому вверяли свои судьбы и ждали от него защиты и гарантии свободы и спокойствия.

Представители англо-американской исторической науки широко обращались к изучению коронацион-

ных ритуалов. В Великобритании раньше и несколько позже в США стали появляться работы, посвященные анализу семантики коронации, определению ее политического, социального и культурного значения. В силу наличия значительного количества источников данный ритуал традиционно был в центре внимания исследователей. Однако последние десятилетия XX в. показали, что не только это событие королевской жизни представляет интерес для историков. Авторы стали обращаться и к другим церемониям и ритуалам европейских правителей периода средних веков и раннего Нового времени. Отличительной чертой данных исследований можно назвать то, что все авторы представляли изучаемые события в контексте их влияния на статус и авторитет власти, рассматривали, каким образом участие государственного лидера в публичных церемониях влияло на укрепление его особого положения в обществе, при помощи каких элементов и деталей складывалось общение правителя с подданными. Среди подобных изученных торжественных мероприятий можем выделить торжественные въезды королей в города, брачные церемонии, а также похоронные ритуалы.

Въезд короля в город, встреча нового правителя жителями – первый пример публичной церемонии. Для нас представляют интерес научные изыскания Лоуренса Брайана по данной проблеме [1]. Нужно отметить, что исследователь выделяет въезд монарха

как самостоятельный ритуал. По его мнению, в момент следования по городским улицам государь получал возможность максимального приближения к подданным и демонстрации своей власти и авторитета, осуществляя тем самым своеобразный «диалог с народом» [1, р. 88]. В круг интересов историка входит торжественное приветствие короля парижанами. Столица французского государства и его жители определенно являлись важной целевой аудиторией правителя, официально помазанного на престол в Реймском соборе. Утвердивший свой статус перед светской и духовной элитой, французский государь имел важной целью подтвердить его перед простыми столичными жителями [1, р. 88]. В этом Л. Брайан видит основное функциональное значение данной процессии.

Горожане встречали правителя у главных ворот Парижа, исполненные уважения и почитания их нового лидера. Въезжая в город, даже в условиях военного времени, король передавал свое оружие следовавшим за ним членам эскорта в ознаменование прибытия с мирными целями. В руках у него должен был быть скипетр, демонстрирующий право данного человека на власть. По пути следования королевского кортежа выстраивались люди, причем не каждому давалась возможность участвовать в данном шествии. Как правило, это были высокопоставленные вельможи, торговцы, крупные феодалы. К началу XV в., как отмечает исследователь, в церемонии торжественного въезда стали принимать участие и представители духовенства. Роль служителей культа была особенной, согласно замечанию Л. Брайана [1, р. 95]. Суть ее заключалась в следующем. Финальной точкой маршрута государя были ворота собора Нотр-Дам. Будучи закрытыми, они символизировали настороженное отношение прелатов к новому королю. Только после произнесения особой клятвы, которая констатировала обязательства правителя беречь и соблюдать христианские обычаи, а также защищать церковь от каких бы то ни было опасностей, собор открывал свои двери. Этот обряд обозначал воссоединение светской и духовной властей и их взаимодополняющую деятельность, направленную на укрепление благополучия государства [1, р. 98].

Определенным образом изначальный ритуал приема нового правителя трансформировался под давлением внешнеполитических событий, которые регулярно ставили перед Францией вопрос о будущем страны и ее правителя. Более того, с усиливавшейся ролью и значением парламента также происходили определенные изменения в реализации данной процедуры. Как отмечает Л. Брайан: «к XV в. торжества по поводу въезда в город нового правителя были регламентированы и строго определяли порядок следования короля» [1, р. 99].

В процессе проезда по улицам города король соблюдал четкий маршрут, который проходил через кварталы, где проживали представители различных категорий городского населения. Встреча с ними знаменовала некий диалог, в котором оформлялась система взаимоотношений между государем и подданными. Более того, как приводит пример исследователь, в определенных случаях горожане могли выступать в качестве поддержки новому правителю, высказывая одобрение в его адрес и требуя именно его власти над собой. Так было при Людовике IX и Филип-

пе V [1, р. 100]. В решающих спорах с правящей элитой, оказывавшей влияние на продвижение на трон выгодных ей престолонаследников, народ мог менять ее решение. Тем самым, как утверждает Л. Брайан, еще до официальной регламентации въезда как государственного ритуала между государственным лидером и его подданными оформлялись особые отношения, которые демонстрировали доверие к монарху и надежду на его защиту [1, р. 101].

Как отмечает историк, торжественный въезд короля в Париж означал не только дань традиции и поддержание обычая, зародившегося еще в начале XIII в. Коронационный въезд приобрел статус ритуала, оформлявшего юридические отношения между горожанами и правителем. Помимо клятвы, произносимой перед воротами собора, монарх озвучивал слова присяги и перед горожанами, принимая из рук главы парламента официальную бумагу, подтверждавшую согласие города на принятие полноправной власти занявшим французский престол королем [1, р. 103]. В период споров за трон Франции Парламент нередко оказывал свое влияние на установление власти конкретных престолопреемников. Так было в случае, когда данный судебный орган до последнего поддерживал авторитет династии Валуа.

Таким образом, согласно заключению Лоуренса Брайана, королевский въезд оформился в ритуал установления отношений между городом и правителем на юридическом уровне. Тем самым подтверждалась тенденция социального диалога, присущая большинству ритуалов периода средневековья и раннего Нового времени.

Схожего мнения придерживается Ричард МакКой в своих рассуждениях про формирование монаршего авторитета Елизаветы I Тюдор. По его мнению, торжественное шествие королевского эскорта Елизаветы Тюдор по улицам Лондона накануне коронации сыграло важную роль в создании необходимого образа правительницы в восприятии общестственности [5, р. 224]. Историк отмечает, что церемония восшествия на престол нового монарха выполняла функцию социального диалога между властвующей элитой и подданным большинством. Путь следования от Тауэра до Вестминстерского аббатства служил ареной, которая демонстрировала народу нового правителя, нового короля, гаранта закона и справедливости, а также главного хранителя традиций и обычаев британского королевства. Зрелищность шествия королевского эскорта являлась составляющей успешной презентации нового статуса правительницы [5, р. 226]. Торжествам по случаю прихода монарха уделялось большое значение. Таким способом коронованный правитель мог во всеуслышание заявить об установлении своей власти.

Общую роль подобного рода «диалогу» отводит и Эллис Хант, отмечая в положениях «Little Device» Генриха VIII описание событий в день накануне коронации. Этот день, согласно настоящему документу проходил не только в подготовке центрального персонажа церемонии к процедуре вступления на престол, но и городских улиц, по которым потенциальный король должен был проезжать по пути в Вестминстерское аббатство. По мнению автора, декорация домов, площадей и улиц входила в общую концепцию презентации нового монарха. Торжество для народных масс

выступало в качестве общественной демонстрации установления его власти. По сути, согласно выводу Э. Хант, торжественный проезд королевского кортежа по улицам Лондона был частью коронационного ритуала [4, р. 48]. События, разворачивавшиеся в аббатстве, были объектом внимания узкого круга членов королевского двора, прелатов церкви и персон, специально приглашенных по этому случаю. Однако для народных масс именно празднества и особая символика, украшавшая Лондон, знаменовала приход нового правителя и сообщала о том, что король готов служить своим подданным. Появление королевского кортежа являлось финальным аккордом в процессе признания власти вновь пришедшего монарха.

Часто способом демонстрации сакрального характера власти выступали брачные церемонии. Как известно, в средние века и раннее Новое время заключение брака являлось результатом политического расчета. Особенно это касалось членов аристократических кругов общества. Перспектива родства с представителем более знатного и богатого семейства часто подвигала родителей навязывать их детям решение о замужестве или женитьбе, не учитывая их личных пожеланий. В случае с королевскими династиями подобные практики не были исключением. Более того, они имели широкую популярность. Понятие династического брака получило широкое распространение со времен раннего средневековья. Однако для нас представляет интерес, каким образом процедура заключения брака способствовала демонстрации священного характера власти, которой наделялся глава государства.

С одной стороны, женитьба отпрысков королевских семей имела мощный дипломатический подтекст. Как правило, браки заключались между представителями монархических династий и способствовали регулированию вопросов, связанных с переделом территорий или контролем над ними, расширением сфер влияния либо заключением мира. В данном случае брак можно рассматривать как тактический ход, направленный, в том числе и на демонстрацию личной харизмы и особого статуса глав семейств, то есть непосредственно королей. Этому вопросу посвящает свои рассуждения Майкл Хикс [3].

В центре его исследования – свадьба Изабеллы Французской и Эдуарда II. Однако основными фигурантами, как ни парадоксально, являются родители молодых людей: Филипп IV и Эдуард I. Исследователь рассуждает о заключении брака как спасительном шаге к примирению враждовавших государств. Свадьбу предваряли продолжительные переговоры между монархами, длившиеся несколько месяцев. Важный акцент историк делает на элементах, сопровождавших данные встречи. Помимо официальных собеседований, касавшихся преобразований отношений между Францией и Англией после брачной церемонии их детей, монархи пытались демонстрировать своё могущество и авторитет. Однако для автора представляет интерес так называемый «поцелуй мира» [3, р. 87]. Данный жест символизировал факт взаимопонимания и принятия условий договора. Переговорный процесс сопровождался многочисленными приемами и обедами. От того, насколько качественно, щедро и роскошно будет проведен прием, зависело восприятие монарха. Таким

образом, предсвадебные переговоры могли также влиять на формирование образа правителя.

Прощание с монархом как не парадоксально так же можно отнести к публичным ритуалам, которые способствовали сакрализации королевской власти. Ключевые основы данной церемонии изучал американский исследователь Ральф Гизи. Согласно его выводам, похоронная церемония оказывала существенное влияние на формирование особого статуса правителя и власти вообще. Ориентируясь на изучение социально-культурных основ исторического события, Р. Гизи считал выше обозначенную церемонию способом обмена информацией между главой государства и подданными. В данной процедуре он видел не просто прощание с человеком, но трансляцию народным массам идеи о непресекаемости королевского могущества, силы и авторитета правящего рода.

Форму традиции и нормы похороны королей широко стали принимать в Англии и Франции с XV в. К таким выводам американский исследователь пришел, отметив частое упоминание в исторических источниках так называемых «кукол», которые копировали внешность почившего монарха [2, р. 6]. Именно эти «куклы» предавали всенародному обозрению на церемонии прощания и их же провозили по улицам города к месту захоронения. Однако если в случае английской традиции похорон использование подобных «изображений» монарха осуществлялось с целью продления церемонии прощания с королем и обеспечении ее эстетических условий, то во Франции семантика этого элемента приобретала качественно иное значение. В данном случае изображение усопшего по сути заменяло самого усопшего [2, р. 15]. Именно по этой причине мастера, создававшие «куклу», уделяли большое внимание мельчайшим тонкостям во внешности монарха вплоть до передачи эмоций на лице правителя. Подобный подход Р. Гизи объясняет тем, что для французской элиты, приближенной ко двору, для непосредственных участников политической жизни страны важно было подтвердить и обозначить, что уход короля не означал прекращение его власти и авторитета. Детальное копирование внешности монарха транслировало обществу мысль, что физическая кончина короля не знаменует его закат в качестве государственного лидера и что славные дела его живы и порядки, им установленные, не упраздняются, но продолжают существовать и далее. «В данном случае подчеркивался юридический статус королевской власти» – писал Р. Гизи [2, р. 16].

Похоронная процессия английских государственных деятелей не предполагала акцентирования внимания на проблеме утраты носителя власти. Смерть физического тела не означала пресечения традиционного, морального и политического авторитета королевской власти в целом. Таким образом, как отмечал исследователь, процедура прощания с английским королем способствовала увековечиванию его имени в частности и формированию священного образа власти в общем. «Зрелищность процессии, продуманная и четкая система символов и жестов – все способствовало оформлению особого отношения к государю и еще раз подтверждало его статус в глазах подданных» [2, р. 12].

На примере исследований американского историка Ральфа Гизи можно увидеть, каково было влияние

похоронной процессии на формирование сакрального статуса власти. Создание «кукол», точно передававших внешность государственного лидера подтверждает, на наш взгляд, идею неоспоримой веры представителей средневекового общества в бессмертие своего правителя. Король как олицетворение добродетели, стабильности в государстве, его полноценности и справедливого функционирования в нем законов, традиций, норм и обычаев со своим уходом мог нарушить целостную гармоничную картину существования общества. В силу поддержания данной стабильности в сознании общественных масс распорядители церемоний нашли в использовании подобных «манекенов» своеобразный выход из ситуации. Похоронная церемония с использованием вышеуказанных элементов не только увековечивала имя конкретного короля, но и способствовала оформлению веры большинства в непрерывность власти, в ее бессмертие.

Согласно мнениям авторов исследований, рассмотренных выше, публичные ритуалы имели колоссальное значение в жизни средневекового общества.

Благодаря им власть эффективно поддерживала идею о своем сакральном характере. По сути, они служили мощным фактором, помимо политических и социальных предпосылок, формирования авторитета королевской власти, ее утверждения и поддержания. Благодаря публичным церемониям правитель мог не только презентовать себя и свое могущество, так он мог располагать к себе подданных, заручаясь их поддержкой и доверием. Самый главный вывод, объединяющий все приведенные выше примеры публичных церемоний, заключается в определении торжественных мероприятий с участием монарха как социального диалога власти и общества. Подобный социо-культурный подход к анализу исторических явлений вполне понятен и объясним общими тенденциями развития методологии исторической науки на рубеже веков. Благодаря подобному варианту оценки событий прошлого становится возможным под новым углом взглянуть на проблему взаимодействия правителя и подданных и выделить новые элементы и особенности этого диалога.

Литература

1. Bryant L. The Medieval Entry Ceremony at Paris // Coronations. Medieval and Early Modern Monarchic Ritual. Los Angeles, 1990. P. 88 – 113.
2. Giesey R. E. Funeral effigies as emblems of sovereignty: Europe, 14th to 18th centuries: lecture in the Collège de France. Paris, 1987. 20 p.
3. Hicks M. Selfpresentations in medieval England. London, 2003. 276 p.
4. Hunt A. The Drama of Coronation. Medieval Ceremony in Early Modern England. Cambridge, 2008. 308 p.
5. McCoy R. “The Wonderful Spectacle” the Civic Progress of Elizabeth I and the Troublesome Coronation // Coronations. Medieval and Early Modern Monarchic Ritual. Berkeley – Los Angeles – Oxford, 1990. P. 126 – 149.

Информация об авторах:

Шайхутдинова Елена Нургалиевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КемГУ, elena-nur@bk.ru.

Elena N. Shaikhutdinova – Candidate of History, Senior Lecturer at the Department of Modern and Contemporary History and International Relations, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА И ПРАВОГО РАДИКАЛИЗМА

УДК 943.085.2

НАЦИОНАЛИСТСКИЕ ИДЕИ В ГЕРМАНИИ В ГОДЫ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

С. В. Артамошин

NATIONALISTIC IDEAS IN GERMANY IN THE DAYS OF THE WEIMAR REPUBLIC

S. V. Artamoshin

Статья посвящена анализу развития немецкого национализма в годы Веймарской республики. Осуществляется сопоставление консервативного и национал-социалистического проектов национализма. В работе используются методологические подходы новой интеллектуальной истории. Национализм рассматривается как альтернатива демократической веймарской системе. В статье отмечается наличие в Веймарской республике нескольких националистических дискурсов, что указывает на альтернативность развития правых движений в Германии. Общим элементом правых немецких движений был национализм, антидемократизм, антипарламентаризм, отрицание условий Версальского мирного договора и стремление к его ревизии.

The paper is devoted to analyzing the development of the German nationalism in the days of the Weimar Republic. A comparison of conservative and national-socialist projects of nationalism is carried out. The author uses the methodological approaches of modern intellectual history. Nationalism is considered as an alternative to the democratic Weimar system. The paper notes the existence of several nationalist discourses in the Weimar Republic, which points to alternativeness of the development of the right movements in Germany. The nationalism, anti-democratism, anti-parliamentarism, denial of conditions of the Versailles peace treaty and aspiration to its audit was the general element of the right German movements.

Ключевые слова: национализм, консервативная революция, Веймарская республика, национал-социализм.

Keywords: nationalism, conservative revolution, Weimar Republic, national socialism.

Веймарская республика возникла в условиях поражения Германии в мировой войне. Травма мировой войны существенно предопределила отношение немецких правых к республике и памяти войны. С ней связывалась надежда на изменение, которая, в силу трагического завершения, не получила своего воплощения и поэтому, подобно возвращающемуся императору средневековья, заснула в недрах горы, с тем, чтобы в грядущий час воспрянуть ото сна и завершить начатое в огне мирового конфликта. Веймарская республика принесла Германии не только демократизацию политической системы, массовизацию политической жизни, многоплановость культурных проявлений, но и стремление к политической альтернативе, антидемократической атаке демократического, что делало политическую культуру динамичной и агрессивной. Несмотря на вызов политического проекта левых сил, воплощавшегося в социал-демократической модели синтеза демократии и социализма и коммунистической модели доминирования агрессивной brutality монократической диктатуры, в Германии происходил взлет националистического проекта, как модели преодоления травмы Великой войны и демократической системы.

Германский национализм Веймарской республики был многоликим. В нем проявлялся фёлькишеский дискурс, сочетавший в себе преемственность кайзеровского времени и современности, с его антисемитским атрибутом, усиленным и актуализированным в годы республики, и персонифицированным в лицах

Веймара. В области политической пропаганды использовался образ устрашения, который во многом усиливался обращением к советской политической системе Советской России в качестве наглядного воплощения “господства еврейства”. Уделение внимания исключительно национал-социалистическому движению объясняется его политической победой над демократией. Однако националистический проект модерна не ограничивался только национал-социализмом и имел иные каналы политической трансляции импульса, заданного Великой войной, точнее сказать переживаниями этой войны, которые теплились в душах их участников.

Если германский национализм XIX в. стремился к политической интеграции и оформлению единого германского государства, то национализм Веймарской республики был направлен на трансформацию государственной системы, изменению политического ландшафта с тем, чтобы преодолеть боль и стыд поражения, обновить содержание германского государства, сделав его националистическим. Такой процесс приводил к сочетанию различных идеологических моделей и использованию противоречивых политических союзов. Консерватизм Веймарской республики приобрел националистический характер, и таким образом принципиально отличался от кайзеровского сословного консерватизма, сохранив с ним организационную преемственность, например, в деятельности “Июньского клуба” и “Клуба господ”. Веймарский консерватизм впитал в себя революционность, и по-

этому в историографии его принято называть “консервативной революцией”, термином, который использовал в качестве определения особенностей консервативной мысли того времени ее идеолог и организатор Артур Мёллер ван ден Брук. В своей книге “Третий рейх” он писал, что “в Германии революционные и консервативные идеи проникают друг в друга” [7, с. 230]. Революционная динамика, стремление к изменению не во имя прошлого, а во имя будущего стали отличительной чертой перерожденного консерватизма. Мёллер ван ден Брук указывал, что “с революционными средствами можно достичь консервативных целей” [7, с. 231]. Консервативный человек склонен к действию. Динамичность изменений выступала модернистским элементом консервативного национализма. Этот элемент должен был послужить отличием старого кайзеровского консерватизма от современного, живущего в условиях технизации жизни и мышления. Мёллер ван ден Брук уподоблял консерватизм “производственному цеху”, в котором создается основа для будущего. Она уходила корнями в традицию, создавая способность к самовосстановлению в условиях кризиса. “Традиции постоянно разбиваются катастрофами, за которые мы ответственны – и революциями, которые мы не можем избежать. Но традиции неизменно вновь становятся сами собой” [7, с. 273 – 274].

Политическая задача консерватизма состояла в преодолении партийной разобщенности немцев и к консолидации нации в рамках германской националистической культуры. Партийность воспринималась “консервативной революцией” как деструктивный элемент политической жизни, приводящий к разобщенности и конфликту. Поэтому интегральная составляющая консерватизма состояла в преодолении конфликта правых и левых, которые до сих пор находятся в “мировоззренческом противостоянии”. Интеграция политических проектов была основной национальной согласия. “Мы не сможем стать народностью, если не объединим их”, – писал Мёллер ван ден Брук [7, с. 257]. Консерватизм живет служением целому в виде народа и государства, и его политические цели нацелены на процветание своего народа и государства [7, с. 260].

Мёллер ван ден Брук указывал на особенность современного консерватизма, заключающуюся в стремлении к решительным действиям. Деятельность и динамика, политическая энергичность служили ярким отличием от консерватизма XIX в. В отличие от националистических объединений Германии начала 20-х годов, которым не откажешь в обладании энергией деятельности и готовностью к совершению решительных поступков, облаченных в “путчистскую тактику”, “консервативная революция” стремилась придать этой энергии конкретную направленность и четкие политические очертания. Она подчеркивала связь между готовностью к деятельности и духовной готовностью к совершению действия. “Консервативная революция” указывала на необходимость первоначального духовного воспитания, которое, будучи соединенным с готовностью к политическим действиям, позволит достичь конечной политической цели. Консерватор, “которому всегда было предписано дей-

ствовать, будет не только готов мужественно действовать, но и также способен духовно” [7, с. 257]. “Консервативная революция” должна пройти между партийно-политическими противоречиями и оказаться по ту сторону политических идей, “искалечивших Германию и Европу”; консервативные призывы обращены “к человеку в немце и к немцу в человеке” [7, с. 298 – 299]. Таким образом, вывод Мёллера ван ден Брука об эволюции консерватизма в Веймарской республике заключается в том, что благодаря революции консервативная идея “заново обрела” свой смысл, повернув консерватизм к нации и соединив в себе консервативный и националистический компонент [7, с. 299].

Политическую борьбу против Веймарской системы Мёллер ван ден Брук определял как “освободительную борьбу”, вызывая в немецкой национальной памяти воспоминания о наполеоновских временах. Обращаясь к немцам, он восклицал: “Ни один немец не может жить, если не живет Германия!” [7, с. 205]. Утверждение Веймарской республики привело к установлению “господства посредственности”. Определение республики как посредственности утвердилось в идеологическом багаже “консервативной революции”. Оно созвучно с определением Веймарской республики Э. Ю. Юнгом, характеризовавшим ее как “господство неполноценных”. Консервативные революционеры желали видеть в государстве выражение национального характера, отражавшего в себе авторитарность власти.

Центральной задачей “консервативной революции” в послевоенной Германии было стремление к преодолению послевоенной ситуации. Националистическая позиция демонстрировала готовность к национальному сплочению на основе понимания важности национальной идеи для будущего развития немецкого народа. Ноябрьская революция, свергнув кайзеровскую систему, создала саму возможность творения нового. Призывы “консервативной революции” к политизации нации были стремлением выработать альтернативу утвердившимся политическим принципам веймарской демократии, консервативно-национальную альтернативу, обладающую деятельным потенциалом. Мёллер ван ден Брук связывал это с консолидацией нации и осознанием важности и приоритета именно национальных задач. Он видел в нации стремление народа стать хозяином своей судьбы, вне зависимости от того, насколько национальные потребности будут сочетаться с политическими ценностями “нового мирового порядка”. Этот процесс включал в себя преодоление раскола, вызванного партийно-политическими столкновениями и политическое объединение, которое произойдет одновременно с политизацией нации. Мёллер ван ден Брук считал, что консервативные интеллектуалы должны возглавить этот процесс. “Мы должны руководить процессом, начатым еще революцией, который должен привести к нашей национализации или мы больше не будем нацией” [7, с. 23 – 24]. Немецкий национализм “хочет воплотить немецкое в грядущем, в преходящем, в революционных событиях предстоящей эпохи” [7, с. 302]. Мёллер ван ден Брук подчеркивал, что “то, что неразрывно связано с нацией является немецким и

обладает ценностью: историей немецких людей.<...> Если погибнет нация, то, как это мы видим у других народов, погибнет и Германия, а с ней все, что когда-либо было сотворено немцами” [7, с. 319].

Модернистский национализм “консервативной революции” воплощался во взаимосвязи с опытом Первой мировой войны, ее переживаниями, брутальностью, насилием, символом. Война превращалась в гештальт, соединявшим идею и деятельность. Проблема выработки националистической идеи в новых условиях Веймарской республики требовала наличия носителей идеи, которыми могли послужить представители военного поколения. Решительность, готовность к поступку, склонность к насилию как к неизбежному опыту войны были характерными чертами их природы. Однако следует сразу оговориться, что данные качества не превращали их в кровавых анархистов, жаждущих лишь насилия и живущими драками уличных столкновений. Гештальт не обязательно воплощался в кровавой битве, но создавал мир, в котором битва не вызывала страха и неприятия. Военное поколение “консервативной революции”, ярким представителем которого был Эрнст Юнгер, воплощало в себе единство консерватизма и модернизма.

Национализм Веймарской республики имел свою особенность. “Отец этого национализма – война”, – писал Э. Юнгер в предисловии к книге своего брата “Подъем национализма”. Значение влияния войны выражалось в том, что оно сформировало новое поколение, прошедшее фронт и пережившее в своем сердце войну. “Основа немецкого юношества испытала войну в реальности, а не сидя в кофейнях или за письменным столом в жарко натопленном кабинете. Они побывали в аду – а фаустовский человек даже из ада привык возвращаться не с пустыми руками. Барбюс и ему подобные могли увидеть там что угодно – но мы все же увидели в том пламени нечто большее! И вынесли оттуда не одно отрицание. Лишь увидев силу материи, мы поняли силу идеи” [4, IX – X]. Э. Юнгер противопоставлял национализм буржуазному миру, миру спокойствия, так как национализм может быть выражен в динамике, активности и решительности. Вышедший из окоп Первой мировой войны, он не может сосуществовать с расчетливым миром буржуазного государства. “Национализм <...> в целом является небуржуазным чувством, радикально отличаясь от патриотизма предвоенного времени, он динамичен, вспыльчив и полон витальной энергии наших больших городов, в которых он – и это еще одна типичная черта – переживает бурный рост в отличие от консервативного чувства жизни. В своей основе он не реакционен, а революционен” [3, с. 218].

Национализм в понимании Э. Юнгера был проявлением новой нравственности. Он ставил перед собой задачу вывести нацию “за пределы дискуссии”, освободив силу нации для дальнейших свершений. Фронтовой солдат “понял, что его позиция лучше всего характеризуется словом национализм. Это слово выражает не отвращение к партиям или определенным группам людей, а отвращение ко всей эпохе, времени, которое нужно просто пережить и не растрчивать внутренние резервы, так как в нем невозможен прочный ценностный стержень” [5, с. 409 – 410]. Фридрих

Георг Юнгер указывал на динамичную внутреннюю энергию, которой обладает национализм. Он был проявлением жизни и не контролировался нравственными законами буржуазного мира. “Каждый национализм выступает как пьянящая, бурная, кровавая гордость, героическое, могущественное ощущение жизни. Он не владеет критической и аналитической склонностью, ослабляющей жизнь. Он не хочет толерантности, так как жизнь не знает ее. Он фанатичен, так как все кровное фанатично и несправедливо. В нем не лежат научно обоснованные ценности” [6, с. 28 – 29].

Особенность веймарского национализма Э. Юнгер видел в том, что он “отстаивает ценности жизни военными средствами”, и ему “глубоко наплевать, одобряются эти средства какой-то универсальной моралью или нет”, поэтому он “опирается на фронтовики, настоящих, живых людей, преданных делу с радостью и любовью” [2, с. 213]. Новый национализм был выражением наступающей эпохи. “Новый национализм – это центральное движение нашего времени, к которому должна примкнуть любая организация, если она хочет действительно примкнуть к жизненным силам эпохи” [1, с. 285]. Консервативный национализм Э. Юнгера опирался на опыт военных переживаний и ценностей фронтовиков, которые должны были возглавить националистическое движение. Именно в человеке “военного поколения” соединялась идея и деятельность, решительность, готовность к поступку и изменению. Националист готов пожертвовать собой во имя идеи, так как этой идеей является Германия, и нет лучшей смерти, чем смерть за свое Отечество. Поэтому готовность к самопожертвованию переносится в область политической деятельности, экстраполируя на политику военные ценности. “Быть националистом на войне означает быть готовым умереть за Германию, сегодня это означает поднять знамя революции за счастливую и великую Германию” [2, с. 216].

Националистический аспект “консервативной революции” значительно отличается от национал-социалистического дискурса. Нацистский национализм был расистским. Он делал акцент на расовое противостояние, акцентируя внимание на биологической проблеме кровосмешения. Понятие “кровь” присутствует в сочинениях “консервативных революционеров” и национал-социалистов. Однако оно имеет разные коннотации. Если “консервативная революция” обращала внимание на дух крови, то нацизм указывал на биологию крови. А. Розенберг писал, что “кровь, которая умерла, начинает оживать. В её мистическом символе происходит новое построение клеток немецкой народной души. Современность и прошлое появляются внезапно в новом свете, а для будущего вытекает новая миссия. История и задача будущего больше не означают борьбу класса против класса, борьбу между церковными догмами и догмами, а означают борьбу между кровью и кровью, расой и расой, народом и народом. А это означает борьбу духовной ценности против духовной ценности” [8, с. 1 – 2]. Несмотря на схожесть заявлений о консолидации общества, следует учитывать то, что нацизм стремился к созданию однокровной немецкой народной общ-

ности, обращая внимание на расистский элемент в его антисемитском ключе. Для “консервативной революции” расистский подход никогда не имел должного звучания, а фёлькишеский антисемитизм нацизма не встречал понимания.

Национализм в Веймарской республике имел вариативность политического развития и общность по-

литического противостояния. Консервативная альтернатива национал-социализму с ее выраженной антипартийностью не смогла, подобно нацистам, использовать парламентскую систему для легального прихода к власти. Пути двух национализмов не смогли слиться воедино, сделав консервативный проект политически нереализованным.

Литература

1. Jünger E. Der neue Nationalismus // Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., comment. und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. Stuttgart, 2001. S. 285 – 291.
2. Jünger E. Die nationalistische Revolution // Jünger E. Politische Publizistik... S. 213 – 216.
3. Jünger E. Schliesst euch zusammen! // Jünger E. Politische Publizistik... S. 216 – 223.
4. Jünger E. Vorwort // Jünger F. G. Aufmarsch der Nationalismus, hrsg. v. E Jünger. Berlin, 1926. S. VII – XIII.
5. Jünger E. Zum Jahreswechsel // Jünger E. Politische Publizistik... S. 408 – 413.
6. Jünger F. G. Aufmarsch der Nationalismus, hrsg. v. E Jünger. Berlin, 192_. XX+69 s.
7. Moeller van den Bruck. Das dritte Reich. – 3. Auf., bearb. von Hans Schwarz. Hamburg; Berlin, 1931. 324 s.
8. Rosenberg A. Der Mythos des 20. Jahrhunderts. Eine Wertung seelisch-geistigen Gestaltenkampfes unserer Zeit. München, 1934. 712 s.

Информация об авторе:

Артамошин Сергей Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Брянского государственного университета, artamoshinsv@mail.ru.

Sergey V. Artamoshin – Doctor of History, Associate Professor, Professor at the Department of World History, Bryansk State University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

УДК 94(430).086

ЮЛИУС ШТРЕЙХЕР И ПРОПАГАНДА АНТИСЕМИТИЗМА СРЕДИ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

А. М. Ермаков

JULIUS STREICHER AND ANTI-SEMITIC PROPAGANDA AMONG CHILDREN AND YOUTH IN NAZI GERMANY

А. М. Ermakov

В статье рассматриваются содержание и способы пропаганды вульгарного нацистского антисемитизма среди детей и молодежи в Германии в 1930 - 1940-е гг. На основании анализа публичных выступлений Юлиуса Штрейхера, опубликованной издательством «Штюрмер» литературы для учителей и детских книг, периодической печати немецкой эмиграции сделан вывод о том, что в гитлеровском государстве придавалось большое значение антисемитскому воспитанию подрастающего поколения. Штрейхер пользовался покровительством радикального юдофоба Гитлера и поэтому действовал в чрезвычайно благоприятной обстановке. Он преуспел в воспитании у немецких детей и молодежи ненависти к евреям, основанной как на средневековых клише, так и на новейших расово-биологических теориях. Попытки немецких эмигрантов обратить внимание зарубежной общественности на деятельность Штрейхера не имели успеха. Только после Второй мировой войны, когда державы победительницы получили некоторое представление о масштабах Холокоста, за рубежом осознали последствия многолетней пропаганды вульгарного антисемитизма.

The paper deals with the content and methods of vulgar Nazi anti-Semitic propaganda among children and youth in Germany in 1930 – 1940s. The analysis of Julius Streicher's public speeches, the literature for teachers and children's books published by “Stürmer” and also German emigration periodicals leads to the conclusion about the great importance of anti-Semitic education of the rising generation for Hitler's state. Streicher enjoyed the patronage of the radical anti-Semite Hitler and therefore acted in a highly supportive environment. He succeeded in instilling hatred for Jews among German children and youth. This feeling was based both on medieval clichés and the latest racial-biological theories. German immigrants' attempts to draw attention of the foreign public to Streicher's activities had no success. The consequences of long-term propaganda of vulgar anti-Semitism were understood abroad only after World War II, when the victorious countries got some idea of the scale of the Holocaust.

Ключевые слова: Третий рейх, национал-социализм, антисемитизм, юдофобия, пропаганда, индоктринация.

Keywords: The Third Reich, National Socialism, anti-Semitism, Judeophobia, propaganda, indoctrination.

Национал-социалисты делали ставку на молодежь и уделяли особое внимание индоктринации подрастающего поколения немцев. Частью нацистской идеологии был патологический антисемитизм, который внедрялся в сознание детей и подростков партийными, государственными учреждениями и общественными организациями Третьего рейха на собраниях и митингах, через литературу, кинематограф, радио, театр, прессу. Большую роль в формировании у немецкой молодежи устойчивых юдофобских убеждений играли гауляйтер Франконии Юлиус Штрейхер и его антисемитский еженедельник «Штюрмер». Британский обвинитель на Нюрнбергском процессе Дж. М. Гриффит-Джонс сказал о Штрейхере: «Он сконцентрировал свое внимание на молодежи и детях Германии. В этом отношении его преступление, вероятно, идет гораздо дальше, чем преступление кого-либо из других подсудимых... Влияние преступлений этого человека и яд, которым он отравил умы многих миллионов мальчиков и девочек Германии, которые теперь стали юношами и девушками, продолжает жить. Он оставляет за собой наследие - почти что целый развращенный им народ, отравленный ненавистью, садизмом и убийством. Этот германский народ останется на последующие поколения проблемой, а может быть, и угрозой для остальной части человечества» [20, т. 5, с. 118 - 119].

Российские и зарубежные исследователи отмечают, что антисемитизм Штрейхера и его еженедельника был вульгарным, порнографическим по своей сути, основанным на средневековых предрассудках и нездоровой сексуальности. Такая разновидность юдофобии в Третьем рейхе предназначалась не для образованных слоев общества, а для «простых немцев». Многие нацистские руководители не раз выступали против Штрейхера и пытались запретить «Штюрмер», однако Гитлер неизменно вставал на сторону гауляйтера Франконии. Штрейхер не ограничивался пропагандой на взрослую аудиторию и распространял патологические, звериные антисемитские идеи среди детей и молодежи. Он часто выступал перед школьниками и членами нацистских молодежных организаций, добивался использования «Штюрмера» на школьных уроках и во внеурочной воспитательной работе, настаивал на преподавании расовой доктрины не только в курсе расоведения, но и на уроках по всем учебным предметам. Издательство «Штюрмер» выпустило книгу для учителей и три антисемитские детские книги.

После прихода нацистов к власти Штрейхер нередко проводил митинги для детей и молодежи, посещал школы и дома Гитлерюгенда. Выступая перед детской аудиторией, он сравнивал «еврея» с дьяволом. Евреи, заявлял оратор, повинны в развязывании Первой мировой войны, они всегда живут за счет других народов, заставляя их работать на себя, сгоняют крестьян с их участков «мучают до смерти» животных. Детям постарше неистовый юдофоб, которого современники и некоторые историки считали помешанным на сексуальности, не стеснялся говорить и о том, что евреи «оскверняли немецких женщин и девушек» [20, т. 38, с. 110 - 111].

Штрейхер и его еженедельник играли значительную роль в пропаганде антисемитизма среди школьников. До 1923 г. Штрейхер, называвший себя «профессиональным антисемитом», работал учителем в двух школах Нюрнберга. Как вспоминает один из его бывших учеников, при первом же появлении в классе новый учитель провел «расовый учет» и выяснил, что в классе учатся тридцать два «хороших немецких мальчика» и три еврея. На следующий день он принес на урок 32 экземпляра «Штюрмера». Школьники-немцы читали газету хором, в то время как их «неарийские» соученики должны были неподвижно сидеть или стоять. Педагог оскорблял и избивал учеников в ходе урока. Через некоторое время «методика» работы со «Штюрмером» изменилась - теперь один ученик читал вслух, а остальные хором повторяли каждое проклятие в адрес евреев. Антисемитское воспитание быстро дало результаты, и пребывание учеников-евреев в школе стало невыносимым. Немецкие дети на улице кидали в них камнями и лошадиным пометом, а на переменах им приходилось прятаться в туалете, спасаясь от побоев и издевательств [9].

После прихода нацистов к власти условия распространения «Штюрмера» в образовательных учреждениях стали еще более благоприятными: травля евреев приобрела статус официальной государственной политики, учителя покупали еженедельник и приносили его на уроки, а нередко подписку на «Штюрмер» оформляла школьная администрация. Тексты из штрейхеровской газеты использовались как учебный материал, а фотографии и карикатуры - как наглядность. Учителя зачитывали ученикам отдельные статьи, школьники писали сочинения по темам «Штюрмера» и заучивали наизусть некоторые его публикации. В еженедельнике публиковались письма преподавателей и учеников, а также фотографии школьных уроков, на которых использовался «Штюрмер». В одном из домов Гитлерюгенда в Померании мальчики и девочки еженедельно обновляли стенд, на котором крепились вырезанные из газеты фотоснимки евреев. Они гордились тем, что теперь каждый из них «может опознать еврея по его внешнему виду». Руководитель дома Гитлерюгенда каждую неделю показывал своим воспитанникам кукольное представление на антисемитскую тему. «У нас есть кукла, которая показывает настоящего еврея. У нее нос как у сатаны, - рассказывали маленькие зрители. - Когда потом приходит Шут, мы кричим ему, чтобы он выгнал злого еврея. Если же еврей в пьесе просит нас помочь ему, то мы просто зовем Шута» [19].

В одних семьях жаловались, что на уроках религиоведения учеников все еще заставляют учить «безвкусные еврейские истории» из Ветхого Завета. Другие, напротив, не хотели, чтобы их дети учились по «Штюрмеру». Правда, свою позицию они обосновывали не неприятием антисемитизма, а непристойными рисунками и текстами еженедельника. В ответ Штрейхер горячо доказывал, что в «Штюрмере» «нет ни одной фразы, написанной необдуманно, и нет ничего такого, что могло бы кому-то помешать приносить эту газету в семью и своим детям... «Штюрмер» намеренно выдержан так, чтобы его мог понять каждый» [16]. Главный редактор еженедельника Карл

Хольц тоже выступил с критикой «ханжей и фарисеев», недовольных излишне детальными описаниями случаев «осквернения расы». Немецкой молодежи, заявлял Хольц, больше, чем кому-либо, необходимы знания о «расовом разврате» и «преступлениях против расы», совершаемых евреями [18].

Уже в 1933 г. обязательным учебным предметом в школах Пруссии стало расоведение, но для Штрейхера этого было недостаточно. Он доказывал, что для обучения антисемитизму подходит урок по любому предмету школьного курса. В 1937 г. издательство «Штюрмер» выпустило книгу для учителей «Еврейский вопрос на уроках», написанную педагогом Фрицем Финком. Автор заявлял, что у немецкого ребенка якобы есть «врожденный расовый инстинкт», «врожденное отвращение к евреям», которые утрачиваются взрослым человеком. Учителя просто обязаны развивать этот инстинкт, а те из них, кто требует «объективности, соблюдения приличий и человечности», - слабаки и трусы [5, с. 7].

Воспитание человеконенавистнических взглядов предлагалось начинать на уроках природоведения и уже в младших классах знакомить детей с Нюрнбергскими расовыми законами. Ученикам следовало растолковать, что «общность образуют только одинаковые существа» - муравьи, осы, пчелы, термиты, которые «строят собственные государства». Школьникам постарше учитель мог рассказать, что самец скворца спаривается только с самкой скворца и тем самым сохраняется вид. Если же человек производит искусственное скрещивание, на свет появляется нечто неестественное, помесь, уродок. Человек идет против воли природы, когда одобряет соединение черных или желтых людей с белыми, евреев с не-евреями. Ни один наделенный расовым сознанием белый не будет «спариваться» с негритянкой или еврейкой. После этих объяснений, уверял Финк, «дети будут видеть в Нюрнбергских законах не что иное, как возврат к естественному положению вещей, к заведенному Богом порядку» [5, с. 10].

В первую очередь учитель давал детям задание «основательно рассмотреть» еврея. Для этого на доске вывешивались фотографии руководителей Баварской советской республики или же снимки Магнуса Гиршфельда, Белы Куна, Бернхарда Вайса. Рядом с ними помещалось изображение «арийца». Ученики вскоре скажут: «У евреев другие носы, другие уши, другие губы, другой подбородок и совсем не такое лицо, как у нас, немецких людей». Если же после этого дать детям задание понаблюдать за евреями в реальной жизни, то через несколько дней они придут к выводу: «Евреи двигаются иначе, чем мы. У них плоскостопие. Пропорции их тела не такие, как наши. Их волосы, глаза, брови не такие, как наши. Их руки длиннее, чем наши. Они говорят не так, как мы». Записать результаты наблюдений следовало в «Judenmerkheft» - специальную «тетрадь (блокнот) для евреев». Тетради сообщений (маятниковые тетради, «машины тетради») появились в немецких школах еще в XIX в. и предназначались для информирования родителей о проводимых в школе мероприятиях и о поведении детей. Финк придумал «еврейскую тетрадь» с другой целью: «Ребенок, обученный таким способом расовому виде-

нию, будет с первого взгляда выделять еврея из тысяч людей» [5, с. 16]. Следующим этапом воспитания антисемитизма было формирование у детей убеждения в том, что «еврей думает, чувствует и действует иначе, чем мы. Что его мысли, чувства и действия резко противоречат нашей морали, нашим законам». Он «избегает тяжелых работ. Он живет за счет пота своего народа-хозяина. Он паразит, как омела на дереве» [5, с. 20].

На уроках географии, истории и обществоведения в средних и старших классах школьникам внушали, что «там, куда приходили евреи, они оставляли бактерию гибели и разложения». На уроках культуроведения Финк предлагал рассматривать тему «Какими видели евреев великие люди». Учитель был обеспечен огромным материалом, поскольку нацистский антисемитизм глубоко уходил корнями в немецкую и европейскую культурную традицию. В ученические «блокноты о евреях» записывались юдофобские высказывания Тацита, Лютера, Фридриха Прусского, Гете, Наполеона, Фихте, Гельмута фон Мольтке, Бисмарка, Гитлера, Гердера, Канта, Шиллера, Арндта, Хеббеля, Рихарда Вагнера, Трейчке, Моммзена и Генри Форда [5, с. 40].

Пособие Финка завершалось главой «Расовый позор». Термин «Rassenschande» («расовый позор», «осквернение расы») занял прочное место в нацистском лексиконе и особенно часто повторялся в «Штюрмере». В обычной речи слово «Schande» означало «стыд, срам, позор, бесчестие». Гитлеровцы наполняли его сексуальным содержанием, подразумевая под «осквернением расы» связь «арийской» женщины и мужчины-еврея. В то время как значительная часть населения, особенно в католических районах Германии, придерживалась консервативных взглядов на половое воспитание и считала неприличным информирование девушек «из хороших семей» о сексуальной жизни [7, с. 240], нацисты не стеснялись публично обсуждать эту тему. Особое рвение на поприще «полового просвещения» проявляли Штрейхер и «Штюрмер», предлагавшие детям и молодежи откровенную порнографию. Вслед за ними Финк призывал педагогов, работающих в профессиональных училищах, полных средних школах, Союзе немецких девушек, Германском трудовом фронте и других внешкольных организациях, обязательно говорить с девушками об «осквернении расы». Им был рекомендован антисемитский роман «Прегрешение против крови», написанный Артуром Динтером в 1917 г. и выдержавший десятки переизданий. Сюжет романа состоял в том, что богатый еврей «осквернил расовую чистоту» немецкой женщины, и хотя она ушла от него и вышла замуж за «арийца», ее ребенок родился с еврейскими признаками [4]. Штрейхер, а вслед за ним и Финк, заимствовали у Динтера идею импрегнирования (протитывания) крови. «Расовый позор означает расовую смерть. Расовый позор - бескровное убийство. Оскверненная евреем женщина больше никогда не выведет занесенный евреем яд чужеродной крови из своего тела, - пояснял Финк. - Сексуальная ненасытность евреев, обусловленная кровью, - далеко не единственная причина осквернения нееврейских женщин. Она является результатом дьявольского замысла и расче-

та». Учителю следовало воспроизвести своим воспитанницам болезненные сексуальные фантазии, не раз прорывавшиеся в «Моей борьбе» Гитлера, произведениях и речах Штрейхера, публикациях «Штюрмера». «Просвещенная» таким образом девушка «никогда не станет жертвой еврея», резюмировал Финк [5, с. 44].

Вульгарная антисемитская пропаганда Штрейхера доводилась до детей и подростков не только через учителей. В 1936 - 1940 гг. в издательстве «Штюрмер» были опубликованы три детские книги. Автором текста и иллюстраций первой из них стала студентка нюрнбергской художественной школы Эльвира Бауэр. Книга вышла в свет под названием «Не верь лисе на зеленом лугу и еврею, когда он клянется: книга с картинками для взрослых и детей» [2]. Это название восходило к пословице Мартина Лютера, появившейся в 1543 г. в памфлете «О евреях и их лжи»: «Не верь волку, когда он на свободе, /И еврею, когда он приносит клятву, /Не полагайся на совесть папы римского, /Иначе будешь обманут всеми троими». В июле 1936 г. Бауэр, рассчитывая получить средства на учебу, предложила свою рукопись нескольким издательствам, в том числе партийному «Франц Эгер». Ей отказали все кроме Штрейхера, запустившего рукопись в тираж в рекордно короткие сроки. Книга стоила недорого и была доступна каждому желающему. Только за первые три дня после поступления в продажу было реализовано 5 тысяч экземпляров, к первой декаде февраля на руках и читателей находилось уже 25 тысяч экземпляров [3], а типографские станки еще работали, доводя тираж до 60 тысяч штук [17].

Вот какой увидела книгу Бауэр немецкая писательница-эмигрантка Эрика Манн: «На ярко-красной обложке два рисунка – кроважая лиса, коварно подкарауливающая из-за угла, а под звездой Давида – еврей, точнее, расхожая нацистская карикатура на еврея: огромный нос, лысина, пухлые губы, глубоко посаженные глаза. Он лжесвидетельствует, поднимая толстые пальцы». Характеризуя книгу, Манн опасалась, что у нее не получилось передать «тот уровень садистской грубости, демагогической лживости, безвкусицы и человеческой испорченности, который здесь достигнут», и сетовала, что не может перепечатать каждое стихотворение и каждый рисунок [12, с. 67].

Книга состоит из 21 сцены, каждая из которых раскрывается при помощи стихотворного текста и рисунка: «Отец еврея – дьявол», «Вечный жид», «Еврейские фамилии», «Жид остается жидом», «Еврей – торговец скотом», «Еврейский адвокат», «Служанка», «Еврейский врач» и т. д. Эльвир Бауэр в сжатой и доступной форме воспроизводила все антисемитские предрассудки и клише, которые использовались в нацистской идеологии и пропаганде. Евреи представлялись перед читателями как порождение дьявола, воплощение зла, лентяи, обманщики и лжецы, убийцы Христа, имеющие отвратительный внешний вид и страдающие плоскостопием, грязнули и похотливые «осквернители расы». Стиль рисунков и язык текстов также соответствовали принятым в Третьем рейхе нормам изображения евреев и говорения о них. По оценке немецких исследователей, книга «Не верь лисе» содержит циничный и почти неприкрытый при-

зыв к убийству евреев [1, с. 343 - 344]. Несомненно, произведение Бауэр воспитывает патологическую ненависть к евреям, но в нем нет намеков на физическое уничтожение. Последняя сцена книги показывает, как евреи «катятся» туда, откуда пришли, – «на далекий юг, где прежде была их колыбель» [2, с. 43 - 44].

Немецкие леволиберальные эмигранты в Париже ужасались тому, что книга Бауэр теперь «будет отвращать доверчивую детскую душу», воспитывая из подрастающего поколения немцев садистов [15]. «До слез больно и жутко думать о том, что десятки тысяч немецких детей отравляют – буквально отравляют – этим гадким продуктом мерзости и тупоумия, – говорилось в статье немецкого писателя-эмигранта Клауса Манна. – Но так как он, к сожалению, существует и находится в руках немецких малышей, то мы тоже должны его использовать – использовать как самое сильное пропагандистское средство против государства Штрейхера и Гитлера» [13].

Весной 1938 г. была издана тиражом 60 тысяч экземпляров иллюстрированная книга Эрнста Гимера и Филиппа Рупрехта «Ядовитый гриб». «Штюрмер» хвалился тем, что за первые же семь дней после поступления книги в магазины было продано 10 тысяч экземпляров, и призывал каждого немца стать ее обладателем [21]. «Ядовитый гриб» содержал рассказ «Визит Инги к доктору-еврею», сюжет которого был замешан на характерной для штрейхеровского антисемитизма нездоровой сексуальности. Рассказ завершался стихотворением: ««Дьявол своей недоброй рукой/ Направил еврея на немецкую землю./ Как дьявол он домогается/ Немецкой женщины и немецкой чести./ Немцы, вы не хотите этого понять./ Но все же поймете это./ Нужно лечить немцев/ Только немецкими средствами» [10, с. 33]. К моменту выхода из печати «Ядовитого гриба» представления многих немцев о нравственности были настолько извращены, что редакция «Штюрмера» не испытывала недостатка в восторженных письмах. Один взрослый читатель восхищался тем, что произведение Гимера и Рупрехта «изящно» преподносит тему «осквернения расы». Другой предлагал номинировать «Ядовитый гриб» на премию в области литературы для молодежи. Третий, педагог из Франкфурта-на-Майне, сообщал, что ознакомил с новой антисемитской книгой своих учеников, и они были «восхищены точно так же, как и я сам» [8].

За границей «Ядовитый гриб» вызвал противоположную реакцию. Журналист «Ежедневной парижской газеты» Бруно Фрай назвал автора и издателей книги губителями детей: «Из всех бед, в которые ввергли немецкий народ нацисты, как самая ужасная войдет в историю хладнокровное отравление детских душ». Показав, как в «Ядовитом грибе» в адаптированном для детской аудитории виде преподнесены вульгарные антисемитские идеи, в том числе бредовая фантазия об «осквернении расы», Фрай предложил: «Обожатели Гитлера в Париже и Лондоне должны как можно скорее позаботиться о переводе этой иллюстрированной книги на французский и английский языки» [6].

В 1940 г. издательство «Штюрмер» выпустило еще одно произведение для детей, написанное Гимером и проиллюстрированное Вилли Гофманом, - «Пудельмопстаксапинчер и другие поучительные рассказы». Юным читателям внушалось, что евреи «ленивы, как трутни, бессовестны, как кукушка, трусливы, как гиены, изворотливы как хамелеон, прожорливы, как саранча, кровожадны, как клопы, нахальны, как воробы, подлые, как пудельмопстаксапинчер, фальшивы, как змеи, отвратительны, как ленточные черви, опасны, как бациллы». Название всей книге дал рассказ о беспородной собаке, появившейся на свет в результате скрещивания многих пород, - пудельмопстаксапинчере. Из этого рассказа дети узнавали, что евреи подобны беспородным собакам, ведь они «обнаруживают расовые признаки белых, желтых и черных народов» [11, с. 63].

Гимер воспроизводил самые нелепые юдофобские стереотипы, возникшие еще в эпоху Средневековья и взятые на вооружение теми нацистами, которые пропагандировали вульгарную версию антисемитизма: у евреев оттопыренные уши, кривые ноги, походка впереважку и т. д. Чаще всего повторялось утверждение о том, что они любят грязь и дурно пахнут. В книге нашлось место и для антисемитских мифов, возникших в Германии уже в Новейшее время: евреи развязали Первую мировую войну, обогащались во время войны и уклонялись от службы в армии; они нанесли «удар кинжалом в спину» победоносной германской армии, совершив в 1918 г. революцию. «Просвещая» читателей, именно «просвещением» Гимер не раз называет распространение самых диких антисемитских предвзятостей и откровенной лжи - он призывал быть бдительными, не верить евреям, не испытывать к ним жалости и сострадания.

Когда «Пудельмопстаксапинчер» попал в руки немецких детей, Гитлер уже произнес свое знаменитое «пророчество» об уничтожении еврейской расы в Европе и даже непосвященным современникам было ясно, что готовится или уже проводится в жизнь некое «решение еврейского вопроса». Если у Бауэр содержался призыв изгнать евреев в Палестину, то в «поучительных рассказах» Гимера предлагалось то «вывести» их как клопов, то «действовать безжалостно, искоренить, уничтожить» евреев «во всех странах мира» как ядовитых змей. В рассказе о трутнях пчела по имени Мелли «просвещает» своих подруг об «опасности трутней» и призывает «безжалостно уничтожить» их, иначе «они уничтожат нас и наших детей». Однажды ночью рабочие пчелы восстали, все трутни были убиты или изгнаны из улья [11, с. 9 - 11]. Читатель мог истолковать как побуждение к физическому уничтожению евреев и призыв «к молодежи всего мира», завершавший книгу. В нем говорилось, что мир будет освобожден в результате «гибели еврейского паразита» [11, с. 95].

Пропаганда вульгарного антисемитизма в детской и молодежной среде оказалась весьма эффективной и очень быстро дала результаты. Социал-демократические эмигранты уже в 1935 г. отмечали: «Подрастающее поколение немцев, будущее народа, подвергается опасности как никогда раньше, ведь тот, кто посеет “Штюрмер”, пожнет сексуального преступника».

Вследствие распространения «мерзостей Штрейхера» создается обстановка, в которой среди детей тиражируется порнография, «подзуживается недетское любопытство», и «любому карапузу отпускают яд на каждом углу». Дети задавали взрослым и друг другу вопросы: «Что значит слово “мальчик-гомосексуалист”?», «Что такое умышленное убийство на почве полового извращения?», «Что делают осквернители расы?», «Что они делают, когда используют девушек?», «Так что же такое изнасилование?» [14].

Хрестоматийным в современной Германии является школьное сочинение «Евреи - наше несчастье», написанное Эрной Листинг из Гельзенкирхена и опубликованное в «Штюрмере» в январе 1935 г. Сегодня отрывки из него можно найти в популярных книгах по истории Третьего рейха, школьных учебниках, методических журналах для учителей истории. «Гауляйтер Штрейхер так много рассказывает нам о евреях, что мы основательно их ненавидим», - выдавала девочка источник своей «просвещенности» и продолжала: евреи - это паразиты, коварно отбирающие у немцев деньги и имущество, они затевали восстания и подстрекали к войнам, довели Россию до нищеты и финансировали немецких коммунистов [12, с. 97 - 98]. Ученица четвертого класса Хельга Гербинг прислала в «Штюрмер» сочинение «Кукушка и еврей». «Кукушка - это еврей среди птиц, ведь она похожа на него своим внешним видом, действиями и повадками, - писала девочка, - Оба эти еврея, среди которых одна птица и один человек, дармоеды, желающие стать богатыми и тучными за чужой счет... Но мы, люди, не так глупы, как птицы. Мы не потеряем этого и вышвырнем нахальную “кукушку” из нашей страны» [12, с. 98 - 99].

Воспитанные Штрейхером и «Штюрмером», немецкие дети превращались в добровольных и активных участников антисемитской политики. Эрна Листинг сообщала, что «мы ничего не покупаем у евреев», а Хельга Гербинг с гордостью рассказывала: «Некоторые ученицы из нашего класса часто встают около универсального магазина Бэра. Если люди хотят войти в него, они кричат: “Как вам не стыдно покупать у еврея, фу-ты, черт!” Тогда женщины краснеют и уходят. Ну как, “Штюрмер”, тебе это нравится?» [12, с. 99].

Таким образом, Юлиус Штрейхер, называвший себя «профессиональным антисемитом» и «антисемитом номер один», распространял среди немецких детей и молодежи вульгарные антисемитские взгляды, основанные как на средневековых стереотипах, так и на новейших расово-биологических теориях. Пользуясь покровительством Гитлера, которого историки считают самым радикальным антисемитом Третьего рейха, он не был стеснен никакими нравственно-моральными рамками. На подрастающее поколение немцев обрушился поток нездоровых сексуальных фантазий Штрейхера, растиражированный в его устных выступлениях перед школьниками и участниками нацистских молодежных организаций, методических материалах для педагогов, детских книгах и, в первую очередь, в еженедельнике «Штюрмер», нашедшем широкое применение в образовательном и воспитательном процессе. Дети и подростки, поощряемые

партийными и государственными функционерами, учителями, родителями, легко усваивали человеконенавистнические идеи, сами становились пропагандистами патологической юдофобии среди сверстников и взрослых, превращались в активных участников гонений на евреев в Германии. Предостережения немецких эмигрантов, еще в середине 1930-х гг. разгляде-

вших в деятельности Штрейхера чудовищную опасность для молодежи, не были услышаны современниками. Только после Второй мировой войны, когда антифашистские силы получили первые приблизительные сведения о масштабах трагедии европейских евреев, Штрейхер понес заслуженное наказание за преступления против человечности.

Литература

1. Augustinovic W., Moll M. Antisemitismus als Erziehungsinhalt: ein Kinderbuch aus dem "Stürmer"-Verlag. Entstehung - Rezeption – Wirkung // Publizistik. 1991. Heft 3(36). S. 343 - 358.
2. Bauer E. Trau keinem Fuchs auf grüner Heid und keinem Jud bei seinem Eid. Nürnberg: Der Stürmer-Verlag, 1936. 44 s.
3. Das Bilderbuch des "Stürmer" // Pariser Tageszeitung. 1937. 5. Februar. S. 2.
4. Dinter A. Die Sünde wider das Blut. Ein Zeitroman. 10. Aufl. Leipzig: Verlag Matthes und Thost, 1920. 438 s.
5. Fink F. Die Judenfrage im Unterricht. Nürnberg: Der Stürmer – Abteilung Buchverlag, 1937. 47 s.
6. Frei B. Die Kinderverderber. Das neue Bilderbuch des "Stürmerverlages" // Pariser Tageblatt. 1938. 22. April. S. 2.
7. Frevert U. Frauen-Geschichte. Zwischen bürgerlicher Verbesserung und Neuer Weiblichkeit. Frankfurt am Main, 1986. S. 200 - 243.
8. Der Giftpilz. Urteile über das neue Stürmerbuch // Der Stürmer. 1938. April. Nr. 16. S. 9.
9. H. S. D. Streicher war mein Lehrer. Erinnerungen an den "Frankenführer" Julius Streicher // Aufbau. 1945. 1. Juni. S. 1, 3.
10. Hiemer E. Der Giftpilz: ein Stürmerbuch für Jung und Alt. Nürnberg: Verlag Der Stürmer, 1938. 56 s.
11. Hiemer E. Der Pudelmopsdackelpinscher und andere besinnliche Erzählungen. Nürnberg: Der-Stürmer-Buchverlag, 1940. 96 s.
12. Mann E. Zehn Millionen Kinder. Die Erziehung der Jugend im Dritten Reich. Reinbeck: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2011. 221 s.
13. Mann K. Sehr lehrreiches Bilderbuch // Pariser Tageblatt. 1937. 13. April. S. 2.
14. "Mutti, was ist ein Lustknabe?" // Neuer Vorwärts. 1935. 27. Oktober. Beilage. S. 2.
15. Das Nazisystem auf der Anklagebank // Pariser Tageszeitung. 1936. 12. Dezember. S. 1.
16. Eine Rede Streichers vor der Auslandsorganisation der NSDAP // Frankfurter Zeitung. 1935. 11. September.
17. Das "Stürmer"-Bilderbuch schon 60000 Auflage // Pariser Tageszeitung. 1937. 11. Februar. S. 2.
18. Der "Stürmer" gegen Pharisäer und Tugendbolde // Pariser Tageblatt. 1935. 19. Oktober. S. 2.
19. Der Strümer im Jugendheim. Wie deutschen Buben und Mädchen die Judenfrage kennen lernen // Der Stürmer. 1936. April. Nr. 16. S. 8.
20. Trial of The Major War Criminals Before The International Military Tribunal. Nuremberg, 1949.
21. 10000 Exemplare in 7 Tagen verkauft! // Der Stürmer. 1938. April. Nr. 16. S. 9.

Информация об авторе:

Ермаков Александр Михайлович – доктор исторических наук, доцент, проректор по учебной работе (заочное отделение) Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, ermakov.a.m@mail.ru.

Alexander M. Ermakov – Doctor of History, Associate Professor, Vice-Rector for Academic Affairs (part-time department) at Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

УДК 94(430).086

ВОЕННЫЙ ДНЕВНИК М. ВАСИЛЬЧИКОВОЙ И ОТОБРАЖЕНИЕ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ В ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ (1940 – 1945 ГГ.)

В. Г. Дорохов

M. VASILCHIKOVA'S WAR DIARY AS A DISPLAY OF EVERYDAY LIFE IN NAZI GERMANY (1940 – 1945)

V. G. Dorokhov

В статье рассматривается повседневная жизнь княгини Марии Илларионовны Васильчиковой в период с 1940 по 1945 гг., когда Вторая мировая война уже внесла коррективы в мирную жизнь простых немцев. Отмечается серьезное влияние военных действий на психоэмоциональное состояние М. Васильчиковой и как следствие, воздействие на описываемый новостной фон и его отображение в мемуарной литературе. Автор делает вывод, что психологическое состояние автора дневника достаточно активно определяло тематику излагаемых новостей, формируя эмоциональный фон изложения.

The paper focuses on the everyday life of Maria Vasilchikova, a representative of the aristocratic society, in 1940 – 1945, when World War II made adjustments to the peaceful life changing it thoroughly. The author highlights the substantial impact of military actions on M. Vasilchikova's emotional state and, consequently, their impact on the described newsfeed and its display in the memoirs. The paper concludes that the psychological state of the author of the diary had significant influence on the choice of the expounded news, creating an emotional background for the narration.

Ключевые слова: Германия, Третий рейх, мемуары, история повседневности.

Keywords: Germany, the Third Reich, memoirs, history of everyday life.

В сентябре 1939 г. Европа вновь погрузилась в военные действия. Первоначально, Вторая Мировая война не внесла кардинальных коррективов в жизнь простых людей на территории Германии. Однако чем дальше от нас произошедшие события, чем дальше от нашего времени дата поражения гитлеровской Германии, тем актуальнее становится описание не столько военных действий, сколько рассмотрение жизни простых людей, живших на территории поверженной страны. Понимание феномена войны, её влияния на функционирование всего общества, позволяет лучше выстаивать причинно-следственные связи между событиями на фронтах и тем, что происходило в тылу. Чем он крепче, чем ближе элита нации к запросам своего народа, тем проще ему переносить все тяготы войны. Партийная элита СССР сумела доказать, в сложных условиях военного времени, что она готова переносить тяготы войны вместе с народом. Гитлеровская Германия является обратным примером того, что разложение элиты государства ведет напрямую к падению обороноспособности всего тыла. В этой связи стоит учитывать и тот факт, что советское общество было более монолитным в социальном отношении, нежели Германия, где сохранилось сословное деление, в рамках нацистских преобразований в области социальной инженерии.

Традиционно к высшим социальным слоям общества относят аристократию, крупную буржуазию и высшее руководство страны. Говоря об аристократии, в случае с нацистской Германией, к её представителям относили земельную аристократию (юнкерство). До настоящего времени дошел целый ряд документов, на основании которых можно более или менее судить, о том, как жили и что чувствовали высшие слои общества. Достаточно информативными считаются мемуары Альберта Шпеера, однако в них в большей

степени представлены события, так или иначе связанные с личностью А. Гитлера, нежели «условно» простых людей. Как отмечал Шпеер: «Эти воспоминания должны... раскрыть последствия единоличной и бесконтрольной власти и охарактеризовать личность этого человека» [5, с. 3]. Воспоминания Уильяма Ширера, известного американского историка и журналиста, охватывают более широкий пласт повседневной жизни Германии в 1930-х гг., однако в них много политики и сравнительно мало Ширера как человека, который жил и работал в это время. К тому решаемая им задача, была достаточно широка, чтобы действительно отобразить жизнь немцев. Ширер писал: «Располагая уникальными источниками и хорошо помня жизнь в нацистской Германии..., я решил, чего бы мне это не стоило, изложить историю взлета и падения Третьего рейха» [4, с. 18]. Или, например, мемуары Эрнста Никиша, немецкого функционера, демократического толка. Автобиографический жанр его произведения, хорошо передает эпоху с 1918 по 1945 гг., но сам он с 1937 г. был арестован и до 1945 г. находился в заключении. В этом смысле, его воспоминания, скорее дополнительный материал для анализа повседневности тех людей, что находились в местах лишения свободы [3]. В этом контексте, военный дневник русской княгини Марии Васильчиковой, можно считать более содержательным, с точки зрения понимания того, как жили люди более высокого социального статуса, не подкрепленного экономическими ресурсами. Ведь, несмотря на аристократическое происхождение М. Васильчиковой и её знакомство со многими представителями старой немецкой аристократии, жила она достаточно скромно и этот факт значительно расширяет степень информативности её дневника, поскольку ей вспоминаются не только аристократиче-

ские приемы, но и то, что она, как и все, переживала лишения военного времени.

Мария Илларионовна принадлежала к представителям аристократии дореволюционной России – её отец был князем, политическим деятелем Государственной Думы IV созыва, а мать происходила из старинного рода князей Вяземских. В 1919 г. семья сумела покинуть революционную Россию и выехать в Европу. В период до 1939 г. она успела пожить в Швейцарии, Италии, Франции и Литве, а в годы Второй мировой войны – в Германии. Несмотря на то, что Мария не являлась гражданкой Германии, её знание пяти европейских языков и секретарский опыт довольно быстро позволили устроиться ей на работу – первоначально в Бюро радиовещания, а затем в Информационный центр Министерства иностранных дел Германии, поскольку только там она смогла найти работу. Не в последнюю очередь, переезд был обусловлен успехам Гитлера в области преодоления последствий мирового кризиса, который бушевал уже несколько лет в мире и носил достаточно затяжной характер. Нацистская Германия спаслась путем развертывания крупномасштабных строительных работ и интенсивного перевооружения.

Первоначально, светские воспоминания дневника в период проживания в Германии занимают больше места, нежели ужасы войны. Однако по мере ухудшения военного положения, гнетущее состояние после бомбежек, стали занимать значительное место. Чисто психологически человек описывает и уделяет больше места именно тому, что более для него актуально. Поскольку дневник не предназначался для широких масс, с поправкой на субъективность автора, его можно считать вполне документальным источником по повседневной жизни в Германии периода правления А. Гитлера. Возможно, метод индукции будет не совсем корректен, с точки зрения экстраполяции жизни Васильчиковой на все аристократическое общество Германии, но определённые закономерности и общие черты, всё же можно выявить при анализе повседневной жизни как представителей аристократии, так и простых людей проживавших в этот период в Третьем рейхе. «Берлинский дневник» достаточно обстоятельно описывает жизнь Васильчиковой, несмотря на временные провалы, связанные с потерей части информации и сознательным уничтожением компрометирующих данных на других людей. Вести, в это время, дневник в нацистской Германии было большой роскошью, не столько по причине проблем с бумагой, сколько по причине возможного использования материалов дневника против автора и против тех, кто там фигурировал. Страх доноительства достаточно активно подпитывался в гитлеровской Германии и использовался гестапо в борьбе с оппозицией.

Дневник разбит на 7 частей и описывает жизнь М. Васильчиковой с января 1940 г. по сентябрь 1945 г. События распределены достаточно неравномерно, что объясняется как психологическим состоянием автора, так и тем, что часть дневника была позднее потеряна и частично восстановлена в процессе его подготовки к опубликованию. Первая часть охватывает 1940 г. и описывает 168 событий; вторая часть – январь – июнь 1941 г., 65 событий; третья

часть – июль 1941 г. – июль 1943 г., 30 событий; четвертая часть – июль 1943 г. – декабрь 1943 г., 82 события; пятая часть – январь 1944 г. – 18 июля 1944 г., 145 событий; шестая часть – 19 июля 1944 г. – сентябрь 1944 г., 38 событий; седьмая часть – январь 1945 г. – сентябрь 1945 г., 107 событий. Формально, больше всего дней описано в первой части – 168, однако они по большей части не очень объемные и не слишком содержательные. Значительно меньше дней отражено в шестой части, но с точки зрения излагаемой информации, которую заносила Мария Васильчикова, её значительно больше и это не просто краткое перечисление того, что произошло, но и размышления об этих событиях, что, несомненно, ценно для понимания жизни автора.

Конечно, Мария как и ее сестра Татьяна, были очень небогаты, но круг их общения был широк и связан со многими аристократическими фамилиями Германии – князь Паул Меттерних (правнук знаменитого австрийского министра внутренних дел, стал мужем Татьяны Васильчиковой); внуки знаменитого «железного канцлера» Отто фон Бисмарка – Отто и Готфрид; сыновья и внуки последнего кайзера Германии Вильгельма II; принц Константин Баварский и многие другие. С некоторыми из них княжна была связана родственными узами, многих знала с давних пор, с кем-то познакомилась на светских приемах. Они быстро и легко находили общий язык – поскольку были представителями одного сословия.

В 1940 г. Мария вместе с сестрой, бежав из Литвы, переезжают в Берлин, по причине того, что именно там можно было найти работу в депрессионной Европе. Дневник раскрывает их первые шаги в городе, когда они первым делом, после прибытия в Германию, устраивают затемнение на окнах (4 января). В квартире долго никто не жил и, следовательно, она не была готова для маскировки от возможных налетов. Уже через 2 дня (6 января) отправляются на бал в чилийское посольство, причем на такси, что свидетельствует о ещё нормальной работе автослужб столицы. Они посещают ночные клубы (11 января), где пьют шампанское и слушают музыку, так как танцы в общественных местах были уже запрещены [1]. Такая простая констатация факта, но как хорошо она отражала политику немецкого правительства и влияние принимаемых законов на жизненный уровень всего немецкого народа. К числу таких законов можно отнести «Постановление о временном обеспечении жизненно важных потребностей немецкого народа» от 27 августа 1939 г. В соответствии с ним, с 28 августа 1939 г. в Германии мясо, жир, хлеб, сыр, цельное молоко, сахар, мармелад и другие продукты питания, эрзац-кофе, мыло и богатые жиром моющие средства, текстиль, обувь, кожаные изделия и уголь можно было получать только по карточкам или ордерам [2, с. 36 – 37]. Однако система распределения как продовольственных, так и непродовольственных была выстроена несколько специфично. Например, Мария периодически писала в дневнике, что шляпки и галстуки входили в те немногие товары, на которые не нужны были талоны, а моллюски и ракообразные, включая деликатесы – омары и устрицы, имелись в продаже в

изобилии вплоть до самой высадки союзников во Франции в 1944 г.

В дневнике есть очень точное описание Берлина образца 1940 г.: «Теперь Берлин – город холостяков, здесь одни наши сверстники, которые либо служат в вооруженных силах, либо весь день работают в учреждениях, а вечера проводят в ночных клубах» (14 января) [1]. Германия уже как год находилась в войне, и за этот период военное положение уже сильно повлияло на повседневную жизнь немцев. Одна треть заработной платы уходила на налоги. Вот что писала по этому поводу Мария Васильчикова: «Мы получаем каждая по 300 марок; 110 вычитается в виде налогов, так что остается 190, на которые и надо жить. Что ж, придется» (29 января) [1]. Рабочий день, хотя формально и регламентированный, но по факту он мог продолжаться по 10 и более часов. Конечно, это касалось в большей степени именно работающих представителей аристократии, которые не имели дополнительного источника дохода.

Впрочем, как уже отмечалось, война ещё не слишком изменила привычки М. Васильчиковой. Она по-прежнему пыталась вести светский образ жизни, бывать на приемах (3 больших приема за 3 месяца – чилийское, бразильское и голландское посольство), ходить в театр, посещать концерты. Из чего можно сделать вывод, что подобный образ жизни не был чем-то необычным для людей её круга. Довольно часто она посещала салон своей близкой подруги баронессы Марии фон Герсдорф, которая вела похожий образ жизни. В её доме, благодаря родственным связям мужа с промышленной династией Сименс и его службе в берлинской комендатуре, очень часто собиралась элита немецкого общества – от земледельческой аристократии (к которой формально принадлежала сама Мария) до деловых, научных, дипломатических и военных кругов, а также людей искусства. Однако стоит различать повседневную жизнь более обеспеченных аристократов и тех, кто жил от зарплаты до зарплаты, как сестры Васильчиковы. Интересна запись от 31 марта и 01 апреля 1940 г.: «31 марта. Ужин в ресторане «Рома» с друзьями. Итальянские рестораны сейчас очень популярны: в них подают очень питательные макаронные блюда, на которые не требуются продовольственные карточки. 1 апреля. Мой выходной день. Ходила по магазинам. «Ходить по магазинам» теперь означает главным образом покупать продовольствие. Все продается по карточкам, и на это уходит много времени, так как в большинстве магазинов длинные очереди» [1]. Этот отрывок хорошо показывает, в каком состоянии находилась торговля, поскольку большинство товаров отпускалось по карточкам. Но интересно еще и другое, несмотря на то, что одна треть зарплаты уходила на налоги, все же еще хватало денег ходить по ресторанам, в которых были продукты, не распределявшиеся по карточкам. Практически на большинство товаров к 1940 г. были введены талоны, однако были и те, на что они не требовались, как например галстуки, макароны, простокваша и др.

О том как питались простые немцы, можно узнать из записи в дневнике за 7 мая: «Ужин был довольно бестолковый: булочки, простокваша, подогретый чай

и джем. Простокваша продается без карточек, и когда мы питаемся дома, она составляет наше главное блюдо, иногда дополняемое сваренной на воде овсяной кашей. Нам позволена примерно одна банка джема в месяц на человека; а так как и масла тоже очень мало, этого хватает ненадолго. Татьяна предлагает вешать над кухонным столом надписи: «завтрак», «обед» и «ужин», в соответствии с временем суток, поскольку меню в общем и целом не меняется... Иногда я просто прихожу в отчаяние: после работы приходится выстаивать очередь за каким-нибудь кусочком сыра в палец толщиной. Но люди в магазинах по-прежнему дружелюбны и ещё воспринимают всё это с улыбкой» [1]. Несмотря на обострение продовольственных проблем, немцы надеялись на улучшение ситуации, что вполне нормально с психологической точки зрения, так как человек не может долго быть погруженным в негатив, ему всегда требуется надежда на улучшение ситуации, на что и указывает дневник М. Васильчиковой, пусть и косвенно.

Время от времени сестры навещали своих знакомых и друзей в их поместьях и родовых замках, где, даже в условиях войны светская жизнь не прекращалась. Например, Мария была приглашена на свадьбу принцессы Марии Гогенцоллерн и принца Константина Баварского (запись от 28 августа 1942 г.). Она едет в замок Зигмаринген, а по пути останавливается в поместье своей подруги герцогини А. Крой и в имении князей Аренбергов. В числе прочих достопримечательностей Мария описывает фруктовый сад с виноградом, абрикосами, персиками, сливами и ягодами всех сортов (22 августа), гараж, в котором находились примерно 25 автомобилей разных видов (24 августа), крытый плавательный бассейн и застекленный сад для принятия солнечных ванн (26 августа) [1]. По этим впечатлениям можно хорошо представить, как жили с одной стороны аристократы старой волны, но имеющие финансовые ресурсы и как это смотрелось со стороны более бедных представителей высшего общества. Васильчикова достаточно часто приводит в своих воспоминаниях именно описание еды, что наводит на мысль о скудном пайке, который у неё был и как она периодически восхищается едой. Все это, скорее всего по причине того, что она просто очень хотела есть. В записи от 26 августа 1942 г. она пишет: «За чаем я от души напилась молока, а потом мы сидели и беседовали с хозяйкой дома...» [1]. Нехватка простого молока была уже вполне нормальным явлением для жителей больших немецких городов того времени. 27 августа она снова делает упоминание о персиках и молоке. Из 29 записей за июль 1941 – июль 1943 г., в 19 случаях она прямо или косвенно говорит о еде. В записи от 16 августа 1943 года идёт описание пикника: «Наш пикник состоял из тушёнки, сардин, горошка, масла и кофе – всего этого мы, «штатские», не видели уже очень давно» [1]. Совершенно простые продукты, которые легко можно достать в мирное время, но очень трудно в условиях военных действий.

Начиная с 1943 г., все чаще в дневнике упоминаются ужасы бомбежек: «Говорят, что ночью я так кричала, что сиделке пришлось дать мне успокоительное. ...это все берлинские воздушные налёты»

(16 августа 1943) [1]. Даже когда Мария встречается со своими друзьями, разговоры велись в основном о бомбардировках: «Ханс Флотов давал небольшой ужин... Говорили исключительно о налетах» (7 сентября 1943) [1].

После вступления США в войну, из Берлина последовал массовый выезд латиноамериканских дипломатических миссий, служивших до тех пор последним бастионом светской жизни в столице рейха. А так как на Восточном фронте германские войска несли тяжелые потери, коснувшиеся практически каждой семьи, то для веселья и подаяно не оставалось места. Отныне каждодневные усилия княжны Васильчиковой и её друзей сосредоточиваются на выживании – физическом и нравственном, на том, чтобы устоять перед голодом, бомбами союзников, преследованиями внутри страны и остаться при этом людьми.

На работе присутствует атмосфера строжайшей секретности и страха. Вот запись из дневника за первую половину 1943 г.: «В Германии никому не полагается знать о происходящих в остальном мире событиях помимо того, что сообщается в ежедневных газетах, а это немного» [1]. Возникшие в Германии трудности повседневной жизни вызывали ропот среди населения. Нередко осуждались не только действия англо-американских летчиков, но и германских военных властей, не выполнивших свои обещания защитить страну от воздушных налетов. В записях дневника вторая половина 1943 г. посвящена практически только одним налетам, с обстоятельным рассказом, как всё происходило. Даже описание того, какую причёску сделала Мария Васильчикова, показывает, насколько воздушные налёты на Берлин действовали на немецкое общество: «20 декабря. Снова ездили в Мариенбах, где Татьяна сделала себе перманент, а я причёску попроще – более подходящую для воздушных налетов» [1].

Агенты службы безопасности СС сообщали властям об отдельных негативных высказываниях немцев в адрес Гитлера и других нацистских руководителей. Вот одна из записей от 13 ноября 1943 г.: «Все в ужасе: казнен известный молодой артист за «подрывные» высказывания – он заявил, что Германия, возможно, потерпит поражение. У Манфреда фон Браухича (он племянник бывшего главнокомандующего сухопутными силами) тоже неприятности: его обвинили в весьма сходном «грехе» [1].

По подсчетам американских специалистов, занимавшихся сразу после войны изучением воздействия стратегических бомбардировок на моральный дух населения Германии, в среднем один из 1200 немцев был в 1944 г. подвергнут репрессиям по политическим или религиозным мотивам. Ситуация ещё более усугубилась, после неудачного покушения на Гитлера 20 июля 1944 г.

К концу 1944 г. материальное положение немецкого населения всё более ухудшилось. Все чаще становятся массированные бомбардировки городов. В дневнике очень часто идёт описание налетов и разрушений (5 и 6 часть). В Берлине большая часть жилого фонда была разрушена именно в ходе бомбардировок союзников.

Часто немцам при передвижении по городу приходилось прятаться от взрывов в бомбоубежищах. Многие до работы добирались вместо привычных 15 – 20 минут, по три-четыре часа. Когда налет заставлял людей дома, они покидали квартиры и прятались в бомбоубежищах – подвалах своих же домов. Иногда, при прямом попадании, эти подвалы превращались в смертельные ловушки, в которых погибали тысячи людей, поскольку в результате бомбежек могли начаться пожары. Вот что писала Мария в дневнике за 1944 г.: «30 марта. В Берлине сейчас сплошной ужас: нет воды (семья получает по два ведра в день, их разносят солдаты), нет света, нет газа... Запрещено пользование частным транспортом» [1]. А вот как отражено понижение жизненного тонуса немцев: «30 марта. Неудовольствие прохожих вызывают накрашенные женщины – теперь это считается «непатриотичным». Шляп больше не носят – в лучшем случае закутываются в шарф... Есть что-то зловещее в этой атмосфере обречённой обороняющейся крепости» [1].

В январе 1945 года она переехала в Вену и окончание войны встретила в Гмундене. Из 107 событий последнего периода, 21 относится к упоминаниям налетов. Снова Мария, как и в начале своего дневника, пишет о нехватке еды, однако уже напрямую: «19 апреля. В магазинах больше ничего не продается, гостиницы переполнены, и если там что и подают, то отвратительного качества. Так как мы обе не работаем – в госпиталях хотя бы есть столовые, – то находимся на грани голодной смерти» [1]. Что самое интересное, на протяжении всего дневника, очень часто упоминается велосипед как главное средство передвижения в непростых условиях, когда Берлин лежал в руинах после бомбежек или когда Мария эвакуировалась с госпиталем в Бад: «25 апреля. Наконец-то солнечный день. Загорали на террасе. Днём долго катались на велосипедах вокруг озера» [1].

Очевидно, что за годы Второй мировой войны повседневная жизнь как простых немцев, так и высших кругов германского общества подверглась изменениям – от комфорта и благополучия до полного или частичного разрушения. Старая земельная аристократия даже в трудные годы войны имела возможность вести размеренную жизнь в своих поместьях, не испытывая чувства голода, поскольку они обеспечивали своих хозяев всеми необходимыми продуктами питания. Даже бомбежки коснулись их значительно позже – ведь в первую очередь бомбили крупные города. Только в конце войны бомбардировкам подверглись отдельно стоящие замки и дворцы.

Если говорить об отношении самой аристократии к нацизму, то оно было сложным и противоречивым. В дневнике достаточно часто затрагивается эта тема, особенно после первых тяжелых поражений немцев на Востоке. У Васильчиковой встречается краткое упоминание о видных аристократах и их противостоянии с нацистскими властями. Многие представители аристократических семейств по традиции служили в вермахте и составляли ядро среднего и высшего руководства. Часть офицеров стали активными сторонниками нацизма, однако большинство старались не вмешиваться в политику, считая, что их дело

– армия, служба. Первые военные успехи окрыляли, и прозрение произошло много позже, когда армейская верхушка поняла, что поражения на фронте ведут к национальной катастрофе. Это вылилось, в конечном счете, в неудачную попытку государственного переворота в 1944 г., которая позволила Гитлеру расправиться с нелояльно настроенными средними и старшими офицерами. Военная аристократия с известной долей презрения относилась к «выскачкам» в высшем руководстве нацистской партии, нацисты платили им тем же, повсеместно проводя борьбу с аристократическим «чванством».

В целом, дневник Марии Илларионовны Васильчиковой, несмотря на всю специфику данного жанра, является очень важным с точки зрения понимания взаимосвязи между психологическим состоянием автора в период военных действий, его социальной позиции в обществе и его физиологией. Любой человек,

ведя дневник, как правило, описывает нечто такое, что является актуальным именно для него и именно в конкретный момент. Можно в военное время быть в прекрасном расположении духа, входить в высшее светское общество, но при этом постоянно голодать и естественным результатом этого будет постоянное упоминание о еде. Кроме того, не стоит забывать и о влиянии фактора национальности или скорее, ментальности, того, кто ведёт дневник. Мария Васильчикова была русской дворянкой по происхождению, но космополитом по духу, что и предопределило специфику ведения дневника – дневник с анализом дня, а не просто с перечислением того, что произошло и кто, что сказал, как, например, в дневнике Геббельса или Гимлера. Поэтому, в данном ключе рассматриваемый военный дневник, очень хорошо и доступно показал повседневную жизнь в нацистской Германии глазами иностранца, в сложный военный период.

Литература

1. Васильчикова М. И. Берлинский дневник 1940 – 1945 гг. М.: Наше наследие, 1994. Режим доступа: http://militera.lib.ru/db/vasilchikova_mi/index.html
2. Германия во Второй мировой войне (1939 – 1945) [пер. с нем.]. М.: Воениздат, 1971. 432 с.
3. Никиш Э. Жизнь, на которую я отважился. М.: Владимир Даль, 2012. 560 с.
4. Ширер У. Взлет и падение Третьего Рейха: в 2 т. М.: Захаров, 2010. 1520 с.
5. Шпеер А. Воспоминания. М.: Захаров, 2010. 688 с.

Информация об авторе:

Дорохов Валерий Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории цивилизации и социокультурных коммуникаций КемГУ, dorohov_@mail.ru.

Valeriy G. Dorokhov – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of History of Civilization and Socio-Cultural Communications, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

УДК 930.2:94(430)“1933 / 1945”

СОВРЕМЕННАЯ НЕМЕЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ *Л. Н. Корнева*

MODERN GERMAN HISTORIOGRAPHY OF SOCIO-ECONOMIC POLICIES OF NAZI GERMANY *L. N. Korneva*

Статья посвящена анализу оценок немецкими историками экономической и социальной политики в период нацистской Германии. Прослеживается эволюция взглядов учёных на экономику и социальные отношения в условиях тоталитарного режима. Отмечается усиление в историографии оценок связи экономического и социального развития с политическими целями гитлеровской власти. Выявляется историографическая тенденция к поискам исторического континуитета экономической и социальной политики, важная для понимания становления социального государства в Германии XX века.

The paper is devoted to analysing German historians' evaluations of economic and social policies in the period of Nazi Germany. The author traces the evolution of the scientists' views on the economy and social relations in the conditions of a totalitarian regime. Historiography provides more assessments of the link between economic and social development and the political objectives of Hitler's power. The historiographic trend towards finding the historical continuity of economic and social policies is identified, which is important for understanding the emergence of the welfare state in the twentieth-century Germany.

Ключевые слова: нацизм, экономическая политика, хозяйство, принудительный труд, оккупационная политика, крупный капитал, концерн.

Keywords: Nazism, economic policy, economy, forced labour, occupation policy, big business, concern.

Вопрос о сути экономической политики и занятости трудящихся в годы национал-социализма в Германии постоянно находится в центре внимания современных историков. Актуальность этого сюжета связана как с теоретическими вопросами эволюции социального государства в XX в., так и с конкретными его проявлениями в условиях тоталитарного общества.

Исследование социально-экономической политики нацистской Германии развивается в нескольких направлениях и затрагивает такие вопросы как модернизация нацистского хозяйства, участие государства в регулировании экономики, взаимоотношения крупного капитала и руководства нацистской Германии, использование трудовых ресурсов, в том числе – принудительного труда и т. п. Краеугольным камнем характеристики нацистского хозяйства в историографии является утверждение, что экономика Третьего рейха носила смешанные черты, при которых её нельзя однозначно считать плановой или рыночной. При этом часть историков больше подчёркивают хаотический, импровизационный характер экономической политики в нацистском государстве. Другая же часть исследователей выдвигает на первый план регулируемые, перспективно ориентированные аспекты ведения хозяйства, которые связаны со строгой иерархически управляемой структурой. Давая характеристику экономической политике нацистов, историки при этом оперируют такими понятиями как «автаркическая экономика», «военная экономика», «экономика большого пространства», а в отношении управления экономикой: «плановое хозяйство», «направляемая экономика», «командное хозяйство» [12, с. 174].

С точки зрения оценки эффективности экономической политики нацистов, то в историографии можно выделить несколько суждений. *Первое* выделяет «позитивные» черты экономической и социальной политики, приведшие к быстрой ликвидации экономического кризиса и рассасыванию безработицы, усовершенствованию промышленных отраслей. Указывается в этой связи на определённый континуитет «достижений» нацистского времени и быстрого экономического развития Западной Германии после войны в виде обученных работников и новых менеджеров промышленных предприятий.

Второе суждение решительно отрицает положительные аспекты экономической политики нацистов, в соответствии с которой нацисты действовали почти исключительно в своих политических интересах, не оглядываясь на соображения рациональности и экономической целесообразности. Главное для них было – осуществить свои военно-политические, расистские и империалистические цели. «Смешав командную экономику с грабительской и пропитав её запутанностью управленческих структур, нацистская Германия жила за счёт будущего и отяготила его» [12, с. 173].

В современном поколении историков набирает силу новая *точка зрения*, избегающая старой терминологии, признавая при этом тесную связь экономической политики национал-социалистов с основными идеологическими постулатами Гитлера.

Попыткой выработать новую системную модель экономики национал-социалистов, преодолеть «кризис старых понятий» отмечена монография Михаэля Проллиуса. Он считает, что к объективной оценке

системы хозяйства в нацистском рейхе поможет приблизиться изучение механизмов нацистского регулирования экономики. По мнению автора, управление экономической системой национал-социалистов осуществлялось двумя путями: организационными мерами и политическими процессами «посредством неожиданно возникающих (и развивающихся) способов (auf emergente Weise), и с функциональной точки зрения нацистский режим проявил себя «государством в стадии становления» (Emergenz-Staat) [15, s. 10].

Проллиус анализирует не столько саму экономическую политику, сколько планирование и организационные структуры, и поэтому для книги характерен системный подход. Автор концентрирует своё внимание на внутренней организации экономической системы. Он довольно подробно разбирает функции и место различных (государственных, партийных и др.) структур в экономике и хозяйственной политике, а также рассматривает влияние отдельных личностей. Так, анализируется роль в организационной системе хозяйства старых и новых госструктур как министерство экономики (Шахт), «Ведомства по 4-летнему плану» (Геринг), «государства СС» (Гиммлер). Определяется значение в экономике массовых нацистских организаций: партии, Имперской трудовой повинности, «империи» Немецкого трудового фронта (Лей), «Имперского продовольственного сословия» (Дарре) и др. Проллиус присоединяется к утверждениям многих историков о том, что нацисты не проявляли особого желания и воли к оформлению плановой, управляемой экономической политики. Отмечается, что главным в этом процессе было влияние идеологических факторов: расизма, антисемитизма и империализма [15, s. 9]. Сам он склоняется к оценке организационной структуры нацистов как поликратической (т. е. исходящей из различных «центров власти»).

Автор приходит к выводу о недостаточности таких, например, оценок хозяйственной системы нацистов, как «широко управляемое со стороны государства частномонополистическое хозяйство» (Сватек), или «политическая система тотального монополистического хозяйства в капиталистическом смысле», или «командная экономика» (Нойманн), или «военное хозяйство» (Фолькманн). Проллиус считает, что из всех этих определений ближе к сути стоит последний термин, отмечая его следующими чертами: первая – поликратия, вторая – интервенционистские мероприятия и импровизации (т. к. нацисты часто вместо решения проблемы – отбрасывали её) и третья – примат постоянно нарастающего вооружения и милитаризации [15, s. 18].

В соответствующих главах автор подробно анализирует возникновение, становление и функции экономической системы, формирование нацистских подсистем в связи с подготовкой войны. Автор отмечает такие их черты, как ограничение конкуренции, нацистский интервенционизм, частично скрытую, частично открытую борьбу «подсистем» за влияние и свои интересы. В результате, по его мнению, «экономическая деятельность была организована посредством эмерджентной смеси рынка и приказа, методами преимущественно милитаристскими, неформальными, под влиянием партикулярных интересов центров власти» [15, s. 332]. Автор признаёт исторический

континуитет экономической политики, но лишь в ограниченном размере.

Вывод автора такой: поскольку нацисты стремились к фундаментальной трансформации культуры общественной системы, то и хозяйство они стремились изменить в этом же направлении. Это воздействие, по его мнению, ещё недостаточно изучено, и при взгляде на экономическую систему с этой точки зрения организационная структура хозяйства может быть квалифицирована как внеэкономическая. «Речь идёт, – пишет Проллиус, – о создании (в этой системе) культуры войны, которая в центр своей деятельности ставит формирование *homo militaries* и представляет собой разрыв с буржуазно-капиталистической системой» [15, s. 328]. Свою характеристику автор, таким образом, противопоставляет традиционной для 50 – 80-х гг. точке зрения – о том, что экономика Третьего рейха не создала ничего принципиально нового по сравнению с периодом Веймарской республики. Он синтезирует различные мотивы экономической эволюции при нацистском режиме, выдвигаемые некоторыми авторами как приоритетные, например, у Хербста – обустройство завоёванного пространства, у Фолькмана – военные мотивы, у Бурляйга – расовые [7].

Проллиус считает, что нацистами были произведены революционные изменения в форме организации хозяйства и созданы преимущественно идеологические институты. Под их влиянием существенно изменились право, труд, предпринимательская деятельность, роль регионов и т. д. «Модель хозяйства, – пишет он, – развивающаяся, а политические процессы – одновременно и координационный, и конфликтный принцип, где главную роль играют не экономические интересы, а партикуляристские и политические. И культура войны провоцирует развитие подобных процессов» [15, s. 329].

Не соглашаясь с точкой зрения автора о «революционном» характере социально-экономических преобразований, поскольку они не выходят за рамки государственного регулирования капиталистических отношений, Проллиус, тем не менее, рисует достаточно убедительную картину структурных процессов в экономике национал-социалистов. Его работа является новым вкладом в их объяснение, одновременно давая новый импульс к исследованиям в этом направлении.

Оценка экономической политики нацистов в мирное время – быстрое рассасывание безработицы, помощь крестьянству, финансирование широкой социальной программы – всегда занимала историков и экономистов. Большинство из них признаёт тот факт, что в основе экономического подъёма лежала конъюнктура вооружений. До начала 1980-х гг. она трактовалась как удачная политика.

В последние годы наметился крен в сторону её более критической оценки. Она особенно противопоставляется утверждениям довоенных и некоторых послевоенных историков о «немецком экономическом чуде» гитлеровской Германии. К. Буххайм, в противовес В. Абельсхаузеру [24, s. 503] расценивает военно-экономическое развитие Германии больше как крушение, чем как «чудо». Он пишет, что «нацистскому режиму не удалось одновременно вооружаться и постоянно улучшать стандарт жизни большинства

немцев» [6, s. 662]. Тем самым автор выступает против распространившегося в современной историографии термина «экономическое чудо» применительно к хозяйству Германии 1933 – 1939 гг.

Эти колебания в оценках историк Марк Шпёер связывает с периодом оживления идей рыночного хозяйства в 80 – 90-е гг. XX в., когда стало видно стремление критиковать государственное регулирование хозяйства, в том числе и в период нацизма. Авторы особенный упор делают на том, что покупательная способность населения даже в поздние 30-е гг. никогда не превышала уровня такого же периода 20-х гг.

Соглашаясь с этим очевидным фактом, Шпёер делает замечание, что «недостаточно качественная продукция у части населения компенсировалась чувством обеспечения основных прав: безопасности, народной общности, национальной гордости» [19, s. 434]. Таким образом, подчёркиваются психологические мотивы экономического подъёма, важные для понимания привлечения народа на сторону нацистского режима.

Общую картину структуры и функционирования нацистского хозяйства дополняют конкретные исследования взаимоотношений между частным хозяйством и нацистским государством. Так, А. Гериг на примере предприятий машиностроения Вюттемберга, исследовала их поле деятельности в нацистской программе вооружений. Она определяет роль руководителя предприятия в рамках взаимодействия хозяйства и нацистской партии как носителя так называемой «индустриальной самоответственности». Автор с позиции континуитета прослеживает эту роль и сразу после окончания войны. Выводы Гериг соответствуют уже сложившимся в историографии мнениям о взаимоотношениях капитала и нацизма: несмотря на все встречающиеся конфликты между государством и хозяйственными субъектами, «предприниматели с готовностью исполняли свой «долг»... по повышению выработки продукции почти до самой капитуляции» [13, s. 248 – 249].

В последние десятилетия, в связи с интенсивным изучением войны и оккупационной политики на Востоке, историки стали уделять более пристальное внимание участию экономических служб нацистской Германии в разграблении оккупированных территорий. Так, например, работы Б. Розенкёттера и Ж. Дингеля посвящены деятельности основанному в 1939 г. Герингом «Главного учреждения опеки «Ост» при ведомстве «4-х-летний план». Они показывают, как действовала эта служба в Польше, исходя из задачи «военно-экономической эксплуатации, экономико-политического «преобразования» и германизации» [16]. В процессе изгнания с насиженных мест населения, геттоизации еврейского населения принимали активное участие не только СД и СС, но и «Учреждение опеки «Ост». Они осуществляли между собой тесное сотрудничество и проявляли «взаимопонимание» в общих целях Германии на востоке Европы.

Авторы также анализируют деятельность отдельных персон из службы опеки «Ост», предприятий, фирм, приводят много финансовых документов в доказательство их участия в разграблении хозяйства Польши. «То, что «преобразование» должно было произойти за счёт польского населения, без сомнения,

вытекало как из расово-идеологических мотивов, так и политики нацистов в целом по отношению к народонаселению», — пишет Дингель [8, s. 292]. Работы Розенкёттера и Дингель свидетельствуют не только о том, что владельцы фирм «выполняли приказы», но и о том, что они были «инициаторами» в осуществлении преступной политики нацистского режима.

Ещё один блок публикаций о временах национал-социализма — это освещение отдельных сторон социальной и экономической политики. Эти проблемы также являются эхом «большой» и — в некоторой степени — ревизионистской историографии новейшего времени. В последнем случае речь идёт о признании историками движения общества при нацизме в сторону «социально-культурного, нивелирующего массового общества» (Н. Фрай), континуитета социальной и экономической политики, а также науки и частично — массовой культуры нацистской Германии.

Отмечается инновационный характер некоторых сторон этой политики, например, в статье Х. М. Мерки о начале кампании борьбы против курения [23, s. 19]. Признавая это, авторы статей, тем не менее, обращают внимание на ограниченность нововведений, их тесную связь с расовой программой нацистов, а также провал широко пропагандируемой нацистами жилищной политики [9, s. 226].

Принудительный труд иностранного гражданского населения, военнопленных, заключённых концентрационных лагерей и европейских евреев являлся важной составной частью экономической и идеологической политики нацистского государства. Эта тема является к настоящему времени одной из интенсивно исследуемых страниц нацистского режима в период Второй мировой войны. Современное исследование этой темы было во многом инициировано обобщающей работой 80-х гг. Ульриха Херберта [11]. В современных работах политика и практика принудительных работ освещается как динамический, обусловленный множественными факторами процесс [18]. Больше внимания стало уделяться изучению условий труда и быта отдельных групп принудительных рабочих, причём как на локальном, так и на региональном уровнях, а также вопросам использования принудительного труда крупными предприятиями и концернами. Особый интерес учёные проявляют к положению определённых национальных групп и категорий рабочих, к местам использования принудительного труда с их, очень различными условиями жизни и заработной платой. Как важнейшие критерии дифференциации в этой области выдвигаются: питание, условия лагерной жизни, практика подавления и преследования [1, с. 166 — 169, 200].

Второе направление интереса историков сосредоточено на вопросе ответственности, прежде всего, предпринимательских кругов за использование системы принудительных работ. Не в последнюю очередь этот интерес был связан с дискуссиями в немецком обществе 90-х гг. о материальных компенсациях за принудительный труд так называемым «восточным рабочим». В рамках этих споров развернулись дебаты по проблемам экономической эффективности принудительного труда [20, s. 61 — 95], а также возможностей маневрирования и объёма полномочий предпринимателей в этой области [21, s. 1 — 55]. Новейшие исследо-

вания указывают при этом на главную ответственность самого нацистского государства за использование и плохие условия принудительного труда. В то же время, историки подчёркивают, что и сами предприниматели оказывали существенное влияние на процесс организации принудительных работ [18, s. 233].

Напротив, вопрос вовлечения иностранных и принудительных рабочих в процесс производства до сих пор привлекал мало внимания. В более ранних исследованиях довольно жёстко утверждалось, что, прежде всего лагерь, а не предприятие было местом, где определялось реальное социальное положение иностранных и принудительных рабочих. В современных исследованиях предприятие рассматривается не только в контексте выводов о функциональности принудительных работ в капиталистическом производстве, но и учитываются другие факторы. Так, например, ситуация на отдельных предприятиях значительно влияла на формы и организацию проводимых работ, на условия труда и жизни принудительных рабочих, и производство — с этой точки зрения — играло более значительную роль, чем лагерь.

Примером такого исследования является работа Г.-Х. Зайделя об использовании принудительного труда русских военнопленных на горнорудных предприятиях Рурской области. Он пишет, что «русская лава (забой)» без сомнения показала себя эффективнейшей формой производственной организации принудительных работ под землёй» [17, s. 36]. Но это было достигнуто не столько за счёт эффективности и рационализации работ, сколько за счёт широкой, экстенсивной эксплуатации рабочей силы. При этом условия работы для немецких шахтёров, несмотря на войну, практически оставались теми же, что и в довоенное время. Это лишний раз подтверждает тезис, что более или менее сносные условия жизни немцев во время войны обеспечивались использованием принудительного труда.

Историк Петер Хайес, который продолжительное время занимался исследованием концерна «ИГ Фарбениндустри», написал работу, посвящённую истории акционерного общества «Немецкое золото и серебро», известного тогда под названием «Дегусса». Работа освещает проблемы сотрудничества этого предприятия с нацистским режимом, границ предпринимательской деятельности, вопросы прибылей и недостатков от этого сотрудничества. Автор исходит из тезиса о подчинении предприятия экономической политике нацистов, но при этом отмечает её выгоду (по крайней мере, до войны) для прибылей «Дегуссы». Экономическую систему Третьего рейха автор оценивает как развивавшуюся в направлении государственно-управляемой экономики, где важную роль играли «политические цели режима и оказывала большое влияние политическая информация» [10, s. 186]. Специальные главы своей книги Хайес отводит вопросам участия предприятия в «аризации», автаркии, вооружении, организации принудительных работ и в политике уничтожения — тем вопросам, которые вызывают, как он пишет, «особенно критические суждения» [10, s. 11].

Основными видами поведения руководства предприятия стали приспособление, участие в политике нацистов и пропаганда целей режима. Автор приводит факты коррупции в ходе «аризации» еврейской

собственности. Последняя явилась одним из важных факторов экономического подъёма «Дегуссы» [10, s. 123]. «Свидетельством морального падения являлось и то, что „Дегусса“, как ни одно из других подобных предприятий, активно участвовало в переплавке золота и серебра ограбленных евреев Европы, обеспечив режиму дополнительную сумму почти в миллион рейхсмарок», – пишет автор [10, s. 197].

«Дегусса» занималась также производством инсектицидов и химических препаратов, которые закупались вермахтом для дегазации униформы и других нужд. Инсектициды поставлялись и для СС. Автор указывает, что почти 1 % от них был использован для умерщвления евреев, но при этом даёт понять, что денег от этого предприятие не имело, отделяя, таким образом, деятельность предприятия от преступных деяний СС. Такая позиция характерна для большинства историков, занимающихся вопросами взаимоотношений крупного капитала и нацистского режима.

Предприятие также активно участвовало в разграблении европейской экономики и в организации принудительных работ. В последнем вопросе Хайес придерживается точки зрения, что здесь не играли роли экономические соображения. Надо было возместить нехватку рабочих рук, и она возмещалась принудительным трудом иностранных рабочих и военнопленных.

Вопросам связи между расовой идеей нацистов и завоеванием «жизненного пространства» посвящена обобщающая работа историка Уве Мая. Он показывает, что существовала специальная служба, которая увязывала аграрную и социальную политику с планированием «пространства» в Третьем рейхе». Автор считает, что в действиях нацистов в этой области произошёл разрыв с предыдущей политикой. Как доказывает автор, поселенческая политика Вильгельмовской Германии XIX века была связана с обеспечением границ государства, в то время как нацистов обуревали социал-дарвинистские идеи о крестьянстве как носителе «расового обновления» всего немецкого народа. Автор анализирует этот факт, прежде всего на взглядах Даррэ – нацистского «фюрера» крестьян [14, s. 44 – 46]. С началом войны его влияние падает и переходит к Гиммлеру, который, в отличие от Даррэ, главную ставку делал не на аграрную политику в землях «старого рейха», а разрабатывал поселенческие планы в «восточном пространстве».

Следует отметить, что особенностью работ по аграрной политике нацистов является активное изучение использования принудительного труда в сельском хозяйстве не только с точки зрения его «эффективности» и рабского положения насильственно привлечённых людей, но и с точки зрения взаимоотношений немецких крестьян с этими людьми. И это оправдано, так как нигде немецкое население так близко и напрямую не соприкасалось с иностранцами, как в сельском хозяйстве. В целом, авторы характеризуют его как неприязненное.

Оценивая аграрную политику вообще, Май отмечает, что нацисты считали своей программной целью создание в стране нового крестьянского сословия – наследников крестьянского двора. Этим объясняется появление соответствующего закона. Даррэ, как нацистский «фюрер» крестьян, считал, что колонизация на Востоке крестьянскими детьми, не имеющими в

Германии земли, составит противовес силе остэльтбских помещиков.

Несмотря на массированное вмешательство государства в регулирование земельной собственности и цен на продовольствие, финансовые вливания в сельское хозяйство, Май, как и другие авторы, оценивают аграрную политику нацистов как неудачную. Число новых созданных крестьянских хозяйств не превысило число созданных в годы демократической Веймарской республики. Доходы крестьян в абсолютном выражении увеличились, но были далеко позади прироста в индустрии и торговле. Нацистская политика не смогла противостоять утечке рабочих рук из деревни. Учреждения «продовольственного сословия» давали цифру в 650 тысяч человек, покинувших деревню и переселившихся в город [14, s. 383].

Что касается политики нацистов в отношении городского населения, то немецкие авторы оценивают её как прагматическую. В связи с быстрым развитием индустрии и потребностями военной экономики они отмечают ускорение процесса урбанизации страны. Наблюдался прирост городского населения в средних и больших городах, городских метрополиях [9, s. 226]. Возведение индустриальных гигантов привело к основанию новых городов, например: Зальцгиттер («город концерна «Герман Геринг») или Вольфсбург («город автомобилей для отдыха и туризма» – Фольксваген). Барбиан отмечает поворот многих нацистских руководителей регионального уровня к идее развития культурного влияния города на деревню, отказа от идеализации деревенской жизни [5, s. 74 – 75]. Таким образом, новые исследования убедительно опровергают суждения о том, что идеалом нацистов было возвращение к доиндустриальным формам жизни «ария».

Так случилось и с книгой Г. Али «Гитлеровское народное государство. Грабёж, расовая война и национальный социализм», которая вызвала многочисленные отклики в массовой печати и в научных журналах [3]. Работа основана на солидных архивных материалах, которые не без труда автор получил в различных государственных и частных экономических структурах. Основной предмет его исследования – организация нацистской властью в государственном масштабе грабежа еврейского населения и материальных ресурсов оккупированных стран в «пользу» немецкого народа. Али описывает операции банковских и министерских структур с захваченными денежными средствами и материальными ресурсами с целью укрепления немецкой валюты, стабилизации рынка и «успокоения» населения. Кроме того, он показывает, как за счёт разграбления собственности других народов гитлеровское государство привязывало к своим целям государства-сателлиты, направляя часть награбленных средств в экономику союзных государств. Это происходило за счёт евреев, а во время войны и оккупации – за счёт и других «нежелательных» рас. Большая часть награбленного имущества уходила в сферу потребностей военной промышленности и связанных с ней структур [4, s. 57 – 63]. Но немалая часть имущества и денег перераспределялась в пользу мало – или низкооплачиваемых немецких «фольксгеносен», а также в пользу вдов и сирот, повышения во время войны пенсий, доплаты рабочим за сверхурочное время и др. социальные льготы [4, s. 66 – 71]. На-

ряду с грабежом подвластных народов, инструментом такого перераспределения стало налогообложение богатой части населения. Всё это «теоретически» обосновывалось нацистами как проявление «идеи равенства» [4, s. 89].

Историк рисует яркими красками действия оккупантов в Польше, Сербии и в других территориях, где участвовали в грабеже все представители нацистского рейха: от государственных структур по управлению экспроприированным имуществом и служб СС до простого солдата, регулярно славшего, например, с Восточного фронта 20-килограммовые посылки.

В нацистском режиме Али обнаруживает черты «военного социализма, целью которого было достижение лояльности маленького человека», а также выражением сущности нацистского «народного государства» [4, s. 68]. В книге встречаются сравнения действий нацистов по отношению к еврейской собственности с экспроприацией собственности католической церкви эпохи французской революции, а также с её идеями равенства. Последнее заявление вызывает только недоумение, поскольку вся политика нацистского государства, как тоталитарного, отрицает основополагающие идеи французской революции. Можно только согласиться с оценкой подобных заявлений немецким историком Д. Айххольцем как «очевидной нелепости» [22, s. 470].

Книга Али содержит большой фактический материал, доказывающий расовый, грабительский характер войны нацистов. Вызывает уважение настойчивость автора в получении доступа к документам, укрываемых от исследователей по каким-либо причинам до сих пор.

Насколько работа Али, делающая вывод о «народном характере государства Гитлера» вписывается в общий контекст немецкой историографии национал-социализма? Задолго до появления работы Али немецкие и другие зарубежные авторы делали выводы: 1) об ускорении процесса экономической и социальной модернизации в Третьем рейхе; 2) об убыстрении разрушения в это время социальных перегородок и создании общества нивелированного среднего класса; 3) о большом значении для этих процессов милитаризации экономики и общества в целом; 4) о предпочтительности привлечения населения на сторону режима активной социально-экономической политикой, пропагандой и только в последнюю очередь – террором по отношению к «фольксгеноссен» [2, с. 63 – 67].

Историк Тамер в своей работе 1986 г. хорошо показал механизм «соблазнения, обольщения» и, одновременно, репрессивного давления нацистского режима на население, но ни Тамер, ни другие авторы, пишущие о социальной политике нацизма не признавали характер нацистского государства «народным».

Считаю, что было бы неправильно отождествлять цели Гитлера и нацистов (и притом – не всех) с целями всего немецкого народа. Не может быть «народным», как считает Али, государство, построенное на терроре, расовой войне и грабеже. В таком режиме была заинтересована только управляющая верхушка общества – фюрер и его окружение, нацистские бонзы, реакционная часть военной и министерской бюро-

кратия, крупного капитала и индустрии. Нацистский Третий рейх представлял из себя не «народный», а антинародный режим. «Народное государство», каким его провозглашал Гитлер, оставалось во многом фантомом, а «народное сообщество» – его гримасой.

Али пишет о том, что немцами в поддержке нацистов двигал меркантильный интерес. Это – не вся правда: менталитет этой нации (по крайней мере, в то время) был значительно шире меркантильности – это и привычка к дисциплине, и солдатская прямолинейность, и пунктуальность, и вера слову, и романтизм, и сентиментальность. Всё это хорошо описано в немецкой художественной литературе. Будучи сами немцами, нацистские вожаки были, конечно, представителями своего народа и, во многом, такими же по ментальности. Они использовали униженное положение Германии, затеявшей и проигравшей Первую мировую войну, для того, чтобы такими высокими понятиями как «возрождение Германии», «народ», «патриотизм», «честь», «героизм», «самопожертвование» увлечь народ (особенно, молодёжь), уродуя эти понятия в угоду своим реакционным политическим целям.

Гётц Али, по существу, реанимирует старый тезис о коллективной ответственности всех немцев за нацизм. Как нам представляется, он недооценивает силу террора (особенно морального) по отношению к самим немцам – тенденция, характерная для современной историографии. Да, может быть, по отношению к большей части населения гестапо не было столь устрашающим, как это принято было считать, а большая часть его репрессивной силы направлялась на «чужеродные элементы». Но последние исследования по доносительству «добровольных помощников Гитлера» показывают, что хотя оно не было массовой практикой, но существовало как постоянная угроза везде – в личных отношениях или в общественных местах. Люди должны были постоянно «быть начеку». Всё время витал реальный страх оказаться за решёткой или за колючей проволокой. При этом во время войны режим ужесточился. Все эти обстоятельства влияли на поведение людей, искажая их отношения и с другими людьми, и с властью.

Поэтому, на наш взгляд, неверно отождествлять гитлеровский, нацистский режим с народной властью, несмотря на то, что большинство немцев были к нему воодушевлённо или лояльно настроены. Что касается грабежа во время войны, в него были втянуты все слои общества – от промышленников, финансистов, нацистской бюрократии, военных – до простых «маленьких людей». Али и другие авторы хорошо описали процесс «подкармливания» населения диктатурой с целью сохранения его лояльности режиму в суровых испытаниях заключительного этапа войны. При этом «расово-мировоззренческая война на уничтожение» – изобретение нацистов, а материальный грабёж – от неписаных законов войны, усиленных её характером. Следовательно, по нашему мнению, нет оснований радикально пересматривать сложившиеся оценки нацистского режима как антинародного, как реакционно-утопического изобретения, насажденного в силу разных обстоятельств в Германии в 1933 – 1945 гг.

Литература

1. Корнева Л. Н. Германская историография национал-социализма: проблемы исследования и тенденции современного развития. Кемерово, 2007.
2. Корнева Л. Н., Арапина С. В. Идеология «народного сообщества» как форма и средство консолидации режима в Германии (на примере деятельности Германского трудового фронта) // Вестник Кемеровского государственного университета, 2012. № 4(52). Т. 1.
3. Мадиевский С. Подкормленный нацизм, или почему немцы так единодушно поддерживали Гитлера // Новое время, 2006. № 36.
4. Aly G. Hitlers Volksstaat. Raub, Rassenkrieg und nationaler Sozialismus. Frankfurt am Main, 2005.
5. Barbian, J.-P. Überlegungen zur Gültigkeit eines ideologischen Gegensatzpaares in der Lebenswirklichkeit des „Dritten Reiches“ // Moderne und Nationalsozialismus im Rheinland. München, 1997.
6. Buchheim Ch. Die Wirtschaftsentwicklung im Dritten Reich – mehr Desaster als Wunder. Eine Erwiderung auf Werner Abelshauser // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 49. Jg., 2001.
7. Burgleigh M. Die Zeit des Nationalsozialismus. Eine Gesamtdarstellung. Frankfurt am Main, 2000.
8. Dingel J. Zur Tätigkeit der Haupttreuhandstelle Ost, Treuhandstelle Posen 1939 bis 1945. Frankfurt a. M., 2003.
9. Führer K. Ch. Anspruch und Realität. Das Scheitern der nationalsozialistischen Wohnungsbaupolitik // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 45 Jg. 1997.
10. Hayes P. B. Die Degussa im Dritten Reich. Von der Zusammenarbeit zur Mittäterschaft. München, 2004.
11. Herbert U. Fremdarbeiter. Politik und Praxis des «Ausländer-Einsatzes» in der Kriegswirtschaft des Dritten Reiches. Bonn u. a., 1985.
12. Herbst L. Nationalsozialistische Wirtschafts- und Beschäftigungspolitik // Der Nationalsozialismus und die deutsche Gesellschaft. München. 2002.
13. Historische Zeitschrift. 1998. № 266.
14. Mai U. «Rasse und Raum». Agrarpolitik, Sozial- und Raumplanung im NS-Staat. Paderborn u. a. 2002.
15. Prollius M. Das Wirtschaftssystem der Nationalsozialisten 1933 – 1939. Steuerung durch emergente Organisation und Politische Prozesse. Paderborn u.a. 2003.
16. Rosenkötter B. Treuhandpolitik. Die «Haupttreuhandstelle Ost» und der Raub polnischer Vermögen 1939 – 1945. Essen, 2003.
17. Seidel H. Ch. Der «Russensstreben». Die betriebliche Organisation des Ausländers und Zwangsarbeitereinsatzes im Ruhrbergbau während des Zweiten Weltkrieges // Geschichte und Gesellschaft. 31. Jahrgang / Heft 1, Januar-März, 2005.
18. Spoerer M. Zwangsarbeit unter dem Hakenkreuz. Ausländische Zivilarbeiter. Kriegsgefangene und Häftlinge im Deutschen Reich und im besetzten Europa 1939 – 1945. Stuttgart u.a., 2001.
19. Spoerer M. Demontage eines Mythos Zu der Kontroverse der nationalsozialistische «Wirtschaftswunder» // Geschichte und Gesellschaft, 31. Jahrgang / Heft 3. Juli-September 2005.
20. Spoerer M., Profitierten Unternehmen von KZ-Arbeit? Eine kritische Analyse der Literatur // Historische Zeitschrift. 1999. № 268.
21. Rauh-Kühne C., Hitlers Helfer? Unternehmerprofite und Zwangsarbeiterlöhne // Historische Zeitschrift. 2002. № 271.
22. Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 2004. № 5.
23. Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1998. 46. Jg.
24. Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1999. 47. Jg.

Информация об авторе:

Корнева Лидия Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КемГУ, korneva_21@mail.ru.

Lydia N. Korneva – Doctor of History, Professor at the Department of Modern and Contemporary History and International relations, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

УДК 94(430).086

НАДЗИРАТЕЛЬНИЦЫ КОНЦЛАГЕРЕЙ СС. К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. И. Кудрин

SUPERVISORS OF THE SS-CONCENTRATION CAMPS. TO THE QUESTION OF THE STATE OF THE RESEARCH SOURCES BASE

E. I. Kudrin

Цель статьи представить современное состояние источниковой базы, видовых и типовых характеристик документов, связанных с приемом на службу, обучением, дальнейшей профессиональной деятельностью, а также послевоенного судебного преследования надзирательниц – представительниц охранных отрядов в нацистских концентрационных лагерях (1938 – 1945 гг.).

Настоящая статья является результатом работы автора в ряде зарубежных и отечественных архивов. В общей сложности в процессе разработки данной темы были задействованы материалы архивов Российской Федерации, Германии, Польши, Чехии и Австрии. Помимо этого, автор имел удаленный доступ к ряду документов, хранящихся в национальных архивах Великобритании и США, а также коллекции университета города Лунд (Швеция).

Basing on a wide range of published and unpublished sources the paper presents the current state of the source base and typology of the documents related to the process of recruiting, training, further professional activities, as well as the post-war prosecution of the SS overseers (SS-Aufseherin), female guards in the Nazi concentration camps (1938 – 1945).

This paper is the result of the author's work in a number of foreign and national archives. In total, in elaborating the theme archival materials of the Russian Federation, Germany, Poland, the Czech Republic, and Austria were used. The author also had remote access to a number of documents stored in the National Archives of Great Britain and the United States, as well as the vast digitized collection of the University of Lund (Sweden).

Ключевые слова: концентрационный лагерь, надзирательница, СС.

Keywords: concentration camp, female overseer, SS.

Архивные источники, так или иначе связанные с деятельностью женских подразделений СС в концлагерях, формируясь на протяжении всей второй половины XX в., составляют к настоящему времени значительный пласт документов различной видовой принадлежности. Так, среди них выделяются, например, неопубликованные архивно-следственные дела (протоколы свидетельских показаний и допросов обвиняемых, очных ставок и т. д.) и уцелевшие документы, относящиеся к периоду функционирования лагерей и обнаруженные армиями союзников.

Самую обширную группу источников формирует делопроизводственная документация, накопленная администрациями лагерей. К ним относятся текущий документооборот, регулирующий прием на службу: трудовые договоры, анкеты-опросники для кандидатов и автобиографии; переписка о командировании в другой лагерь, оформление пропусков и прочее. Данная группа источников доступна исследователям в Федеральном архиве ФРГ (Берлин-Лихтерфельде) в фонде «NS 4: Konzentrationslager», который включает документы в отношении надзирательниц в концентрационных лагерях Равенсбрюк, Флоссенбург, Освенцим, Гросс-Розен и Майданек [26]. Дисперсно подобного рода материалы представлены в различных фондах Архива Федерального уполномоченного по документации органов госбезопасности бывшей ГДР (прим. автора: далее Архив Штази), формировавшихся в процессе следственно-розыскной деятельности органов государственной безопасности. Последнее обстоятельство обусловило особенности форми-

рования его фондов: в настоящее время не возможно проследить происхождение большинства документов, формирующих тот или иной фонд.

Коллекции документов, включающие удостоверения, документацию для внутреннего пользования (назначения, командировки, переписку различного характера с Инспектором концентрационных лагерей в г. Ораниенбурге и прочее), являются частью фондов Российского Государственного Военного Архива и Государственного Архива Российской Федерации: Фонд 1367к «Коллекция документальных материалов нацистских концлагерей и лагерей военнопленных в Германии» и Фонд Р7021 «Чрезвычайная Государственная Комиссия о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков (ЧГК) при СНК СССР», соответственно [1; 11; 12].

Следующий пласт архивных материалов представляют фонды, включающие неопубликованные судебно-следственные дела: протоколы свидетельских показаний и допросов обвиняемых, очных ставок, а также вещественные доказательства. Коллекции документов, относящиеся к данной категории, находятся на хранении в архивах и мемориальных музеях на территории Германии, Австрии, Франции, Польши, Чехии, Великобритании, Голландии, США и России.

Крупнейшими институтами, в стенах которых сосредоточилась работа сбора и систематизации следственных дел в отношении бывших нацистских преступников, в том числе надзирательниц концлагерей, являются наряду с упоминаемым выше Архивом

Штази филиал Федерального архива ФРГ в г. Людвигсбурге.

Не вдаваясь в детали всего массива документов, обратим внимание на те, которые непосредственно имеют отношение к деятельности женских подразделений СС. Основу архивного фонда Людвигсбурга составляет обширный фонд «Bestand В 162», включающий, прежде всего, материалы предварительного следствия как в отношении преступной деятельности персонала СС отдельных лагерей, так и конкретных лиц [27]. Характер его фондов определяет их активное использование в широком круге исследований, посвященных как истории отдельных лагерей, так и персонала СС в целом [39; 54].

Важным источником архивных следственных дел в отношении значительного круга лиц, представших перед правосудием непосредственно после окончания Второй мировой войны и последующие годы, является Архив Штази. В настоящее время материалы, включающие обоснования государственного обвинителя, стенограммы допросов обвиняемых и свидетельских показаний, формируют значительную часть фондов архива. Работа по сбору материалов федеральных и земельных судов ФРГ и ГДР в отношении представительниц гарнизонов СС концлагерей велась департаментом «НА-IX» Штази. В результате в архиве отложился гигантский пласт документов, касающихся надзирательниц (*прим. автора: по словам научного сотрудника архива Р. Айзелта, объем разного рода архивных материалов, относящихся к деятельности надзирательниц в концентрационных лагерях, составляет суммарно 7 км стеллажей хранилища*). Несомненно, материалы крупных судебных разбирательств 1950 – 1960-х годов в ГДР, в том числе Ростокского процесса, занимают центральное место в общем массиве документов [30].

Помимо упомянутых выше материалов, созданных собственно на территории Германии, в архивах представлены фонды иностранного происхождения. Например, в фондах архива в Людвигсбурге находятся на хранении копии материалов судебных разбирательств в отношении бывших надзирательниц, инициированных Французским правительством в зоне его оккупации в городах Раштатт и Ройтлинген в период с 1946 по 1954 гг. [27].

В то время как архив Федерального уполномоченного по документации органов госбезопасности бывшей ГДР предоставляет возможность исследователям ознакомиться с некоторыми архивно-следственными и фильтрационными делами, переданными ГДР Советской стороной и использовавшимися во время следственных мероприятий в отношении тех или иных лиц (*прим. автора: например, Материалы военного трибунала гарнизона Советского сектора оккупации г. Берлина (19 – 21 июня 1948 гг.)*) [30].

Фонд «WO-235 «Начальник военно-юридической службы» Государственного архива Великобритании (*прим. автора: The National Archive (далее TNA), бывший Public Record Office*) составляют материалы многочисленных судебных процессов в Британской зоне оккупации в период с 1945 по 1948 гг. Крупнейшими, несомненно, являются процесс в Люнебурге (с 17.09. по 17.11.1945) [55] в отношении бывших функ-

ционеров лагерей Освенцим и Берген-Бельзен, а также семь Равенсбрюкских процессов в Гамбурге в период с 1946 по 1948 гг. [55; 56].

Значимость этих судебных материалов, охватывающих широкий спектр вопросов, относящихся к функционированию системы нацистских концентрационных лагерей, является бесспорной. Особенно если учесть, что процессы в Британской зоне оккупации явились беспрецедентными в правовой практике, предшествуя Нюрнбергскому трибуналу.

Обширный круг материалов представляют фонды многочисленных центральных и региональных архивов, расположенных на территории Польши и Чехии. Географически материалы рассредоточены по различным институтам по всей территории упомянутых стран; непосредственное физическое расположение фондов, как правило, определяется местом проведения судебного разбирательства. Так, в Государственном архиве в г. Кракове судебные материалы в отношении бывших надзирательниц концлагеря Освенцим составляют часть фонда «Акты Прокуратуры районного суда в Кракове (1945 – 1950)» [21]. В Государственном архиве г. Варшавы хранятся несколько томов судебных материалов фонда «Окружного суда в Варшаве (1917) 1945 – 1950 (1991), Отдел V. «Особо тяжкие преступления» [24].

Центральным учреждением, отвечавшим за учет, хранение, обработку и публикацию документов государственных органов безопасности Польши, в том числе следственные действия в отношении нацистских преступлений, является Институт национальной памяти – Главная комиссия по расследованию преступлений против польского народа в Варшаве и его архив [18].

Наконец, коллекции документов в отношении тех или иных концентрационных лагерей на территории Германии, оккупированных Польши и Чехословакии, рассредоточенные по различным архивам, переданы на хранение в соответствующие мемориальные музеи. Например, архив Государственного Музея Освенцим-Биркенау располагает материалами Верховного Народного Трибунала, рассматривавшего дела сотрудников гарнизона концентрационного лагеря Освенцим, в том числе старшей надзирательницы М. Мандль и др. [23]. Та же категория источников, главным образом польского происхождения, доступна в архивах Государственного Мемориального Музея в Майданеке [22] и Гросс-Розене [20].

Что касается уголовного преследования бывших нацистских преступников в Чехословакии, то материалы чрезвычайных судов в г. Праге, Литомержице, Замрске и Писеке, формируя частью одноименные фонды, находятся в центральных и региональных архивах соответствующих городов [49 – 52]. О значимости этих материалов позволяет судить существенная численность подсудимых и как следствие объем материалов. В общей сложности автором рассмотрены дела в отношении 64 женщин, представших перед окружными и районными судами в Польше [см.: 18; 20 – 24]. В своем большинстве это бывшие надзирательницы лагерей, расположенных на территории Польши: Штуттгоф [18], Освенцим-Биркенау [18; 23], Майданек [22] и Гросс-Розен [см.: 18; 20; 49]. Реже

экстрадиции в Польшу подлежали надзирательницы, служившие в лагерях на территории Германии – Равенсбрюк [21; 24], Натцвейлер [24] – и отличившиеся особой жестокостью по отношению к заключенным, в частности польской национальности. Относительно Чехии число лиц, в отношении которых были изучены дела, доходит до 33 человек [см.: 49 – 52].

Другую группу в отношении женского персонала концлагерей формируют опубликованные материалы судебных процессов. Практически полностью были опубликованы материалы Люнебургского процесса под редакцией Р. Филиппса [58]. Крайне незначительная часть опубликованных материалов Международного военного трибунала в Нюрнберге относится к деятельности надзирательниц и их набору. В качестве иллюстрации приведем показания бывших сотрудниц концерна «Крупп» во время так называемого дела промышленников, в частности Круппа [17; 40].

Составители сборников документов в силу объективных причин зачастую ограничиваются резолютивной частью приговора и его обоснованием. К примеру, многотомное издание «Правосудие и преступления нацизма», насчитывающее в настоящее время 49 томов, а также 14-томное «Правосудие ГДР и преступления нацизма» содержат приговоры всего в отношении 11 женщин, служивших в качестве надзирательниц в концентрационных лагерях и впоследствии представших перед восточно- и западногерманским правосудием [33 – 38].

Наконец, в отдельную категорию попадают также источники личного происхождения, представленные как опубликованными, так и оставшимися не известными широкой публике и не подвергавшимися серьезной аналитической обработке воспоминаниями бывших заключенных.

Данный пласт материалов принадлежит к категории нарративно-биографических, поэтому требует более скрупулезного изучения, критического анализа и осмысления, так как им свойственна большая субъективность. Последняя обусловлена тем, что их автор одновременно выступает в роли участника событий и их летописца. Экспрессивно-эмоциональная, зачастую метафорическая окраска описания событий и вовлеченных в них лиц связана с дихотомией мировосприятия акторов в плоскости «свой» – «чужие». Как справедливо отмечает видный философ и психолог В. Франкл, прошедший концлагерь Освенцим, главной методологической сложностью подобного рода работ является вопрос дистанции в ее психологическом аспекте. В. Франкл пишет: «для находящегося «внутри» дистанция... слишком мала, чтобы судить объективно» [14, с. 5]. Но именно реконструкция личного опыта позволяет «оживить катастрофу, освещенную ранее хорошо документированными, но сухими фактами Нюрнберга» [28, р. 406].

К неопубликованным источникам относятся многочисленные воспоминания бывших заключенных, хранящиеся в Мемориальных музеях в Освенциме, Равенсбрюке и Нейенгамме, а также Бундесархиве в Берлине. Фонд «DY 55 Vereinigung der Verfolgten des Naziregimes» (нприм. автора: Союз жертв нацистских преследований) Бундесархива (Берлин-Лихтерфельде) состоит в своем большинстве из воспоминаний быв-

ших заключенных в отношении деятельности тех или иных надзирательниц концентрационных лагерей [26].

Благодаря использованию цифровых технологий, большинство записей Института по изучению источников Университета Лунд (Швеция) в настоящее время доступно исследователям и широкой публике на официальном интернет-портале университета [42]. Именно в Швеции оказались в последние месяцы войны женщины, освобожденные из Равенсбрюка благодаря вмешательству Международного Красного Креста.

Воспоминания, принадлежавшие перу недавних заключенных, публиковались, переводились на различные языки и переиздавались на протяжении всей второй половины XX в. Причем о женском персонале упоминали не только женщины, но и мужчины-заключенные, бывшие невольными свидетелями их деятельности в лагерях. Среди мужчин-заключенных, в чьих работах встречается информация о женщинах-надзирательницах, можно упомянуть, например, чехов О. Крауса и Э. Кулку. Последние на страницах их работы неоднократно упоминают о жестокости надзирательниц в отношении заключенных. Интерес работы заключается в том, что реакции надзирательниц описываются и оцениваются фактически с точки зрения мужчины-свидетеля происходящего. Диссонанс стереотипных моделей поведения, связанных с представлением о женственном, и объективных реалий вызывает у авторов внутренний конфликт. Авторы пишут: «невозможно понять, как они могли так обращаться с женщинами» [5, с. 100]. Те же тенденции обуславливают категорийный аппарат в отношении женщин-надсмотрщиц, отличающийся эмоциональными и моральными критериями: «зверь в обличье человека» [5, с. 102], «со своими взъерошенными волосами и бешеным выражением костлявого лица она похожа на ведьму, которая убивает людей одним взглядом» [5, с. 250 – 251].

Среди женщин, в той или иной степени обозначивших деятельность надзирательниц и их поведенческие модели в своих воспоминаниях, выделяются австрийки М. Фритц и Г. Юрза, полячки К. Живульская и С. Шмаглевская. Все – заключенные концентрационного лагеря Освенцим-Биркенау [3; 15; 16].

Равенсбрюк, будучи центральным лагерем для женщин, находится в центре внимания большего числа женщин различных национальностей. Воспоминания по Равенсбрюку дифференцируются не только и не столько по национальному принципу, позволяющему реконструировать опыт заключенных исходя из этих категорий, но и по той роли, которую заключенные играли в лагерной иерархии. Например, детальные воспоминания с упоминанием имен и фамилий, а также личностных характеристик некоторых надзирательниц оставили М. Бубер-Нойманн и Н. Херберманн. Обе в свое время были старшими по блокам, а М. Бубер-Нойманн – секретарем старшей надзирательницы, что давало ей возможность наблюдать за последней в бытовых повседневных ситуациях и, более того, видеть управление лагерем изнутри [31; 32].

Ш. Мюллер, бывшая заключенная Равенсбрюка № 10787, руководившая слесарной командой лагеря

помимо детальной реконструкции повседневной жизни, быта и психологических переживаний заключенных, дает характеристики поведения ряда наиболее одиозных представительниц администрации (Д. Бинц и Л. Бух) [45].

Рядовые заключенные, будучи непосредственными объектами тех или иных действий и реакций надзирательниц, своими воспоминаниями проливают свет на их деятельность в пределах и за пределами лагеря. Воспоминания советских военнопленных, находившихся в Равенсбрюке, в 1959 – 1966 гг. переиздавались трижды [7 – 9]. В воспоминаниях советской заключенной А. А. Никифоровой надзирательницы также упоминаются неоднократно [6]. То же самое касается воспоминаний М. Г. Рольникайте, которая, в отличие от упомянутых выше лиц, содержалась в небольшом лагере в Кайзервальде, недалеко от Риги [13].

Ряд работ бывших узников помимо чисто мемуарного и публицистического характера приобретают аналитическую ценность, становясь полноценными историческими исследованиями. Стоит упомянуть, например, бывшего заключенного Освенцима Х. Лангбейна, рисующего психологический портрет бывших эсэсовцев лагеря. Неоднократно его взор падает и на женский персонал лагеря, а именно, получивших славу И. Грезе и М. Мандль [44]. К той же категории исследований можно отнести упоминаемую выше монографию Э. Бухман о концентрационном лагере Равенсбрюк [2].

Наконец, последние годы, в связи с объективными обстоятельствами все большей временной удаленности от событий практической семидесятилетней давности, отмечены тенденцией к публикации воспоминаний не самих очевидцев, а с их слов. Рассказчиками в данном случае выступают не непосредственные участники событий, а их ближайшие родственники (дети и т. д.). Данные работы не лишены эмоциональности и драматизма, но в то же самое время отличаются большей строгостью стиля и научностью [29; 46].

Воспоминания бывших эсэсовцев по очевидным причинам не столь многочисленны, однако имеют чрезвычайное эмпирическое значение, поскольку позволяют комплексно обратиться к тем вопросам в управлении и к тем обстоятельствам лагерной действительности, о которых заключенные осведомлены не были. Издательством государственного музея в Освенциме были опубликованы и неоднократно переиздавались на различных языках воспоминания бывшего коменданта лагеря Р. Хёсса, написанные им в тюрьме в Кракове, сотрудника лагерного гестапо П. Броада и дневниковые записи лагерного врача Й. Кремера, в которых нашел отражение его непродолжительный период службы в Освенциме. Р. Хёсс дает характеристику Й. Лангефельд, переведенной из Равенсбрюка в качестве старшей надзирательницы, и большинству ее коллег. Достаточно подробно он останавливается на конфликте, который разгорелся между ним и старшей надзирательницей вскоре после ее прибытия в лагерь, личном вмешательстве рейхсфюрера СС Г. Гиммлера и других деталях деятельности

женского персонала, оказавшегося в ее непосредственном подчинении [10].

Из числа бывших надзирательниц можно упомянуть серию интервью для мемориального музея в Равенсбрюке, а также для ряда периодических изданий и публикаций. Героиней немецкого документального фильма «Холокост» в 2004 г. становится бывшая надзирательница Г. Боте. На вопрос корреспондента, совершила ли она ошибку, поступив на службу в концентрационный лагерь, Г. Боте ответила отрицательно [4, с. 160]. В 1990-е – 2000-е гг. были опубликованы интервью бывших надзирательниц М. Бартель и А. Энзерер [19; 43; 57], а также серия интервью надзирательниц, имя которой остается неизвестным [47].

В вопросе выбора того или иного архивного ресурса, помимо собственно научной обоснованности и целесообразности, немаловажным моментом остается доступность и открытость тех или иных фондов для исследователей, в свете действующего национального законодательства. Так, в отношении материалов уголовного преследования бывших нацистских преступников, например, в Советской зоне оккупации Германии эмпирические данные носят фрагментарный характер. Объясняется это тем, что ряд Российских архивов продолжает «хранить молчание». Ряд Федеральных Законов, в частности, ФЗ от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий», фактически не предусматривает ознакомление с архивными уголовными делами в отношении лиц, признанных обоснованно осужденными. Бесценным источником материалов Советского правосудия, в том числе протоколов допросов бывших надзирательниц и свидетельских показаний послужил автору архив Штази. Хранящиеся там материалы процесса, проходившего с 19 по 21 июня 1948 г. в Берлине, когда перед военным трибуналом гарнизона Советского сектора оккупации г. Берлина предстала группа бывших надзирательниц численностью 17 человек, позволяют реконструировать на основании конкретных данных биографического характера социальный статус и образовательный уровень надзирательниц. Также они отражают долагерный период жизни женщин, собственно обстоятельства поступления на службу в концентрационный лагерь [32].

Свою роль в доступности материалов продолжает играть также географический фактор: дисперсный характер расположения архивных фондов, обусловленный собственно спецификой их формирования. Так, уголовно-следственные дела и материалы судебных разбирательств хранятся, как правило, в архивных учреждениях по месту их проведения.

По результатам проведенной работы можно констатировать тот факт, что в целом тема в избытке обеспечена архивными источниками. Одновременно с тем указанные материалы находят различное, зачастую непропорциональное, отражение в специализированной литературе, посвященной как истории системы нацистских концлагерей, так и теме женского лагерного персонала.

Литература

1. ГАРФ – Государственный Архив РФ. Ф. Р7021.
2. Женщины Равенсбрюка / под ред. Э. Бухман. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 140 с.
3. Живульская К. Я пережила Освенцим. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 270 с.
4. Кноп Г. СС: черная инквизиция. М.: Олма-Пресс, 2005. 284 с.
5. Краус О., Кулка Э. Фабрика смерти. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. 296 с.
6. Никифорова А. А. Это не должно повториться. М.: Военное изд-во Министерства обороны СССР, 1958. 185 с.
7. Они победили смерть. М.: Изд-во политической литературы, 1959. 251 с.
8. Они победили смерть. М.: Изд-во политической литературы, 1961. 340 с.
9. Они победили смерть. М.: Изд-во политической литературы, 1966. 542 с.
10. Освенцим в глазах СС. Гесс, Брод, Кремер. Освенцим: Издательство Государственного музея в Освенциме, 1975. 308 с.
11. РГВА – Российский Государственный Военный Архив. Ф. 1367к.
12. РГВА. Ф. 1372к.
13. Рольникайте М. Г. Я должна рассказать: [записки бывшей узницы фашистских концлагерей]. Л.: Советский писатель, Ленингр. отд-ние, 1976. 556 с.
14. Франкл В. Сказать жизни «Да»: психолог в концлагере. М.: Смысл, 2004. 176 с.
15. Фритц М. Ад. 565 дней в Освенциме-Биркенау. М.: Политиздат, 1988. 208 с.
16. Шмаглевская С. Дым над Биркенау. М.: Изд-во Иностранная литература, 1960. 270 с.
17. Affidavit of Karoline Geulen, Krupp worker employed as a guard of female concentration camp inmates, 14 April 1948, concerning the treatment of inmates working for Krupp in Essen. Translation of Lehmann Document 613 defense exhibit 1112 // Trials of war criminals. Vol. I. Washington, 1950. P. 1182 – 1184.
18. AIPN – Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej. GK 255.
19. Alix C. Guarding the Truth // The Washington Post. 26.02.2006. Режим доступа: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/02/21/AR2006022101413.html> (дата обращения: 29.12.2013).
20. AMGR – Archiwum Muzeum Gross-Rosen. 122/15/MF.
21. APK – Archiwum Państwowe w Krakowie. Prokuratura Sądu Okręgowego w Krakowie (1945 – 1950).
22. APMAB – Archiwum Państwowego Muzeum Auschwitz-Birkenau. Proces Załogi.
23. APM – Archiwum Państwowego Muzeum na Majdanku. I. d. 32 Dokumentensammlung.
24. APW – Archiwum Państwowe m. st. Warszawy. Sąd Okręgowy w Warszawie [1917] 1945 – 1950 [1991].
25. BArch Berlin. DY 55 Vereinigung der Verfolgten des Naziregimes.
26. BArch Berlin. NS 4.
27. BArch Ludwigsburg. B 162.
28. Bloxham D. From Streicher to Sawoniuk: the Holocaust in the Courtroom // The Historiography of the Holocaust / ed. D. Stone. NY: Palgrave Macmillan, 2004. P. 397 – 419.
29. Brandsdorfer L. The Bleeding Sky. My Mother's Journey through the Fire. Lexington, KY: the author, 2012. 201 p.
30. BStU – Die Bundesbeauftragte für die Unterlagen des Staatssicherheitsdienstes der ehemaligen DDR. MfS-NA. IX/11.
31. Buber-Neumann M. Milena: The Tragic Story of Kafka's Great Love. NY.: Arcade Publishing, 1997. 213 p.
32. Buber-Neumann M. Under Two Dictators. London: Pimlico, 2009. 350 p.
33. DDR-Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung ostdeutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen. Band II. Amsterdam / München, 2002. S. 555 – 598.
34. DDR-Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung ostdeutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen. Band III. Amsterdam / München, 2003. S. 611 – 621.
35. DDR-Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung ostdeutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen. Band IV. Amsterdam / München, 2004. S. 55 – 60.
36. DDR-Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung ostdeutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen. Band X. Amsterdam / München, 2007. S. 267 – 278.
37. DDR-Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung ostdeutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen. Band XLII. Amsterdam / München, 2010. S. 779 – 822.
38. DDR-Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung ostdeutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen. Band XLIV. Amsterdam / München, 2011. S. 379 – 581.
39. Der Ort des Terrors: Geschichte des nationalsozialistischen Konzentrationslager / Benz W., Distel B., Königseder A. Band 4: Flossenbürg, Mauthausen, Ravensbrück. München: Verlag C. H. Beck, 2006. 644 s.
40. Extracts from the testimony of defense witness Karoline Geulen before commission I // Trials of war criminals. Vol. I. Washington, 1950. P. 1184 – 1190.
41. Herbermann N., Baer H., Baer E. R. The Blessed Abyss: Inmate № 6582 in Ravensbrück Concentration Camp for Women. Detroit: Wayne State University Press, 2000. 280 p.

42. Record of Testimony given by: XXXXXXXXXXXX. Protocol № 011. 29.11.1945. Режим доступа: <http://www.ub.lu.se/samlingar/digitala-samlingar/roester-fraan-ravensbr-ck/intevju11.pdf> (дата обращения 25.09.2013).
43. Klesmann M. Öffentlich bedienstete Foltermägde // Berliner Zeitung. 19.10.2004 URL: <http://www.berliner-zeitung.de/archiv/aufseherinnen-im-kz---eine-ausstellung-inravensbrueck-zeigt-lebenswege-der-taeterinnen-oeffentlich-bedienstetefoltermagde> (дата обращения: 28.08.2014).
44. Langbein H. People in Auschwitz. Chapel Hill, London: The University of North Carolina Press, 2004. 568 p.
45. Müller Ch. Die Klemplerkolonne in Ravensbrück. Erinnerungen des Häftlings Nr. 10787. Berlin: Dietz Verl., 1990. 222 s.
46. Niewyk D. L. Fresh Wounds: Early Narratives of Holocaust Survival. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1998. 414 p.
47. Owings A. Frauen: German Women Recall the Third Reich. New Brunswick: Rutgers University Press, 1993. 494 p.
48. Shelley L. Auschwitz. The Nazi Civilization: Twenty-three Women Prisoners' Account: Auschwitz Camp Administration and SS Enterprises and Workshops. Lanham: University Press of America, 1992. 296 p.
49. SOAL – Státní oblastní archiv v Litoměřicích. Mimořádný lidový soud Liberec.
50. SOAP – Státní oblastní archiv v Praze. Mimořádný lidový soud Praha.
51. SOAPí – Státní Okresní Archiv Písek. Okresní úřad Písek.
52. SOAZ – Státní oblastní archiv v Zámrsku. Mimořádný lidový soud Jičín.
53. Szmaglewska S. Smoke over Birkenau. Warsaw: Książka i Wiedza; The Auschwitz-Birkenau State Museum, 2008. 336 s.
54. The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia of Camps and Ghettos, 1933 – 1945. Volume I / ed. G. P. Megargee. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 2009. 1728 p.
55. TNA – The British National Archive. WO 235 Judge Advocate General's Office: War Crimes Case Files, Second World War.
56. TNA – The British National Archive. WO 309 War Office: Judge Advocate General's Office, British Army of the Rhine War Crimes Group.
57. Toussaint J. Tradierung von Entlastungslegenden. Interviews mit ehemaligen SS-Aufseherinnen und ihren Töchtern // Im Gefolge der SS: Aufseherinnen des Frauen-KZ Ravensbrück / S. Erpel (Hrsg.). Berlin: Metropol Verlag, 2007. S. 316 – 328.
58. Trial of Josef Kramer and forty-four others (The Belsen Trial) / ed. R. Phillips. London, Edinburgh, Glasgow, 1949.

Информация об авторе:

Кудрин Егор Иванович – аспирант кафедры новой и новейшей истории Уральского Федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, egor.kudrin@gmail.com.

Egor I. Kudrin – post-graduate student at the Department of Modern and Contemporary History, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, egor.kudrin@gmail.com.

(Научный руководитель: Баранов Николай Николаевич – доктор исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Уральского Федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, baranov61@mail.ru.

Academic advisor: Nikolay N. Baranov – Doctor of History, Professor at the Department of Modern and Contemporary History, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin).

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

НОВЫЙ ПРАВЫЙ РАДИКАЛИЗМ В ГЕРМАНИИ

А. С. Сербина

NEW RIGHT RADICALISM IN GERMANY

A. S. Serbina

Проблема миграции в Европе остается одной из самых актуальных. В последние годы популярность праворадикальных партий с анти-иммигрантской платформой возросла по всей Европе. Результаты выборов в Европейский парламент 2014 года указывают на сдвиг вправо в политическом спектре – в частности во Франции, Дании и Великобритании, а также в Австрии, Швеции и Финляндии, Венгрии и Греции, ряд политических праворадикальных партий получили места в Европарламенте. В статье рассматриваются причины роста популярности праворадикальных партий и движений в Европе на примере ФРГ. В частности, большое внимание автор уделяет деятельности политического движения «ПЕГИДА». В ходе проведенного исследования были выявлены основные формы и методы деятельности движения «ПЕГИДА». Сторонники движения «ПЕГИДА» хотят, чтобы Германия обуздала иммиграцию, обвиняя власти в неспособности обеспечить соблюдение существующих законов.

The problem of migration in Europe is the most topical in our time. In recent years, the popularity of new radical right-wing parties with anti-immigrant platforms has increased across Europe. The results of the 2014 European Parliament elections point to a shift to the right in the political spectrum – in France, Denmark, and Great Britain in particular, but also in Austria, Sweden, and Finland, as well as Hungary and Greece, a number of political parties have gained seats in the European Parliament. The reasons of increasing popularity of radical right-wing parties and movements in Europe are analyzed in this paper basing on the example of Germany. In particular, the author pays much attention to the activity of the political movement "PEGIDA". The study identified the main forms and methods of activity used by «PEGIDA». «PEGIDA» supporters want Germany to curb immigration, accusing the authorities of failing to enforce existing laws.

Ключевые слова: «новые правые», выборы в Европарламент 2014, выборы в Бундестаг 2013, Национал-демократическая партия Германии (НДПГ), праворадикализм, антииммигрантская риторика, ксенофобия, ПЕГИДА.

Keywords: "new right" movement, 2014 elections to European Parliament, 2013 elections to Bundestag, National Democratic Party of Germany (NDPG), right radicalism, anti-immigrant rhetoric, xenophobia, PEGIDA.

Правый радикализм в странах Европы становится важной тенденцией развития современного мира. Правые партии по всей Европе пользуются все большим электоральным успехом. Основным фактором популяризации праворадикальных партий становится инокультурная миграция и создание замкнутых сообществ иммигрантов, не поддающихся культурной и социальной адаптации в принимающих обществах.

Как отмечает И. И. Гончаров, европейский правый радикализм в настоящее время переживает новый этап своего развития. Партии этой направленности в странах ЕС стали легальными структурированными движениями с идеологиями, системными для либерального европейского общества. Процесс их консолидации занял несколько десятилетий, по его итогам праворадикалы заручились постоянной поддержкой определенного сегмента электората. Несмотря на то, что они пока так и не добились ни в одном государстве региона единоличного представительства в правительстве, их участие в правящей коалиции в одних случаях или статус оппозиции в других свидетельствует о значительном политическом потенциале этих партий [3, с. 17].

По мнению С. Бирюкова и А. Барсукова, рост активности и востребованности «правых» партий обусловлен объективными процессами, которые сопровождают современный процесс европейской интеграции, в частности, кризисом общеевропейской идентичности, ростом национализма и снижением роли национальных государств, проблемами миграции и интеграции мигрантов. В этой связи, главной своей

целью «новые правые» считают возрождение европейской культуры, пораженной болезнями левизны, нигилизма и «утраты корней» [1, с. 92].

С 22 по 25 мая 2014 г. во всех государствах-членах ЕС прошли выборы в Европейский Парламент. По результатам выборов крайне правые партии добились в ряде стран серьезных успехов. Во Франции, Великобритании и Дании крайне правые силы впервые в истории, опередив традиционные партии, заняли на выборах первое место. Французская ультраправая националистическая партия «Национальный фронт» под руководством Марин Ле Пен набрала 25,7 % голосов, что позволило ей занять 24 места из 74-х в Европейском парламенте. Во многом успех «Национального фронта» был обеспечен антииммигрантской риторикой в программных заявлениях.

Британская консервативная и правопопулистская «Партия независимости Соединенного Королевства» под руководством Найджела Фаража получив 27,5 % голосов, также впервые с 1906 г. обошла ведущие партии Великобритании – лейбористов (25,4 %) и консерваторов (24 %). Такой результат позволил этой партии занять в Европарламенте 24 места из 73-х. «Партия независимости Соединенного Королевства» отличается своим евроскептицизмом и уже последовали заявления о возможном выходе Великобритании из Евросоюза, который санкционирован Лиссабонским договором 2009 г. В Дании национал-консервативная партия «Датская народная партия» во главе с Кристианом Тулесеном Далем также заняла первое место, набрав 26,7 % голосов и получив 4 из 13 мест в

Европарламенте. Под влиянием «Датской народной партии» уже были внесены изменения в миграционную политику Дании. В рамках этой новой политики предлагается ограничить число иностранцев, прибывающих в Данию, ужесточить требования к их финансово-экономическим возможностям и ускорить интеграцию иностранцев, уже проживающих в стране.

В других странах результаты выборов правых партий были скромнее, но тоже заслуживают внимания. В Венгрии движение «Йоббик» («За лучшую Венгрию») стало вторым (15 % голосов), получив 3 места из 22-х в Европейском парламенте. Являясь ультраправой националистической партией «Йоббик» активно использует антииммигрантскую, антицыганскую и антисемитскую риторику. «Австрийская партия свободы» под руководством Хайнца-Христиана Штрахе, являясь также евронационалистической партией, выступающей за ограничение миграции, стала третьей (20 %) и заняла 4 из 18 мест в Европарламенте. Польский «Конгресс новых правых» получил 4 места, а греческая ультранационалистическая партия «Золотая заря» направила в Европейский парламент трех депутатов. В целом, разного рода правые силы получили в парламенте порядка четверти всех мест.

Что касается Германии, то впервые Национал-демократическая партия Германии (НДПГ) во главе с Удо Пасторсом прошла в Европейский парламент, набрав всего 1 % голосов. В результате отмены минимального порога для партий на выборах НДПГ получила возможность направить своего единственного депутата в Европейский парламент. Такие символические результаты НДПГ на европейских выборах стали отражением внутриполитической ситуации.

По результатам выборов в бундестаг в 2013 г. НДПГ получила всего 1,3 % голосов, по сравнению с 2009 г. это на 0,2 % меньше [7]. В общей сложности партия по сравнению с результатами выборов 2009 г. потеряла почти 75000 своих избирателей. Тем не менее, это ровным счетом ничего не означает, ведь есть еще порядка 560000 избирателей, готовых в избирательном бюллетене поставить галочку напротив НДПГ.

Различны результаты НДПГ и по отдельным федеральным землям. В таких федеральных землях как Шлезвиг-Гольштейн (0,7 %), Гамбург (0,6 %), Нижняя Саксония (0,9 %), Бремен (1,2 %), Северный Рейн Вестфалия (1 %), Баден-Вюртемберг (1,2 %), Бавария (0,9 %), Саар (1,6 %), Берлин (1,7 %) НДПГ достигла весьма скромных результатов. В Бранденбурге (3,4 %), Мекленбурге – Передней Померании (3,4 %), Саксонии (4,3 %), Саксонии-Анхальт (2,2 %) и Тюрингии (3,7 %) крайне правым едва не удалось преодолеть пятипроцентный барьер для прохождения в бундестаг [5].

Особую популярность, таким образом, НДПГ имеет в восточных землях ФРГ среди молодежи до 30 лет, которая недовольна ростом безработицы, экономическим кризисом, сохраняющимся разрывом между западными и восточными землями и огромными потоками мигрантов, которые только усложняют социально-экономическую ситуацию в стране.

Безусловно, НДПГ или другие крайне правые силы вряд ли добьются в будущем серьезного политиче-

ского успеха в связи с тем, что не пользуется популярностью среди большинства населения, но правительство все же предпринимает превентивные меры, если не по запрещению НДПГ, то по ограничению ее деятельности. Федеральное ведомство по охране положений конституции считает НДПГ правоэкстремистской и противоречащей Основному Закону ФРГ. НДПГ же позиционирует себя как «рупор» общественного мнения и единственную реальную оппозиционную силу. Важным пропагандистским инструментом НДПГ выступает еженедельная газета «Голос Германии» с тиражом 25 тыс. экземпляров, которые расходятся по всей стране.

Несмотря на попытки правительства и в 2003 г. и в 2011 г. запретить деятельность НДПГ, она продолжает проводить свои праворадикальные мероприятия. Они характеризуются враждебностью к демократии, ксенофобией, расизмом, антисемитизмом и тривиализацией нацизма. В частности, в рамках предвыборной кампании в бундестаг они разжигали страхи перед мигрантами-преступниками и исламом. В первую очередь, жертвами таких подстрекательств со стороны НДПГ стали именно мусульмане.

Подобная кампания имела лишь ограниченный резонанс. Так, согласно данным результатов опроса журнала Цайт, проведенного в ноябре 2011 г., немцы бояться экстремистов правого толка больше, чем исламистов. Причем праворадикализм не рассматривается как проблема только Восточной Германии. От правых экстремистов, по мнению немецких граждан, исходит большая террористическая угроза в Германии. Таким образом, из большинства респондентов, а именно 41 % считают, что террористическая угроза исходит со стороны правых экстремистов, в то время как 36,6 % граждан считают в этом плане наиболее опасными исламистов. Только 5,6 % опрошенных указали, что самая большая угроза терроризма в Германии исходит от левых экстремистов. 13 % респондентов в настоящее время не видит никакой террористической угрозы в Германии. Кроме того, в рамках опроса был задан вопрос – является ли эта проблема в первую очередь восточногерманской или нет? Ответ респондентов был очевиден. 70 % опрошенных считают, что это скорее общегерманская проблема, 23 %, что она характерна в первую очередь для Восточной Германии и только 3 % считают, что для Западной Германии [6].

Нападение на редакцию сатирического журнала Шарли Эбдо 7 января 2015 г. спровоцировало не только во Франции, но и по всей Европе массовые демонстрации с одной стороны в поддержку толерантности, с другой стороны против исламистов. Немецкое общество сегодня также расколото на два лагеря. В разных городах Германии прошли масштабные митинги против исламизации Европы и за изменение иммиграционной политики Германии. Параллельно проходят акции протеста тех, кто считает подобные лозунги проявлением ксенофобии.

Так, десятки тысяч демонстрантов протестуют в Германии против немецкого политического движения «Патриотические европейцы против исламизации Запада» (Пегиды), представители которого с октября 2014 г. организуют акции против исламизации Запада и пытаются изменить миграционную политику ФРГ.

На официальном сайте движения периодически публикуется призыв к «вечерней прогулке» по центру Дрездена, которые проводятся каждый понедельник. Сторонников движения Пегиды обвиняют в правом экстремизме, хотя зачастую их лозунги не имеют ничего общего с ним. Они, в свою очередь, предпринимают меры по дистанцированию от образа крайне правых в Германии и заявляют о своей аполитичности. Движение приобретает общегерманских характер, привлекая к себе все больше сторонников, причем среди простых бюргеров.

Похожие антиисламские выступления проходили и в других городах Германии – Кельне, Дюссельдорфе, Ганновере и т. д., организуемые последователями Пегиды – «Хулиганами против салафитов», Дюгида и др.

Выступая в церкви Святой Клары 2 февраля 2015 г. в Нюрнберге министр иностранных дел Франк-Вальтер Штайнмайер подчеркнул усилившуюся роль религии в различных международных кризисах. Сегодня в Ираке и Сирии действуют исламские террористы, в Нигерии – секта известная как Боко Харам, по сути, являющаяся радикальной исламистской организацией. В Париже жертвами террористических атак стали христиане, иудеи и мусульмане. В этой связи, появляется закономерный вопрос – какую роль во всем этом играет религия? Штайнмайер отметил, что подобную озабоченность он наблюдает и в Германии. У многих граждан возникает вопрос, как связан ислам с терроризмом и совместим ли он с демократией в целом. Многие немцы вообще считают, что ислам совсем не вписывается в западный мир. Штайнмайер уверен в том, что существует демократия, в которой есть место для ислама, и ислам, в котором есть место для демократии. За пределами Германии министру иностранных дел задают уже другие вопросы – кто все эти люди, которые выходят на демонстрации против исламизации в Дрездене. Позволяет ли это говорить о появлении новой ксенофобии и исламофобии в Германии. По мнению Штайнмайера, сегодня в Германии очень много демагогов и популистов, которые навязывают обществу простые ответы на сложные вопросы. В Дрездене и других городах они заявляют о том, что во всем виновны мусульмане, и их нужно просто выгнать из Европы. Сторонники движения Пегиды конечно не представляют большинства населения Германии. Поэтому, министр иностранных дел уверен, что Германия была и останется открытой для мира страной, которая всегда придет на помощь людям, вынужденным спасаться бегством со своей родины и ищущим убежище, вне зависимости от их религиозных убеждений [10].

В манифесте Пегиды зафиксировано, что сторонники движения не выступают против приема беженцев, которые бежали со своей родины в результате военных действий, политического или религиозного преследования. Предоставление убежища они считают проявлением гуманизма, обязанностью всего человечества. Однако Пегиды считают, что помимо существующего права на убежище в Основном законе ФРГ необходимо также закрепить и обязательство мигрантов интегрироваться в немецкое общество. Кроме того, ответственность за беженцев должна быть общеевропейской, т. е. финансовое бремя по их

содержанию должно справедливо распределяться между всеми государствами-членами ЕС.

Сторонники движения выступают за то, чтобы перенять голландскую или швейцарскую иммиграционную модель, в рамках которой законодательно закреплены четкие критерии приема иммигрантов. Необходимо также увеличить финансирование Федерального ведомства по вопросам миграции и беженцев, чтобы существенно сократить время работы над поданными ходатайствами и тем самым обеспечить более быструю интеграцию иммигрантов [9].

Особую роль Пегиды отводит полиции, выступая за увеличение ее финансирования и против сокращения кадров. Это связано с тем, что сторонники движения требуют проведения политики «нулевой толерантности» в отношении нарушивших закон иммигрантов и ищущих убежище. В рамках политики «нулевой толерантности» преследуются все правонарушения без исключений. При этом в центре этой стратегии стоит борьба именно с мелкими, незначительными правонарушениями. За пьянство, нарушение общественного порядка, безнравственное поведение, попрошайничество, вандализм (граффити), наркопреступления и т. д., преступник должен быть наказан обязательно и немедленно. Цель такой стратегии состоит в том, чтобы улучшить местные условия, влияющие на социальную, общественную и политическую жизнь. Политика «нулевой толерантности» предполагает, что борьба с «безобидными» правонарушениями предотвращает более серьезные преступления. Это и обуславливает необходимость увеличения полицейских сил, использования компьютерных систем обнаружения и оборудования полицейских патрулей бортовыми компьютерами.

Таким образом, Пегиды выступают против радикализма религиозно или политически мотивированного, а не против живущих в Европе интегрированных мусульман. Главной задачей своей деятельности сторонники движения считают сохранение и защиту христианско-иудейской культуры Западной Европы, а также предотвращение создания и ликвидация уже существующих в стране параллельных обществ, элементами которых уже стали шариатская полиция, судьи и т. д.

Так в городе Вупперталь (земля Северный Рейн-Вестфалия) уже появилась шариатская полиция, которая следит за соблюдением шариатских норм на улицах города. Участники этих патрулей, одетые в оранжевые жилеты с надписью «шариатская полиция», призывают граждан, участвующих в ночной жизни города, отказаться от употребления алкогольных напитков, азартных игр и др., желая превратить Вупперталь в зону, где господствует шариат. Бундесканцлер Ангела Меркель уже призвала к решительным действиям против самопровозглашенной шариатской полиции. На телеканале «Sat1» она заявила, что в этой области существует монополия государства, и никто не имеет право претендовать на его полицейские функции [8].

Также в Германии, как и в других западноевропейских странах, в результате увеличения количества мусульман появляется и параллельная правовая система в виде шариатских судов, которые подрывают верховенство закона. По мнению отечественного ис-

следователя, специалиста по мусульманскому праву Л. Р. Сюкияйнен, их негативное восприятие мотивируется общественным мнением, главным образом, решениями этих органов, которые нарушают права женщин. Кроме того, привлекает внимание практика шариатских судов, которые рассматривают уголовные дела по шариату или адату, подменяя собой государственные суды. Например, они пытаются по-своему улаживать дела по так называемым убийствам чести или кровной мести, помирать преступника с потерпевшим [4, с. 52].

Центральный Совет мусульман в ФРГ имеет далекие идущие планы: построить в каждом городе мечеть, где призыв имамов к молитве передавался бы через громкоговорители, добиться уважения к традиционной мусульманской одежде, ввести религиозных представителей в редакции крупнейших СМИ и пост имама в армии, больницах и социальных учреждениях.

Сегодня уже с уверенностью можно сказать, что развитию и укреплению праворадикальных идей в Германии способствовал крах политики мультикультурализма, который еще больше обострил социально-экономические и ментальные противоречия в немецком обществе [2, с. 194 – 197]. Большую роль в разжигании ксенофобии играют правые популисты, которые

спекулируют на тему иммигрантов и религии, в первую очередь, ислама. Кстати говоря, т. н. «миграционную карту», т. е. лозунги о необходимости сокращения количества иммигрантов, используют не только праворадикальные, но и правительственные партии, особенно в преддверии очередных выборов с целью привлечения на свою сторону большего электората.

Основная проблема интеграции иммигрантов заключается в их нежелании интегрироваться. Неудачи в этом процессе все острее ставят болезненный для многих вопрос о месте ислама в немецком обществе. Итак, западное общество, которое зиждется на принципах христианства, терпимо, но оно не готово отказываться от основных своих свобод – свободы слова, совести, равноправия полов. Любые посягательства на эти принципы противоречат основам любого европейского общества, а в случае Германии ещё и Основному закону ФРГ. Если в христианстве ещё в эпоху Просвещения произошло разделение на религиозное и светское, то в мусульманстве до сих пор сохраняется единство духовного и светского. Таким образом, терпимость в европейском обществе заканчивается тогда, когда религия перестает быть частным делом отдельного индивидуума.

Литература

1. Бирюков С., Барсуков А. «Крайне правые» партии в современной Европе // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 8. С. 91 – 100.
2. Васильева Г. М. История европейской ментальности. Новосибирск: НГУЭУ, 2011. 228 с.
3. Гончаров И. И. Фактор праворадикальных партий в современной европейской политике: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Краснодар, 2009. 26 с.
4. Сюкияйнен Л. Р. Шариатские суды: современная практика и перспективы в России // Право. 2014. № 4. С. 45 – 62.
5. Auswahl des Landes. Bundestagswahl 2013. Режим доступа: http://www.bundeswahlleiter.de/de/bundestagswahlen/BTW_BUND_13/ergebnisse/landesergebnisse/index.html
6. Deutsche fürchten Rechtsextreme mehr als Islamisten. Umfrage // Zeit. 2011. Dezember. Режим доступа: <http://www.zeit.de/politik/deutschland/2011-12/rechtsextremismus-umfrage-yougov>
7. Endgültiges amtliches Ergebnis der Bundestagswahl 2013// Pressemitteilung 9. Oktober 2013. Режим доступа: http://www.bundeswahlleiter.de/de/bundestagswahlen/BTW_BUND_13/presse/w13034_Endgueltiges_amtliches_Ergebnis.html
8. Merkel: Gegen "Scharia-Polizei" entschlossen vorgehen // Die Welt. 08.09.14 Режим доступа: <http://www.welt.de/newsticker/news1/article132009483/Merkel-Gegen-Scharia-Polizei-entschlossen-vorgehen.html>
9. Positionspapier der Pegida // Menschen-in-Dresden. 08.12.14. Режим доступа: <http://www.menschen-in-dresden.de/wp-content/uploads/2014/12/pegida-positionspapier.pdf>
10. Rede des Bundesministers des Auswärtigen, Dr. Frank-Walter Steinmeier, in der Offenen Kirche Sankt Klara am 2. Februar 2015 in Nürnberg: „Reformation und Politik“// BULLETIN DER BUNDESREGIERUNG Nr. 18-3 vom 3. Februar 2015. Режим доступа: http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Bulletin/2015/02/Anlagen/18-3-bmaa.pdf?__blob=publicationFile&v=1

Информация об авторе:

Сербина Анна Степановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений Новосибирского государственного университета экономики и управления, serbina.anna@mail.ru.

Anna S. Serbina – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of International Relations, Novosibirsk State University of Economics and Management.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

УДК 930.1:(94(430))

**ТЕОРИЯ ГЕРМАНСКОГО КОНТИНУИТЕТА О. ХЕФЛЕРА
В НЕМЕЦКОМ НАУЧНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА**

А. В. Хряков

**THE THEORY OF GERMAN CONTINUITY BY O. HOEFLE
IN THE POLITICAL AND SCIENTIFIC SPACE OF THE THIRD REICH**

A. V. Khryakov

Статья посвящена немецкому германисту Отто Хефлеру (1901 – 1987), профессору мюнхенского университета. Большинство немецких историков-медиевистов конца XIX – начала XX вв. рассматривало проблему континуитета лишь в контексте сохранения античного наследия в средневековой культуре. Хефлер представил теорию германского континуитета, которая выводила из языческой германской древности социальные и государственные институты не только средневековой, но и современной Германии. Рождение данной теории стало возможным в условиях роста немецкого национализма в послевоенной Германии.

The paper is devoted to O. Höfler (1901 – 1987), professor of Munich University, specialist in German History. Most late 19th – early 20th centuries German historians of the Middle Ages research the problem of continuity only as an issue of the Antique heritage influencing the Medieval culture. Höfler analyzed continuity as result of the development of the political and social institutions of the Pagan epoch, which have influence both on Medieval and on contemporary Germany. The genesis of this theory was possible in the conditions of the growing German nationalism after World War I.

Ключевые слова: О. Хефлер, германистика, теория континуитета, Третий рейх, национал-социализм.

Keywords: O. Höfler, German studies, theory of continuity, Third Reich, national socialism.

Вопрос о переходе западноевропейского общества от античности к средним векам никогда не был чисто теоретическим и умозрительным, но всегда носил актуальный политический характер. После окончания Первой мировой войны австрийский медиевист А. Допш, стремясь преодолеть психологический шок от краха 1918 г., воспринимаемого многими не иначе как «Закат Европы», представил свою концепцию европейской истории, где вместо цезур и катастроф господствовали континуитет и преемственность. В своей работе он констатировал наличие разнообразных линий, соединявших Римскую империю с ранне-средневековой Европой. Пытаясь защитить Германию от обвинений в варварстве, повсеместно звучавших в ходе войны, Допш способствовал разрушению прежнего образа примитивного германского варвара якобы разрушившего высокоразвитую римскую культуру. По его мнению, германцы не являлись варварами, они не только не уничтожили античность, но напротив, сохранили многие ее элементы и продлили их существование [8].

Одним из вариантов континуальных представлений о ранней европейской истории является теория германского континуитета, в которой новый глорифицирующий взгляд на древних германцев стал определяющим. В то время как исследования XIX в. практически не уделяли внимания духовной стороне жизни германских народов и отрицали ее связь с государственным устройством и политической жизнью Европы, то в первые десятилетия XX в. сакральные представления германцев стали определяющими для понимания многих аспектов социально-политической истории не только средневековой, но и современной Германии [16]. Но если прежде подобного рода историзм был присущ исключительно любителям, то после Первой мировой войны и особенно в период

Третьего рейха данные представления получили свое распространение среди академической элиты и довольно успешно завоевали себе место в научной среде. Одним из адептов теории германского континуитета был немецкий германист Отто Хефлер (1901 – 1987), занимавшийся установлением якобы имеющейся сущностной связи между первобытными германцами и современными немцами.

Истоки теории германского континуитета следует искать не столько в научной плоскости, сколько в тех обстоятельствах, что сложились в германском научно-политическом пространстве на рубеже веков, обстоятельствах, которые не только сделали возможным саму постановку проблемы о наличии неразрывной связи между германцами и современными немцами, но и способствовали ее укоренению в научном дискурсе. Речь идет о стремительном распространении в немецком обществе откровенно националистической и антисемитской идеологии «фелькише». Само прилагательное фелькиш (völkisch), было образовано в последней трети XIX в. от слова «Volk» (народ), как альтернатива уже существовавшему в языке, но воспринимавшему негативно, слову «national» (национальный) [10, s. 23]. Речь шла не о простой замене одного слова на другое, а о принципиальной смене значения, в результате чего «фелькиш» стало обозначать не «национальный», а нечто совершенно иное, чему в других языках нет прямых аналогов. Сам термин стал означать специфическую форму национализма, основанную на признании приоритета кровной близости. Еще в 60-е гг. XX в. американский историк Джордж Мосс указал на гигантское влияние данной националистической идеологии на разнообразные стороны немецкой культуры рубежа XIX – XX вв. [14].

Долгое время это влияние фелькише на музыку, искусство, архитектуру воспринималось как маргинальное явление, связанное, прежде всего, с распространением кризисных явлений в сфере культуры, то есть находящееся вне ученой сферы. Наука воспринималась как свободная от данных националистических идей. Тем более, что немецкая историография имела репутацию «эталонной», следующей заветам великого Ранке, всегда изображать историю «какой она была на самом деле», без гнева и пристрастий.

Но именно поражение в Первой мировой войне привело к повсеместному распространению понятия «народ» в весьма узком материалистическом и даже этно-биологическом расовом значении. Немецкие правые начала XX в. (и движение фелькише в особенности) исходили из эксклюзивного характера народа и комбинировали его с зарождающейся расистской идеологией, в их работах границы между понятиями народ, нация и раса стремительно стирались. Если слово фелькиш и употреблялось в качестве синонима национального и этнического, то всегда в смысле расового национализма, так как расизм стал центральным элементом этого мировоззрения.

Кроме того в идеологии фелькише раса не была исключительно биологической величиной, фиксирующей чисто антропологические или генетические признаки; раса означала также идеальную сущность или даже метафизическую категорию [10, s. 36 – 38]. В основе понимания расы уже изначально лежали интеллектуальные спекуляции относительно сущности, происхождения и истории языка, народа и культуры, чьи внутренние характеристики и признаки соответствовали внешним и вместе с ними передавались по наследству. Благодаря этой неразрывной смеси естественнонаучных и гуманитарных спекуляций, расизм смог стать всеобъемлющим мировоззрением, с помощью которого пытались интерпретировать все без исключения социальные и исторические явления [3, с. 15 – 43].

В таких обстоятельствах родилась особая дисциплина – германоведение (Deutschkunde), которая во время Веймарской республики укоренилась в научно-образовательной сфере, способствуя национальной социализации подрастающего поколения. В ее рамках методы, заимствованные из классической германистики и этнографии, соединились с географией и биологией и создали не столько основу нового междисциплинарного синтеза, сколько гремучую идеологическую смесь, которая стала «научной» основой большинства националистических течений, в том числе национал-социализма. Новая дисциплина искала в языковых и фольклорных остатках германского прошлого следы, которые смогут продемонстрировать неизменный «немецких дух», «немецкую сущность» (Volkstum).

Наиболее востребованными понятиями в этой среде становятся понятия «целостность» и «единство». Эти и подобные им концепты понимались как синхронно, в рамках современного общества, так и диахронно в рамках сохранившихся органических, кровных связей с германскими предками. Стенания о нарастающем распаде органического коллектива на бесчисленное множество эгоистичных индивидуумов,

сочетались с жалобами о вреде нарастающей профессиональной научной специализации не позволяющей понять жизнь немецкого народа во всей ее полноте и целостности. Точно также в исторической перспективе предпочтение отдавалось преемственности, континуитету, неразрывным образом связывавшим современность с германской предисторией. По свидетельству Теодора Адорно: «В предфашистской Германии целостность была девизом всех тех, кто отметал XIX в. как в общем и целом устаревший... В эпоху первой публикации „Бытия и времени“ учение о первичности целого по отношению к частям как некий идеал приводило в экстаз все апологетическое мышление...» [1, с. 158].

Только в этих условиях стало возможным распространение и признание теории О. Хефлера, представителя венской школы германистики, развивавшей мысль о континуитете между германской древностью и современной культурой немцев [7]. В отличие от большинства представителей профессиональной историографии и, прежде всего, медиэвистов, Хефлер рассматривал германцев не как варваров-язычников, пополнивших ряды цивилизованных народов лишь под влиянием римских и христианских традиций. По его мнению, германцы изначально отличались государственно-организационными способностями, позволившими им придти к «гигантским историко-политическим достижениям» [13, s. 1].

В основу своей диссертации «Культовые тайные союзы германцев» О. Хефлер положил народные сказания о так называемой «дикой охоте» и связанные с ними представления о существовании среди германцев тайных «мужских союзов» [11]. Подобного рода союзы, по мнению немецкого германиста, формировались для отправления ритуалов, в ходе которых армия воинов, исполняя танцы, впадала в экстаз, соединяясь с миром павших. Демонические маски, используемые в ходе ритуала, символизировали встречу двух миров, представляли собой «прорыв иррационального» в реальность, выступая взаимной связью и подстраховкой царства света и тени [11, s. VIII]. Складывались подобные союзы вокруг культа бога Вотана (Одина). По мнению О. Хефлера, германцы вошли в мировую историю лишь благодаря своим завоеваниям и созидательным государственным способностям и не удивительно, что выражением их воинственной сущности являлся бог Вotan.

Переживаемые в ходе отправления ритуалов экзотатические переживания нашли свое отражение в мифах и поэтому, по мнению Хефлера и его учителя Рудольфа Муха (1882 – 1936), культ и связанные с ним ритуалы являются первичными по отношению к мифологическим сюжетам, а не наоборот [17, s. 9 – 10]. Рассмотренные в книге мужские культовые союзы немецкий германист объявил «центром германской жизни, источником религиозных, этических и историко-политических сил неслыханной мощи» [11, s. VIII]. Практически все политические и правовые институты европейского средневековья, включая цеха, гильдии, ордена, были, по его мнению, проявлением созидательной силы германских мужских союзов, восходящей к их языческим верованиям.

Свою ритуалистическую теорию Хефлер распространил не только на разные сферы исторической жизни германцев и их органических преемников в лице современных немцев, но и на разнообразные отрасли гуманитарного знания. Действительно, работы Хефлера обращают на себя внимание широтой замысла, отсутствием боязни делать глобальные выводы, присутствием разнообразной источниковой базы, сочетающей в себе как литературные, так и архивные источники. Он в совершенстве владел материалом мифов, саг, сказок, причем не только северо- и юго-европейских, но также африканских и азиатских. При этом его ни в коем случае нельзя назвать позитивистом, ему претило простое коллекционирование фактов и сосредоточенность на единичных явлениях культуры, более всего он стремился не просто к пониманию, а к интуитивному проникновению в суть изучаемых явлений. На место научных рационально мотивированных принципов познания, внутренней непротиворечивости, объяснению причинно-следственных связей, верифицируемости результатов исследования Хефлер предлагал поставить «чувства», «созерцание», «интуицию» [12, s. 2 – 3].

Собственно пониманию континуитета О. Хефлер посвятил свое выступление на XIX съезде немецких историков, прошедшем в Эрфурте с 5 по 7 июля 1937 г. куда он был приглашен В. Франком, «фюрером» немецкой исторической науки [5]. В своем докладе Хефлер затронул довольно локальный сюжет европейской средневековой истории, но как и в других своих исследованиях, немецкий германист сделал совершенно поразительные по своим масштабам выводы, которые никак не вяжутся со значимостью рассмотренного вопроса.

Утверждая свое право на формулирование новой теории, Хефлер в докладе «Проблема германского континуитета» выступил с критикой всей предшествующей историографической традиции, обвиняя ее в изначальном антигерманизме и римско-христианской ангажированности. По мнению германиста, основы подобного пренебрежительного подхода восходят к схеме четырех великих империй прошлого, предложенной еще Иеронимом в IV в. н. эры, в основе которой лежал созданный христианством дискретный образ истории. Ее «национально-римский», враждебный в отношении всего германского, взгляд по-прежнему превалирует в мировой историографии [12, s. 4 – 5]. Сегодня вычленение в «органическом развитии» немецкой истории отдельных эпох, таких как древность, средневековье, Ренессанс и Реформация происходит у историков уже «машинально» и ведет к пониманию «образа нашей истории» как «распавшегося» на отдельные осколки, а не всеохватного, целостного и единого.

Именно эти «духовные чары» церковной историографии и тесно связанного с ней позитивизма, по мнению Хефлера, скрывают и затуманивают взгляд на факты немецкой истории и происхождение германцев. В реальности же история германских народов более чем другие «характеризуется континуитетом». Именно у германцев «историческое единство жизни» менее всего было подвержено разрывам. И связано это с континуитетом и постоянством таких элементов

как: нордическая раса, язык, территория, наконец, государство. В отличие от остальных народов Европы, современные немцы сохранили со своими германскими предками нерушимую «живую связь», позволяющую фактически отождествлять немцев с германцами [12, s. 5].

Для того чтобы продемонстрировать эту сохранившуюся связь с современностью, О. Хефлер обращается к культу императорских инсигний и прежде всего, священному копыю. В докладе германиста речь идет о копье Константина Великого, владельцем которого долгое время являлся король Бургундии Рудольф. Ценность этого артефакта состояла в том, что при его изготовлении использовались гвозди, которыми был прибит к кресту сам Иисус Христос. История этого копья и обстоятельства его обретения немецким королем Генрихом I изложена у Лиутпранда Кремонского [2, с. 84 – 85]. Хефлер опираясь на тексты Павла Диакона, Григория Турского, а также скандинавские изобразительные памятники утверждает, что задолго до этой истории у различных германских племен существовало почитание копья. Священное копьё присутствовало и в древнегерманских мифах, прежде всего, как знак нордического бога Вотана (Одина) и соответственно присутствует в традиции практически всех северных германских народов. Вотан для германцев это не только мифический персонаж, король богов, он сохранил все качества как культовый бог королей, т. е. он считался богом исторических королей, предком германских фамилий. Передавая священное копьё из рук в руки, германские вожди, а в последующем короли передавали его как священную реликвию как воплощение власти [12, s. 9].

На территории Скандинавии, прежде всего, в шведской провинции Бохуслэн, на скалах Литслеби, Каллеби и др. встречаются изображения священного оружия и копьеносцев, относящихся к первому тысячелетию до нашей эры. Таким образом, священное копьё было известно германцам задолго до Рождества Христова и воспринималось как королевский знак высшего бога, прародителя германских правящих родов. Тем самым, по словам Хефлера, «религиозно-историческая проблема» стала «политико-исторической» [12, s. 13].

Кроме того, как отмечает немецкий германист, в сообщениях Видукинда есть упоминание о «священном копье», которое перешло к Генриху I в момент коронации в числе прочих королевских инсигний, т. е. прежде обретения копья бургундского герцога Рудольфа. Первый, пока еще предварительный вывод, который делает Хефлер, заключается в том, что немецкие короли владели собственными инсигниями независимо от христианских. И, следовательно, по его мнению, нельзя возводить немецкую историю лишь к римскому Югу [12, s. 20].

Но О. Хефлер не останавливается на достигнутом, а делает еще более значимый вывод о необходимости совершенно нового взгляда на историю древнегерманской, а вместе с ней и всей последующей истории. По мнению, немецкого ученого, позитивистская историография недопустимым образом свела духовную жизнь германцев исключительно к

христианству, причастность к которому якобы и определяла сакральный статус многих средневековых институтов и, прежде всего, королевской власти. В своем выступлении на съезде Хефлер призвал отвергнуть, присущий немецкой исторической науке «дуализм», разделявший «мирскую» и «духовную» сферы германской жизни. Само это деление, по его словам, было неизвестно древним германцам, вся их жизнь была пропитана религиозным сакральным содержанием, недоступным для рационального понимания [12, s. 21].

Анализируя пример с копьем, Хефлер в отличие от традиционной исторической науки призывает при изучении дописанных эпох использовать совершенно иные методологические инструменты, обращаться, прежде всего, к анализу культовых ритуальных практик, среди которых культы плодородия, солнца, мертвых [12, s. 22]. Подобного рода мистерии связывали внутреннюю структуру обществ, становясь основой человеческих общностей. Они демонстрируют существование континуитета между древностью и средневековьем, в том числе, в существовании различных средневековых корпораций, придавая им сакральный мистический характер. Современная же социальная история оставляет подобные сообщества и союзы вне своего внимания. Исходя из этого, по мнению немецкого германиста, требуется по иному взглянуть на возникновение таких корпораций как рыцарство, купеческие гильдии [12, s. 23].

Но, несмотря на ряд проницательных замечаний, присутствовавших в выступлении Хефлера, общий тон его работы был очевиден, по его мнению, континуитет возможен только на расово-биологической основе и лучше всего эта основа сохранилась у немцев. Присущие древним германцам специфические ритуальные переживания это выражение их принадлежности к высшей нордической культуре. В отличие от того же А. Допша, у О. Хефлера вопрос стоял не о равнозначности германской и римской культурной и государственной традиций, а об историческом первенстве германцев в Европе по отношению не только к славянам и кельтам, но и к римлянам.

Идеи Хефлера нашли отклик среди эсесовцев и самого Генриха Гиммлера, проповедовавшего среди членов своего «ордена» особую идеологию избранничества [4]. Антихристианский и антиримский аффект работ немецкого германиста был практически во всем, вплоть до мелочей, созвучен целям и представлениям Гиммлера. Он также обвинял христианство, якобы приведшее к сознательному искоренению и забвению первобытных природных творческих сил германской расы. На место догматов христианской церкви, вождь СС, стремился утвердить культ предков, считая, что именно против этого «корня» жизни древних германцев некогда ополчилась христианство.

С 1935 г. Хефлер являлся ординарным профессором Кильского университета и директором местного Семинара по немецкой филологии, но уже в 1938 г., т. е. практически сразу после своего выступления на съезде немецких историков, он был приглашен возглавить кафедру «германской филологии и этнологии», созданную специально для него в Мюнхенском

университете Людвиг Максимилиана. Назначение Хефлера в Мюнхен было связано не только с его научными заслугами и достижениями в деле изучения религии древних германцев, политические обстоятельства также играли свою роль. Инициатива приглашения Хефлера исходила от известного индогерманиста, протеже Генриха Гиммлера, декана философского факультета мюнхенского университета Вальтера Вюста, а по совместительству главы скандально знаменитой организации «Аненербе» [15, s. 43 – 46].

Этот случай показывает тот научно-политический фон, контекст, в котором осуществлялась кадровая политика в Третьем рейхе. Становится понятным, какие силы и ресурсы (персональные и организационные) могли задействовать претенденты для занятия тех или иных академических должностей и какой «символический капитал» они могли предложить в плату за поддержку. Научной компетенции уже не хватало для беспрепятственного утверждения в должности. Так как за каждым из кандидатов всегда маячила тень какого-либо высокопоставленного чиновника, то для успешной борьбы требовались и соответствующие идеологические или политические заслуги.

Сегодня не у кого не вызывает сомнения тот факт, что О. Хефлер внес существенный вклад в идеологическое оправдание и укрепление национал-социализма. Он не был нацистом из оппортунистических соображений как многие другие ученые, его приверженность нацистской идеологии была другого свойства, он был внутренне убежден не только в мировоззренческих основаниях, но и в практической необходимости национал-социализма [9]. По словам одного из учеников Хефлера, после падения монархии в 1918 г. он верил в «восстановление Рейха в средневековом стиле», он считал что «Третий рейх сможет восстановить империю германцев, в которую должны будут войти скандинавы и жители Нидерландов» и именно эта вера привела его к Гитлеру и его движению [6, s. XIII].

Он с самого начала пришел к соглашению с нацистскими властями и использовал научную организацию со всеми ее ресурсами и возможностями. Высокое место в университетской и научно-исследовательской иерархии было необходимо немецкому ученому для того чтобы распространить собственный идеологизированный образ германцев, навязав его другим участникам научного поля в качестве обязательного, подкрепленного не столько серьезными научными доказательствами, сколько всей мощью стоящего за ученым государственного аппарата.

Литература

1. Адорно Т. В. Жаргон подлинности. О немецкой идеологии / пер. Е. В. Борисов. М.: Канон+, РООИ Реабилитация, 2011.
2. Лиутпранд Кремонский. Антаподосис. Книга об Оттоне. Отчет о посольстве в Константинополь / пер. с лат. и комментарии И. В. Дьяконова. М.: SPSL-Русская панорама, 2006. С. 84 – 85.
3. Шнирельман В. А. «Порог толерантности». Идеология и практика нового расизма. Т. 1. М.: НЛЮ, 2011.
4. Ackermann J. Heinrich Himmler als Ideologe. Göttingen, Zürich, Frankfurt: Musterschmidt, 1970.
5. Botzenhart W. Der 19. Deutsch e Historikertag in Erfurt 5. bis 7. Juli 1937 // Historische Zeitschrift. Bd. 156. 1937. S. 659 – 667.
6. Birkhan H. Vorwort // Höfler O. Kleine Schriften. Ausgewählte Arbeiten zur germanischen Altertumskunde und Religionsgeschichte, zur Literatur des Mittelalters, zur germanischen Sprachwissenschaft sowie Kulturphilosophie und –morphologie / Hrsg. von H. Birkhan. Hamburg: Buske, 1992. S. IX – XV.
7. Bockhorn O. Zur Geschichte der Volkskunde an der Universität Wien. Von den Anfängen bis 1939 // Sichtweisen der Volkskunde. Zur Geschichte und Forschungspraxis einer Disziplin. Festschrift für Gerhard Lutz zum 60. Geburtstag / Hrsg. von A. Lehmann und A. Kuntz. Berlin, Hamburg, 1988. S. 63 – 83.
8. Dopsch A. Der Wiederaufbau Europas nach dem Untergang der alten Welt. Inaugurationsrede, gehalten am 26. Oktober 1920. Wien: Seidel, 1920.
9. Gajek E. Germanenkunde und Nationalsozialismus. Zur Verflechtung von Wissenschaft und Politik am Beispiel Otto Höflers // Völkische Bewegung – konservative Revolution – Nationalsozialismus. Aspekte einer politisierten Kultur / Hrsg. von W. Schmitz, Cl. Vollnhals. Dresden: W. E. B. Universitätsverlag, 2005. S. 325 – 355.
10. Hartung G. Völkische Ideologie // Handbuch zur «Völkischen Bewegung» 1871 – 1918 / Hrsg. von U. Puschner, W. Schmitz, J. H. Ulbricht. München, New Providence, London, Paris: K. G. Saur, 1996. S. 22 – 41.
11. Höfler O. Kultische Geheimbünde der Germanen. Teil. I. Frankfurt am Main, 1934.
12. Höfler O. Das germanische Kontinuitätsproblem // Historische Zeitschrift. Bd. 157. 1938. S. 1 – 26.
13. Höfler O. Die politische Leistung der Völkerwanderungszeit // Höfler O. Kleine Schriften. Ausgewählte Arbeiten zur germanischen Altertumskunde und Religionsgeschichte, zur Literatur des Mittelalters, zur germanischen Sprachwissenschaft sowie Kulturphilosophie und –morphologie / Hrsg. von H. Birkhan. Hamburg: Buske, 1992. S. 1 – 16.
14. Mosse G. L. The Crisis of German Ideology. Intellectual Origins of the Third Reich. New York: Grosset and Dunlap, 1964.
15. Kater M. Das «Ahnenerbe» der SS 1935 – 1945. Ein Beitrag zur Kulturpolitik des Dritten Reiches. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1974.
16. See K. von. Kulturkritik und Germanenforschung zwischen den Weltkriegen // Historische Zeitschrift. Bd. 245. 1987. S. 343 – 362.
17. Zimmermann H. P. Männerbund und Totenkult. Methodologische und ideologische Grundlinien der Volks- und Altertumskunde Otto Höflers 1933–1945 // Kieler Blätter für Volkskunde. 26. 1994. S. 5 – 27.

Информация об авторе:

Хряков Александр Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, alexchrjakov@yandex.ru.

Alexander V. Khryakov – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Word History, Omsk State University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

УДК 94(430).087

ИНОСТРАНЦЫ В ГДР: ОСНОВНЫЕ ГРУППЫ И ОТНОШЕНИЯ
С ВОСТОЧНЫМИ НЕМЦАМИ (1949 – 1990 ГГ.)*А. М. Бетмакаев*FOREIGNERS IN THE GDR: MAJOR GROUPS
AND RELATIONS WITH EAST GERMANS (1949 – 1990)*A. M. Betmakaev*

В статье исследованы основные группы иностранцев в Германской Демократической Республике и их отношения с местным населением – предмет исследования, который до последнего времени находился вне поля зрения отечественных специалистов по социальной истории Германии. Целью работы является определение групп иностранцев на основе изучения их различий в правовом и материальном положениях и характеристика взаимоотношений иностранцев и восточных немцев в условиях жесткого политического контроля и официальной пропаганды коммунистического режима. На основе анализа опубликованных источников и зарубежной литературы, использования общенаучных и специальных методов (типологизация, сравнение, определение факторов развития и др.) изучены следующие группы иностранцев – советские военнослужащие и члены их семей; политэмигранты; иностранные студенты; специалисты иностранных компаний; иностранные рабочие, работающие в соответствии с договорами ГДР с иностранными государствами; сезонные рабочие и «нелегалы». Автор приходит к выводу, что вопреки официальной пропаганде об интернационализме восточных немцев, отношение населения ГДР к иностранцам характеризовалось нетерпимостью и враждебностью. В значительной степени это было, несомненно, следствием иммиграционной политики «режима СЕПГ», которая не позволяла открыто признать наличие конфликтов между восточными немцами и иностранцами. Иммиграционная политика не была предметом общественного обсуждения в ГДР, поскольку находилась под полным контролем СЕПГ, которая руководствовалась идеологическими соображениями.

The paper studies the major groups of foreigners in the German Democratic Republic and their relations with the native population. Until recently, the Russian researchers of the German social history have overlooked this subject. The study aims at identifying groups of foreigners by considering the differences in their legal and financial standing, and describing the relations between foreigners and East Germans subject to strict political control and official propaganda of the communist regime. With reference to scrutinized publications and foreign literature, as well as employed general and special methods (classification, comparison, determination of development factors etc.), our study identified the following groups of foreigners: Soviet soldiers and their families; political refugees; international students; international companies' experts; foreign workers complying with the GDR treaties with foreign countries; seasonal workers and illegal aliens. The author comes to a conclusion that despite the official propaganda claiming the internationalism of East Germans, the attitude of the GDR residents to foreigners could be described as greatly intolerant and hostile. To a significant extent it was caused by the immigration policy of the "SED regime", which precluded from avowing the existence of conflicts between Germans and foreigners. The immigration policy was not publicly discussed in the GDR, as it was to the full extent under control of the SED, which was guided by the ideology.

Ключевые слова: ГДР, иммиграционная политика, социальное обеспечение, социальная интеграция, иностранные студенты, иностранные рабочие.

Keywords: the GDR, immigration policy, social security, social integration, foreign students, foreign workers.

Изучение социальной истории Германской Демократической Республики в течение почти четверти века после объединения Германии дало важные результаты, которые позволили глубже и шире понять особенности восточногерманского общества, его взаимодействия с государственной властью. Одним из аспектов социальной истории, который до сих пор остается вне поля зрения отечественных исследователей, является проблема взаимоотношений «режима СЕПГ (Социалистической единой партии Германии)», восточных немцев и проживающих в ГДР иностранцев. Иностранцы студенты и рабочие были не только

свидетелями эволюции восточногерманской общественно-политической системы, но и само их присутствие в «закрытом обществе» оказывало воздействие на указанную эволюцию. В данной статье исследуются: типология групп иностранцев на основе выделения их различий в правовом и материальном положениях, а также отношения иностранцев с гражданами ГДР в условиях жесткого политического контроля и официальной пропаганды.

В сравнении с ФРГ, где в 1989 г. проживало более 4,8 млн иностранцев (7,8 % всего населения) [4, с. 17], ГДР была страной с низкой долей мигрантов. Накану-

не объединения двух Германий общее число иностранцев в ГДР достигло наивысшего показателя, составив 191190 чел. (более 1,2 % всего населения). Из них вьетнамцы насчитывали 60067 чел. (31,4 %), поляки – 51743, граждане Мозамбика – 15483, советские граждане – 14885, венгры – 13424, кубинцы – 7999, болгары – 4939 и граждане Чехословакии – 3218. Вид на жительство имели 43100 иностранцев, и 147300 получили разрешения на временное пребывание [6, s. 185 – 186].

Обычно исследователи сюжетов, связанных с пребыванием иностранцев в ГДР, пишут прежде всего о более, чем 400 тыс. военнослужащих Группы советских войск в Германии (ГСВГ) и членах их семей. Как правило, обращается внимание на правовой статус этой группы: советские военнослужащие не подпадали под законодательство для иностранцев, их проживание контролировалось советской стороной. Пребывание советских войск было результатом Второй мировой войны и регулировалось двусторонним соглашением 1957 г. Советские военнослужащие и члены их семей находились в 172 крупных военных городках [15, s. 17 – 18]. Советские граждане вне ГСВГ привлекались для работы на восточногерманских предприятиях в исключительных случаях. Хотя примерно 10 млн граждан Советского Союза и его преемницы РФ в 1945 – 1994 гг. были включены в повседневную жизнь восточных немцев, но, в отличие от других, значительно меньших групп мигрантов, представляли «истинных иностранцев» [19, s. 123]. Важно подчеркнуть, что контакты между советскими военными и восточными немцами отслеживались советскими и восточногерманскими политическими органами и спецслужбами.

Очень малой группой (несколько тысяч человек) были иностранцы, которым правительство ГДР предоставляло политическое убежище в соответствии с Конституцией, если «они подвергаются преследованиям за политическую, научную или культурную деятельность в защиту мира, демократии, интересов трудового народа или за свое участие в борьбе за социальное и национальное освобождение» [21]. Первыми политическими мигрантами стали в июне 1950 г. более тысячи детей греческих коммунистов [8, s. 656]. В 1954 г. приехала группа членов Народной партии («Туде») из Ирана, где после свержения правительства М. Мосаддыка начались политические репрессии. Иранские коммунисты предлагали руководству ГДР позволить им, исходя из конспирации, «раствориться» среди населения. И хотя это предложение соответствовало представлениям власти и населения об интеграции иностранцев как об их ассимиляции, все же был взят курс на изоляцию иностранцев от восточных немцев [17, s. 224, 241 – 245]. В дальнейшем в ГДР бежали активисты и их семьи из Алжира, Южной Африки, Чили (после военного переворота 1973 г.) и других стран.

При этом в пропагандистском обеспечении приезда политических эмигрантов всегда подчеркивалась «интернациональная солидарность» ГДР с народами, которые борются с «неоколониализмом и диктатором империалистических держав Запада». В официальной

пропаганде политэмигранты позиционировались как союзники правящей Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). Особое символическое значение придавалось политэмигрантам из республиканской Испании, которые почти идеально воплощали представление о «хорошем иностранце» – борце за свободу и антифашисте. Но демократизация Испании в середине 1970-х гг. привела к тому, что испанская эмиграция потеряла свое значение для пропаганды СЕПГ [20].

В отличие от ФРГ, где прием беженцев из-за рубежа был частью демократизации политической культуры общества, в котором конституция признавалась стоявшей выше других инструкций и политических соображений, в ГДР решение о предоставлении убежища принималось на уровне политбюро или секретариата ЦК СЕПГ. По мнению немецкого историка П. Путруса, отношение к политэмигрантам может рассматриваться как продолжение националистической иммиграционной политики с целью создания гомогенного населения [18, p. 115 – 133].

Появление иностранцев инициировало изменения в законодательстве ГДР. До 1954 г. полиция действовала на основе Положения об иностранцах, которое было принято нацистами в 1938 г. с целью централизации и стандартизации полицейского контроля. И после отмены положения жесткая централизованная система сохранилась [12, s. 126]. Первый закон об иностранцах был принят в 1956 г., включив в себя не только условия предоставления политического убежища, но определение относительно приглашения иностранных рабочих, которые появились в ГДР в 1960-е гг. Закон предусматривал регистрацию и правила депортации иностранцев [9, s. 656]. В законе об иностранцах 1979 г. они получили те же права, что и граждане, за исключением избирательных прав (*Прим. автора: это исключение будет действовать до марта 1989 г., когда иностранцам будет предоставлено право голосовать на местных выборах после их шестимесячного пребывания в стране*). Законодательство не предусматривало обжалование административных решений о выдворении иностранцев. В сентябре 1983 г. были введены конкретные правила, касающиеся воссоединения семей и приезда иностранцев в результате их вступления в брак с гражданами ГДР [6, s. 185].

Значительной группой иностранцев были студенты. Власти ГДР считали их обучение выражением социалистической солидарности и пролетарского интернационализма, но оно также служило дипломатическим и политическим задачам. Руководство СЕПГ в декабре 1949 г. решило, что студенты из-за границы смогут учиться только при условии, что существует разрешение ЦК братской партии и подтверждение секретариата СЕПГ. До 1967 г., когда был создан Комитет по делам иностранных студентов (КИС), отсутствовала центральная координация обучения студентов-иностранцев. Почти 10 государственных министерств, отделений партии и массовых организаций было занято делами иностранных студентов [14, s. 177 – 178].

Сильная заинтересованность в международном признании ГДР привела к увеличению приема студентов из Индии и арабских стран в конце 1950-х гг., а в 1960-е гг. – из «молодых национальных государств» Азии и Африки [22, s. 170 – 179]. ГДР и ФРГ использовали фактически одну стратегию расширения влияния в развивающихся странах: они стремились привлечь как можно больше гостей из Азии и Африки, предоставляя сотни стипендий квалифицированным рабочим и студентам для повышения квалификации и образования [11, p. 116].

В 1951 – 1989 гг. студентов из более 125 государств насчитывалось от 64 до 78,4 тыс. человек, что составляло около 3 % всех выпускников вузов ГДР. С 1960-х гг. доля студентов среди всех иностранцев достигла почти 7 % [14, s. 175]. Как и восточные немцы, иностранцы не платили за обучение и получали ежемесячную стипендию. Иностранцы выпускники вузов должны были вернуться на родину. Общение между иностранными и восточногерманскими студентами, как правило, находилось под контролем КИС и службы безопасности (штази). Хотя иностранные студенты имели отношения с гражданами ГДР, официальная политика исключала межнациональные браки. Это разрушало не только браки с иностранцами, но и положительные примеры межкультурного сотрудничества, а также эффект закрепления положительного образа ГДР у граждан несоциалистических стран. В архивах найдено множество сообщений о трудностях иностранных студентов, которые увидели разрыв между образом и реалиями восточногерманского социализма. Они жили в общежитиях, которые не соответствовали даже стандартам ГДР. Хотя сегрегация иностранных и восточногерманских студентов в ГДР не была объявленной политикой, но она развивалась по различным причинам: иностранные студенты не хотели жить в комнатах вместе немцами, считая их стукачами, а немецкие студенты испытывали отвращение к перенаселенным общежитиям иностранцев. Студенты-иностранцы критиковали низкое качество блюд в меню столовых и неуважение их религиозных традиций питания [14, s. 181 – 187].

К третьей группе иностранцев относились лица, которые приехали работать в качестве специалистов иностранных компаний; в основном они строили промышленные предприятия в ГДР. Продолжительность пребывания контрактных рабочих (Kontraktarbeiter) была ограничена трудовым соглашением. Они временно проживали в стране и получали зарплату в марках ГДР. Их численность трудно определить точно [13, s. 273].

Самой значительной по численности была четвертая группа иностранцев-трудящихся, работающих в соответствии с договорами ГДР с иностранными государствами (ausländische Vertragsarbeiter). Появление договорных рабочих было связано с необходимостью восполнять бегство рабочих и специалистов из ГДР в ФРГ до установления Берлинской стены в 1961 г. Советский лидер Н. С. Хрущев даже предлагал направить в ГДР донецких шахтеров [2, с. 53 – 55].

Первое официальное соглашение было подписано между ГДР и Венгрией в мае 1967 г., но оно держа-

лось в тайне. Соглашение предусматривало использование труда венгерских рабочих в ГДР в течение 5 лет в количестве 16 тыс. молодых граждан Венгрии. Первый контингент из 2,5 тыс. венгров для работы в промышленности и на предприятиях общественного питания прибыл в ГДР в ноябре 1967 г. Кроме того, 5 тыс. пополнили ряды иностранцев в марте 1968 г., и 4,5 тыс. – в октябре 1969 г. [6, s. 183].

Эксперимент был признан удачным, и в 1969 г. страны СЭВ согласились подписать с ГДР соглашения о трудовой миграции. Задержку в переходе к активной иммиграционной политики эксперты обычно видят, во-первых, в опасении руководства ГДР, что страны Восточной Европы не забыли нацистскую политику насильственного «импорта» рабочих рук; во-вторых, в проведении реформы 1963 г. с целью создания эффективной «новой экономической системы»; в-третьих, в дополнительных расходах на обустройство иностранцев [9, s. 654 – 655]. В итоге, власти ГДР были вынуждены переориентироваться со стран Восточной Европы на страны «третьего мира». Об этом свидетельствуют данные на конец 1989 г.: число иностранных рабочих достигло 90591 чел., из них 59 тыс. были из Вьетнама, 15100 – из Мозамбика, 8300 – из Кубы, 1300 – из Анголы, 900 – из Китая и около 7 тыс. из Польши [6, s. 185].

Невысокие данные о числе иностранных рабочих в ГДР разительно контрастируют с ситуацией в ФРГ. Во время «экономического чуда» 1950-х гг. в Западной Германии занятость росла как из-за уменьшения уровня безработицы, так и вследствие интеграции «изгнанных с Востока» и бывших граждан ГДР, которые бежали в Западную Германию вплоть до августа 1961 г. В 1950 г. было всего около 72 тыс. иностранных рабочих в Западной Германии. В 1960 г. их число возросло до 329 тыс., из которых почти половина были итальянцами (144 тыс.). Только после возведения Берлинской стены произошло заметное увеличение притока иностранцев, поскольку западногерманские предприниматели активизировали вербовку иностранных рабочих. К концу 1964 г. общее число иностранных рабочих в Западной Германии достигло почти 1,2 млн человек (2,1 % общей численности западногерманского населения). К 1970 г. оно достигло 3 млн человек (5 процентов всего населения ФРГ). В 1973 г. в Западной Германии проживало почти 4 млн иностранцев (7 процентов населения) [7, p. 31].

Исследователи выделяют еще 2 специфические группы иностранцев в ГДР – сезонные рабочие и «нелегалы». К сезонным рабочим, как правило, относились иностранные студенты, которые принимали участие в ежегодном «Международном студенческом лете», организованном Союзом свободной немецкой молодежи (ССНМ). Кроме того, по соглашениям между ГДР и Польшей с середины 1980-х гг. польские «группы рабочих-добровольцев» помогали собирать урожай в кооперативных хозяйствах ГДР. Ответственность за их размещение и использование возлагалась на советы округов в соответствии с договором между ГДР и Польшей, подписанным в 1971 г. По приблизительным оценкам, число сезонных рабочих

составляло во второй половине 1980-х гг. от 10 до 20 тыс. человек [5, s. 22 – 23].

После введения безвизового режима ГДР с Польшей и Чехословакией в 1972 г. граждане двух соседних стран стали приезжать в Восточную Германию, чтобы работать и заниматься предпринимательством. Если эти иностранцы не попадали в отчетность Государственного секретариата по вопросам труда и заработной платы, то они фактически были «нелегалами». По оценкам секретариата в 1988 г., например, поляков насчитывалось до 10 тыс. человек, по оценкам посольства Польши в ГДР в 1989 г. было до 20 тыс. Некоторые польские источники доводят эту цифру до 100 тыс., но большинство исследователей считают ее очень завышенной [10, s. 611].

В официальной пропаганде ГДР пребывание иностранных рабочих интерпретировалось как «кооперация рабочих рук» в рамках «социалистической экономической интеграции» [16, p. 67 – 69]. Они размещались в тесных общежитиях и жестко контролировались: ночлег вне общежитий пресекался, проводились ночные облавы. Иностранные рабочие трудились в коллективах, изолированных от общения с немцами, делая тяжелую работу, на которую не соглашались граждане ГДР. Конфликты вне производства были связаны с покупкой иностранцами высококачественных дефицитных товаров с целью перепродажи на родине. Органы власти препятствовали иностранцам оформлять браки с гражданами ГДР. До 1987 г. женщины-иностранки, которые становились беременными, должны были либо делать аборт, либо возвращаться к себе на родину [19, s. 129 – 132].

Вытеснение иностранцев из публичного пространства, их скопление в общежитиях, ограничение их передвижения внутри страны, запрет на самоорганизацию, который был установлен государством, запреты на контакты с местным населением не способствовали улучшению отношений между иностранцами и гражданами ГДР. Восточные немцы воспринимали иностранцев как конкурентов в борьбе за дефицитные товары и услуги, тем более, что конкуренты, по мнению восточных немцев, якобы имели иностранную валюту, и они могли путешествовать на Запад. Поскольку ключевые правила, которые определяли положение иностранцев, например, межправительственные соглашения, руководства и протоколы не были доступны общественности, восточные немцы имели предвзятое мнение в отношении иностранцев.

Сопротивление, с которым органы власти ГДР не хотели допустить неконтролируемые межнациональные отношения, по мнению ирландского историка Д. Мак Кон Улада, было признаком расистских и ксенофобских представлений в обществе. Но режим категорически отвергал существование расистских убеждений у населения, хотя в отчетах полиции и штази зафиксировано немало случаев вербальных и физических нападениях, как правило, пьяных немцев на африканцев. Немцы критиковали даже самые невинные проступки иностранцев [14, s. 208 – 214].

Расистские предубеждения слишком долго удерживались внутри «закрытого» общества. Неудиви-

тельно, что после объединения Германии отмечался резкий рост ксенофобии в новых немецких землях. Исследователи назвали три фактора этого роста, которые были «родом из ГДР»:

1) восточные немцы соотносили иностранцев с «режимом СЕПГ», превращая иностранцев в удобную мишень для демонстрации нелояльности;

2) власти пытались построить гомогенную социалистическую нацию;

3) социальная толерантность не могла развиваться, учитывая отсутствие «культуры конфликта» в восточногерманском обществе [3, s. 327 – 333].

Вопреки официальной пропаганде об интернационализме восточных немцев, отношение населения ГДР к иностранцам характеризовалось в значительной степени нетерпимостью и враждебностью. В значительной степени это было, несомненно, следствием иммиграционной политики «режима СЕПГ», которая не позволяла открыто признать наличие конфликтов между восточными немцами и иностранцами [1, с. 55 – 61].

Конечно, восприятие иностранца как «иного» не обязательно вело к их маргинализации в восточногерманском обществе. Напротив, некоторые стороны их жизни во многих случаях способствовали усилению взаимодействию иностранцев и восточных немцев. Иностранные студенты и рабочие были посланниками внешнего мира для тех немцев, чьи представления о жизни не заканчивались на границах Восточной Германии. Хотя иностранные студенты и рабочие контактировали с восточными немцами в университетах и на производстве, взаимодействие также происходило за их пределами и вне контроля властей. Иностранцы, скорее всего, имели контакты с восточными немцами, которые не были их сокурсниками по учебе или сослуживцами по работе.

В отличие от Федеративной Республики и других стран Западной Европы, ГДР никогда не пыталась уменьшить постоянный дефицит рабочей силы за счет использования иностранной рабочей силы. Иммиграционная политика не была предметом общественного обсуждения в ГДР, поскольку находилась под полным контролем СЕПГ, которая руководствовалась, в первую очередь, идеологическими соображениями. Власти стремились избежать публичной дискуссии об иностранных рабочих, полагая, что импорт иностранных рабочих рук из других стран СЭВ противоречил официальной доктрине, согласно которой социализм предполагал наличие полной занятости. Другой характеристикой иммиграционной политики ГДР было практически полное отсутствие информации из официальных источников. В целом, пребывание иностранцев в ГДР жестко регулировалось, что усиливало недоверие восточных немцев к ним.

Литература

1. Бетмакаев А. М. Иммиграционная политика и социальная интеграция иностранцев в ГДР (1949–1990 гг.) // Дневник Алтайской школы политических исследований. № 30. Барнаул, 2014.
2. Как принималось решение о возведении Берлинской стены // Новая и новейшая история. 1999. № 2.
3. Behrends J. C., Kuck D., Poutrus P. G. Historische Ursachen der Fremdenfeindlichkeit in den Neuen Bundesländern // Fremde und Fremd-Sein in der DDR: zu historischen Ursachen der Fremdenfeindlichkeit in Ostdeutschland. Berlin, 2003.
4. Bundesministerium für Arbeit und Sozialordnung, Statistische Übersichten zur Sozialpolitik in Deutschland seit 1945. Band West. Bonn, 1999.
5. Elsner E.-M., Elsner L. Ausländerpolitik und Ausländerfeindschaft in der DDR (1949 – 1990). Leipzig, 1994.
6. Frerich J., Frey M. Handbuch der Geschichte der Sozialpolitik in Deutschland. Bd. 2. München, 1993.
7. Germans or Foreigners? Attitudes Toward Ethnic Minorities in Post-Reunification Germany / ed. by R. D. Alba, P. Schmidt and M. Wasmer. N.Y., 2003.
8. Geschichte der Sozialpolitik in Deutschland seit 1945. Bd. 8: 1949 – 1961. Baden-Baden, 2004.
9. Geschichte der Sozialpolitik in Deutschland seit 1945. Bd. 9: 1961 – 1971. Baden-Baden, 2006.
10. Geschichte der Sozialpolitik in Deutschland seit 1945. Bd. 10: 1971 – 1989. Baden-Baden, 2007.
11. Gray W. G. Germany's Cold War: The Global Campaign to Isolate East Germany, 1949 – 1969. Chapel Hill, 2003.
12. Herbert U. Geschichte der Ausländerpolitik in Deutschland. Saisonarbeiter, Zwangsarbeiter, Gastarbeiter, Flüchtlinge, München, 2001.
13. Jajesniak-Quast D. „Proletarische Internationalität“ ohne Gleichheit. Ausländische Arbeitskräfte in ausgewählten sozialistischen Großbetrieben // Ankunft – Alltag – Ausreise: Migration und interkulturelle Begegnung in der DDR-Gesellschaft. Köln, 2005.
14. Mac Con Uladh D. Studium bei Freunden? Ausländische Studierende in der DDR bis 1970 // Ankunft – Alltag – Ausreise: Migration und interkulturelle Begegnung in der DDR-Gesellschaft. Köln, 2005.
15. Müller Ch. Th. „O' Sowjetmensch!“ Beziehungen von sowjetischen Streitkräften und DDR-Gesellschaft zwischen Ritual und Alltag // Ankunft – Alltag – Ausreise: Migration und interkulturelle Begegnung in der DDR-Gesellschaft. Köln, 2005.
16. Our Socialist Friends: Foreigners in East Germany // Germany in Transit: Nation and Migration, 1955 – 2005. Berkeley, 2007.
17. Poutrus P. G. „Teure Genossen“. Die „politischen Emigranten“ als „Fremde“ im Alltag der DDR-Gesellschaft // Ankunft – Alltag – Ausreise: Migration und interkulturelle Begegnung in der DDR-Gesellschaft. Köln, 2005.
18. Poutrus P. G. Asylum in Postwar Germany: Refugee Admission Policies and Their Practical Implementation in the Federal Republic and the GDR between the Late 1940s and the Mid-1970s // Journal of Contemporary History. Vol. 49(1). January 2014.
19. Poutrus P. G. Die DDR, ein anderer deutscher Weg? Zum Umgang mit Ausländern im SED-Staat // Zuwanderungsland Deutschland. Migrationen 1500 – 2005. Berlin, 2005.
20. Uhl M. Mythos Spanien. Das Erbe der Internationalen Brigaden in der DDR. Bonn, 2004.
21. Verfassung der Deutschen Demokratischen Republik vom 6. April 1968. Режим доступа: <http://www.documentarchiv.de/ddr/verfddr1968.html>
22. Wentker H. Außenpolitik in engen Grenzen: Die DDR im internationalen System, 1949 – 1989. München, 2007.

Информация об авторе:

Бетмакаев Алексей Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул, btmkv@yandex.ru.

Alexey M. Betmakaev – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of World History and International Relations, Altai State University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

УДК 94.32 (327)

**РАСПАД АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ ВОЕННОЙ КОАЛИЦИИ НА «ДВА ЛАГЕРЯ»
И НЕМЕЦКИЕ ПИСАТЕЛИ: РОЛЬ МЕЛВИНА ЛАСКИ В ПОСЛЕВОЕННОМ БЕРЛИНЕ**

Б. Бонвеч

**THE BREAK-UP OF THE ANTI-HITLER MILITARY COALITION INTO "TWO CAMPS"
AND GERMAN WRITERS: THE ROLE OF MELVIN LASKY IN POST-WAR BERLIN**

B. Bonwetsch

В статье изучаются причины охлаждения отношений между бывшими союзниками стран антигитлеровской коалиции в ранний послевоенный период на примере первого (и последнего) «Общегерманского конгресса писателей», состоявшегося в Берлине в октябре 1947 г. После того как представители Советского союза на конгрессе осудили Запад, назвав его реакционным и милитаристским, они попросили немецких авторов встать на сторону советского «лагеря дружбы». Однако только Мелвин Ласки был готов «возразить». Он подверг критике советское правительство за жесткое давление на советских ученых и писателей, которые не следовали партийным инструкциям коммунистической партии под эгидой «ждановщины». Эти разногласия еще более увеличили растущую дистанцию между бывшими союзниками в глазах общества. До того момента союзники старались не вовлекать немцев в свои политические разногласия, так как рассматривали их как побежденных и оккупированных противников. Отныне же обе стороны стали привлекать немцев как своих будущих союзников в начавшейся Холодной войне.

The paper deals with the alienation of the former wartime allies from each other in the early post-war period with the example of the first (and last) All-German Writers' Congress in Berlin in October 1947. When Soviet representatives at the Congress condemned the West as reactionary and militaristic and asked the German writers to take side with the Soviet "Camp of Freedom", it was only Melvin Lasky who was ready to "talk back". He criticized the Soviet government for harshly disciplining Soviet intellectuals who did not obey to Communist Party instructions under the auspices of the "Zhdanovshchina". This dispute marked the growing distance between the former allies in public. Until then the allies had tried not to involve the Germans in their political differences and treat them as defeated and occupied enemies. Now both sides started to win the Germans over as future partners in the beginning Cold War.

Ключевые слова: Холодная война, культурная политика, общегерманский конгресс писателей, «возражающий».

Keywords: Cold War, cultural policies, German Writers' Congress of 1947, «talking back».

После победы в войне над Германией и Японией союзники потеряли самое главное, что их объединяло: общего противника. Совместная борьба против двух общих врагов уже с мая и, тем более, с сентября 1945 г. страдала от противоречий, которые были скрыты во время войны, но постепенно проявлялись все сильнее и сильнее. Они были очевидными как в отношениях бывших военных союзников между собой, так и в выступлениях их руководителей. Вехами на пути к углублению расхождений и тем самым к холодной войне, стали такие публичные заявления политических лидеров СССР и США как «предвыборная речь» Сталина от 9 февраля 1946 г., выступление Черчилля о «железном занавесе» от 5 марта 1946 г., провозглашение «доктрины Трумэна» в речи американского президента от 12 марта 1947 г. и доклад Андрея Жданова на конференции в Польше, посвященной созданию Коминформа 22 – 28 сентября 1947 г. Так, Трумэн существенно отошел от рузвельтовского «видения единого мира» и говорил о «двух мирах», Жданов – о «двух лагерях», на которые поделен мир. (*Примеч. авт.: Общие работы о холодной войне см. [18]. Автор сам в течение многих лет пытался осознать, как происходил переход от военного альянса к холодной войне. См. напр.,: [3; 4, s. 230 – 249]*).

Но одно дело – высказать мнение, что с Советами в принципе нельзя вести переговоры из-за идеологических разногласий, как это сделал Джорж Кеннан в своей известной «длинной телеграмме» 22 февраля 1946 г., или, что мир расколот на два лагеря, как сказал министр иностранных дел Вышинский с глазу на глаз своему французскому коллеге Катро в августе

1947 г. [17, p. 284f.]. И совсем другое дело, когда американский президент не только присутствует на выступлении Черчилля с антисоветской речью о «железном занавесе» в Фултоне 5 марта 1946 г., но и сам в том же духе 12 марта 1947 г. обращается к конгрессу с речью «All-Out», которая впоследствии войдет в историю как «доктрина Трумэна».

В той же мере ситуация, когда несколько советских газет критикуют США, отличается от того, что «второй человек» КПСС Андрей Жданов обращается в сентябре 1947 г. с антиамериканской речью к руководителям важнейших европейских коммунистических партий в г. Шрайбергау/Шклярска Поремба. Так же, как и речь Трумэна, его выступление имело программный и сигнальный характер для внешней и внутренней политики. Абстрагироваться от подобных заявлений было бы непросто. Оба заявления стали публичным выражением процессов политико-идеологической переориентации обеих стран.

Традиция разделения мира на два противоположных лагеря существовала и ранее как в США, так и в СССР. Однако во время войны благодаря перспективам союзнических отношений от нее отказались или отодвинули ее на второй план. Теперь же такое идеологически обусловленное видение двухполюсного мира снова вышло на первый план. На этот процесс также оказали влияние изменения в американской политической элите [10; 11, s. 68 – 118]. Можно предположить, что в СССР ситуация обстояла таким же образом, как и в США, но из-за специфических черт режима, восходящих к особенностям сталинского правления, это трудно подтвердить документально (*Прим. авт.: Даже*

тщательный анализ кадровых решений Сталина не может в полной мере выявить связь личности и политики) [11; 12]. Применительно к СССР речь ни в коем случае не идет о единоличном решении оголтелого догматика – Жданова, как это когда-то пытался изобразить американский историк Джон Маккаг [16]. Само собой разумеется, что понятие «двух лагерей» в большей степени возникло при непосредственном участии Сталина. Ведь упомянутое выше выступление Жданова перед коммунистическими лидерами, как стало известно позже, было разработано в ЦК ВКП(б) и с поправками одобрено Политбюро [1, с. 13 – 15].

В этой речи впервые с советской стороны публично было сказано о существовании двух лагерей, образовавшихся после войны, – «антиимпериалистического демократического лагеря под руководством СССР» и «империалистического антидемократического лагеря под предводительством США». Теперь уже речь шла не об отдельных реакционерах или реакционных кругах, которые пытались оказывать влияние на политику, а о реакционности всей внутренней и внешней политики США. С этой новой точки зрения, внутренняя политика США по отношению к прогрессивным классам была репрессивной, а во внешней политике доминировали «неприкрыто агрессивный экспансионистский курс», направленный на «достижение мирового господства американского империализма», «подчинение» или даже «порабощение» Европы посредством «плана Маршалла», гонка вооружений, «подготовка новой империалистической войны» и даже планирование наиболее реакционными представителями «превентивной войны против СССР» с целью извлечь выгоду из временной монополии на атомное оружие [12; 2, с. 16 – 43]. (Прим. авт.: Сравни также с материалами Совещания Коминформа [1, с. 152 – 169]. Жесткая критика со стороны Жданова в адрес итальянских и французских коммунистов из-за их чрезмерного внимания к парламентской тактике, его требование трезво оценивать собственные силы и не переоценивать силы империалистов не вошли в официальный протокол конференции и в опубликованную в 1948 г. версию его выступления [1, с. 297 – 302]). Внешнеполитические планы США уже без каких-либо ограничений сравнивались с аналогичными планами фашистской Германии [4; 5, с. 55 – 66].

Между прочим, в Шрайбергау не присутствовали немецкие коммунисты, так как Москва выработала особое отношение к Германии, несмотря на всю схожесть их подходов к восточноевропейской сфере советского влияния. И Германия, и Австрия, в отличие от всех остальных бывших противников в войне, формально находились в совместном управлении союзников по антигитлеровской коалиции. В качестве единой послевоенной политики в отношении Германии были предусмотрены как принципы «наказания», так и «перевоспитания» немцев в русле демократии (Прим. авт.: Насыщенное новой информацией введение см.: W. Benz (Hg.), *Deutschland unter...* [2; 3]).

Несомненно, наибольшие расхождения во взглядах на содержательные цели «перевоспитания» были у американцев и у русских. Но Контрольный совет и союзническая комендатура в Берлине представляли собой инстанции, которые все же занимались поиском

совместных решений, по крайней мере, минимально возможных, даже если при этом они руководствовались лишь нежеланием брать на себя ответственность за раскол среди союзников или даже раскол Германии.

К достижениям сотрудничества союзников в Германии относилось и то, что они публично не критиковали друг друга и не допускали критики в свой адрес с немецкой стороны. Но и в этом реальность все больше отходила от достигнутых договоренностей, особенно в том, что касалось отношения союзников к критике со стороны немцев. Возрастающий процесс эрозии альянса находил свое отражение и в публичных высказываниях обеих сторон о Германии [13; 19].

Частью этого процесса эрозии можно считать первый и, одновременно, последний Общегерманский конгресс писателей Германии, который проходил в Берлине с 4 по 8 октября 1947 г. Формально конгресс был организован Союзом защиты прав немецких авторов, входивший в объединение профсоюзов восточной зоны – ОСНП. Однако инициатором его проведения выступил Союз деятелей культуры за демократическое обновление Германии (Культурбунд) и Отдел культуры советской военной администрации (СВАГ). Однако по причинам политического характера обе организации не хотели и не должны были выступать в качестве организаторов конгресса.

Культурбунд был создан уже в июне 1945 г. по инициативе СВАГ и уже давно пользовался дурной славой, особенно у американских оккупационных властей, из-за сильных прокоммунистических тенденций и антиамериканских высказываний его ведущих представителей [8; 9]. Недовольство западных военных администраций вылилось сначала в процедурный спор, когда западные союзники потребовали от Культурбунда пройти перерегистрацию в качестве политической организации на основании постановления четырех держав от января 1947 г. Однако из-за различия в правовых позициях дело так и осталось нерешенным [14, р. 384 – 389]. Но советская сторона не хотела, чтобы из-за провокации возникла угроза проведению конгресса, и поэтому Культурбунд действовал лишь на заднем плане.

Общегерманский характер конгресса должны были подчеркнуть мероприятия как минимум в трех из четырех оккупационных секторах Берлина. Тем не менее, было очевидно, что основным местом проведения данного мероприятия станет советский сектор. Наиболее важные заседания прошли в здании «Дейчес театр» в восточном секторе, а торжественное открытие состоялось в театре им. Геббеля в Западном Берлине [7; 8, с. 48]. Собралось около 300 писателей и публицистов. Выступавшие ораторы предприняли попытки сделать выводы из прошлого для творчества писателей, причем как, внешние, так и «внутренние» эмигранты периода нацизма должны были отныне найти общие основания для будущего [14, р. 376].

Уже с самого начала проявлялись различия в позициях основных участников с Востока и Запада, особенно в отношении высказываний тех выступавших, которые вернулись из советской эмиграции, в то время как некоммунистические эмигранты оставались вне конгресса. Второй день работы конгресса добавил в дискуссию дополнительную остроту. Соответствующий тон был задан советскими представителями

на конгрессе, прежде всего в выступлении руководителя отдела культуры информационного управления СВАГ, германиста в ранге подполковника А. Л. Дымшица. Он перенес модель «двух лагерей» на современный мир немецких писателей и потребовал их участия в борьбе «нового и старого, демократии и реакции», причем решающим должно было быть то, что речь теперь шла не о счетах с прошлым, а о различиях в настоящем [7; 8, s. 51; 6; 7].

Советский драматург Всеволод Вишневский выразился во второй день конгресса еще конкретнее и заклеил «черную реакцию» на Западе, которая одержима «идеологией человеконенавистничества и милитаризма». Он также говорил о двух лагерях, на которые поделен мир, лагере реакции и лагере мира, и потребовал от немецких авторов примкнуть к лагерю мира. Советский Союз, утверждал Вишневский, не хочет ничего, кроме мира и свободы, поэтому немецкие писатели должны бороться вместе с ним плечом к плечу. Реакционные силы в Вашингтоне и Лондоне пытаются опустить железный занавес, но Советский Союз не даст себя запугать ни этими попытками, ни атомными бомбами [15, p. 17]. Другой советский делегат, писатель Борис Горбатов, высказался в таком же ключе [7; 8, s. 52].

На эти заявления с советской стороны не поступило никаких возражений от немецких деятелей культуры. Только супруга британского публициста Ева Мария Бейльсфорд, немка по происхождению, сделала критические замечания о политических отношениях в Восточном Берлине [7; 8, s. 52]. Кроме нее Гюнтер Биркенфельд, один из немецких некоммунистических организаторов конгресса, все-таки попытался найти американца или англичанина, который отреагировал бы в своем выступлении на советские выпады. Он нашел такого человека в лице 27-летнего Мелвина Ласки, малоизвестного публициста, работавшего в Берлине корреспондентом нескольких леволиберальных американских газет («New Leader», «Partisan Review»). Уже ночью Ласки подготовил возражения, которые он зачитал на немецком языке 7 октября. В своей речи он в качестве важнейшей задачи каждого писателя, издателя и даже читателя назвал защиту свободы слова во всем мире, как в Америке, так и в Европе. Без нее воцарится рабство. Далее он еще откровеннее заявил о своем понимании позиции советских писателей, которые должны придерживаться линии партии, ведь все их произведения подлежат цензуре и они будут изгнаны, если не станут воспевать пятилетний план [15, p. 17].

Эти слова вызвали волнение в зале. Но ведущий заседание Биркенфельд, который лично позаботился о том, чтобы не заявленный в программе Ласки смог выступить, принял меры, чтобы он сумел закончить свое выступление. Содержательное и открытое выступление Ласки вызвало овации части зала. Оно сделало конгресс событием в мире культуры и масс-медиа. Представители Советского Союза, которые, за исключением Дымшица, не понимали по-немецки, незамедлительно вступили в полемику после того, как им передали смысл выступления Ласки [15, p. 17]. В ответ на критику Вишневского и Горбатова Ласки, в свою очередь, указал на негативные процессы в советской культуре, искусстве и науке, которые на За-

паде называли «ждановщиной». Он упомянул судьбу Анны Ахматовой и Михаила Зощенко, постоянные притеснения режиссера Сергея Эйзенштейна и критику, которой подвергался философ Георгий Александров, автор «Истории западноевропейской философии» [7; 8, s. 53]. Что касается последнего, то никто, ни Ласки, ни другие некоммунистические участники конгресса, не знали о том, что Александров с 1940 г. возглавлял управление ЦК ВКП(б) по пропаганде и агитации и мало подходил на роль мученика диктатуры (Прим. авт.: См. описание этого сюжета в книге Gorlizki/Khlevniuk, *Cold Peace*, p. 35 – 36).

Высказывания Ласки вызвали активное противодействие с советской стороны. Валентин Катаев полемизировал вечером 7 октября в течение 20 минут с «совершенно неизвестным американским автором», говорил о «воплощенном поджигателе войны», назвал все сказанное «ложью» и не испугался сравнения с пропагандой «покойного д-ра Геббельса» [7; 8, s. 55]. Остальные советские авторы вторили Катаеву и доводили свое описание процессов в научной и культурной жизни Советского Союза до гротеска. Офицер от культуры Дымшиц не постеснялся описать Ласки в статье в газете „Tägliche Rundschau“ как «человека с отталкивающей внешностью», который хочет разжечь новую войну» [7; 8, s. 55].

Речь не идет о том, чтобы детально показать полемику советских, американских и английских авторов на конгрессе, или о том, чтобы опровергнуть и оценить приведенные кем-либо ложные или искаженные факты. Обе стороны вели острую полемику и не были готовы критически взглянуть на собственную страну, однако активно обличали ситуацию в другом государстве. Вероятно, советские участники делали это с не меньшей убежденностью, чем Мелвин Ласки. Разница заключалась в том, что первые, вероятно, делали это не без давления сверху или без опасения последствий в случае их молчания, в то время как американец вступил в дискуссию по собственному почину.

На конгрессе стало очевидным, что холодная война достигла области внутренней политики и сферы культуры обеих мировых систем и отрицательно сказывалась на межгосударственных отношениях. Конечно, не стоит ставить знак равенства между ситуацией в Советском Союзе в период «ждановщины» и обществом в США в период Комитета по антиамериканской деятельности (Committee on Un-American Activities) и Джозефа Маккарти. Однако внутривнутриполитические коллизии в США выглядели относительно мягкими только на фоне «ждановщины». Если рассматривать их в самостоятельном развитии, то они выглядели достаточно пугающими. При этом самым страшным было то, что в основе этих отношений лежало не принуждение со стороны государства, а давление со стороны общества, и при этом оказывалась разрушенная жизнь многих людей. Основное различие между данными процессами заключается в том, что американскому обществу после нескольких лет антикоммунистической «травли собаками», как ее описал, опираясь на источники, Артур Миллер в своей пьесе 1953 г. „The Crucible“, удалось собственными силами освободиться от этого безумия (Прим. авт.: Немецкий термин „охота на ведьм“, о котором в действительности шла речь у Миллера и под которым вышел пере-

вод его пьеса в Германии, отражает суть процесса лучше, чем английское словосочетание).

Для ситуации в расколотом Берлине и разделенной Германии было важным, что вражда, возникшая между советскими писателями и американским журналистом, молниеносно высветила поворот в публичных отношениях союзников друг с другом и в их отношении к немцам. Он еще не завершился, но уже в достаточной степени оформился как переход от планировавшейся сторонниками Рузвельта попытки радикального демократического «перевоспитания» немцев совместно с союзниками – к политике «переориентации» немцев на западные, антитоталитарные ценности. Среди них свое место снова должна была найти и либеральная немецкая традиция. Одновременно это был переход к односторонней антикоммунистической политике, которая неизбежно оказалась направленной исключительно на немцев за пределами советской сферы влияния [9; 10, р. 3 – 4].

В немецких СМИ на Западе и Востоке, хотя и упоминался спор, вызванный выступлением Ласки, при освещении конгресса акцент делался не на конфликтах, а на объединяющих моментах. Самому Ласки по окончании конгресса неоднократно приходилось слышать, что его полемика, направленная против Советского Союза, не соответствовала официальной линии американской политики [7; 8, s. 60]. Американские официальные лица в Германии и, соответственно, в Берлине имели различные мнения по этому вопросу. В них отражались имевшие место в самих США споры о послевоенном курсе в отношении Советского Союза и, соответственно, о путях практического разрешения германского вопроса.

Однако старые приверженцы сотрудничества с Советским Союзом, так называемые левые сторонники «нового курса», уже давно сдали свои позиции. Их шаг за шагом устранили с ключевых постов или лишили влияния, как, например, Рут Норден на радиостанции РИАС в Западном Берлине [10; 11, s. 126 – 127]. К этому времени уже с трудом можно было представить себе, чтобы представители оккупационной администрации США ради взаимопонимания с Советами всерьез могли бы поднять вопрос об удалении Ласки из Берлина [7; 8, s. 60; 6, р. 4]. Ведь именно тем, кто хотел изменить этот курс, Ласки казался подходящий кандидатурой для достижения намеченных целей. Ему был присущ не только антикоммунистический, но и антитоталитарный настрой, то есть он был также нетерпимым и по отношению к немцам с нацистским прошлым [9; 10, р. 7]. В США, прежде всего в Нью-Йорке, у него были обширные контакты среди интеллектуалов из числа правых сторонников «нового курса», а в Берлине и, соответственно, в Германии, он общался с такими социал-демократическими политиками, как Эрнст Рейтер, с которым у него были отличные отношения.

Американский военный губернатор генерал Клей и его политический советник Роберт Мерфи прежде всего видели в Ласки орудие явного перевода американской пропаганды от демократической – *Re-education* к антитоталитарной – *Re-orientation*. Американская концепция демократического перевоспитания изначально во многом совпадала с советской концепцией «антифашистского консенсуса», сторонником

которой был и немецкий Культурбунд. Связующим звеном обеих концепций было представление о коллективной вине немцев.

Но еще до писательского конгресса это единодушие все больше и больше терялось из-за изменений внутри США и Советского Союза. И конгресс дал существенный толчок к окончательному разрыву [10; 11, s. 142 – 143].

В последний день его работы, 8 апреля 1947 г., американская администрация поставила Культурбунду ультиматум: в том случае, если он не пойдет на перерегистрацию, его деятельность в американском секторе Берлина будет запрещена с 1 ноября 1947 г. Поскольку соответствующая заявка так и не была подана, запрет вступил в силу. Британский комендант распространил его и на свой сектор Берлина. Незадолго до этого генерал Клей публично заявил, что американская администрация не будет хранить молчание по поводу антиамериканских выпадов в советской оккупационной зоне [14, р. 384]. Отныне ответы будут следовать в том же тоне («Talk Back»). С учетом уменьшающейся готовности обеих сторон избегать конфликтов представляется интересным, что, как показали исследования Анне Хартманн и Вольфрама Эггелинга, Культурбунд хотел подать заявку западным оккупационным властям на перерегистрацию, но этому воспрепятствовала советская администрация [7; 8, s. 41 – 46; 14, р. 384].

Организационно операция «Talk Back» была поручена новой структуре «Political Information Branch». В первую очередь, речь шла о завоевании влияния среди немецких социал-демократов, так как именно они считались главными противниками нацистского режима [10; 11, s. 145 – 148]. Наиболее существенным инструментом для достижения данной цели стало создание журнала «Монат» как претенциозного интеллектуального органа пропаганды. Проект получил конкретные очертания весной 1948 г. Вся содержательная и организационная подготовка легла на плечи Мелвина Ласки, уже проявившего себя выступлением на конгрессе писателей. Внутри американской администрации сохранялись разногласия по этому поводу, поскольку левые сторонники «нового курса» опасались, что антикоммунистическая пропаганда будет мешать переориентации немцев на западные ценности. Но при поддержке Клея и полковника Текстера, возглавлявшего в Берлине ведомство по информационному контролю, была реализована предложенная Ласки концепция журнала. Его первый номер вышел в октябре 1948 г. [10; 11, s. 151 – 153].

Блокада Берлина советскими войсками (25 июня 1948 – 12 мая 1949 гг.) в значительной мере усилила антикоммунистические и антитоталитарные акценты публикаций журнала. Кроме того, успех «Моната» был обусловлен участием в нем самого Ласки и широкого круга его друзей и знакомых в Америке и Германии. Конфликт вокруг Университета Фридриха Вильгельма и создание «Свободного Университета» в Западном Берлине в декабре 1948 г. также способствовали утверждению авторитета журнала в интеллектуальной среде [10; 11, s. 155 – 158]. Хотя «Монат» являлся американским органом пропаганды, но среди его авторов были самые разные люди: бывшие коммунисты, буржуазные левые и либералы, католические, протес-

тантские и атеистические деятели – все они публиковались в «Месяце»: Джордж Оруэлл, Артур Кестлер, Франц Боркенау, Манес Шпербер, Рихард Левенталь, Раймонд Арон, Ханна Арендт, Томас Манн, Игнацио Силоне, Ханс Заль, Макс Фриш, Т. С. Элиот, Сол Беллоу, Милован Джилас, Альбер Камю, Жан Поль Сартр, Людвиг Маркузе, Карл Ясперс, Герман Кестен, Вальтер Лакер, Фритц Рене Алеман и многие другие. Журнал фактически стал справочником «Who is Who» в интеллектуальной элите, прежде всего, европейской.

Позже, в середине 60-х годов издание было скопрометировано просочившейся информацией о том, что его отчасти финансировало ЦРУ. Дотации со стороны ЦРУ осуществлялось только с 1958 г. и можно утверждать, что это не отразилось на качестве материалов. К этому времени Мелвин Ласки переехал в Лондон, где сотрудничал в журнале «Encounter», в финансировании которого также принимало участие ЦРУ

[20]. Хотя это обстоятельство достойно сожаления, не следует забывать, что Мелвин Ласки, сын польско-еврейских эмигрантов в США, был антикоммунистом в силу своего антитоталитарного настроя и задолго до того, как ЦРУ стало финансировать «Монат».

В 1988 г. Ласки вернулся в Берлин и оставался там до конца своих дней. Он все еще живо интересовался послевоенным временем и работой Отдела культуры СВАГ. Так мы и познакомились, хотя общение проходило исключительно по телефону и по переписке. В то время я работал над изданием документов об Управлении информации СВАГ, а он надеялся узнать что-то новое о том, что происходило в те времена вокруг конгресса писателей. К сожалению, я не смог ему помочь, но я сохранил воспоминание о нем как об очень живом и любопытном, в лучшем смысле этого слова, деятеле недавнего прошлого. Он скончался в 2004 г. в возрасте 84 лет.

Литература

1. Адибеков Г. М. Как готовилось первое совещание Коминформа // Совещания Коминформа 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998.
2. Информационная конференция представителей коммунистических партий в Польше в конце сентября 1947 года. М., 1948.
3. Benz W. (Hg.), Deutschland unter alliierter Besatzung 1945 – 1949/55. Berlin, 1999.
4. Bonwetsch B. Kalter Krieg als Innenpolitik. Zu innenpolitischen Bedingungen des Ost-West-Konflikts nach 1945. In: F. Quarthal, W. Setzler (Hg.), Stadtverfassung, Verfassungsstaat, Pressepolitik. Sigmaringen, 1980.
5. Bonwetsch B. Das sowjetische Amerika-Bild. Von der Kriegscoalition zum kalten Krieg 1945 – 1960. In: Hans-Hermann Hertle u. a. (Hg.), Mauerbau und Mauerfall. Ursachen, Verlauf, Auswirkungen. Berlin, 2002.
6. Coleman P. The Liberal Conspiracy. The Congress for Cultural Freedom and the Struggle for the Mind of Post-war Europe. London, 1989.
7. Dymshiz A. L. Ein unvergeßlicher Frühling. Berlin, 1970.
8. Hartmann A. Eggeling W. Sowjetische Präsenz im kulturellen Leben der SBZ und frühen DDR 1945 – 1953. Berlin, 1998.
9. Heider M. Politik-Kultur-Kulturbund. Zur Gründungs- und Frühgeschichte des Kulturbundes zur demokratischen Erneuerung Deutschlands. Köln, 1993.
10. Hochgeschwender M. The Intellectual as Propagandist. Der Monat, the Congress for Cultural Freedom, and the Process of Westernization in Germany. Режим доступа: www.dhi-dc.org/conpotweb/westernpapers/hochgeschwender.pdf
11. Hochgeschwender M. Freiheit in der Offensive? Der Kongreß für kulturelle Freiheit und die Deutschen. München, 1998.
12. Gorlizki Y., Khlevniuk O. Cold Peace. Stalin and the Soviet Ruling Circle, 1945 – 1953. Oxford, 2004.
13. Koszyk K. Pressepolitik für Deutsche 1945 – 1949. Berlin, 1986.
14. Pike D. The Politics of Culture in Soviet Occupied Germany, 1945 – 1949. Stanford, 1992.
15. Lasky M. Thank you! Thank you! – TIME Magazine, 20.10.1947.
16. McCagg J. Stalin Embattled 1945 – 1948. Detroit, 1978.
17. Rothwell V. Britain and the Cold War 1941 – 1947. London, 1982.
18. Stöver B. Der Kalte Krieg. Geschichte eines radikalen Zeitalters 1947 – 1991. München, 2007.
19. Strunk P. Zensur und Zensoren. Medienkontrolle und Propagandapolitik unter sowjetischer Besatzungsherrschaft in Deutschland. Berlin, 1996.
20. Zur Geschichte des „Monat“. Marko Martin (Hg.), Fenster zur Welt. Die Zeitschrift „Der Monat“ – Beiträge aus vier Jahrzehnten. Weinheim, 2000.

Информация об авторе:

Бонвеч Бернд – доктор исторических наук, профессор, Первый директор Германского исторического института, Москва, bernd@bonwetsch.de.

Bernd Bonwetsch – Doctor of History, Professor, First Director of German Historical Institute, Moscow.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

УДК 94 (430)(085)

О СПЕЦИФИКЕ РЕКРУТИРОВАНИЯ ЭЛИТ НА ПОСТ РЕЙХСМИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
В ПЕРИОД ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ*Т. В. Евдокимова*ON THE SPECIFICITY OF ELITES RECRUITMENT TO THE POST OF REICH MINISTER
OF FOREIGN AFFAIRS IN THE PERIOD OF THE WEIMAR REPUBLIC*T. V. Evdokimova*

В статье анализируется состав рейхсминистров иностранных дел Веймарской республики, особенности его формирования и эволюция. Делается вывод о том, что в Веймарский период предпринимались шаги для преобразования руководства внешнеполитического ведомства из закрытой элиты в открытую, которая стремилась осуществить ревизию Версальского договора исключительно мирными средствами.

The paper analyzes the selection of Reich Ministers of Foreign Affairs of the Weimar Republic and the peculiarities of its formation and evolution. It also makes a conclusion that during the period of the Weimar Republic the steps were taken to convert foreign ministry authorities from the closed to the open elite which sought to carry out the revision of the Versailles Treaty exclusively by peaceful means.

Ключевые слова: Веймарская республика, рейхсминистр иностранных дел, Версальский договор, аристократия, функциональная элита партийность.

Keywords: Weimar Republic, Reich Minister of Foreign Affairs, Versailles Treaty, aristocracy, functional elite, party belonging.

Среди правящей политической элиты Веймарской республики наиболее консервативную часть составляли представители дипломатической элиты. Она всегда рассматривала внешнеполитическое ведомство как нечто совершенно отличное от других министерств, стремясь сохранить преемственность и традиции периода кайзеровской Германии [5]. Вместе с тем итоги Первой мировой войны и революции 1918 – 1919 гг. требовали реформирования организационных структур; реализации внешнеполитического курса, адекватного вызовам времени; создания профессионального дипломатического корпуса с учетом тех социальных подвижек, которые произошли в обществе [7]. При этом большая ответственность возлагалась на рейхсминистров иностранных дел, которые стояли во главе внешнеполитического ведомства. Трансформация и особенности формирования их состава находятся в центре внимания данной статьи.

Появление поста рейхсминистра иностранных дел было связано с принятием Веймарской конституции 1919 г., которая установила новые правовые рамки отношений дипломатов с новыми политическими структурами. Конституция наделила рейхспрезидента большими полномочиями при проведении внешнеполитического курса (ст. 45). Рейхсканцлеру, которого назначал рейхспрезидент, она предоставила право устанавливать руководящие линии в политике (ст. 56). Каждый рейхсминистр, в том числе рейхсминистр иностранных дел, назначаемый и увольняемый по предложению рейхсканцлера рейхспрезидентом, имел право самостоятельно ведать вверенной ему отраслью в рамках положений руководящей линии рейхсканцлера, неся ответственность перед рейхстагом (ст. 56). Таким образом, рейхсминистр иностранных дел обладал определенной самостоятельностью, но при этом зависел от рейхспрезидента и рейхсканцлера. В Веймарской республике правительственные кабинеты сменялись чаще, чем главы внешнеполити-

ческого ведомства: на 20 кабинетов приходилось 12 рейхсминистров иностранных дел [4]. Немаловажным был и тот факт, что именно «на долю внешней политики выпала несчастливая интегрирующая функция по объединению расколотого германского общества» (П. Крюгер).

Эту функцию успешно осуществил Густав Штресман, который использовал имевшийся в конституции дуализм между плебисцитарно-президентской службой и парламентско-канцлерской. Частая сменяемость рейхсканцлеров и их зависимость от рейхспрезидента при наличии сильной личности в лице Густава Штресмана привела к доминированию рейхсминистра иностранных дел в области внешней политики. Он последовательно осуществлял свою внешнеполитическую программу, находясь в согласии первоначально с курсом рейхспрезидента Фридриха Эберта, а затем и Пауля фон Гинденбурга, практическая деятельность которых была больше ориентирована на реализацию внутренней политики. Период пребывания Штресмана во главе внешнеполитического ведомства 1923 – 1929 гг. – самый плодотворный период с точки зрения стабилизации международного положения Германии: подписание плана Дауэса и Юнга, Локарнских соглашений, вступление Германии в Лигу наций. Примечательно, что успехи германских дипломатов в период Веймарской Германии пришлись именно на «эпоху Штресмана». Наблюдался «расцвет новых талантов на дипломатической службе» [8, s. 116]. Из консервативных аристократических слоев вышли такие дипломаты, как Леопольд фон Хоеш, посол в Париже 1923 – 1932 гг. и до 1936 г. включительно – в Лондоне (им восхищался Р. Пуанкаре); доктор Вильгельм Зольф, находившийся 8 лет на дипломатической службе в Японии. Среди представителей молодого поколения можно назвать Рудольфа Надольного, первого посла в Турции; Ульриха фон Хасселя, впоследствии посла в Риме, Випер-

та фон Блюхера, позже занимавшего пост посла в Хельсинки при Гитлере. На дипломатическую службу пришли также лица, занимавшиеся ранее государственной и политической деятельностью. К числу выдающихся дипломатов можно отнести Фридриха фон Штамера, бывшего обер-бургомистра Гамбурга, который служил в Лондоне в 1920 – 1929 гг. и многое сделал, по оценке Штреземана, для укрепления германо-английских отношений. Адольф Мюллер, посол в Берне 1920 – 1933 гг., способствовал вступлению Германии в Лигу наций. Ульрих Раушер представлял интересы Германии в Варшаве в 1922 – 1930 гг., Адольф Кестер – в Риге и Белграде.

Однако в истории Веймарской Германии имелись и другие примеры реализации прав, предоставленных конституцией, руководству страны в области внешней политики. Так при подписании Рапалльского договора с Советской Россией 1922 г., рейхсканцлер Й. Вирт и рейхсминистр иностранных дел В. Ратенау не согласовали свои позиции с рейхспрезидентом, который узнал об этом только на третий день после подписания. Эберт был возмущен заключением договора, так как, по его мнению, рейхсканцлер и рейхсминистр иностранных дел без его ведома приняли такое решение и тем самым поставили под вопрос его конституционные полномочия. Это была не единственная причина недовольства Эберта. Являясь западником, он расценил договор как «политическую ошибку» [1, с. 198 – 199], которая могла воспрепятствовать получению Германией возможных кредитов со стороны стран Запада. Про-советски настроенный Й. Вирт, также дважды занимавший пост рейхсминистра иностранных дел, считал, что он не вышел за рамки конституции и исполнял свое конституционное право определять политический курс, особенно в области внешней политики. Являясь школьным учителем, Й. Вирт относился к новому поколению дипломатов, появившихся вследствие изменения принципа рекрутирования дипломатического корпуса под влиянием революции.

До этого госсекретари внешнеполитического ведомства кайзеровской Германии, преимущественно являлись выходцами из дворянской среды. Этой традиции стремились придерживаться и в годы Веймарской республики. Из 12 рейхсминистров иностранных дел пятеро прошли кайзеровскую дипломатическую службу. В первую очередь, речь идет об Ульрихе графе фон Брокдорф-Ранцау [6, с. 45 – 46], который, находясь на дипломатической службе с 1894 г., работал в Брюсселе, Санкт-Петербурге, Вене, Будапеште. С 1912 г. являлся посланником в Копенгагене: не без его влияния в годы Первой мировой войны Дания заняла нейтральную позицию. С 1917 г. его кандидатура была выдвинута на руководство МИДом, но отклонена Э. Людендорфом. Вальтер Симонс [6, с. 314 – 315] в 1905 – 1911 гг. занимал пост тайного советника посольства и юрисконсульта в юридическом отделе министерства иностранных дел. Ф. Розен [10, с. 734], выдающийся знаток Востока и переводчик, находился на дипломатической службе в Бейруте, Тегеране, Багдаде, Иерусалиме. С 1901 г. работал в политическом отделе МИДа, с 1904 г. являлся тайным советником посольства. Был посланником в Тегеране (1905), Бу-

харесте (1910), Лиссабоне (1912), Гааге (1916 – 1920). Фридрих фон Розенберг [10, с. 735] поступил на дипломатическую службу в 1903 г. В 1905 – 1906 гг. стал вице-консулом в Антверпене, в 1906 – 1918 гг. – помощником, референтом на дипломатической службе, в 1920 – 1922 гг. – посланником в Вене, Копенгагене. Барон Константин фон Нойрат [6, с. 238 – 239] находился на службе в министерстве иностранных дел с 1901 г.; в 1914 – 1916 гг. был в Константинополе. В 1917 г. – ушел со службы на почве деловых разногласий.

Назначение на пост рейхсминистра иностранных дел лиц, не имевших отношения к дипломатической службе в период кайзеровской Германии, рассматривалось как отступление от традиций. Кроме того, до этого дипломаты были политически не ангажированными, то есть не принадлежали ни к какой политической партии. В Веймарской республике дипломатическая элита стала формироваться как открытая, и источники рекрутирования были связаны не только с происхождением, как было до этого, но также и с его личными качествами. Прежде всего, это относилось к Герману Мюллеру, рейхсминистру иностранных дел в кабинете Г. А. Бауэра. Он являлся опытным дипломатом среди германских социал-демократов в области установлении межпартийных контактов и поддержании международных связей. Накануне Первой мировой войны, в период июльского кризиса, Г. Мюллер поехал в Париж с целью объединения усилий германских социал-демократов и французских социалистов для проведения совместных акций протеста против предоставления военных кредитов. Через 5 лет, по иронии судьбы, Г. Мюллер поехал вновь в столицу Франции для того, чтобы скрепить своей подписью Версальский договор. По оценке современника Э. Домбровского, «Г. Мюллер должен был закрыть образовавшуюся брешь. Он должен был взять на себя внешнеполитическое ведомство, хотел он этого или нет. Не нашлось никого другого, кто бы в последний критический момент решился бы взвалить на свои плечи бремя мира после войны» [14, с. 148].

Впоследствии именно Г. Мюллер выступил в поддержку Адольфа Кестера при назначении на пост рейхсминистра иностранных дел. Это был второй социал-демократ, занимавший данный пост, представленный рейхспрезиденту в качестве «квалифицированного специалиста в области деловых отношений». Особенность его рекрутирования состояла в том, что пост главы внешнеполитического ведомства занял человек, не сделавший дипломатической карьеры и получивший его в силу принадлежности к партии, являвшейся ядром политической системы в целом. В ответ на упрёки оппозиции, что Кестер не имеет «специального образования» (однако, проблема заключалась не в отсутствии профессиональной подготовки, а в фактическом требовании проведения политики, ориентированной на отказ от выполнения условий Версальского договора), Мюллер предложил оппозиции назвать другого кандидата на пост рейхсминистра иностранных дел, который бы удовлетворил страны Запада, заявившие протест в связи с тем, что в их столицах на руководящих постах в германских посольствах находились те же лица, которые были и

до начала Первой мировой войны. Важным аргументом было и то обстоятельство, что такие политические деятели, как А. Мильеран, Д. Ллойд Джордж, Ф. С. Нитти и др., не сделали дипломатической карьеры. Защиту А. Кестера Мюллер закончил требованием признать – в качестве главного принципа – выбор на руководящие должности не на основе происхождения, а на основе достижений и успеха кандидата [12, s. 55]. Среди германских дипломатов такие люди воспринимались как «аузензайтеры», то есть «посторонние».

Ревизия Версальского договора являлась главной задачей всего дипломатического корпуса, который считал себя ответственным за решение репарационного вопроса, важного для всей Германии и для каждого немца; за преодоление кризиса идентичности немцев, аналогичного тому, который пережили французы после войны 1870 – 1871 гг. Старшее поколение дипломатов отказалось подписывать Версальский договор: ушел в отставку Симонс, возглавлявший германскую делегацию на Парижской мирной конференции; отказался принять условия договора первый рейхсминистр иностранных дел Веймарской Германии Брокдорф-Ранцау. Подписание Германией Версальского договора стало личной трагедией Брокдорфа-Ранцау. Ему принадлежали слова: «От нас требуют признать, что мы одни виноваты в начале войны; признание такого факта в моих устах было бы ложью» [2, с. 159]. Сам Брокдорф-Ранцау считал, что он после Версаля уже не жил и скажет, умирая: «Я умер еще в Версале» [16, s. 102].

Новое поколение германских дипломатов, понимая важность данного шага, подпишет Версальский договор. «В Версале Мюллер вел себя просто и достойно. Никаких интервью. Никакой внешней позы. Ничего. Вместе в Белом он вступил в великолепный Зеркальный зал, где собрались все знаменитый главы Антанты на показательный суд, скромным жестом отклонил парадную ручку (*до этого его подписали договор Ллойд Джордж и Клемансо – от Т. Е.*) ...вытащил из своего кармана авторучку и поставил свою подпись под документом» [26, s. 135] – констатировал современник. По мнению „Deutsche Allgemeine Zeitung“, при этом Г. Мюллер проявил стойкость и твердость характера, которые не были упрямством [11]. Он сделал своевременные уступки, которые являлись не слабостью, а верной оценкой сложившегося соотношения сил и базой для ведения дальнейших переговоров.

Дипломаты старшего поколения болезненно переживали происходившие изменения, в то время, как представители молодого поколения, не принадлежавшие к бюрократическому руководству кайзеровского рейха и хорошо образованные, успешно включились в процесс, чувствуя себя уверенными по отношению к новичкам и «аузензайтерам». Примером могут служить молодые статс-секретари, благодаря которым сохранялось стабильное положение во внешнеполитическом ведомстве. Современники выделяли «всегда ловкого, проворного и любезного господина» Ханиеля фон Хаймхаузена, совладельца семейного землевладения Хоффнунг-хюте; барона фон Мальцана [6, s. 215 – 216], которого сокращенно звали «Аго»

(Адольф Георг Отто); фон Шуберта, внука крупного промышленника Саарланда» [15, s. 41].

Появление Вальтера Ратенау в составе правящей политической элиты Веймарской Германии на уровне рейхсминистра иностранных дел знаменовало значительную демократизацию процесса элитообразования. Во главе германского внешнеполитического ведомства встал еврей. Революция в Германии открыла перед ним новые перспективы, хотя первоначально он критически относился к новой власти, в частности отклонил подписание Версальского мирного договора. С лета 1920 г. В. Ратенау стал сторонником республики. Он вошел в состав второй комиссии по социализации, стал рейхсминистром по восстановлению и, наконец, в январе 1922 г. получил предложение возглавить внешнеполитическое ведомство [16]. В. Ратенау в ответ на слова, «что еврей ни при каких обстоятельствах не может представлять другой народ», заявил, что он является «подходящей фигурой для этой должности» и что он «выполнит свой долг по отношению к немецкому народу». «Я разрушу барьеры, – продолжал он, – с помощью которых антисемиты хотят нас изолировать». «И почему он не может повторить то, что сделал Дизраэли?» [17, s. 80 – 81].

Появление В. Ратенау на посту рейхсминистра иностранных дел сигнализировало и о другой особенности рекрутирования политической элиты веймарской германии – о возрастающей роли экономического фактора во внешнеполитической деятельности. В. Ратенау, ведущий менеджер в правлении аэг (allgemeine elektricitats gesellschaft – всеобщая электрическая компания), состоял в 86 наблюдательных советах германии и в 21-ом за границей [8, s. 71], имел тесные экономические связи с Великобританией и США. Ратенау был известен как сторонник политики взаимопонимания с Западом. Рейхсканцлеру Й. Вирту, проводившему курс «политики выполнения» условий версальского договора, для подготовки к конференции в генуе был необходим надежный союзник, который бы вызывал доверие со стороны запада [19, s. 151].

Творческие способности, которыми обладал В. Ратенау, позволили ему проявить в дипломатии те качества, которые характеризовали его как государственного человека, который «обладал способностью представить то, что еще не произошло» [27, s. 22]. И все же, говоря о специфике рекрутирования В. Ратенау в состав элиты в качестве рейхсминистра иностранных дел, следует подчеркнуть, что он не являлся природным руководителем внешнеполитического ведомства. Для него главным и решающим фактором развития являлась экономика [27, s. 113], через призму которой он смотрел на окружающий мир в целом, и на свою деятельность, в частности. Достаточно спорным являлось его собственное выражение, что он «мог привести в движение служебную машину» [24, s. 869]. Стремясь самому все контролировать и брать на себя самые сложные проблемы, он превратил свою должность в тяжелую ношу. В начале апреля 1922 г. он заявил английскому послу д. Абернону, «что он не имел никакого представления, насколько тяжелой является эта профессия [дипломата]; с тех пор, как он стал рейхсминистром, он никогда не шел спать рань-

ше трех часов ночи» [9, s. 320]. Как оказалось, внешнеполитическим ведомством нельзя было руководить, как промышленным концерном.

Вальтер Ратенау, находясь на посту рейхсминистра иностранных дел, продемонстрировал коренное отличие своего внешнеполитического курса от германской дипломатии XIX в. Если Мальцан, исходя из образцов кайзеровской Германии, стремился к Ренессансу Германии как великой державы, то В. Ратенау – к европейскому объединению как основы для разрядки в Европе и для решения Германией репарационного вопроса. Он «думал глубоко патриотично в духе своего времени как немецкий еврей» [17, s. 291], однако националисты посчитали данный шаг предательством интересов Германии. 24 июня 1922 г. В. Ратенау был убит.

Среди политических партий на руководство внешнеполитической сферой Веймарской Германии претендовала Германская народная партия, что осуществлял длительный период рейхсминистр иностранных дел Густав Штретземан. Реальный взгляд на вещи и политическая гибкость Штретземана дали основание английскому послу Д'Абернону подчеркнуть главный аспект «бриллиантовой дипломатии» Штретземана – то, как Германия поднялась «из положения побежденного и разоруженного врага и заняла равноправное положение, в котором она добилась полного признания как великой державы и международной гарантии своих границ» [8, s. 91]. Подчеркивая, что «дипломатия это вопрос компромисса» [8, s. 90], Штретземан «не боялся быть непопулярным». Формируя внешнеполитический курс, Г. Штретземан умел дистанцироваться от партийно-политических догм [29], опереться на дипломатический корпус, стремился найти поддержку среди масс и партий [28, s. 221].

Назначение Ю. Куртиуса [6, s. 56] на пост рейхсминистра иностранных дел во втором кабинете Мюллера (после смерти Г. Штретземана) рассматривалось как фактор преемственности во внешней политике Германии. У Куртиуса не было своей собственной внешнеполитической концепции, он следовал традициям Штретземана, который не противопоставлял такие понятия как «взаимопонимание» и «ревизия», а рассматривал их как единое целое. Не обладая «политической креативностью» Штретземана, Куртиус провозгласил умеренный, эволюционный «переговорный ревизионизм». В условиях наступления «национальной оппозиции», сопровождавшейся ростом голосов НСДАП на выборах 1930 г., Куртиус оказался перед решением сложной дилеммы, связанной с проблемой выживания Германии и ее внешнеполитическими возможностями. С одной стороны, от него требовали проведения «национально окрашенной внешней политикой» Германии, а с другой, он осознавал необходимость учета интересов западных стран, чтобы уменьшить изоляцию Германии. Куртиус оказался между ревизионистским взаимопониманием Штретземана и ревизионистским принуждением крайне правых сил. В конце концов, на первое место выступили германские интересы, а кооперирование усилий по поиску согласованных решений с другими странами отступило на второй план.

В условиях существования «президиальных кабинетов» германская внешняя политика отступила от

таких принципов политики Штретземана, как ревизия Версальского договора только мирными средствами, поиск сотрудничества на широкой основе различных политических сил. Национальная оппозиция добилась свержения Куртиуса, и вместо него пост рейхсминистра иностранных дел занял рейхсканцлер Г. Брюнинг. Это был последний партийный рейхсминистр иностранных дел.

В период своего канцлерства Брюнинг, несомненно, думал не о быстром преодолении кризиса [21; 22], а о политическом использовании беспримерного кризиса. Рейхсканцлер хотел с помощью документов доказать преданность Германии репарационным обязательствам, а с другой стороны, – невозможность нести дальше тяжелое бремя репараций. Брюнинг подчинил экономическую политику своей ревизионистской внешней политике. Он видел в мировом экономическом кризисе не катастрофу, а шанс. Брюнинг хотел вернуться к германскому рейху, существовавшему до Первой мировой войны. Это означало ликвидацию Версальского договора и завоевание позиций крупной независимой державы в срединной Европе, восстановление конституционной монархии Гогенцоллернов. Брюнинг надеялся на то, что «из болезни может сделать оружие», которое откроет Германии мирный путь к разрушению Версальского договора. Согласно планам Брюнинга, лишь после того, как Германия вновь добудет свой независимый авторитет и займет в Европе позицию великой державы [18; 20], последует экономическое выздоровление. Он рассчитывал на восстановление экономики лишь с 1935 г., а до этого времени германскому народу было необходимо приносить жертвы. Однако, «ожидания такого рода противоречили всем законам психологии» в условиях катастрофического роста безработицы, роста цен, режима экономии [13, s. 212].

Таким образом, говоря о германских дипломатах Веймарской республики как об элите, можно констатировать переход элиты, имевшей привилегированную профессию в силу социального происхождения, к функциональной элите и элите успеха без специального дипломатического образования и опыта. Однако первоначально осуществлявшийся принцип формирования открытой элиты постепенно сменялся принципом закрытой элиты. Последний рейхсминистр иностранных дел Константин фон Нойрат являлся выходцем из древнего дворянского рода земли Вюртемберг, давшего нескольких рейхсминистров. Между графом У. фон Брокдорфом-Ранцау, который сотрудничал с демократической властью, но отказался от подписания Версальского договора, и бароном К. фон Нойратом, придерживавшимся ревизии Версальского договора насильственными средствами и оставшимся в правительстве А. Гитлера [25], находился этап ревизии Версальского договора мирными средствами с помощью «политики выполнения», «взаимопонимания», «эволюции». Аристократия решила вновь взять на себя руководство, но уже без опоры на демократические принципы власти. Анализ состава рейхсминистров иностранных дел свидетельствует также о том, что руководство внешнеполитического ведомства возвратилось к принципу надпартийности как важному элементу эволюции дипломатического корпуса в конце Веймарского периода.

Литература

1. Артемов В. А., Кардашова Е. В. Фридрих Эберт – первый президент Германии. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001.
2. История дипломатии. М.: Госполитиздат, 1965. Т. 3.
3. РАВИ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 490. Л. 7.
4. Auswärtiges Amt (Hrsg.). Biographisches Handbuch des deutschen Auswärtigen Dienstes 1871 – 1945. 5 Bde. Paderborn: Verlag Ferdinand Schöningh, 2000 – 2014.
5. Auswärtiges Amt (Hrsg.). Die Außenpolitik der deutschen Länder im Kaiserreich. Geschichte, Akteure und archaische Überlieferung (1871 – 1918). Beiträge des wissenschaftlichen Kolloquiums zum 90. Gründungstag des Politischen Archivs des Auswärtigen Amtes am 3. August 2010. München: Oldenbourg, 2012.
6. Biographisches Lexikon zur Weimarer Republik / Hrsg. W. Benz u. H. Graml. München: Beck, 1988.
7. Conze E. Das Auswärtige Amt. Vom Kaiserreich bis zur Gegenwart. München: Beck, 2013.
8. Craig G. F. Deutsche Staatskunst von Bismarck bis Adenauer. Düsseldorf: Droste Verlag, 1961.
9. D'Abernon V. Ein Botschafter der Zeitwende. Memoiren. Bd. 1. Leipzig: Paul List, 1930.
10. Das Deutsche Reich von 1918 bis heute. Berlin, 1930.
11. Deutsche Allgemeine Zeitung. 1920. № 144. 29 März.
12. Doß K. Reichsminister Adolf Köster. 1883 – 1930. Ein Leben für die Weimarer Republik. Düsseldorf: Droste Verlag, 1978.
13. Fiederlein F. M. Der deutsche Osten und die Regierung Brüning, Papen, Schleicher: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosoph. Fak. zu Würzburg vorgel. von F. M. Fiederlein aus Kulsheim/Baden. Würzburg, 1966.
14. Fischart J. Das alte und das neue System. Zweite Folge. Berlin, 1919.
15. Gestalten rings um Hindenburg. Führende Köpfe der Republik und die Berliner Gesellschaft von heute. Dresden: Carl Reissner, 1930.
16. Haupts L. Graf Brockdorff-Rantzau. Göttingen u. a.: Muster-Schmidt Verlag, 1984.
17. Hentzschel-Fröhlings J. Walther Rathenau als Politiker der Weimarer Republik. Husum: Matthiesen Verlag, 2007.
18. Krüger P. Die Außenpolitik der Republik von Weimar. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1985.
19. Laubach E. Die Politik der Kabinette Wirth 1921-22. Lübeck, 1968.
20. Möller H. Europa zwischen den Weltkriegen. München: R. Oldenbourg Verlag, 1998.
21. Möller H. Weimar. Die unvollendete Demokratie. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2008.
22. Mommsen H. Die verspielte Freiheit. Der Weg der Republik von Weimar in den Untergang 1918 bis 1933. Frankfurt a. M., Berlin, 1989.
23. Rathenau W. Ein preußischer Europäer. Briefe / Hrsg. von M. v. Eynern. Berlin: Vogt, 1955.
24. Rathenau W. Gesammelte Schriften. Bd. 2. Berlin, 1918.
25. Sabrow M., Mentel C. Das Auswärtige Amt und seine umstrittene Vergangenheit. Eine deutsche Debatte. Frankfurt a. M.: Fischer Taschenbuch, 2014.
26. Schiff V. So war es in Versailles. Berlin, 1929.
27. Schulin E. Walter Rathenau. Repräsentant, Kritiker und Opfer seiner Zeit. Göttingen, Zürich: Muster-Schmidt Verlag, 1992.
28. Stresemann G. Vermächtnis. Bd. 1. Vom Ruhrkrieg bis London. Berlin: Ullstein, 1932.
29. Unterhaltungsblatt. Vossische Zeitung. 1929. 8. Okt.

Информация об авторе:

Евдокимова Татьяна Васильевна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Волгоградского государственного социально-педагогического университета (ВГСПУ), eva_tan@mail.ru.

Tatiana V. Evdokimova – Doctor of History, Professor at the Department for World History, Volgograd State Socio-Pedagogical University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ ЕС

О. В. Елескина

SOME ASPECTS OF THE EU CULTURAL POLICY

O. V. Eleskina

Статья посвящена некоторым аспектам культурной политики Европейского Союза. Актуальность работы обусловлена обострением отношений между Россией и Евросоюзом на фоне украинского кризиса и влиянием напряженных отношений на сферу культуры. В статье рассматривается процесс формирования и юридическая база проводимой культурной политики ЕС, а также проблемы, связанные с применением этих положений на практике. Анализируются культурные программы Евросоюза как фактор формирования европейской идентичности. Отмечаются общие подходы к культурной политике. При этом важную роль приобретает сохранение самостоятельности и независимости стран-членов Союза в вопросах культуры. Следствием такого подхода становится существование множества стандартов в трактовке исторического и культурного наследия Европы.

В работе делается вывод, что в самой идеологической и юридической основе культурной политике Евросоюза заложено множество противоречий, которые провоцируют конфликтные ситуации, как внутри Союза, так и в отношениях с другими странами, в том числе и с Россией.

The paper is devoted to some aspects of the European Union cultural policy. The relevance of the research is determined by the aggravation of the relations between Russia and the European Union at the background of the Ukrainian crisis and by the influence of the strained relations on the sphere of culture. The paper considers the process of formation and the legal base of the cultural policy pursued by the European Union, as well as problems caused by implementation of those provisions. The EU cultural programmes are being analysed as a factor of forming the European identity. General approaches to the cultural policy are being stated. Preservation of self-sufficiency and independence of the Union members in matters of culture acquires an important role. Such approach results in multiple standards of rendering historical and cultural heritage of Europe.

The conclusion made in the paper is as follows: a plenty of contradictions lie in the ideological and legal base of the European Union cultural policy that provoke conflict situations, both within the Union and with other countries, including Russia.

Ключевые слова: культурная политика, Европейский Союз, культурные программы.

Keywords: cultural policy, European Union, cultural programmes.

Сформировавшаяся в настоящее время напряженность в отношениях между Россией и Европейским Союзом, спровоцированная ситуацией на Украине, вынуждает пересматривать многие аспекты взаимодействия между Россией и странами Евросоюза. К сожалению, культура не стала исключением, и охлаждение во взаимоотношениях коснулось и этой сферы. Данная тенденция проявилась и во внесении в санкционные списки деятелей культуры, и в ограничении проведения культурных мероприятий и т. д. Однако следует понимать, что корень проблем не в украинском кризисе, а в различных подходах к пониманию ключевых понятий, таких как свобода, демократия и т. д., и вытекающих отсюда моделей поведения. В связи с этим есть необходимость обратиться к анализу некоторых аспектов культурной политики ЕС, что позволит понять причины возникающих разногласий и непонимания.

Следует понимать, что Европейский Союз зародился в первую очередь как экономическая организация. Однако постепенно эти границы расширялись, хотя проблемы культурной интеграции очень долго оставались в стороне, либо носили второстепенный характер. По мере смещения акцентов в деятельности Европейского Союза с чисто экономических интересов на политические и социально-культурные сферы, необходимость формирования европейской идентичности стала нарастать. В связи с этим возникла по-

требность в формировании единого культурного пространства, а значит и культурной политики, способствующей достижениям общеевропейских целей. Культура должна была стать одним из факторов, способствующим объединению людей не только на политическом и экономическом уровне, но и на уровне сознания: граждане разных государств – членов Евросоюза должны, по идее, воспринимать себя как единое целое, как представители одной территории с общими культурными ценностями.

Конечно, идея единства Европы в культурном плане имеет глубокие корни, уходящие в Средневековье, но только в XX в. она получила свое оформление в официальных документах и социально-политических институтах. Так в декабре 1954 г. была подписана Европейская культурная конвенция [4], которая ставила своей целью достижение единства и взаимопонимания между народами Европы. Для реализации поставленной цели предлагалось расширение сотрудничества в области культуры между странами, входящими в Совет Европы. При этом подчеркивалась необходимость сохранения культурного наследия и традиционных ценностей народов, населяющих Европу.

Впервые о необходимости формирования единого культурного пространства в рамках Европейского Союза стали говорить в еще в 70-е гг. XX в. Но только в 1983 г. был принят документ, в котором содержался призыв к странам, подписавшим «Торжественную

декларацию о Европейском Союзе», усилить культурные связи внутри Сообщества, а также озвучивалась идея формирования единого культурного общеевропейского пространства. Идеи Штутгартской «Торжественной декларации» нашли свое юридическое воплощение в Едином Европейском Акте (раздел IX, статья 128) [6], подписанном в 1986 г. Его основные положения в вопросе культуры практически без изменений были включены в Договор, учреждающий Европейское Сообщество (раздел XII, статья 151) [2], подписанный в 1992 г. и дополненный в Ницце в 2001 г. Кроме того, в 1992 г. в Маастрихте был подписан Договор о Европейском Союзе, который также затрагивал вопросы культуры. Согласно третьей статье Союз «уважает богатство своего культурного и языкового разнообразия и заботится о сохранении и развитии европейского культурного наследия» [3]. На сегодняшний день последние два документа являются юридической основой культурной политики, проводимой Европейским Союзом.

После создания юридической базы в странах ЕС начали действовать общеевропейские культурные программы. Среди наиболее значимых проектов можно назвать следующие программы:

- «Культурная столица Европы» – действует с 1985 г., предполагает проведение конкурса на звание «культурной столицы»;
- «Калейдоскоп» – действует с 1996 г., направлена прежде всего на поддержку артистической и культурной деятельности;
- «Ариан» – действует с 1997 г., основная задача – поддержка в области литературы, включая возможность ее перевода;
- «Рафаэль» – программа, действующая с 1997 г., предусматривает помощь ЕС в области сохранения культурного наследия европейского значения [8, с. 439].

Первые культурные проекты направлены были лишь на отдельные сферы культурной деятельности, но уже здесь был применен так называемый программный подход, суть которого сводится к финансированию конкретных мероприятий, а не в целом культурного развития Европы. Последний аспект является прерогативой государств-членов Европейского Союза.

В конце 90-х гг. на основе этих проектов была сформирована комплексная программа «Культура 2000». Изначально ее срок действия был рассчитан на пять лет, позже ее продлили еще на два года (2005 – 2006 гг.). В декабре 2006 г. была принята новая «Культурная программа (2007 – 2013)». Одной из основных задач программы данной культурной программы стала поддержка культурных акций. Это направление предполагало поддержку сотрудничества учреждений культуры разных стран в рамках культурных и художественных проектов, а именно многолетние совместные проекты, сроком 3 – 5 лет, совместные проекты сроком не более двух лет, а также специальные мероприятия высокого уровня [7, с. 32].

Одним из важнейших направлений как программы «Культура 2000», так и программы «Культура 2007 – 2013» было сохранение культурного наследия Европы: как материальных памятников культуры ев-

ропейского и мирового значения, так и культурных традиций. Этот аспект приобрел важное значение в свете расширения Европейского Союза и включения в него ряда стран Восточной Европы и Прибалтики, где проблема сохранения культурного наследия стояла достаточно остро. Это было связано с одной стороны, с иными критериями в подходе к культурным ценностям, характерными для советского периода истории этих стран, с другой стороны – экономическими проблемами перехода к рыночной экономике.

С января 2014 г. вступила в силу новая программа «Креативная Европа». Она рассчитана на 7 лет – до 2020 г. включительно. Бюджет программы предусматривает 1,46 млрд Евро [5]. В рамках программы предполагается оказание помощи артистам и другим представителям творческих профессий, поддержка кинотеатров и помощь в переводе художественной литературы на языки народов Европейского Союза. Здесь следует учитывать, что на сегодняшний день в ЕС 24 официальных языка и 60 языков национальных меньшинств. Следует иметь в виду, что данная программа также включает в себя проекты, получившие положительный результат по итогам предыдущих лет. Так, например, проект «Культурная столица Европы», запущенный еще в середине 80-х гг. XX в., получил поддержку и продолжение в новой культурной программе.

Принципиальное отличие этой программы от предыдущих заключается главным образом в смещении акцентов с сохранения культурного наследия на развитие культуры с учетом тенденций современного общества и формирования новых культурных стереотипов. Данная программа предполагает создание новой культурной парадигмы, и поколения людей, воспитанных в русле общеевропейских ценностей. Свобода творчества, по мнению авторов программы, должна стать катализатором социального и экономического развития Европы, способствовать ее дальнейшему развитию и процветанию.

Говоря о применении программного метода в культурной политике ЕС, следует отметить одну принципиальную особенность – сознательный отказ от общеевропейских, надгосударственных институтов, которые бы проводили и реализовывали общую культурную политику. Члены Евросоюза оказались готовы пожертвовать своим суверенитетом в вопросах экономики, внешней безопасности, но не в вопросах культуры. Согласно принятому в Маастрихте соглашению ЕС «принимает поощрительные меры, не прибегая к какой-либо гармонизации законодательных и регламентарных актов, принятых государствами-членами» [2]. Исходя из этого Европейская Комиссия, которая курирует вопросы культуры, имеет только распределительные и рекомендательные функции. Страны ЕС осознанно отказываются от какой-либо унификации в вопросе культуры.

Каждая страна в Союзе имеет титульную нацию, религия, культура и традиции которой заложены в основу национальной государственной политики в сфере культуры. Кроме того, страны на протяжении многих столетий взаимодействовали друг с другом – воевали, заключали союзы, вели торговлю и т. д. – поэтому у каждой нации есть свои стереотипы в от-

ношении к другим культурам. Эти аспекты трудно игнорировать в современном мире, поэтому лидеры ЕС исходят из того, что единая культурная политика Союза вряд ли сможет существовать по единому стандарту и образцу. В связи с этим сложно говорить о каких-либо единых культурных стандартах, поскольку каждая из двадцати восьми стран ЕС имеет свои приоритеты и ценности.

Пожалуй, наиболее ярко демонстрация данного подхода представлена в странах Балтии. Так, в Латвии 16 марта ежегодно проходит парад легионеров СС, в котором также принимают участие представители Литвы и Эстонии. И, несмотря на возмущения России, Германии и ряда других стран, Европейский Парламент так и не принял резолюцию, запрещающую проведение подобных мероприятий. Тем более, что официальные власти Латвии обозначают этот парад как марш борцов с большевизмом. Отсутствие данного решения с одной стороны можно объяснить активным противодействием стран Прибалтики, а с другой стороны – страны, входящие в Европейский Союз опираются на 151 статью Маастрихтских Соглашений, которая предусматривает необходимость уважения к национальной культуре и региональным особенностям. Исходя из логики происходящих событий, следует, что страны Прибалтики имеют право на свою культуру и свою историю, в рамках которой действия армии СС выглядят как заслуживающие уважения и достойные проведения ежегодных парадов. Справедливости ради, необходимо признать, что положительное отношение к гитлеровской Германии во многом было спровоцировано действиями Советского Союза в странах Прибалтики накануне Великой Отечественной войны. Сегодня, к сожалению, мы видим отголоски и последствия тех событий, выражающиеся в антироссийских настроениях со стороны целого ряда стран, входящих в Европейский Союз.

В целом, государства члены ЕС исходят из идеи уникальности каждой культуры и необходимости сохранять национальную идентичность. Опыт истории наглядно показывает, что нация может выжить, утратив свою независимость, существовать в рамках другого государства, только сохранив свою национальную идентичность, опираясь на которую можно потом и восстановить свою государственность. Наиболее ярким примером может служить история Израиля и еврейского народа, на протяжении столетий существовавшего без государства и возродившего его только в 1948 г. С утратой национальной, культурной идентичности и народ, и государство обречены. Исходя из этого, общеевропейская культурная политика направлена на сохранение культурной идентичности народов, населяющих ЕС. Поэтому культурные программы ЕС всегда включали разделы, связанные с поддержанием традиций малых народов, изучением их языка, а также популяризацией их культуры. Так, по версии ЮНЕСКО, тридцать три европейских языка находятся под угрозой исчезновения, а значительная часть языков постепенно выходит из употребления. Для решения этой проблемы в новой культурной программе ЕС «Креативная Европа» предусматривается выделение средств на перевод выдающихся произве-

дений художественной литературы современности на малые языки народов Европы.

Другой аспект культурной политики ЕС направлен на преодоление межкультурных барьеров, «расширение и распространение знаний о культуре и истории европейских народов» [2]. С этой целью проводятся мероприятия, благодаря которым осуществляется знакомство с культурными традициями других народов. Поэтому активно поощряется тесное сотрудничество между странами в области культуры, которое должно способствовать взаимопониманию между народами и формированию толерантного отношения к чужим традициям. При этом абсолютно исключаются идеи ассимиляции европейских народов и создания «европейской нации».

Таким образом, реализуется п. 1 ст. 151 «Сообщество содействует расцвету культур государств-членов, уважая их национальное и региональное разнообразие и в то же время выдвигая на первый план общее культурное наследие» [2]. Хотя, что же конкретно подразумевает собой «общее культурное наследие» нигде не прописывается. С наибольшей вероятностью, данная формула подразумевает памятники культуры европейского и мирового значения. Однако ни о какой общей системе ценностей речи не идет. Тем не менее, есть ряд понятий и категорий, которые воспринимаются как общеевропейские ценности. Одной из таких категорий является понятие «свобода». Это понятие трактуется достаточно широко и предполагает свободу слова, совести, самого человека и т. д. Поэтому Европейский Союз осуждает любые действия, которые входят в противоречие с понятием «свобода». Более того, на юридическом уровне они стремятся закрепить различные свободы своих граждан, особенно в тех вопросах и сферах, где раньше существовала определенная дискриминация. Так, из 19 стран мира, узаконивших однополые браки – 10 входят в состав ЕС. Еще 9 стран ЕС этот вопрос рассматривают на уровне законопроектов или референдумов. Следует отметить, что в этом вопросе каждая страна вправе принимать свое решение, нет жесткого навязывания парадигм. Так, в 9 странах ЕС был установлен Конституционный запрет на однополые браки. Поэтому во многих вопросах страны ЕС исходят из принципа национального самоопределения.

В этой связи в самом Союзе возникает проблема мультикультурности, которая так или иначе связана с размыванием системы традиционных ценностей. С одной стороны – толерантное отношение к нормам поведения другой культуры – это проявление демократии. С другой стороны в сознании подрастающего поколения относительность культурных и моральных стандартов допускает возможность альтернативных моделей поведения, что, в конечном итоге, осложняет процесс инкультурации и ослабляет чувство национальной идентичности. Таким образом, постепенно формируется поколение, у которого европейские ценности преобладают над национальными.

Еще один аспект культурной политики ЕС касается взаимодействия со странами, не входящими в Союз. В договоре прописывается концепция того, что «сообщество и государства-члены содействуют сотрудничеству с третьими странами и международны-

ми организациями, занятыми в сфере культуры, особенно с Советом Европы» [2]. Именно на этой основе выстраиваются взаимоотношения с другими странами Европы, в том числе и с Россией. Следует отметить, что приоритетной целью данного культурного сотрудничества является приобщение других народов и стран к общеевропейской системе ценностей. Именно эту цель преследует проект «Восточное партнерство», направленный на привлечение в сферу интересов Европы бывших советских республик: Украины, Белоруссии, Молдавии, Азербайджана, Армении и Грузии. А культурное сотрудничество в этом проекте рассматривается как один из механизмов сближения между странами.

Если говорить о взаимодействии ЕС и России, то наиболее значимым событием стал Саммит Россия-ЕС в 2005 году, на котором были приняты «Дорожные карты» четырех общих пространств, определяющих основные стратегии дальнейшего сотрудничества. Четвертая «дорожная карта» предполагала сотрудничество в области образования, науки и культуры. Основной целью данного направления обозначено стремление «использовать богатое интеллектуальное наследие и накопленные знания России и ЕС в целях содействия экономическому росту... и повышению уровня конкурентоспособности экономик России и Евросоюза» [1]. Таким образом, мы видим, что наука и культура в рамках данного проекта приобрели исключительно прикладной характер. Иными словами, для политических элит России и ЕС культура и наука являются лишь средством достижения других политических и экономических задач [9, с. 72]. Собственно, культура как ценность отходит на второй план, уступая экономике и политике. А само культурное взаимодействие будет продолжаться пока оно выгодно с экономической или политической точки зрения. На сегодняшний день мы видим, что активное культурное сотрудничество с Евросоюзом, развивавшееся в последние десять лет, начинает испытывать

определенные сложности. Так, в Париже, в штаб-квартире ЮНЕСКО, в январе 2015 г. была запрещена выставка, посвященная Холокосту. Выставка была подготовлена в рамках международного проекта под председательством России и с участием историков разных стран. Формально выставку запретила Латвия, председательствующая в ЕС, фактически – Евросоюз продемонстрировал свою готовность к сворачиванию межкультурного сотрудничества.

В целом, культура рассматривается европейцами как один из базовых элементов развития цивилизации, катализатор развития общества и появления инноваций. Поэтому формирование общеевропейской культурной политики стало необходимым условием дальнейшего развития Евросоюза. Однако эта политика носит сложный и противоречивый характер. Определенная часть проблем обусловлена идеологической платформой культурной политики, закрепленной в документах ЕС. Основой европейской интеграции стал принцип «единства в многообразии» и основатели Евросоюза исходили из идеи сохранения национальной идентичности, уважения к культурным и религиозным различиям, но не учли потенциальные возможности расширения Союза. Это привело к существованию диаметрально противоположных взглядов и подходов в рамках одной организации, что неизбежно порождает конфликты как внутри Союза, так и на международной арене. В качестве приоритетных целей культуры ЕС называет «общеевропейские ценности», однако не расшифровывает данное понятие. Неопределенность тезиса дает возможность очень широкой трактовке этих ценностей, что опять же вызывает столкновения интересов. Преобладание прагматического подхода культурной политики ЕС во взаимодействии с другими странами, ставит ее в зависимость от политических и экономических интересов Союза, что достаточно четко проявляется в культурном сотрудничестве с Россией.

Литература

1. «Дорожные карты» четырех общих пространств, утверждённые на саммите Россия-ЕС, Москва, 10 мая 2005 г. // Министерство иностранных дел РФ. Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-dos.nsf/162979df2-beb9880432569e70041fd1e/ff7ca5accca6247fc3256ffe002a0439!OpenDocument> (дата обращения: 25.02.2015).
2. Договор, учреждающий Европейское Сообщество (Рим, 25 марта 1957 г.) (консолидированный текст с учётом Ниццких изменений от 16 апреля 2003 г.) // Право Европейского Союза. Режим доступа: <http://eulaw.ru/content/2001> (дата обращения: 06.02.2015).
3. Договор о Европейском Союзе (Маастрихт, 7 февраля 1992 г.) (в редакции Лиссабонского договора от 13 декабря 2007 г.) // Право Европейского Союза. Режим доступа: <http://eulaw.ru/treaties/teu> (дата обращения: 06.02.2015).
4. Европейская культурная конвенция (Париж, 19 декабря 1954 г.) // Совет Европы. Режим доступа: <http://conventions.coe.int/Treaty/RUS/Treaties/Html/018.htm> (дата обращения: 06.02.2015).
5. Креативная Европа: на 9 % увеличится бюджет культурного сектора и киноиндустрии ЕС. 21.11.2013. // Евро-пульс. Все о Европе. Режим доступа: <http://euro-pulse.ru/news/kreativnaya-evropa-na-9-uvlechitsya-byudzhetskulturnogo-sektora-i-kinoindustrii-es> (дата обращения: 06.02.2015).
6. Единый Европейский Акт (Люксембург, 17 февраля 1986 г.) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации Техэксперт. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901771690> (дата обращения: 06.02.2015).
7. Савелова М. А. Опыт реализации культурной политики в европейском союзе // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2013. № 3(36). С. 30 – 34.
8. Семенова Н. С. Правовое регулирование научной деятельности, культуры и образования в ЕС // Правовые основы экономического и социального регулирования ЕС. Волгоград: ВолГУ, 2010. С. 427 – 447.
9. Сидорова Е. А. Культурный фактор в отношениях России и Европейского союза // Вестник международных организаций. 2014. Т. 9. № 3. С. 68 – 82.

Информация об авторе:

Елескина Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории цивилизации и социально-культурных коммуникаций факультета истории и международных отношений КемГУ, eleskina@mail.ru.

Olga V. Eleskina – Candidate of History, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of History of Civilization and Socio-Cultural Communications, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

УДК 94(430).087

**ПОЛИТИКА АМЕРИКАНСКОЙ ВОЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ
ПО ВОЗРОЖДЕНИЮ КУЛЬТУРНОЙ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ГЕРМАНИИ (1945 – 1949 гг.)**

Е. А. Жаронкина

**THE AMERICAN MILITARY GOVERNMENT POLICY ON THE REVIVAL
OF CULTURAL AND SPIRITUAL LIFE IN GERMANY (1945 – 1949)**

E. A. Zharonkina

Возрождение культурной и духовной жизни в послевоенной Германии являлось неотъемлемой частью политики демократизации, которую проводила в своей оккупационной зоне американская военная администрация. В статье рассматриваются основные мероприятия оккупационных властей в направлении «перевоспитания» немцев в проамериканских демократических традициях: возобновление театральной и музыкальной жизни, кинематографа, создание информационных центров, работа с молодежью, политика в отношении церкви. Как и в политической сфере, американская администрация стремилась к тому, чтобы возрождение общественной и культурной жизни было главным образом обязанностью самих немцев под американским надзором и контролем. Однако в целом вмешательство военной администрации в развитие культурной жизни было незначительным.

The revival of cultural and spiritual life in post-war Germany was an integral part of the policy of democratization which was pursued in the occupational zone by the American military government. The paper considers the main actions of the occupational authorities in the direction of “re-education” of Germans in pro-American democratic traditions: renewal of theater and musical life, cinema, creation of information centers, work with the youth, church policy. As in the political sphere, the American administration aspired the revival of public and cultural life to be mainly a duty of Germans under the American supervision and control. However in general the intervention of military government into the development of cultural life was insignificant.

Ключевые слова: Германия, военная администрация, оккупация, демократизация, «перевоспитание», культурная политика.

Keywords: Germany, military government, occupation, democratization, “re-education”, cultural policy.

После окончания Второй мировой войны верховная власть в Германии принадлежала державам-победительницам, одной из которых были США. Катастрофическая ситуация в экономике, нехватка продовольствия, воды, топлива и электричества, разрушенная инфраструктура, опасность распространения эпидемий – вот только малая часть тех проблем, с которыми ежедневно приходилось сталкиваться американской военной администрации в Германии (АВАГ). Поражение Германии означало не только крах национал-социализма, но и потрясение политических и идеологических основ немецкого общества в целом. По словам Б. Бонвеча, немцы «духовно находились в «ничьей стране»: старое еще не стало достаточно далеким, а новое еще не пришло» [1, с. 10]. Поэтому задача возрождения культурной и духовной жизни была не менее важной.

Одной из основных целей оккупационной политики союзников в послевоенной Германии стала демократизация общественно-политической жизни. Было необходимо не только «очистить» духовную и культурную жизнь от нацистского наследия, но и возродить

многовековые культурные традиции Германии, создать условия для развития конструктивных культурных и духовных концепций. В американской оккупационной зоне это процесс получил название «перевоспитание» (к концу оккупации стал использоваться термин «перерождение»), которое включало в себя идеологическую обработку, лицензирование и контроль средств массовой информации, а также многочисленные меры демократизации немецкой образовательной системы и различных сфер культурной жизни.

Американский военный губернатор Л. Клей в своих мемуарах отмечает всю сложность поставленной задачи, однако «с самого начала мы приняли решение не использовать непосредственную пропаганду... но делать это всеми доступными средствами: информационными и образовательными, журналами, прессой, радио, книгами, кинофильмами, театром, музыкой, лекциями; на собраниях профсоюзов, в школах, в церквях» [4, р. 281 – 282].

Основные принципы американской политики «перевоспитания», работа над которыми началась в Вашингтоне еще в 1943 г., нашли отражение в опубли-

ликованном в августе 1946 года «Заявлении долгосрочной политики по немецкому перевоспитанию» [10, р. 541 – 542]. В документе говорилось о том, что культурное и моральное перевоспитание немцев может быть эффективным только в том случае, если оно является неотъемлемой частью всесторонней программы их исправления. Поэтому оно должно быть тесно связано с политикой, рассчитанной восстановить стабильность мирной немецкой экономики и дать надежду на окончательное восстановление национального единства и чувства самоуважения. Возрождение культурной жизни в Германии не только в региональном, но и в национальном масштабе должно быть главным образом делом самих немцев, использующих собственные возможности. Перевоспитание немцев – подчеркивалось в документе – будет способствовать восстановлению универсально общезначимых принципов справедливости: терпимости к различным культурным и расовым группам как основы национального и международного порядка, свободный обмен информацией, уважение чести и достоинства человека, личная ответственность за общественный порядок, взаимная ответственность людей и народов друг перед другом [10, р. 541 – 542].

Интересно, что в программной директиве JCS 1067, которая являлась руководством для американских оккупационных властей на протяжении первых двух лет оккупации, практически ничего не говорилось о культурной политике или перевоспитании. Директива JCS 1779, заменившая JCS 1067 в июле 1947 г. была в этом плане более определенной и связала перевоспитание с демократией: «Перевоспитание немецкого народа является неотъемлемой частью политики, призванной помочь развить демократическую форму правления и восстановить стабильную и мирную экономику» [8, р. 40 – 41]. В документе подчеркивалось, что не должно быть «насиленного разрыва в культурном единстве Германии», признавалась «духовная ценность религиозных традиций Германии», а также значимость восстановления немецкой национальной культуры для будущего Германии [8, р. 40 – 41].

В американской оккупационной зоне осуществлением перевоспитания и культурной политики занимались два ведомства: Отдел информационного контроля и Отдел образования и религиозных дел (*Прим. автора: отдел информационного контроля до капитуляции Германии назывался Отделом психологической войны при Верховном штабе союзных экспедиционных войск. В середине 1948 г. он был переименован в Отдел информационных служб*). Отдел информационного контроля нес ответственность за денацификацию средств массовой информации, а также должен был контролировать возрождение общественной жизни, в том числе кинематографа, театральной и музыкальной деятельности и др. Кроме того, отдел играл роль связующего звена между немцами и оккупационными властями и через подконтрольные ему средства массовой информации должен был содействовать позитивному отношению населения к политике военной администрации, выполняя, таким образом, пропагандистские функции [18, р. 14]. Отдел образования и религиозных дел отвечал главным образом за денацификацию и демократизацию системы образования.

Одной из первых пропагандистских кампаний Отдела информационного контроля еще до окончания войны стала попытка пробудить в немцах чувство «коллективной вины» или «коллективной ответственности» за преступления нацизма. При этом стояла задача не столько убедить в этом немецкое население, сколько способствовать, чтобы немцы сами осознали свою ответственность. Для этого применялись различные средства. Так, американцы использовали плакаты с изображением жертв концентрационных лагерей, подпись к которым гласила «Вы виновны в этом!» или «Эти зверства: Ваша вина!». Немцам демонстрировали документальные фильмы, снятые в концентрационных лагерях как, например, «Мельницы смерти» (*Die Todesmühlen*), организовывались принудительные «экскурсии» местного населения в освобожденные «лагеря смерти».

Принятие немцами своей вины и осознание ими ответственности за нацистские преступления американцы считали первым шагом в их перевоспитании. Однако уже к концу 1945 г. стало понятным, что эта пропагандистская кампания не достигла своих целей, так как немцы в подавляющем большинстве отвергали идею «коллективной вины». В интервью американскому журналисту издатель и редактор газеты «Зюддойче Цайтунг» заявил: «Союзники плохо начали. Они начали перевоспитание немцев, подчеркивая массовую вину немецкого народа, что породило негодование и подозрительность, а не убеждение и веру» [2, с. 85].

Такая же неудача постигла и американскую политику «небратания» (*nonfraternization*). В первые месяцы оккупации Германии в американской зоне (также как и в английской) существовал запрет на неформальные контакты американских войск и немецкого населения. Военнослужащие не имели права вступать в дружеские отношения с немцами, обмениваться рукопожатиями, бывать в их домах, играть с детьми и т. д. Даже в немецких церквях существовали отдельные скамьи специально для американцев. В американской армейской газете «Звезды и полосы» можно было встретить такие призывы: «Не относитесь по-братски. Если в немецком городе вы склоняете голову перед девушкой или гладите белокурого ребенка... вы склоняете голову перед Гитлером и его кровавым режимом» [14, р. 212]. В июле 1945 г. в интервью газете «Нью Йорк Таймс» один из военнослужащих пояснил, что запрет на дружеское общение должен был «показать немцам, что... мы не хотим иметь никакого к ним отношения, пока не почувствуем, что они снова готовы войти в мировое сообщество» [17, р. 8].

Однако вскоре стало понятно, что подобная тактика малопродуктивна, наоборот, личные контакты военнослужащих и немцев гораздо больше бы способствовали распространению демократических идей. К тому же американский персонал довольно часто игнорировал этот запрет, особенно в отношениях с детьми. Поэтому запрет на «братание» был коротким эпизодом в оккупационной политике: постепенно ограничения на неформальное общение с немцами смягчались, пока 1 октября 1945 г. не были отменены вовсе.

Еще в годы войны стало понятно, что осуществление политики демократизации было бы невозможным без установления контроля над культурной и духовной

жизнью немецкого общества. Одним из первых шагов в этом направлении стал запрет на любую публицистическую или культурную деятельность самих немцев. Уже 24 ноября 1944 г., спустя чуть более месяца после начала оккупации немецкой территории американскими войсками, Верховный штаб союзных экспедиционных сил издает Закон № 191, согласно которому запрещалась печать и публикация всех газет, журналов, книг, плакатов и других видов печатных изданий, а также деятельность всех агентств печати, информационных агентств, радиостанций и радиовещания. Запрету подлежала работа театров и кинотеатров, киностудий и мест театральных или музыкальных развлечений. На оккупированной территории была запрещена деятельность Рейхсминистерства народного просвещения и пропаганды, все директивы или инструкции которого аннулировались [15, р. 594 – 595].

Предполагалось, что возобновлением деятельности прессы и радио, театральной и музыкальной жизни, кинематографа и др. могут заниматься только политически надежные и не запятнавшие себя связью с национал-социализмом немцы. Это было возможно лишь после регистрации и получения лицензии от АВАГ. Лицензированию подвергалась деятельность лиц, которые занимались созданием информационных материалов и культурной продукции: издатели, производители фильмов, театральные и концертные продюсеры и т. д. Они должны были пройти денацификацию и заполнить специальную анкету, дающую полную информацию о своем учреждении или предприятии. Кроме того, они несли ответственность за то, чтобы их сотрудники прошли денацификацию, а выпускаемая ими продукция не противоречила политике военной администрации. Регистрации подлежали те, кто занимался распространением этой продукции: продавцы книг, типографщики, владельцы театров и кинотеатров, прокатчики фильмов и др. [18, р. 14]

Важным элементом культурной политики американской военной администрации стало стремление познакомить немцев с американской историей, культурой, традициями. С этой целью были созданы так называемые Американские Информационные центры, или как их еще называли «Америка Хаус» (America Haus). Первый такой центр был открыт в Бад Хомбурге в июле 1945 г., а затем и во всех крупных городах американской зоны: Франкфурте, Мюнхене, Штутгарте, Висбадене, Нюрнберге, Бремене, американском секторе Берлина и др. В середине 1949 г. действовало уже 25 Информационных центров и более сотни их филиалов («читальных залов») в небольших городах зоны.

Каждый информационный центр имел в своем распоряжении несколько тысяч книг (в среднем 5 – 7 тысяч) самых разнообразных жанров: художественные, исторические, научные, медицинские и др., до сотни наименований различных журналов, газеты, тысячи всевозможных брошюр, буклетов, информационных бюллетеней и т. д., доставленных из США. Немцы, не умеющие читать по-английски, имели возможность читать американские книги в переводе (завезенные из Швеции или Швейцарии), смотреть иллюстрированные журналы, сотни разнообразных фотографий, а также десятки киноленок образовательного и информационного содержания.

Информационные центры пользовались популярностью среди немцев, особенно среди молодежи. Открытый в мае 1946 г. информационный центр во Франкфурте еженедельно посещало не менее 1300 человек [19, р. 5]. Один из посетителей информационного центра в Мангейме в письме редактору американской газеты «Нью Йорк Геральд Трибьюн» писал: «Немцы признательны американцам не только за продукты питания, которые мы получаем от них, но и за духовную пищу, которую мы с таким же успехом извлекаем из «Америка Хаус»» [9, р. 12].

Постепенно «Америка Хаус» становились одним из центров культурной, интеллектуальной и просветительской деятельности. Немецкие ученые, писатели, артисты имели возможность открыто выступать и излагать свою точку зрения практически по всем аспектам немецкой общественной и культурной жизни. В Информационных центрах регулярно проводились собрания и пресс-конференции, на которых служащие военной администрации выступали по экономическим, политическим, хозяйственным, трудовым и многим другим аспектам оккупационной политики. Вниманию немцев предлагались лекции самой разнообразной тематики: по истории, культуре, международным вопросам. Много лекций было посвящено американской проблематике: «Образование в Америке», «Европа глазами американских студентов», «Роль женщин в Америке», «Роль американской помощи в международных отношениях» и др. В Информационных центрах были организованы курсы изучения английского языка, проходили чтения и обсуждения литературных произведений. Л. Клей в своих мемуарах отмечал: «Я не представляю себе никакого более конструктивного влияния осуществленного нашей оккупацией, чем эти центры» [4, р. 286].

Пропаганда американской культуры, искусства, национальных традиций осуществлялась не только посредством прессы, радио или через информационные центры, но и благодаря театру, кино и музыке. В первые послевоенные годы на немцев обрушилась лавина не только американских, но и английских, французских и советских фильмов, музыки, литературы и т. д. Эти зерна падали на благодатную почву, ведь после окончания войны в Германии наблюдался невероятный и невыносимый для немцев культурный голод.

Уже осенью 1945 г. в американской зоне начался театральный сезон. В репертуаре значительное место занимали постановки немецкой и мировой классики: пьесы И. В. Гёте, Г. Э. Лессинга, У. Шекспира и др. В 1946 г. на театральных сценах было поставлено более двадцати американских пьес: «Стража на Рейне» Лиллиан Хеллман, «На волосок от гибели» и «Наш городок» Торнтон Уайльдера, популярная комедия «Трое мужчин на лошади» и многие другие. Тепло принимались публикой сочинения современных немецких авторов Г. Казака, К. Цукмайера, В. Борхерта. Постепенно восстанавливались не только драматические, но и оперные театры и филармонии, возвращались к концертной деятельности музыкальные коллективы (Прим. автора: в марте 1949 г. в американской зоне действовало 80 драматических и оперных театров. См.: *Monthly Report of the Military Governor. Statistical Annex. July 1949. № 49. P. 284*). Произведе-

ния Бетховена и Моцарта, Мендельсона и Генделя, Чайковского и Гершвина и других классиков музыкального искусства, а также современных композиторов вновь звучали на различных концертных площадках и музыкальных фестивалях.

Немецкий кинематограф возрождался довольно медленно, что было связано не только с изменившимися экономическими условиями после окончания войны, но и с политикой оккупационных властей. Принцип декартелизации германской экономики был применен и в отношении кинопроизводства. АВАГ поставила перед собой задачу воспрепятствовать новой концентрации производства на кинорынке, стремилось отделить друг от друга создание и прокат фильмов. Так, лица занимающиеся производством фильмов не имели права распространять свою продукцию, а прокатчики не могли вмешиваться в создание картины [11, р. 604].

Прежде чем выпустить фильм на экраны его содержание тщательно проверялось оккупационной администрацией, т. е. существовала предварительная цензура немецких фильмов, вне зависимости от того, показывался он раньше или нет. Поскольку немецких картин было недостаточно, то в первое время акцент делался на американские фильмы, главным образом те, которые отбирались для американских солдат. К концу 1945 г. в американской зоне было открыто около 350 кинотеатров, где показывалось 30 американских фильмов, а в июне 1949 г. количество кинотеатров переросло за 2 тысячи [13, р. 285]. Наибольшей популярностью в послевоенные годы пользовались картины развлекательного характера и мелодрамы. Дублировались или шли с субтитрами не только американские, но и английские, французские и другие фильмы.

Большой воспитательный и пропагандистский эффект на население оказывали документальные фильмы, снятые в концентрационных лагерях, военная хроника. Обязательным для показа был еженедельный киножурнал «Мир в фильме» (Welt im Film), выпускаемый на мюнхенской киностудии совместными американскими и британскими усилиями. В этой кинохронике освещались важнейшие вопросы оккупационной политики в Германии и Австрии, работа Нюрнбергского трибунала, а также международные проблемы.

Что касается немецкого кинематографа, то довольно часто первые немецкие фильмы носили документальный характер, снималось так называемое «руинное кино» – взгляд на разрушенную послевоенную Германию, попытки осознать и освободиться от тоталитарного прошлого. Первым немецким художественным фильмом, снятым в западных зонах, стал фильм режиссера Вольфганга Штаудте «Убийцы среди нас», вышедший на экраны в 1947 г.

Существенной силой в духовном возрождении Германии стала церковь обоих вероисповеданий. В годы Второй мировой войны, чтобы лишний раз не провоцировать общественное мнение, нацисты на время приостановили свою кампанию против церкви. В то же самое время тяготы и лишения военного времени способствовали обращению немцев к вере, как католической, так и протестантской. Церковь оставалась, пожалуй, единственным организованным соци-

альным институтом, которому в общем и целом удалось сохранить свои кадры.

В августе 1945 г. на конференции епископов католической церкви в Фульде и конференции евангелических церквей в Трейзе религиозные лидеры обеих конфессий выразили готовность сотрудничать с оккупационными властями. Но из двух конфессий только евангелическая церковь выступила с официальным заявлением, в котором признала свою вину и ответственность за сотрудничество с нацистским режимом [7]. Один из основателей «Исповедующей церкви», ярый противник и борец с нацизмом, прошедший несколько лет в концлагерях, пастор Мартин Нимёллер заявил: «Настоящая вина лежит на церкви потому, что она одна знала, что путь, по которому пошла страна, ведет к гибели, и она не предупредила народ. Она не вскрыла несправедное дело или если и разоблачала его, то тогда, когда было уже поздно. Мы, церковь, должны признать свою вину» [16]. (Прим. автора: «Исповедующая церковь» – оппозиционное нацизму движение в рядах протестантской церкви, оформившееся в 1934 г. Выступало против нацификации протестантских церквей, отвергало расовые теории нацистов, осуждало антихристианские идеи нацистских идеологов). Католическая церковь не сочла нужным раскаяться.

По данным переписи 1946 г. население американской оккупационной зоны составляло 16 млн 882 тысячи человек, из них 7 млн 384 тысячи (43 %) были протестантами и 8 млн 977 тысяч (53 %) католиками, большая часть которых проживала в Баварии [13, р. 11]. Другие религиозные конфессии составляли меньшинство.

Основным принципом своей политики в отношении церкви военная администрация провозгласила свободу вероисповедания и равное уважение ко всем конфессиям и религиозным учреждениям и старалась не вмешиваться во внутренние дела церкви [12, р. 627]. Даже такой деликатный вопрос как денацификация решался на первых порах самими священнослужителями под надзором со стороны АВАГ, пока в марте 1946 г. не вступил в силу закон «Об освобождении от национал-социализма и милитаризма» (Прим. автора: так например, евангелическая церковь в Гессене создала свой собственный трибунал и освободила от обязанностей 136 священников).

Вопрос религиозного воспитания в школах был отдан на рассмотрение немецких образовательных органов с той гарантией, что оно не будет противоречить политике оккупационных властей. Церквям предоставляли право возобновить публикации религиозных материалов. В американской зоне восстанавливались еврейские религиозные общины, при поддержке властей открывались богословские школы и семинарии. Принцип свободы вероисповедания и равного отношения ко всем религиозным конфессиям был зафиксирован и в конституциях, принятых в каждой земле в ноябре-декабре 1946 г. и в Бремене в октябре 1947 г.

Военная администрация не препятствовала контактам между немецкими церковными лидерами и представителями иностранных церквей. Так, в начале 1946 г. глава Евангелического совета епископ Теофил Вурм и вице-президент совета пастор Мартин Нимёллер посетили Женевскую конференцию Всемирного

совета церковей. М. Нимёллер стал к тому же первым немецким священнослужителем, кому было дано разрешение посетить США. В ноябре 1946 г. во Франкфурте прошла конференция методистов, куда съехались представители этой религиозной конфессии не только из других оккупационных зон, но и из Швеции, Швейцарии, Соединенных Штатов. Были возобновлены контакты с Ватиканом: в марте 1946 г. кардиналы Фаульхабер, Гален, Преизинг и Фрингс приняли участие в совещании кардиналов в Риме. Кроме того, оккупационные власти обязались соблюдать условия Конкордата 1933 г., а также Конкордаты, заключенные Святым Престолом с Баварией (1924), Пруссией (1929) и Баденом (1932), если Контрольный Совет не примет иного решения. Что касается последнего, то 20 марта 1947 г. в Контрольном Совете был принят закон № 49, отменяющий нацистский закон от 14 июля 1933 г. – о создании пронацистской «новой» немецкой евангелической церкви [5, р. 629], а ровно через год, 20 марта 1948 г., законом № 62 были аннулированы и некоторые другие нацистские постановления в отношении церкви [6, р. 630].

Военные власти старались поддерживать отношения с клиром, проводили встречи и конференции с представителями церкви. В целом Л. Клей характеризовал сотрудничество военной администрации с церковными лидерами как «искреннее и полезное», а по-

следние, в частности епископ Вурм, а позже О. Дибелиус, в свою очередь, высоко оценили американскую поддержку. Церковь играла не только большую роль в духовном возрождении Германии, но и оказывала влияние на политическую жизнь страны, поддерживая такие крупные политические партии западных зон как ХДС и баварскую ХСС [3, с. 237].

Таким образом, деятельность военной администрации по возрождению культурной и духовной жизни была важной составляющей американской оккупационной политики в Германии. Это позволяло оккупационным властям не только отвлечь население от множества бытовых проблем и тягот послевоенного времени, но и являлось существенным элементом политики «перевоспитания» и, в конечном счете, демократизации страны. Благодаря прессе и радио, музыке, кино, театру, деятельности информационных центров, церкви и т. д. происходило постепенное «очищение» культурной и духовной жизни от нацистского наследия, шло приобщение немцев к либеральным ценностям и одновременно усиливалось влияние американской культуры.

Таким образом, несмотря на ряд ограничений (выдача лицензий, денацификация, запрет критики оккупационных властей), культурная жизнь в американской зоне развивалась достаточно свободно, и вмешательство военной администрации было незначительным.

Литература

1. Бонвеч Б. Вторая мировая война в национальной памяти Германии и России // Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт и перспективы: материалы конференции российских и немецких историков (Москва, 28 – 30 октября 2005 г.): сб. ст. / под ред. Б. Бонвеча и А. Ю. Ватлина. М.: ДиректМедиа Пабблишинг, 2007. С. 8 – 24.
2. Бычкова Т. А. Характер и цели пропагандистской деятельности США в Западной Германии в 1945 – 1950 гг. // Вопросы истории международных отношений. Вып. 7. Томск, 1976.
3. Социальная политика и социальное государство в Германии: учебное пособие / Л. Н. Корнева (отв. ред.) [и др.]. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2014. 455 с.
4. Clay L. D. Decision in Germany. New York: Doubleday & Company, Inc., 1950. 505 p.
5. Control Council Law № 49 Repeal of Reich Law of July 14, 1933, Concerning the Constitution of the German Evangelical Church, 20 March 1947 // Germany, 1947 – 1949: The Story in Documents. Washington: United State Department of State, 1950. 631 p.
6. Control Council Law № 62 Repeal of Certain Laws, Ordinances, and Decrees Promulgated by the Nazi Government Concerning Churches, 20 March 1948 // Germany, 1947 – 1949: The Story in Documents. Washington: United State Department of State, 1950. 631 p.
7. Die Stuttgarter Schulderklärung, 18 – 19 Oktober, 1945 // Сайт Евангелической церкви в Германии. Режим доступа: http://www.ekd.de/bekenntnisse/stuttgarter_schulderklaerung.html (дата обращения: 15.03.2015).
8. Directive to Commander in Chief of United States Forces of Occupation Regarding the Military Government of Germany (JCS 1779) // Germany, 1947 – 1949: The Story in Documents. Washington: United State Department of State, 1950. 631 p.
9. Information Bulletin: Magazine of U. S. Military Government in Germany / Office of Military Government for Germany (U. S.), Control Office, APO 742, US Army. November 1948. № 148.
10. Long-Range Policy Statement for German Re-education, 5 June 1946 // Germany, 1947 – 1949: The Story in Documents. Washington: United State Department of State, 1950. 631 p.
11. Military Government Regulation. Title 21, Part 4, 5 April 1949 // Germany, 1947 – 1949: The Story in Documents. Washington: United State Department of State, 1950. 631 p.
12. Military Government Regulations, Title 8, Part 1 // Germany, 1947 – 1949: The Story in Documents. Washington: United State Department of State, 1950. 631 p.
13. Monthly Report of the Military Governor. Statistical Annex. July 1949. № 49.
14. Payne James L. Did the United States create Democracy in Germany? // The Independent Review. Fall 2006. Vol. XI. № 2.
15. SHAEF Military Government Law № 191: Control of Publications, Radio Broadcasting, News Services, Films, Theaters, and Music // Germany, 1947 – 1949: The Story in Documents. Washington: United State Department of State, 1950. 631 p.

16. Stöhr M. «...habe ich geschwiegen»: zur Frage eines Antisemitismus bei Martin Niemöller, artikel vom 10.10.2011 // Сайт Фонда Мартина Нимёллера. Режим доступа: <http://www.martin-niemoeller-stiftung.de/4-zumnachlesen/a100> (дата обращения: 17.03.2015).

17. The New York Times. 1945. 10 July.

18. Weekly Information Bulletin / Office of the Assistant Chief of Staff, G-5 Division USFET, Information Branch. August 1945. № 2.

19. Weekly Information Bulletin / Office of the Assistant Chief of Staff, G-5 Division USFET, Information Branch. July 1947. № 100.

Информация об авторе:

Жаронкина Елена Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КемГУ, zharonkina@mail.ru.

Elena A. Zharonkina – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Modern and Contemporary History and International Relations, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

УДК 94:323.22+325.252+327

ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ГЕРМАНИИ НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВВ.

Е. Ю. Корьякина

**SOME ASPECTS OF THE MIGRATION POLICY IN GERMANY
AT THE TURN OF THE 20TH – 21ST CENTURIES**

E. Yu. Koryakina

В статье рассматриваются проблемы эволюции миграционной политики Германии на рубеже XX – XXI вв. Целью статьи является анализ законодательной базы политики в области миграции, программ адаптации мигрантов и степень их влияние на современные миграционные процессы. Особым разделом стоит современная ближневосточная и африканская миграция в ФРГ и ее влияние на формирования многокультурного и современного германского общества. Также в статье рассмотрены основные государственные институты, ответственные за формирование и проведение миграционной политики, проанализирована их основная деятельность и дана оценка эффективности реализуемой ими политики.

The paper presents the problem of evolution of German migration policy at the turn of the 20th – 21st centuries. The main aim of the paper is to analyze the regulatory framework of this policy, adaptation programmes and their influence on modern migration processes. The author pays attention to the Middle East and African migration and its impact on the formation of multicultural German society. The paper also describes the main institutions responsible for the elaboration and implementation of migration policy, makes an analysis of their main activity and evaluates the effectiveness of policy implementation.

Ключевые слова: политика в области миграции, программы адаптации, ФРГ, Лагерь Фридланд, Федеральная служба занятости, Федеральное министерство труда и социальных дел.

Keywords: immigration policy, adaptation programs, BRD, Friedland refugee camp, Federal Service for Labor and Employment, Federal Agency of Labour and Social Affairs.

В наш век глобализации миграционные процессы значительно активизировались и стали причиной качественных изменений в различных социально-политических сферах. Одним из важнейших последствий глобализации стал рост географической мобильности рабочей силы. Меняется места проживания людей, жизненный уклад, сфера их деятельности, им приходится интегрироваться в иные системы религиозных и светских ценностей.

Проблемы сосуществования мигрантов и местного населения в последнее время особенно остро стоят в Европе. С одной стороны, европейские страны заинтересованы в стабильном притоке иностранной рабочей силы, которая помогает компенсировать низкий уровень рождаемости в Европе, а также поддерживать экономический рост. С другой стороны, миграция

часто, сопровождается обострением социальной и политической ситуации в стране.

Германия является классической для иммиграции страной. В структуре населения этой самой крупной страны Европейского Союза почти каждый десятый – иностранец, не имеющий немецкого гражданства [1, с. 45]. С 50-х гг. XX в. Примерно 30 млн иностранцев и немцев иммигрировали в Федеративную Республику Германии. В конце 2002 г. численность легально проживающих в ФРГ иностранцев составляла 7,3 млн человек или 8,9 % всего населения, что значительно превышало средний показатель – 5,1 % – для европейских государств [2, с. 113]. В большинстве случаев основу иммигрантов составляют граждане стран – участниц соглашений о рекрутировании рабочей силы, заключенных в 1950 – 1960-е гг. По статистическим данным на 2003 г. 28 % являются выходцами из

Турции, 16,2 % – представляют бывшую Югославию, 8,4 % – уроженцы Италии, 5 % – Греции и 4 % – Польши [2, с. 114 – 116]. В последнее время увеличивается приток мигрантов из стран Ближнего Востока, что может быть объяснено следующими факторами:

- экономическая и социальная нестабильность, когда в условиях реформирования и трансформации экономики стран Ближнего Востока пострадали многие хозяйственные отрасли;

- политическая нестабильности, рост межнациональных конфликтов и преступности провоцируют отток населения из стран Ближнего Востока. Неутихающий арабо-израильский конфликт, кризисная ситуация в Ираке, нерешенные проблемы с лагерями беженцев в Ливане и Иордании – все эти события являются причиной большой мобильности проживающего на этих территориях населения;

- ухудшение экологической ситуации. Засухи, деградация почв в связи с неразвитой сельскохозяйственной отраслью, или природный бедствия, например землетрясение 2003 г. в Алжире;

- геополитические факторы, такие как близость границ стран Ближнего Востока, особенно в средиземноморских стран, с развитыми европейскими странами упрощает процедуру перемещения мигрантов.

Многие эксперты считают, что наиболее значимым событием международных отношений, повлиявшим на поток иммигрантов в страны Европы, в том числе и в Германию – иракско-кувейтский конфликт [1, с. 30]. Более миллиона арабских иммигрантов уехали в европейские страны. Германия как развитая европейская страна с хорошо разработанной программой адаптации мигрантов была очень привлекательна для приезжающего населения. Следует учесть еще и исторический фактор – ближневосточные страны не были колониями Германии (за исключением Намибии), поэтому и напряженных отношений между этими странами не наблюдалось. Кроме того, в послевоенное время для быстрого восстановления экономики Германия приняла ряд облегчающих иммиграцию законов, чем и поощрила прилив рабочей силы в страну.

Исторические корни миграционной политики Германии

У миграционной политики Германии долгая и интересная история. На ее формирование влияли следующие факторы:

- до конца XX в. Германия «официально не была страной иммиграции» [3, с. 50]; на законодательном уровне отсутствовали нормативные акты в области иммиграции и/или миграционной политики, в официальной риторике наличествовало только понятие «репатриация».

- Германская экономика долгое время в некоторых отраслевых сегментах не справлялась с существующей нагрузкой и завесила от притоков специалистов из других стран. Чаще всего это были не только высококвалифицированные кадры, но так же работники массовых обслуживающих профессий.

- По Конституции ФРГ и Закону об изгнанных и беженцах (1953 г.) «все лица немецкой национальности, подвергшиеся в 40-е годы изгнанию с родных земель и проживавшие до 8 мая 1945 г. в бывших немецких восточных землях или вне Германии (в том

числе в восточно-европейских странах, Китае) имеют право на репатриацию в Германию, а фактически на иммиграцию в неё» [3, с. 54].

Согласно современному законодательству в Германии есть две категории населения – иностранцы и немцы с численной пропорцией 92 % на 8 % [2, с. 110].

В конце XX в. в Германии обозначилась следующая тенденция – среди мигрантов оказались люди, которые, проживая в Германии долго время по немецким законам сохраняли статус «иностранцев». Такое объясняется тем, что государство долгое время не описывало и не регистрировало значительный миграционный прирост. Яркий пример – переселение этнических немцев, которое всегда воспринималось, как возвращение домой. Переселенцы не только быстро получали гражданство, но и практически сразу растворялись в категории «население». Очень часто иностранцы не испытывали потребности в получении гражданства, так как зачастую процедура получения гражданства была сложна и долговременна, а отсутствие гражданства как такового не мешало нормальной жизни в стране, получению образования и ведению бизнеса. Также получение гражданства не всегда означало немедленную интеграцию иностранцев в немецкое общество.

Как уже ранее упоминалось, германская история имеет глубокий опыт проведения миграционной политики. Однако ее характерной чертой является тот факт, что в немецком законодательстве долгое время отсутствовала миграционная терминология. Это в значительной степени повлияло на формирование законодательной базы.

Если говорить об истории миграционной политики в Германии, что начать следует с упоминания Первого закона об урегулировании вопросов гражданства от 1913 г [8]. Согласно этому закону немецкое гражданство могло быть приобретено по рождению; по легитимации; в результате приема в гражданство; по заявлению.

Следующей знаковой точкой стала Конституция ФРГ 1949 г [7]. По ней статус беженца был определен отдельным параграфом. В некоторых статьях этой конституции описывались условия получения статуса репатрианта, которые отдавались в полномочия земель. Статус был уточнен затем в Законе о репатриантах.

Важным шагом миграционной политики Германии является Закон о репатриантах 1953 г. «Один из важнейших законов, на десятилетия определивший пространственную судьбу нескольких миллионов немцев» [9]. Закон объединял в одну категорию использовавшиеся до этого разные категории беженцев и установил общие для земель правила определения статусов.

В 1957 г. были опубликованы дополнения в Закон о репатриантах. Расширяется круг лиц, имеющих право стать репатриантом за счет всех немцев, которые проживали на территориях с военными действиями до 1945 г. и подвергались политическим гонениями по этническому признаку.

Не менее важные дополнения в законодательство произошли в период конца 70-х середине 80-х гг. Это законы о мероприятиях для беженцев в рамках акций гуманитарной помощи, законы о предоставлении политического убежища, введение визового режима для иностранцев вне ЕС, предполагающих находиться в ФРГ более трех месяцев. Отдельно стоит упомянуть от так называемой «Программе Колля» – программе инте-

грации переселенцев от 1988 г. Программа предлагала многостороннюю интеграцию, расширенные программы адаптации, включающие культурное и социальное приспособление и обмен информацией на всех уровнях. Таким образом, предполагалось, что местному населению будет доступна информация о культуре и традициях проживающих на территории Германии мигрантов, а те в свою очередь будут изучать исторические и культурные особенности Германии.

В 1989 г. вышел закон, который объяснял процесс распределения переселенцев и поздних переселенцев по германским землям. Закон обязывал мигрантов регистрироваться в специально созданных федеральных лагерях для переселенцев и далее передвигаться по стране в соответствии с направлением лагеря.

Одним из важнейших мероприятий современной миграционной политики является Закон о въезде и пребывании иностранцев на территории ФРГ, называемый сокращенно «Закон об иностранцах» (1990 г.). Закон оговаривал права этнических мигрантов и возможность их переселения в Германию. Мигрант обязан подавать прошение о въезде еще, будучи в стране своего постоянного пребывания и только получив разрешение со стороны Германии, мигрант получал право въехать в страну. В законе определялся список безвизовых стран, а также оговаривались разные способы получения разрешений видов на жительство, среди которых можно отметить [6, с. 2]: 1) вид на жительство, в том числе бессрочный; 2) предоставление права на проживание разным категориям иностранцев; 3) право на проживание; 4) разрешение на проживание для достижения определенной цели.

В 1990 г. было подписано Шенгенское соглашение, которое давало свободу передвижения и особые миграционные преференции гражданам Шенгенской зоны. Дублинская конвенция, подписанная позже, определяла критерии выбора государств-участников, которые будут нести ответственность за рассмотрение ходатайства о предоставлении убежища. Эта мера была призвана решить проблему, когда мигранты, ищущие убежища лица выбирают наиболее подходящую для рассмотрения ходатайства страну.

В 90-х гг. XX в. Германия определила правовой статус позднего переселенца специально для категории этнических немцев из Восточной Европы, родившихся до 1993 г. Новые поправки установили квоты миграционных потоков, отменили привилегии для переселенцев по линии воссоединения семей. В эти годы проняли поправку в конституции с изменениями условий предоставления политического убежища. Также был принят закон о регистре иностранцев, согласно которому создавалась специальная компьютерная база, называемая «Центральный регистр иностранцев» в которую предписывалось заносить данные о прибывших иностранных гражданах. Такой базой могут в любое время воспользоваться как полиция, так и правительственные органы Германии.

В 2005 г. вышел Закон об управлении и ограничении иммиграции. Закон облегчает въезд высококвалифицированных мигрантов из государств, не входящих в ЕС, в частности из стран Восточной Европы и Азии. Принятый документ отменил ранее существовавшие четыре формы вида на жительство и установил две другие – вид на жительство и право на пребы-

вание. Создавалось специальное федеральное ведомство по делам миграции для проведения процедур предоставления иностранцам вида на жительство. Закон расширял возможности иностранных беженцев, подпадающих под критерии Женевской конвенции, и предполагал для них облегченные формы получения вида на жительство. Согласно новому Закону статус беженца могли получить иностранцы, подвергающиеся преследованиям на родине в связи с их нетрадиционной сексуальной ориентацией.

Самой примечательной стороной нового Закона была разработка концепции программа адаптации. Программа предполагала помощь вновь прибывшим иностранцами в интеграции германское общество, при помощи интеграционных курсов, курсов немецкого языка для мигрантов, ориентационных курсов, посвященных изучению культуры и истории Германии, а также ее правовой системы. По окончании курса выдавался сертификат об успешном участии в интеграционном курсе. Полученный сертификат является доказательством выполнения мигрантом определенных законодательных требований (и в целом его законопослушности). Интеграционный курс в основном оплачивается из бюджета, однако мигранты в зависимости от своего материального положения обязаны участвовать в этих расходах.

Когда в 1998 г. к власти в ФРГ коалиции социал-демократов и партии «зеленых» в 1998 г. законодательство в области миграционной политики было несколько изменено. С 1 января 2000 г. в силу вступили положения о реформировании Закона о гражданстве, в котором с этого времени облегчались условия натурализации и получения немецкого гражданства.

Сегодня Германия пытается мягко изменить акценты своей миграционной политики. В своем интервью Премьер-министр Баварии Хорст Зеехофер высказался за приостановку миграции в Германию граждан Турции и выходцев из стран Ближнего Востока [4]. В интервью изданию FOCUS глава баварской ХСС, входящей в правящую коалицию, заявил буквально следующее: "Очевидно, что мигранты из другой культурной среды, как, например, из Турции или с Ближнего Востока, интегрируются тяжело. Из этого я заключаю, что нам не нужны дополнительные мигранты из другой культурной среды". Эти слова являются примером того, что современная политика в области миграции в Германии переживает переломный момент, а меры в области адаптации и помощи мигрантам на сегодняшний день не могут решить кризисной ситуации.

Институциональная основа

Основные документы и законодательные акты, принимаемые в рамках миграционной политики, обсуждаются и утверждаются в обеих палатах Парламента Германии. За реализацию иммиграционной политики отвечают следующие органы исполнительной власти:

– Федеральное министерство внутренних дел. Оно занимается разработкой стратегии иммиграционной политики и координацией исполнения миграционного законодательства. В его функции также входит выдача разрешений на пребывание, рассмотрение заявлений на предоставление гражданства, принятие решений о депортации.

– Федеральная служба занятости занимается вопросами допуска иностранной рабочей силы на внутренний рынок труда и выдачи разрешений на трудоустройство. Федеральное министерство иностранных дел через посольства и консульства ФРГ за рубежом занимается рассмотрением заявлений на выдачу въездных виз.

– Уполномоченный правительства по делам миграции. Он является посредником между иностранцами и правительственными и неправительственными организациями, выступает в переговорах между общественными группами и органами, которые занимаются вопросами вновь прибывших иностранцев.

– Федеральное министерство труда и социальных дел отвечает за программу адаптации и проблемы интеграции иностранцев, в том числе занимается проблемами реинтеграции временных иностранных работников в Германии.

По новому Закону от 2002 г. функции реализации миграционной политики централизованы и переданы новому правительственному органу – Федеральной службе миграции и проблем беженцев. Эта служба отвечает за миграционные представительства Германии за рубежом, за координацию деятельности федеральных ведомств и органов, занимается внедрением процедур отбора мигрантов, оказывает информационную поддержку программ адаптации на различных уровнях, ведет регистрацию мигрантов и занимается вопросами добровольного возвращения мигрантов на родину.

Ранее уже упоминалось о федеральных лагерях по приему беженцев. Это специальные органы, которые занимаются приемом беженцев, предоставлением жилья, оказывают помощь в оформлении документов. Это уникальное изобретение Германии, такие лагеря появились в послевоенное время и располагались в приграничных зонах по всей стране. В лагерях первичного приема переселенцы, прибывшие из стран происхождения, проходят первичную регистрацию и далее распределяются по Федеральным землям Германии, где уже окончательно проходят процедуру признания как поздних переселенцев. Лагеря также предоставляют беженцам возможность пройти интеграционный курс. Один из самых ярких примеров подобной организации – Лагерь Фридланд, Нижняя Саксония. Лагерь находится под подчинением Федерального административного ведомства. Раньше он располагался на границе трёх оккупационных зон (Нижняя Саксония – британская, Гессен – американская и Тюрингия – советская) и важнейших железнодорожных путей между Ганновером и Касселем, что и предопределило положение лагеря. В последствие лагерь принимал военнопленных из СССР и помогал в вопросе восстановления документов, предоставлял проживание и оказывал помощь в поисках родственников. Позднее Фридланд стал использоваться как лагерь для беженцев из ГДР. С 1980-х гг. лагерь начал принимать поздних переселенцев из стран бывшего СССР и Восточной Европы. С 1 сентября 2000 г. Фридланд остался единственным первичным лагерем по приёму немецких переселенцев, так как большая часть лагерей в предыдущие годы была закрыта в связи с уменьшением потока переселенцев. Лагерь активно сотрудничает с немецким Красным Крестом, который также помогает на

некоторых этапах реализации миграционной, а точнее – репатриационной политики.

Как было упомянуто ранее, широкий круг вопросов решается на уровне земель. Городские власти оказывают временную материальную помощь беженцам, помогают найти работу, обеспечивают прохождение иностранцами курсов и программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки. Самоуправление в Германии имеет длительный и успешный опыт решения самых острых проблем, поэтому миграционная и интеграционная политика, наравне с политикой по борьбе с бедностью, безработицей и семейной политикой, являются основными направлениями городской социальной деятельности.

Миграционная политика страны стала предметом острых политических дискуссий. Каждому закону об иммиграции предшествуют многолетние дебаты. На протяжении долгой истории становления миграционной политики возникали и исчезали целые институты и организации, призванные урегулировать сложные вопросы социальной политики.

Ближневосточная и африканская миграция в ФРГ

Выходцы из стран Ближнего Востока составляют 4 по численности группу мигрантов Германии. Что касается распределения по странам-донорам, то эти данные приведены в таблице [5, с. 99].

Марокканцы – самая многочисленная группа мигрантов из ближневосточных стран. 85 % всех марокканцев проживают в двух немецких землях – Северный Рейн Вестфалия и Гессен. Большинство занято в добывающей промышленности, а также и текстильной и химической.

Таблица

Численность основных групп мигрантов из стран Ближнего Востока

<i>Страна-донор</i>	<i>Число</i>	<i>Процент</i>
Марокко	814500	32
Тунис	24000	9,4
Алжир	17000	6,7
Египет	17000	5,5
Ливия	2643	1,9

Тунисцы относятся к элите арабских мигрантов. Они обычно хорошо образованы, работают в сфере образования, торговле, культурной сфере. Также выходцы из Туниса являются самой ассимилированной в немецкое общество группой. Средний срок их пребывания в стране в 2 – 3 раза выше, чем у остальных арабов [5, с. 80 – 82].

Число мигрантов из Алжира резко возросло в период с 1991 – 2001 гг., практически все они беженцы, приехавшие в Германию после гражданской войны. Проблемы адаптации арабов в Германии связаны со многими аспектами, как политическими, так и культурно-традиционными. Узкий круг общения, языковой барьер, культурные обычаи мигрантов – все это изолирует общины мигрантов и не позволяет им стать членами немецкого общества.

Языковая проблема, по мнению многих исследователей, стоит не первом месте. В основном мигранты

находят себе работы, которая не требует знания языка, а связана с производственным процессом. Уникальный случай марокканской общины, которая изолирована от других арабских общин и тем самым значительно быстрее интегрирует в немецкое общество. Это связано с тем, что мигранты из Марокко – берберы, не говорящие на арабском языке. Их контакты с другими арабскими общинами малочисленны, и уже во втором поколении мигранты свободно владеют немецким языком.

Таким образом, несмотря на многочисленное реформирование и изменения законодательного аппарата и институтов миграционной политики, вопросы, которыми она занималась, были всегда строго распределены между различными структурами и институтами. Государство видит перед собой первоочередную задачу в выстраивании баланса интересов граждан и мигрантов. Граждане ФРГ всегда отличались высоким уровнем толерантности и стремлением по-

мочь выходцам из других стран адаптироваться к культурным ценностям Германии. Каждая земля имеет свои собственные институты и комитеты, занимающиеся вопросами мигрантов на своей территории. Такие органы выпускают специальную литературу, которая направлена на создание политкультурного сознания в уважения различных этнических культур и традиций. Однако все эти мероприятия не исключают существование резко отрицательного отношения к мигрантам, особенно не европейцам. Вследствие чего такие аспекты миграционной политики как создание и улучшение программ адаптации, увеличение норм финансирования таких программ и ускорение внедрения их социальную жизнь граждан являются важнейшими для германского правительства, которое понимает, что лишь многосторонний и всеобъемлющий подход способен решить одну из самых сложных проблем глобализованного мира – проблему миграции.

Литература

1. Андреев В. Ю. Ближний Восток в экономике и политике ФРГ в 60 – 90-е годы XX века. М., 2006. 186 с.
2. Денисенко М. Б. Иммиграционная политика в Российской Федерации и странах Запада. М., 2003. 314 с.
3. Карачурина Л. Иммиграционная политика Германии: успешный – неуспешный опыт // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 7. С. 55 – 65.
4. Премьер Баварии предложил остановить миграцию с Ближнего Востока // Актуально в Германии: rusverlag.de. 11.10.2010. Режим доступа: <http://www.rusverlag.de/2010/10/11/1193/horst-seehofer.html> (дата обращения: 20.11.2014).
5. Штоль М. Торгово-экономические связи Германии со странами Африки в конце XX – начале XXI века. М., 2003. 220 с.
6. Allgemeine Verwaltungsvorschrift zum Ausländergesetz. 28.06.2000 // [gesetze-xxl.de](http://www.gesetze-xxl.de/allgemeine-verwaltungsvorschrift-zum-auslaendergesetz/). Режим доступа: <http://www.gesetze-xxl.de/allgemeine-verwaltungsvorschrift-zum-auslaendergesetz/> (дата обращения: 26.01.2015).
7. Die Verfassung der Deutschen Demokratischen Republik. vom 7. Oktober 1949. 13. Режим доступа: <http://www.documentarchiv.de/ddr/verfddr1949.html> (дата обращения: 25.01.2015).
8. Reichs- und Staatsangehörigkeitsgesetz. Vom 22. Juli 1913. Режим доступа: <http://www.documentarchiv.de/ksr/1913/reichsstaatsangehoerigkeitsgesetz.html> (дата обращения: 25.01.2015).
9. Verordnung über die Ausgabe von Personalausweisen der Deutschen Demokratischen Republik. Режим доступа: <http://www.documentarchiv.de/ddr.html> (дата обращения: 26.01.2015).

Информация об авторе:

Корьякина Евгения Юрьевна – ассистент кафедры зарубежного регионоведения Института социально-политических наук Уральского федерального университета им. первого президента России Б. Н. Ельцина, e.yu.koryakina@gmail.com.

Evgenia Yu. Koryakina – Assistant Lecturer at the Department of Regional Studies, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

УДК 94:329.8:061.1 ЕС

ОСОБЕННОСТИ ПАРТИЙНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ, ВНУТРИПАРТИЙНЫХ СВЯЗЕЙ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ИЗБИРАТЕЛЯМИ В СТРАНАХ ЕС (на примере Германии)

Н. Г. Костромина

FEATURES OF PARTY OPPOSITION, INTRA-PARTY RELATIONS AND INTERACTION WITH THE VOTERS IN THE EU COUNTRIES (the example of Germany)

N. G. Kostromina

Статья посвящена исследованию внутрипартийных связей и их влиянию на трансформацию современных политических партий. Выделены основные тенденции трансформации политических партий в странах ЕС. Традиционные большие партии постепенно теряют свою популярность и влияние, а появление новых партий обусловлено социально-политической трансформацией самого современного общества и изменением форм и стиля политической коммуникации. Особое внимание уделено анализу функционирования немецких политических партий, которые в борьбе за завоевание и удержание государственной власти используют современные механизмы и стратегии и, в конечном итоге, втягиваются в процесс картелирования. Интерактивные способы привлечения избирателей используются пока мало, но есть тенденция к их расширению в соцсетях во время предвыборных кампаний. Политическая деятельность становится профессиональной. В статье отражены особенности внутрипартийного и межпартийного взаимодействия немецких политических партий на современном этапе. Показаны особенности политической коммуникации ведущих политических партий Германии, где немаловажную роль играет умение работать в коалициях и эффективно взаимодействовать с бизнесом на всех уровнях.

The paper investigates the inner-relations and their influence on the transformation of modern political parties. The basic trends in the transformation of political parties in the EU are exposed: traditional big parties are losing their popularity and influence, and new parties emerging due to socio-political transformation of the contemporary society and changes in the forms and style of political communication. Particular attention is paid to the analysis of the functioning of the German political parties that use modern tools and strategies in their struggle for the conquest and retention of state power and, ultimately, are drawn into the process of cartelization. Few interactive methods to attract voters are used so far, but there is a tendency to expand social networking during election campaigns. Political activity becomes professional. The paper describes the features of intra-party and inter-party cooperation of German political parties at the present stage. The author shows the features of political communication among major political parties in Germany, where an important role is played by the ability to work in coalitions and to interact effectively with the business at all levels.

Ключевые слова: внутрипартийные связи, партийная борьба, взаимодействие с избирателями, внутрипартийное соперничество.

Keywords: intra-party communication, party struggle, interaction with voters, intra-party rivalry.

Партийная борьба и политическая конкуренция, явление не новое, но в каждую эпоху, в каждой стране она имеет свои характерные черты. Эти черты отчетливо проявились в таких областях, как партийное взаимодействие, внутрипартийные связи, партийная конкуренция и взаимодействие политиков с избирателями в начале XXI в. практически во всех странах ЕС. Во многих странах ЕС в последнее время происходит так называемая фрагментация партийных систем, которая явилась результатом снижения общественного влияния традиционных, больших партий и ростом политической популярности группировок (чаще всего, крайне правых), стоящих на «антипартийных» и «антиистеблишментских» позициях. По этой причине укорененные партии для предотвращения дробления своих партийных систем вынуждены выстраивать защитные механизмы, которые находят своё выражение в процессе картелирования.

Все чаще на политическую арену выходят партии ранее никому не известные, не имеющие четкой организации, идеологической основы, четкой программы и ясного понимания того, чьи интересы они будут представлять. Выглядят, в разных странах они по-разному, выполняют разные функции и в различной

степени подвержены общественному контролю. Однако сам факт их присутствия в любой демократической системе свидетельствует о неслучайности их появления [7, с. 13]. Причины их появления на политической арене кроются с одной стороны, в социально-политической трансформации общества, с другой – в сфере политических коммуникаций.

В последние годы в центре внимания европейских партий все чаще оказывается именно завоевание государственных постов – в ущерб деятельности, ориентированной на привлечение симпатий избирателей и реализацию программных установок. Исследователи пишут о том, что сближение европейских партий с государством, прежде всего через государственное финансирование и усиливающийся контроль над внутрипартийной жизнью, превращает их из традиционных добровольческих негосударственных ассоциаций в так называемые коммунальные предприятия, квазигосударственные структуры [18, с. 714]. Следовательно, завоевание и удержание государственной власти из инструмента осуществления партийных стратегий постепенно превращается в самоцель, и на фоне роста волатильности электората борьба политических элит «за офис» обостряется [7, с. 13].

В то же время постепенное ослабление любой, кроме карьерной, мотивации для занятия политикой (идеологической, идейной, социальной и т. д.) приводит к заметному изменению характера западноевропейских политических партий. Политическая активность граждан сокращается (июнь 2009 г.), институт партийных добровольцев (grassroots) приходит в упадок, и партии утрачивают массовый характер, превращаясь в организации профессиональных политиков с подчиненным им бюрократическим аппаратом. Процесс профессионализации политической деятельности ставит политиков перед необходимостью обращаться к наемным специалистам в самых разных областях. Политологи, социологи, маркетологи, имиджмейкеры, PR-консультанты и другие стали обязательными участниками всякой избирательной кампании – практически во всех странах, где проводятся выборы в органы власти.

Среди многих европейских стран со сложными системами больших и малых общенациональных и региональных партий наибольший интерес представляет Германия [4]. Если рассмотреть в организационном аспекте их межпартийное объединение, мы увидим, что общегерманская партийная система представляет собой результат слияния родственных восточных и западных группировок, исключение составляет Партия демократического социализма (ПДС), образованная еще в ГДР 4 февраля 1990 г. на базе СЕПГ, и левые формирования прежней ФРГ. Несмотря на то, что процесс слияния и интеграции различных партийных групп проходил по-разному и определялся соотношением сил, стоит отметить очевидный факт западно-германские объединения доминировали над восточно-германскими во всех отношениях. Некоторые исследователи считают, что логичнее было бы говорить об их присоединении к родственным партиям ФРГ, так как со стороны восточно-германских партий в процессе этого объединения не произошло ожидаемого многими программного прорыва. Более того, в рамках отдельных объединений их влияние на создание общегерманского партийного профиля было незначительным, за исключением партии Союз 90 / Зеленые [9, с. 15].

Также стоит отметить, что существенно выросла популярность малых партий «второго эшелона» [4]. В разных выборах в ФРГ принимает участие почти 70 политических партий и союзов. Например, в 2009 г. на выборы в Бундестаг было представлено 27 партий, а в Европарламент уже 32. Традиционно немецкие партии ведут свою деятельность в одной или нескольких соседних землях. При этом партии национальных меньшинств располагают ограниченной электоральной базой. Показателен пример довольно популярного Южношлезвигского избирательного союза, выражающего интересы общины датчан в земле Шлезвиг-Гольштейн, который, несмотря на отсутствие 5 % ограничений на последних региональных выборах получил поддержку только 4,3 % избирателей, это всего 4 мандата из 95 в ландтаге. Примерно в таком же положении находятся партия фризов в Нижней Саксонии и лужицких сербов в Саксонии и Бранденбурге, чью политическую активность можно назвать минимальной. Но не все региональные

партии довольствуются такими скромными результатами, здесь показателен пример успеха баварского Христианско-социального союза (ХСС) на выборах в Бундестаг.

Политический успех также как и срок жизни политической партии не бывает постоянным и продолжительным. Данные показывают, что период существования партий в ФРГ часто связан с политической активностью одного человека и небольшой группы его сподвижников и ограничен несколькими годами. Например, большинство из 30 партий образованных после 1990 г. были распущены, присоединены к другим партиям или прекратили свою деятельность. Хотя есть исключения, это старейшая партия Германии – Немецкая партия Центра, основанная в 1870 г. Несмотря на то, что с появлением ХДС/ХСС из-за оттока католического электората позиции партии значительно ослабли, она все же, продолжает участвовать в выборах, ведет борьбу за места в региональных законодательных органах и насчитывает около 650 членов.

Иногда из небольших партий рождаются новые популярные общенациональные объединения. Именно так на политической арене появилась Пиратская партия Германии («Пираты»). Партия была создана в 2006 г. по примеру шведских борцов за свободное информационное общество. На выборах в Бундестаг в 2009 г. она набрала 2 % голосов, что для партий, ориентировавшихся на узкие избирательные группы являлось почти сенсацией. Уже в 2011 г. «Пираты» прошли в парламент Берлина, а в 2012 г. в Сааре повторили свой успех, снова преодолев 5 % барьер.

Исследователи считают, что кризис «народных» партий ФРГ связан с фундаментальными изменениями базовых ценностей немцев и отчасти является одной из причин успеха малых партий. Если в индустриальную эпоху избиратели традиционно делились на «правых», «центристов» и «левых», что было обусловлено их материальным положением и спецификой занятости, то с переходом к постиндустриальному обществу возросло внимание к нематериальным потребностям и старые идеологические ориентиры оказались основательно размыты. Социал-демократические партии лишаются традиционной опоры в связи с кризисом профсоюзного движения, кардинальных сдвигов на рынке труда, появлением новых форм занятости. Определенные трудности испытывают партии правого толка. В частности, это касается изменения в немецком обществе отношения к семье и церкви [1, с. 114 – 130]. Стоит также отметить тот факт, что с крушением социалистической системы ХДС/ХСС лишились антикоммунистической риторики [3, с. 73].

В Германии сохраняется высокая избирательная активность граждан, но при этом существенно сокращается численность членов партии – люди перестали верить в способность повлиять на внутрипартийную жизнь. Современная политическая партия в глазах немцев все чаще ассоциируется со строгой иерархией, бюрократией и коррупционными скандалами [12, с. 55 – 56]. Статистика показывает, что с момента объединения Германии ХДС и СДПГ потеряли пятую часть членов и имеют в своих рядах по 0,5 млн членов, «Левые», СвДП и «Зеленые» насчитывают всего

по 60 – 70 тыс. человек. Другие партии имеют в своих рядах от нескольких сотен до нескольких тысяч членов. Средний возраст партийцев неуклонно растет [16, с. 35]. В условиях информационного общества все больше очевидна «неповоротливость» отдельных германских партий, которая объясняется кризисом партийной прессы и медленным освоением интернет-пространства. Партии становятся неудобным и неэффективным форматом отстаивания общественно-политических интересов по сравнению с другими гражданскими инициативами.

На немецких выборах растет протестное голосование. В целях повышения конкурентоспособности германской экономики правящие элиты все чаще руководствуются категориями эффективности, а не солидарности граждан, что в свою очередь оттолкнуло от ведущих политических партий избирателей проигравших от роста интеграции страны в мировое хозяйство [1, с. 130]. Например, на фоне необходимых, но тяжелых социальных реформ, проводимых коалиционными правительствами Герхарда Шредера (СДПГ / Зеленые) и затем Ангелы Меркель (ХДС/ХСС) произошло возрождение восточногерманской Партии демократического социализма. Еще в 2002 г. она не смогла преодолеть 5 % барьер, и была представлена в Бундестаге двумя одномандатниками. Однако уже на очередных выборах в 2005 г. «Левая партия. ПДС» (новое название партии) получила 8,7 % голосов (54 места из 613). Затем после ее объединения с партией «Труд и социальная справедливость – Избирательная альтернатива» 16 июня 2007 г. появилась новая партия «Левые», которая на федеральных выборах 2009 г. получила 11,9 % голосов (76 мест из 622), а на выборах 2013 г. 8,6 % голосов (64 места из 631). Таким образом, после очередных федеральных выборов «Левые» стали третьей партией в стране.

Бесспорно, что подъем малых партий обусловлен не только объективными долгосрочными сдвигами в электоральном поведении немцев, но и конкретными просчетами «народных» партий. Например, негативно были встречены гражданами ФРГ их взаимные обвинения в ходе предвыборной гонки 2005 г. Любопытно, что итогом этой предвыборной кампании стало создание «большой коалиции» (ХДС/ХСС и СДПГ). К дальнейшему разочарованию разных групп населения привели также нерешительные действия «большой коалиции» при проведении реформ в области здравоохранения и пенсионного обеспечения, хотя их осторожность была обусловлена именно страхом потери поддержки избирателей [10, с. 43, 45 – 46]. Очевидными просчетами ХДС на региональном уровне считаются также переход на Болонскую систему бакалавр-магистр без должной корректировки учебных программ и, попытка ввести платное высшее образование в семи землях Германии.

На сегодняшний день самой сильной малой партией считаются «Зеленые», находящиеся в оппозиции на федеральном уровне. Также как и партии «большой коалиции» они представлены в парламентах всех земель. Первую победу они одержали в Бремене в 1979 г., в 1982 г. имели своих представителей во многих западногерманских ландтагах, в результате постепенно расширяя электоральную базу по всей стране, в

2011 г. добились колоссальных успехов. Впервые на пост премьер-министра в коалиционном земельном правительстве Баден-Вюртемберга был назначен представитель «Зеленых» Винфрид Кречман. Также «Зеленые» вошли в состав коалиционных правительств Рейн-Пфальца, Бремена и других земель. На выборах 2013 г. в Бундестаг получили поддержку 8,4 % избирателей (63 места).

Вторыми по значимости среди малых партий, а также по величине фракции в Бундестаге после СвДП, и по широте представительства в ландтагах (после «Зеленых») занимают «Левые». Одной из ее главных проблем является то, что большинство парламентских партий не готово вступать с ними в коалицию. Лидеров СДПГ настораживает чрезмерная догматическая трактовка социализма и эксплуатация «Левыми» инерционных шаблонов массового сознания [2, с. 135 – 136]. Не прибавляет доверия и внутрипартийная борьба преимущественно между западногерманскими левыми и восточногерманскими партийцами. Стоит отметить и организационные проблемы, например официальная программа партии «Левых» была принята только спустя четыре года после ее оформления [14].

Также в ряду малых партий стоит отметить праворадикальные. Их программы периодически меняются вместе с целевыми установками от экстремистских до популистских. Часто праворадикальные партии добиваются популярности, точно улавливая настроения избирателей, включают в свои программы то экологические требования, то призывы к ужесточению борьбы с незаконным оборотом наркотиков и другие. Но добившись успеха на одних выборах, они редко повторяют его на следующих, так как избиратели обычно разочаровываются как в практической деятельности радикалов, так и благодаря активизации их противников.

Особо среди малых партий стоит отметить либеральную СвДП, имеющую богатую историю. С момента создания в 1948 г. партия неоднократно принимала участие в федеральных и земельных правительствах. За последние пять лет она испытала и небывалый рост популярности, и резкое падение поддержки избирателей. На выборах в Бундестаг в 2009 г. СвДП завоевала почти 15 % голосов избирателей, что, по мнению экспертов, говорило о действительном расширении электоральной базы либералов. Вхождение СвДП в правящую коалицию также нельзя было рассматривать как формальность – после одиннадцатилетнего пребывания в оппозиции либералы пришли в федеральное правительство со свежими идеями и желанием претворять их в жизнь. Однако из-за некоторых неправильных решений и невозможности осуществить свои главные предвыборные обещания, касающиеся снижения налогового гнета СвДП лишилась популярности. Даже после попытки омоложения партийной верхушки последовавшей за чередой поражений на земельных выборах 2011 г. ситуация не изменилась. Перестановки в руководстве и назначение лидером министра здравоохранения Филиппа Рёслера не помогли, партии необходимы кардинальные изменения идеологии [5, с. 321]. С 2011 г. происходит обновление в составе большинства земельных парламентов, в результате СвДП в нескольких ланд-

тагах лишилась своего представительства, позиции ей удалось укрепить только в Гамбурге. Получив на досрочных выборах в марте 2012 г. в Сааре только 1,2 % голосов либералы начали усиленную подготовку к досрочным выборам 13 мая 2012 г. в Северном Рейне-Вестфалии, которые имели огромное значение для политического выживания партии [Hoffmann und Eckart]. В итоге, победили социал-демократы (СДПГ) (39,1 %) и «Зеленые» (11,4 %). Несмотря на острый кризис либералы из Свободной демократической партии (СвДП) все-таки преодолели пятипроцентный барьер, а, кроме того, в ландтаг – уже четвертый подряд – прошли представители новой для Германии Партии пиратов. Зато на выборах 2013 г. в Бундестаг СвДП впервые набрала всего 4,8 %. и не прошла в парламент [11].

С момента появления партии «Пиратов» эксперты пытаются дать прогнозы по поводу ее перспектив. По их мнению, неожиданная популярность партии связана с применением смелых популистских идей, связанных с «цифровой революцией». В программу «Пиратов» в качестве основных пунктов вошли: реформа патентного права, реформа в области образования, необходимость обеспечения неприкосновенности частной жизни и защита данных о ней, прозрачность государства на всех уровнях власти для обеспечения прямой демократии, открытый доступ к результатам научных исследований и разработок, запрещение электронного голосования и другие. В отличие от других партий «Пираты» пока не имеют отчетливой экономической программы. Не добавляет им политического веса и прохождение в региональные парламенты без участия в коалиционных правительствах. Таким образом, «Пираты» рискуют повторить судьбу многих популистских партий ФРГ, которые входили в ландтаги на 4 – 10 лет, а потом возвращались к маргинальным позициям [5, с. 320]. Данное мнение уже подтверждается на практике. В 2012 г. согласно результатам опроса популярность партии выросла до 13 %, что поставило ее впереди СвДП и партии «Зеленых». Таким образом, она вышла на третье место после ХДС и СДПГ. Но уже в 2013 г. после ухода из руководства партией Марины Вайсбанд и других лидеров, серии скандалов и разборок в руководстве, популярность партии резко упала. На выборах в Бундестаг 2013 г. партия получила лишь 2,2 % голосов избирателей и не прошла в парламент Германии.

Применение популистских идей не было единственной причиной успеха «Пиратов». Большую роль в росте их привлекательности сыграли новые стратегии политической коммуникации, которые, по мнению аналитиков, вынудили традиционные партии изменить свое отношение к социальным сетям и возможностям интернет-ресурсов вообще [15]. Основной козырь «пиратов» – это принцип «больше участия, больше демократии», именно его они реализуют с помощью общения с избирателями в социальных сетях. Необходимо заметить, что в своей политической коммуникации они блестяще используют приемы по работе с социальными медиа, хорошо зарекомендовавшие себя во время предвыборной кампании Б. Обамы в 2008 г. Данные приемы были взяты на вооружение политиками многих стран, это, прежде

всего, присутствие во всех известных социальных сетях и блог-платформах, соединение онлайн и офлайн-мероприятий, а также максимальное смешение публичной и частной сфер, благодаря профессиональному сопровождению страничек политиков в социальных сетях. Основное отличие «Пиратов» от других немецких партий в том, что их политики более активны в общении с электоратом. Аналитики, рассмотрев коммуникацию немецких партий в Твиттере и Фейсбуке в период с октября по ноябрь 2011 г. пришли к однозначным выводам:

Во-первых, по сравнению с традиционными партиями ведущие политики партии «Пиратов» намного активнее ведут себя в социальных сетях (в день на официальной страничке партии в Фейсбуке появляется не менее 3 – 4 постов, а во время партийных мероприятий их число увеличивается до 8 – 9).

В-вторых, популярность официальной страницы «Пиратов» намного выше, чем у ведущих немецких партий ХДС и СДПГ («Пираты» имеют около 37 тыс. подписчиков, ХДС – 16 тыс., СДПГ – около 24 тыс.).

В-третьих, аккаунты «Пиратов» также отличаются большой активностью, постоянно обновляются и дополняются новой информацией, видео, ссылками на статьи, пишутся острые комментарии.

В-четвертых, в отличие от большинства партий политическая коммуникация «пиратов» в социальных сетях сильно персонализирована, подпись автора ставится даже в статьях официальной странички. Часто члены правления партии сами ведут переписку с гражданами на своих персональных аккаунтах в Твиттере и в Фейсбуке.

В-пятых, в постах «Пиратов» общественно-полезная информация соседствует с личной, благодаря чему у простых граждан создается впечатление, что они общаются с «парнями из соседнего двора», которым можно доверять. Такой образ пытаются создать многие политики, но, несмотря на активную работу их пиар-служб, он зачастую выглядит слишком искусственным [6].

Рост популярности партии «Пиратов» в 2011 г. заставил остальные немецкие партии серьезно задуматься об усовершенствовании своей политической коммуникации в социальных сетях. Даже скептики-оппоненты «пиратов» признали, что «они уже сейчас изменили республику: «пираты» заставляют другие партии более интенсивно заниматься вопросами Интернета». По нашему мнению, в немецкой политике созрела проблема реформирования репрезентативной демократии и дальнейшего формирования современной культуры политической коммуникации именно благодаря феноменальному успеху партии «Пиратов».

По данным независимой компании по связям с общественностью «Эдельман», опубликованным в ноябре 2011 г., роль социальных сетей в политической коммуникации в период с 2009 по 2011 гг. увеличилась на 32 % (Edelman Capital Staffers Index 2011...). Исследование было проведено в 11 национальных парламентах таких стран как Германия, Бельгия, Великобритания, Франция, США и других. В результате выяснилось, что традиционные каналы политической коммуникации сохранили свое значение (письменные запросы – 90 %, электронная почта –

96 %, личные разговоры – 82 % и т. д.), роль блогов парламентариев и их аккаунтов в социальных сетях сильно выросла (90 % парламентариев расценивают общение в Интернете как дополнительный действенный инструмент внутренней и внешней коммуникации). Роль социальных медиа, особенно – Фейсбука подчеркивают 42 % из них. Официальный профиль в Фейсбуке имеют 23 % депутатов Бундестага. Наиболее активными в социальных сетях из фракций, представленных в парламенте, являются депутаты партии «Союз 90 / Зеленые» и либералы из Свободной Демократической партии Германии (СвДПГ). Однако стоит отметить, что по сравнению с американскими ведущие немецкие партии намного менее активны в социальных сетях. Регулярно по несколько раз в неделю со своими сторонниками в Фейсбуке общаются только 36 % депутатов немецкого Бундестага и местных парламентов ландтагов. По результатам исследований, проведенных в техническом университете Ильменау, диалог политика с гражданами в социальных сетях происходит редко, только 22 % политиков реагирует на посты граждан [17].

В 2009 г. благодаря немецкому онлайн-агентству «Коммучино» появилась возможность в режиме реального времени отслеживать активность немецких политических партий в социальных сетях. На сайте агентства представлена деятельность партий, входящих в состав Бундестага и разделена она по принципу коммуникаторов: фракции в Бундестаге и ландтагах, присутствие в сетях самой партии и ее региональных представительств, а также официальные и неофициальные странички политиков отдельных партий в Фейсбуке, на «flickr», «youtube» и другие [13]. Опираясь на данные сайта можно сделать вывод об активности политических партий в социальных сетях, например, в ноябре 2011 г. самыми активными были «Зеленые», Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) и Свободные демократы (СвДПГ) [6], что отчасти объясняется необходимостью вернуть себе популярность. В целом эти данные сходятся с результатами исследований университета Ильменау [17].

Анализ постов различных партий показывает, что крупнейшие партии Германии ХДС и левоцентристская СПД применяют для политической коммуникации в социальных сетях стиль характерный для прессконференций, и отличаются сравнительно длинными постами в 5 – 6 строк. «Зеленые» придерживаются сходной стратегии. Остальные партии в своем стремлении привлечь наибольшее число граждан, стараются сделать свой контент в социальном пространстве наиболее доступным и легким для восприятия. В частности, СвДПГ размещает преимущественно видеоматериалы, партия «Левые» отличается очень короткими постами со ссылками на сам материал в сети. По мнению Линнете Хаймрих, автора исследования «Политический пиар в социальных онлайн-сетях», политическая коммуникация немецких политиков с простыми гражданами через соцсети, в том числе использование Фейсбука в политике находится только в начале пути, тогда как в США она уже давно является частью коммуникационной стратегии. Немецкие политики пока «очень редко ориентируются на ключевые особенности социального веба, коммуникация в котором

отличается интеракцией и участием пользователей» [6]. Партии понимают важность и необходимость присутствия в социальных сетях и зачастую копируют американские технологии политической коммуникации. Тем не менее, как показывает практика их присутствие в социальных сетях остается формальным. Даже во время предвыборной кампании 2009 г. немецкие партии сравнительно мало использовали возможности интерактивности в социальных сетях. В отличие от американских политиков, представители немецких ведущих партий практически не меняют форму общения с избирателями и мало используют возможности новых СМИ. Исключение в Германии составляла только партия «Пиратов», но после событий 2013 г. ее перспективы достаточно туманны.

Как бы не сложилась судьба данной партии, феномен «Пиратов» уже выявил немаловажную тенденцию, немецкие граждане готовы голосовать за еще большее число партий. При этом при наличии четырех – пяти фракций в парламенте они могут принять практически любой формат правящей коалиции. В отдельных странах это могло бы привести к неустойчивости самой партийной системы, к политической и экономической нестабильности. Тем не менее, поведение Германии в условиях мирового кризиса и обострившегося кризиса в странах Евросоюза показывает, что немецкое общество способно избирать рациональную стратегию, которая обеспечивает стране стабильное развитие. Умение ведущей партии Германии (ХДС) работать одновременно в коалициях с разнообразными политическими партиями на федеральном уровне и в отдельных землях позволяет иногда в ходе ожесточенных полемик выработать эффективные решения. При этом СДПГ, которая после 2009 г. обновила свои ряды и значительно укрепила позиции в ряде федеральных земель, намерена поменяться местами с ХДС. Малые партии также не согласны оставаться в стороне. В итоге, в немецком обществе на практике реализуется мысль германских ордолибералов, разработавших основы модели социального рыночного хозяйства, – о взаимозависимости общественных подсистем (порядков). Действительно, в ФРГ при политической демократии обеспечивается конкуренция также и в экономической сфере, которая, в свою очередь, служит залогом устойчивого хозяйственного развития при более или менее успешной борьбе с безработицей и решении других социальных проблем. Немаловажную роль здесь играет взаимодействие немецких политических партий с бизнесом на разных уровнях, которое также имеет свои отличительные черты и выгодно выделяет его на фоне других европейских стран.

В политических партиях ЕС происходят очень серьезные демократические процессы. Способность партии найти в своей среде и подготовить «истинно государственных людей» – парламентских лидеров, президентов и т. д. говорит о ее стремлении к саморазвитию, а умение плодотворно использовать внутрипартийные разногласия и дискуссии для реализации намеченных целей об ее устойчивости и конкурентоспособности. Таким образом, партии по-прежнему остаются важнейшим средством отстаивания гражданских прав личности и ее политических свобод,

однако к началу двадцать первого века они сильно изменились. Эти изменения проявились в первую очередь в области партийного противостояния, внутрипартийных связей и взаимодействия с избирателями.

Литература

1. Германия. Вызовы XXI века / под ред. В. Б. Белова. М.: Весь Мир, 2009. 792 с.
2. Иерусалимский В. П. ФРГ: партийный ландшафт накануне выборов (часть первая) // Современная Европа. 2009. № 2. С. 129 – 142.
3. Иерусалимский В. П. Правоцентристский сегмент партийно-политической системы ФРГ в процессе ее общей трансформации // Вестник Московского университета. (Серия 25: Международные отношения и мировая политика). 2010. № 2. С. 66 – 94.
4. Кузнецов А. В. Большие перемены у малых партий Германии // Перспективы: портал. 04.05.2012. Режим доступа: http://www.perspektivy.info/oykumena/europe/bolshije_peremeny_u_malyh_partij_germanii_2012-05-04.-htm (дата обращения: 13.12.2012).
5. Кузнецов А. В. Германия: динамизм экономики, сдвиги на политической сцене // Год планеты. 2011. С. 309 – 323.
6. Литвиненко А. А. Веб 2.0. Во внешней коммуникации политических партий Германии // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 262 – 264.
7. Пшизова С. Н. За спиной партийных вождей: спин-доктор у руля // Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах / под ред. Ю. Г. Коргунюка, Е. Ю. Мелешкиной, Г. М. Михалевой. М.: КМК, 2010. С. 11 – 25. Режим доступа: <http://www.indem.ru/PUBLICATION/Korgunuk/-partia-book.pdf> (дата обращения: 13.12.2012).
8. Спасский Е. Н. Партийная система Германии и основные тенденции её развития на современном этапе // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2007. № 3. С. 61 – 67.
9. Спасский Е. Н. Германские политические партии в процессе и после объединения Германии: механизмы конкуренции и тенденции эволюции: автореф. ... д-ра полит. наук. СПб, 2009. 40 с.
10. Тимошенкова Е. П. «Большая коалиция» в Германии // Современная Европа. 2009. № 1. С. 41 – 54.
11. Шаталин В. СвДП – либералы. 20.02.2009. Режим доступа: <http://www.dw.com/ru/свдп-либералы/a-1157290> (дата обращения: 18.01.2014).
12. Швейцер В. Я. Многопартийность: перемены на Западном фронте // Современная Европа. 2003. № 2. С. 55 – 63.
13. Compuccino:wahl.de – WirmachenPolitikerim Social Web sichtbar. Режим доступа: <http://wahl.de/parteien>
14. Dokumente der Partei Die Linke/Website die Linke. Режим доступа: <http://www.die-linke.de/partei/-dokumente/> (дата обращения: 25.12.2013).
15. Howest M. Fünf Gründe, warum deutsche Politiker (und ihre Agenturen) mit Social Media scheitern (15/09/2011) // iBusiness Nachrichten. Режим доступа: <http://www.ibusiness.de/aktuell/db/230475mah.html> (дата обращения: 15.11.2011).
16. Kießling A. Politische Kultur und Parteien in Deutschland. Sind die Parteien reformierbar? // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2001. Bd. 10. S. 29 – 37.
17. Schweiger W. TU Ilmenau: Facebook-Euphorie verflogen – Deutsche Politiker setzen kaum auf Wähleransprache via Facebook (01/02/2011) // Website Technische Universität Ilmenau. Режим доступа: <https://www.tu-ilmenau.de/journalisten/pressemitteilungen/einzelnachricht/newsbeitrag/6654/> (дата обращения: 01.02.2011).
18. Van Biezen I. Political Parties as Public Utilities // Party Politics. 2004. Vol. 10. № 6. P. 701 – 722.

Информация об авторе:

Костромина Надежда Георгиевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории и международных отношений КемГУ, Klio73@mail.ru.

Nadezda G. Kostromina – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Modern and Contemporary History and International Relations, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

УДК 94 (430).087

МОЛОДЁЖНАЯ ПОЛИТИКА ФРГ В 1949 – 1957 ГГ. И ЕЁ АКТОРЫ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА*Е. С. Любомирова***GERMANY'S YOUTH POLICY IN 1949 – 1957 AND ITS ACTORS: GENERAL OVERVIEW***E. S. Lyubomirova*

Статья посвящена вопросам становления и институционализации молодёжной политики ранней ФРГ. Показано значение молодёжной политики, её основные особенности и направления. Особое внимание уделяется иерархии и деятельности ключевых исполнительных структур, занимавшихся проведением молодёжной политики, а также их взаимодействию с общественными инициативами и молодёжными организациями. Делается вывод о складывании союза государства и общества, направленного на успешную практическую реализацию молодёжной политики.

The paper is devoted to the questions of formation and institutionalization of the youth policy in the early Federal Republic of Germany. The significance of the youth policy, its main features and trends are shown. Particular attention is paid to the hierarchy and activities of the main executive authorities which were engaged in the implementation of the youth policy, as well as their interaction with public initiatives and youth organizations. A conclusion is drawn about the formation of the unity between the society and the state, aimed at successful practical realization of the youth policy.

Ключевые слова: ФРГ, молодёжная политика, бундестаг, исполнительная власть, защита молодёжи, антикоммунизм, антиамериканизм.

Keywords: the Federal Republic of Germany, youth policy, Bundestag, executive authority, youth protection, anti-communism, anti-Americanism.

После выборов в бундестаг в 1949 г. государственные мужи ФРГ оказались перед сложной задачей: в условиях ещё далеко не преодоленных многочисленных общественно-политических, социальных, моральных и материальных последствий Второй мировой войны необходимо было создать новую и стабильно функционирующую систему молодёжной политики. С одной стороны, крах Веймарской республики, приход к власти национал-социалистов и развязанная ими мировая война, оккупация и последующий раскол страны представляли собой их общее прошлое, общий политический опыт, на который они опирались и от которого в то же время отталкивались в своих дискуссиях. С другой стороны, ведущие политические партии имели разные представления о том, какой будет новая молодёжная политика.

Первый шаг и общий тон молодёжной политики ФРГ был задан Конрадом Аденауэром. Уже в его первой правительственной декларации в качестве федерального канцлера были заложены два принципа, которыми в дальнейшем руководствовалось федеральное правительство в сфере молодёжной политики. Во-первых, это наличие у государства обязательств по отношению к молодёжи. Во-вторых, это необходимость рассматривать данные обязательства «иначе, чем это происходило до нас» [30, с. 27]. В то время как первый принцип прозвучал в речи канцлера более чем формально, второй принцип давал чёткие сигналы: руководство ФРГ решительно отмежевывается от молодёжной политики Третьего рейха, и оно будет проводить свою собственную, самостоятельную политику в этой области. Фактически, Аденауэром была озвучена претензия на новый путь молодёжной политики ФРГ, отличный от политики предшественников. Но поскольку при отказе от тоталитарного наследия, от этой «травмы прошлого» [27, с. 55], вынудившей государственных мужей постоянно подчёркивать своё дис-

танцирование от политики НСДАП, единственным прожитым политическим опытом оставался опыт Веймарской республики, то это обстоятельство вольно или невольно предопределило их обращение к молодёжному законодательству Веймара. Этот консервативный поворот, удачно вписывавшийся в традицию патерналистского воспитания молодёжи [28, с. 268], стал первой отправной точкой для законодательной практики бундестага в области молодёжной политики.

Второй отправной точкой стал антикоммунизм, усиленный расколом прежде единой страны на два государства. Высокий уровень молодёжной безработицы, тяжёлые материальные и жилищные условия, сохранявшиеся так или иначе примерно до середины 1950-х гг., давали депутатам повод утверждать, что в такой ситуации западногерманская молодёжь является гораздо более восприимчивой к идеологической пропаганде из СССР и ГДР, поэтому молодёжная законодательная практика ФРГ была нацелена не только на преодоление тяжёлого материального положения молодёжи, но и на её адаптацию в обществе и дальнейшую привязку к западной демократии [14].

Третьей отправной точкой стал антиамериканизм. Усиливающаяся американизация общественного сознания, проникновение через СМИ символов американского образа жизни, растущее влияние индустрии развлечений – все эти моменты, ставшие предвестниками смены стереотипов социального поведения, а также трансформации общественных норм и ценностей, создавали ощущение угрозы национальной идентичности, усиливая подогреваемые прессой предубеждения насчёт «безвкусной» американской культуры и вызывая у депутатов стремление оградить молодёжь от её «разлагающего» влияния [1, с. 46]. Стоит отметить, что это стремление не мог не поддержать и сам федеральный канцлер. Аденауэр был гибким политиком, но как человек, семьянин и глубоко верую-

щий католик он был неизменно консервативен [26, с. 11 – 12].

В период 1949 – 1957 гг. внутренняя и внешняя политика ФРГ определялась в основном ХДС/ХСС. Как правящая партия, обладавшая относительным парламентским большинством, она оказала значительное влияние и на профиль молодёжной политики страны.

Основным оппонентом ХДС/ХСС была СДПГ, которая выступала с поправками и предложениями по большинству вопросов молодёжной политики, обсуждаемых в бундестаге. Настоящим камнем преткновения между двумя партиями стал вопрос о роли и функциях государства в области молодёжной политики. Специфика подхода СДПГ состояла в подчёркивании социально-политического компонента молодёжной политики, в рассмотрении её в первую очередь как части политики социальной, многие функции которой должно взять на себя государство [22, с. 11]. Это был иной взгляд, основанный на более широком понимании социальной ответственности государства, нежели у ХДС/ХСС, которая ратовала за принцип субсидиарности, и, фактически, не признавала, что молодёжь нуждается в широкой поддержке, не ограниченной вопросами нравственной защиты молодёжи от проявлений американизации [19].

На основе установок партий, а также трёх отправных точек в молодёжной законодательной практике бундестага сформировались два параллельных направления. Негативное направление, нацеленное на «охрану» молодёжи от новых веяний американской культуры и растущего влияния индустрии развлечений и воплотившееся в законах «О защите молодёжи в общественных местах» 1951 г. и «О распространении изданий, опасных для молодёжи» 1953 г., стало ярким проявлением консервативного поворота в сторону Веймара. Кроме того, в нём отразилось господство в обществе ограничительной сексуальной морали [15, с. 187], предубеждения насчёт всё более усиливающейся американизации и «потребность общества в перестраховке» [29, с. 16] в быстро меняющемся мире.

К позитивному направлению относились реформа «Имперского закона о вспомоществовании молодёжи» и особенно принятие в 1950 г. Федерального молодёжного плана (ФМП), на основе которого была создана практическая основа для взаимодействия государственных и негосударственных акторов в этой сфере [24, с. 199 – 200]. Они указывали на попытки депутатов отойти от уже знакомых охранительных мотивов и придать молодёжной политике ФРГ некое новое начало.

На исполнительном уровне власти ФРГ создали ряд проводников (акторов) молодёжной политики, которые занимались практической реализацией молодёжного законодательства и имели определённую иерархию. Главной из них было МВД, обладавшее «рамочными компетенциями» в вопросах молодёжной политики. Оно отвечало за исполнение федеральных молодёжных законов, поддерживало тесные контакты с другими министерствами, ведомствами, федеральными землями, управлениями по делам молодёжи, общественными и молодёжными организациями. Одной из важнейших функций МВД было непосредственное участие в распределении средств ФМП. По-

добное сосредоточение «рычагов воздействия» в руках одного государственного органа означало отход от принципа децентрализации молодёжной политики, заложенного американской военной администрацией.

На протяжении 1949 – 1957 гг. круг задач МВД в области молодёжной политики неуклонно расширялся: появлялись новые законы, создавались новые ведомства, изменялись направления ФМП. Росло и число отделов, занимавшихся молодёжной тематикой. Если в 1951 г. за проведением молодёжной политики следил лишь отдел V, занимавшийся вопросами вспомоществования молодёжи, а также небольшая реферативная секция III/4 отдела культуры, отвечавшая за защиту молодёжи от «вредных изданий» [4], то уже в 1954 г. внутри министерства была создана особая «группа J» «Молодёжные вопросы и спорт». Она состояла из трёх реферативных секций и подчинялась непосредственно второму госсекретарю МВД. В задачи первой секции входили вопросы молодёжного законодательства, помощь федеральному правительству в создании ФМП, а также надзор за Ведомством по контролю за изданиями, опасными для молодёжи. Деятельность второй секции была посвящена реализации ФМП; третья секция ведала вопросами молодёжного спорта [4].

Кроме того, увеличилось число и расширились функции молодёжных секций отдела культуры МВД. Особое место среди них занимала реферативная секция III/7, определявшая содержание политического образования молодёжи и осуществлявшая надзор за Федеральным ведомством служения Родине, а также молодёжная служба посещений и обмена (секция III/5), оказывавшая поддержку в организации школьного и молодёжного обмена, в проведении международных лагерей отдыха и конкурсов для молодёжи [4]. Деятельность молодёжных служб способствовала расширению контактов, но с другой стороны в условиях холодной войны она воспринималась в СССР и ГДР как антикоммунистическая, тем более что Федеральное молодёжное объединение настоятельно рекомендовало своим членам «не иметь каких бы то ни было контактов с Союзом свободной немецкой молодёжи ГДР» [18, с. 280].

В непосредственном подчинении у МВД находились две юридически неправоподобные организации – это Федеральное ведомство служения Родине и Федеральное ведомство по контролю за изданиями, опасными для молодёжи. О степени их зависимости от министерства говорит тот факт, что в ведении отдела “Z” МВД находились все финансовые и кадровые вопросы ведомств [4]; более того, их руководители даже не могли уйти в отпуск без письменного разрешения министра [6]!

Федеральное ведомство служения Родине было создано в 1952 г. Его предшественник – Имперское ведомство служения Родине – существовал ещё в Веймарской республике и был ликвидирован национал-социалистами в 1933 г. [20, с. 36]. Официальной задачей ведомства являлось «распространение и укрепление демократических и европейских идей в немецком народе». По крайней мере, так гласил § 2 Постановления об его учреждении от 25 ноября 1952 г. [9].

Помимо контроля со стороны МВД и лично министра внутренних дел, созывавшего специальную комиссию, которая задавала общие направления работы ведомства [9, § 4], за его «политической эффективностью и надпартийным характером работы» наблюдал попечительский совет из 15 депутатов бундестага [9, § 5]. При этом под «политической эффективностью» и «укреплением демократических идей» до 1955 г. понималась, на мой взгляд, в первую очередь не только и не столько идеологическая борьба с коммунизмом, сколько «перевоспитание к демократии» [16, с. 6] немецкой молодёжи. Для этого с помощью Федерального ведомства служения Родине была создана система политического образования. Большую роль в ней играла позаимствованная у американских оккупационных властей идея «мягкого управления» молодёжью [21, с. 90], а теоретической и методологической основой политического образования стали концепции «воспитания в духе партнёрства» Фридриха Этингера [25] и «пути к согражданину» Фрица Борински [13]. С 1952 г. политическое образование являлось обязательным учебным предметом, включавшим в себя сумму теоретических знаний о государственном устройстве, общественных институтах, партийной системе. Оно дополнялось внешкольным политическим образованием, которое осуществлялось молодёжными и церковными организациями, а также СМИ. Перед политическим образованием ставилась цель добиться не только отрицания молодыми людьми прежних общественно-политических институтов, но и признания ими существующих общественных отношений, а также готовности выступить в их защиту [3, с. 28].

Федеральное ведомство служения Родине быстро росло. Если в 1952 г. оно состояло из 5 реферативных секций, то к 1956 г. их стало уже 14 [12]. Среди них стоит выделить секцию «Психология», занимавшуюся поиском «непрямых методов вербовки» для привлечения политически незаинтересованных граждан на сторону демократии, а также секцию «Педагогика», отвечавшую за школьное политическое образование [12].

Федеральное ведомство служения Родине играло также посредническую роль между МВД и СМИ. Оно регулярно проводило семинары и консультации для прессы, давало заказы на выпуск литературы или на изготовление фильмов по нужной тематике [12]. Издавались «Сведения о политическом образовании», еженедельная газета «Парламент» с приложением «Из политики и современной истории», а также бесплатные тематические брошюры для всех желающих [12]. Большую помощь Федеральному ведомству служения Родине в его издательской деятельности оказывало Федеральное ведомство прессы и информации, публиковавшее правительственные материалы для молодёжи [2, с. 179 – 180].

Второй исполнительной структурой, подчинявшейся непосредственно МВД, было Федеральное ведомство по контролю за изданиями, опасными для молодёжи. Оно было создано 18 мая 1954 г. и занималось обработкой заявлений на индексацию «вредной» литературы согласно закону «О распространении изданий, опасных для молодёжи». Стоит отметить, что правом подачи такого заявления обладали лишь выс-

шие земельные управления по делам молодёжи и само МВД. В том случае, если ведомство отклоняло заявление, то все возражения и претензии третьей стороны направлялись в управление, инициировавшее процедуру индексации [5, с. 3]. Подобный порядок способствовал росту числа обращений в суд со стороны поборников нравственности: если нежелательное издание будет признано порнографическим согласно § 184 Уголовного кодекса, ведомство будет обязано занести его в «чёрный список» [7].

В отличие от своего предшественника из Веймарской республики – службы контроля, которая за 1927 – 1932 гг. проиндексировала всего лишь 170 изданий, федеральное ведомство за 1954 – 1957 гг. занесло в «чёрный список» 649 изданий, из которых порнографическими были признаны только 169; остальные же представляли собой комиксы, женские романы, приключенческие истории, «вестерны» и детективы [17]. Стоит отметить, что среди проиндексированной литературы не было книг, прославлявших войну и расовую ненависть, хотя они имелись в букинистических лавках и были вполне доступны для молодёжи [8]. С одной стороны, это говорит о стремлении к вытеснению из сознания и снижению значения национал-социализма и поражения в войне [29, с. 16]; с другой стороны, состав проиндексированных изданий указывал на повышенное внимание «стражей нравственности» к усиливающейся американизации общественного сознания.

Механизм централизованного регулирования молодёжной политики действовал и на земельном уровне. При земельных правительствах были учреждены органы, которые выполняли те же задачи, что и МВД. В их распоряжении находились средства земельных молодёжных планов [2, с. 176].

Федеральное и земельные правительства придавали большое значение деятельности местных управлений по делам молодёжи, в ведении которых была государственная молодёжная помощь. Кроме того, эти управления наряду с полицией следили за исполнением закона «О защите молодёжи в общественных местах».

В реализации молодёжного законодательства государственным проводникам помогали общественные инициативы – это «Добровольный самоконтроль немецкой киноиндустрии» (FSK) и движение поборников нравственности «Операция: защита молодёжи».

Организация «Добровольный самоконтроль немецкой киноиндустрии» была задумана по образцу американской «Production Code» 18 июля 1949 г. режиссёром Куртом Эртелем и бывшим продюсером киностудии УФА Эрихом Поммером. Целью создания FSK являлась отмена союзнического контроля в этой области и его дальнейшее осуществление органом самоуправления киноиндустрии [10, с. 3]. 30 сентября 1949 г. военная администрация союзников официально передала ей свои полномочия [23, с. 34]. В неё вошли представители киноиндустрии и общественности в лице федеральных земель, молодёжных организаций и христианских церквей.

FSK занималась проверкой фильмов, предназначенных для публичного показа и распространения в ФРГ. Правовой основой для проверки являлся закон «О защите молодёжи в общественных местах». В соответствии с ним FSK принимала решение о разреше-

нии фильма к показу для определённой возрастной категории; отдельно рассматривалась возможность его показа в дни, значимые для верующих [10, с. 15]. При этом FSK не осуществляла цензуру, т. е. даже если бы фильм был запрещён к публичному показу, это не означало бы запрета на его частный просмотр и распространение по стране [10, с. 8].

Согласно правилам FSK, проверка фильмов осуществлялась рабочей комиссией из шести человек. В неё входили четыре представителя киноиндустрии и два представителя общественности. Её решение можно было обжаловать в главной комиссии, состоящей из пятнадцати проверяющих, в числе которых были президент FSK и по семь представителей от киноиндустрии и общественности [10, с. 3 – 4]. В случае несогласия и с её вердиктом оставалась возможность подачи апелляции в юридическую комиссию, решение которой являлось окончательным и обязательным к исполнению [10, с. 15 – 16].

За 1954 – 1957 гг. FSK разрешила к публичному показу 1895 фильмов. Из них 907 (47,86 %) были отнесены к категории «старше 10 лет», 755 (39,84 %) – к категории «старше 16 лет» и всего лишь 233 (12,3 %) – к категории «младше 10 лет». При этом по итогам апелляций 194 фильма были задним числом перенесены из первой категории во вторую [11]. На мой взгляд, это указывало на серьёзную борьбу внутри проверяющих комиссий между представителями киноиндустрии, которые были заинтересованы в извлечении максимальной прибыли из кинопроката, в том числе и за счёт молодёжи, и представителями общественности, которые строго придерживались букве закона «О защите молодёжи в общественных местах», и старались не допустить превращения «самоконтроля» немецкой киноиндустрии в профанацию.

Общественное движение федерального масштаба «Операция: защита молодёжи», объединившее широкие круги поборников нравственности в лице представителей церкви, управлений по делам молодёжи, благотворительных организаций, а также учителей, родителей и даже работников торгово-промышленной палаты, тоже содействовало реализации закона «О защите молодёжи в общественных местах». Оно было создано в октябре 1951 г. на основе рабочей группы по защите молодёжи «Главной германской службы по борьбе с зависимостями», которая была преемницей «Главной имперской службы по борьбе с алкоголизмом», существовавшей со времён кайзеровской империи. Движение занималось популяризацией молодёжного законодательства и молодёжной педагогикой. Их визитной карточкой стали «Недели защиты молодёжи», которые на протяжении 1950-х гг. были с большим успехом проведены около 2000 раз в различных

городах. На них в реферативных секциях и подиумных дискуссиях обсуждались проблемы воспитания молодёжи и давались советы родителям и учителям [29, с. 211].

В качестве особых проводников молодёжной политики можно выделить «верхушечные» молодёжные организации – это Объединение политической молодёжи, представленное «Молодыми социалистами» (СДПГ), «Молодыми демократами» (СвДП) и «Юнге Унион» (ХДС/ХСС), и Федеральное молодёжное объединение, в которое вошли различные конфессиональные, экологические и культурные молодёжные союзы. Обе организации, с одной стороны, облегчали централизованное государственное воздействие на молодёжные союзы, с другой – позволяли проводить дифференцированную политику по отношению к ним. Это достигалось тем, что хотя молодёжные союзы работали самостоятельно и без непосредственных государственных указаний, все они получали средства на свои проекты в рамках ФМП, через который государство могло как поощрять их денежными бонусами, так и тормозить их деятельность, сужая, а то и вовсе лишая их финансирования [18, с. 264].

Подводя итоги, следует отметить, что молодёжная политика ФРГ носила в первую очередь координирующий характер. Несмотря на довольно жёсткую иерархию акторов молодёжной политики и наличие рычагов воздействия на молодёжные союзы и общественные организации, власти предпочитали не давить на них строгими указаниями и инструкциями, а объединять усилия исполнительных структур и общества, закладывая основу для практического взаимодействия. Тем самым общий уклон молодёжной политики 1949 – 1957 гг. в сторону реставрации, который так ярко проявился в молодёжном законодательстве ФРГ, не означал простого восстановления веймарского статус-кво; в нём в то же время была и трансформация, и приспособление старых инструментов к новым обстоятельствам, и их закрепление в обновлённых институтах.

Таким образом, в период 1949 – 1957 гг. в ФРГ активно шёл процесс институционализации государственной молодёжной политики: был создан целый ряд её проводников, оформилась их иерархия. Государственным структурам «сверху» активно помогали общественные инициативы «снизу», а также «верхушечные» молодёжные организации, возникшие на добровольной основе. В итоге можно говорить о постепенном складывании – на исполнительном уровне – союза государства и общества, который был направлен на успешную практическую реализацию молодёжной политики.

Литература

1. Дубин Б. В. Антиамериканизм в европейской культуре после Второй мировой войны // Мониторинг общественного мнения. 2002. № 3. С. 44 – 50.
2. Супрыгина Г. Г. Молодёжные службы ФРГ // Вопросы истории международного молодёжного движения. Вып. 5. Томск, 1976. С. 170 – 184.
3. ФРГ: молодёжь и молодёжная политика 1960 – 1980. Томск, 1990. 196 с.
4. BArch B 106/55164 Geschäftsverteilungspläne des Bundesministerium des Innern. 1950 – 1957.
5. BArch B 117/2 Übersicht über Organisation, Zusammensetzung und Verfahrensweise der Bundesprüfstelle.
6. BArch B 117/4 Über den Urlaub des Leiters der Bundesprüfstelle.

7. BArch B 117/8 Das Schreiben des Herrn Staatsanwalt Schilling an den Herrn Ersten Staatsanwalt Speidel betr. Zentralstelle zur Bekämpfung unzüchtiger Schriften vom 15.05.1954.
8. BArch B 117/47 Das Schreiben der Jugendbehörde Hamburg an die Bundesprüfstelle über die Verbreitung der „Nazibibel“ vom 28.04.1959.
9. BArch B 122/2142 Erlass des Bundesministers des Innern über die Errichtung der Bundeszentrale für Heimatdienst vom 25.11.1952.
10. BArch B 153/317 Zusammenfassende Darstellung der Grundsätze, Ausführungsbestimmungen und Verfahrensordnung der Freiwilligen Selbstkontrolle der deutschen Filmwirtschaft. 16 s.
11. BArch B 153/1347 Statistik für freigegebene Spitzenfilme 1954 – 1959.
12. BArch B 168/2623 Geschäftsverteilungs- und Organisationspläne der Bundeszentrale für Heimatdienst. 1952 – 1957.
13. Borinski F. Der Weg zum Mitbürger. Düsseldorf – Köln, 1954. 257 s.
14. Buchloh S. "Pervers, jugendgefährdend, staatsfeindlich". Frankfurt am Main, 2002. 488 s.
15. Buchloh S. Wider der Schmutzflut // Jahrbuch für Kommunikationsgeschichte, 2000. S. 157 – 187.
16. Gagel W. Der lange Weg zur demokratischen Schulkultur // Aus Politik und Zeitgeschichte, № 45/2002. S. 6 – 16.
17. Gesamtverzeichnis der in der Liste der jugendgefährdenden Schriften befindlichen Schriften und Abbildungen. Köln-Klettenberg, 1958. 82 s.
18. Gröschel R. Gesellschaftliches Engagement und politische Interessenvertretung. Berlin, 2003. 469 s.
19. Hamburger Programm der CDU vom 22.04.1953. 24 s. Режим доступа: http://www.kas.de/upload/ACDP/CDU/-Programme_Bundestag/1953_Hamburger-Programm.pdf (Zugriff: 28.02.2015).
20. Hentges G. Neuanfang staatlicher politischer Bildung // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2012. № 46 – 47. S. 35 – 43.
21. Hentges G. Staat und politische Bildung. Wiesbaden, 2013. 467 s.
22. Jugendplan der SPD vom 02.05.1953. Bonn, 1953. 20 s.
23. Mit Intimitäten fing es an. Baden-Baden, 1999. 112 s.
24. Nikles Br. W. Jugendpolitik in der Bundesrepublik Deutschland. Opladen, 1976. 244 s.
25. Oetinger F. Wendepunkt der politischen Bildung. Stuttgart, 1951. 263 s.
26. Recker M-L. Konrad Adenauer. Leben und Politik. München, 2010. 112 s.
27. Schneider U. Jugendhilferechtsreform. Münster, 1988. 220 s.
28. Speitkamp W. Jugend in der Neuzeit. Göttingen, 1998. 322 s.
29. Steinbacher S. Wie der Sex nach Deutschland kam. München, 2011. 575 s.
30. Verhandlungen des Deutschen Bundestages. Stenographischer Bericht 1/5 vom 20.09.1949. URL: <http://pdok.bundestag.de/> (Zugriff: 28.02.2015).

Информация об авторе:

Любомирова Екатерина Сергеевна – аспирант кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, katya1good@gmail.com.

Ekaterina S. Lyubomirova – post-graduate student at the Department of Modern and Contemporary History of European and American Countries, Lomonosov Moscow State University.

(**Научный руководитель: Ватлин Александр Юрьевич** – доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Academic adviser: Alexander Yu. Vatlin – Doctor of History, Professor at the Department of Modern and Contemporary History of European and American Countries, Lomonosov Moscow State University).

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

УДК 94:323.2 (342.8)

ВЫБОРЫ 1950 Г. В НАРОДНУЮ ПАЛАТУ ГДР: ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ*А. А. Синдеев***VOLKSKAMMER-ELECTION IN 1950: PREPARATION AND DELIVERY***A. A. Sindeev*

На основе архивных источников анализируется план подготовки и проведения выборов в Народную палату ГДР в 1950 году, дается оценка их значения в контексте противостояния США и СССР, обосновывается важность дополнительного изучения значения и характера выборов в условиях социальных экспериментов, роли выборов в Германии при сохранении полномочий и контроля оккупационных держав, влияния, которое оказывал факт наличия обеих германских государств на безопасность держав-победителей и сферы безопасности. Автор констатирует, что применительно к ГДР советское руководство преследовало две цели – укрепить про-советски настроенные элементы и создать тем самым более выгодные условия для последующих переговоров об объединении страны с учетом интересов безопасности СССР. Выборам 1950 г. придавалось особое значение. Оспаривать их законность никто не решился, так как выборы были проведены в рамках действующего законодательства. В этом контексте актуальным в исследовательской перспективе вновь становится вопрос о значении и характере выборов в условиях социальных экспериментов, о роли выборов в Германии при сохранении полномочий и контроля оккупационных держав, о влиянии, которое оказывал факт наличия обеих германских государств на безопасность держав-победителей и сферы безопасности.

The paper examines the plan of preparation and holding of elections to the People's Chamber in 1950. The author gives an estimate of their value in the context of US-Soviet confrontation. The paper substantiates the importance of studying the significance and character of elections in terms of social experiments, the role of elections in Germany while maintaining the authority and control of the occupying powers. The author emphasizes the need to study the impact of the co-existence of two German states on the security of the winner-states and the security sector. With regard to the German Democratic Republic, the Soviet leadership had two seemingly contradictory objectives: a) to strengthen pro-Soviet elements; b) to create more favorable conditions for further negotiations on the unification of the country, taking into account the security interests of the USSR. The paper uses archival sources: the conversations the President of the Soviet Control Commission in Germany with the leadership of the German Democratic Republic.

Ключевые слова: ГДР, Народная палата, выборы 1950 г., Чуйков, Пик, Гротеволь, Ульбрихт.

Keywords: German Democratic Republic, Volkskammer, elections in 1950, Chuikov, Pieck, Grotewohl, Ulbricht.

Представительной демократии и проведению свободного тайного голосования в решении германского вопроса придается большое значение. Выборы августа 1949 г. в бундестаг Федеративной Республики позволили западногерманским политикам констатировать наличие особой легитимности этой части страны и выдвинуть требование о представительстве интересов всех немцев. Однако «Оккупационный статут», принятый западными оккупационными властями, не передавал немцам ряд существенных прав, в том числе контроль «за соблюдением Основного закона и конституций земель».

С включением ГДР в состав ФРГ и крахом советской системы возобладали менталитет победителя. Германская Демократическая Республика как в научном, так и в научно-популярном историческом дискурсе стала рассматриваться исключительно в качестве «*Unrechtsstaat*». При этом данная тенденция в настоящее время приобретает все большую популярность. Альтернативные интерпретационные модели, а также детальное изучение принципиального в рамках той же концепции «*Unrechtsstaat*» проблемного комплекса, касающегося времени, этапов и механизмов его становления, почему-то не представляют интереса для историков.

В то же время в 1949 и в 1950 г. речь должна идти о противоречиях и борьбе между равноправными политическими, социально-экономическими и идеоло-

гическими системами, подкрепленными наличием СССР и США как супердержав того времени; о существовавшем между ними недоверии, закреплённом среди прочего событиями военного времени, неготовностью правительств Соединенных Штатов и Великобритании (западных союзников) заключать с Советским Союзом договоры о сферах безопасности, постоянным откладыванием открытия второго фронта, заявлениями в 1945 г. о якобы уже имеющем место железном занавесе; о поиске решений, направленных на недопущение усиления советского влияния в Европе, на появление в мае 1945 г. планов военной операции против СССР и т. п.

В Германии с 1945 г. или, по словам Сталина, сказанным на Потсдамской конференции в ответ на вопрос Трумэна «Что нужно понимать под Германией?», в «разбитой стране», столкновение данных систем предстало во всей его сложности. На Востоке страны утверждалась социалистическая, на Западе – возрождалась капиталистическая система. В обеих частях страны действовали силы, заинтересованные в успехе собственной программы действий, в становлении и укреплении образа врага. Существующее стремление доказать моральный авторитет одной из двух систем – занятие явно бессмысленное, а по большому счету – антиисторическое, не имеющее ничего общего с проводимой в то время *Realpolitik*.

Ситуация была крайне путанная и неоднозначная. Так, 2 июня 1950 г. статс-секретарь МИДа ГДР Аккерман в беседе с главой Дипломатической миссии СССР Г. М. Пушкиным жаловался на то, что министр иностранных дел ГДР Г. Дертингер «каждый день проезжает по Западному Берлину. Дети его учатся в католической школе в Западном Берлине». О неясности ситуации свидетельствуют попытки предпринимательских кругов ФРГ наладить экономические контакты с правительством ГДР в условиях, когда федеральный канцлер Аденауэр начал активно работать над реализацией плана Шумана, создания общего рынка угля и стали, отказа от экономического сотрудничества с ГДР. Под давлением США в феврале 1950 г. федеральное правительство ввело так называемое стальное эмбарго для ГДР. 21 апреля 1950 г. «Чуйков познакомил Гротеволь и Ульбрихта с предложением ряда западногерманских фирм... о заключении с ними через их доверенное лицо в Берлине договоров на поставку различных металлоизделий. Представителю СКК, спросившему это доверенное лицо о том, как... фирмы будут в условиях стального эмбарго осуществлять поставки, последний отметил, что если Аденауэр будет чинить им препятствия, то ему придется столкнуться с серьезным давлением со стороны промышленных кругов Западной Германии» [1, л. 88 – 89]. 17 мая В. Ульбрихт на встрече с председателем Советской контрольной комиссии в Германии генералом армии В. И. Чуйковым сказал: «Часть крупных промышленников идет за Аденауэром и поддерживает слияние Рура и Лотарингии в один громадный арсенал... другая часть, чувствуя дальнейшее углубление кризиса и приближение грозы, уже сейчас ищет запасные позиции. Западные промышленники стремятся к заключению сделок, но вместе с тем проводят и некоторый политический зондаж» [3, л. 117].

Без образа врага, контрагента в тех условиях обойтись было невозможно. Антисоветизм, рассчитанный на массовое потребление, помог становлению Боннской республики. В узких кругах, к примеру на так называемых встречах канцлера со специально приглашенными журналистами за чаем, он особой роли не играл. 17 ноября 1950 г. Аденауэр на очередной такой встрече представил сильные и слабые стороны Советского Союза как противника. К *сильным* он отнес: централизованное управление собственной закрытой зоной влияния; последовательный процесс вооружения; большие сухопутные силы; постоянную готовность к применению тактических формирований; большую территорию; большую экономическую силу; физическое и психическое состояние непритязательных масс; идеологическую силу идеи мировой революции. Сильные стороны, – утверждал канцлер, – это то, что *относительно* хорошо. *Слабыми* сторонами, по его мнению, являлись уязвимость большой линии фронта; относительно низкое производство стали, добычи угля и нефти по сравнению с англо-американским блоком; продовольственная зависимость (*ernährungspolitische Empfindlichkeit*) в случае успешного «русского удара» в Западной Европе; трудности завоевания и удержания западноевропей-

ских стран из-за индивидуалистического менталитета этих народов. Вывод, сделанный Аденауэром, состоял в следующем: слабые стороны перевешивали. Если Запад, по его мнению, добился бы паритета в сухопутных силах, то война была бы невозможной [7, s. 17]. Консолидация Европы, таким образом, – это и использование слабостей СССР. В этом контексте понятны слова В. И. Чуйкова: «Нам надо не обороняться, а бить их по частям» [1, л. 93].

Применительно к ГДР советское руководство преследовало две на первый взгляд противоречивые цели – укрепить просоветски настроенные элементы и создать тем самым более выгодные условия для последующих переговоров об объединении страны с учетом интересов безопасности СССР. Именно этим была обусловлена необходимость отказа от проведения выборов в 1949 г. при образовании Германской Демократической Республики. Этим можно объяснить особую систему выборов в октябре 1950 г. с единым блоковым списком и заранее распределенными в нем процентами для партий и общественных организаций: избирателю пришлось голосовать, таким образом, либо «за», либо «против» всего списка. Данная выборная процедура была стратегически необходима, потому что проведение привычных выборов с кандидатами и самостоятельными списками вряд ли оказывалось способным в условиях сохраняющихся прав и обязательств оккупационной державы повысить демократичность. Наоборот, привычная избирательная кампания усилила бы раскол в восточногерманском обществе, привела бы к активизации противников СССР и нанесла бы ущерб его безопасности. Советское руководство в этой связи взяло за основу идею объединения и настроилось на длительную и плановую работу вместе с руководством ГДР по подготовке выборов. О наличии плана свидетельствуют слова В. И. Чуйкова, который, проанализировав предварительные итоги, констатировал: «пока все идет по плану». Одной из главных задач стало повышение активности населения на выборах. СЕПГ извлекла уроки из выборов мая 1949 г. и рассчитывала получить в этот раз не менее 80 % голосов «за». В 1950 г. прошли не только выборы в Народную палату, но и в частности в ландтаги (парламенты земель). Из около 500000 кандидатов, баллотировавшихся на выборах всех уровней, 102000 выставила СЕПГ [8, s. 602].

Что же представлял собой данный план? *Во-первых*, проведение на первом этапе сдержанных по характеру социальных преобразований. 28 февраля 1950 г. Чуйков рекомендовал Пику и Гротеволью «в большей степени использовать частный сектор, исходя из того предположения, что немецкие товарищи не собираются, видимо, при составлении пятилетнего плана ставить задачу полной его ликвидации или резкого ограничения». На что Гротеволь резонно заметил: «на частный сектор падает около 50 % всех производственных мощностей и что с ним нужно обращаться деликатно, ибо мелкие и средние предприниматели-частники – точка опоры в деле развертывания движения Национального фронта. В Западной Германии должно сложиться мнение, что мелкие и средние

частные предприятия имеют здесь право на жизнь» [4, л. 7]. На встрече со Сталиным 4 мая 1950 г. Ульбрихт сообщил, что в течение пятилетки рассчитывает на снижение доли крупной частной промышленности до 23,3 % [8, s. 587]. Сокращение мелкого и среднего частного производства, как и было согласовано с Чуйковым, в пятилетний план не включалось. Сталин не возражал против данной линии. В государственной и в частной промышленности в течение первой пятилетки производство должно увеличиться на 103,2 и 56,3 % соответственно.

Во-вторых, активизировать деятельность Национального фронта, отказать от формализма и излишней бюрократизации. Считалось, что инициатива снизу повысит его привлекательность и значимость в глазах восточных немцев. Не случайно акцент делался на «обобщ[ение] и широк[ую] популяриз[ацию] опыт[а] лучших комитетов... через печать и радио...», развертывание «агитационно-массовой работы», а критике подвергался центральный аппарат, который состоит из 128 человек, но «не знает действительного положения на местах... не осуществляет оперативного руководства» [6, л. 15 – 17].

В-третьих, укрепить союз с буржуазными партиями – христианскими демократами (ХДС) и либералами (ЛДП), выдвинуть совместную «предвыборную платформу» и провести совместную подготовку к выборам, «обходить острые углы». Исходная ситуация была достаточно сложной, так как запрещать буржуазные партии никто не собирался, но рассчитывать на их безропотное согласие не приходилось. ХДС и ЛДП вошли в правительство ГДР лишь при условии проведения через год выборов по партийным спискам. Ставка была сделана на личные контакты. Не случайно Х. Кастнер (ЛДП) захотел проголосовать за единый список в середине февраля. 17 марта 1950 г. В. Пик проинформировал советское руководство о согласии О. Нушке (ХДС), который, по его словам, «считает, однако, что соглашение партий блока о выступлении на выборах по единому списку должно быть опубликовано позже, по особому решению... если в Западной Германии дело дойдет до вступления в Европейский Совет... с той мотивировкой, что подобные действия вызывают необходимость совместного выступления всех партий ГДР» [5, л. 43]. Несмотря на принципиальное согласие, поиск компромисса продолжался. 6 апреля заместителю Политсоветника СКК И. И. Ильичеву пришлось останавливать В. Пика, который выступил за расширение состава Народной палаты «с 330 до 500» и Палаты земель «с 41 до 60», указав ему на антиконституционный характер подобных действий. «При этом СЕПГ, – размышлял Пик, обосновывая свое предложение, – получила бы вместо имеющихся теперь 90 мест 110 (22 %), ЛДП и ХДС – вместо 45 по 60 (12 % каждая)». Окончательное распределение мандатов было односторонне 7 июля 1950 г.: СЕПГ располагала по нему 25 % мест, ХДС и ЛДП – по 15 % каждая. Личные контакты предусматривали готовность пойти навстречу просьбам, которые прозвучали от лидеров ХДС и ЛДП. Так, супруга Кастнера обратилась к ми-

нистру юстиции ГДР с просьбой, «чтобы он (Фехнер) предложил кандидатуру Кастнера для присуждения национальной премии за его... сороколетние заслуги в области юстиции». «Следовательно, – подвел итог Ульбрихт, – речь идет о 100 тыс. марок. Сто тысяч марок Кастнеру можно было бы дать, но только не в форме национальной премии» [3, л. 103]. Впрочем, 20 июля Руководящий комитет ЛДП решил освободить Кастнера от должности председателя партии и исключить из ЛДП с обоснованием – не по политическим, а по личным причинам [12, s. 74 – 75]. По всей видимости, информация о просьбах Кастнера стала известна в кругах либералов. В 1956 г. Кастнер убежал из ГДР.

В-четвертых, укрепить авторитет и влияние СЕПГ. На это были направлены встречи руководства СКК с руководством ГДР. Чуйков, желая видеть большую дисциплину в правительстве ГДР, с солдатской прямолинейностью «посоветовал Гротеволу крепче взять в руки буржуазных министров, да к тому же и некоторых министров-членов СЕПГ (Зельман, Райнгрубер). Когда они почувствуют, – утверждал он, – над собой крепкую руку, они проникнутся большим уважением к республике» [5, л. 49]. Кроме того, по инициативе СЕПГ, сообщил 29 марта 1950 г. Пик Чуйкову, «была принята декларация о подготовке к октябрьским выборам... было подписано дополнительное соглашение о выступлениях на предстоящих выборах единым списком. Срок и форма опубликования второго соглашения будут определены дополнительным решением». К укреплению авторитета СЕПГ относилось повышение материального благополучия граждан страны. С учетом Берлина – задача чрезвычайно сложная. К тому же СССР не мог полностью отказаться от репараций. В 1950 г. от 25 – 33 % ВВП ГДР уходило на репарационные выплаты. Что касается Западного Берлина, то ситуацию усугублял высокий обменный курс западной марки (1:6,0), открытость границ, которыми активно пользовались для спекулятивных операций жители Западного Берлина. Следует отметить, что 70 % так называемых культурно-бытовых потребностей каждая западноберлинская семья в 1950 г. удовлетворяла в советском секторе. И при этом семья из трех человек, проживающая в Восточном Берлине и условно состоящая из одного работающего и двух иждивенцев, имела в зависимости от социального статуса (низкооплачиваемые рабочие – высокооплачиваемые служащие) ежемесячный остаток в семейном бюджете от 3 до 276 марок. В этой связи растиражированное СМИ описание У. Клуссмана характеризуется односторонностью и упрощает реальность того времени: «Жители ГДР, – заключает он, – едят наполовину меньше мяса и жиров, чем немцы в середине 1930-х годов. По вечерам им приходится есть свой жидкий суп в потемках, так как постоянно отключается электричество» [9, s. 31]. 26 апреля Гротеволь информировал СКК «о плане экономических мероприятий к выборам». Данный план предусматривал «[с]нижение коммерческих цен... [з]авоз 100000 пар кожаной рабочей обуви из Венгрии... [о]тмена с 1 июня карточек на летнюю обувь...», безу-

пречное снабжение текстильными товарами [2, л. 129]. Чуйков советовал ввести для наименее защищенных слоев населения дополнительные ежемесячные выплаты в размере 7 – 8 марок, что потребовало бы 120 млн марок в бюджете ГДР. Было также решено «не ранее 1 ноября» отменить карточки, сохранив карточки на жиры, мясо и сахар. Что касается снижения цен, то их хотели провести в несколько этапов, одним из которых должно было стать начало работы Третьего съезда СЕПГ, где предстояло принять пятилетний план развития экономики. Нарочитая демонстрация экономических успехов может показаться чем-то особенным, свойственным исключительно социалистическим системам. Однако подобная борьба за разум и души немцев в то время не была чем-то экстраординарным. Следует напомнить, что социальные реформы в ФРГ проводились под выборы, а пропагандистская работа с общественностью строилась с привлечением кадров бывших национал-социалистов и оплачивалась из федерального бюджета. Укреплению авторитета СЕПГ также способствовало согласие СССР сократить наполовину репарационные выплаты до 3,170 млрд долларов, о чем Сталин заявил 4 мая 1950 г. на встрече с руководством ГДР [8, s. 591 – 592]. Тогда же Сталин пообещал дополнительно поставить в ГДР масло и мясо, а также порекомендовал повысить заработные платы на 10 %. Правительство ГДР одобрило повышение заработной платы на 8 %.

В-пятых, не допускать провокаций. В современной историографии ФРГ подчас обосновывается миф маниакального страха, свойственного руководству ГДР, перед диверсиями и саботажем. Отсюда делается вывод об «осажденной крепости», неуверенности в собственных силах, опасении собственного общества и т. п. Ситуация с Берлином в 1950 г. (см. выше) призвана доказать обратное. Впрочем, как и наличие реально существовавшей опасности, например «Боевой группы против бесчеловечности», финансируемой до 1959 г. на американские деньги и располагавшей ударными отрядами по 30 человек. «Союз немецкой молодежи», другая антигдровская организация, создала из молодых уголовников банду с громким названием «*Bluthunde*» (легавые), которая намеривалась вывести Пика в Западный Берлин. Советское руководство и руководство ГДР, анализируя тогдашнюю ситуацию, исходили и из готовящейся финансовой диверсии, напрямую с выборами не связанной. По словам Чуйкова, «по некоторым данным англо-американская разведка и западно-германские власти... скупают сейчас по дешевке восточную марку с тем, чтобы после выборов и отмены карточной системы попытаться опустошить торговую сеть восточного сектора Берлина... в Западном Берлине скопилось сейчас, видимо, около 400 млн восточных марок» [5, л. 44]. Возможно, в некоторых случаях имела место излишняя перестраховка, хотя и здесь драматизации и нагнетания ситуации не наблюдались. Например, инициатива о проведении в Берлине выборов в единый магистрат расценивалась Гротеволем как стремление «повлиять на ход подготовки к октябрьским выборам, понимая, что мы выступим на этих выборах с едины-

ми списками и что возможности их влияния на зону все более суживаются» [1, л. 85]. Одновременно тот же Гротеволь не исключал выборов в Берлине: «Что касается Берлина, то здесь может быть и следовало согласиться с проведением выборов, но только при условии восстановления единой валюты, единого транспортного хозяйства, короче при отмене всех проведенных в Берлине сепаратных мероприятий» [1, л. 86], то есть в более позднее время. Аналогичным образом (через недоверие и желание оказать влияние) воспринималась критика со стороны Протестантской церкви, выступившей против привлечения священнослужителей к Национальному фронту, распространения диамата в школьной системе. Гротеволь в этой связи заявил: «американцам не удалось сомкнуть церковь и буржуазные партии в единый сплошной фронт. Фронт отказался разорванным» [1, л. 93].

9 августа 1950 г. специально для проведения выборов был принят соответствующий закон. Об успехах плана по организации выборов свидетельствовало то, что 15 октября 1950 г. к 13.00 на избирательные участки в ГДР пришли 71,5 % зарегистрированных избирателей. За час-два до открытия участков перед некоторыми из них выстраивались очереди. Большая часть граждан голосовала не заходя в кабины. В среднем только от 3 до 4 % пришедших на выборы воспользовались правом голосования в кабинках. Интересно, что многие служители культа выступили с проповедью и призвали прихожан проголосовать. Меньшую активность проявили избиратели в районах, граничащих с западными землями. Ульбрих обвинил в «неудачах» там ХДС и ЛДП, так как в тех местностях, где обе партии традиционно набирали большинство голосов, число принявших участие в голосовании оказалось крайне низким. В сообщениях, направленных в МИД СССР, подчеркивалось, что «разбрасываются листовки, появляются различного рода антисоветские и антисеповские плакаты и т. п.», но «серьезных и крупных выступлений» против выборов не проходило. Согласно официальным результатам выборов в них приняли участие 98,44 %, голоса «за» отдали 99,6 % [11, s. 3 – 4].

На выборах в ФРГ в 1949 г. верх взяли буржуазные (консервативные и центристские партии), набравшие около 52 % голосов [10, s. 11]. В ГДР с учетом возможного объединения предстояло усилить левые (социалистические) тенденции, что делало неизбежным выступление блоком и размывание традиционной программтики ХДС и ЛДП. Дополнительным фактором, вызывавшем беспокойство руководства СЕПГ, являлась активно действующая в Западном Берлине и по-боевому настроенная социал-демократия. Оспаривать законность октябрьского голосования 1950 г. никто не решился. Это и не имело смысла. Выборы были проведены в рамках действующего законодательства. Единственный упрек состоял в том, что они не были «свободными», потому что отсутствовала альтернатива.

Однако в этом контексте актуальным вновь становится вопрос о значении и характере выборов в условиях социальных экспериментов, о роли выборов в

Германии при сохранении полномочий и контроля оккупационных держав, о влиянии, которое оказывал факт наличия обеих германских государств на безопасность держав-победителей и сферы безопасности. В анализе данных и целого ряда иных проблем от историка и его объективности зависит многое. Таким образом, та история ГДР, которая сегодня пишется на Западе, как и история ГДР, написанная когда-то исто-

риками социалистического лагеря, в большинстве своем лишь первый шаг к пониманию сути социального эксперимента в Восточной Германии и создания всестороннего образа той действительности. Возможно, успех в продвижении на этом пути будет зависеть от серьезного изучения малых проблем.

Литература

1. Беседа Председателя Советской Контрольной Комиссии в Германии генерала армии Чуйкова В. И. с председателями СЕПГ Отто Гротеволем и Вальтером Ульбрихтом, 21 апреля 1950 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 137. Д. 309. Л. 84 – 98.
2. Беседа Председателя Советской Контрольной Комиссии в Германии генерала армии Чуйкова В. И. с председателями СЕПГ Отто Гротеволем и Вальтером Ульбрихтом, 26 апреля 1950 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 309. Л. 127 – 135.
3. Беседа Председателя Советской Контрольной Комиссии в Германии генерала армии Чуйкова В. И. с председателями СЕПГ О. Гротеволем и В. Ульбрихтом, 17 мая 1950 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 309. Л. 102 – 118.
4. Запись беседы Председателя СКК в Германии генерала армии Чуйкова В. И. с председателями СЕПГ тт. Пик и Гротеволь, состоявшаяся 28 февраля 1950 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 309. Л. 2 – 7.
5. Запись беседы Председателя СКК в Германии генерала армии Чуйкова В. И. с председателями СЕПГ В. Пик и Отто Гротеволем, 17 марта 1950 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 309. Л. 43 – 50.
6. Некоторые замечания по вопросам движения Национального фронта и положения в буржуазных партиях // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 309. Л. 12 – 27.
7. Adenauer K. Teegespräche, 1950 – 1954, bearb. von H. J. Kuesters. Berlin: Siegler, 1984. 816 s.
8. Bonwetsch B. Stalin und die Vorbereitung des 3. Parteitags der SED, Ein Treffen mit der SED-Führung am 4. Mai 1950 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2003. № 4. S. 575 – 607.
9. Klusmann U. Die Republik mit dem Hammer // Der Spiegel Geschichte. 2009. № 2. S. 28 – 31.
10. Schachtner R. Die deutschen Nachkriegswahlen, München: Isar Verlag, 1956. 100 s.
11. Union im Dienst, 1950, 21. Oktober. № 82. S. 1 – 6.
12. Wunnicke C. Die Blockparteien der DDR, Kontinuitäten und Transformation 1945 – 1990, Schriftenreihe des Berliner Landesbeauftragten für die Unterlagen des Staatssicherheitsdienstes der ehemaligen DDR, Band 34. Berlin, 2014. 157 s.

Информация об авторе:

Синдеев Алексей Александрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Европы РАН, Москва, a_sin74@mail.ru.

Aleksey A. Sindeev – Doctor of History, Chief Research Associate at the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

УДК 94:314.74

ИММИГРАНТЫ В БРИТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРИЕМА И ИНТЕГРАЦИИ В 1945 – 1951 ГГ.*Е. В. Хахалкина***IMMIGRANTS IN THE BRITISH SOCIETY: PROBLEMS OF ADMISSION AND INTEGRATION, 1945 – 1951***Е. V. Khakhalkina*

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.B25.31.0009).

В статье на основе британских архивных документов сформулированы основные вызовы, с которыми столкнулось Соединенное Королевство после Второй мировой войны при проведении колониальной политики. Одним из таких вызовов стало существование расовой дискриминации как в территориях, входивших в Британскую империю, так и внутри самой страны. Создание Организации Объединенных наций (ООН) привлекло пристальное внимание метрополии к этой проблеме, вынуждая Лондон пересматривать сложившуюся в колониях структуру отношений внутри мультирасовых обществ. Другим вызовом для лейбористского руководства стал увеличивающийся с окончания войны поток иммигрантов из слаборазвитых колоний Британской империи, осложнявший проведение как внутри-, так и внешнеполитического курса страны.

В статье показан процесс принятия решений внутри лейбористского кабинета К. Эттли по указанным проблемам, включая причины принятия Британского акта о гражданстве 1948 г. и предложения британских чиновников по ограничению численности выходцев из колоний Карибского бассейна и Африки, по сути, означавшие отказ от дальнейшего соблюдения принятого закона.

Выводы, сделанные автором статьи, опровергают некоторые устоявшиеся в отечественной и зарубежной историографии данные о причинах и численности увеличивавшейся численности иммигрантов и дают представления об истоках современных миграционных проблем Великобритании и Европейского союза в целом.

On the basis of the revealed British documents the author formulates the main challenges of the colonial policy of the United Kingdom after World War II. One of these challenges was the existence of racial discrimination in some areas of the British Empire and within the UK. The establishment of the United Nations (UN) in 1945 attracted the attention of the metropolis to the problem of racial discrimination, and the Labour government of C. Attlee was forced to revise the existing structure of relations inside multiracial societies in colonies. The flow of immigrants from underdeveloped colony of the British Empire was another challenge for the Labour leadership since the end of the War. Both challenges complicated the implementation of domestic and foreign policy of Great Britain.

The paper shows the process of decision-making within the Labor cabinet of C. Attlee on these issues, including the reasons for the introduction of the British Nationality Act 1948. The author features the offers made by British officials to limit the number of immigrants from the colonies of the Caribbean and Africa, in fact, constituted a waiver for the future compliance of the adopted law.

The author's conclusions contradict with some points of view established in the Russian and foreign historiography on the causes and the scale of the increasing number of immigrants, and give an idea about the origins of contemporary migration issues in the UK and the European Union as a whole.

Ключевые слова: иммиграция, Соединённое Королевство, деколонизация, К. Эттли, Британский акт о гражданстве 1948 г., Вест-Индия.

Keywords: immigration, United Kingdom, decolonization, C. Attlee, British Nationality Act 1948, West-India.

Перефразируя известное крылатое выражение «казнить нельзя помиловать», можно заметить, что британские политики после Второй мировой войны столкнулись с не менее сложной дилеммой: «выслать нельзя принять». Расстановка запятых в этой дилемме потребовала от британских политиков времени и осторожности.

Процессы деколонизации, стремительно развернувшиеся в послевоенные годы, поставили руководство страны перед решением комплекса сложных вопросов: каким образом, не нарушая право свободного въезда на территорию Соединенного Королевства и не вызывая обвинений в расовой дискриминации, ограничить въезд выходцев из колоний.

Одним из побудительных мотивов к пересмотру расовой политики стала деятельность ООН в области защиты прав человека и борьба с дискриминацией по цвету кожи, способствовавшие активному включению выходцев из колоний в работу организации.

В январе 1947 г. министр по делам колоний А. Крич Джонс отправил правительствам колониальных территорий циркуляр, в котором рекомендовал изучить законодательство колоний на предмет выявления расовой дискриминации в разных сферах, особенно в отношениях европейцев и не европейцев. Эти действия чиновник объяснял созданием в 1946 г. Комиссии по правам человека согласно 68 статье Устава ООН. Комиссия должна была приступить к детальному изучению проблем расовой дискриминации и под-

готовить проект международного «Билля по правам человека», включающего отдельный раздел по расовой дискриминации. В этой связи правительства колоний рекомендовалось составить перечень таких дискриминационных в своей основе статей и либо модифицировать их, либо удалить из законодательства [2, p. 7].

Важность осуществления таких мер продемонстрировали произошедшие в том же году два резонансных эпизода. 22 марта 1947 г. в нигерийском отеле произошел инцидент, который до войны не вызвал бы бурной реакции британского правительства и общественного мнения в африканских странах. Дж. Л. Кейт, руководитель колониальной исследовательской группы, и Ай. Дж. Каммингс, сотрудник департамента социального обеспечения Колониал Оффис, должны были остановиться на пять ночей в Отеле «Бристоль» в Лагосе, Нигерия [2, p. 11]. Каммингс, отец которого был африканским доктором, женившимся на женщине из Йоркшира, Англия, был первым цветным (*Прим. автора: в связи с тем, что в британских документах термин «цветной» и «цветное население» фигурируют без кавычек, автор статьи будет придерживаться аутентичного перевода*) мужчиной, назначенным в министерство по делам колоний.

По прибытии в отель менеджер подверг сомнению разрешение Каммингса селиться на оговоренный срок по причине того, что он «африканец», разрешив остановиться ему только на одну ночь. Дж. Л. Кейт выразил протест, и, видя, что предложен двухместный маленький номер, он и его спутник решили найти другой отель. Этот инцидент, происходивший на глазах европейцев-постояльцев, вызвал взрыв негодования в нигерийской прессе. В апреле министр по делам колоний А. Крич Джонс написал Ай. Дж. Каммингсу письмо, в котором выразил сожаление сложившейся ситуацией и надежду, что подобные инциденты впредь будут исключены, добавив, однако, что не имеет прямого влияния на нигерийское правительство.

По итогам визита в Нигерию Каммингс, в соответствии со своими должностными обязанностями (ирония произошедшего как раз заключалась в том, что Каммингс занимался анализом дел в сфере расовой сегрегации), подготовил ответ о состоянии дел с расовой дискриминацией в африканских территориях. По его мнению, в Сьерра-Леоне и Гамбии «ситуация лучше прежней», но все еще не «благополучная»; относительно спокойной была названа ситуация в колонии Золотой берег. Наибольшую тревогу все же вызывало положение дел в Нигерии. Произошедший инцидент вызвал настолько болезненную реакцию сотрудника Колониал оффис, что он высказал идею о высылке греческого собственника отеля «Бристоль» из Нигерии без всяких предварительных юридических процедур, «если нигерийское правительство действительно желает показать людям, что оно не будет терпимо относиться к расовой дискриминации». В реальности единственным следствием этого инцидента стало начало массовой компании лицензирования отелей и баров с целью ликвидации расовой сегрегации в гостиничной системе Нигерии [2, p. 11 – 12].

Несколько месяцев спустя 7 августа 1947 г. произошел другой инцидент уже в столице Соединенного

Королевства: в ресторане одного из отелей в Лондоне. Об этом эпизоде А. Крич Джонс сделал запрос министру продовольствия Дж. Стрэчи [2, p. 19].

Суть инцидента состояла в следующем. Будущий президент Уганды, а в то время кабака (правитель) Буганды – королевства в Уганде – Эдвард Фредерик Мутеса II после Второй мировой войны обучался в престижном Магдален Колледж, Кембридж. Все время пребывания в Англии он как «самый важный африканский правитель в Восточной Африке и колониальной империи в целом» находился под неусыпным контролем департамента социального обеспечения Колониал оффис.

В июле 1947 г. Колониал оффис получил письмо от известного британского дизайнера Оливера Мессела, в котором тот сообщал, что Мутесе, его самого и его друга, принявшего кабаку у себя в Лондоне, метрдотель не пустил в ресторан. Мессел объяснял ему, что Мутеса – официальный гость в Британии, на что метрдотель (предположительно итальянец), заявил, что этот факт не меняет дела. Министр продовольствия Великобритании направил запрос руководству ресторана, переложившего всю вину за произошедший эпизод на распорядителя. Мутесе было отправлено официальное извинение.

Наибольшее опасение этот инцидент вызывал у британских политиков с точки зрения имиджа страны. Кабака Мутеса показывал хорошие результаты в период обучения в Кембридже, и британское правительство делало на него ставку в продвижении интересов метрополии после его возвращения в Буганду. Подобного рода случаи, безусловно, могли нанести серьезный ущерб «хорошему впечатлению об Англии и английском образе жизни» у африканского правителя [2, p. 20].

Другим вызовом, гораздо более серьезным и потенциально угрожающим возникновением проблемы расовой сегрегации в Британии, стала иммиграция в страну выходцев из колоний и позднее из стран Содружества после Второй мировой войны.

Поворотным моментом в британской истории иммиграции историки вполне справедливо считают прибытие 21 июня 1948 г. в порт Тилбери, Лондон, корабля «Эмпаир Виндраш» с 492 ямайцами на борту [3, p. 249].

Накануне этого события, вызвавшего беспокойство не только чиновников заинтересованных ведомств, но и в палате общин, министр по делам колоний А. Крич Джонс подготовил соответствующий доклад для обсуждения в правительстве [2, p. 25].

В обстоятельном документе А. Крич Джонс остановился на причинах, почему молодые мужчины из колоний выбирали конечным «пунктом назначения» Соединенное Королевство, трудностях их размещения и последствиях этого события для британского общества и экономики страны.

Формально граждане стран Карибского бассейна являлись британскими подданными. Их приезд руководство Британии оценивало как «спонтанное движение ямайцев, которые накопили денег, чтобы приехать в Англию в надежде найти работу» [2, p. 25 – 26]. Зачинатели этого массового прибытия в Англию были неизвестны, и министр запросил отчет у правительст-

ва Ямайки по этому вопросу. Очевидно, считал министр, что оно не было подготовлено или поощрено правительством Ямайки или Колониал оффис. Скорее наоборот, Колониал оффис всячески предостерегали от подобных поездок в Британию, а в ямайской прессе достаточно много писалось о трудностях поиска работы в Англии.

Исходя из этого, А. Крич Джонс давал довольно оптимистичный (но уже в среднесрочной перспективе не оправдавшийся) прогноз: «вряд ли в ближайшем будущем последуют такие наплывы безработных мигрантов, поэтому не рекомендую предпринимать какие-то меры по недопущению этого прибытия. Иначе может последовать скандал» [2, р. 26].

В то же время министр считал, что «пока экономическая ситуация в Ямайке не улучшится, ее жители будут пытаться покинуть пределы страны в поисках лучшей доли». В странах Вест-Индии, в основном занимавшихся сельским хозяйством, насчитывалось 50 тыс. безработных. Возможности эмиграции в Соединенные Штаты после войны сузились, а двери Кубы и Панамы были закрыты, но и сами иммигранты выражали желание работать именно в Англии. В британском правительстве были разработаны проекты по расселению безработного населения в Британскую Гвиану и Британский Гондурас, но они представлялись мало осуществимыми: во-первых, по причине психологических трудностей адаптации в Африке, во-вторых, требовались определенные навыки, которыми безработные жители Вест-Индии не владели, и, в-третьих, они не хотели ехать в эти территории.

Самой насущной проблемой для главы Колониал оффис была проблема размещения такого значительного числа прибывающих мигрантов. В решении этих трудностей А. Крич Джонс надеялся на помощь других ведомств, так как «у Колониал оффис не было полномочий для действий в Соединенном Королевстве». Все, чем располагало ведомство на территории страны, – это хостел для размещения сотрудников, который мог вместить часть прибывших ямайцев, но вызвать протест сотрудников службы, которых тоже где-то надо было размещать. В любом случае, делал вывод А. Крич Джонс, «350 человек из 417 могли остаться без размещения по прибытии» [2, р. 27].

Симптоматично, что члены кабинета при обсуждении иммиграции не поднимали вопрос о нехватке рабочих рук в экономике страны, нуждающейся после войны в восстановлении и реализации программы национализации, предложенной после Второй мировой войны лейбористским правительством К. Эттли.

Скорее наоборот, документы показывают желание лейбористов всеми доступными средствами не допустить въезда выходцев из бедных колониальных территорий на территорию метрополии. Тем самым ставшие доступными историкам в начале 1990-х гг. архивные материалы опровергают устоявшуюся в историографии точку зрения о том, что Британия активно привлекала рабочие руки из колоний с целью заполнения возникнувшей бреши в людских ресурсах и для преодоления нанесенного в годы войны материально-го ущерба.

Потребность в рабочих руках действительно существовала, но лишь первые несколько лет после

окончания войны. Неслучайно современные британские эксперты оценивают «в целом как незначительный» спрос на рабочие руки из колоний в послевоенных условиях [4, р. 39]. Следует также учитывать, что в конце 1940-х гг. в Британии насчитывалось около 100 тыс. чел. выходцев из стран Восточной и Центральной Европы (бывшие члены польских вооруженных сил, которые не захотели возвращаться в Польшу при новом – коммунистическом – режиме), а также «перемещенные лица» из Украины, Югославии, Эстонии, Латвии и Литвы [3, р. 249].

Спад въезда иммигрантов в 1949 г. сменился в следующем году увеличением потока выходцев из стран Карибского бассейна. Как показывают обсуждения этой ситуации в правительстве, британские политики стали подумывать об ограничении тех льгот, которые предоставлял выходцам из империи и Содружества Акт о британском гражданстве 1948 г.

Такая ситуация объяснима: этот закон, введший статус «граждан Соединенного Королевства и колоний», гарантировал иммигрантам из колоний и Содружества право селиться, голосовать и пользоваться всеми услугами, предоставляемыми Великобританией своим гражданам, включая получение британского паспорта. По сути же этот Акт не был чем-то качественно новым в миграционной политике, он стал *подтверждением (выделено Е. Х.)* прежней политики Великобритании, поощрявшей въезд выходцев из доминионов и колоний. Закон стал продолжением и подтверждением Акта о Британском гражданстве и Статусе Иностранца 1914 г. и Актов о поселениях в империи и Содружестве, принятых в 1922 г. и неоднократно продлявшихся до 1957 гг.

В условиях беспрецедентного роста и влияния таких антиколониальных держав, как США и СССР, после Второй мировой войны и ширившейся антиколониальной деятельностью ООН принятие Акта 1948 г. рассматривалось Лондоном и как средство поддержания тесных уз с Содружеством и «омоложения» британского колониализма [3, р. 248, 254].

На деле этот документ стал «миной замедленного действия» для британских правительств, значительно сузив возможности законодательного ограничения иммиграции.

В 1939 г., по официальным оценкам, постоянное азиатское и африканское население в Великобритании составляло 7 тыс. человек [5, р. 3]. В XIX в. притяжение в центр империи и Содружества представителей разных этнических групп являлось целенаправленной политикой Лондона по формированию мультиэтнического общества «британцев более великой Британии» («britons of Greater Britain» [5, р. 3]). На рубеже XIX – XX вв. общая имперская идентичность мыслилась британскими политиками главным образом как этническое самосознание *белых (выделено Е. Х.)* британцев [1, с. 285]. Наличие переселенческих белых доминионов – Австралии, Канады, Новой Зеландии и в меньшей степени Южно-Африканского союза – могло служить такой цели. С середины XIX в. в метрополии начинают селиться представители других расовых и конфессиональных групп, что не вызывало серьезных опасений. Скорее наоборот, доминионы и колонии имели статус «британских субъектов» или поддан-

ных, подразумевающий общее гражданство и свободный доступ на территорию метрополии.

Азиатские и африканские поселения в межвоенный период в основном были сконцентрированы в многоэтнических районах доков и морских портах, таких как Лондон, Ливерпуль, Кардифф, Южный Шилдс и Глазго. Часть моряков, которые обосновались на территории Великобритании до и во время войны, после 1945 г. стали основой для образования индийских и пакистанских общин в 1950-е гг. [5, р. 16]. Численность этих общин после Второй мировой войны оценивалась в 30 тыс. чел., среди которых были не только жители из Вест-Индии и Западной Африки, но мусульмане, в основном из Адена или Сомали, сосредоточенные преимущественно в Мерсисайде, Лондоне, Кардиффе и Тайнсайде [2, р. 43].

Увеличивающийся после Второй мировой войны поток иммигрантов привел к тому, что правительство К. Эттли разработало предложения по ограничению иммиграции из государств Карибского бассейна, грозившей нежелательными социальными последствиями. Однако ни лейбористы, ни сменившие их консерваторы не решались на введение таких мер. Часть парламентариев-заднескамеечников мотивировала поддержание таких мер настроениями избирателей, другая часть утверждала, что ограничение иммиграции будет воспринято как проявление расизма и станет «предательством идеала свободного передвижения в мультикультурном Содружестве» [4, р. 59].

18 мая 1950 г. миграционная тематика вновь вышла на повестку дня. Новый министр по делам колоний Дж. Гриффитс докладывал на заседании кабинета, что въезд – легальный и нелегальный – выходцев из стран Вест-Индии продолжается [2, р. 28].

Министр оценивал численность уже проживающих на территории Соединенного Королевства общин в 20 – 30 тыс. чел., в основном сосредоточенных в Ливерпуле, Кардиффе и Манчестере, в Тайнсайде и Ист-Энде Лондона. Группы меньшей численности проживали в других центрах, главным образом, в Бирмингеме, Лидсе, Халле и Болтоне [2, р. 29].

Такая ситуация объяснялась тем, что в течение Первой мировой войны многие жители колоний служили в Торговом флоте Великобритании и позднее осели в этой стране. Некоторым удалось остаться на работе во флоте, но к началу войны в 1939 г. в этой сфере наблюдалось неуклонное сокращение занятости. Большинство пыталось найти работу на берегу, что было нелегко как по причине безработицы, так и по причине периодических беспорядков на расовой почве.

Во время Второй мировой войны выходцы из колоний вновь были привлечены для работы в метрополии. 1,2 тыс. жителей Гондураса были задействованы на валке леса в Шотландии (многие потом остались здесь жить), 1 тыс. технических специалистов из Вест-Индии – в работе на военных фабриках, 10 тыс. из Вест-Индии – для службы в Королевских воздушных силах. Когда война закончилась, 8 тыс. чел. были репатриированы, остальные остались в Британии.

Другой проблемой оставался въезд нелегалов – не только из стран Карибского бассейна, но и Западной Африки – немногим из них удавалось сойти на берег,

где они должны были показать паспорта британских или находящихся под британской защитой граждан. В условиях военного времени и мобильности военных частей облегчение пограничного контроля привело к росту численности «безбилетных пассажиров», осевших на территории страны.

С 1945 г. произошло значительное увеличение цветных жителей колоний, приезжающих в Соединенное Королевство. Среди них как легальные мигранты – купившие билет, так и вновь нелегалы – безбилетные пассажиры – бывшие моряки военного времени, прибывающие из Вест-Индии и Западной Африки в надежде найти работу на флоте. Причины такого массового наплыва, констатировал министр по делам колоний, носили комплексный характер: в случае с Вест-Индией – это безработица и узость рынка труда, в случае с Западной Африкой – низкий уровень жизни и качество социальных услуг в Соединенном Королевстве. При этом выходцы из Вест-Индии имели больше преимуществ перед жителями из Западной Африки с точки зрения знания языка и понимания британского образа жизни [2, р. 30].

Надо заметить, что увеличившийся после окончания войны поток иммигрантов на территорию Соединенного Королевства выявил наличие двух серьезных проблем, не связанных непосредственно с прибытием цветного населения. Во-первых, это недостаточный контроль и учет прибывающих в страну лиц, и, во-вторых, как следствие, отсутствие точной статистики – сколько британских подданных и других иностранцев уже проживает и сколько уезжает и прибывает ежегодно на территорию страны. Показатели, которыми оперировали британские чиновники, носили приблизительный характер и основывались на данных пассажирских перевозчиков и Министерства труда, имеющего в своем распоряжении только данные обратившихся в поиске работы или безработных.

Британские чиновники докладывали, что предположительно после 1945 г. в страну въехало около 2 тыс. выходцев из Вест-Индии, главным образом из Ямайки, после 1949 г. их численность резко упала. Это было связано как с трудностями перевозок, так и нехваткой средств на проезд. В любом случае было очевидно, что пока безработица в Ямайке и других территориях не сократится, поток желающих уехать на заработки в метрополию не иссякнет.

Дж. Гриффитс затронул и проблемы включения осевших иностранцев в британское общество, или, говоря современным языком, интеграции мигрантов. На тот момент времени эти вопросы не находились в фокусе значительного интереса руководства страны, скорее министр добросовестно *фиксировал* (выделено Е. Х.) состояние дел в этой сфере. Его беспокоило, что «невзирая на предпочтение иммигрантами своего собственного общества, большая часть из них рассматривает себя как постоянных жителей Соединенного Королевства и не имеет намерения возвращаться в страну происхождения» [2, р. 29]. В таком ракурсе, по его мнению, следовало обратить внимание на эпизоды столкновений иммигрантов и коренного населения. Три таких заметных случая, по данным главы Колониал оффис, произошли в Ливерпуле, Дептфорде и

Бирмингеме в 1948 – 1949 гг., где для восстановления порядка пришлось задействовать силы полиции. Менее заметные нарушения время от времени происходили между самими иностранцами, и полиции приходилось отслеживать ситуацию в районах скопления цветного населения [2, р. 30 – 31].

Наиболее же насущными оставались проблемы жилья и занятости, в решение которых кроме Колониал оффиса были вовлечены другие ведомства, в том числе министерства внутренних дел, труда, здравоохранения, транспорта и Национальный совет по оказанию помощи, созданный в 1948 г.

Предложения министра по делам колоний, направленные на ограничение иммиграции британских подданных, сводились к следующему:

- через колониальные правительства донести до жителей информацию о том, что найти работу в Британии очень сложно; не выдавать паспорта тем, кто не может оплатить билет или не годен для постоянной занятости, и усилить контроль в портах с тем, чтобы не допустить спуск на землю безбилетных пассажиров;

- усилить контроль с целью предъявления всеми прибывающими в Соединенное Королевство доказательств британского гражданства;

- предпринять все необходимые меры для трудоустройства уже приехавших иммигрантов и подготовки добровольной депортации не адаптировавшихся к британским условиям жизни.

Особое внимание уделялось решению второй задачи – усилению контроля над прибывающими в страну иностранцами. Дело в том, что многие безбилетные пассажиры из Западной Африки имели так называемые британские сертификаты путешественников (British Travel Certificates). Эти документы, обращая внимание Дж. Гриффитса, были выпущены британскими администрациями в странах Западной Африки и предназначались для передвижения внутри региона. С целью снижения количества нелегалов из региона в метрополию министр предлагал обменять эти сертификаты на документы, удостоверяющие личность и место жительства [2, р. 31].

19 сентября 1949 г. министерство внутренних дел Великобритании внесло изменения в инструкции Иммиграционной службы, наделив ее правом отказывать во въезде людям, которые не могут предъявить удовлетворительное доказательство того, что они – британские подданные или находящиеся под британской защитой лица. Это, по сути, был возврат к довоенной практике, результатом которой стало некоторое сокращение въезда нелегалов [2, р. 31 – 32].

На этом фоне как «сравнительно небольшая» оценивалась проблема занятости. В июле 1949 г. министерство труда Великобритании в ответ на запрос правительства представило отчет, согласно которому в основных центрах проживания иммигрантов без работы оставались 1200 человек. Большинство из них проживали в Ливерпуле (540), Лондоне (Ист Энд – 278), Уэльсе (в основном в Кардиффе – 101) и Манчестере (129). Около 500 человек из общей цифры представляли себя как моряков. Министерство труда пыталось перевести безработных из Лондона и Манчестера в другие города, где наблюдалась нехватка ра-

бочих рук, и в этом процессе удалось добиться некоторых результатов благодаря помощи Национальной корпорации хостельской службы [2, р. 32].

Колониал оффис отправил телеграммы всем морским колониям с рекомендацией выдачи стандартных сертификатов гражданства и удостоверения личности всем колониальным морякам. Оставалась проблема занятости уже прибывших: в Ливерпуле и Кардифе наблюдалась общая нехватка рабочих мест. Многие мужчины-мигранты были не женаты, а, значит, не имели права на жилье по местным законам. Арендовать комнату или квартиру было затруднительно по причине расовых предрассудков у собственников жилья. Дж. Гриффитс считал необходимым преодолевать расовые предрассудки, выливавшиеся в «некоторое предубеждение против цветных людей, например, нежелание некоторых хозяек брать цветных постояльцев и отказ в предоставлении работы со стороны частных работодателей» [2, р. 33].

Эти расовые предубеждения, как справедливо он полагал, невозможно было преодолеть только путем законодательных или административных действий. Информационный отдел Колониал оффиса разработал программу по информированию британской общественности о колониях и их народах с целью «лучшего понимания друг друга». Другие меры были связаны с решением проблем обеспечения жильем и работой сравнительно маленьких групп цветных иммигрантов, «не растворенных в нормальную жизнь и работу в стране», предоставив им услуги и возможности, доступные всему обществу в целом, и стимулировать добровольный интерес и службу с их стороны [2, р. 33].

Эти планы Колониал оффиса требовали организации подготовки сотрудников для обеспечения специальных нужд мигрантов. В то же время министр по делам колоний предупреждал, что «было бы неверно рассматривать колониальных резидентов как класс, отдельный от общества в целом, хотя нужно признать, что они действительно нуждаются в специальном руководстве» [2, р. 33].

В июне 1950 г. меморандум главы Колониал оффиса был внимательно изучен на заседании кабинета министров [2, р. 34]. Дж. Гриффитс в очередной раз отметил, что проблемы возникают только в том случае, если иммигранты желают стать резидентами и остаться в стране. Министерство по делам колоний со своей стороны, подчеркнул он, при полной поддержке министерства труда, старалось рассредоточить их так широко по территории как только возможно – не допуская скопления в одном месте. Такую политику министр характеризует как «политику распространения и ассимиляции», отмечая при этом, что *политика ассимиляции (выделено Е. Х.)* несомненно представляет значительные трудности, и, для того чтобы преодолеть их, необходимы совместные усилия со стороны правительственных отделов и добровольческих организаций.

Термин «ассимиляция», что симптоматично, не раскрывается Дж. Гриффитсом, но очевидно, что эта политика, если ее можно считать таковой, не представляла собой **целенаправленного курса на интеграцию** (выделено Е. Х.) иммигрантов в британское

общество на данном этапе. Со всей очевидностью эти вопросы встанут перед руководством страны годы спустя, когда политики осознают, что в государстве на постоянной основе проживает значительное число иностранцев, имеющих семьи и связывающих свою и их жизнь с пребыванием только в Британии.

Гораздо больше на тот момент времени глава Колониал оффис был обеспокоен продолжающимся притоком иммигрантов: очередной корабль с 14 цветными мигрантами из Вест-Индии должен был прибыть на днях. Почти все другие страны Содружества уже ввели ограничивающие для британских подданных въезд в страну меры, и было бы логично, по мнению Дж. Гриффитса, если Великобритания пойдет по этому пути, особенно в условиях увеличения количества нелегалов, прибывающих по поддельным документам [2, р. 34 – 35].

Дж. Чатер Эд, глава министерства внутренних дел и председатель комитета министров, специально созданного для изучения миграционных проблем, в феврале 1951 г. представил кабинету оценки своего ведомства. Согласно им в целом безработица и нищета среди цветных мигрантов была не так распространена, чтобы иметь заметный эффект на экономику Британии. Общая численность безработных постепенно уменьшалась – в 1949 г. она составляла 1200 человек, а в 1950 г. – уже 1102 человека [2, р. 43].

В ходе заседания члены кабинета отвергли идею введения ограничивающего иммиграцию законодательства под предлогом «нарушения традиционной политики предоставления всем британским подданным права въезжать и селиться в Соединенном Коро-

левстве» [2, р. 47]. Но поддержали предложения Дж. Чатер Эда о введении отдельных мер административного характера: усилить службу контроля не только в отношении иностранцев, но и британских подданных и вернуть нелегалов на родину [2, р. 43 – 44].

Таким образом, хотя Акт о британском гражданстве 1948 г. по-прежнему оставался в силе, британские политики при обсуждении проблем нерегулируемой иммиграции все больше утверждались во мнении о необходимости ввести контроль над количеством прибывающих в страну иностранцев. Изменившиеся после Второй мировой войны международные условия, включая процессы деколонизации и деятельность ООН по ликвидации мировой колониальной системы, тормозили принятие законодательных мер, регулирующих въезд выходцев из слаборазвитых колоний в Британию. Как лейбористы, так и в будущем консерваторы, испытывали вполне оправданные опасения, что ограничение только цветной иммиграции вызовет обвинения Великобритании в проведении расовой дискриминации. Объективно же Лондон не мог обеспечить работой, жильем и другими социальными услугами всех желающих, приезжающих из бедных стран империи. Так и не решив дилемму «выслать нельзя принять» во второй половине 1940-х – 1950-ые гг., Великобритания в 1962 г. все же согласится на введение регулируемой иммиграции, приняв Акт о мигрантах Содружества, на деле приведший только к увеличению численности прибывающих иностранцев.

Литература

1. Ливен Д. Империи и власть. Размышляя над современной историографией истории империй // В поисках истины: сб. к юбилею академика А. О. Чубарьяна. М., 2012.
2. British Documents on the End of Empire. Ed. by R. Hyam. Series A. Vol. 2. The Labour Government and the End of Empire. 1945 – 1951. Part IV. Race Relations and the Commonwealth. L., 1992.
3. Empire, Migration and Identity in the British World. Ed. by K. Fedorowich and A. S. Thompson. N.Y., 2013.
4. European Migration in the Late of Twentieth Century. Historical Patterns, Actual Trends, and Social Implications. Aldershot, 1994.
5. Spencer I. British Immigration Policy from 1939. The Making of Multi-Racial Britain. L., N.Y. 1997.

Информация об авторе:

Хахалкина Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Исторического факультета Томского государственного университета, ekhakhalkina@mail.ru.

Elena V. Khakhalkina – Candidate of History, Associate Professor, Assistant professor at the Department of Modern, Contemporary History and International Relations, National Research Tomsk State University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

УДК 94.37 (376)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЗАПАД – ВОСТОК: ЗАДАЧИ ВОСТОЧНОЙ АКАДЕМИИ ЛЮНЕБУРГА ВО ВРЕМЕНА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ И ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ РАЗДЕЛА ЕВРОПЫ*Б. Шальхорн***THE EAST-WEST POLITICAL EDUCATION: CHALLENGES FOR THE EAST ACADEMY OF LÜNEBURG DURING THE COLD WAR AND SINCE THE END OF THE DIVISION OF EUROPE***B. Schalhorn*

Статья посвящена вопросу деятельности Академии «Восток» в Люнебурге (Западная Германия), которая в период с 1952 по 2004 гг. занималась актуальными проблемами отношений между Западом и Востоком Германии и Европы. Как институт политического и культурного образования и на основе собственных исследований Академия занималась с взрослыми и молодыми участниками проблемами, которые вытекали из особого положения Германии в Европе после крушения национал-социализма, раскола Германии и Европы. В первые годы своей работы она изучала проблемы, связанные с изгнанием миллионов немцев из провинций Восточной Пруссии, а затем специализацией Академии становится изучение ГДР и восточных соседей Германии в период европейской интеграции. После окончания холодной войны и воссоединения Германии Академия налаживала и развивала новые связи между Западом и Востоком: с Польшей, странами Балтии, Россией и другими странами СНГ. Таким образом, Академия внесла свой вклад во взаимопонимание между гражданами Германии и стран Центральной и Восточной Европы, что отвечало намерением победителей германского нацизма и лежало в основании новой Федеративной республики Германии.

The paper considers the question how the Ost-Akademie in Lüneburg, Federal Republic of Germany, tackled the problems of West-East-relations in Germany and in Europe between 1952 and 2004. As an institute for political and cultural education on basis of the carried out research, the Academy worked with adult and young participants. It dealt with problems deriving from the special position of Germany after the defeat of National Socialist Germany and from German and European partition. In the initial years it took up the challenges connected with the expulsion of millions of Germans from the Eastern Prussian provinces. Afterwards it picked up the splitting between the Western and the Eastern zone of Germany, between FRG and GDR, and investigated the socialist development of the GDR. In the last years of the German partition it succeeded in establishing immediate encounter with everyday life in the GDR. After the end of the German partition and the end of the Cold War it engaged in bringing together unified Germany and its Eastern neighbours, Poland, Russia, the Baltic states, and the new emerging republics of the CIS. In this way the Academy could make a contribution to the development of understanding between citizens in Germany and in Central and Eastern Europe. Exactly that was the intention of the victors over National Socialism and of the new founded Federal Republic of Germany.

Ключевые слова: политическое/гражданское образование, международное взаимопонимание, Германский вопрос, история Германии и Восточной Европы.

Keywords: political/civic education, international understanding, German question, German and Eastern European history.

Создание неформальных учебных заведений в молодой Федеративной Республике

Парламентский Совет, который принял конституцию будущей Федеративной республики Германии, написал в преамбуле «Основного закона»: «Сознавая свою ответственность перед Богом и людьми, воодушевленный стремлением в качестве равноправного члена идущей по пути объединения Европы служить всеобщему миру немецкий народ, исходя из своей конституирующей власти, принял настоящий Основной закон». Эту преамбулу можно считать ответом на сформулированную в 1945 г. в Потсдаме принципиальную позицию союзников по антигитлеровской коалиции в отношении Германии: «Германский милитаризм и нацизм будут искоренены, и Союзники, в согласии друг с другом, сейчас и в будущем, примут и другие меры, необходимые для того, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире» [1, с. 386].

Федеративная республика Германии приняла эту принципиальную позицию союзников и сделала от-

ношения со своими европейскими соседями одной из своих главных политических задач. Этот курс был взят за основу демократическими партиями, главными христианскими конфессиями, профсоюзами и различными общественными организациями, ориентированными на выдвижение общеевропейских инициатив. Несмотря на то, что они дискутировали друг с другом по вопросам о том, какими должны быть отношения Германии с соседями, тем не менее в этих спорах были четко проговорены две принципиальные позиции: западногерманское общество должно безусловно получить пользу от новой ориентации внешней немецкой политики и оно должно приложить немало сил, чтобы доказать свое миролюбие.

После войны и краха национал-социализма школы и университеты Германии нуждались в реформировании на основе демократических принципов. Они должны были либо кардинально обновить программу обучения, либо быть воссозданными вновь, избавиться от «коричневого прошлого» и стать проводниками демократических идей различных идеологических и

мировоззренческих групп населения. Новым явлением в системе образования ФРГ стало создание сети независимых общественно-частных образовательных центров. Они имели свой профиль, свои темы, определенное количество участников и интересующихся данной проблемой, свои способы распространения информации и методы решения поставленных задач. Некоторые преследовали исключительно узкие партийные или профессиональные интересы, другие представлялись как место открытых дискуссий в общем контексте государственно-правового образования. Однако в целом и те, и другие внесли большой вклад в утверждение идеи создания системы демократического политического образования.

Новые образовательные центры ангажировали себя как учреждения, которые выражали новое свободное от конфликтов отношение к европейским соседям Германии. На первом плане при этом подразумевались западные союзники ФРГ. Этой направленности способствовало возрастающее напряжение между Западом и Востоком, которое обусловило стремление немецкой общественности к быстрой переориентации на Запад. Идея западноевропейского единства быстро пустила свои корни в ФРГ перед лицом «холодной войны». Напротив, инициативы налаживания отношения со странами Восточной Европы, вошедшими в зону советского влияния, ввиду раскола между Востоком и Западом Европы, были в то время малоперспективны, хотя для Германии было очевидно, что без нормализации взаимоотношений с восточноевропейскими соседями она будет и дальше ощущать последствия Второй мировой войны. Но изгнание немцев из восточных областей между Одером и Нейсе, с одной стороны, и установления «железного занавеса», с другой, блокировали все попытки взвешенного политического подхода к началу этого диалога.

К описанным выше внешнеполитическим факторам, которые не способствовали налаживанию отношений между Германией и ее восточными соседями, следует добавить и положение миллионов «изгнанных». Беженцы и изгнанные из стран Восточной Европы немцы не сразу смогли создать свои организации и выразить свои интересы. Это произошло только после образования Федеративной республики Германии. Проблема беженцев стала одной из основных во внутренней политике «ранней» ФРГ. Уже первое западногерманское правительство поставило вопрос о том, как помочь большой группе перемещенных соотечественников обрести новую Родину. Проблема осложнялась еще и тем, что большинство репатриантов после возвращения на историческую Родину были бедны. Около 8 миллионов нищих изгнанных, влившихся в почти 50-ти миллионное население Западной Германии, могли создать длительное социальное и политическое напряжение государства. В первые годы существования ФРГ именно изгнанные стали благодатной политической почвой для деятельности правых кругов. Среди перемещенных лиц также были сильны и левые настроения. В создавшихся психологических и социально-экономических условиях существования перемещенных лиц нужны были быстрые и справедливые решения для облегчения их участи. Два

закона, принятые германским Бундестагом, «Закон о компенсации ущерба, причиненного войной» и «Закон об обеспечении жертв войны», помогли быстро интегрировать репатриантов в германское общество, дать им социальные гарантии и помочь начать новую жизнь. К концу 1950-х гг. мы можем констатировать позитивный итог реинтеграции перемещенных лиц в западногерманское общество.

Проблема включения репатриантов в немецкое общество заключалась не только в проведении масштабных социально-адаптационных мероприятий. Не менее важной представлялась их культурная интеграция. Были высказаны различные предложения о том, как сохранить культурное наследие немцев Восточной Пруссии, Померании, прибалтийских и польских немцев, а также немецкоязычного населения из других регионов Восточной Европы. Главный вопрос заключался в сохранении специфики культурного наследия изгнанных в Западной Германии.

Основание и концепция Восточно-немецкой Академии в Люнебурге

В решение задач культурной адаптации немцев-репатриантов включилась основанная в 1951 г. Северо-восточная Академия, позднее переименованная в Восточно-немецкую Академию. Ее основателем стал рожденный в Ливонии социолог по образованию Макс Хильдебер Бём (1891 – 1968), который в годы Веймарской республики примыкал к младоконсервативному движению, а в годы Третьего рейха выступал как представитель влиятельного направления в германской гуманитарной мысли так называемой «истории народа» [22, s. 405 – 440; 23, s. 27 – 51; 24, s. 318 – 328]. В 1951 г. он взял на себя инициативу по созданию научно-образовательного учреждения, занимающегося главным образом историей и культурой немцев Северной Германии и немецкоязычного населения Прибалтики, которое долгое время было отделено от Германии. Инициатива была поддержана репатриантами, начались регулярные встречи и обсуждения, на которых переселенцы изучали свое прошлое и представляли свое культурное богатство немцам Западной Германии.

Проект получил большую поддержку со стороны общественности и органов государственной власти. Бёму удалось также мобилизовать широкий круг исследователей: специалистов по восточноевропейской истории, социологов и политиков. Особо значимой была поддержка первого президента ФРГ Теодора Хойсса, имевшего дружеские связи с Бёмом с 1920-х гг. В личном письме от 1951 г. Хойсс писал Бёму: «Глубокоуважаемый дорогой профессор Бём, меня очень заинтересовал Ваш и др. Кёделя план по созданию Северо-восточной Академии в Люнебурге. Из наших прежних разговоров, Вы знаете, как я забочусь о судьбе профессоров центральной и восточной Германии, однако, как Вы понимаете, мои правовые и финансовые возможности ограничены. Но если что-то можно сделать при помощи личной поддержки, оказываемой мною для столь необходимых нам научных, исторических и социологических работ, представленных на суд общества, я готов проявить свою инициа-

тиву. «Потому что все, что происходит в этой области, требуют заботы и не в последнюю очередь – знания» [2]. «Неудачное специальное предприятие» – так сказал Хойсс об инициативе создания конкретных восточногерманских объектов в Западной Германии, которые могли злоупотреблять интересами беженцев в радикальных целях. В глазах Хойса Бём был гарантом соблюдения научной квалификации и политического баланса. Вот почему он поддержал идею Бёма.

В самом деле, Бёму удалось убедить частных инвесторов, прежде всего Федеративной Республики и – в меньшей степени Нижней Саксонии – в необходимости интенсивной финансовой поддержки своего проекта. В сентябре 1952 г. Академия смогла начать работу в заново отстроенном здании в Люнебурге. Люнебург был выбран потому, что город принял множество восточных немцев. Так, в 1950 г. 1/3 жителей Люнебурга состояла из беженцев и перемещенных лиц. Кроме того, город лежал близко к новой внутренней немецкой границе, к границе между британской и советской зонами оккупации, к ГДР. При основании Академии у Бёма было много замыслов. Первой была внеуниверситетская академическая работа: участники из большого круга перемещенных, а также группы перемещенных лиц были приглашены на неделю или на выходные дни для семинаров под руководством доцентов Академии и приглашенных лекторов. Это были ученые разных специализаций. Их задачей было познакомить слушателей со «Знанием культурного наследия немецкого Востока» и с «Реструктуризацией немецкого народа в настоящем». Третьей рабочей областью стала тема «Немецкий Восток – сегодня и завтра». При этом речь шла о развитии восточногерманских областей после изгнания немцев и кроме того об актуальных вопросах международной политики и вклада Германии в эту область.

Особым образом следовало работать над темами «Германия, Польша, Россия (события и возможности соседства)». Должны были обсуждаться вопросы: «Как другие смотрят на нас, как мы видим других». В этом контексте последовательно всплывали темы «Национализм, панславизм, большевизм». Этот комплекс должен заключаться темами «Соседи вчера – соседи завтрашнего дня» и «Конец спирали мести» в связи с «Немецкой работой на востоке Европы (Deutsche Ostarbeit) и европейской ответственностью» [18, s. 144 – 149]. Понятие «Deutsche Ostarbeit» было отягощено тем, что научный интерес к Восточной Европе формировался во времена нацистской экспансии на Восток.

Таким образом, восстанавливалась связь между сохранением памяти об утраченной Родине в Восточной Германии и налаживанием новых отношений с соседними народами на Востоке. Концепция была весьма социологически-теоретической. Сотрудникам, которые были привлечены Бёмом в Академию, приходилось принимать во внимание (особенно с самого начала), что было актуально и что в действительности интересовало участников. Преподаватели принадлежали к более молодому поколению доцентов, чем Бём. Они завершили своё университетское образование в 1930-х гг. и до 1945 г. участвовали в военных

действиях. Все были выходцами из отторгнутой части Восточной Германии и были сориентированы на работу в духовной и культурно-исторической сферах. Их приоритеты лежали в вышеназванной третьей рабочей области. Здесь сосредоточивался также главный интерес участников семинара.

Смещение акцентов в деятельности Академии до 1980 г.

Текущие политические конфликты быстро вышли на передний план в середине 50-х гг. Наоборот, постепенно утрачивался интерес собственно к темам Восточной Германии, а также культурному наследию Восточной Пруссии, Померании, Балтики и т. п. Акцент во все большей степени переносился на вопросы немецкого единства, на проблемы разделения Германии, на пруженности и конкуренции между Федеративной Республикой и ГДР (*Германской демократической республикой – ред.*) или как её называли на Западе – «Зона» или «СЗО» (*«Советская оккупационная зона» – ред.*). Привлекали внимание вопросы политических и идеологических аспектов марксизма-ленинизма, их эффективности в Восточной Германии и в странах Центральной и Восточной Европы в целом. Всё это было связано с народным восстанием в «Зоне» в июне 1953 г. и бегством молодёжи и студентов в ходе создания национальной народной армии в ГДР.

Для бежавшей от восточногерманской армии молодёжи в ФРГ были проведены вводные курсы в Академии. Этих, а также молодых людей Западной Германии непосредственно коснулось обострение напряженности холодной войны в Европе и в Германии. Угрозы с Востока, народное восстание 1953 г. в Восточной Германии (ГДР), переворот в Польше в 1956 г., восстание 1956 г. в Венгрии были реальными событиями, которые анализировались в Академии. Она давала теперь гражданское образование учащимся и студентам и проводила со времени образования бундесвера соответствующие семинары для студентов, учителей, офицеров, унтер офицеров, солдат, но как всегда – для групп перемещенных лиц.

Количество преподавателей составляло в среднем 5 ученых. Со временем их стало больше. Они выступали не только на семинарах, но и в других учебных заведениях. Кроме того, они публиковались в журналах Академии «Письма с Востока» (1954 – 1963) и «Немецкие исследования» (1964 – 2006). Главным редактором вплоть до своей отставки в 1979 г. был Карл Хайнц Германн (Karl Heinz Gehrman – 1914 – 1996). Для журналов Академии писали также многочисленные приглашённые авторы, педагоги образования для взрослых, ученые и журналисты.

Итак, в центре деятельности Академии стали вопросы, непосредственно относящиеся к Германии и двум немецким государствам. Но с самого начала сотрудники занимались и Польшей, и Балтикой, и Россией. Здесь следует назвать таких сотрудников, как Х. Д. Кранхальс (Hanns D. Krannhals – 1912 – 1970) [16; 20, с. 178 – 181, 347], специалиста по Польше Рудольфа Дж. Неймана (Rudolf J. Neumann – 1901 – 1983) [21], Хайнца Ишрайта (Heinz Ischreyt – 1917 – 1993) – инициатора «исследовательской группы по

культурным связям в Центральной и Восточной Европе» (основана в 1969 г.) и редактора тома с участием докладчиков из Восточной и Западной Европы [14, с. 11 – 14; 12, с. 407 – 414; 30], которые до и в 1980-е гг. принимали участие в международных специализированных переговорах. Вольфганг Гайерхос (Wolfgang Geierhos) [11] принадлежал к молодым коллегам, которые становились научно-педагогическими работниками в Лüneбурге в начале 80-х гг. Академия стала первой организацией образования для взрослых помимо институтов Восточной Европы, существовавших в различных университетах, а также института Гердера в Марбурге, которые напрямую занимались соседними с Федеративной Республикой странами Восточной Европы. Позже были созданы так называемые Институты «Восток – Запад», например, во Фрайбурге, а также как общегерманское учреждение при Федеральном агентстве гражданского образования – «Восток-колледж» в Кёльне [17; 31].

Следствием стало осуществление с 1965 г. постепенной переориентации фокуса с приоритетных занятий тематикой перемещенных лиц в другую сферу. Попечительство сохранения культурного наследия Восточной Германии (до 1945 г.) было передано новому объединению – Северо-германскому культурному обществу в Лüneбурге, финансируемому Федеральным министерством по делам перемещенных лиц и беженцев. Восточная немецкая Академия была переименована в Академию Востока. Она стала заниматься современными проблемами, прежде всего, германо-германскими отношениями, а также проблемами соседства Германии со странами Восточной Европы и Советского Союза [10, с. 3 – 7]. Финансирование Академии было теперь почти исключительно в ведении Федерального министерства германо-германских отношений (около 80 % бюджета академии).

Между тем мысль о возвращении регионов Восточной Германии, которая в первые годы работы Академии была действенной для научных позиций отдельных сотрудников, полностью отошла на второй план. На переднем плане оказались занятия проблемами раскола Германии, развития ГДР и стран Центральной и Восточной Европы. Особый интерес сосредоточивается на всё более идеологически выраженных преобразованиях в ГДР, на возрастании монопольной силы Социалистической единой партии Германии и на постоянных усилиях противопоставить ГДР «фашистской Западной Германии». Особенным интересом пользовалось сравнение «Восток-Запад», сопоставление политической, экономической и социальной ситуации в ГДР и ФРГ. Стали популярными поездки из Лüneбурга к внутренней границе Западной и Восточной Германии. Западногерманские посетители могли видеть колючую проволоку и пограничные укрепления, но не могли наблюдать за жизнью позади этих укреплений.

Подавляющее большинство людей в Федеративной республике приучилось видеть в ГДР противоположность своей республике. Смотрели на Запад. Особенно молодёжь чувствовала себя европейцами и не ощущала себя национальной общностью с народом в ГДР. Пропагандистская картина ГДР, которую распространяла СЕПГ, отвергалась на Западе. Результа-

том стало отсутствие интереса большинства немцев к ГДР. Режим границы с восточногерманским государством, военное образование в школах, преследование диссидентов не могло пробудить никакой симпатии и большинство на западе Германии отвернулось от ГДР, не проявляя любопытства к её развитию.

Новые подходы к немецко-политическому образованию в 80-е гг.

С 1981 г. Академия начинает искать новые пути с целью пробуждения интереса в Федеративной Республике ко второму немецкому государству. Германо-германские договоры 1970-х гг. о мирном сосуществовании двух немецких государств допускали путешествия из ФРГ в ГДР (не наоборот), а также разрешались групповые туры и небольшое приграничное движение. Академия начала использовать эти возможности. Она организовала семинары с односторонними поездками в соседние районы ГДР – Шверин и Росток. Она стала проводить многодневные экскурсии в ГДР учеников, студентов, учителей, групп преподавателей колледжей, библиотекарей, деятелей культуры. Стало возможно более точно познакомиться с условиями жизни в ГДР, хотя все поездки были под строгим контролем государственной безопасности ГДР, которая определяла, какие мероприятия разрешаются. Но, несмотря на ограничения, группы видели более реалистичную картину жизни Восточной Германии, другую, нежели та, которую вела официальная пропаганда. Академия пыталась заглянуть за кулисы и определить, насколько люди в ГДР на самом деле идентифицировали себя с этим государством. Сотрудники наблюдали повседневную жизнь в ГДР, развитие искусства и культуры, регионального сознания.

Органы государственной безопасности ГДР, которые приставили многих информаторов к Академии Востока («стригущему лишаю вражеских объектов», как они её называли) и к её сотрудникам, пытались обвинить их в шпионаже. Но это не было делом Академии. Она лишь стремилась дать людям в ФРГ реальное представление о ГДР. Не предполагалось также сделать из этих путешествий и пропаганду в пользу «социалистического государства». Скорее – вызвать интерес, стимулировать любопытство. Более интенсивные знания позволяли представить, что знают люди в ГДР на темы, естественные для западных немцев. Поэтому концентрировались на таких темах, как повседневная жизнь, положение молодежи, ситуация с деятелями культуры, проблемы регионального сознания, школы и образования. Посетителям семинаров должно было стать ясным, что нельзя до конца ответить на вопрос о единстве Германии [6, с. 156 – 167; 9, с. 124 – 136; 29, с. 213 – 228].

Наблюдения и результаты исследования ГДР сотрудниками Академии были представлены общественности среди прочих передвижной выставкой «Молодежь в ГДР». Она демонстрировалась в немецких землях с 1987 г. до тех пор, пока в ноябре 1989 г. не рухнула Берлинская стена и не открылась ГДР [13; 5, с. 385 – 402]. В конце 1980-х гг. уже можно было приглашать для участия в коллоквиумах Академии первых учёных из ГДР. В тесном сотрудничестве с дру-

гими образовательными учреждениями Академия работала не над ликвидацией внутренних границ Германии, а над активизацией отношений между людьми на Востоке и Западе, над облегчением их взаимодействия ресурсами политического образования и публичными методами [28, с. 49 – 55; 8, р. 122 – 142].

Европейская просветительская работа с 1990 г.: в фокусе – Центрально-восточная Европа

После падения Берлинской стены, открытия границы на Эльбе в ноябре 1989 г., воссоединения Германии и демократического строительства на Востоке Академия стала содействовать проведению множества мероприятий и семинаров в новых восточных землях. К этому она была особенно готова, так как благодаря своей работе сотрудники были хорошо знакомы с отношениями в ГДР и особенно разясняли потребности восточных немцев в ходе срастания с Западом. Академия ведь никогда не теряла из виду – как в своих внутренних докладах отмечали Штази – (*Органы госбезопасности ГДР – ред.*) – ожидания воссоединения Восточной и Западной Германии. Эта часть своей основной миссии – общегерманского политического образования – во многом была выполнена после 1990 г.

Но не была выполнена задача содействия в пределах своих возможностей ходу европейского объединения. Академия смогла для этого больше использовать свою «Восточную компетентность». Занимаясь ГДР, Академия постоянно исходила из точки зрения, что эта страна было частью системы Восточного Альянса и «социалистического лагеря». Внутренняя и внешняя политика восточных соседей ГДР были регулярными темами семинаров и публикаций. Теперь Академия взяла курс на информацию и встречи из Польши и бывших республик Советского Союза. Благодаря поддержке, прежде всего земли Нижняя Саксония, она стала приглашать на семинары в Лüneбург из новых партнёрских регионов в Польше (Гросполен, Нижний Шлезвиг, Люблин и другие воеводства) управленцев, учителей, студентов, фермеров. Из Эстонии и Латвии – учителей, служащих провинций, студентов-историков. Из России (области Перми и Тюмени, Омска, Калининграда и других областей), из Белоруссии, Украины, Молдавии – учителей, студентов, работников областных учреждений, журналистов, коммунальных служащих, деятелей культуры, фермеров. Из Польши, Венгрии, Румынии, Белоруссии и России – представителей немецких меньшинств [7, с. 69 – 82; 19, s. 145 – 161; 25, s. 142 – 146; 26].

Поскольку сотрудники Академии благодаря их научной работе и стажировкам владели языками, историей и географией восточных соседей, то им было

легко удовлетворить ожидания различных прибывающих групп. Они могли определить вопросы, которые имеют важное значение для той или иной группы и отдельных лиц из соседних стран, а также из других государств-преемников Советского Союза. Они также знали людей из Лüneбурга и Нижней Саксонии, которые были бы профессионально подготовлены для партнёрства с гостями из стран Востока. Сотрудники Академии непосредственно налаживали контакты с учреждениями власти, школами, фермами в Лüneбурге и за его пределами. В ходе совместной работы они закрепили контакты с прибывшими с Востока группами и затем руководили немецкими группами в ходе посещения новых партнеров из Польши, России, Белоруссии, Украины и Прибалтики. В то время часто речь шла о «возвращении центрально-восточноевропейских государств в Европу».

В действительности в Академии Востока говорилось о «взаимном возвращении»: Запад тоже должен вернуться в Восточную Европу и познакомиться с ней. В семинарах для членов вооруженных сил Германии и пограничной службы подбирались вопросы о новых немецких соседях на Востоке. Очень тесные контакты развились с муниципалитетами и учреждениями культуры на территориях, ранее немецких, а в настоящее время – польских и российских. Академия дала им доступ к организациям и коллекциям перемещенных лиц в Федеративной Республике. Таким образом, они получили возможность познакомиться с информацией и документами в период до 1945 г., которые можно было использовать для обогащения и сохранения памятников регионального культурного наследия. В результате этих усилий в сотрудничестве с деятелями культуры Калининградской области была организована передвижная выставка: «Забытые культуры – церкви в Северо-Восточной Пруссии» [3].

Академия смогла вплоть до её закрытия в 2004 г. многим его участникам из стран Центральной и Восточной Европы получить сертификаты на их национальных языках о том, что они приняли участие в семинарах, программа которых учитывала их специальные и профессиональные интересы. Эти документы о повышении профессиональной квалификации, вероятно, редко используются. Но во всяком случае гости Академии из разных стран могли привезти домой главное впечатление, что Германия хочет иметь хорошие отношения с их народами и открыта для их интересов. И что «демократические отношения в Федеративной Республике могут быть побудительным мотивом для оформления внутреннего порядка в их странах и для европейского взаимодействия» [27, с. 32 – 38].

Литература

1. 1945 г. Сообщение о Берлинской конференции трех держав. III. О Германии. Тегеран – Ялта – Потсдам // Сборник документов. Потсдамская конференция 17 июля – 2 августа 1945 г. М., 1970. Режим доступа: http://www.hrono.ru/dokum/194_dok/chapt136.php
2. Heuss A., Boehm, 29. Mai 1951. Archiv der Hansestadt Lüneburg (vorher Carl-Schirren-Gesellschaft Lüneburg).
3. Bachtin A., Doliesen G. Vergessene Kultur. Kirchen in Nord-Ostpreußen. Eine Dokumentation. Husum, 1998.
4. D. St. = Deutsche Studien. Vierteljahreshefte. (Hrsg.): Ost-Akademie Lüneburg, 1963 – 2005.
5. Doliesen G. Die DDR zum Thema machen: Erfahrungen mit der Wanderausstellung „Jugend in der DDR“ der Ost-Akademie Lüneburg // Deutsche Studien 25 (1987) № 100.

6. Doliesen G. Wie lebendig ist die Geschichte in der DDR? Zum Zusammenhang von Erbe- und Traditionspflege, Heimatgeschichte und Geschichtsbewusstsein am Beispiel der Befreiungskriege // D. St. 27 (1989). № 106.
7. Doliesen G. Polen – ein Schwerpunkt der europäischen Bildungs- und Vermittlungstätigkeit in der Ost-Akademie Lüneburg // Deutsche Studien 36 (1999/2000). № 141.
8. Fischer L. Zwischen Aufbruch und Zukunftsangst. Beobachtungen und Dokumente zur Situation der Künstler in der Noch-DDR // D. St. 28 (1990). № 110.
9. Fischer L. Kunst als Orientierungshilfe für den Alltag. Beobachtungen zur Kunstrezeption in der DDR am Beispiel der X. Dresdner Kunstausstellung 1987/88 // D. St. 27(1989). № 106.
10. Gehrman K. H. Studien über Deutschland und den Osten – 25 Jahre Ost-Akademie Lüneburg. In: Der gemeinsame Weg. 7, III (1977).
11. Geierhos W. Das Kräfteverhältnis. Die neue Globalstrategie der Sowjetunion. Lüneburg, 1980.
12. Ischreyt H. Bilanz und Ausblick // D. St. 15 (1977). № 56.
13. Jugend in der DDR. Text- und Materialsammlung zu einer Ausstellung der Ost-Akademie Lüneburg. Herausgegeben von der Ost-Akademie Lüneburg, 1987.
14. Kessler W. Historische Kulturbeziehungsforschung. Zur Arbeit des Studienkreises für Kulturbeziehungen in Mittel- und Osteuropa // Kulturbeziehungen in Mittel- und Osteuropa im 18. Und 19. Jahrhundert. Festschrift für Heinz Ischreyt. Berlin, 1982.
15. Kulturbeziehungen in Mittel- und Osteuropa. Ein Bericht // D. St. 8 (1970). № 29.
16. Krannhals H. Der Warschauer Aufstand 1944. Frankfurt am Main, 1962.
17. Maibaum W. Ostkolleg der Bundeszentrale für Heimatdienst. Gründungsgeschichte und Aufbauphase. Bonn, 2004.
18. Die Marienburg. Jahrbuch des Nordostdeutschen Kulturwerks 1952/53. Hannover.
19. Mark R. A. Russland und die Gemeinschaft Unabhängiger Staaten (GUS) – 10 Jahre zwischen Integration und Desintegration // D. St. 38 (2002). № 147/148.
20. Marti P. Der Fall Reinefarth. Eine biografische Studie zum öffentlichen und juristischen Umgang mit der NS-Vergangenheit. Beiträge zur Zeit- und Regionalgeschichte. T. 1. Neu-münster, 2014.
21. Neumann R. J. Polens Westarbeit. Die polnischen Kultur- und Bildungseinrichtungen in den deutschen Ostgebieten. Bremen, 1966.
22. Prehn U. Max Hildebert Boehm. Radikales Ordnungsdenken vom Ersten Weltkrieg bis in die Bundesrepublik. Göttingen, 2013.
23. Prehn U. „An der schmalen Grenze zwischen Wissenschaft und Politik“: Max Hildebert Boehm und die Gründungsgeschichte der (Nord-)Ostdeutschen Akademie // D. St. 39 2003/2004). № 149.
24. Schalthorn B. Anfänge deutschlandpolitischer Forschungs- und Bildungsarbeit in den fünfziger Jahren: Die Ost-Akademie Lüneburg // D. St. 25 (1987). № 100.
25. Schalthorn B. Das Schicksal von Minderheiten im Zeitalter der Globalisierung. Kritischer Rückblick auf die Minderheitenexistenz von Deutschen in Russland und in der Sowjetunion bei ihrer „Heimkehr“ // Außerschulische Bildung, 1998. № 2.
26. Schalthorn B. Auf der Suche nach praxisnahen Lernorten // Das Parlament. 48 № 36 (20.8.1998).
27. Schalthorn B. Kultur als Brücke zwischen Deutschland und seinen Nachbarn in Mittel- und Osteuropa // Aus Politik und Zeitgeschichte, B 15/2001.
28. Schalthorn B. Die getrennte deutsche Vergangenheit zum gemeinsamen Thema machen. Von Ausstellungen über die DDR vor 1990 zur Präsentation des 17. Juni 1953 als gesamt- deutsches Thema – ein Praxisbericht der Ost-Akademie // Außerschulische Bildung, 2003. № 1.
29. Wendelin Sroka, Zur Rezeption des „klassischen bürgerlichen Erbes“ in der pädagogischen Geschichtsschreibung der DDR // D. St. 24 (1986). № 95.
30. Studien zur Geschichte der Kulturbeziehungen in Mittel- und Osteuropa. T. 1 – 2. Köln. T. 3 – 6. Berlin, 1972 – 1980.
31. Thomas R. Antikommunismus zwischen Wissenschaft und politischer Bildung. Bundeszentrale für Heimatdienst und Ostkolleg. 2012. Режим доступа: [//www.bpb.de/geschichte/zeitgeschichte/deutschlandarchiv/-136249/antikommunismus](http://www.bpb.de/geschichte/zeitgeschichte/deutschlandarchiv/-136249/antikommunismus)
32. Zahlenspiegel Bundesrepublik Deutschland // Deutsche Demokratische Republik. Ein Vergleich. 3. Ausgabe, 2. Aufl. Bonn, 1988.

Информация об авторе:

Шальхорн Бернхард – Dr. phil., историк, преподаватель, директор Академии Восток (Ost-Akademie), Люнебург, Германия, bc.schalhorn@t-online.de.

Bernhard Schalthorn – Dr. Phil., historian, Director of Ost-Akademie, Lüneburg, Germany.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

УДК 94 (410):327(410)

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И ПРОБЛЕМА СТАБИЛИЗАЦИИ ВЕРСАЛЬСКОГО МИРОПОРЯДКА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.

О. А. Аршинцева

GREAT BRITAIN AND THE PROBLEM OF STABILIZATION OF VERSAILLES INTERNATIONAL ORDER IN THE FIRST HALF OF THE 1920S

O. A. Arshintseva

В статье предпринимается попытка пересмотреть устоявшиеся оценки британской политики в Европе и по-новому охарактеризовать роль Великобритании в становлении версальского миропорядка в первой половине 1920-х гг. В силу междисциплинарного характера темы в качестве методологической основы, наряду с историко-политическими, были привлечены методы многофакторного и системного анализа международных отношений. Автор исходит из того, что поворот в европейской политике Великобритании наметился в 1921 г. и был связан с разработкой комплексной внешнеполитической программы «европейской реконструкции». Основным предметом исследования является процесс формирования и реализации этой программы накануне и во время Генуэзской конференции 1922 г. Анализ дипломатических аспектов этого процесса основан на характеристике особого политического стиля и персональной дипломатии британского премьер-министра Д. Ллойд Джорджа. Хотя в результате Генуэзской конференции британская программа не была полностью реализована, ее цели не утратили своего значения в ряду британских внешнеполитических приоритетов в Европе в 1923 – 1925 гг. Автор приходит к заключению, что системный подход и преемственность, характерные для британской внешней политики, обеспечили Великобритании ведущую роль в процессе стабилизации версальского миропорядка начиная с 1921 г.

The paper attempts to reassess the British politics in Europe and to formulate a new vision of Great Britain's role in the development of Versailles international order in the first half of the 1920s. This interdisciplinary research was performed by using the methods of multifactor and system-analysis of international relation along with historical and political methods. The author notes that the turning point of Great Britain's European policy emerged in 1921 and was connected with developing a complex foreign policy programme of "European reconstruction". This policymaking process before and at the Genoa Conference of 1922 is researched in the paper. The study of the diplomatic aspects in the foreign policy implementation is based on the investigation of the personal political style and diplomacy of D. Lloyd George's, the British Prime-Minister at that time. Despite the British foreign policy aims were partly achieved at the Genoa Conference, the priorities of the British policy addressing European problems remained urgent in 1923 – 1925. The author concludes that the leadership of Great Britain in the Versailles order stabilization was provided by such basic features of British foreign policy as continuity and systematic political thinking.

Ключевые слова: внешняя политика Великобритании, версальский миропорядок, восстановление Европы, Генуэзская конференция.

Keywords: foreign policy of Great Britain, Versailles international order, reconstruction of Europe, Genoa Conference.

Трансформация международных отношений после Первой мировой войны охватывала разнообразные процессы, как связанные между собой, так и достаточно автономные – от перегруппировки сил в рамках глобальной и региональных систем до изменений дипломатических методов и механизмов принятия внешнеполитических решений. Одним из наиболее масштабных и выразительных в этом отношении является британский политический опыт. Он остается актуальным для исследователей международных отношений и политической модернизации XX столетия в силу нескольких причин, среди которых: свойственная британской политической культуре гибкость, спо-

собность реагировать на новые глобальные вызовы, прагматизм и озабоченность социальным консенсусом. В условиях разрушения предвоенного баланса сил и не сформировавшейся окончательно новой международной структуры британское руководство должно было по-новому сформулировать внешнеполитические приоритеты, объединив стратегическую цель упрочения империи с задачами воссоздания равновесия сил в Европе. Этот вызов носил объективный характер, поскольку коренился в структурных особенностях международной системы [2, p. 20 – 29, 68 – 78; 12]. В этом случае оказался востребованным уникальный опыт разработки большой стратегии в пред-

шествующем столетии, в условиях мирового доминирования Британской империи. Созданная по инициативе Великобритании Тройственная Антанта не предотвратила мировой войны (оставляя в стороне вопрос о причинах), однако сыграла решающую роль в победе над германской коалицией. Прагматизм британской политики, который выразился в начале XX в. в сближении с традиционным соперником в лице Российской империи, нашел новое выражение в послевоенной позиции в отношении Германии. Уступив глобальное лидерство США, Великобритания именно побежденному противнику отводила центральное место в своей европейской стратегии. Однако завершение Парижской мирной конференции 1919 г. не означало автоматического установления стабильного миропорядка, причем самым проблемным регионом оставалась Европа. Практически сразу после заключения мирного договора британское руководство вынуждено было признать, что слабость версальских постановлений – в том, что они не были подкреплены механизмом реализации, а процесс мирного урегулирования не сводится к частным компромиссам по вопросам безопасности, разоружения или репараций. В отечественной и зарубежной историографии утвердилось представление о том, что процесс стабилизации международных отношений в Европе был связан с преодолением последствий Рурского кризиса 1923 г. Применительно к британской политике в Европе этот тезис, как минимум, нуждается в уточнении – не только хронологическом. На наш взгляд, перелом в британской политике наметился еще до франко-бельгийской оккупации Рура, в конце 1921 – начале 1922 гг. и был связан с разработкой проекта «европейской реконструкции» и подготовкой Генуэзской конференции. Традиционный историко-политический подход в сочетании методами многофакторного и системного анализа международных отношений позволяет выявить истоки нового направления британской политики, его цели в контексте британских внешнеполитических приоритетов и оценить его результаты в среднесрочной перспективе. Актуальность проблемы связана с возможностью переосмыслить роль Великобритании как ведущего актора послевоенного урегулирования и оценить ее вклад в укрепление версальского миропорядка.

Импульсом к формированию этого курса послужило осознание британской политической элитой, что сложное переплетение экономических, политических и дипломатических факторов в международных отношениях требует нестандартных подходов. Олицетворением свободной от догм британской официальной позиции стал премьер-министр 1916 – 1922 гг. Д. Ллойд Джордж, который со времени Парижской конференции прислушивался к рекомендациям экспертов, нередко новаторского характера. Первым подверг резкой критике экономические принципы Версальского договора Дж. М. Кейнс, впоследствии известный экономист, а тогда молодой сотрудник министерства финансов, привлеченный к работе английской делегации в Париже. Идеи, высказанные в его нашумевшей книге «Экономические последствия

мирного договора», могут служить ключом к пониманию, почему уже к 1921 г. в европейской политике Великобритании наметился переход от разрозненных дипломатических усилий к разработке комплексной программы «европейской реконструкции» [1, р. 42 – 60]. Восстановление Европы невозможно без участия аутсайдеров европейской политики – побежденной Германии и Советской России, и широкомасштабная экономическая конференция является наиболее подходящим форматом для открытых дискуссий в духе «новой дипломатии».

Роль британского премьера в разработке и продвижении этого проекта широко представлена в современной английской историографии и не нуждается в подробном освещении, однако, для понимания степени его политического новаторства нам показалось интересным привлечь популярную концепцию американского политолога Дж. Ная, который в ряду условий для успешной внешней политики особое место отводит талантам политического лидера. Так, по мнению Ная, чтобы разработать эффективную внешнеполитическую стратегию, национальный политический лидер должен соответствовать следующим требованиям: внутренне ощущать направление и темп развития событий, проявлять изобретательность, предлагать приемлемые и осуществимые стратегии, уметь добиваться поддержки со стороны различных аудиторий дома и за рубежом, устанавливать четкие пропорции при использовании мягкой и жесткой силы. Следуя либерально-демократической традиции в определении критериев успешного лидерства, Най подчеркивает в ряду личных талантов руководителя умение использовать мягкую силу, которое предполагает наличие трех основных качеств. Во-первых, эффективное политическое видение, которое состоит в установлении баланса между реальностью и риском, между идеалами и возможностями. Во-вторых, знание себя, самодисциплина, что позволяет задействовать личное обаяние. В-третьих, коммуникативные способности, позволяющие воодушевить аудиторию дома и за рубежом. Иной набор качеств, по мнению Ная, обеспечивает эффективность использования жесткой силы. Это организаторские способности, которые гарантируют поступление достоверной информации; это политический профессионализм, который состоит в умении отбирать средства в соответствии с поставленными целями, накапливать политический капитал и расширять круг сторонников; наконец, это то, что принято называть «хорошо информированной интуицией» – способность определять направления перемен [10].

Ллойд Джордж был, без сомнения, крупнейшей фигурой не только на английской, но и европейской политической авансцене в первой половине 1920-х гг. Его политическим методам была присуща гибкость, он легко порывал с догмами и традициями, а если того требовали обстоятельства, то мог без труда поступаться принципами. Имея большой политический опыт и авторитет, он обладал здравым смыслом и был талантливым демагогом. Ллойд Джордж по праву считался одним из творцов версальской системы, но

при этом первым среди политиков стран-победительниц начал ратовать за отход от ряда принципиальных условий Версальского договора, в частности, в вопросе о германских репарациях. Стремление отстаивать британские интересы в Европе удачно сочеталось у него с личными претензиями на роль европейского лидера, основанными частью на том, что из руководителей держав Антанты, «делавших мир» в 1919 г., он единственный остался у власти в три последующих года.

Либеральная практика, сложившаяся во внутренней политике ряда стран, включая Великобританию, в начале XX в., получила распространение в международных отношениях в ходе перелома, наступившего к концу Первой мировой войны. Современники этих перемен и историки международных отношений характеризуют его как переход от закрытой, «кабинетной» дипломатии к новой и открытой, от жестко реалистичной к более либеральной внешнеполитической практике и риторике. Признанным идеологом «новой дипломатии» стал американский президент В. Вильсон. Однако его популярность не могла затмить репутацию британского премьер-министра. В европейской политике начала 20-х гг. именно он стал лицом «новой дипломатии». Среди миротворцев высшего политического ранга он единственный продолжил карьеру после 1922 г. и оставил самые подробные мемуары – военные и знаменитую книгу «Правда о мирных договорах», ставшие классикой жанра, образцовой политической автобиографией. Посвященная ему литература впечатляет количеством биографических работ даже на фоне известной английской традиции писания политических биографий. Этот интерес правомерен, учитывая своеобразие его политической карьеры, яркое своеобразие политического стиля и реальный вклад в национальную политическую культуру.

Собственно внешняя политика и персональная дипломатия Ллойда Джорджа связаны с периодом 1916 – 1922 гг., когда он возглавлял правительство и имел реальные возможности влиять на внешнеполитическую стратегию Великобритании. Исключительный интерес к европейским проблемам можно объяснить объективными причинами: исключительным значением европейского театра военных действий, самими условиями мирного урегулирования, характером отношений с партнерами по Антанте и противником, а также возросшей к концу войны внешнеполитической активностью доминионов. Именно европейские интересы Великобритании, сконцентрированные вокруг германской проблемы, русского вопроса и европейской безопасности, потребовали наиболее существенного пересмотра в процессе перехода от войны к миру и мирного урегулирования. В силу особой сложности, новизны и остроты они представляли новый вызов для руководителей внешней политики, поскольку предполагали методы, далекие от традиционного набора «старой» дипломатии. Европейский миротворческий процесс давал публичному политику исключительные возможности: если в национальных масштабах Ллойд Джордж считал своей трибуной не парламент, а страну, то трибуны международных конфе-

ренций – Парижской 1919 г. до Генуэзской 1922 г. – еще больше отвечали его амбициям.

Из всех европейских лидеров послевоенного периода Ллойд Джордж наиболее соответствовал вызовам времени. Весь его предыдущий политический опыт, особенности характера и темперамент соединились в персональном политическом стиле, резко выделявшем его из тогдашней британской политической элиты. Происхождение, образование, конфессиональная принадлежность, радикализм на ранних этапах парламентской карьеры, отсутствие уважения к традициям характеризовали его как аутсайдера политического класса в предвоенный период. Будучи одним из идеологов и инициаторов социальных реформ накануне войны, Ллойд Джордж приобрел исключительный – на фоне его коллег по либеральному правительству – опыт социального посредничества и ведения переговоров с тред-юнионами. Не случайно, что для него главным мотивом поддержки официального решения о вступлении Великобритании в войну стала идея сохранения единства нации. Принцип консолидации национальных сил лежал в основе его предпочтений в пользу коалиционной структуры правительства как наиболее соответствующей кризисным условиям войны и переходного периода. Собственно сам Ллойд Джордж и возглавил сначала военный кабинет такого типа (1916 – 1918 гг.) и послевоенную коалицию.

Будучи либералом по партийной принадлежности, он не считал нужным хранить верность идеологическим догмам либерализма (в частности, лессеферизму) и поэтому стал одним из инициаторов усиления государственного регулирования экономики в годы войны. Не испытывая особого преклонения перед традиционными политическими институтами, он на посту премьер-министра произвел институциональные преобразования ради более эффективной исполнительной власти. Но самым ярким примером пренебрежения к традициям стала внешнеполитическая сфера. В противоположность исключительному влиянию Форин офиса и его главы Э. Грея на предвоенную внешнюю политику Ллойд Джордж сосредоточил руководство процессом мирного урегулирования, европейской и ближневосточной политикой в своих руках, возложив на секретариат и советников, а не на штатных сотрудников министерства разработку внешнеполитических проектов. Это чрезвычайно расширяло возможности для внешнеполитических маневров и в сложных послевоенных условиях позволяло проводить гибкую политику. В германском вопросе он прошел путь от предвыборного лозунга 1918 г. «Немцы за все заплатят!» до фактической ревизии репарационной схемы в Каннской резолюции 1922 г. В отношении Советской России от непризнания его позиция эволюционировала до идеи привлечения в проект европейской реконструкции 1921 – 1922 гг. В случае успеха он мог противостоять обвинениям со стороны консерваторов-традиционалистов в дилетантизме, но и плата за неудачи была персонально высокой – а именно, премьерский пост.

Особый политический стиль Ллойд Джорджа, во многом нетрадиционный подход к проблемам внешней политики, его опыт участия в решении послевоенных международных проблем и, наконец, политические амбиции объясняют феномен «дипломатии Ллойд Джорджа» и его руководящую роль в формировании и осуществлении европейской политики Великобритании. Премьер-министр, опираясь на штат советников и личных помощников, по существу, отодвинул на второй план министра иностранных дел Керзона и Форин офис с их более традиционными дипломатическими методами и довольно многочисленным штатом чиновников.

Ллойд Джордж и его сторонники, в отличие от общеизвестной более жесткой антисоветской позиции большинства консерваторов, ратовали за изменение политики в отношении России и с определенными надеждами восприняли переход к нэпу как признак реставрации капитализма. Премьер-министр полагал, что Великобритания должна играть ведущую роль в процессе нормализации отношений между Западом и Советами. В качестве альтернативы действиям Американской администрации помощи Г. Гувера и миссии Ф. Нансена от имени Красного Креста глава английского министерства торговли Ф. Ллойд Грим предложил в сентябре 1921 г. проект международной помощи России, а в октябре по официальной инициативе Верховного Совета Антанты состоялась международная встреча в Брюсселе, на которой присутствовали не только представители стран Антанты, но и – по настоянию Англии – германские делегаты, правда, без права голоса. Британский проект также был призван нейтрализовать неудачу международной комиссии И. Нуланса, в которой ведущая роль принадлежала Франции. Он предполагал предоставление внешних кредитов России объединением всех западных стран, включая Германию, и был принят без особых дискуссий [5, p. 782 – 785].

Следующим логическим шагом по реализации брюссельского проекта с английской стороны стала идея созыва международной конференции, которая была высказана также и в известной ноте советского правительства от 28 октября 1921 г., содержавшей условия нормализации отношений России и Запада. С целью подготовки к будущей конференции ближайшие советники Ллойд Джорджа приступили к разработке новой правительственной программы урегулирования экономических и политических отношений в Европе, исходя из уже произошедших изменений британской позиции в германском вопросе, самым сложным аспектом которого были репарации.

Репарационный вопрос фокусировал две линии послевоенных противоречий в Европе – англо-французские, во-первых, и между союзниками и побежденной Германией, во-вторых. После принятия в мае 1921 г. новой схемы репарационных платежей и провозглашения правительством Й. Вирта «политики выполнения» британская сторона в дискуссиях с Францией взяла на вооружение идею платежеспособности Германии как основе репарационных претензий. Этот принцип по сути воспроизводил ранее вы-

сказанный Кейнсом тезис о том, Германия является ядром хозяйственной системы всей Европы и без восстановления первой невозможно возрождение второй, а необоснованные репарационные претензии препятствуют этому. Восстановление экономических связей на континенте важнее репараций – основной британский тезис – причина разногласий с французской позицией и основа англо-германского сближения в репарационном вопросе. Не буква, но дух упомянутой «политики выполнения» правительства Вирта был ориентирован на английскую поддержку. Эта политика, хотя и имела оппозицию в лице германских «ревизионистов», давала возможность более гибким германским руководителям одновременно демонстрировать и добрую волю относительно репарационных обязательств, и разрушительные результаты их выполнения. Это позволяло германскому правительству претендовать на партнерство в решении европейских проблем и одновременно пытаться уменьшить репарационные платежи. Вирт надеялся, что Англия в ближайшее время признает ревизию Лондонской схемы платежей, и эти его надежды активно поддерживал английский посол в Берлине д'Абернон, известный своей прогерманской позицией [3, p. 217].

Особым фактором англо-германского сближения в 1921 г. стала инициатива германского правительства по нормализации экономических отношений с Советской Россией, предпринятая во второй половине 1921 г. Для Вирта и других сторонников лавирования между восточной и западной ориентацией германской политики сближение с Россией, это предложение, кроме его экономических перспектив, было еще и политическим средством воздействия на победителей. Дополнительным экономическим доводом в пользу возобновления германского экспорта в Россию была перспектива пустить часть доходов от него на выплаты репараций. В Лондоне сумели оценить этот проект, поскольку в целом он не противоречил новым подходам европейской политики Великобритании.

Первоначальный вариант программы «европейской реконструкции», исходивший от министерства финансов во главе с единомышленником премьера Р. Хорном, предусматривал объединение репарационного вопроса, межсоюзнических долгов и восстановления российской и восточноевропейской экономики. Эта идея импонировала Ллойд Джорджу, который руководствовался и чисто политическими соображениями: выступив с новой внешнеполитической инициативой, он подтвердит свою репутацию европейского лидера первой величины, что, в свою очередь, обеспечит запас прочности в непростом для него внутреннем положении [8, p. 140 – 145].

Дипломатически самой сложной проблемой подготовительного этапа стало согласование британской и французской позиций по повестке будущей конференции, особенно по репарационному вопросу и признанию Советской России. Ценой участия Франции в конференции стал репарационный вопрос, который по настоянию французского премьера во время встречи с Ллойд Джорджем был окончательно исключен из ее повестки [4, p. 125].

Однако, Ллойд Джордж, в совершенстве владевший мастерством политической демагогии, сумел представить как несущественные уступки Франции и консервативной оппозиции (по вопросу признания Советской России). Выступая в парламенте с изложением своей программы в апреле 1922 г., он сделал упор на ее главной цели – коренном улучшении экономической ситуации в Европе, результатом которого будет повышение платежеспособности Германии, а значит и выполнение ею репарационных обязательств [11, cols 1883 – 1902]. В итоге большинством голосов палаты правительственная программа была принята, премьер получил необходимые полномочия, и формально подготовка английской стороны к переговорам в Генуе завершилась.

Известно, что Генуэзская конференция не оправдала большинства английских расчетов и личных ожиданий премьера, который связывал ее результаты с упрочением своего внутривластного положения. В условиях, когда три четверти членов кабинета были настроены нелояльно по отношению к премьер-министру [6, р. 197], Генуэзская конференция, по словам самого Ллойда Джорджа, должна была восстановить «его звезду в зените» [13, р. 368]. Однако даже он сам, выступая 25 мая 1922 г. в парламенте, не мог оценить итоги конференции как безоговорочный успех [11, cols 2564 – 2587]. Главным разочарованием британского премьера стал известный Рапалльский договор между Россией и Германией, заключенный во время работы конференции. Его сепаратный, по западным оценкам, характер опровергал основной тактический принцип английской дипломатии – держать под контролем действия германской стороны, чтобы предотвратить ее самостоятельные двусторонние контакты, особенно с советской делегацией. По смыслу этот договор не соответствовал британскому видению целей конференции в формулировках Ллойда Джорджа: восстановление финансовых и торговых связей, улучшение дипломатических контактов и преодоление споров, угрожающих миру в Европе. Советско-германский договор выводил отношения между двумя самыми «проблемными» странами послевоенной Европы за рамки комплексной программы «европейской реконструкции», на которой настаивала английская дипломатия. Коль скоро Ллойд Джордж претендовал на личное руководство этими действиями, то должен был принять и персональную ответственность за скромные достижения британской политики и конференции в Генуе. Однако, если рассматривать их в русле традиционного для британской политики континентализма, то сам факт советско-германского сближения в качестве нового вызова скорее стимулировал перемену дипломатической тактики у преемников Ллойда Джорджа, как консерваторов, так и лейбористов, не отменяя стратегических целей европейской политики.

Следует подчеркнуть, что сами идеи многостороннего и равноправного участия всех заинтересованных стран в политическом и экономическом процессах европейского восстановления не просто отвечали конъюнктуре момента, а несли в себе зародыши новых тенденций в международных отношениях. К

ним можно в первую очередь отнести стремление преодолеть сложившуюся конфронтацию между Западом и Советской Россией, победителями и побежденными, т. е. более конструктивно отнестись к негативному опыту мировой войны и революций.

Оценивая достижения британской внешней политики и дипломатии в Европе в период перехода от войны к миру в первой половине 20-х гг., следует признать лидирующую роль Великобритании в экономической и политической стабилизации на континенте. Именно по инициативе британского руководства были проведены Генуэзская 1922 г., Лондонская 1924 г. и Локарнская 1925 г. [7] конференции, на которых рассматривались проблемы европейской реконструкции. Не случайно, что сквозной линией европейской политики Великобритании стала эволюция официальной позиции по германской проблеме, которая как в фокусе соединяла основные линии международной напряженности: в отношениях между бывшими союзниками, победителями и побежденной Германией, европейскими странами и Советской Россией [14]. Частичная ревизия версальских постановлений, первоначально неумеренно жестких по отношению к Германии, ослабление англо-французских связей и либерализация политики относительно Советской России – все это стало возможным при условии сохранения консенсуса в британском политическом истеблишменте. Действие традиционных для британской политической практики механизмов осложнялось как внутренними, так и внешними изменениями. К первым следует отнести активную перегруппировку партийно-политических сил, длившуюся с 1918 до 1925 гг., сопровождавшуюся необычно частой сменой правящих кабинетов (с их партийной принадлежностью и формой), закатом Либеральной партии, выдвижением лейбористов на политическую авансцену и консолидацией консерваторов. При этом внешнеполитические проблемы оказывались, как никогда прежде, в самом центре острейших дискуссий в парламенте, правительстве и на страницах периодических изданий. На протяжении всего периода официальный курс в германском вопросе, по отношению к Франции и Советской России вызывал неизменную критику справа (даже премьеров-консерваторов А. Бонар Лоу и С. Болдуина) и слева со стороны официальной и внутривластной оппозиции. Примечательно, что леволиберальное и лейбористское крыло политического спектра выступало под популярными лозунгами «новой дипломатии», отвечавшим пацифистским настроениям, которые широко распространились в воюющих странах и международном социалистическом движении на заключительном этапе войны. Известно, что идея Лиги наций и первые предложения ревизии Версальского договора (Дж. М. Кейнс) были высказаны английскими политиками и экспертами. Активность левой оппозиции в указанном направлении и ее открытость международным пацифистским веяниям создавали общественную среду, в которой британские политики вынуждены были осваивать методы и приемы открытой дипломатии. Оставляя в стороне вопрос, насколько искренним и последова-

тельным был указанный поворот, но отказ от старой, кабинетной политики декларировали не только либерал Д. Ллойд Джордж [8] и лейборист Р. Макдональд, но и их коллеги-консерваторы. Все они так или иначе заявляли о необходимости сохранения прочного мира и экономического процветании Европы в качестве главных целей британской политики. С этого времени новая внешнеполитическая риторика прочно вошла в инструментарий британской дипломатии, довольно органично сочетаясь с традиционным прагматизмом и реалистским подходом к национальным интересам. Показательна в этом отношении практика проведения международных конференций с программой обсуждения наиболее острых проблем – безопасности, репараций и экономической реконструкции, военных долгов, статуса Германии и признания Советской России. В качестве популярного дипломатического инструмента они наиболее соответствовали политическому стилю и темпераменту Д. Ллойд Джорджа и Р. Макдональда, именно по этому поводу в случае неуспеха, как, например, Генуэзской конференции, оба премьера подвергались критике за непрофессио-

нализм и дилетантство, что, однако, не мешало их преемникам-консерваторам – тому же О. Чемберлену в Локарно – прибегать к подобным инициативам.

Таким образом, и в программно-стратегическом направлении, и в дипломатической тактике британские политические лидеры в рассматриваемый период вполне органично соединяли традиции и новации, адаптируя политические институты и механизмы к меняющимся международным и внутренним условиям. Известный британский исследователь Ф. Нортидж подвергает внешнюю политику межвоенного периода серьезной критике именно за устойчивую преемственность, выразившуюся и в курсе на «умиротворение» Германии, и в ее надпартийном характере, поэтому связывает неудачи в предотвращении новой мировой войны с известным догматизмом позиции Великобритании [9]. Высказанная корифеем британской историографии критическая оценка, безусловно, заслуживает внимания, но не умаляет, на наш взгляд, конструктивных начал британской внешней политики и ее вклада в становление международных институтов современного типа.

Литература

1. Berend I. An Economic History of Twentieth-Century of Europe. Cambridge, 2006.
2. Cohrs P. The Unfinished Peace after World War I. America, Britain and the Stabilization of Europe, 1919 – 1932. Cambridge, 2006.
3. D'Abernon. From Versailles to Rapallo, 1919 – 1922. The Dairy of Ambassador. London, 1929.
4. Document on British Foreign Policy. First ser. Vol. XX. London, 1976.
5. Fink C. The Genoa Conference: European Diplomacy, 1921 – 1922. London, 1976.
6. Johnes T. Whitehall Dairy. Vol. 1. London, 1969.
7. Locarno Revised: European Diplomacy 1920 – 1929 / Ed. By G. Johnson. London, 2004.
8. Morgan K. O. Consensus and Disunity. The Lloyd George Coalition Government, 1918 – 1922. Oxford, 1979.
9. Northedge F. S. The Troubled Giant. Britain among the Great Powers 1916 – 1939. London, 1966.
10. Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York, 2004.
11. Parliamentary Debates. House of Commons. 5th ser. Vol. 152.
12. Retreat from Power: Studies in Britain's Foreign Policy of 20th cent / Ed. by D. Dilks. Vol 1 1906 – 1939. London, 1981.
13. Ridell G. A. Lord Ridell's Intimate Dairy of Peace Conference and after, 1918 – 1923. London, 1937.
14. Salzman S. Great Britain, Germany and the Soviet Union. Rapallo and after, 1922 – 1934. Woodbridge (UK), 2003.

Информация об авторе:

Аршинцева Ольга Алексеевна – кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета (г. Барнаул), arol-s@yandex.ru.

Olga A. Arshintseva – Candidate of History, Professor at the Department of World History and International Relations, Altai State University (Barnaul).

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

УДК 94:336.027+336.276(47)"190"

ЕВРОПЕЙСКИЕ РЫНКИ КАПИТАЛОВ И ВНЕШНИЙ ДОЛГ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX В.*О. В. Баев***EUROPEAN CAPITAL MARKETS AND THE EXTERNAL DEBT OF RUSSIA IN THE EARLY 20TH CENTURY***O. V. Baev*

Статья посвящена финансовому взаимодействию правительства Российской империи с европейскими рынками капиталов в начале XX века. Это был период одного из мировых экономических кризисов, в ходе которого финансовые отношения России и Европы претерпели определённую трансформацию. На основе анализа архивных документов автор прослеживает динамику внешнего долга России (получение нового займа, погашение уже имеющихся долгов, изменение их условий), выявляет причины данных процессов, делает вывод о всё большей обусловленности зарубежного долга России не только экономическими, но и внешнеполитическими обстоятельствами. Результаты работы могут быть использованы как в процессе преподавания курса истории России начала XX века в образовательных учреждениях среднего и высшего образования, так и для обслуживания внешнего долга современной России.

The paper is devoted to financial cooperation of the Government of the Russian Empire with European capital markets in the early 20th century. This was one of the periods of the global crisis when Russian-European financial cooperation underwent a certain transformation. On the basis of archives analysis the author traces Russia's external debt dynamics (including the new loan, acquittals, changes in terms of loan), brings to light the causes of the process, makes a conclusion that it was not only economics but the foreign policy as well that conditioned the external debt of Russia. The results of this research can be used in teaching Russian History of the 20th century in secondary and higher educational institutions, as well as in external debt service of contemporary Russia.

Ключевые слова: Европа, Россия, внешний долг, мировой экономический кризис, Витте.

Keywords: Europe, Russia, external debt, global economic crisis, Witte.

В начале XX в. мировая экономика переживала очередной экономический кризис. Втянутой в него оказалась и Россия. При этом российская экономика переживала кризис тяжелее, чем ведущие мировые экономические державы, так как была отягощена значительным внешним долгом. «Особенностью экономики России начала XX века была большая внешняя задолженность, росту которой способствовали как наличие дефицитов в бюджете, так и широкое финансирование железнодорожного строительства» [31, с. 119]. Из 274909743 руб. общей суммы платежей по государственному долгу на проценты и погашение срочных внешних займов в 1901 г. планировалось израсходовать 60041378 руб. (55339834 руб. на проценты и 4701554 руб. на погашение), а на проценты и погашение внешних бессрочных займов – 6548253 руб. (4775783 руб. на проценты и 1772470 руб. на погашение) [16, с. 277, 278].

Но если в конце XIX в. на европейском кредитном рынке можно было найти свободные и притом дешёвые деньги, то в первые годы XX в. проценты за кредиты значительно возросли, что затрудняло получение внешних займов [11, с. 308, 309].

Министерство финансов также осознавало, что положение России осложнялось отливом иностранных капиталов по причине уменьшения разности между размерами ссудного процента у нас и на Западе Европы и крупными расходами на Дальнем Востоке (сооружение Китайско-Восточной железной дороги, строительство и содержание флота в Тихом океане, издержки по управлению и обороне на Квантунском полуострове, расходы на военные действия в Китае). Кроме того, неблагоприятное влияние имели плохие

урожаи последних лет, уменьшившие вывоз за границу и тем ухудшившие торговый баланс [8, 1901, с. 54].

В условиях экономического подъёма конца XIX в. российская казна была менее заинтересована в получении внешних займов, но в условиях кризиса ситуация кардинальным образом изменилась. Известный экономист П. П. Мигулин объяснял это так: «Сокращение государственных займов (а с тем и подъем нашего государственного кредита) обусловлено было притоком иностранных капиталов в нашу промышленность, но с наступлением промышленного кризиса этот приток прекратился – отсюда новые крупные заграничные займы и сбыт за границу займов старых» [13, с. 489]. «Кризис 1899 – 1900 гг. также застал нас неподготовленными и в 1901 – 1902 гг. пришлось спешно пополнять запасы, обратившись за займами опять-таки к внешним рынкам» [13, с. 1037].

Проблема усугублялась тем, что в условиях кризиса возрос спрос на капиталы внутри стран, традиционно инвестировавших в российские ценные бумаги. «Заграничные капиталисты не могли дать русскому правительству денег на прежних условиях, а взять их на всяких условиях значило подорвать государственный кредит, объявив о нашей несостоятельности. Пришлось займы приостановить. А тем временем заграничные капиталисты, нуждаясь в наличных деньгах, начали реализовать русские бумаги, приобретенные в свое время ими по очень дешевым ценам. Бумаги стали притекать обратно в Россию, что сопровождалось отливом за границу наших прежних золотых запасов» [13, с. 413]. По сведениям Министерства финансов уже к концу 1900 г. в Россию возвратилось

более чем на 100 млн руб. свидетельств 4 % ренты [1, с. 51].

Правительство попыталось принять меры к удержанию за границей размещенных уже там русских ценных бумаг. В своё время переходу некоторого количества свидетельств 4 % ренты за границу способствовали превращение рубля из кредитного в золотой, превращение 4 % ренты в основную государственную процентную бумагу и замена рентой части обращающихся за границей российских ценных бумаг (в т. ч. «Восточных займов») [3, 1901, № 3, с. 138].

27 ноября 1900 г. Комитет финансов рассмотрел записку министра финансов об освобождении от сбора с доходов от денежных капиталов свидетельств 4 % государственной ренты, принадлежащих иностранным подданным, не проживающим в Российской империи. При этом члены Комитета финансов д. т. с. Маркус и т. с. Сабуров восприняли эту особую льготу для иностранных владельцев как нарушение принципа равноправия в ущерб русским подданным, однако в конечном итоге она была одобрена большинством [23, л. 14 – 23], а 4 (17) декабря и санкционирована силой Высочайшего указа [17, т. 20, отд. 1, с. 1077].

10 января 1901 г. вышло распоряжение министра финансов об условиях и порядке освобождения от сбора с доходов от денежных капиталов. Льгота эта предоставлялась тем иностранным подданным, не проживающим в Российской империи, которые внесли бы свои бумаги в указанное Министерством финансов кредитное учреждение для пересылки в Государственную комиссию погашения долгов, выдававшую именную квитанцию в приеме на хранение бумаг, причем льгота начиналась не ранее, как по истечении 3-х месяцев со дня внесения ренты в соответствующее кредитное учреждение, то есть со срока купона, следующего за текущим при внесении, который оплачивается с удержанием 5 % сбора. Указанными кредитными учреждениями были «De Rothschild frères», «E. Hoskier et Cie», «Hottinguer et Cie», Crédit Lyonnais, Banque de Paris et des Pays-Bas, Comptoir National d'Escompte de Paris, Société générale de Crédit Industriel et Commercial, Société générale pour favoriser le développement du Commerce et l'Industrie en France, «Mendelssohn & Co», «S. Bleichröder», Discontogesellschaft, «M. A. von Rothschild & Söhne», «N. M. Rothschild & Sons», «Hope & Co», «Lippmann, Rosenthal & Co», «John Peirpont Morgan», «August Belmont & Co», «Baring, Magoun & Co» и National City Bank of New York [28, 1901, № 5, с. 48 – 50].

Правительственный «Вестник финансов» мотивировал принятую меру как акт справедливости по отношению к иностранным держателям российских ценных бумаг, которые не должны подлежать купонному налогу как виду налога подоходного. При издании в 1885 г. закона о сборе с доходов от денежных капиталов предполагалось иностранцев этому налогу не подвергать, но вследствие трудности определения в каждом данном случае, принадлежит ли бумага иностранцу или нет, в основание освобождения от налога решено было положить не признак личный (национальность владельца), а объективный (род бумаги). В результате этот налог не был распространен ни на займы, уже размещенные за границей, ни на вновь

выпускаемые займы, для которых оба признака (национальность владельца и род бумаги) совпадали [3, 1901, № 3, с. 138].

С целью увеличения сбыта 4 % ренты за границу Министерство финансов предприняло также конверсию 4½ % внутренних займов 1890, 1892 и 1893 гг., принадлежащих сберегательным кассам, в 4 % ренты [13, с. 389]. Однако сбыт ренты за границу в 1901 г. оказался крайне неуспешным. «Deutsche Bank», взявшийся продать ренту на сумму до 1500000 руб. по цене 96,25 %, производил продажу в течение нескольких месяцев. «Замечается вообще тенденция к подъему цен на ренту внутри России и к падению их за границей. От этого, несмотря на все привилегии для заграничных держателей ренты, она продолжает притекать к нам из-за границы и чтобы предотвратить этот прилив, Министерство финансов принимает меры к искусственному понижению цен на ренту» [13, с. 390, 391]. В Лондоне сделок с 4 % рентой практически не было, чем Ротшильд объяснил исчезновение её котировок из бюллетеня Лондонской биржи [21, л. 436, 436 об.]. Уже в 1915 г. Министерство финансов констатировало, что за границей обращается ренты всего на 130 млн руб. «Рента продолжала оставаться внутренним займом и даже те свидетельства, которые по некоторым конверсиям были реализованы за границей, продолжали возвращаться в Россию» [25, л. 29, 30].

Тогдашний министр финансов России С. Ю. Витте допускал заключение Россией новых внешних займов за границей. Во всеподданнейшем докладе о государственной росписи на 1902 г. он писал, что «при правильном ведении хозяйства обыкновенные расходы всегда должны покрываться из обыкновенных доходов, а чрезвычайные расходы, предназначенные на производительные цели, могут, обыкновенно без ущерба для финансовой устойчивости хозяйства, быть производимы на счет займов» [8, 1902, с. 61]. Однако Россия к тому времени была обременена крупными займами, размещенными за границей и в основном израсходованными на покрытие военных расходов, поэтому С. Ю. Витте считал увеличение задолженности очень опасным [8, 1901, с. 51]. Профессор П. А. Никольский также считал необходимым уменьшение государственного долга с целью ослабления напряженности бюджета [15, с. 538].

Однако для возмещения Государственному казначейству сумм, выданных обществам железных дорог и для выдачи дальнейших ссуд при таких трудных обстоятельствах приходилось заключать заем [14, с. 391]. При этом английская газета «The Statist» еще в январе 1901 г. считала, что если бы России потребовалось обратиться к займу, то она имела возможность отложить его до тех пор, пока не выговорит себе выгодных условий [21, л. 25 об.].

К тому времени основным местом размещения российских заимов стал Париж. Финансовый кризис менее всего затронул Францию, в то время как Лондон как мировой финансовый центр отошёл на второй план [27, с. 342]. К 1900 г. держателями (в основном мелкими) облигаций русских займов было более 10 млн французов [26, с. 34].

Однако на рубеже XIX – XX вв. Франция всё теснее стала связывать размещение русских займов с проблемами своей внешней политики. В 1900 г. представители французского и русского генеральных штабов в ходе совещаний дополнили русско-французскую военную конвенцию статьёй, предусматривавшую взаимную помощь в случае войны между Англией и одной из договаривающихся сторон. Россия обязалась, что если Англия совершит агрессию против Франции, сконцентрировать на границах Афганистана от 300 до 380 тыс. солдат для наступления в сторону Индии. Чтобы позволить России ускорить концентрацию своих сил, в Париже должен был быть размещен новый заем на сумму в 425 млн франков для финансирования строительства стратегической железной дороги Оренбург – Ташкент [6, с. 184].

В связи с этим французский посол в Петербурге Монтебелло писал министру иностранных дел Делькассе: «В случае, если нас попросят о кредите, нам следовало бы оговорить нашу финансовую помощь условием, что часть средств, которые мы согласились бы предоставить, будет использована на строительство только интересующей нас линии» [6, с. 217, 218].

При этом ресурсы французского фондового рынка были далеко не безграничны. Министр финансов Кайо писал 13 ноября 1900 г.: «Я признаю, что поскольку Россия является нашим союзником, очень трудно закрыть ей доступ на наш рынок. Но все же следовало бы иметь определенные, ясные, ограниченные предложения, чтобы мы могли, приняв их, оценить размеры и значение наших уступок» [6, с. 214].

В феврале 1901 г. на совещании начальников генеральных штабов России и Франции генерал Пендзек предложил денежную помощь при постройке стратегических железных дорог [10, с. 90, 93]. К тому времени у России имелось согласие французского правительства допустить к котировке во Франции в течение 1900 – 1901 гг. закладные листы Государственного дворянского земельного банка на сумму еще 150 млн руб. Этим правом Витте решил воспользоваться для выпуска рентного 4 % займа в 159 млн руб. (424 млн фр.) [1, с. 208]. Эта сумма соответствовала объёму ссуд обществам железных дорог в 1900 – 1901 гг. [24, л. 5].

По мнению П. П. Мигулина, своими действиями Витте повторял действия предшественников. «В начале 1901 г. начались переговоры с парижской фирмой братьев Ротшильд о реализации на французском рынке нашего железнодорожного займа, но выпускаемого уже непосредственно от имени правительства. Так же как Рейтерн, начав гарантированными займами частных железнодорожных обществ, кончил выпуском целого ряда консолидированных железнодорожных займов на английском рынке, а Вышнеградский – на русском, так и восьмилетняя практика в министерство С. Ю. Витте привела к тем же результатам: выпуску государственного консолидированного железнодорожного займа» [13, с. 485, 486].

В результате переговоров Витте с Ротшильдом было предложено образовать синдикат из «первоклассных французских кредитных учреждений» и 4 русских банков (Международного, Учётного и ссудного, Русского для внешней торговли и Волжско-

Камского). Твёрдую цену за заем, даваемую банкирским синдикатом, установили в 95½ %. Доход в размере 4 % годовых было предложено уплачивать 4 раза в год, а погашение могло начаться не ранее 1916 г. Русское правительство отказывалось от права выпуска новых русских государственных и гарантированных государством железнодорожных займов до 1 марта 1902 г. (не считая условленной уже с германскими фирмами реализации гарантированных займов на сумму 80 млн марок нарицательных). Эмиссионная цена была предложена Ротшильдами в 97½ %, но Витте потребовал эмиссионную цену не менее как из 98 % ввиду того, что одновременно в Париже на 4 % русские консолидированные железнодорожные займы определялись в 100,84 %. Ротшильд нашел возможным принять эмиссионный курс в 98 %, согласившись даже поделить с русским Государственным казначейством прибыль, если бы заем удалось реализовать по цене более высокой. Все расходы по выпуску займа (в том числе на печать) братья Ротшильд брали на себя, кроме уплаты штемпельного заграничного сбора и по изготовлению облигаций [24, л. 1 – 7 об.].

27 апреля 1901 г. Витте провел условия данного займа через Комитет финансов [24, л. 8 – 13] и на следующий день с синдикатом, в состав которого вошли, кроме братьев Ротшильд (взявших на себя 214 млн франков), парижские фирмы Hottinguer et Cie, Banquede Paris et des Pays-Bas, Crédit Lyonnais (каждый по 40 млн), Comptoir National d'Escompte de Paris, Société générale (оба по 20 млн франков) и Crédit Industriel et Commercial (10 млн франков) и 4 петербургских банка, взявшие каждый по 10 млн франков, был подписан соответствующий договор. Номинальная сумма займа составляла 159 млн руб. = 424 млн франков = 342592000 марок = 16769200 ф. ст. = 202672000 голл. флоринов = 81620000 долл. США. Заем был разделен на 53 серии по 3 млн руб. в каждой и назван «4 % консолидированной рентой». Заем выпускался купюрами в 1, 5 и 25 облигаций каждая по 187,50 руб. = 500 франков = 404 марки = 19 ф. ст. 15 шилл. 6 пенсов = 239 голл. флоринов = 96,25 долл. США на предъявителя или именными. Текст облигаций составлялся на русском, французском, немецком и английском языках. Течение процентов начиналось с 1 июня 1901 г. (н. ст.), а выплачивался доход ежеквартально. Заем навсегда освобождался от любых русских налогов и сборов, а погашение могло начаться только с 1 (14) января 1916 г. Номера серий погашаемых облигаций определялись жребием и публиковались за счет Государственного казначейства в 2 газетах в Париже и Берлине и по 1 газете в Лондоне, Франкфурте-на-Майне, Амстердаме и Брюсселе. Срок давности по оплате купонов составлял 10 лет со дня платежа, а по оплате вышедших в тираж облигаций – 30 лет. Уплата процентов и выплата капитала по вышедшим в тираж облигациям производилась в Санкт-Петербурге в Государственном банке (рублями), в Париже – «Rothschild frères» (франками), в Лондоне – «N. M. Rothschild & Sons» (фунтами стерлингов), во Франкфурте-на-Майне – «M. A. von Rothschild & Söhne» (имперскими германскими марками), в Берлине, Гамбурге, Амстердаме, Брюсселе и Нью-Йорке – в

местах, назначенных министром финансов России. За оплату купонов и облигаций банки получали комиссию в $\frac{1}{8}$ %. Кроме того, пользуясь стесненными обстоятельствами российского правительства, банкиры выговорили себе еще одну льготу – вознаграждение по 10 сантимов за каждый обмененный купонный лист. Текущие, истекшие купоны и вышедшие в тираж облигации принимались по паритету в уплату таможенных пошлин, а не вышедшие в тираж облигации принимались в залог по договорам поставки с правительством. Банковский синдикат имел право выпустить заем в обращение в Санкт-Петербурге, Париже, Берлине и Амстердаме. Выручка по займу должна была быть внесена в 7 сроков (20, 15, 15, 10, 10, 10 и 20 %) с 10 июня 1901 г. по 15 февраля 1902 г. (н. ст.) Министр финансов мог совершать оплаты из этих средств только в Париже либо в форме тратт в другие места, которые Ротшильды обязаны были приобрести без дополнительных комиссионных [7, с. 413 – 420].

В этот же день министру финансов был дан именной указ «О выпуске российской 4 % консолидированной ренты». Заем предназначался для возмещения Государственному казначейству сумм, выданных частным железнодорожным обществам в 1900 г., и выдачи таковых суд в 1901 г., а не на сооружение казенных железных дорог [17, т. 21, отд. 1, с. 291, 292]. При этом С. Ю. Витте в своем всеподданнейшем докладе на 1902 г. писал, что собственно надобности в займе не было и что он обусловлен «лишь предусмотрительным желанием иметь готовые средства на сооружение целого ряда железных дорог, столь важного значения, как Оренбург-Ташкентская, Северная и др.» [8, 1902, с. 64].

Тем временем в конце апреля или начале мая 1901 г. французский министр финансов Кайо через агента Министерства финансов в Париже обратился к Витте с просьбами о расширении прав владельцев облигаций иностранных обществ, действовавших в России, в случае несостоятельности этих обществ, предоставлении русским правительством заказов французской промышленности, выдаче русским Государственным банком 2-х миллионной ссуды Урало-Волжскому обществу и о поддержке его собственного предложения о гарантии предполагавшегося китайского займа [5, л. 1]. «Французское правительство не считало нужным маскировать свое намерение использовать русские займы во Франции как средство давления на русское правительство и требовало серьезных экономических уступок от самодержавия в уплату за предоставляемые кредиты. Действительно, французское правительство добивалось, чтобы средства, получаемые во Франции под высокий процент, употреблялись бы царизмом, во-первых, для оплаты промышленных заказов французским заводам и, во-вторых, на поддержку в России промышленных предприятий (попавших в связи с кризисом под угрозу банкротства), в которые были вложены французские капиталы» [1, с. 54]. Но сославшись на наличие письменного обязательства в виде ноты французского министра иностранных дел Делькассе от 8 (20) декабря 1899 г. не возражать против выпуска русским правительством на парижском рынке в 1900 – 1901 гг. зай-

ма в 200 млн руб., Витте решительно потребовал допущения к котировке 4 % займа и отверг все требования Кайо [1, л. 6, 7]. Французское правительство вынуждено было уступить.

28 апреля министр финансов опубликовал распоряжение об условиях и порядке выпуска займа, в соответствии с которым реализация 4 % консолидированной ренты производилась в банкирском доме «Rothschild frères» в Париже [28, 1901, № 40, с. 730, 731]. Заем был предложен подписчикам по 98½ % с рассрочкой на полгода и 98 % с уплатой наличными. Уступка ½ % для лиц, обязавшихся произвести уплату немедленно после развёрстки, была сделана для сокращения спекуляции. Нередко лица, подписывавшиеся с рассрочкой на облигации нового займа со взносом сравнительно незначительных сумм, старались как можно скорее сбыть свои облигации по повышенной цене, чтобы получить небольшой, но легко доставшийся барыш. Этим путем на биржу выбрасывалось значительное количество процентных бумаг, и, прежде чем новые облигации размещались в твёрдых руках, ценность их с самого начала выпуска подвергалась сильным колебаниям [3, 1901, № 20, с. 313].

Подписка была открыта в Париже 9 (22) мая и превысила нарицательную сумму займа в несколько раз. Подписавшиеся с обязательством единовременной уплаты получили по развёрстке 15 % заявленных ими требований на облигации, подписавшиеся же с рассрочкой взносов – 2½ % [3, 1901, № 20, с. 313, 314]. По мнению А. Финн-Енотаевского, это свидетельствовало о том, что на Западе денежный рынок в это время несколько улучшился [29, с. 157]. С другой стороны, для облегчения реализации займа был использован визит Николая II во Францию (таково было условие предоставления займа со стороны французского правительства) (см.: [2, с. 272]).

В течение 1901 г. от реализации 4 % консолидированной ренты («парижского займа»), было получено 127,2 млн руб. Всё поступление по займу за вычетом гербового сбора и платежа по купону определялось в 148,9 млн руб., из них поступление 21,7 млн было отсрочено по условиям реализации до февраля 1902 г. [8, 1902, с. 64]. По позднейшим данным выручка составила только 148,5 млн руб. [2, 1903, с. 67] или 93,378 %. «Государственное казначейство получило в свое распоряжение около 150 млн руб., которые помогли ему свести расчетный баланс 1901 г. без особого истощения прежних золотых запасов» [13, с. 393].

Правда, условия размещения займа оставляли желать лучшего. «Так как заем выпускался по курсу 98 за 100, а синдикатом он был принят по твердой цене около 95½ % с возложением всех расходов (в том числе и уплаты гербового сбора) на русское правительство, то выручка по займу не превышает 94 %, что составит цену его 4,255 % действительных» [13, с. 393]. Гербовые расходы при реализации 4 % консолидированной ренты составили 1590000 руб., а операционные расходы – 107729 руб. [8, 1903, с. 49; 1904, с. 49.]

Независимая печать оценила заем очень негативно. Профессор Л. В. Ходский считал, что лучше обходиться без займов, если налоги и так велики [30,

с. 143]. Профессор П. П. Мигулин объяснял «необходимость и неизбежность заключения нами заграничных займов независимо от самого наилучшего сведения государственных росписей, даже при огромном превышении государственных доходов над расходами» неблагоприятным расчетного балансом [13, с. 488].

Параллельно выпуску данного займа Витте 3 (16) мая 1901 г. обратился к министру иностранных дел Ламздорфу с письмом, содержащим просьбу поручить русскому послу в Париже запросить согласие французского правительства на заключение во Франции в течение 1901 – 1903 гг. русских займов на сумму до 200 млн руб. (на постройку стратегической Бологое-Седлецкой дороги) [5, с. 25]. Возможно, в качестве средства давления на французскую сторону в июле 1901 г. во французских газетах появились слухи о скорой поездке Витте в Берлин и Лондон для заключения нового займа, которые были опровергнуты агентом Министерства финансов в Париже Ефроном [20, л. 148 – 150].

Тем не менее уже к началу июля удалось достичь окончательной договоренности по этому вопросу. «Французская сторона высказалась за то, чтобы 200-миллионный заем был произведен 3 выпусками: первый в течение 2 квартала 1902 г., второй – в 1903 г. и третий – 1904 г., и потребовала от русского правительства обязательства не делать других займов на французском рынке в течение этих 3 лет» [1, с. 70]. Витте согласился на предложенные условия [19, л. 54]. «А в августе Витте выторговал у французского правительства еще одну уступку: было условлено, что русское правительство могло не выпускать займа во Франции в 1902 г. и тогда имело право в случае необходимости заключить заем в 1903 г. в размере $\frac{2}{3}$ и в 1904 г. в размере $\frac{1}{3}$ всей обусловленной суммы в 200 млн руб., или, наконец, могло не делать займа в 1903 г. и выпустить в 1904 г. заем на все 200 млн руб.» [1, с. 70].

5 (18) сентября 1901 г. сразу после встречи с Вильгельмом II Николай II посетил Францию, чтобы продемонстрировать франко-русское единство, но значительная часть французской прессы обрушилась с критикой на финансовое и экономическое положение России, объясняя поездку Николая II подготовкой новых финансовых операций на парижском рынке [4, с. 37, 38]. Парижские газеты перепечатали из английского источника информацию о потребности России в займе для неотложных нужд на 630 млн руб. и отказе Франции в таком займе [22, л. 13]. Витте объяснял появление этих статей внутривнутриполитической борьбой во Франции, недовольством части французов экономической политикой России и агитацией русских эмигрантов [22, л. 54 – 63].

Литература

1. Ананьич Б. В. Россия и международный капитал. 1897 – 1914: очерки истории финансовых отношений. Л.: Наука, 1970. 316 с.
2. Богданович А. В. Три последних самодержца. Дневник. М.: Новости, 1990. 608 с.
3. Вестник финансов, промышленности и торговли. 1885 – 1917.
4. Витте С. Ю. По поводу появившихся в последнее время во французской прессе статей, направленных против России и ее финансов // Красный архив. 1925. Т. 3(10). С. 37 – 40.
5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 543. Оп. 1. Д. 284.

Французское правительство 3 (16) октября опровергло эти слухи, а через несколько дней агент Министерства финансов в Париже Рафалович заключил ряд сделок с представителями французских газет [1, с. 77 – 80], на что ему было выделено 60000 франков [22, л. 99]. Тем не менее в ноябре 1901 г. в парижских газетах опять появилась информация о русском займе на 1 млрд фр. [22, л. 183].

29 декабря 1901 г. Витте при представлении в Государственном совете бюджета на 1902 г. заявил об увеличении материального благосостояния страны и в качестве примера привёл большие размеры кассовой наличности, но государственный контролёр возразил ему, что данная кассовая наличность получена путём займа во Франции [18, с. 105, 106]. К тому же ни в 1901, ни в 1902 гг. не оказалось необходимым делать позаимствования из выручки 4 % консолидированной ренты 1901 г. для исполнения бюджета, поэтому данный заем оценивался как «преждевременный» [9, с. 18]. Платежи по внешним срочным займам в 1901 г. составили 55116549 руб. на проценты и 4722219 руб. на погашение, а по внешним бессрочным – 4805647 руб. на проценты без расходов на погашение [8, 1903, с. 41], то есть примерно соответствовали запланированным.

При этом можно проследить и процесс ухудшения условия российских займов во Франции. «С 1901 г. России деньги давать соглашались только в умеренном размере и иногда требовали даже от неё обязательств в течение известного и притом продолжительного времени не заключать новых займов» [12, с. 93]. Интересно, что финансово независимая от империи Финляндия в 1901 г. заключила при помощи Cr dit Lyonnais и других банков более выгодный $3\frac{1}{2}\%$ заем на 25 млн фр. для железнодорожного строительства [3, 1913, № 38, с. 520] по курсу 92 % [32, с. 7].

Таким образом, начало XX в. ознаменовалось очередным кризисом взаимоотношений Российской империи с европейскими рынками капиталов. Рост потребности России во внешних займах не сопровождался соответствующей готовностью европейских финансистов эти потребности удовлетворять. К чисто экономическому аспекту кризиса (рост спроса на капиталы в самой Европе) добавился и аспект политический (желание оказать давление на Россию для «целевого» использования полученных ею средств). Тем не менее политическая заинтересованность Франции в России как союзнице позволила продолжить размещение российских займов в Париже, хотя их необходимость и эффективность использования ставилась под сомнение.

6. Грюнвальд К. Франко-русские союзы. М.: Международные отношения, 1968. 328 с.
7. Договор министра финансов с синдикатом банков о выпуске 4 % консолидированной ренты // С. Ю. Витте. Собрание сочинений и документальных материалов: в 5 т. Т. 2. Кн. 2. М.: Наука, 2003. С. 413 – 420.
8. Ежегодник Министерства финансов. 1869 – 1916.
9. Езерский Ф. В. По поводу государственной росписи на 1903 год. Собрание сочинений. Т. VI. СПб.; М., 1903. С. 15 – 19.
10. Зайончковский А. Подготовка России к мировой войне в международном отношении. [Л.]: Военная типография Упр. делами Наркомвоенмора и РВС СССР, 1926. 401 с.
11. Ионичев Н. П. Внешние экономические связи России (IX – начало XX века). М.: Аспект Пресс, 2001. 399 с.
12. Л. Г. С. Ю. Витте и падение русского государственного кредита. СПб.: Изд-во А. Л. Арабидзе, 1907. 103 с.
13. Мигулин П. П. Русский государственный кредит. Опыт историко-критического обзора. Т. 3. Харьков: Печатное дело, 1907. 1217 с.
14. Министерство финансов. 1802 – 1902. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1902. Ч. 2. 692 с.
15. Никольский П. А. Золотые деньги в России // Вестник Европы. 1901. Кн. 8. С. 515 – 553.
16. Общая государственная роспись доходов и расходов на 1901 г. // С. Ю. Витте. Собрание сочинений и документальных материалов: в 5 т. Т. 2. Кн. 2. М.: Наука, 2003.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. СПб: Государственная типография, 1885 – 1916.
18. Половцов А. А. Из дневника А. А. Половцова // Красный архив. 1923. Т. 3(3). С. 75 – 172.
19. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 560. Оп. 22. Д. 188.
20. РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 204.
21. РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 246.
22. РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 250.
23. РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 403.
24. РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 406.
25. РГИА. Ф. 583. Оп. 1. Д. 691.
26. Сироткин В. Г. Золото и недвижимость России за рубежом. М.: Международные отношения, 2000. 424 с.
27. Соловьёв Ю. Б. Международные финансовые отношения и французский денежный рынок в конце XIX в. // Проблемы истории международных отношений. Л.: Наука, 1972. С. 311 – 343.
28. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемого при Правительствующем сенате. СПб., 1863 – 1917.
29. Финн-Енотаевский А. Современное хозяйство России (1890 – 1910 гг.). СПб.: Типография Первой СПб. Трудовой Артели, 1911. 528 с.
30. [Ходский Л. В.] Новый консолидированный 4 % заграничный заем в 159 млн руб. Газетное прославление успеха займа // Народное хозяйство. 1902. Кн. 4. С. 143 – 144.
31. Хромов П. А. Очерки экономики России периода монополистического капитализма. М.: Изд-во ВППШ и АОН, 1960. 240 с.
32. Шюбергсон Э. Заграничный кредит Финляндии и его новые формы, предлагаемые ныне. СПб.: Государственная типография, 1909. 22 с.

Информация об авторе:

Баев Олег Валериевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории КемГУ, baev-ov@rambler.ru.

Oleg V. Baev – Candidate of History, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Russian History, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

УДК 94(470)

УСИЛИЯ БЕЗ УСПЕХА: О ПЛАНАХ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ В ОТНОШЕНИИ СИНЬЦЗЯНА В 1941 – 1943 ГГ.

В. А. Бармин

EFFORTS WITHOUT SUCCESS: THE PLANS OF NAZI GERMANY IN RESPECT TO XINJIANG IN 1941 – 1943

V. A. Barmin

Статья написана при поддержке РГНФ. Проект № 15-31-12023 "Революции 1917 г. в России и "национальный вопрос" (на примере центральноазиатских национальных окраин)".

Статья посвящена малоисследованному вопросу, связанному с разработкой лидерами фашистской Германии планов захвата региона Центральной Азии и, в частности, Восточного Туркестана, более известного как китайская провинция Синьцзян. На основе впервые выявленных и введенных в научный оборот источников автор показывает, что причиной крушения этих планов явились стратегические просчеты фашистской дипломатии. Противоречия внутри германского блока, отсутствие поддержки со стороны народов Центральной Азии и успехи Советской армии на восточном фронте исключили возможность практической реализации расчетов фашистской дипломатии.

The paper is devoted to the little-investigated issue connected with the development plans for the seizure of the Central Asia region by the leaders of the fascist Germany, in particular, of East Turkestan, better known as the Chinese province of Xinjiang. On the basis of the sources, which are revealed and put into scientific circulation for the first time, the author shows that the strategic errors of the fascist diplomacy turned out to be the reason for the collapse of these plans. The contradictions inside the German block, lack of support from the peoples of Central Asia and the success of the Soviet Army on the Eastern Front eliminated the possibility of practical realization of the plans of the fascist diplomacy.

Ключевые слова: Синьцзян, Восточный Туркестан, фашистская Германия, агрессия, Вторая мировая война.

Keywords: Xinjiang, East Turkestan, fascist Germany, aggression, World War II.

Синьцзян (с 1955 г. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китайской Народной Республики), являющийся сегодня одним из крупнейших в территориальном и богатейшим в природно-сырьевом отношении регионов КНР, издревле притягивал к себе взоры китайских богдыханов. Однако завоеван и присоединён к китайской империи он был только в XVIII в., а статус провинции получил лишь в 1884 г., являясь на протяжении более чем столетия наместничеством. С середины XIX в. этот регион оказался и в зоне пристального внимания великих держав. Вследствие этого занимающая важное геополитическое положение и богатая полезными ископаемыми провинция вскоре стала районом открытого противоборства России, Великобританией и, разумеется, самого собственника провинции – Китая. Нарастающий интерес к этому северо-западному региону в начале XX в. начинает проявлять Япония, а следом за ней – и быстро набирающая силу Германская империя.

Первая мировая война резко активизировала к Синьцзяну интерес германской разведки, и она начала предпринимать активные попытки распространить своё влияние на этот район Китая, опираясь при этом в своих действиях, главным образом, на помощь турецких союзников. Одновременно германские резиденты начали создавать здесь собственную сеть агентуры. В этих попытках они стремились привлечь на свою сторону местные сепаратистские элементы, надеясь, что в конечном счёте в границах провинции удастся создать «независимое мусульманское государство», сориентированное на Герма-

нию. Предполагалось, что это государство станет форпостом Германии на границах российской Средней Азии и индийских владений Англии. Существенную помощь в деле создания агентурной сети германским резидентам оказывали действовавшие в провинции немецкие коммерческие фирмы и, в частности, заготовительная фирма «Фауст и К'» и торговая фирма «Бреннер и Бросс», которые имели разветвлённую сеть своих представительств во всех округах провинции.

Следует сказать, что в стремлении создать на территории Синьцзяна некое «исламское государство» немецкие агенты не были одиноки. Идеей создания такого государства грезил в той или иной мере разведки всех великих держав за исключением, пожалуй, Соединённых Штатов Америки. При этом необходимо отметить, что в силу целого ряда специфических особенностей конфессионального и этнографического характера, присущих Синьцзяну, создание такого государства действительно являлось вполне реальным. Более того, население провинции имело в своей истории опыт создания такого государства. В свою очередь, возникновение такого государственного образования давало бы его созерцену возможность контролировать обширную территорию, богатую полезными ископаемыми и, самое главное, нефтью и редкоземельными металлами.

Однако поражение в Первой мировой войне и последовавший затем долговременный политический и экономический кризис, сопровождавшийся революцией и падением монархии, не позволили разведке,

теперь уже Веймарской республики, расширить и активизировать свою деятельность в Синьцзяне. В середине 20-х гг. в провинции свернули свою деятельность и немецкие фирмы «Фауст и К'» и «Бреннер и Бросс», которые не выдержали соперничества с советскими торговыми организациями. Ликвидация этих фирм ещё более сузила возможности деятельности германской разведки в провинции. В 1926 г. немецкое правительство предприняло неудачную попытку открыть своё консульство в Урумчи и получить санкцию на деятельность здесь авиакомпания «Евразия» [1, р. 78].

Во второй половине 20-х – 30-х гг. присутствие и влияние Германии в провинции было минимальным. Вместе с тем такое положение вещей вовсе не означало то, что у правящих кругов Германии исчез интерес к Синьцзяну. Свидетельством этому служит то, что после крушения Веймарской республики и захвата государственной власти в Германии фашистским правительством Гитлера внимание к Восточному Туркестану вновь заметно возросло. После начала Второй мировой войны, и особенно после нападения фашистской Германии на Советский Союз, это внимание перешло в плоскость разработки практических планов захвата Синьцзяна.

Известно, что в Берлине вполне серьёзно рассматривались планы захвата Индии. При этом движение германских войск в сторону этого «алмаза в английской короне» предполагалось через советские среднеазиатские республики (*после разгрома СССР – В. Б.*), Афганистан и Восточный Туркестан.

Интересным в этом контексте представляется информационная записка, подготовленная информационным отделом в октябре 1941 г. для советника министерства иностранных дел фашистской Германии доктора Мельхерса. В первом разделе этой записки, озаглавленном «Индия и русский театр военных действий. Значение Туркестана», её авторы заявляют: «Этот мир (*мусульманский – В. Б.*) полностью находится под властью наших врагов: Туркестан подчинён России, Индия, Персия, Афганистан – Англии, Синьцзян или Китайский Туркестан – частью подчинён Чунцину – Америке, частью фактически – России» [2, л. 232]. И далее делается неожиданный вывод: «Географическая и национальная смесь в Туркестане (русское и китайское) затуманивает картину и стирает грани для европейского наблюдателя. Но ясно, что эти огромные районы Азии не могут быть союзником наших врагов, по крайней мере, естественным. Однако они пытаются сделать их инструментом своей мировой политики» [1, л. 232]. Очевидно, исходя из этой посылки, авторы записки считают возможным дать следующие рекомендации: «Отделение Туркестана от России, главным образом советских республик Туркестана, Киргизии, Узбекистана и Таджикистана и развитие этих областей под руководством Германии находится в границах возможного. Затем отделение мусульманских областей от Китайского Туркестана; здесь следует рассчитывать на попытки англичан предпринять контрмеры. Положение здесь всегда контролировалось английским Ген. Консулом в Кашгаре... Германия может здесь опираться на религиозных

фанатиков и панисламистское движение» [2, л. 234]. Интересно то, что у этих стратегов нет и тени сомнения в том, что среднеазиатские советские республики могут быть отторгнуты у Советского Союза без особого труда. По крайней мере, это находится, по их мнению, «в границах возможного», а вот захват Китайского Туркестана, т. е. Синьцзяна, может быть сопряжён с проблемами, поскольку англичане могут «предпринять контрмеры». Налицо либо отсутствие понимания реальной ситуации в рассматриваемом регионе, либо элементарная идеологическая зашоренность, вызванная успехами фашистской армии в первые месяцы Великой Отечественной войны. Однако очевидно одно: уже в 1941 г. внешнеполитическое ведомство фашистской Германии вполне серьёзно рассматривало вопрос захвата не только советской Средней Азии, но и северо-западных районов Китая. Авторы записки, объясняя свою позицию, далее рассуждают: «Число мусульман в России составляет около 20 – 25 млн, а под китайской властью (для нас интересны главным образом мусульмане в Синьцзяне и в Ганьсу) около 20 миллионов. Не без основания Москва всегда опасалась, что Центральная Азия может быть оплотом антибольшевистской политики и считала, что последняя исходит как от англичан, так и от японцев, которые, в самом деле, продвинулись во Внутренней Монголии до Синьцзяна. Как бы там ни было, несколько лет назад японский премьер-министр заявил, что Япония очень заинтересована в том, чтобы советы не укрепились в китайском Туркестане» [2, л. 232]. Далее авторы записки предлагают и вариант возможного плана захвата Синьцзяна. Этот план, по их мнению, может быть реализован с помощью восстания местного населения, но ему будет необходимо помочь оружием. При этом они предупреждают своих руководителей, что с организацией восстания следует поторопиться, так как у Англии и Японии есть на этот счёт свои планы. «Английские планы, – говорится в записке, – охватывают, прежде всего, Тибет, а затем основание мусульманской республики под английским протекторатом, причём эти планы, как и планы японцев, берут за основу области Синьцзяна. Может быть, уже на сегодняшней стадии русского похода имеется возможность воздействовать на Центральную Азию. Вооружённые восстания без оказания помощи и без предоставления германских самолётов, германских военных материалов сейчас едва ли возможны. Может быть, можно использовать живущих в Европе мусульман родом из Туркестана, их, вероятно, можно найти во Франции, и, безусловно, в Турции» [2, л. 234 – 235]. Как становится понятным из этой части записки, бредовые прожекты её авторов заходили так далеко, что они советовали своим шефам рассмотреть вопрос о мобилизации для участия в предполагаемых восстаниях в Синьцзяне даже мусульман, проживающих в странах Европы и в Турции. Заканчивая свои рассуждения о важности принятия срочных мер по установлению германского контроля над регионом Центральной Азии, её авторы ещё раз подчёркивают, что Англия рассматривает планы создания «большого блока народов ислама Среднего Востока... включая весь Туркестан

т.е. также и китайскую часть под английским руководством» [2, л. 238].

В 1942 г. к проблеме Синьцзяна обратился посол фашистской Германии в Турции, бывший рейхс-канцлер Веймарской республики и вице-канцлер в правительстве Гитлера, Фон Папен. В специальном послании министру иностранных дел Риббентропу Фон Папен, ссылаясь на «сообщение нашего доверенного лица», информирует своего шефа, что «вследствие войны на Ближнем Востоке и из-за ослабления Советского Союза в Средней Азии на передний план выдвинулись жизненные вопросы проживающих там народов. Туранистский вопрос в Турции стал играть значительную роль. «Под туранистским вопросом, – поясняет посол, – в Турции понимают в совокупности проблему или возможность объединения тюркских народов, населяющих Азию. При этом существуют различные толкования этой проблемы. Согласно наиболее далеко идущим требованиям турецких программ, объединение тюркских народностей должно простирается до Восточного Туркестана, до китайской стены, захватывая преобладающую часть (в том числе Европейской части) теперешнего Советского Союза» [3, л. 342]. Фон Папен считает, что в этой ситуации необходимо срочно определиться с позицией Германии, поскольку планы Турции могут реально противодействовать её интересам в этом регионе. Посол рекомендует принять к сведению позицию известных пантюркистов, которые не во всём разделяют идеи лидеров Турции и, в частности, учесть мнение видного идеолога пантюркизма профессора туркологии, работающего в Боннском университете, Ахмед Зики Ве-

лиди Тогана. Фон Папен сообщает, что этот учёный «считается лучшим знатоком туркестанских условий» и что он «написал на турецком языке книгу о Туркестане, которая в настоящее время переводится при содействии немцев и содержит до сего времени неопубликованный материал». *Посол замечает, что Ахмед Зики Велиди Тоган придерживается федеративного принципа (автономный Азербайджан, автономный Туркестан, включая, возможно, Восточный Туркестан, федеративно связанный с Турцией (курсив мой – В. Б.))* [3, л. 344]. Совершенно понятно, что планы Турции относительно будущего Синьцзяна воспринимались в фашистской Германии весьма неоднозначно. Между тем Турция рассматривалась в Берлине как возможный союзник. В завершение своего послания посол ещё раз обращает внимание Риббентропа на необходимость ускорить выработку позиции Германии относительно Центральной Азии в целом и Синьцзяна в частности, поскольку, «если даже туранистский вопрос и не вступит в ближайшее время в стадию осуществления, во всяком случае, в Турции сейчас уже много занимаются этой проблемой и отнюдь не в утопической форме» [3, л. 343].

К середине 1943 г. ситуация на фронтах Второй мировой войны существенно изменилась. Лидеры Фашистской Германии после разгрома её войск под Сталинградом и на Курской дуге должны были более думать о возможности сохранения самого режима, нежели о перспективах установления своего господства в регионе, отстоящем на тысячи километров. В этих обстоятельствах проблема захвата Синьцзяна, судя по документам, была снята с повестки дня.

Литература

1. Niman L. E. Great Britain and Chinese, Russian and Japanese Interest in Sinkiang 1918 – 1934. Sverige Essetle Studium. Stockholm, Goteborg, Lund, 1977. 167 p.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9401 с/ч. Оп. 2. Д. 100.
3. ГАРФ. Ф. Р-9401 с/ч. Оп. 2. Д. 102.

Информация об авторе:

Бармин Валерий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Алтайского государственного педагогического университета, Барнаул, valbarmin@male.ru.

Valeriy A. Barmin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of General History, Altai State Pedagogical University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

УДК 94:327

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

А. В. Буденкова

THE EUROPEAN UNION AND SECURITY IN THE ASIA-PACIFIC REGION

A. V. Budenkova

На фоне глобальных процессов и изменений, происходящих в архитектуре безопасности АТР, особое внимание привлекает такой крупный экономический блок, как Европейский союз. Политика «мягкой силы» ЕС прочно ассоциируется с принятием решений в области экономики и финансов, однако имеет ли ЕС потенциал влияния на политику безопасности, особенно в таком удаленном от Европы регионе, как АТР, при участии США и Китая, крупных игроков в сфере обороны и безопасности.

В статье анализируется обстановка в регионе и тенденции в решении вопросов обеспечения региональной безопасности. Выявлены причины, осложняющие для Евросоюза реализацию политики безопасности в регионе. Анализируется договорная и институциональная база современной структуры региональной безопасности. Представлен потенциал ЕС и основные направления, по которым ЕС осуществляет внешнеполитическую деятельность в регионе. Оценивается возможность сотрудничества ЕС и средних держав региона по вопросам обеспечения безопасности.

Viewing global trends and changes that take place in security architecture of Asia-Pacific region, the careful attention is drawn by one of the world largest economic powers, the European Union (EU). The soft power policy of the EU is strongly associated with making economic and financial decisions. However, it is questionable whether the EU has enough potential to influence security policy, especially in such geographically distant regions as Asia and Pacific in which the USA and China are key actors in defence and security.

The regional environment and ways of security issues decision-making are analyzed in the paper. The reasons that compound security policy-making for the EU in the region are outlined. Regional treaties and institutions of contemporary security structure are evaluated. The EU potential and major directions of the EU external policies in the region are illustrated. Some opportunities of collaboration in regional security are revealed for the EU and regional middle powers.

Ключевые слова: Азиатско-тихоокеанский регион (АТР), Европейский союз (ЕС), архитектура безопасности, средние державы, региональная безопасность, противоречия, многосторонняя система безопасности.

Keywords: Asia and Pacific, European Union (EU), security architecture, middle powers, regional security, contradictions, multilateral security system.

Изначально интересы европейских стран простирались далеко за пределы Европы, пересекаясь с интересами ближайших соседей или стран бассейна Атлантического океана. Страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) много столетий также представляют особый интерес для европейцев. Однако, говоря о европейских интересах в АТР, чаще всего подразумевают торгово-экономические интересы, а роль Европейского союза в качестве активного и последовательного актора обеспечения безопасности вызывает преимущественно скептицизм, особенно у азиатских партнеров. Тем не менее ЕС прилагает максимум усилий, чтобы достигнуть положительных результатов в политике обеспечения безопасности, в том числе и в АТР. Современные международные отношения развиваются под давлением таких всеохватывающих тенденций, как, например, глобализация, которая приводит к постоянно возрастающей глобальной взаимозависимости, и многополярность системы международных отношений, что вызвано экономическим ростом таких стран, как Китай, Индия, Россия и стран АСЕАН. Новая глобальная среда свидетельствует прежде всего о появлении и развитии новых вызовов и угроз безопасности, которые более изменчивы и взаимосвязаны.

Потенциальные источники угроз безопасности и стабильности обозначены Европейским Союзом в

серии документов. В соответствии с Европейской стратегией безопасности (ЕСБ) (2003 г.) были определены следующие «внешние» вызовы при обеспечении безопасности ЕС: терроризм, распространение оружия массового поражения (ОМП), региональные конфликты, фиаско государственности (плохое государственное управление и гражданские конфликты), организованная преступность [5]. В 2008 г. по «Отчету о внедрении Европейской стратегии безопасности – Обеспечение безопасности в изменяющемся мире» к этому списку добавились: безопасность в кибернетическом пространстве, энергобезопасность, изменение климата [9]. В качестве еще одного основного документа необходимо выделить «Внутреннюю стратегию безопасности ЕС: к модели Европейской безопасности» (2010 г.). В ней обозначены внутренние вызовы безопасности ЕС, большая часть которых совпадает с внешними, поскольку по ЕСБ «внутренняя безопасность не может быть достигнута в изоляции от остального мира, и таким образом важно удостовериться в соответствии и взаимодополняемости между внутренними и внешними аспектами безопасности ЕС». Угрозу внутренней безопасности представляют в первую очередь терроризм в любой форме, организованная преступность и тяжкие преступления, преступность в кибернетическом пространстве, трансграничная преступность, насилие в целом, природные и

техногенные катастрофы, а также другие виды чрезвычайных происшествий, например дорожные [7].

Естественно, что географически любая угроза, возникшая в Азии или Тихоокеанском регионе не может непосредственно нарушить национальную безопасность какой-либо европейской страны или отразиться на безопасности ЕС в целом. Однако, если сопоставить внутренние и внешние угрозы безопасности ЕС, станет очевидно, что, во-первых, спектр внешних вызовов шире и практически полностью перекрывает внутренние, во-вторых, совпадающие внешние и внутренние вызовы, являющиеся приоритетными для ЕС, это терроризм, организованная преступность и преступность в кибернетическом пространстве, то есть по сути угрозы глобального, транснационального характера, для преодоления которых необходимо многостороннее межрегиональное сотрудничество.

Крупнейшие торгово-экономические и стратегические партнеры Европейского союза, которые одновременно являются акторами политики безопасности АТР, это США, Китай, Россия, Япония, Южная Корея, страны АСЕАН, Индия. Это группа стран, чьи отношения сопровождаются рядом противоречий, что значительно осложняет задачи обеспечения региональной безопасности. Потенциально горячими точками АТР, в которых могут возникнуть конфликты с участием ведущих мировых держав, являются Корейский полуостров, Тайваньский пролив, Южно-Китайское море, граница между Индией и КНР, Малаккский пролив и пролегающий в Индийском океане маршрут транспортировки углеводородов. Соответственно основной узел противоречий находится прежде всего между Китаем и Японией, Китаем и странами АСЕАН, Китаем и США. Помимо этого, существует корейский узел, связанный с отношениями между Северной и Южной Кореей, и противоречия между Южной Кореей и Японией.

При осуществлении многостороннего сотрудничества сложившаяся ситуация является достаточно сложной для ЕС как актора системы международных отношений в силу нескольких причин. Во-первых, действия ЕС, связанные с АТР и обеспечением безопасности, затруднены из-за собственно структуры безопасности данного региона. Структура безопасности АТР отличается от европейской в первую очередь институциональной слабостью. Несмотря на то, что на регион распространяется действие решений ООН, в регионе нет механизмов или институтов, реализующих эти решения. В период холодной войны США в силу многих причин не смогли объединить своих союзников по АТР единым многосторонним договором или организацией, если проводить параллели с НАТО, США не удалось раскинуть так называемый «зонтик», обеспечивающий безопасность над АТР, как над Европой и Атлантикой. Тем не менее, являясь гарантом региональной безопасности для многих стран региона в поствоенный период, США нашли выход в иерархичной системе, построенной преимущественно на основе двусторонних договоров. Таким образом, США создали так называемую зависимость от предшествующего пути развития («path dependence»), ко-

торая, по мнению многих аналитиков и ученых, по сей день тормозит развитие активных региональных институтов, обеспечивающих региональную безопасность.

Важнейшие военно-политические союзы в регионе заключены США с Японией и Южной Кореей. Первый базируется на японо-американском договоре о взаимном сотрудничестве и гарантии безопасности, подписанном в Сан-Франциско в 1951 г. Он не имеет четко оговоренного срока действия и предусматривает со стороны США оказание помощи Японии в случае возникновения угрозы миру и стабильности на Дальнем Востоке. Договор о взаимной обороне между США и Южной Кореей был заключен в октябре 1953 г. Необходимо отметить, что договоры с Японией и Южной Кореей предусматривают размещение военных баз на территориях союзников. Помимо этого, США имеют Договор о взаимной обороне с Филиппинами (подписан в 1953 г.). Он тоже предусматривал наличие американских военных баз на Филиппинах. Однако, в 1970-е гг. начался процесс вывода американских войск с Филиппин, который закончился в 1992 г., а филиппинское правительство разрешило ВМС США на коммерческой основе использовать доки бывшей американской базы в Субик Бэй (Subic Bay), к северо-западу от Манилы. В 1990 г. Сингапур предложил США разместить на своей территории службу снабжения ВМС. Малайзия, Индонезия и Бруней (с 1993 г.) согласились предоставить свои порты для ремонта американских военных кораблей, что компенсировало закрытие военных баз США на Филиппинах.

Одним из многосторонних соглашений, обеспечивающих безопасность и стабильность в регионе, является договор безопасности между Австралией, Новой Зеландией и США (АНЗЮС), заключенный в сентябре 1951 г. В настоящее время договор АНЗЮС действует в большей степени как двухстороннее соглашение между Австралией и США. В 1980-х гг. АНЗЮС находился под угрозой распада в связи с политикой Новой Зеландии в антиядерном движении и созданием безъядерной зоны в южной части Тихого океана. В результате прямые военно-политические отношения между США и Новой Зеландией в рамках этого договора были приостановлены, и военно-политическое сотрудничество осуществляется в рамках двух подсистем – между США и Австралией и между Австралией и Новой Зеландией. Кроме того, формально не прекращено действие Манильского пакта 1954 г. Договор о коллективной обороне в Юго-Восточной Азии между США, Великобританией, Францией, Австралией, Новой Зеландией, Филиппинами, Таиландом и Пакистаном (СЕАТО). Целью союза было обеспечение региональной безопасности, а точнее сдерживание «угрозы коммунизма». С изменениями общих тенденций в мировой политике, с потеплением отношений между западом и востоком, с образованием новых региональных организаций необходимость в СЕАТО стала минимальной, и в 1977 г. организационные структуры блока СЕАТО были распущены.

За историю существования этих договоров отношение общественности и политических лидеров к ним

периодически менялось, некоторые из них подвергались пересмотру. Так, например, договор АНЗЮС пересматривался Австралийским союзом дважды, в 1983 г. и в 1996 г., поскольку неоднократно возникал вопрос о его целесообразности в современных условиях. Многие ученые, общественные и политические деятели приходят к выводу, что поствоенные двусторонние договоры США и стран АТР являются лишь историко-юридической формальностью на сегодняшний день. Однако, если вернуться к концепции зависимости от предшествующего пути развития, то именно они помогли сделать политику региональной безопасности в АТР американо-центричной. Ведь именно на основе этих договоров была произведена стандартизация ранее используемого военного оборудования с американским, упрощен взаимобмен патентами и технической информацией в оборонных целях, достигнуты договоренности о доставке запасов и предоставлении услуг военным судам, обмене разведанными, базировании станций спутникового слежения и сбора информации и т. п.

Ослабленная после II Мировой войны Европа не могла занять такую же активную позицию при формировании послевоенной системы региональной безопасности в АТР. Тем не менее Великобритании удалось присоединиться к уже упомянутому блоку – СЕАТО. Кроме того, одним из элементов обеспечения региональной безопасности являлся и договор АНЗЮК (Австралия, Новая Зеландия, Великобритания, Малайзия, Сингапур) по защите стран Малаккского полуострова (1971 г.). В связи с выходом в 1974 г. Новой Зеландии из АНЗЮК из-за антиядерной позиции новозеландского правительства в том же году было принято решение о роспуске организации, официально блок был распущен в 1975 г. Таким образом, ни одна из стран ЕС не может принимать прямое участие в принятии военно-политических решений, влияющих на безопасность АТР или предпринимать «жесткие» действия в отношении стран региона.

Вторая причина, негативно влияющая на активность ЕС при формировании новой структуры региональной безопасности, заключается в том, что подобные «жесткие» действия были бы осложнены и слабостью внутреннего военно-политического потенциала Европейского союза. Если рассматривать отдельно национальные государства Европейского Союза и блока НАТО, то можно видеть следующее: Великобритания и Франция обладают действенным, хотя и ограниченным потенциалом ядерного сдерживания. Наряду с ними Германия, а также Италия и Испания, располагают достаточно крупными и эффективными обычными вооруженными силами. Целый ряд средних и малых стран-членов Евросоюза имеют немногочисленные, хорошо оснащенные армии. Такие силы способны самостоятельно обеспечивать оборону национальной территории соответствующих стран и при необходимости вливаться в состав международных контингентов для решения миротворческих и полицейских задач. При этом дееспособность национальных вооруженных сил стран ЕС ограничена относительно низкими военными расходами. По данным Стокгольмского института исследований проблем

мира, в 2002 г. на выплаты личному составу вооруженных сил и закупку вооружений и военной техники Франция потратила 26,9 млрд долларов, Великобритания – 22,9 млрд, Германия – 20,1 млрд. Для США в 2002 г. этот показатель достигал 200 млрд долларов [4, с. 56]. В 2014 г. ситуация мало изменилась, в мировом рейтинге стран с крупнейшим оборонным бюджетом первое место занимают США (581 млрд долларов), пятое, шестое, девятое и двенадцатое место, после Китая (129,4 млрд долларов), Саудовской Аравии (80 млрд долларов) и России (70 млрд долларов), занимают Великобритания (61,8 млрд долларов), Франция (53,1 млрд долларов), Германия (43,9 млрд долларов) и Италия (24,3 млрд долларов) соответственно [11]. Даже при сложении военных потенциалов стран-участниц ЕС предстает более слабым относительно США и Китая. В области «материального» развития военного потенциала ЕС крупным шагом Евросоюза стало создание Европейских сил быстрого реагирования (ЕСБР).

Наиболее осязаемое военно-политическое влияние в мире Евросоюз способен оказывать координируя позиции своих членов в рамках НАТО. 21 из 27 членов ЕС входят в НАТО. Используя ресурсы альянса, к которым ЕС имеет доступ с согласия не столько НАТО, сколько собственно США, Евросоюз может увеличить свой потенциал международного влияния за счет частичного использования американских возможностей. Заключенные в марте 2003 г. договоренности «Берлин плюс» определили условия, на которых ЕС может использовать ресурсы НАТО (в основном американские), оперативные разработки, вооружения и инфраструктуру. С точки зрения отечественных экспертов в области международных отношений «договоренности «Берлин плюс» теоретически предусматривают ситуацию, когда Вашингтон, не вполне разделяя приоритеты европейцев, разрешит им использовать ресурсы НАТО в интересах поддержания альянса. Подкрепленный американскими ресурсами, Евросоюз внешне может выглядеть более убедительной военно-политической единицей, – однако ровно в той мере и до той поры, пока его внешнеполитический курс не будет расходиться с интересами Вашингтона» [4, с. 47]. Это проявляет третью причину, осложняющую действия ЕС по обеспечению безопасности в АТР.

Частичная зависимость от США по ряду внешнеполитических и стратегических вопросов ставит Европейский союз в достаточно деликатное положение, заставляя лавировать прежде всего между США и Китаем. В схожем с ЕС положении оказались и средние державы АТР, чья оборона зависит от США, а КНР является ведущим торгово-экономическим партнером. Австралия и Южная Корея уже более десяти лет пытаются найти какое-либо конструктивное решение этой проблемы и сегодня, когда назревавшая более десятилетия дискуссия имеет мировой резонанс, опыт ЕС и его внушительный потенциал могут оказаться более чем полезными.

Несмотря на то, что Европейский союз сталкивается с вышеперечисленными препятствиями, для осуществления характерной для него «мягкой» поли-

тики в АТР он имеет достаточный организационный потенциал и определенную институциональную базу: как внутреннюю, так и в форме новых региональных структур. Лиссабонский договор (2007 г.) создал платформу для реализации внешнеполитических решений ЕС посредством Европейской службы внешнеполитической деятельности (ЕСВД) (European External Action Service (EEAS)), выполняющей функции Министерства иностранных дел ЕС. Новая структура более удобна для реализации политики ЕС в АТР. Прежде Япония, Южная Корея, Австралия и Новая Зеландия находились под юрисдикцией отдела, отвечающего за политику развитых стран, таких как США, Канада и др. В новой структуре отдел стран Азии (Managing Directorate (MD) Asia) занят внешнеполитическими вопросами, связанными с Японией, Китаем, Южной Кореей, Северной Кореей, Австралией, Новой Зеландией, островными государствами Тихого океана (страны АСЕАН, Океания). Это упрощает координацию политических решений и действий ЕС в АТР. К этому можно добавить, что по данным опросов общая внешняя политика и политика безопасности ЕС пользуется поддержкой европейского населения. Более 70 % населения поддерживают оборонную политику ЕС, а подавляющее большинство ратуют за укрепление лидерских позиций Европейского Союза в мире [8, с. 3].

Опытному аппарату чиновников Евросоюза хорошо знакомы аспекты многостороннего взаимодействия, подготовки и выработки решений на их основе. Чиновники ЕС обычно более квалифицированно используют организационные ресурсы, чем представители правительств крупных национальных государств, использующие «прямолнейные» методы при продвижении своих позиций. Трансформации под воздействием организационного ресурса ЕС происходят постепенно и касаются в основном торговых и финансовых аспектов международных отношений. Таким образом европейцы могут влиять на «структурирование» международной среды в собственных интересах. Именно поэтому новые институты, связанные с решением вопросов региональной безопасности, имеют немалое значение для Евросоюза.

Одной из структур, призванных обеспечить региональную безопасность, является Региональный форум Ассоциации государств Юго-Восточной Азии по безопасности (АРФ), образованный в 1994 г. Данная организация является ведущим механизмом многостороннего общерегионального политического диалога по всему спектру вопросов, связанных с обеспечением мира и стабильности в АТР. Форум объединяет 26 стран региона, а также Евросоюз. Заявки на участие в АРФ подали Казахстан, Киргизия и Афганистан. Основные направления деятельности АРФ – противодействие терроризму и транснациональной преступности, чрезвычайное реагирование, нераспространение и разоружение, морская безопасность. Деятельность АРФ предполагает три последовательных этапа развития. Первый – реализация мер доверия в регионе, второй – превентивная дипломатия и третий – создание в АТР механизмов предотвращения и урегулирования конфликтов. К настоящему моменту

принимаются меры по переходу от первого ко второму этапу. Таким образом, эта организация не является военно-политической структурой; ее задача – поддержание многостороннего диалога и мониторинг военно-стратегической ситуации в регионе. Она – пример многостороннего сотрудничества «мягкого» типа в области безопасности в регионе и позволяет обсуждать вопросы, связанные с поддержанием стабильности и предотвращением конфликтов, что полностью отвечает приоритетам ЕСБ. Деятельность АРФ затрудняется из-за расхождения внешнеполитических интересов азиатских и неазиатских стран-участниц. В частности, руководство большинства стран-членов АСЕАН считает необходимым сохранение принципа «невмешательства во внутренние дела» суверенных государств и не согласно рассматривать АРФ как структуру, имеющую право принимать решения, обязательные для всех ее участников.

Кроме того, ЕС является участником форума «Азия-Европа» (АСЕМ), который был основан на учредительном саммите в Бангкоке в марте 1996 г. За 19 лет с момента создания АСЕМ его ряды пополнились 27 новыми участниками. В 2004 г. в форум были приняты десять новых государств-членов Евросоюза из числа стран Восточной Европы и три страны «северного крыла» Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) – Камбоджа, Лаос и Мьянма. В 2006 г. количество участников АСЕМ увеличилось еще на шесть. На 8-м саммите АСЕМ в Брюсселе в октябре 2010 г. к форуму официально присоединились Россия, Австралия и Новая Зеландия. В настоящее время в состав АСЕМ входит 51 участник, в том числе 28 от европейской группы (27 государств-членов ЕС и Еврокомиссия).

Еще одна привлекательная для Европейского союза региональная структура – саммит Восточноазиатского сообщества (ВАС). Учредительный саммит ВАС состоялся 14 декабря 2005 г. в Куала-Лумпуре (Малайзия). Идея создания нового межгосударственного интеграционного объединения впервые была декларирована в ноябре 2004 г. в Лаосе на встрече в верхах государств АСЕАН (Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины) и трех стран Северо-Восточной Азии (КНР, Республика Корея и Япония). Ведущими направлениями взаимодействия в ВАС стали: проведение согласованной линии в сфере политики, укрепление торгово-экономических отношений, поддержание финансовой стабильности и энергетической безопасности, а также развитие социально-культурных и гуманитарных связей. В числе ключевых приоритетов – противодействие новым вызовам и угрозам (международный терроризм, пиратство, незаконный оборот наркотиков, нелегальная иммиграция, распространение инфекционных заболеваний), достижение урегулирования на Корейском полуострове и т. д. Учредителями ВАС стали 16 стран – 10 членов АСЕАН, а также Китай, Япония, Республика Корея, Индия, Австралия и Новая Зеландия. Одной из проблем, на решение которых направлена деятельность саммита, является стимулирование стратегического диалога и продвижение сотрудничества в решении вопросов

политики и безопасности, для того чтобы убедиться в том, что страны-члены могут жить в мире друг с другом и остальным миром на принципах справедливости, демократии и гармонии. В ноябре 2012 г. саммит ВАС прошел без участия ЕС, хотя еще в июле был подписан договор о дружбе и сотрудничестве между странами АСЕАН и партнерами (Treaty of Amity and Cooperation (TAC)), позволяющий ЕС участвовать во всех будущих саммитах ВАС. Именно в рамках данного саммита была выдвинута инициатива о создании единой архитектуры безопасности и сотрудничества в регионе.

Вопрос о создании многосторонней системы безопасности в АТР активно обсуждался еще до выдвижения инициативы в рамках саммита ВАС. На сегодняшний день Соединенными Штатами рассматривается возможность создания азиатского варианта НАТО на основе уже существующих альянсов с Японией, Южной Кореей, Австралией. Такая система региональной безопасности при полном доминировании США и продвижении исключительно американских интересов является неприемлемой для Китая, России, Северной Кореи и ряда других стран. Данная ситуация приводит к наращиванию военного потенциала стран региона, при этом все большая ставка делается на области, дающие потенциальное многоуровневое преимущество перед противником. Некоторые из них принимают форму новых видов военного оборудования. Повышенный интерес проявляется к космическим и кибернетическим возможностям, баллистическим ракетам, ядерному оружию, что еще больше накаляет обстановку и решение вопросов безопасности.

Не только США, но и другие страны региона предлагают возможные решения по проблеме многосторонней системы безопасности. Например, в ноябре 2012 г. по инициативе Республики Корея был организован форум «Сеульский диалог по вопросам обороны» (Seoul Defense Dialogue (SDD)). В его работе приняли участие представители 15 стран, в число которых, кроме Южной Кореи, вошли США, Китай, Япония, Россия и делегации ЕС и НАТО. На данном этапе еще сложно оценить его реальный вклад в обеспечение безопасности региона. Однако бесспорно то, что данный форум имеет потенциал стать представительной площадкой для обмена мнениями между военными и специалистами в области обороны, безопасности и нераспространения в Северо-Восточной Азии [1]. Для ЕС и средних держав региона эта площадка приобретает особое значение в свете того, что другие механизмы многостороннего взаимодействия постепенно утрачивают свой потенциал. Так, например, в 2014 г. произошло с ежегодным Саммитом по Азиатской безопасности Международного Института Стратегических Исследований «Шангри-Ла Диалог». Изначально "Шангри-Ла Диалог" был дискуссионной платформой Международного института стратегических исследований (Лондон) для Восточной Азии (Сингапур). Первые пять конференций (2002 – 2006 гг.) были ориентированы на изучение практических аспектов координации вопросов безопасности в странах Евразии. С 2006 г. конференции были преобразованы в ежегодный саммит. Европейцы принима-

ют достаточно активное участие в работе данного саммита на уровне министров иностранных дел и госсекретарей по обороне. Однако последний саммит в июне 2014 г. показал четкое противостояние Японии, при поддержке США, растущим региональным амбициям Китая. Некоторые участники саммита и представители академических кругов выразили мнение, что из форума для обсуждения военно-политических вопросов и проблем безопасности в АТР с участием всех заинтересованных сторон "Шангри-Ла Диалог" превратился в некую антикитайскую конференцию, призванную оказать максимальное давление на Пекин.

Для ЕС обеспечение безопасности в АТР – это новая реальность. По оценке ЕСВД основные вехи сотрудничества с регионом относятся к началу 1990-х гг. [6]. Это усугубляется и тем, что стратегические партнеры АТР относятся к так называемому «третьему кругу», если принимать во внимание представление окружения ЕС в виде трех концентрических кругов: первый – страны-кандидаты, второй – граничащие с ЕС страны, третий – остальные страны, включая регионы, субрегионы и стратегических партнеров [8, с. 5]. Спектр вопросов безопасности, характерных для Азиатско-тихоокеанского региона, достаточно специфичен и широк. Это не только непосредственно обеспечение безопасности в плане защиты рубежей того или иного государства или группы государств, но и предотвращение угрозы со стороны новых вызовов безопасности от терроризма до пандемии, наряду с изменением климата и деградацией окружающей среды. Европейский союз достаточно успешно действует в этих направлениях обеспечения региональной безопасности. ЕС имеет разветвленную сеть официальных двусторонних соглашений о торговле, партнерстве и ассоциации с десятками стран Евразии и бассейна Тихого океана (АКТ). Специальные региональные соглашения, затрагивающие вопросы торговли, инвестиционного климата, поставки энергоносителей, защиты окружающей среды, а также проблемы безопасности и борьбы с терроризмом, подписаны Европейским Союзом с группами государств Азии и АКТ. В сфере образования успешно функционирует седьмая рамочная программа. Европейская программа помощи, направленная на развитие сотрудничества в Азии, была профинансирована примерно 749 млн евро (2012 г.) и 5187 млн евро (2007 – 2013 гг.), при этом помощь, оказанная при стихийных бедствиях, составила почти 3 млрд евро (2012 г.) [6]. Также не надо забывать об экономических санкциях, которые ЕС успешно применяет в качестве инструмента мягкой силы в совокупности с программами помощи. Один из заметных результатов европейской политики в АТР – это пример Бирмы. Когда в 2012 г. Бирманские власти заявили о своем желании реформировать систему управления, ЕС отменил санкции и открыл свой офис в Янгоне, запустив программу помощи для Бирмы.

В заключение необходимо отметить, что ЕС может сделать вклад в формирование новой архитектуры безопасности АТР, поддерживая инициативы средних держав по вопросам региональной безопас-

ности, используя свой экономический потенциал, организационный ресурс и свое культурное и культурно-политическое влияние, масштабы которого имеют фактически общемировой характер. Однако, для этого ЕС надо своевременно трансформировать свою стратегию при постоянно меняющейся ситуации в мире,

учитывая влияние кризисов и региональных конфликтов, а также определиться, двигаться ли в фарватере своего основного стратегического партнера США, заявившего о «повороте» в направлении АТР, или реализовать собственный путь.

Литература

1. Кирьянов О. В Сеуле начал работу международный форум по проблемам обороны // Российская газета. RG.RU. 12 ноября 2013 г. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/11/12/forum-site-anons.html>
2. Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ / отв. ред. А. А. Кокошин, А. Д. Богатуров. М.: КомКнига, 2005. С. 432.
3. Региональный форум АСЕАН по безопасности (справочные материалы) // Россия – международные структуры // Министерство иностранных дел Российской Федерации: официальный сайт. Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdcomp/ns-rasia.nsf/3a0108443c964002432569e7004199c0/5e59eb5660482b35c3257934004450d6!-OpenDocument>
4. Троицкий М. Европейский союз в мировой политике // Международные процессы. Т. 2. № 2(5). Май-август 2004. С. 43 – 58.
5. A secure Europe in a better world – the European Security Strategy, December 2003 // European Security Strategy, European Union External Action: official site. Режим доступа: <http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/031208ESSIRU.pdf>
6. EU-Asia security. Factsheet. // The European External Action Service (EEAS): official site. Режим доступа: http://eeas.europa.eu/asia/docs/eu_in_asia_factsheet_en.pdf
7. Internal Security Strategy for the European Union "towards a European Security model", 23 February 2010 // European Security Strategy, European Union External Action: official site. Режим доступа: <http://register.consilium.europa.eu/doc/srv?l=EN&f=ST%205842%202010%20REV%202>
8. Renard T. The European Union: A New Security Actor? // European University Institute Robert Schuman Centre, Advanced Studies, Global Governance Programme, EUI Working Paper RSCAS 2014/45, Italy. April 2014. P. 12.
9. Report on the implementation of the European Security Strategy – providing security in a changing world, 2008 // European Security Strategy, European Union External Action: official site. Режим доступа: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/081205_RUESSReport%20final.pdf
10. Security Politics in the Asia-Pacific. A Regional–Global Nexus. Edited by Tow W. T. Cambridge University Press, 2009. P. 370.
11. The Military Balance 2015 // The International Institute for Strategic Studies: official site. Режим доступа: <http://www.iiss.org/en/publications/military%20balance/issues/the-military-balance-2015-5ea6>
12. Yeo Lay Hwee, The EU's role in shaping Asia's security // Europe's World, the only independent Europe-wide policy journal, January 7, 2014. Режим доступа: <http://europesworld.org/2014/01/07/the-eus-role-in-shaping-asias-security/#.VOVKrSusU2Z>

Информация об авторе:

Буденкова Анна Валентиновна – кандидат исторических наук, кафедра всеобщей истории Сибирского федерального университета, anna_budenkova@mail.ru.

Anna V. Budenkova – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of World History, Siberian Federal University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

КОСОВО НА ПУТИ К СУВЕРЕНИТЕТУ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

М. О. Гузикова, А. Г. Нестеров

KOSOVO ON ITS WAY TO SOVEREIGNTY: TO THE HISTORY OF THE QUESTION

M. O. Guzikova, A. G. Nesterov

В настоящей статье в исторической ретроспективе рассматривается путь края Косово от одной из исторических областей на северо-западе Балканского полуострова через трансформацию его в автономное политическое образование в рамках Югославии до создания собственной государственности. Рассмотрена международная реакция на провозглашение Косово независимости в одностороннем порядке в 2008 г. в аспекте, затрагивающем два основных принципа международного права, имеющих отношение к вопросу о Косово: суверенитет и право народов на самоопределение. В частности, более подробно изучено решение Международного суда ООН по вопросу о правомочности декларации независимости Косово международному праву 2010 г. Показано, что данное решение рассматривает провозглашение независимости Косово как факт, не создающий прецедента, и не дает заключения о том, в какой мере затронуты два вышеуказанных принципа международного права. Несмотря на это, реакция международных акторов на данное решение суда показывает, что широкое, хотя и не всеобъемлющее признание своей государственности, которое получила Республика Косово, расценивается как прецедентное. Итогом ситуации с Косово является разрушение универсальности суверенитета как принципа международного права, что, несомненно, ведет к нарастанию хаоса в международных отношениях.

The paper provides a historical retrospective of the transformations which led Kosovo from being one of the historical regions in the north-west of the Balkan Peninsular to becoming an autonomous political entity within Yugoslavia and, finally, to obtaining its own statehood. The paper further discusses the international reaction to Kosovo's unilateral declaration of independence in 2008, revealing the two main principles of international law applicable to the Kosovo question: sovereignty and peoples' right to self-determination. A special focus is put on the ruling of the International Court of Justice regarding the 2008 Kosovo declaration of independence. It is demonstrated that such decision considers Kosovo's declaration to be a fact by no means setting a precedent and that this decision does not involve the two international law principles mentioned above. However, the reaction of international actors to this ruling shows that the wide recognition of Kosovo's statehood is actually considered as precedent-setting. The result of the Kosovo case is destruction of the universal character of sovereignty as a principle of international law, which will inevitably lead to growing chaos in the international relations.

Ключевые слова: Косово, албанцы, сербы, суверенитет, право народов на самоопределение, Международный суд ООН, прецедент.

Keywords: Kosovo, Albanians, Serbians, sovereignty, right for self-determination of nations, International Court of Justice, precedent.

Область Косово в истории Балканского региона

Вопрос о принадлежности балканской области Косово и о праве этой области на суверенитет имеет достаточно длительную историю. Эта область, как и другие балканские регионы, имеет очень сложную судьбу: ее заселяли разные народы, и она входила в состав разных государств. Косовская территория в I тыс. до н. э. была заселена племенами иллирийцев – индоевропейскими народами, лингвистически родственными современным албанцам. В ходе Иллирийских войн III – I вв. до н. э. иллирийцы были покорены Римским государством. На протяжении нескольких последующих столетий регион оставался под властью Римской империи, позднее Восточной Римской империи (Византии). В VI в. на Балканский полуостров вторглись многочисленные славянские племена, которые впоследствии также были подчинены Империи. В конце XII в. Сербское государство добилось независимости от Византии. В начале XIV в. средневековая Сербия переживала расцвет в период правления Стефана Душана (1331 – 1355), провозгласившего себя в 1346 г. «императором сербов и греков», а Печского митрополита – патриархом Сербии. Сербия в этот период контролировала значительную часть Балканского полуострова. Естественно, в состав Сербской державы вошла и область Косово.

Распад Сербской державы после смерти последнего представителя династии Неманичей Стефана Уроша V в 1371 г. способствовал успешному вторжению на сербские земли войск Османской империи. 15 июня 1389 г. сербские войска были, несмотря на героическое сопротивление, разгромлены османской армией в битве на Косовом поле. Именно эта битва, непосредственно связанная с Косово, в ходе которой серб Милош Обилич убил османского султана Мурада I, стала важнейшим элементом сербского фольклора, символом самопожертвования и единения сербов в борьбе против внешнего врага.

Косово в составе Османской империи было территорией со смешанным населением, причем в XVI в. по численности преобладали православные сербы. Австро-турецкие войны XVII – XVIII вв., в ходе которых территорию региона несколько раз занимали австрийские войска, через некоторое время были отступавшие, привели к оттоку христианского населения из региона. Освободившиеся земли активно занимали албанцы, в большинстве своем принявшие ислам и более успешно интегрировавшиеся в структуры Османской империи. К середине XIX в. больше половины населения Косово уже составляли албанцы.

Именно Косово стало центром национальной интеграции албанского народа в конце XIX в. 5 января

1877 г. (официально 10 июня 1878 г.) в г. Призрен на территории современного Косово была создана Лига защиты прав албанской нации (Lidhja për mbrojtjen e të drejtave të kombit Shqiptar), вошедшая в историю как Призренская лига. Эта лига возглавила борьбу за независимость Албании: было выдвинуто требование об автономии областей с преимущественно албанским населением, а в 1881 г. лидер Призренской лиги Абдул бей Фрашери провозгласил себя главой временного правительства Албании. Однако плохо организованные отряды албанских повстанцев были разбиты, лидеры Призренской лиги арестованы и позднее депортированы из Османской империи. Тем не менее Призренская лига стала символом борьбы Албании за независимость, которая также оказалась тесно связана с областью Косово [20, с. 6 – 8].

Подъем национального движения на Балканском полуострове в начале XX в. затронул и албанцев. Всеалбанский конгресс 1908 г. потребовал от Османской империи и великих держав признания факта существования албанской нации и наделение албанцев правом на самостоятельное развитие. Однако пришедшие к власти в Османской империи младотурки, ставившие целью укрепление Османского государства, не намеревались идти на уступки этническим меньшинствам, подчеркивая, что все население империи – это османы. Возникшие волнения в Приштине младотурецкое правительство подавило с помощью войск.

Война Османской империи с Италией (1911 – 1912) и Первая Балканская война (1912 – 1913) способствовали национальному восстанию албанцев и провозглашению независимого Албанского государства 28 ноября 1912 г. В тот же день Исмаил Кемали, ставший главой Временного правительства Албании, обратился к великим державам с призывом признать независимость Албании и защитить «от любого посягательства на их национальные права, а территорию – от расчленения» [21, с. 148 – 149]. Лидеры новой Албании призывали к созданию Албании в границах четырех албанских вилайетов Османской империи – Янины, Косова, Манастира и Шкодера, охватывавших не только территорию современной Албании, но и северо-западную часть Греции, Македонию, Косово, Южную Сербию и Северную Черногорию.

Лондонская конференция послов, открывшаяся 17 декабря 1912 г., была в основном посвящена албанскому вопросу. В конференции участвовали представители Великобритании, России, Австро-Венгрии, Италии и Германии. Балканские государства и Албания на конференции представлены не были [10, с. 56 – 57].

Вопрос о границах Албании немедленно вызвал острые дискуссии. Россия добивалась удовлетворения «разумных» территориальных претензий Сербии и Черногории; Австро-Венгрия при поддержке Германии и Италии выдвинула свой проект, предусматривавший создание автономного Албанского государства и предоставление Сербии «экономического выхода» в Адриатику. Страны Балканской коалиции подготовили свои планы, которые предусматривали резкое сокращение албанских владений до территории современной центральной Албании и передачу остальных земель, населенных албанцами, Сербии и

Греции. Великобритания, по крайней мере, внешне, заняла позицию третейского судьи.

К маю 1913 г. Лондонская конференция пришла к соглашению о северных и северо-восточных границах Албании, фактически отрезав от нее большую часть вилайетов Косово и Шкодер [15, с. 39]. Однако обсуждение вопроса о границах Албании не было завершено. Лондонский мирный договор, подписанный между Турцией и балканскими странами 30 мая 1913 г. и определивший территориальный передел Балканского полуострова, оставил вопрос об Албании и ее границах «на усмотрение великих держав» [23, с. 293]. Вторая Балканская война (29 июня – 10 августа 1913 г.) лишь ненадолго оттянула дальнейшее обсуждение вопроса о формировании Албанского государства.

29 июля 1913 г. Лондонская конференция послов приняла декларацию о статусе Албанского государства, которое было признано суверенным княжеством под покровительством шести великих держав. Однако вопрос о границах государства остался открытым, и в Албанию были направлены две разграничительные комиссии. Общий контроль над ситуацией в стране и над деятельностью разграничительных комиссий был поручен Международной контрольной комиссии (МКК). Деятельность комиссии по установлению северных и северо-восточных границ Албании зашла в тупик, так как представители России и Франции, поддерживавшие Сербию и Черногорию, стремились в любом спорном случае решать вопрос о делимитации границы в пользу сербов, в то время как Австро-Венгрия, Италия и поддерживавшая их Германия добивались расширения албанской территории. 14 декабря 1913 г. комиссия прекратила работу, постановив собраться снова в 1914 г., но этому помешала начавшаяся Первая мировая война. Деятельность комиссии по установлению южных границ Албании завершилась относительно успешным: 17 декабря 1913 г. во Флоренции был подписан протокол, установивший южные и юго-восточные границы Албании. Граница, установленная данным протоколом, в основном сохранилась до настоящего времени. При этом на юге Албании осталась значительное греческое меньшинство, добивавшееся или присоединения к Греции, или создания автономного государства Северный Эпир, а большая часть населенного албанцами побережья Чамерии вошла в состав Греции [15, с. 602]. Как отмечала Н. Д. Смирнова, виднейший отечественный специалист по истории Албании в XX веке, протокол 17 декабря 1913 г. обозначил проблему, которая почти постоянно возникала в отношениях между Грецией и Албанией [10, с. 59].

Установление северной границы Албании также вызвало множество проблем. После подписания 10 августа 1913 г. Бухарестского мирного договора, завершившего Вторую Балканскую войну, армия Сербии вступила на территорию бывшего вилайета Косово, где была вынуждена подавить восстание албанского населения, требовавшего воссоединения с Албанией. Сербская армия даже развернула наступление на севере территории Албании, определенной Лондонским договором 1913 г., но после ультиматума, предъявленного Австро-Венгрией 18 октября 1913 г., вынуждена была отступить [18, VII]. Тем не

менее свыше 50 % этнических албанцев остались за пределами созданного в 1912 г. Албанского государства.

В период Первой мировой войны область Косово, как и большая часть территории Албании, были заняты австро-венгерскими войсками. В 1918 г., после капитуляции Австро-Венгрии, территория Косово вновь оказалась в составе Сербии, а затем – в составе созданного на основе Сербии Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев (с 1929 г. – Югославии). В межвоенный период Косово покинули несколько десятков тысяч албанцев, а правительство Югославии поощряло колонизацию края сербскими и черногорскими крестьянами.

Германская оккупация и расчленение Югославии в 1941 г. привели к передаче области Косово Албании, находившейся с 1939 г. в личной унии с Италией. Казалось бы, албанская «великая идея» о создании Великой Албании была реализована, но в условиях войны и оккупации воссоединение Албании и Косова было номинальным [7, с. 85]. Уже в 1944 г. область Косово была занята частями Народно-освободительной армии Югославии, которой командовал Иосип Броз Тито. В 1946 г. был образован автономный край Косово и Метохия в составе Сербии как одной из республик Югославской федерации.

Рассчитывая на создание Югославо-Албанской федерации, президент Югославии Тито поощрял переселение в Косово албанцев. При этом, несмотря на то, что в Югославии Косово было одним из наименее развитых регионов, уровень жизни в Косово был существенно выше, чем в соседней Албании, что способствовало притоку албанцев в Косово. Уже в 1960-х гг. албанцы составляли около 90 % населения края Косово.

Уже в 1968 г. в Косово вспыхнули волнения, спровоцированные албанскими радикалами. Одновременно из названия края было убрано слово «Метохия» под предлогом того, что оно не используется албанским большинством населения края. Это изменение названия было зафиксировано в югославской конституции 1974 г., значительно расширившей автономию Косово: край официально стал называться «Социалистический автономный край Косово», получил представительство в Президиуме Югославии с правом вето, албанский язык приобрел статус государственного. Тем не менее главной цели косовскому руководству добиться не удалось: Косово так и не стал республикой в составе Югославии, а остался автономией в составе Сербии.

В 1980-х гг. отношения между сербами и албанцами в Косово резко обострились. Албанское национальное движение в Косово все более радикализировалось, а среди сербов усиливались антиалбанские настроения. В 1986 г. был опубликован так называемый «манифест сербской интеллигенции», призывавший к «деалбанизации» края Косово.

Проблема принадлежности области Косово в конце XX – начале XXI вв.

Сербско-албанское противостояние резко обострилось после прихода к власти в Сербии Слободана Милошевича (1988). В 1989 г. в Сербии состоялся референдум по вопросу о новой конституции; косов-

ские албанцы его бойкотировали. По итогам референдума в новой конституции Сербии автономия Косова была существенно урезана: были упразднены парламент и правительство края, прекращено использование албанского языка в СМИ. В ответ косовские албанцы организовали массовые протесты, начались забастовки и этнические столкновения. Введение в 1990 г. правительством Сербии чрезвычайного положения в Косово привело к тому, что политики-косовары приняли Декларацию независимости, заявив о выходе края Косово из состава Сербии и Югославии. 22 сентября 1991 г. было провозглашено создание независимой Республики Косово, которую через месяц признала Албания. С этого года началось существование Республики Косово де-факто. Среди населения Косово был проведен референдум, на котором абсолютное большинство участников высказалось за независимость Косово. Президентом республики стал известный политический деятель и писатель Ибрагим Ругова [13, с. 72 – 75].

Международного признания суверенный статус Косово не получил. Правительство Сербии предприняло попытки восстановить контроль над краем, но сепаратистским отрядам, объединенным в 1996 г. в Армию освобождения Косово, противостояли исключительно милицейские подразделения. В крае разразилась война. В 1988 г. против сепаратистов-косоваров были брошены части сербской армии. Одновременно под давлением НАТО и ЕС шли переговоры между правительством Сербии и руководством Косово о статусе края. Война сопровождалась массовым изгнанием населения, репрессиями, уничтожением культурных ценностей.

В 1999 г. в войну вмешались силы НАТО. Города Югославии были подвергнуты бомбардировкам. В результате сербское правительство было вынуждено согласиться на введение в Косово миротворческих сил KFOR и на установление в крае Косово режима управления ООН в соответствии с резолюцией Совета безопасности ООН № 1244 от 10 июня 1999 г. После установления режима международного управления значительная часть беженцев из Косово (в основном сербов и цыган) осталась в Сербии [13, с. 133 – 136].

Выборы в парламент Косово, проведенные 23 октября 2004 г. под контролем временной администрации ООН, привели к победе Демократического союза Косова, лидером которого был Ибрагим Ругова. Сербские избиратели, остававшиеся на территории Косова, выборы бойкотировали (проголосовало менее 1 % сербов).

В октябре 2005 г. Совет безопасности ООН высказался за начало переговоров о статусе края Косово. Контактная группа, созданная на уровне министров иностранных дел России, США, Великобритании, Франции, Италии, Германии, а также представителей ЕС и НАТО, высказалась за решение вопроса о Косово в 2006 г. Главой международных посредников был назначен бывший президент Финляндии Марти Ахтисаари. Переговоры тем не менее не привели к согласию сторон, поскольку представители Косово и Сербии занимали диаметрально противоположные позиции по вопросу о суверенитете Края. В этой ситуации правительство Косово при поддержке США и ряда

европейских стран заявило о том, что в 2008 г. будет провозглашена формальная независимость Косово.

17 февраля 2008 г. Косово в одностороннем порядке провозгласило свою независимость. После декларации о независимости Косово по инициативе Сербии и России было созвано экстренное заседание Совета безопасности ООН, на котором 5 из 15 членов высказались в поддержку независимого Косово. 18 февраля о признании объявила Франция, к ней присоединились Великобритания и Италия. В тот же день независимость Косово признали США. 20 февраля 2008 г. Германия также признала новую республику. На 18 января 2015 г., по информации сайта, специально созданного властями Косово для учета всех актов признания, Косово признали 110 стран – членов ООН [28].

Вопрос о статусе Косово в Международном суде ООН

Сербия инициировала обращение Ассамблеи ООН к Международному суду ООН с просьбой вынести заключение («*advisory opinion*» – то есть заключение, носящее рекомендательный характер) о соответствии одностороннего провозглашения независимости Косово международному праву [24]. 22 июля 2010 г. Международный суд ООН постановил, что международное право не содержит положений, запрещающих провозглашение независимости [14]. Заключение суда по вопросу о правомочности провозглашения независимости Косово международному праву было проанализировано юристами-международниками. Критики принятого решения сочли, что суд предпочел "узкую" трактовку поставленного вопроса широкой [16]. Решение было охарактеризовано как «уклончивое» [9, с. 78]. Так, оно не дает оценки по вопросу о том, что появление независимого Косово фактически означает нарушение суверенитета Сербии.

Суд не комментирует основания для создания независимого государства Косово. Он не рассматривает данный вопрос с позиции права наций на внешнее самоопределение (отделение и выход из состава государства), которое подразумевает «право народа выбирать для себя форму суверенитета» [22, с. 392]. Данный принцип, как следует из Декларации принципов международного права [3], ограничен принципом территориальной целостности государства. С другой стороны, как указывает оксфордский правовед-международник Дж. Видмар [26], принцип территориальной целостности подразумевает, что на всей территории, о которой идет речь, проживает население, чья коллективная воля и есть легитимирующая основа государства. Если же есть граждане, которые, компактно проживая на определенном участке территории, отрицают легитимность государства и испытывают притеснения с его стороны, то они получают право на выход из его состава. Необходимо отметить, что декларация независимости Косово была принята не путем референдума, то есть путем волеизъявлением всего народа, а решением парламента. Согласно Видмару, принцип права народов на самоопределение не поддерживается практикой международного права, хотя и является закрепленным в нормативных документах [6], так как эта практика в основном определяется суверенными государствами, которые видят в

данном принципе угрозу своей территориальной целостности. Спорным этот принцип является еще и потому, что спорно само определение термина «народ» в международном праве, и потому до сих пор практика в вопросах самоопределения отдает предпочтение территориальному принципу *uti possidetis* (лат. «как владеете»), даже если это означает разделение национальных сообществ [9, с. 73].

Несмотря на то, что как таковое право на самоопределение отрицается в качестве законного основания для признания появления суверенитета некоего этноса, проживающего на той или иной территории, однако признание другими суверенными государствами такой целостности суверенным государством является основанием для того, чтобы это государство начало свое функционирование в качестве суверенной державы. Это возможно в случае тяжелого нарушения прав населения этой территории и как результат длительного, но безуспешного процесса поиска альтернативных сецессии способов урегулирования создавшейся ситуации. Как известно, после объявления Косово своей независимости многие суверенные державы признали его право на суверенитет, установили дипломатические отношения с Косово, обменялись послами и совершили прочие действия, которые одни суверенные страны совершают в отношении других стран. Совершение этих действий и является знаком признания (*recognition*) суверенитета. Это признание известный американский исследователь суверенитета С. Кразнер обозначает термином "легальный суверенитет" (*legal sovereignty*) [19]. Международный суд, однако, указывает в качестве легитимации нового государства волеизъявление его граждан. В решении суда нет и отсылки на такое имевшее прецеденты основание для появления суверенного государства, как сецессия в порядке правовой защиты (*remedial secession*). Данный случай реализации права народа, обычно меньшинства, на самоопределение возможно тогда, когда его права грубым образом нарушаются.

Международный Суд ООН пришел к выводу, что международное право не устанавливает никаких разрешительных, но одновременно также и никаких запретительных норм, касающихся одностороннего провозглашения независимости. Декларация независимости, таким образом, представляет собой факт. Таким образом, вопрос о суверенитете Косово рассматривается в рамках случая *sui generis* (лат. «своего рода») – не порождающего прецедент случая особого рода, который поэтому не ставит под вопрос положения Устава ООН и Хельсинского заключительного акта [12] в том, что касается принципа нерушимости территориальной целостности и суверенитета страны. Такую позицию суда поддержали некоторые страны, положительно высказавшиеся по поводу правомочности провозглашения Косово своей независимости [17]. С тем, что Косово есть случай особого рода, спорят противники независимости Косово. Так, представитель России в ООН Виталий Чуркин сказал после заседания СБ ООН, созванного Сербией и Россией для обсуждения одностороннего провозглашения независимости Косово: "Проблема территориальной целостности, безусловно, является ключевой для всех членов всемирной организации. Это был красноречивый ответ тем, кто утверждает, что косовский случай

уникален" [11]. Не споря против этой позиции, другие государства, как, например, США, используют аргументацию, при которой суверенитет не интерпретирован как основной принцип международного права, а помещен в рамку других принципов: прав человека, права наций на самоопределение [2]. Таким образом, нарушение одного принципа не влечет за собой неправомотность данного действия, если другие принципы соблюдены. Не забудем и принцип, закрепленный еще в Декларации независимости США, который сводится к тому, что народ не должен терпеть плохого правителя. По теории, восходящей к Дж. Локку, народ имеет право свергнуть свое правительство в случае жесткого нарушения фундаментальных прав и если мирные пути по предотвращению этих нарушений отсутствуют либо исчерпаны. Верховная власть над территорией, которая появляется у суверенного государства, является не только правом, но и обязанностью последнего, на что указано в заявлениях некоторых стран и, в частности, в заявлении самой Республики Косово. Косово и многие его сторонники подчеркивают, что на той территории, над которой распространена его суверенная власть, оно смогло установить и поддерживать эффективный контроль.

Однако известно, что и до сегодняшнего дня остро стоит вопрос об управляемости Северного Косово, где проживает большинство сербского населения края, и которое, таким образом, испытывает наибольшее влияние со стороны Сербии. На эти проблемы, которые не позволяют сделать вывод о полностью успешном функционировании Косово как суверенного государства, указывают и европейские страны, поддерживавшие его независимость [25]. Страны с риском сепарации на своей территории опасаются того, что случай Косово может стать прецедентным, и продолжают выступать против независимости Косово. К таким странам относятся Россия, Китай, Болгария, Испания, Кипр и пр. Для функционирования Косово в рамках Европейского Союза наиболее чувствительным является раскол по поводу его статуса, который существует в ЕС. Лишь недавно страны-члены ЕС смогли прийти к соглашению, что отсутствие консенсуса по этому вопросу не должно мешать Косово начать процесс интеграции в ЕС.

В целом вопрос суверенитета Косово остается открытым. Косово признали не все страны ООН; о своем непризнании Косово и готовности заблокировать его вступление в ООН заявили члены СБ ООН, имеющие право вето, – Россия и Китай. Таким образом, легальный суверенитет, по Кразнеру, на данном этапе не является полноценным. По сути, речь идет о появлении территории с «полугосударственным статусом» [1] или «квазигосударства» [5]. Кроме того, в связи с ситуацией в Северном Косово ограниченным остается и внутригосударственный (domestic) суверенитет Косово (также термин С. Кразнера, всего Кразнер выделяет 4 составляющих суверенитета: вестфальский, международный, внутригосударственный и суверенитет взаимозависимости), то есть способность государства эффективно контролировать свою территорию. Однако следует отметить, что в решении этого вопроса между Белградом и Приштиной было достигнуто важное соглашение по вопросу о сербских общинах [8], которое можно считать первым шагом

на пути нормализации если не правовой ситуации Косово, хотя косовские власти и заявляют обратное, то, по крайней мере, его функционирования.

Вестфальская составляющая суверенитета Косово, по Кразнеру, проистекающая из основного постулата вестфальского порядка – *“cuius regio, eius religio”* – укрепились после того, как в сентябре 2012 г. было принято решение о завершении миссии наблюдения за соблюдением независимости в Косово. Представляется, что решение вопроса о нормализации международно-правового статуса Косово, полного признания его суверенитета, потребует времени и наличия согласия между основными игроками мировой политики. Вопрос же о повышении эффективности его функционирования как государства, включая контроль территории и возможность установления внешних контактов, может быть решен в значительно более близкой перспективе, чему в наибольшей степени будет способствовать политическая ситуация внутри Европейского Союза.

Трудно не согласиться с тем, что ситуация с появлением частично признанного Косово вносит дополнительную сумятицу в международное право, и без того страдающее от отсутствия строгости. Можно говорить о том, что политическая реальность такова, что принцип суверенитета как основы международного права утрачивает универсальность. Американский исследователь-россиевед Э. Уокер, рассуждая о распаде Советского Союза, который произошел по территориальным границам союзных республик, отметил, что на этом распад может и не остановиться, так как границы республик не совпадают с границами проживания этнических меньшинств [27]. Как мы видим из истории, в постбиполярном мире, в том числе и на территории бывшего СССР, возник феномен непризнанных и частично признанных государств, и этот процесс нельзя считать завершившимся. Время подтвердило, что это наблюдение было не менее справедливым для республик бывшей Югославии. Совершенно не очевидно, и на эту опасность указывали исследователи косовского конфликта [4], что Косово не станет катализатором претензий на самоопределение других этнических меньшинств, в том числе и албанцев, проживающих на территории соседних государств, например, Македонии, где албанское население составляет около 23 %.

Нужно признать, что Косово добилось наибольших успехов на пути к созданию собственной государственности, если сравнивать его с другими непризнанными и частично признанными государствами, такими как Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье, Нагорный Карабах, Сомалиленд, Пунтленд и др. По всей видимости, рецептом устойчивости успеха для Косово будет вовлечение края в процесс европейской интеграции при сохранении поддержки его главных сторонников – США и тех стран ЕС, которые высказались за независимость Косово.

Несмотря на все попытки не придавать декларации независимости Косово характер прецедента, случай Косово все же стал таковым, заставив национальные государства и тех, кто заинтересован в создании собственной государственности, расставить приоритеты в отношении таких основообразующих принципов международного права, как нерушимость госу-

дарственного суверенитета и территориальная целостность, с одной стороны, и право народов на самоопределение, с другой стороны. Представляется, что случай Косово понизил статус государственного суверенитета как неприкосновенного принципа международных отношений. Несмотря на это, государственный суверенитет не имеет замены в качестве ос-

новного принципа отношений между государствами, но внутри государства, особенно в случае внутригосударственных этнических конфликтов, статус принципа права народов на самоопределение возрос, причем не только в глазах юристов-международников, но и среди обычных граждан.

Литература

1. Абашидзе А. Х. Косово как принцип. Троянский конь «плана Ахтисаари» // Завтра. М.: Завтра Пресс, 2007. № 49. С. 5. Режим доступа: <http://sloboda-memoria.narod.ru/st/aslan.htm> (дата обращения: 18.01.2015).
2. Гузикова М. О. Стратегии концептуализации «суверенитета» в заявлениях США и Аргентины по вопросу о соответствии провозглашения независимости Косово международному праву // Известия Уральского федерального университета. (Серия 3: Общественные науки). 2014. № 4(134). С. 80 – 89.
3. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года). Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 18.01.2015).
4. Ковач М. Балканский узел: последствия косовского кризиса // Вестник МГИМО университета. 2008. № 1. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/balkanskiy-uzel-posledstviya-kosovskogo-krizisa> (дата обращения: 18.01.2015).
5. Литвиненко В. Т. Вопросы институционального становления государственности квазигосударств // Власть. 2009. № 10. С. 119 – 122.
6. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 18.01.2015).
7. Нестеров А. Г. Гвардия Великой Албании: из истории фашистских организаций Албании 1939 – 1944 гг. // Европа. Международный альманах. Вып. 4. Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2004. С. 79 – 88.
8. Сербия и Косово достигли соглашения по вопросу о сербских общинах // РИА новости. 19.04.2013. Режим доступа: <http://ria.ru/world/20130419/933591131.html> (дата обращения: 18.01.2015).
9. Сидди М. Абхазия, Косово и право на отделение // Центральная Азия и Кавказ. Т. 14. Вып. 1. М., 2011. С. 72 – 82.
10. Смирнова Н. Д. История Албании в XX веке. М., 2003. 431 с.
11. Совбез ООН не поддержал независимости Косово // Независимая газета. 2008. 15 февраля.
12. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт. Хельсинки, 1975. Режим доступа: <http://www.osce.org/ru/mc/39505?download=true> (дата обращения: 18.01.2015).
13. Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен / сост. А. А. Язькова. М., 2007. 352 с.
14. Accordance with international law of the unilateral declaration of independence in respect of Kosovo (Request for Advisory Opinion). 10.10.2008. Режим доступа: <http://www.icj-cij.org/docket/index.php?p1=3&p2=4> (дата обращения: 15.01.2015).
15. Çështja shqiptare në aktet ndërkombëtare të periudhës së imperializmit. V. 2. 1912 – 1918 / Sh. A. Puto. Tiranë, 1984. 404 f.
16. Cirkovic E. An Analysis of the ICJ Advisory Opinion on Kosovo's Unilateral Declaration of Independence // German Law Journal. 2010. Vol. 11. № 8. P. 895 – 912. Режим доступа: <http://www.germanlawjournal.com/index.php?pageID=2&vol=11&no=8> (дата обращения 25.12.2014)
17. Council Conclusions on Kosovo, 2851 External Relations Council Meeting. Brussels, 18 February 2008. Режим доступа: http://eu-un.europa.eu/articles/fr/article_7720_fr.htm (дата обращения: 11.01.2015).
18. Dokumenta e materiale historike nga lufta e popullit shqiptar për liri e demokraci 1917 – 1941. Tiranë, 1959. 533 f.
19. Krasner S. D. Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton, 1999. 280 p.
20. La Ligue albanaise de Prizren. 1878 – 1881. Documents. V. 1. 474 p.
21. Naska K. Ismail Qemali në lëvizjen kombëtare Shqiptare. Tiranë, 1987. 252 f.
22. Neuberger B. National Self-Determination: A Theoretical Discussion // Nationalities Papers. 2001. Vol. 29. № 2. P. 391 – 418.
23. Puto A. L'Indépendance albanaise et la diplomatie des grandes puissances 1912 – 1914. Tirana, 1982. 312 p.
24. Resolution A/RES/63/3 (A/63/L.2) adopted by the General Assembly at its 22nd plenary meeting on 8 October 2008. Режим доступа: <http://www.icj-cij.org/docket/files/141/14799.pdf> (дата обращения: 19.01.2015).
25. Tucek W. Brüssel knüpft weitere EU-Annäherung an Umsetzung des Nordkosovo-Deals // Wirtschaftsblatt. 2013. 22 April. Режим доступа: <http://wirtschaftsblatt.at/archiv/printimport/1392126/Brussel-knupft-weitere-EUAnnaeherung-an-Umsetzung-desNordkosovoDeals> (дата обращения: 18.01.2015).
26. Vidmar J. Remedial Secession in International Law: Theory and (Lack of) Practice // St. Antony's International Review. 2010. Vol. 6. № 1. Режим доступа: <http://ssrn.com/abstract=2060318> (дата обращения: 17.01.2015).
27. Walker E. W. Dissolution: sovereignty and breakup of the Soviet Union. Oxford, 2003. 216 p.
28. Who recognized Kosovo as independent state? Режим доступа: <http://www.kosovothanksyou.com/> (дата обращения: 18.01.2015).

Информация об авторах:

Гузикова Мария Олеговна – кандидат исторических наук, зав. кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках, доцент кафедры зарубежного регионоведения Института социальных и политических наук Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, m.o.guzikova@urfu.ru.

Maria O. Guzikova – Candidate of History, Head of the Department for Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages, Assistant Professor at the Department for Regional Studies, Institute for Social and Political Sciences, Ural Federal University.

Нестеров Александр Геннадьевич – доктор исторических наук, зав. кафедрой зарубежного регионоведения, профессор кафедры востоковедения Института социальных и политических наук Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, agn1154@yandex.ru.

Alexander G. Nesterov – Doctor of History, Head of the Department for Regional Studies, Professor at the Department for Oriental Studies, Institute for Social and Political Sciences, Ural Federal University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

УДК 94:327(4)

МЕТОД МОДЕЛИРОВАНИЯ И ИМИТАЦИИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ЕС

Л. О. Игумнова

THE METHOD OF MODELING AND IMITATION IN FOREIGN POLICY OF THE EU

L. O. Igumnova

Европейский Союз располагает разнообразными механизмами распространения своих ценностей и норм. В статье анализируется метод моделирования/имитации и аналогичные ему механизмы "инфицирования" и "силы примера", появившиеся в результате укоренившегося имиджа Евросоюза как мирового стандарта и примера для подражания. Обоснованием обозначенных внешнеполитических механизмов можно считать теорию социального обучения, широко известную в психологической науке. Теория получила развитие в европейских исследованиях и способствовала появлению концепции образцовой державы, раскрывающей роль метода имитации во внешней политике Евросоюза. Метод предполагает рассмотрение ЕС в качестве образца, который привлекает внимание наблюдателей и становится для них источником имитационного процесса. Данный механизм нашел широкое распространение в европейской внешнеполитической практике, став одним из ключевых факторов глобального влияния ЕС. При подготовке статьи ее автор опиралась на документы, официальные заявления и выступления европейских политиков, теоретические и аналитические работы.

The European Union has a variety of mechanisms to distribute its values and norms. The paper analyzes the method of modeling/imitation and similar mechanisms of "contagion" and "the power of example" that appeared as a result of the deep-seated image of the EU as a world standard and an example for others to follow. The rationale of the above mentioned foreign policy mechanisms is the social learning theory well-known in psychological science. The theory has been developing in EU studies and has facilitated the emergence of a "model power Europe" concept that best describes the role of imitation method in foreign policy of the European Union. The method suggests considering the EU as a model which attracts the attention of observers and becomes the source of imitation process for them. This mechanism is widely used in European foreign policy practice being one of the key factors of the EU global influence. The author addressed official documents, statements and speeches of European politicians, as well as theoretical and analytical works.

Ключевые слова: ЕС, внешняя политика, методы, моделирование, имитация.

Keywords: EU, foreign policy, methods, modeling, imitation.

Введение

Европейский Союз располагает разнообразными механизмами распространения своих ценностей и норм. Данная статья анализирует метод моделирования/имитации и аналогичные ему механизмы "инфицирования" и "силы примера", появившиеся в результате укоренившегося имиджа Евросоюза как мирового стандарта и примера для подражания. Механизм имитации занимает центральное место в рамках концепции ЕС как образцовой державы ("model power Europe"). Среди существующих теоретических подходов, объясняющих сущность современной внешней политики Евросоюза, концепция образцовой державы заняла довольно заметное место и стала частью более

широкой дискуссии о европейской идентичности и внешнеполитических методах ЕС.

Идея Европы как авангарда и наиболее передовой модели не нова. Создание мирового порядка по европейскому образцу – ключевая задача Европы на протяжении столетий: в эпоху просвещения, колониализма, на современном этапе. Мнение о том, что единая Европа способна стать образцом для подражания и реализовывать свое влияние через собственную привлекательность и силу своего примера, высказывалось в 1973 г. в работе Франсуа Дюшене. ЕЭС, с точки зрения французского мыслителя, должен был быть примером того, каким влиянием можно обладать благодаря политическому сотрудничеству, основанному

на гражданских формах силы [7, р. 19 – 20]. Эта идея развивалась, все больше отвечая международным реалиям, сложившимся после окончания холодной войны. Не удивительно, что и сегодня проецирование европейской модели на остальной мир является важнейшей задачей европейской внешней политики.

Теория социального обучения Альберта Бандуры как обоснование концепции образцовой державы

Концепция образцовой державы опирается на теорию социального обучения известного канадского психолога Альберта Бандуры [2]. А. Бандура опровергает парадигму, согласно которой процесс обучения основан на прямом опыте и его последствиях. Теория психолога доказывает, что научиться чему-либо можно не только на своих ошибках, но и на чужом опыте. Процесс обучения может быть построен: во-первых, на наблюдении за образцом поведения; во-вторых, на наблюдении за последствиями этого поведения; и, в-третьих, на имитации модели наблюдателем. Бандура отмечает, что многое в поведении, которое мы демонстрируем, приобретается именно посредством примера: мы просто наблюдаем за тем, что делают другие, а затем заимствуем и повторяем их действия.

Теория социального обучения указывает на 3 главные качества модели.

1. Уникальность, особенность модели. Для А. Бандуры, чем уникальнее характеристики модели, тем выше вероятность того, что она привлечет внимание других, и в конечном итоге другие будут имитировать ее поведение.

2. Устойчивость, долговечность, эффективность модели.

3. Привлекательность модели, ее престиж.

Способность модели привлекать внимание и удерживать его в течение долгого времени – важнейшие условия, обеспечивающие процесс имитации. Внимание к модели со стороны наблюдателя – это первый этап, необходимый для начала подражания. Наоборот, игнорирование модели исключает возможность социального обучения. Психолог настаивает на том, что моделирование не должно приравниваться к автоматической поведенческой имитации. Это процесс познавательной имитации. При этом эффективность моделирования в большей степени зависит от мотивации наблюдателя. Таким образом, автор выстраивает следующую цепочку: наблюдение → мотивация → имитация.

Другое важное положение, находящееся в основе социально-когнитивной теории, состоит в том, что новые формы поведения можно приобрести без так называемого "внешнего подкрепления", то есть в отсутствие одобрения, поощрения, вознаграждения или наказания. Альберт Бандура считает, что в большинстве случаев обучение человека осуществляется без подкрепления. Этот факт не означает, однако, что поощрение не имеет никакого значения. Как только поведение оказывается освоенным, подкрепление начинает играть заметную роль в том, будет ли данное поведение возникать в будущем. Поощрение или вознаграждение может выражаться как в вербальной форме – форме одобрения, так и в материальной. Оно стимулирует имитационное поведение и усиливает желание наблюдателя продолжать повторять поведе-

ние модели [3, р. 601]. При этом чем быстрее осуществляется внешнее поощрение, тем больше вероятность воспроизведения поведения модели.

Наказание также рассматривается психологом как инструмент, способный предотвратить имитирование наблюдателем "неправильных" моделей. Наказание может менять поведение наблюдателя и переориентировать его на копирование альтернативной, "правильной" модели.

А. Бандура стал автором одной из самых популярных теорий обучения. Его работы по моделированию приобрели широкую известность в научном мире и сыграли важную роль в объяснении способов, которыми люди приобретают разнообразные виды сложного поведения в условиях социального окружения. В дальнейшем понятие обсервационного научения или научения через наблюдение привлекло внимание европейских аналитиков и получило дальнейшее развитие в исследованиях международных отношений ЕС.

Социально-когнитивная теория в контексте внешней политики ЕС

Португальская исследовательница Лаура С. Феррейра-Перейра предприняла попытку проанализировать теорию социального обучения в контексте внешней политики ЕС и применила три вышеназванных критерия модели к Евросоюзу [10].

1. Уникальность: исключительность политико-институциональной основы ЕС и его нормативной сущности.

2. Устойчивость: длительный опыт демократического развития, устойчивость ЕС как мирного, социального и экономического проекта, устойчивое стремление избегать военной силы при разрешении конфликтов.

3. Привлекательность ЕС обусловлена его уровнем экономического развития, достижениями в социальной сфере, успешностью ЕС как мирного проекта, стремлением других стран вступить в Союз.

Данные особенности Евросоюза позволяют автору рассматривать ЕС в качестве образца организации общества, модели политического и экономического развития, примера по достижению мира. Как следствие, Евросоюз привлекает внимание третьих стран – наблюдателей – и становится источником имитационного познавательного процесса. В соответствии с концепцией А. Бандуры, Л. Феррейра-Перейра указывает: сила влияния ЕС во многом зависит от того, насколько он способен привлечь к себе внимание других и способствовать переменам в их поведении согласно европейским стандартам, правилам, принципам и ценностям, то есть от умения ЕС стимулировать имитацию своей модели и своего поведения [10, р. 299]. Для этого, по мнению автора, ЕС должен сохранять свою специфичность, привлекательность, жить в согласии со своими стандартами, доказывать эффективность своих практик и норм.

Психологический механизм "внешнего подкрепления" также нашел воплощение во внешнеполитической практике Евросоюза – политике кондициональности, широко применяемой ЕС. Кондициональность предполагает, что третьи страны принимают нормативные требования Евросоюза в обмен на определенные вознаграждения или под угрозой санкций. Таким образом,

по аналогии с "внешним подкреплением" политика кондициональности имеет позитивные и негативные формы и допускает использование кнута и пряника.

Позитивные формы кондициональности включают политические и экономические поощрения тех, кто воспринимает европейские ценности. Они могут выражаться в политическом признании, предоставлении статуса кандидата к вступлению в ЕС, обещании привилегированных отношений, доступе к рынкам, подписании выгодных соглашений, оказании помощи и т. д. Позитивную кондициональность наглядно иллюстрируют слова бывшего председателя Европейской комиссии Ж. М. Баррозу: "Чем ближе вы хотите быть к ЕС, и чем больше вы привержены делу реформ, тем больше мы предложим вам как с точки зрения помощи для достижения этих целей, так и с точки зрения возможностей расширить и углубить наши отношения" [5].

Негативная кондициональность имеет целью наказать тех, кто не имитирует европейское поведение. Она предполагает санкции, которые могут включать эмбарго, приостановку или ограничение экономических договоренностей и программ помощи, отказ в выдаче виз высшим должностным лицам, приостановку переговоров о вступлении в ЕС, замораживание контактов и т. д. Так, с 1995 г. ЕС включает положение о правах человека практически во все свои соглашения. Нарушение положения позволяет Европейскому Союзу приостановить соглашение или применить санкции.

Позитивная кондициональность, безусловно, является более нормативным инструментом, так как не наносит ущерба населению третьих стран. Позитивные формы воздействия предпочтительны и для ЕС. Они позволяют удерживать и развивать политические контакты с другими государствами, что, в свою очередь, предоставляет Евросоюзу дополнительные возможности для оказания влияния на внутреннюю политическую динамику этих стран.

Л. Феррейра-Перейра подчеркивает, что подкрепление со стороны ЕС играет ключевую роль в процессе стимулирования имитации. Наказание государств, которые демонстрируют "имитационный дефицит" ("imitative deficit"), то есть не хотят имитировать европейское поведение или имитируют "неправильные" модели, с ее точки зрения, также не должно исключаться из арсенала ЕС [10, p. 296].

Концепция образцовой державы имеет много общего с другими теоретическими подходами в сфере европейской внешней политики, прежде всего с концепцией "нормативной силы". В научной литературе, посвященной нормативной силе Европы, внешнеполитические методы, предполагающие имитацию модели ЕС, могут именоваться механизмом "инфицирования" или "силой примера".

Внешиполитические механизмы "сила примера" и "инфицирование"

Внешиполитический метод "сила примера" ("the power of example") рассматривался в работах многих европейских экспертов [11; 13; 20]. Так, известная и часто цитируемая фраза Иана Маннерса указывает на то, что самый важный фактор, формирующий внешнюю политику ЕС и его международный имидж "со-

стоит не в том, что он делает или говорит, а в том, чем он является" [13, p. 252]. Иными словами, определяющей при формировании внешнеполитического курса Евросоюза является его внутренняя сущность. Из этого утверждения следует: ЕС не нужно что-либо делать или говорить, достаточно лишь быть моделью для других, примером, которому хотелось бы подражать. О том, что влияние Европы в мире в большей степени зависит от внутриевропейской ситуации, нежели чем от внешнеполитических стратегий ЕС, писал и Ханс Мауль [14, p. 790].

И. Маннерс использует медицинскую метафору и предпочитает называть этот механизм – "инфицированием" ("contagion" [13, p. 244]), также имея в виду непреднамеренную передачу идей ЕС другим акторам, ведущую к копированию европейской модели. Распространение европейских стандартов в данном случае не является результатом конкретных действий ЕС [13]. Инфицирование происходит в силу внутренней убежденности реципиента в желательности усвоения новых норм. Промоутер норм играет в этом процессе лишь пассивную роль успешной модели, которая вдохновляет последователей.

В качестве примеров, иллюстрирующих результаты работы данного механизма, обычно приводятся региональные интеграционные модели – Меркосур, Африканский Союз, АСЕАН [13]. В данном случае ЕС служит вдохновением и выступает в роли стандарта для стран Африки, Азии и Южной Америки [19, p. 3]. Западноафриканский экономический и валютный Союз (UEMOA) и Меркосур отчасти восприняли европейский путь интеграции и в определенной степени воспроизвели нормы, институты и политику ЕС, демонстрируя примеры имитации и моделирования. При этом инициатива по развитию региональной интеграции исходила от самих развивающихся стран [4, p. 8]. (Прим. автора: Это не означает, что европейская модель может быть применима во всех случаях. ЕС признает существование различных интеграционных подходов) [9].

Научное сообщество о моделировании

Концепция образцовой державы привлекает внимание многих ведущих европейских экспертов, взгляды которых могут серьезно различаться. По мнению британского политолога Марка Леонарда, Европейский Союз является моделью и на региональном, и на глобальном уровне: он стал образцом интеграции для многих регионов мира, а также примером того, каким должен стать весь мир [12]. ЕС, считает автор, с успехом воспроизводит себя вовне. Он будет и в дальнейшем продолжать втягивать другие страны в свою орбиту, в зону действия своих законов и порядков, создавая "эффект домино", и, в конечном итоге, изменит мир в соответствии со своими собственными взглядами. Как следствие, мы станем свидетелями зарождения "нового европейского века": не в том смысле, что Европа будет управлять миром в качестве империи, а потому, что европейский путь развития станет всеобщей, всемирной практикой, подчеркивает Леонард [12].

Теория моделирования близка такому известному эксперту Европейского Союза, как Ян Зеленка, который считает, что Европа должна быть именно моделью – империей-образцом, а не супердержавой. Империя, о

которой пишет автор, не стремится к подчинению остальных или грубому навязыванию своей экономической и политической модели, она экспортирует нормы силой примера и убеждения [20, p. 472, 484].

Признавая наличие некоторой непоследовательности и двойных стандартов в европейской политике экспорта норм, норвежский исследователь Эрик Эриксен отмечает, что ЕС все же представляет из себя "наиболее многообещающий пример мощной пост-национальной региональной организации", которая "все больше и больше становится ролевой моделью для других регионов" [8, p. 266].

Способность Европы создавать мировые стандарты и быть примером признается и некоторыми американскими исследователями, в частности, Ричардом Роузкрансом [18]. Он развивает идею о Европейском Союзе как об эксклюзивном клубе, наделенном наиболее привлекательными качествами. Даже при некотором недостатке политического влияния, отмечает Роузкранс, ЕС демонстрирует новые формы символического институционального доминирования, воздействуя на окружающий мир магнетической силой своей привлекательности [18, p. 216].

Рассматриваемый подход нередко становится мишенью для критики. Распространенный аргумент критиков состоит в том, что сам образец для подражания "страдает от множества недостатков" [16, p. 101]. Профессор Оксфордского университета Калипсо Николаидис указывает на то, что Евросоюз должен иметь более реалистичное представление о своих возможностях и недостатках и сам "моделировать себя в соответствии с той утопией, которую он стремится проецировать на остальной мир" [17, p. 788]. С точки зрения Николаидис, представления о Евросоюзе как о модели и образце для подражания выражают неприкрытый европоцентризм и высокомерие, являются слишком упрощенными, одномерными, излишне прямолинейными. "Такой евроморфизм вызывает неприятие, как в самой Европе, так и за ее пределами", – считает автор [16, p. 101].

Ставится под вопрос способность ЕС быть моделью в отдельных сферах политики. Так, правоведы Ф. Алстон и Дж. Вейлер, анализируя деятельность Евросоюза по защите прав человека, указывают на то, что ЕС не может выступать в качестве примера для подражания в этой области в связи с ее слабой институционализацией и непоследовательностью европейского курса [1, p. 663].

К. Николаидис все же считает, что опыт Евросоюза полезен для остальных регионов и глобального управления в целом. "Европа стала местом, где происходит кристаллизация и решение многих мировых проблем", – подчеркивает автор [16, p. 100]. У европейцев накоплен институциональный капитал и глубокое знание о том, какие перемены нужны миру для достижения общего блага. Профессор уверена, что наличие у ЕС длительного опыта по учету коллективных предпочтений различных стран позволяет ему экспортировать свой опыт не только горизонтально (в другие страны и регионы), но и вертикально – на мировом уровне при решении глобальных проблем и в рамках международных институтов, которые могут черпать вдохновение у Евросоюза и использовать европейские традиции сотрудничества [16, p. 100 – 101].

Все это, с точки зрения Николаидис, скорее позволяет характеризовать ЕС в качестве "испытательной площадки" или "лаборатории", где исследуются возможности надгосударственной политики и создаются новые разновидности межгосударственных отношений [16, p. 104].

В целом критические аргументы, представленные в литературе, состоят в осуждении евроцентризма, идеализации ЕС, недостаточной саморефлексивности и самокритичности Брюсселя, акцентируются упущения в политике Евросоюза, которые не позволяют рассматривать его в качестве модели, критикуются отдельные аналитические пробелы данного подхода.

Европейские политики о концепции образцовой державы

Одновременно с теоретическими дискуссиями в кругу европейских исследователей концепция образцовой державы обсуждается и на официальном уровне высокопоставленными политиками и чиновниками Евросоюза. Анализируя их выступления, можно сделать вывод о том, что данная концепция близка многим из них.

Жак Делор характеризовал ЕС как достойный пример для подражания и модель для стран Восточной Европы. Будучи Председателем Еврокомиссии, в октябре 1989 г. Ж. Делор заявил, что само существование и пример Сообщества, основанного на правопорядке, демократии и процветающей экономике послужили катализатором для перемен на Востоке [17, p. 774].

Бывший верховный представитель ЕС по внешней политике и безопасности Хавьер Солана неоднократно говорил о существовании особой "европейской модели", демонстрирующей остальному миру удивительный экономический и политический успех и ассоциирующейся в сознании многих с философией гуманности, свободы, солидарности и процветания [19, p. 3]. Такая модель, по мнению Солана, неизбежно обращает на себя пристальные взоры и служит источником вдохновения. К тому же, добавляет он: имитация и адаптация всегда легче, чем изобретение чего-либо нового [19, p. 3]. Заимствование успешного европейского опыта представляется бывшему верховному представителю более оптимальным вариантом развития для недостаточно преуспевших регионов мира.

Своей приверженностью идее образцовой державы стал особенно известен глава МИД Великобритании в правительстве Гордона Брауна Дэвид Милибэнд. Основная идея известной речи Милибэнда, произнесенной в Брюгге в 2007 г., состоит в том, что Европа должна стать не супердержавой, а именно моделью ("model power"), за которой следуют другие [15]. Являясь клубом, привлекательным для многих, считает Милибэнд, ЕС способен создавать мировые стандарты, развивать общие ценности, убеждать другие страны играть по своим правилам. Сила Евросоюза как идеи и модели очевидна для Милибэнда в связи с желанием многих стран вступить в Евросоюз либо стремлением подражать ему.

Дэвид Милибэнд выделяет четыре ключевых принципа, которым ЕС должен следовать, чтобы усилить свою роль в качестве державы-модели.

1. Сохранять открытость миру. Держава-модель XXI в. должна смотреть широко и быть открыта в отношении новых идей, торговли, инвестиций и т. д. Милибэнд выражает свою мысль словами Ж. М. Баррозу: "глобальная Европа должна быть открытой Европой" [15].

2. Использовать силу общих институтов и совместных действий для формирования общих ценностей с целью преодоления религиозных, региональных и культурных разделительных линий, особенно с исламским миром. "ЕС сам по себе представляет триумф общих ценностей", – отмечает Милибэнд, однако теперь Союз должен принять активное участие в формировании таких ценностей в отношении более широкого географического района. Этого можно достигнуть, считает он, только через создание общих институтов, через участие в совместных действиях, а также через продолжение политики расширения.

3. Играть лидирующую роль в предотвращении конфликтов. Надежным способом предотвращения конфликтов Милибэнд вновь считает отстаивание общечеловеческих принципов мира, демократии, прав человека, международного права. Европа как держава-модель должна, по его мнению, руководить процессом выработки общих правил управления международной системой и доказывать на практике свою способность достигать результатов в области предотвращения конфликтов.

4. Заботиться о защите окружающей среды. ЕС должен ограничить выбросы углеродов в атмосферу и стать экологическим союзом. Евросоюз уже заявил о себе как о державе-модели в области борьбы с глобальными изменениями климата, задавая тон в этой сфере, определяя стандарты и подталкивая других к их соблюдению, констатирует британский государственный деятель.

Таким образом, являясь открытой привлекательной моделью, опирающейся на общечеловеческие принципы и силу своих институтов, инициируя общие действия, играя активную роль в предотвращении конфликтов и защите окружающей среды, ЕС, по мнению Д. Милибэнда, может достигнуть впечатляющих успехов.

Заключение

Таковы основные идеи концепции моделирования в исследованиях ЕС. Рассматриваемые внешнеполитические механизмы являются непрямыми формами воздействия Евросоюза и не предполагают активных действий со стороны Брюсселя. Этот факт, безусловно, не означает, что ЕС отрицает энергичные методы влияния на окружающую среду. Региональные инициативы поддерживаются Брюсселем через инструменты экономической и технической помощи, политического диалога, межрегиональных соглашений, обмена опытом и т. д. Европейская стратегия распро-

странения норм представляет из себя сочетание множества методов, дополняющих друг друга. Она не исключает и применение негативных форм "внешнего подкрепления" в крайних случаях.

Выбор ЕС в пользу тех или иных механизмов трансформации третьих стран зависит от характера взаимоотношений с ними. Так же и структура, которую ЕС желает трансформировать, обуславливает стратегию распространения норм. Главные условия, наличие которых необходимо для успешного моделирования, прежде всего, следующие:

1) привлекательность европейской модели в глазах третьих стран;

2) их желание меняться и воспроизводить модель ЕС;

3) заинтересованность третьих стран в развитии привилегированных отношений с ЕС.

Таким образом, рассмотренные механизмы не являются универсальными. Они могут быть эффективны для одной страны, но не достигать своих целей в отношении другой. Их результативность различна в тех или иных ситуациях и во многом зависит от восприятия ЕС в третьих странах. Успешное применение имитации возможно только в той среде, в которой модель обладает высокой степенью привлекательности и авторитетности, а наблюдатель открыт по отношению к новым идеям, готов встать на путь реформ и следовать за моделью. При таком сценарии европейские нормы воспринимаются наблюдателем как возможность трансформировать свою идентичность, изменить ее к лучшему. Следовательно, модели нет необходимости прибегать к принуждению.

Наоборот, глубокие различия между ролевой моделью и наблюдателем, недоверие между ними и неприятие ими друг друга осложняют процесс социального обучения. В такой среде инфицирование остается малопродуктивным. Вступает в игру принуждение и наказание. Имитирование при таком сценарии развития событий может также продолжать использоваться.

Несмотря на некоторые аналитические недостатки концепции моделирования и определенные сложности, возникающие при ее реализации, рассматриваемые механизмы нашли широкое распространение в европейской внешнеполитической практике. Данные методы являются наиболее благоприятными для процесса диффузии норм, так как открывают возможности для развития процесса социального обучения между моделью и наблюдателем и позволяют более эффективно менять интересы и предпочтения последнего [6, p. 562]. В результате, сегодняшняя международная политика ЕС "имеет больше отношения к биологии воспроизводства, инфицированию и осмосу, нежели к физике силы, действию и противодействию..." [16, p. 105].

Литература

1. Alston P., Weiler J. H. An Ever Closer Union in Need of a Human Rights Policy // *European Journal of International Law*. 1998. Vol. 9. P. 658 – 723.
2. Bandura A. *Social Learning Theory*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1977. 247 p.
3. Bandura A., Ross D., Ross S. Vicarious Reinforcement and Imitative Learning // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1963. Vol. 67:6. P. 601 – 607.

4. Bilal S. Can the EU Be a Model and a Driving Force for Regional Integration in Developing Countries? Paper presented at the Second Annual Conference of the Euro-Latin Study Network on Integration and Trade, Italy, October 29 – 30, 2004.
5. Borosso J. M. Shared Challenges, Shared Futures: Taking Neighborhood Policy Forward / Speech 07/502 by the President of the European Commission delivered at the European Neighbourhood Policy Conference. Brussels, 3 September 2007.
6. Checkel J. T. Why comply? Social Learning and European Identity Change // International Organization. 2001. Vol. 55:3. P. 553 – 588.
7. Duchene F. The European Community and the Uncertainties of Interdependence // A Nation Writ Large? Foreign Policy Problems before the European Communities; ed. by M. Kohnstamm and W. Hager. London: Macmillan, 1973. P. 1 – 21.
8. Eriksen E. O. The EU – a Cosmopolitan Polity? // Journal of European Public Policy. 2006. Vol. 13:2. P. 252 – 269.
9. European Commission 1995: 5. European Community Support for Regional Economic Integration Efforts Among Developing Countries (COM (95) 219).
10. Ferreira-Pereira L. C. Human Rights, Peace, and Democracy: Is “Model Power Europe” a Contradiction in Terms? // The Foreign Policy of the European Union. Assessing Europe’s Role in the World; ed. by F. Bindi. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2010. P. 290 – 302.
11. Forsberg T. Normative Power Europe (Once More): A Conceptual Clarification and Empirical Analysis. Paper Prepared for Presentation at the Annual Convention of the International Studies Association. New York, 15 – 18 February 2009. 24 p.
12. Leonard M. Why Europe Will Run the 21st Century. London: Fourth Estate, 2005. 176 p.
13. Manners I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // Journal of Common Market Studies. 2002. Vol. 40:2. P. 235 – 258.
14. Maull H. W. Europe and the New Balance of Global Order // International Affairs. 2005. Vol. 81:4. P. 775 – 799.
15. Miliband D. Europe 2030: Model Power not Superpower. Speech by MP Foreign Secretary to the College of Europe, Bruges, 15 November 2007.
16. Nicolaidis K. The Power of the Superpowerless // Beyond Paradise and Power: Europe, America, and the Future of a Troubled Partnership; ed. by T. Lindberg. New York: Routledge, 2004. P. 93 – 120.
17. Nicolaidis K. ‘This is my EUtopia...’: Narrative as Power // Journal of Common Market Studies. 2002. Vol. 40: 4. P. 767 – 792.
18. Rosecrance R. The European Union: A New Type of International Actor // Paradoxes of European Foreign Policy; ed. by J. Zielonka. The Hague, London, Boston: Kluwer Law International, 1998. P. 15 – 23.
19. Solana J. Shaping an Effective EU Foreign Policy. Speech by EU High Representative for the Common Foreign and Security Policy, Brussels, Konrad Adenauer Foundation, 24 January 2005.
20. Zielonka J. Europe as a Global Actor: Empire by Example? // International Affairs. 2008. Vol. 84:3. P. 471 – 484.

Информация об авторе:

Игумнова Людмила Олеговна – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, lyudmila_igum@mail.ru.

Lyudmila O. Igumnova – Candidate of History, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of World History and International Relations, Irkutsk State University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

УДК 94(438)081"1933"

«ЧЕРНОЕ КРОВАВОЕ ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ» В ЛОДЗИ 9 АПРЕЛЯ 1933 Г.

С. В. Кретинин

“BLACK BLOODY PALM SUNDAY” IN LODZ, 9 APRIL 1933

S. V. Kretinin

В статье анализируется малоизвестное событие в истории Польши – «Черное Кровавое Вербное воскресенье» в городе Лодзь, произошедшее 9 апреля 1933 г. По данным германских архивов автор анализирует предпосылки, ход и последствия «Кровавого воскресенья», его влияние на межнациональные отношения в Польше, в частности, на взаимоотношения немецкого и еврейского меньшинства. В ходе работы над темой были получены выводы о провокационном характере событий 1933 г. в Лодзи. Главным победителем стал нацистский режим в Германии, который искусно использовал фактор антисемитизма в Польше как почву для сближения с режимом санации.

The paper examines the little-known event in the history of Poland – “Black Bloody Palm Sunday” in Lodz, which took place on April 9, 1933. According to the German archives, the author analyzes the prerequisites, course and consequences of the “Bloody Sunday” and its impact on inter-ethnic relations in Poland, specifically the relations of German and Jewish minorities. The findings reveal the provocative nature of the 1933 events in Lodz.

Ключевые слова: история Польши, история Германии, Лодзь, национал-социализм, антисемитизм, Вторая мировая война, холокост.

Keywords: history of Poland, history of Germany, Lodz, national socialism, anti-semitism, World War II, Holocaust.

В год 70-летия победы Советского Союза в Великой Отечественной войне весьма актуальным представляется обращение к предыстории Второй мировой войны, связанной с такой ее трагической историей, как массовые репрессии против лиц еврейской национальности. Холокост является устоявшимся историографическим трендом, вокруг которого сложились целые научные школы и направления. Гораздо меньше исследованы сами предпосылки холокоста, исторические условия возникновения и реализации этой преступной программы в отдельных европейских регионах, в частности, в Польше. В данной статье предпринята попытка исторического анализа одного из таких событий, вошедших в историографию как «Черное Кровавое Вербное воскресенье» в Лодзи.

Победа нацистов во главе с их одиозным лидером А. Гитлером была по-разному воспринята в соседних странах, особенно в Польше. Дело в том, что именно «кровотокающая граница» с бывшими германскими Восточными территориями была внешнеполитической проблемой «номер один» Германии. Гитлер обещал ее решить, чем привлек на свою сторону немцев по обе стороны германо-польской границы.

После 1918 г. до 1,7 млн немцев оказалось в польской Второй Республике на положении национально-го меньшинства, по отношению к которому проводилась репрессивная политика колонизации и разнечивания [3, с. 51]. Долгое время немецкие политики охотно сотрудничали с еврейскими, поскольку обе национальности испытывали репрессии со стороны режима санации (в Польше проживало около 3 млн евреев). Также следует иметь в виду, что в 1933 г. большинство немцев не верили антифашистам, предупреждавшим о преступном, бесчеловечном характере национал-социалистического режима в Германии, его агрессивных планах, планах «расового очищения» и истребления неарийцев. Поэтому вполне понятно, что приход Гитлера к власти вызвал поло-

жительную реакцию среди немцев в Польше. Часть из них попала под влияние националистической пропаганды нацистов, идей реванша, мести полякам.

Это было одной из форм легального давления на режим Ю. Пилсудского, который не горел желанием идти на уступки Гитлеру и местным немцам. Со своей стороны, нацисты всячески подталкивали своих соотечественников за границей к более активным действиям. Они рассчитывали дестабилизировать обстановку в Польше и вынудить режим санации к изменению политики. Весна – лето 1933 г. – время резкого обострения ситуации на западных польских территориях, населенных немцами.

По донесениям в германский МИД в марте 1933 г. в Поморье стали появляться провокационные материалы на польском языке о скором вступлении в регион германских войск. В городке Путцинг (Пущк) распространялись листовки: «Прочь из Польши!», «Да здравствует Гитлер!». Это привело к арестам местных немцев, а также кашуба. Один человек был забит польскими полицейскими до смерти [14, вл. 352].

Репрессии против этнических немцев, заподозренных в связях с нацистами, не способствовали межнациональному миру внутри Польши. Осознанно или нет, но режим санации делал местных немцев мишенями националистических нападок и атак. Наиболее резонансной среди антинемецких акций 1933 г. стало так называемое «Черное кровавое Вербное воскресенье» 9 апреля 1933 г. в Лодзи.

Город Лодзь, «польский Манчестер», был одним из немногих центров Второй Республики, где относительно спокойно сосуществовали и взаимодействовали представители различных национальностей. Расположенная в 120 км юго-восточнее Варшавы Лодзь еще в первой трети XIX в. стала одним из крупных промышленных центров тогда еще Российской империи, во многом благодаря немецким и еврейским поселенцам. Треть населения города составляли евреи и

немцы, занятые в промышленности, банковском секторе, ремесленном производстве, издательской и типографской деятельности [9, с. 95; 10, с. 124].

В городе и его окрестностях сложилась особая еврейско-немецкая урбанизированная субкультура «лодзинцев». Лодзинские немцы были в массе своей чужды национал-социалистической идеологии, настроенно восприняли приход Гитлера к власти. Тем не менее им не удалось сохранить взаимопонимание с представителями еврейской и польской общин.

Германские нацисты считали именно евреев главными противниками и виновниками кризисного состояния Германии и Европы в целом. Антисемитская политика, в частности, «аризация» собственности, запрет быть госслужащими лицам неарийского происхождения, вынуждение евреев к эмиграции в Палестину, вызвала волну протестов в Польше. После того, как с 1 апреля 1933 г. развернулась кампания бойкота еврейских магазинов, «которой дирижировал Геббельс» [1, с. 92 – 93], в Лодзи еврейские объединения призвали к бойкоту германских товаров.

Апофеозом немецко-еврейского противостояния стали события 9 апреля 1933 г. – так называемого «Кровавого Вербного воскресенья», когда в Лодзи и других городах Средней Польши прошли анти-немецкие акции. Высшей точкой «Кровавого воскресенья» стала демонстрация перед германским консульством в Лодзи с надругательством над нацистскими символами, а также штурм немецкой гимназии, офиса издательства «Либертас», редакций немецких газет. Лидер лодзинских немцев А. Утта обвинил в нападении польских экстремистов, которых активно подстрекали представители лодзинской Сионистской организации во главе с Д. Розенблаттом [12, с. 241].

Вопрос о степени виновности в событиях «Черного кровавого пальмового воскресенья» до сих пор остается дискуссионным в историографии. Так, В. Чу констатирует, что немецкая националистическая пресса возложила вину за произошедшее исключительно на евреев. При этом не принимается в расчет, что активную роль в погромах сыграли не только еврейские экстремисты, но и польская радикальная организация Союз обороны западных границ (Związek Obrony Kresów Zachodnich). Сами события «кровавого воскресенья» Чу склонен трактовать как провокацию, результатом которой воспользовались сторонники германских национал-социалистов. Автор пишет, что «хотя лидер Немецкой народной партии Август Утта и получил разъяснения от Розенблата, он все равно остался при своем мнении о роли Сионистской организации в событиях» [6, с. 250; 9, с. 214 – 215].

По данным внешнеполитического ведомства НСДАП главными зачинщиками беспорядков в Лодзи являлись евреи. Вот что сообщал в Берлин о событиях 9 апреля информатор из Лодзи: «Вчера, в Вербное воскресенье, местное еврейство организовало оргию против Германии и всего немецкого. После сходки в кинотеатре, около 500 поляков, подкупленных евреями, вооружились палками и шестами и бросились громить редакцию «Lodzer Zeitung»... Они были остановлены полицией. Тогда руководивший ими еврей скомандовал двигаться к редакции «Freie Presse» [8, вл. 4].

Тот же источник сообщал о лозунгах Польско-еврейского комитета в Лодзи в апреле 1933 г.: «Прусская гидра... готова к новым преступлениям... за свою собственную немецкую бандитскую культуру! Мы призываем все польское население к бойкоту врага! Ни одного польского злого не должно попасть в Германию! Покончим с немецкими изданиями, которые провоцируют наши национальные чувства! Превратим Лодзь в город польских интересов и польской государственности» [8, вл. 1].

Антисемитские обвинения мы находим также в донесениях германского консульства в Лодзи, к которому были приложены фотографии с мест погромов. Источник доносил 30 мая 1933 г. в Берлин, что в нападениях на немецкую гимназию, «Deutsche Genossenschaftsbank» и редакцию «Freie Presse» были задействованы преимущественно евреи, составлявшие до 80 % нападавших [14, вл. 43]. Аналогичные донесения поступали из германского генерального консульства в Познани [14, вл. 388].

Германские нацисты разыгрывали национальную карту в Польше, стремясь столкнуть поляков и евреев. Национал-социалистическая агентура, в том числе и из польских немцев, активно распространяла дезинформацию, порочившую евреев. Так, немец из Лодзи Бернард, отчитываясь о поездке в родной город в январе 1934 г., подчеркивал: «Евреи имеют в Польше куда больше прав, чем немцы. В поезде я слышал рассказы о том, что Пилсудский женат на еврейке, поэтому евреи называют его «наш свекор». Я пересказал это своему старому другу в Лодзи, и он подтвердил, что подобные слухи циркулируют тут уже давно» [8, вл. 92]. Тот же Бернард доносил об успехах своей антисемитской агитации среди польских офицеров. «Один польский офицер сказал мне, что в польских церквях должны дважды в день молиться за Гитлера», – писал он [8, вл. 93].

В отчетах германского консульства в Лодзи, датированных маем 1933 г., фигурировали откровенно антисемитские призывы: «Евреи образуют 17 – 18-миллионную гидру раковой опухоли на теле христианства» [14, вл. 49]. Эти лозунги были адресованы большинству католического населения Польши, и, к сожалению, иногда встречали понимание у местных антисемитов. В ноябре 1938 г. посол Германии сообщал из Варшавы в Берлин: «Проведенная в Германии акция возмездия против еврейства была воспринята польской прессой и польским обществом абсолютно спокойно» [4, с. 110].

Антисемитизм был одной из главных программных идеологием легально действовавшей в Польше Младонемецкой партии, возникшей на базе национал-социалистической организации бывшей австрийской Тешенской Силезии [2, с. 85 – 87]. Еврейскому вопросу был посвящен особый, восьмой пункт программных положений, где подчеркивалось: «Мы отвергаем любое объединение с евреями, поскольку они являются чуждыми нам по крови, расе и происхождению. Поэтому мы не можем назвать ни одного еврея немцем, даже если он сам считает немецкий язык своим родным» [15, с. 23].

Неразрешимость еврейского вопроса младонемцы трактовали в традиционном для национал-социалистов ключе, считая всех евреев материалистами.

При этом они подчеркивали, что стремятся стать идеалистами, живущим по христианским заветам.

Решение еврейского вопроса младонемцы считали одной из важнейших задач польской Второй Республики. Они признавали, что в польском государстве евреи являются такими же полноправными гражданами, как и немцы. В то время как немцы в Германии решают еврейский вопрос в соответствии с расовым учением, поляки не хотят последовать их примеру, и задача немецкого меньшинства в Польше стимулировать польское руководство в этом направлении.

Младонемцы цинично декларировали свое нейтральное отношение к евреям, их объединениям, общественно-политической и культурной жизни. Но при этом они категорически возражали против привлечения евреев к решению общепольских задач. «Мы не хотим учителей-евреев, мы не желаем, чтобы наши девушки находились под общественным еврейским влиянием, мы отвергаем написанные евреями театральные оперы, фильмы, книги и т. п., не из-за того, что думаем, что они в принципе плохи, а потому, что они нам в принципе являются чуждыми, и мы не желаем подвергаться воздействию данной продукции» — заявляли младонемцы [15, с. 24 – 25].

Таким образом, с апреля 1933 г. прекратилось сотрудничество немецких и еврейских политических организаций в Польше. Исключение составляли лишь коммунисты и социал-демократы. Последние приняли решение выступить на местных выборах 1934 г. совместно с польскими и еврейскими социалистами. В знак протеста против такой политики Председатель президиума партии немецкой социал-демократии А. Крониг оставил свой пост. Вместе с ним из президиума вышли и его сторонники [11, с. 106].

«Кровавое Вербное воскресенье» знаменовало начало радикализации лодзинских немцев, которые, как и немцы в других регионах Польши, стали все больше поддаваться националистической агитации и пропа-

ганде, ощущать себя скорее немцами, нежели немецкоязычными гражданами Польской республики. Этим фактором активно пользовались в нацистской Германии, разжигая среди польских немцев ненависть и вражду к другим национальностям, в первую очередь — к евреям и полякам.

Антинемецкие волнения охватили в марте — апреле 1933 г. и районы Польши: Познань и Поморье. Здесь повсеместно проходили акции протеста, массовые польские собрания под анти-нацистскими и анти-немецкими лозунгами. К сожалению, слова «нацист» и «немец» все чаще использовались как синонимы. Немцы воспринимались в польском общественном сознании негативно, как «белокурая бестия», которая несет в себе шпенглеровский идеал «прусской беспощадности и агрессивности» [8, вл. 179].

Одним из проявлений антинемецких настроений стал бойкот германских и данцигских товаропроизводителей. В качестве ответной меры был создан Немецкий комитет помощи торговым и ремесленным объединениям, который обратился с призывом (1933 г.) оказывать помощь немецким товарищам в Польше и бойкотировать польских потребителей: «Ни одного поляка в немецких магазинах!» [8, вл. 390].

Таким образом, события 9 апреля 1933 г. стали одним из первых открытых проявлений воинствующего антисемитизма за пределами Германии. Не поощряя открыто репрессии в отношении еврейства, режим санации на деле не предпринимал никаких серьезных мер для смягчения межнациональных противоречий. Закономерным следствием такой политики стало Кровавое воскресенье в Лодзи. Не будет преувеличением констатировать, что это событие стало одной из отправных точек к политике геноцида в отношении евреев, а также поляков и других национальностей, которую проводили нацисты в годы оккупации Польши во Второй мировой войне.

Литература

1. Ватлин А. Ю. Германия в XX веке. М.: РОССПЭН, 2002. 236 с.
2. Кретинин С. В. Судетские немцы: Народ без родины, 1918 – 1945 гг. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2000. 320 с.
3. Кретинин С. В. Польша для поляков: политика полонизации и разнемецивания в Польской республике в первой половине 1920-х гг. // Вестник Воронежского государственного университета. (Серия: История. Политология. Социология). 2014. № 1. С. 51 – 57.
4. Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918 – 1945. Ser. D. Göttingen, 1984. Bd. 2.
5. Blachetta-Madajczyk P. Klassenkampf oder Nation? Deutsche Sozialdemokratie in Polen 1918 – 1939. Düsseldorf: Droste, 1997. 305 s.
6. Breyer R. Das Deutsche Reich und Polen, 1932 – 1937. Außenpolitik und Volksgruppenfragen. Würzburg, 1955.
7. Broszat M. «Jungdeutsche Partei» und «Deutsche Vereinigung» in Posen- Pommerellen // Gutachten des Instituts für Zeitgeschichte. München, 1958. S. 404 – 407.
8. Bundesarchiv: Abteilung Reich und DDR zusammen mit Stiftung Archiv der Parteien und Massenorganisationen der DDR. Berlin. NS 43 / 30 – 31 / Fol. 1
9. Chu W. W. Metropole der Minderheit: Die Deutschen in Lodz und Mittelpolen 1918 – 1939 // Die «Volksdeutschen» in Polen, Frankreich, Ungarn und der Tschechoslowakei. Mythos und Realität. Osnabrück: Fibre-Verlag, 2006. S. 95 – 112.
10. Chu Winson. The German Minority in Interwar Poland. Cambridge University Press: Cambridge, New York, Melbourne, Madrid, Cape Town, Singapore, Sao Paulo, Delhi, Mexico City. 2012. 320 p.
11. Heike O. Die deutsche Arbeiterbewegung in Polen 1835 – 1945. Dortmund: Ostdeutsche Forschungsstelle, 1969.
12. Kosmala B. Lodzer Juden und Deutsche im Jahr 1933. Die Rezeption der nationalsozialistischen Machtübernahme in Deutschland und ihre Wirkung auf das Verhältnis von jüdischer und deutscher Minderheit // Polen, Deutsche und Juden in Lodz 1820 – 1939. Eine schwierige Nachbarschaft. Osnabrück, 1999.

13. Kotowski A. Polens Politik gegenüber seiner deutschen Minderheit 1919 – 1939. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1998. 385 s.
14. Politisches Archiv des Auswärtigen Amts Berlin. VI Po. Politik 25- Polen. R 82210.
15. Rettung oder Untergang! Der Kampf der Jungdeutschen Partei um den Aufbau des Deutschtums in Schlesien. Kattowitz, 1935. 31 s.

Информация об авторе:

Кретинин Сергей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории средних веков и зарубежных славянских народов Воронежского государственного университета, kre-sv@yandex.ru.

Sergey V. Kretinin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of History of the Middle Ages and Foreign Slavic Peoples, Voronezh State University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

УДК 94 (4+7)

ОТНОШЕНИЕ США К СОЗДАНИЮ ЕЭС и ЕАСТ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

О. Г. Лекаренко

THE ATTITUDE OF THE USA TO THE CREATION OF EEC AND EFTA: COMPARATIVE ANALYSIS

O. G. Lekarenko

В середине 1950-х гг. страны Западной Европы обсуждали следующие варианты дальнейшего развития своего регионального экономического взаимодействия: углубление процесса европейской интеграции путем создания таможенного союза или расширение межправительственного сотрудничества через формирование зоны свободной торговли. Разница подходов в Великобритании и странах континентальной Европы к данному вопросу привела к образованию двух экономических группировок: Европейского экономического сообщества и Европейской ассоциации свободной торговли. В статье на основе анализа американских дипломатических документов рассматривается отношение США к созданию обеих экономических группировок. Выявляются причины, по которым правительство США отдавало предпочтение учреждению таможенного союза (ЕЭС), а не созданию зоны свободной торговли (ЕАСТ). Поскольку в данный период в американской политике по отношению к европейской интеграции преобладали политические мотивы, связанные с укреплением западного блока и «сдерживанием» Германии, администрация США поддержала создание ЕЭС в расчете на усиление политического единства стран Западной Европы.

In the middle of the 1950s the countries of Western Europe discussed the following options for further development of their regional economic cooperation: deepening of the European integration process via creation of customs union or widening of inter-governmental cooperation through the formation of free trade area. Existence of different approaches in Great Britain and the countries of continental Europe to that issue led to the establishment of two economic groupings: European Economic Community and European Free Trade Association. On the basis of analysis of American diplomatic documents, this paper examines the USA's attitude to the creation of both economic groupings. It defines the reasons why the US government had made preference to the establishment of customs union (EEC), but not to the creation of free trade area (EFTA). Because in that period in the American policy towards European integration the political motives connected with the strengthening of Western block and containment of Germany prevailed, the US administration supported the creation of EEC as a way to strengthen the political cohesion of the countries of Western Europe.

Ключевые слова: внешнеэкономическая политика США, европейская экономическая интеграция, ЕАСТ, ЕЭС, зона свободной торговли, таможенный союз.

Keywords: US foreign economic policy, European economic integration, EFTA, EEC, free trade area, customs union.

После окончания Второй мировой войны Соединенные Штаты выступили инициатором построения нового мирового экономического порядка, основанного на принципах либерализации мировой торговли и развития многосторонних торговых отношений. По мнению американских экспертов, увеличение экспорта американских товаров на мировых рынках должно было стимулировать рост экономики США, а высокая степень экономической взаимозависимости государств могла послужить гарантией против возникновения нового мирового конфликта. В построении нового мирового экономического порядка Соединенные Штаты опирались на опыт политики «нового курса»

по созданию регулирующих специализированных институтов, которые должны были поддерживать создаваемые политические и экономические режимы. Первым шагом на пути к формированию международных торговых и финансовых институтов стало учреждение в 1944 г. Международного валютного фонда (МВФ) и Международного банка реконструкции и развития (МБРР).

Сокращение тарифов и устранение количественных ограничений в международной торговле были частью общего плана по созданию нового мирового экономического порядка. Однако поскольку его архитекторы считали первостепенной задачей создание

стабильной международной валютно-финансовой системы, формирование международных торговых институтов происходило более медленными темпами. В ноябре 1947 г. по инициативе США была созвана конференция в Гаване с целью принятия устава международной торговой организации, регулирующей международную торговлю. Так как в 1948 г. в США заканчивался срок действия Закона о торговых соглашениях на основе взаимности, параллельно с принятием устава международной торговой организации администрация США также инициировала проведение переговоров по вопросу о сокращении тарифов. Переговоры, в которых участвовали 23 государства, проходили в Женеве. После того как стало ясно, что конгресс США не готов ратифицировать устав международной торговой организации, опасаясь слишком большой степени регулирования внешнеэкономической политики страны, роль такой организации стало играть подписанное в Женеве 23 октября 1947 г. Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ).

Генеральное соглашение по тарифам и торговле обеспечивало комплекс правил и процедур, которыми должны были руководствоваться государства в международной торговле. Они включали отсутствие дискриминации, принцип наибольшего благоприятствования в отношении стран, подписавших соглашение, урегулирование торговых споров на взаимовыгодной основе, продвижение свободной торговли путем переговоров, основанных на принципах взаимности и многосторонности. Создание ГАТТ способствовало либерализации мировой торговли. В его рамках происходило обсуждение на многосторонней основе вопросов о сокращении тарифов во взаимной торговле. Торговые уступки, согласованные в рамках данного соглашения, было сложнее отменить, чем уступки, предоставленные на двусторонней основе [4, р. 1 – 2].

Так как обстановка в послевоенной Европе не способствовала построению либерального экономического порядка без активного воздействия извне, правительство США предоставило крупную финансовую помощь странам Западной Европы для послевоенного восстановления их экономик (план Маршалла). Наряду с этим Соединенные Штаты поддерживали развитие интеграционных процессов в регионе. Создание региональной интеграционной группировки в Европе рассматривалось американскими политиками как переходный этап на пути к развитию многосторонних торговых отношений. Европейская интеграция должна была способствовать ускорению процесса экономического восстановления стран Западной Европы и созданию крупного экспортного рынка для американских товаров. К экономическим мотивам поддержки европейской интеграции добавлялись политические мотивы, такие как «сдерживание» послевоенной Германии и консолидация западноевропейских стран в рамках создаваемого западного военно-политического блока.

Развитие западноевропейской экономической интеграции соответствовало задачам и нормам Генерального соглашения по тарифам и торговле. Статья 24 Устава ГАТТ нацеливала его участников на либерализацию торговли путем развития более тесной интеграции через создание таможенных союзов или зон свободной торговли. Согласно нормам ГАТТ по-

шлины и другие торговые ограничения, устанавливаемые при учреждении таможенных союзов или зон свободной торговли, не должны были превышать пошлины и другие торговые ограничения, действовавшие накануне создания таких объединений.

Старт европейской интеграции был дан в начале 1950-х гг. с учреждением Европейского объединения угля и стали (ЕОУС). Участниками первого интеграционного объединения в Европе стала «шестерка» стран, в которую входили Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Голландия и Люксембург. В то время политика США в отношении новых европейских структур носила еще достаточно неопределенный характер. В госдепартаменте США рассматривались варианты либо поддержать максимальное сближение стран «шестерки», либо подталкивать их к более тесному сотрудничеству с другими государствами региона. Американские политики, однако, признавали, что создание интеграционной группировки в Европе является лучшим средством устранения противоречий между Францией и Германией, а также примирения быстрого экономического восстановления Германии с интересами безопасности других европейских стран.

1 – 2 июня 1955 г. страны «шестерки» провели конференцию в Мессине, которая дала новый старт развитию процесса европейской интеграции. Участники встречи приняли решение учредить специальный комитет во главе с П.-А. Спааком для обсуждения дальнейших планов углубления экономического сотрудничества стран-членов ЕОУС. Председатель Верховного органа ЕОУС Ж. Монне выступал в пользу развития секторальной (или функциональной) модели интеграции, которая предполагала перенесение опыта ЕОУС на другие секторы экономики, такие как транспорт и энергетика. Другой проект был выдвинут странами Бенилюкса, и предполагал создание таможенного союза стран, входящих в ЕОУС, как первого шага на пути к построению Европейского экономического союза. По мнению министра иностранных дел Бельгии П.-А. Спаака, создание таможенного союза должно было идти рука об руку с развитием институтов наднациональной власти и со временем привести к политическому единению Европы [9, р. 375, 378, 394 – 395]. Заседания комитета Спаака проходили в Брюсселе.

Администрация США внимательно следила за ходом Брюссельских переговоров. Незадолго до проведения конференции в Мессине госдепартамент США направил телеграммы американским представителям в Западной Европе, в которых подчеркивалось, что «госдепартамент с интересом и симпатией наблюдает за европейскими инициативами по развитию европейской интеграции на основе ЕОУС. Именно наднациональный характер ЕОУС отличает его от других форм сотрудничества и прокладывает дорогу к созданию по-настоящему политически и экономически интегрированной организации стран-членов, особенно Франции и Германии, от которой зависит благосостояние, сила и безопасность Атлантического сообщества» [7, р. 290]. С целью поддержать процесс, начавшийся в Мессине, в октябре 1955 г. по совету Ж. Монне администрация Д. Эйзенхауэра приняла решение об учреждении отдельного от других организаций американского представительства в ЕОУС, что

подчеркивало американскую поддержку европейской интеграции в противовес межправительственному сотрудничеству. В 1956 г. У. Баттерворт был назначен официальным представителем США в ЕОУС в ранге посла и прибыл в Люксембург [14, р. 108 – 110].

Правительство Великобритании, которое направляло на переговоры в Брюсселе своего наблюдателя, уже в ноябре 1955 г. решило отозвать его обратно. В то время британские политики отвергали любые планы развития европейской интеграции, которые выходили за рамки традиционного межгосударственного сотрудничества и предполагали уступку части национального суверенитета в пользу создания институтов наднациональной власти. К тому же послевоенное экономическое развитие Великобритании определялось ее заморскими, внеевропейскими позициями: накоплениями английского капитала в странах империи и Содружества, наличием стерлинговой зоны и системы имперских преференций, к которым большинство этих стран принадлежало. По мнению британских политиков, участие Великобритании в планах региональной интеграции наряду с другими государствами континентальной Европы ограничило бы ее свободу действий в других частях света и ослабило бы там ее влияние [2, с. 118].

В Форин офисе были уверены в том, что после провала планов создания Европейского оборонительного сообщества (ЕОС) страны «шестерки» не способны преуспеть в новом масштабном интеграционном проекте и ошибочно полагали, что новый старт в развитии европейской интеграции будет обречен на провал, как только Великобритания покинет переговоры. Британские чиновники считали, что вопрос о снижении таможенных тарифов и другие торговые проблемы должны обсуждаться в учрежденной в 1948 г. по плану Маршалла Организации Европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС). В противном случае Великобритания и другие страны могли столкнуться с дискриминацией своих товаров на рынках «шестерки». Перенос обсуждений в рамки ОЕЭС, в которой Великобритания занимала лидирующие позиции, мог способствовать налаживанию более широкого европейского экономического сотрудничества, но без создания таможенного союза, и таким образом сорвать планы «шестерки» [3, р. 21 – 22].

Правительство Великобритании стремилось заручиться американской поддержкой, для чего в ноябре 1955 г. отправило письмо госсекретарю США Дж. Ф. Даллесу. В нем говорилось о несовместимости планов «шестерки» с американской политикой либерализации мировой торговли и подчеркивалось, что создание таможенного союза приведет к увеличению дискриминации американских товаров на европейских рынках. Надежды британских политиков оказались несостоятельными. В ответном письме Дж. Ф. Даллес заметил, что Соединенные Штаты не видят особой опасности в пересечении функций Общего рынка и ОЕЭС и будут и дальше по политическим соображениям поддерживать «шестерку» в ее планах, несмотря на то, что проект создания таможенного союза содержит в себе некоторые элементы протекционизма [7, р. 362 – 363].

Вопросы европейской интеграции были затронуты в ходе короткого визита премьер-министра Великобритании А. Идена и министра иностранных дел С. Ллойда в Вашингтон в конце января – начале февраля 1956 г. Британские политики еще раз попытались убедить американцев в том, что создание странами «шестерки» таможенного союза скорее приведет к расколу, чем укреплению единства Западной Европы. Однако, по мнению госдепартамента, обычное межправительственное сотрудничество не могло решить проблему франко-германского примирения и органично связать ФРГ с Западом. В ходе переговоров американские политики выразили сожаление по поводу прохладного отношения Великобритании к планам «шестерки» и подчеркнули, что ради успеха европейской интеграции США и Великобритания должны принести в жертву свои национальные экономические интересы [6].

Страны «шестерки», убедившись в отрицательном отношении Великобритании к созданию таможенного союза, решили действовать без нее. В мае 1956 г. был представлен доклад комитета Спаака, ставший основой для разработки текстов соответствующих договоров о создании Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом). План создания ЕЭС предполагал формирование в течение 12 – 15 лет таможенного союза. Параллельно с постепенной ликвидацией внутренних торговых барьеров планировалось введение единого внешнего тарифа и формирование единой внешнеэкономической политики. Администрация США приветствовала утверждение доклада комитета Спаака и выразила свое желание быть информированной о дальнейшем ходе переговоров и конкретных деталях создания Общего рынка. Американцев особенно интересовали такие вопросы, как уровень единого внешнего тарифа, квоты сообщества на импортируемые товары и сельскохозяйственная политика [7, р. 450 – 453]. Недавно учрежденному специальному подкомитету при Совете по внешнеэкономической политике было поручено оценить степень влияния европейского Общего рынка на американскую экономику и внешнюю торговлю.

Когда надежды Великобритании на срыв переговоров о создании ЕЭС окончательно провалились, перед британскими политиками встала неотложная задача предложить альтернативный план, который защитил бы экономические интересы Великобритании и мог заменить или существенно затормозить планы «шестерки» по созданию Общего рынка. Альтернативный план должен был способствовать дальнейшему сокращению торговых барьеров в Европе, но на общеевропейской основе, и одновременно уменьшить критику в адрес европейской политики Великобритании со стороны США. В октябре 1956 г. Великобритания выдвинула предложение о создании зоны свободной торговли промышленными товарами, включающей страны «шестерки» и остальные государства-члены ОЕЭС. В отличие от плана создания таможенного союза британский проект не предполагал введение единого внешнего тарифа, согласование внешнеэкономической политики стран-членов и учреждение наднациональных институтов. Великобритания рассчитывала убедить страны «шестерки» при-

остановить переговоры о создании Общего рынка до начала переговоров о создании зоны свободной торговли.

К 15 ноября 1956 г. американские эксперты подготовили отчет «Влияние региональной экономической интеграции на американскую торговлю и другие экономические интересы». В документе подчеркивалось, что дальнейшее развитие европейской интеграции будет способствовать экономическому и политическому сближению стран Западной Европы, укреплению единства стран-членов НАТО, увеличению европейской безопасности и росту благосостояния европейских граждан. В числе нежелательных экономических последствий от создания Общего рынка отмечалось введение высокого единого внешнего тарифа ЕЭС и количественных ограничений на импорт из третьих стран. В качестве противовеса созданию замкнутой региональной экономической группировки в Европе рекомендовалось использовать механизмы ГАТТ. Авторы отчета указывали, что развитие европейской экономической интеграции должно быть совместимым с такими целями американской политики, как свобода торговли, развитие многосторонних отношений, установление конвертируемости основных валют [7, р. 482 – 486].

В силу своих «особых» отношений с Великобританией правительство США проявляло осторожность в официальных оценках британского плана. Не вдаваясь в детали британского предложения, администрация США в принципе одобрила план создания зоны свободной торговли и стремление Великобритании установить более прочные экономические и политические связи со странами континентальной Европы. В заявлении госдепартамента от 15 января 1957 г. говорилось о том, что США приветствуют оба проекта региональной интеграции – Общий рынок и зону свободной торговли, которые способствуют развитию многосторонних торговых отношений и укреплению Атлантического блока [5, р. 126 – 128].

С экономической точки зрения британский проект больше соответствовал американским представлениям о создании нового мирового экономического порядка. Зона свободной торговли должна была охватить все европейские страны-члены ОЕЭС и не создавала серьезные препятствия для экспорта американских товаров в Европу в виде единого внешнего тарифа и общей торговой политики. Однако, правительство США, действительно испытывавшее некоторое беспокойство по поводу установления высокого внешнего тарифа странами Общего рынка, все же отдавало предпочтение ЕЭС. Важным преимуществом Общего рынка в глазах американцев было то, что, будучи наделенным наднациональными институтами власти, он имел не только экономические, но и политические задачи. Представители госдепартамента выражали надежду на то, что британское предложение о создании зоны свободной торговли не направлено на подрыв европейской интеграции. Они считали, что выдвижение британского плана не должно замедлить завершение Брюссельских переговоров и помешать созданию Общего рынка, вокруг которого в дальнейшем может быть организована более широкая европейская торговая зона [7, р. 534 – 536].

25 марта 1957 г. в Риме были подписаны договоры о создании ЕЭС и Евратома. Переговоры о создании европейской зоны свободной торговли начались только в октябре 1957 г., то есть после подписания и ратификации Римских договоров. Администрация США приветствовала начало переговоров о создании зоны свободной торговли, желательно с участием всех стран, входящих в ОЕЭС и НАТО, в которой Общий рынок выступал бы как единое целое. Тем временем 1 января 1958 г. Римские договоры вступили в силу, состоялись назначения в высшие руководящие органы ЕЭС и Евратома. США дипломатическими средствами поддерживали становление новых Европейских сообществ и стали первым государством, которое установило с ними дипломатические отношения. 28 февраля 1958 г. представитель США в Европейском объединении угля и стали У. Баттерворт был назначен также представителем в ЕЭС и Евратоме. С этого момента он возглавил единое представительство США в Европейских сообществах, что должно было символизировать прочность американской поддержки европейской интеграции [8, р. 1 – 2, 18]. Американское представительство было переведено из Люксембурга в Брюссель. Его задачами являлось продвижение политики США в отношении европейской экономической и политической интеграции, выполнение представительских функций, сбор информации о работе и институтах сообществ. Представительство отправляло в госдепартамент регулярные обзоры и отчеты обо всех аспектах деятельности Европейских сообществ и их отношениях с государствами-членами и другими государствами, промышленными группами, международными организациями [12].

На переговорах о создании зоны свободной торговли быстро выяснилось, что данный план в том виде, как он был представлен британским правительством, неприемлем для других участников. От создания зоны свободной торговли, в первую очередь, должны были выиграть промышленно развитые страны, такие как Великобритания и ФРГ. Страны с преобладанием аграрного сектора экономики, напротив, не получили бы никаких преимуществ. Изначальная враждебность Франции к британскому проекту, который рассматривался как попытка растворить Общий рынок в более широкой зоне свободной торговли, усилилась после падения в мае 1958 г. режима Четвертой республики и прихода к власти Ш. де Голля. Новый глава французского государства был решительно настроен на то, чтобы блокировать создание зоны свободной торговли. 12 ноября 1958 г. на заседании французского кабинета министров было принято решение о прекращении переговоров. Решение французского лидера соответствовало интересам администрации США, которая на протяжении 1957 – 1958 гг. вежливо поддерживала правительство Великобритании, но не видела особых преимуществ в создании зоны свободной торговли промышленными товарами, что привело бы к дополнительной дискриминации американского экспорта в Западную Европу, но без тех политических выгод, которые связывались с созданием ЕЭС. В декабре 1958 г. переговоры по британскому проекту были окончательно прерваны.

«После провала переговоров о создании европейской зоны свободной торговли правительство Вели-

кобритании вновь столкнулось с проблемой разработки альтернативной политики для минимизации экономических и политических последствий своего исключения из таможенного союза» [1, с. 83]. Возможность создания ассоциации тех западноевропейских государств, которые по тем или иным причинам не стали членами ЕЭС, рассматривалась в Великобритании еще до провала переговоров о создании зоны свободной торговли. 21 февраля 1959 г. состоялась первая встреча стран «семерки» (Австрия, Великобритания, Дания, Норвегия, Португалия, Швейцария и Швеция) на уровне министров. Правительство Великобритании официально поддержало переговоры по созданию будущей Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ) 7 мая 1959 г.

«Создание ЕАСТ рассматривалось британскими правящими кругами не как самоцель, а как путь к развитию европейского экономического сотрудничества на более широкой основе. С помощью ЕАСТ Великобритания надеялась доказать преимущества экономической интеграции, основанной на межправительственном сотрудничестве, и убедить страны «шестерки» принять какой-либо новый вариант первоначального британского предложения о создании зоны свободной торговли. Страны-участницы ЕАСТ подчеркивали, что создание ассоциации является первым шагом на пути к соглашению между всеми странами-членами ОЕЭС, и выражали готовность начать переговоры с ЕЭС, как только сообщество будет к этому готово» [1, с. 83]. Одновременно Великобритания старалась привлечь Соединенные Штаты на свою сторону. С этой целью британские политики в переписке со своими американскими коллегами постоянно подчеркивали протекционистский характер Общего рынка и спекулировали тезисом о расколе Западной Европы на две экономические группировки.

Образование ЕАСТ не противоречило нормам ГАТТ, которые допускали создание таможенных союзов или зон свободной торговли в целях расширения региональной и международной торговли. Правительство США, таким образом, не могло возражать против создания ассоциации. К тому же открытое сопротивление Соединенных Штатов созданию ЕАСТ, могло вызвать серьезные возражения правительств стран «семерки», а предпочтение, оказываемое американскими политиками ЕЭС в противовес ЕАСТ могло быть воспринято как политический выбор между союзниками США по НАТО [11]. Европейская ассоциация свободной торговли создавала меньше препятствий для экспорта американских товаров в Европу, чем Общий рынок. Однако правительство США по политическим соображениям отдавало предпочтение укреплению ЕЭС. В развитие отношений США с Европейскими сообществами в июне 1959 г. состоялся официальный визит глав руководящих органов сообществ в США. Европейскую делегацию возглавляли председатель комиссии ЕЭС В. Хальштейн, председатель Комиссии Евратома Э. Гирш и председатель Верховного органа ЕОУС П. Финэ [8, р. 125]. В ходе визита был рассмотрен вопрос о расширении деятельности информационного офиса ЕОУС в Вашингтоне, который был учрежден еще в 1954 г. под началом американца Л. Теннисона [13, р. 122 – 123].

В госдепартаменте США считали, что ЕАСТ не ставит перед собой позитивных политических задач, а также не обладает элементами экономической интеграции, сопоставимыми с Общим рынком. По мнению американских политиков, создание ЕАСТ усиливало позиции сторонников достижения немедленной коммерческой выгоды, а не будущей европейской федерации, при этом «фундаментальный вопрос западного единства временно затмевался коммерческими соображениями, вескими, но противоречащими политическим задачам сплочения единства стран Запада» [8, р. 138 – 139, 153 – 154, 159, 165]. Соединенные Штаты были заинтересованы в улучшении отношений между «шестеркой» и другими государствами-членами ОЕЭС, но беспокоились, что создание новой группировки может привести к нежелательному в условиях «холодной войны» экономическому расколу Западной Европы. Правительство США выступало против заключения специального преференциального соглашения между ЕЭС и ЕАСТ в ущерб американским торговым интересам. Американские политики опасались, что региональные соглашения, подобные соглашению между ЕЭС и ЕАСТ, могут распространиться в другие регионы, что привело бы к фрагментации мирового рынка.

Так как идея о заключении соглашения между «шестеркой» и «семеркой» провалилась, Великобритания сконцентрировала свои усилия на подписании и ратификации конвенции о создании Европейской ассоциации свободной торговли. Стокгольмская конвенция, учредившая ЕАСТ, была парафирована 20 ноября 1959 г. К этому времени британские политики, наконец, осознали прохладное отношение США к созданию ЕАСТ. Во время визита в Великобританию в декабре 1959 г. заместитель госсекретаря Д. Диллон подчеркнул, что урегулирование торговых противоречий между «шестеркой» и «семеркой» должно происходить в рамках ГАТТ, и отметил, что США будут только приветствовать усилия «семерки» в этой организации, направленные на сокращение единого внешнего тарифа ЕЭС. Он твердо дал понять, что в отличие от ЕЭС «семерка» не имеет политических задач и является сугубо экономической организацией. Д. Диллон парировал тезис своих британских коллег о дискриминационном характере Общего рынка. Он отметил, что некоторая дискриминация американских торговых интересов является политической ценой за установление прочных отношений ФРГ с Западом. Американский политик выразил надежду на то, что по мере укрепления Общего рынка данное объединение сможет проводить более либеральную торговую политику [3, р. 178 – 185].

Конвенция о создании ЕАСТ вступила в силу 3 мая 1960 г. Согласно конвенции страны-члены ЕАСТ планировали отменить внутренние таможенные пошлины на промышленные товары к 1970 г., но не собирались устанавливать единый внешний тариф, создавать наднациональные органы власти и проводить единую экономическую политику. С созданием ЕАСТ Великобритания оказалась членом более слабой экономической группировки, которая не была ни экономически привлекательной для других стран, ни политически сплоченной и влиятельной. По сравнению с ЕАСТ Общий рынок развивался более успеш-

но. Таким образом, к началу 1960-х гг. победу одержал подход, основанный на углублении европейской интеграции через создание таможенного союза. По мнению чиновников из американского представительства в Европейских сообществах, именно Общий рынок должен был стать центром притяжения для остальных стран Западной Европы, включая Великобританию [8, p. 290 – 293].

Так как в 1950-е гг. в отношении американских политиков к европейской интеграции преобладали политические мотивы, правительство США поддерживало создание Общего рынка, а не учреждение Европейской ассоциации свободной торговли. Создание таможенного союза увеличивало барьеры на пути экспорта американских товаров в Европу, но амери-

канское правительство в краткосрочной перспективе соглашалось нести данные экономические потери. В Вашингтоне надеялись, что тесное экономическое сотрудничество в рамках ЕЭС будет со временем дополнено развитием политической интеграции стран «шестерки». В то же время в госдепартаменте США считали не лишним периодически напоминать странам-членам ЕЭС, что они должны проводить либеральную торговую политику, понимать торговые проблемы своих соседей и работать в направлении их разрешения [10]. США рассчитывали добиваться снижения своих экономических издержек путем сокращения уровня единого внешнего тарифа ЕЭС на переговорах в ГАТТ.

Литература

1. Лекаренко О. Г. Отношение правительства США к развитию экономической интеграции в Западной Европе в конце 1950-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 331. С. 82 – 87.
2. Маклэйн Д. Внешняя политика Англии после Суэца. М., 1972. 461 с.
3. Britain and European Integration 1945 – 1998: a Documentary History / Ed. by D. Gowland and A. Turner. London, New York, 2000. 252 p.
4. Casadio G. P. Transatlantic Trade: USA-EEC Confrontation in the GATT Negotiations. Westmead, Farnborough, Lexington, 1973. 260 p.
5. Department of State Announcement of United States Views Concerning the European Common Market and Free Trade Area, January 15, 1957 // Documents on American Foreign Relations. 1957. Ed. by P. E. Zinner. N. Y., 1958. 463 p.
6. Department of State. Summary of Eden Talks 28 January – 1 February 1956: General Situation in Europe – European Integration, January 28, 1956 // Woodrow Wilson International Center for Scholars, Declassified Documents Reference System, Document Number: CK3100240304.
7. Foreign Relations of the United States (FRUS). 1955 – 1957. Vol. 4. Western European Security and Integration. Wash., 1986. 659 p.
8. FRUS. 1958 – 1960. Vol. 4. Western European Integration and Security; Canada. Pt. 1. Wash., 1993. 811 p.
9. Laurent P.-H. Paul-Henry Spaak and the Diplomatic Origins of the Common Market, 1955-1956 // Political Science Quarterly. 1970. Vol. 85. № 3. P. 373 – 396.
10. NATO Ministerial Meeting. Paris, December 15 – 17 and 22, 1959. Position Paper «European Economic Arrangements: European Free Trade Association and European Economic Community», December 3, 1959. National Archive (NA), RG 59, Box 2, Folder B2.
11. Telegram from Whitney to American Embassy in Bonn, September 25, 1959. NA, RG 59, Box 90, Folder 320.
12. Terms of Reference for the United States Mission to the European Communities (USEC), Undated. NA, RG 59, Box 439, Folder 19.8a.
13. Winand P. Eisenhower, Kennedy, and the United States of Europe. L, 1997. 432 p.
14. Winand P. The US Mission to the EU in 'Brussels D. C.', the European Commission Delegation in Washington D. C. and the New Transatlantic Agenda // Ever Closer Partnership. Policy-Making in US-EU Relations / Ed. by E. Philippart and P. Winand. Brussels, 2001. 477 p.

Информация об авторе:

Лекаренко Оксана Геннадьевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета, olekarenko@gmail.com.

Oksana G. Lekarenko – Doctor of History, Professor at the Department of Modern and Contemporary History and International Relations, National Research Tomsk State University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА ПО ОТНОШЕНИЮ К НЕСОСТОЯВШИМСЯ ГОСУДАРСТВАМ В 1990-Е ГОДЫ

М. С. Мирошников

DEVELOPMENT OF THE EUROPEAN UNION'S POLICY TOWARDS FAILED STATES IN THE 1990S

M. S. Miroshnikov

Термин «несостоявшееся государство» был предложен научным сообществом ещё в 1993 г., однако в официальных документах Европейского Союза он впервые появляется лишь десять лет спустя в Европейской стратегии безопасности. В данной статье анализируются документы Европейской Комиссии и Европейского Совета, выпущенные в 1990-е гг. для того, чтобы проследить начало формирования политики Европейского Союза по отношению к несостоявшимся государствам. В частности, отмечается, как эта отдельная политика выкристаллизовывалась из общей политики, направленной на помощь развивающимся странам, в особенности странам группы Африки, Карибского бассейна и Тихого океана как традиционным реципиентам помощи со стороны ЕС и как группы стран, среди которых – наиболее значительное количество государств, подходящих под определение «несостоявшихся». Кроме того, отмечается, что значительную роль в формировании политики по отношению к несостоявшимся государствам сыграл фактор безопасности.

The notion of “failed state” was introduced by the scientific society as long ago as in 1993, but it appeared in the official documents of the European Union only ten years after, in the European Security Strategy. This paper analyses the official documents of the European Commission and the European Council issued in the 1990s in order to trace the origins of the development of the EU's policy towards failed states. In particular the author looks at how this policy was crystalized from more general development policy, especially aimed toward ACP countries as the traditional recipients of the EU's aid and also as a group of countries many of which fall under the category of “failed”. It is also noted that security factor was important in the development of the policy toward failed states.

Ключевые слова: несостоявшиеся государства, Европейский Союз, политика развития.

Keywords: failed states, European Union, development policy.

Впервые термин «несостоявшееся государство» (failed state) был употреблён в 1993 г. Хелманом и Ратнером [7]. В статье, опубликованной в журнале *Foreign Policy*, они отмечали появление нового и опасного феномена – стран, которые не в состоянии справиться с управлением своей территорией и скатываются в пучину беспорядка и хаоса. При этом Хелман и Ратнер не дали определения тому, что, по их мнению, является несостоявшимся государством, ограничившись фразой, что подобные страны «не в состоянии поддерживать себя в качестве члена международного сообщества» [7, с. 3]. Обычно под этим термином подразумевают страны, которые не в состоянии более контролировать свою территорию, выполнять свои базовые функции и которые вовлечены в гражданский конфликт в рамках своих границ. Классическим примером такого государства является Сомали – страна, в которой с 1988 г. и по сей день фактически идет гражданская война. Ситуация в Сомали характеризуется тем, что официально признанное правительство не способно контролировать всю территорию страны (а по некоторым данным даже территорию столицы), в границах Сомали существуют автономные государственные образования (Сомалиленд, Пунтленд), а местное население не получает практически никаких услуг от государства. В публикуемом ежегодно индексе несостоявшихся государств (совместный проект журнала *Foreign Policy* и некоммерческой организации Fund for Peace) вторую строчку после Сомали уже много лет занимает Демократическая Республика Конго (ДРК) [15]. Это государство, в котором со времени свержения президента Мобуту Сесе Секо в 1997 г. гражданская война стала фактиче-

ски образом жизни, а многие аналитики называют ДРК «худшим местом на Земле» из-за чрезвычайно высокого уровня насилия [8]. Среди других примеров несостоявшихся государств, на которые обычно ссылаются, можно выделить Судан, Южный Судан, Чад, Афганистан, Гаити, ЦАР, Зимбабве и др. В каждой из этих стран существует своя специфика и свои причины для «несостоятельности», но объединяет их одно – не способное ни контролировать территорию, ни выполнять свои функции по отношению к гражданам правительство и наличие внутреннего конфликта (в той или иной мере). Многие из этих стран пришли к состоянию «несостоятельности» на протяжении 1990-х гг. Однако в официальных документах Европейского Союза термин «несостоявшееся государство» появляется только в начале XXI в. в связи с принятием Европейской стратегии безопасности в 2003 г. Практически 10 лет потребовалось для того, чтобы понятие «несостоявшееся государство» перешло из чисто академической в практическую сферу.

На протяжении 1990-х гг. решение проблем несостоявшихся государств являлось в основном частью общей политики, направленной на помощь развивающимся странам – поэтому имеет смысл обрисовать общие подходы, которыми руководствовались западные доноры (и в частности ЕС), формулируя свои соответственные политики помощи развивающимся странам.

На протяжении 1980-х и начала 1990-х гг. доминирующей теоретической парадигмой в вопросах экономического развития являлся нео-либерализм. Ярким свидетельством тому было принятие «Вашингтонского консенсуса», который определял политику западных стран и международных организаций по отношению к

развивающимся странам в это десятилетие. Этот подход, сформулированный английским экономистом Джоном Уильямсоном, предполагался в первую очередь в качестве реакции на экономический кризис в странах Латинской Америки в 1980-х и отход этих стран от командной модели экономического развития [18]. Принципы, предлагаемые Вашингтонским консенсусом, включали в себя: экономическую либерализацию, приватизацию, дерегуляцию, фискальную дисциплину и налоговую реформу. Принятие этих мер являлось предварительным условием для получения финансовой помощи от Всемирного Банка и Международного Валютного Фонда (МВФ). Этих же принципов в своей политике по отношению к развивающимся странам придерживались и США, и Европейский Союз.

В течение 1990-х гг. политика, основанная на Вашингтонском Консенсусе, начала подвергаться критике за свою односторонность и отсутствие внимания институтам. Ключевым моментом стал кризис, разразившийся в странах Азии в 1997 – 1998 гг., который послужил началом перехода к так называемому «пост-Вашингтонскому Консенсусу» [11, с. 381]. Одним из его «архитекторов» являлся американский экономист Джозеф Стиглиц, являвшийся в то время шеф-экономистом Всемирного Банка. Согласно его позиции политика западных стран и международных организаций в отношении развивающихся стран должна быть направлена не на поддержку рыночных экономических реформ, а на создание институтов, регулирующих рынок (например, развитие соответствующей законодательной базы). Таким образом, государства должны быть способны исправлять недостатки чистой рыночной экономики [14, с. 15 – 26]. Своим появлением пост-Вашингтонский Консенсус обязан также и другому американскому экономисту – Дугласу Норту, который развивал идеи о значимости социальных, политических и экономических институтов для экономического развития. Он выступал с критикой неолиберальных постулатов о том, что в рыночных условиях трансакции могут совершаться без издержек. Согласно Норт в реальном мире практически любая трансакция несёт в себе издержки, которые могут быть уменьшены с помощью институтов [12, с. 12]. Кроме того, по его мнению, необходимым условием для успешного функционирования рынков является наличие таких институтов, как главенство закона, право собственности и политические свободы [12, с. 25].

Ещё одним поводом для критики политики Вашингтонского консенсуса послужил тот факт, что за годы её имплементации уровень бедности в развивающихся странах, а также разница между богатейшими и беднейшими странами планеты не только не сократилась (как ожидали сторонники неолиберализма), но и выросла [17]. Таким образом, была поставлена под сомнение эффективность проводимой политики не только с академической, но и с практической стороны. Проблема борьбы с бедностью тем временем ожидаемо вышла на первый план. Ярким примером тому является Декларация тысячелетия Организации Объединённых Наций, принятая 8 сентября 2000 г. и Монтеррейский консенсус, принятый 22 марта 2002 г. на конференции ООН в Монтеррее, Мексика. Оба эти документа, принятых международным сообществом, не только говорят о необходимости

сти искоренения бедности, но и ставят конкретные цели (в особенности это касается Декларации тысячелетия). Среди целей, представленных декларацией – борьба с нищетой, продвижение образования, здравоохранения, забота об окружающей среде и т. д.

Кроме того, пересмотру подверглись и принципы помощи развивающимся странам. В 1996 г. Комитет по содействию развитию Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), членами которого являются развитые страны-доноры, выпустил доклад, названный «Формируя XXI век: вклад в сотрудничество для развития» (Shaping the 21st Century: The Contribution of Development Co-operation) [1]. Этот доклад сформулировал некоторые из целей, которые позднее вошли в Декларацию тысячелетия. Но кроме этого, в этом документе впервые были сформулированы принципы, лёгшие в основу дальнейшей политики развития многих стран-доноров, а также ставшие основной частью Парижской декларации об эффективности помощи, принятой ОЭСР в 2005 г. Это принципы принадлежности (ownership), согласования (alignment) и гармонизации (harmonization).

Принцип принадлежности вырос из понимания странами-донорами того факта, что обещания стран-реципиентов проводить определённые реформы в обмен на экономическую помощь редко реализуются в должной мере [9, с. 6]. Соответственно, необходимо было создать иные стимулы для того, чтобы правительства стран, получающих помощь, проводили необходимые реформы. Таким стимулом по замыслу Комитета по содействию развитию ОЭСР и должен был стать принцип принадлежности, подразумевающий, что правительства стран-реципиентов должны будут разрабатывать свои стратегии и программы развития, под которые и будут выделяться деньги. Таким образом, предполагалось, что программы, которые выработаны самими государствами, будут им «ближе», и соответственно у правительств будет больше стимулов следовать им [9, с. 6].

Принцип согласования является своеобразной «обратной стороной» принципа приверженности. Он основан на том, что страны-доноры обязуются в своих стратегиях по отношению к странам-реципиентам учитывать те стратегии развития, которые эти страны выработали согласно принципу приверженности.

Принцип гармонизации призван был обеспечить координацию между многочисленными донорами (странами и организациями). Идея заключается в том, что вследствие наличия большого количества доноров страны-реципиенты вынуждены сталкиваться со значительными административными и бюрократическими проблемами для получения помощи, так как у каждого донора есть свой набор требований, процедур и т. д. Координированный подход со стороны доноров позволит уменьшить административно-бюрократическую нагрузку на страны-реципиенты и сделает возможным более быстрое и эффективное размещение средств для помощи этим государствам.

Доклад «Формируя XXI век: вклад в сотрудничество для развития» содержал ещё один принцип, предложенный Комитетом по содействию развитию – принцип согласованности политики (policy coherence) [1]. Основой данного принципа было понимание того, что политика развития и донорская помощь – это да-

леко не единственные сферы взаимодействия развитых и развивающихся стран. Зачастую различные политики и практики в иных сферах имеют прямое (негативное) влияние на политику развития (например, ограничение доступа к определённым рынкам, торговая политика и т. д.), нивелируя позитивный эффект от донорской помощи. В связи с этим Комитет по содействию развития предложил анализировать политики стран в иных сферах, которые могут оказывать влияние на политику развития, оценивать их эффект и прикладывать усилия по координации действий.

Уил Хаут указывает, что применение вышеозначенных принципов на практике привело к изменению самого характера предоставления помощи развивающимся странам. Вместо проектно-ориентированной помощи, доноры теперь ориентировались на оказание содействия программам развития целых секторов экономик стран, что предположительно имело гораздо более позитивный эффект [9, с. 7].

Статья 177 Маастрихтского договора гласит, что у Европейского Союза должна быть своя политика содействия развитию, которая являлась бы дополнением к подобным политикам стран-членов ЕС. Основные цели, которые ставились согласно договору в этой сфере перед Европейским Союзом – это устойчивое экономическое и социальное развитие развивающихся стран; их постепенная интеграция в мировую экономику; борьба с бедностью [16]. Традиционно политика содействия развитию ЕС была направлена в основном на страны, которые являются бывшими колониями стран-членов ЕС – группа стран Африки, Карибского бассейна и Тихого океана (страны АКТ). Взаимоотношения Европейского Союза с этой группой стран развивались с шестидесятых годов и зафиксированы рядом соглашений. Именно на помощь этим странам направляется большая часть бюджета Европейского Фонда Развития, который формируется из взносов государств-членов ЕС [9, с. 8]. И именно среди этой группы стран находится наибольшее количество несостоявшихся и хрупких государств. Однако после окончания холодной войны распада советского блока внимание Европейского Союза было переориентировано на страны восточной Европы. Так, в 1974 г. 13 из 15 основных получателей помощи от ЕС были страны из группы АКТ, к 1997 г. их количество сократилось до двух, а 13 оставшихся мест заняли страны бывшего советского блока [13, с. 62]. К необходимости изменений в отношениях между ЕС и АКТ подталкивал и тот факт, что, несмотря на огромные объёмы средств, выделяемых на развитие этой группы стран в рамках Ломейских конвенций с 1975 г., основная их масса не показывала позитивной динамики в развитии экономики и была в основном зависима от поступления помощи от доноров. Кроме того, отношения между ЕС и АКТ не соответствовали требованиям, выдвигаемым ВТО в отношении принципа взаимности. Таким образом, уже к середине 1990-х гг. Европейский Союз в лице Европейской Комиссии начал подготовку нового соглашения, которое стало бы основой отношений между ЕС и АКТ.

В 1996 г. Комиссией была опубликована Зелёная книга, посвящённая отношениям между Европейским Союзом и странами АКТ накануне наступления XXI в. В документе говорилось о необходимости изменения

отношений, сложившихся между ЕС и странами АКТ в рамках Ломейских конвенций. Центральной темой Зелёной книги стала идея о необходимости поддержки региональных интеграционных процессов между странами АКТ. Согласно документу, именно эта идея должна была лечь в основу нового соглашения, которое придёт на смену Ломейским конвенциям [4, с. viii]. Комиссия также высказывает идею о том, что борьба с нищетой как одна из главных целей взаимодействия между ЕС и странами АКТ тесно связана с вопросами безопасности, хорошего управления и экономического развития [4, с. iii]. Придерживаясь принципа принадлежности, Комиссия предполагает, что обязательства проведения институциональных реформ со стороны стран АКТ должны стать основой партнёрских отношений. Документ прямо указывает, что проведение не только реформ, но и рациональной политики в области экономического развития – прямая обязанность государств – получателей помощи [4, с. vii]. Со своей стороны, Комиссия призывает к объединению различных внешнеполитических инструментов, имеющихся в наличии у ЕС для более успешной борьбы с угрозами, помощи развивающимся странам и продвижения европейских ценностей, что идёт в полном соответствии с принципом согласования [4, с. vi – vii].

Увеличение числа конфликтов на Африканском континенте, а также понимание того факта, что они могут оказывать непосредственное влияние на безопасность стран Европы, побудило руководителей ЕС к выработке мер по предотвращению и управлению конфликтами в Африке к дополнению к существующим мерам поддержки развивающихся стран.

С начала 1990-х гг. европейцы оказывали поддержку гуманитарным миссиям ООН и различных международных организаций (Международный Комитет Красного Креста, Всемирная продовольственная программа) по мере необходимости. В частности, представители европейских стран участвовали в миротворческих операциях в Африке. В первой миссии ООН в Сомали (UNOSOM I) в 1992 – 1993 гг. принимал участие контингент из Бельгии. В UNOSOM II (1993 – 1995) принимал персонал из Бельгии, Франции, Германии, Греции, Ирландия, Италия, Нидерландов.

4 декабря 1995 г. Европейский Совет выпускает заключение, озаглавленное «Превентивная дипломатия и поддержание мира в Африке». В нём Совет изложил основные принципы, которым Европейский Союз должен руководствоваться по отношению к конфликтным ситуациям в Африке. Документ предполагает, что основную роль в их решении должен играть Африканский Союз (АС). Европейский же союз готов оказывать поддержку (силами ЗЕС) при необходимости. Предполагается, что помощь ЕС может иметь следующие формы: раннее предупреждение (оказание консультационной, технической поддержки, обмен информацией), превентивная дипломатия (помощь в проведении переговоров), поддержание мира (по запросу АС и во исполнение соответствующих решений ООН) [6]. Таким образом, прослеживается основная линия политики ЕС – конфликты на африканском материке должны решаться в основном силами самих африканцев.

Основываясь на «Заключениях Совета» в 1996 г. Комиссия выпускает Сообщение Европейскому Со-

ту, в котором говорится о необходимости формирования нового подхода к взаимодействию ЕС и стран африканского континента. В документе отмечается в частности, что тот подход, который сейчас практикуется международным сообществом (а именно предполагающий скорее реагирование, нежели предупреждение), зачастую не только не является эффективным, но может быть и контрпродуктивным, усугубляя конфликтную ситуацию. Комиссия отмечает, что ЕС должен не только реагировать на те конфликты, которые перешли в открытую стадию, но и работать над предупреждением конфликтов. В частности Комиссия указывает, что конечной целью европейской политики в Африке должно быть достижение «структурной стабильности» – такой ситуации, в которой достигнуто устойчивое экономическое развитие, демократия и уважение к правам человека, жизнеспособные политические структуры, здоровые социальные и экологические условия, что позволяет управлять происходящими в обществе переменам без обращения к насилию [2, с. 2]. При этом отмечается, что у Европейского Союза отсутствует выработанное понимание того, как имеющиеся ресурсы могут быть наиболее эффективным образом использованы для решения определенных проблем определенной страны в определенный момент времени. «Сообщение» призывает начать процесс с проведения глубокого политического анализа причин конфликта на региональном уровне и уровне отдельных стран. Таковой анализ позволит более четко определять необходимость вмешательства ЕС в различные ситуации, а также более точно определять сами ситуации. «Сообщение» предлагает следующую классификацию ситуаций, угрожающих миру и стабильности:

- Ситуации без открытой напряженности. Ситуация кажущейся стабильности и спокойствия, но с существующими структурными источниками потенциального конфликта (постоянное подавление меньшинства, использование репрессивных механизмов и т. д.).
- Ситуация напряженности. Ситуация, когда конфликт в обществе вышел в открытую фазу (массовые беспорядки, вооруженная оппозиция и т. д.).
- Открытый конфликт. Вооруженное противостояние.
- Пост-конфликтная ситуация. Ситуация, когда открытое вооруженное противостояние прекратилось, но его последствия еще ощущаются большинством населения.

При этом опять подчеркивается, что основную ответственность за поддержание мира и стабильности на африканском континенте должны нести сами африканцы. Таким образом, ЕС пытается обозначить для себя рамки и границы для вмешательства в урегулирование конфликтных ситуаций за пределами Европы, соотнося различные типы ситуаций со своими возможностями и наличествующими ресурсами. Характерно также признание того факта, что урегулирование конфликта необходимо начинать на ранней стадии, до того, как он перерос в вооруженное противостояние, то есть особое внимание должно быть уделено глубинным причинам конфликта. Так, Европейский Совет в 1997 г. принял решение оказать поддержку Механизму для предотвращения, урегулирования и разрешения конфликтов, созданного в рамках Африканского Союза [5]. Основной целью Механизма

является раннее выявление источников конфликта и соответственное быстрое реагирование.

В апреле 1996 г. Комиссия выпускает Сообщение, посвященное сочетанию помощи, реабилитации и развития. В нем указывается, что в современном мире основная часть чрезвычайных ситуаций вызвана не природными катастрофами, а является «результатом взаимодействия политической, экономической и социальной нестабильности, зачастую проистекающую из плохого управления, неудавшейся экономической политики и неуместных программ развития, которые только способствовали углублению этнических или религиозных различий» [3, с. iii]. Кроме того, в сообщении говорится о возможном региональном значении кризиса в отдельно взятой стране, так как он может выйти за рамки государства и повлиять на стабильность соседствующих стран и региона в целом [3, с. iii]. Но самое главное в том, что Комиссия в документе призывает к проведению стратегической комплексной политики в отношении развивающихся стран, а в особенности стран, в которых присутствует риск политической или экономической нестабильности. Такая политика должна учитывать политические, социальные, технические аспекты стран, а также аспекты, связанные со стадией развития, на которой они находятся [3, с. iv]. Для проведения такой политики, указывается в сообщении, необходима не только координация всех стран и организаций доноров, но и также различных институтов и органов внутри самого ЕС. Достичь этого предполагается путём создания специальных рабочих групп, которые объединяли бы представителей всех задействованных органов ЕС, для выработки общей скоординированной политики [3, с. vi].

Можно отметить, что в 1990-е гг. Европейский Союз не имел чётко выраженной политики по отношению именно к несостоявшимся государствам. Она скорее являлась составляющей общей политики по отношению к развивающимся странам. Характерен тот факт, что термин «несостоявшееся государство» ни разу не встречается в официальных документах ЕС этого периода. При этом на протяжении 1990-х гг. постепенно формируется понимание потенциальных рисков, связанных именно с феноменом несостоявшихся государств, то есть угроз, вызванных политической, экономической и социальной нестабильностью, отсутствием адекватного и рационального управления страной.

Также стоит отметить, что согласно официальным документам Европейского Союза с середины 1990-х намечился отход от чисто технического и формального подхода к вопросам поддержки управления в странах, получающих помощь. Пришло понимание необходимости более глубокого политического анализа ситуации в странах-реципиентах и соответственной выработки более индивидуальных подходов. Об этом свидетельствуют призывы Комиссии к выработке комплексных подходов к странам, получающим помощь, которые учитывали бы различные аспекты их существования. Кроме того, как отмечает Хаут, такой поворот в политике является характерной тенденцией для различных международных агентств, оказывающих помощь развивающимся странам в тот период [10, с. 142].

Несостоявшиеся государства были выделены в отдельную проблему лишь после террористических

атак на посольства США в Кении и в Танзании в 1998 г. и терактов, совершённых 11 сентября 2001 г. в США. Подготовка этих терактов предположительно велась именно на территориях несостоявшихся государств, территориях, которые правительство не было в состоянии контролировать. Таким образом, из локальной и гуманитарной проблема несостоявшихся государств перешла в разряд глобальных проблем безопасности. Кроме опасений, что на неподконтрольных правительствам территориях могут размещать свои базы международные террористические

организации, возникла ещё одна проблема безопасности, связанная с несостоявшимися государствами – проблема пиратства, особенно актуальная для стран Африканского рога и в особенности – Сомали. Кроме того, в конце 1990-х начале 2000-х гг. Европейский Союз стремился стать не только экономической, но и военной державой, имеющей возможность быть независимой в вопросах безопасности от НАТО. Несостоявшиеся государства представляли для Европы своеобразный полигон, на котором она могла бы проявить себя в качестве сильного глобального игрока.

Литература

1. Development Assistance Committee. Shaping the 21st Century: The Contribution of Development Co-operation. 1996. Режим доступа: <http://www.oecd.org/dac/2508761.pdf>
2. European Commission. Communication from the Commission to the Council. The European Union and the issue of conflicts in Africa: Peace-building, conflict prevention and beyond. 1996. Режим доступа: <http://aei.pitt.edu/1209/>
3. European Commission. Communication from the Commission to the Council and the European Parliament on linking relief, rehabilitation and development (LRRD). 1996. Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1425065562364&uri=CELEX:51996DC0153>
4. European Commission. Green Paper on Relations between the European Union and the ACP Countries on the Eve of the 21st Century “Challenges and Options for a New Partnership”. 1996. Режим доступа: <http://aei.pitt.edu/1206/>
5. European Council Decision of 20 October 1997. Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:31997D0699>
6. European Council. Preventive diplomacy and peacekeeping in Africa. 1995. Режим доступа: <http://ec.europa.eu/development/body/theme/prevention/conclusions-1995.htm>
7. Helman G., Ratner S. Saving Failed States // Foreign Policy. 1992 – 1993. № 89. С. 3 – 20.
8. Herbst J., Mills G. The invisible state // Foreign Policy. 2013. Режим доступа: http://www.foreignpolicy.com/articles/2013/06/24/the_invisible_state#sthash.zwCx4e4H.dpbs
9. Hout W. Development Cooperation, Poverty Reduction and the European Union // EU Development policy and poverty reduction: enhancing effectiveness. Aldershot: Ashgate Publishing Limited, 2007. С. 1 – 17.
10. Hout W. Between Development and Security: the European Union, governance and fragile states // Third World Quarterly. 2010. Vol. 31. № 1. С. 141 – 157.
11. Jayasuria K., Rosser A. Economic orthodoxy and the East Asian crisis // Third World Quarterly. 2001. Vol. 22. № 3. С. 381 – 396.
12. North Douglass. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 152 с.
13. Smith K. The ACP in the European Union’s Network of Regional Relationships: Still Unique or Just One in the Crowd? // Arts K., Dickson A. (eds.) EU Development Cooperation. Manchester: Manchester University Press, 2004. С. 60 – 80.
14. Stiglitz J. More Instruments and Broader Goals: Moving Toward the Post-Washington Consensus. 1998. Режим доступа: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.201.2709&rep=rep1&type=pdf>
15. The Failed States Index 2013. Режим доступа: <http://ffp.statesindex.org/rankings-2013-sortable>
16. The Maastricht Treaty. 1992. Режим доступа: <http://www.eurotreaties.com/maastrichtec.pdf>
17. Wade R. The Rising Inequality of World Income Distribution // Finance and Development. 2001. Vol. 38. № 4. С. 1 – 6
18. Williamson J. What Washington Means by Policy Reform // Latin American Adjustment: How Much Has Happened? Washington, D. C.: Institute for International Economics, 1990. С. 7 – 25.

Информация об авторе:

Мирошников Максим Сергеевич – аспирант кафедры мировой политики исторического факультета Томского государственного университета, miroshnikovmaxim@gmail.com.

Maksim S. Miroshnikov – post-graduate student at the Department of World Politics, National research Tomsk State University.

(Научный руководитель: Тимошенко Алексей Георгиевич – кандидат исторических наук, зав. кафедрой мировой политики Исторического факультета Томского государственного университета, tim@iph.tsu.ru).

Academic advisor: Alexey G. Timoshenko – Candidate of History, Head of the Department of World Politics, National Research Tomsk State University).

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

УДК 94+339.92+325.86+327.2+327.8

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ЕГИПТЕ В 1920-Х – 1930-Х ГГ.*Т. П. Нестерова***ITALIAN ECONOMICAL POLITICS IN EGYPT IN THE 1920S – 1930S***T. P. Nesterova*

В статье рассматриваются экономические связи между Италией и Египтом в 1920-х – 1930-х гг., получившие быстрое развитие после провозглашения независимости Египта (1922). Особое внимание уделяется деятельности итальянских компаний в Египте, прежде всего в архитектурно-строительной сфере, и деятельности автомобильного концерна «Фиат», филиал которого был открыт в Египте в 1928 г. В статье показано, что Италии не удалось реализовать свои планы по широкому внедрению итальянских компаний в экономику Египта, где преобладающими остались компании Великобритании.

The paper is devoted to economical relations between Egypt and Italy in the 1920s – 1930s, after the declaration of Egyptian independence (1922). The special attention is given to the activity of Italian companies in Egypt, mainly in the spheres of architecture and building. An important part of the paper is devoted to the activity of the Italian company “FIAT”, whose Egyptian branch was created in 1928. The paper shows that Italy failed to implement its plans on wide participation of Italian companies in the economical development of Egypt, where companies from the United Kingdom prevailed.

Ключевые слова: Египет, Италия, международные экономические отношения, итало-египетские отношения, внешняя политика Италии, история Италии.

Keywords: Egypt, Italy, international economic relations, Italian-Egyptian relations, Italian foreign policy, history of Italy.

Отношения между Италией и Египтом и в настоящее время занимают особое место в системе международных отношений Италии со странами бассейна Средиземного моря. Среди различных аспектов этих отношений можно выделить несколько приоритетных сфер, среди которых первые места занимают сотрудничество в экономической, научно-технической и культурной сферах. Исследование быстро развивающихся экономических связей России и Италии приобрело в настоящее время особую актуальность, но для понимания их современного состояния необходимо исследовать исторический аспект их развития, существенно активизировавшийся после формального провозглашения независимости Египта в 1922 г.

Специализированного исследования итало-египетских отношений межвоенного периода до настоящего времени не производилось; в советской и российской исторической науке в отдельных исследованиях рассматривались различные аспекты колониальной политики Италии, но поскольку Египет не был итальянской колонией, то отношения Италии с этой страной рассматривались лишь косвенно, сквозь призму отношений Италии с великими державами (Великобританией и Францией), противостоявшими Италии на Африканском континенте. Лишь в ограниченной степени проблемы итальянской экономической политики в Египте затрагиваются в книге «Борьба за Северо-Восточную Африку» (1935; данные разделы были написаны выдающимся итальянистом П. А. Лисовским) [1].

Значительно подробнее данная проблематика рассматривается в итальянской исследовательской литературе, хотя и здесь отсутствуют обобщающие труды по истории экономических отношений Италии и Египта в межвоенный период. В трудах Р. Де Феличе, П. Минганти, А. Лессоны, М. Тедескини Лалли, Д. Кароччи, Б. Альетти и др. экономические проблемы рассматриваются в основном косвенно в связи с

решением итальянских внешнеполитических задач. Более подробно проблемы экономической политики Италии в Египте рассматриваются в работах итальянских исследователей Д. Бигацци, М. Петричолли, Ф. Капурсо. Эти авторы в основном рассматривают распространение итальянского влияния в Египте посредством учреждения дипломатических, торговых, экономических, культурных представительств в крупнейших городах Египта. Ф. Капурсо при написании своей работы руководствовался неопубликованными материалами архивов МИД Италии и концерна «Фиат». В его труде прослеживается развитие итало-египетских экономических отношений после учреждения филиала компании «Фиат» в Каире в 1928 г. Необходимо также отметить комплексное исследование американского историка Э. Крайдера, в работе которого также затрагиваются экономические проблемы итало-египетских отношений.

Италия и Египет в XIX – XX вв.

Итальянское присутствие в Египте, ставшее частью экономической и социальной жизни страны в первые десятилетия XIX в., становится менее заметным в конце XIX – начале XX вв. Италия в Египте воспринималась прежде всего как страна, с которой Египет был связан как в древние времена – как часть Римской империи, так и в Новое время, когда итальянский композитор Джузеппе Верди создал оперу «Аида», воспринимавшуюся в Египте как один из национальных символов. Однако наибольшее итальянское влияние на рубеже XIX и XX вв. испытала на себе египетская архитектура.

Присутствие итальянской общины в Египте, хорошо известное и подтвержденное документально в XVIII в., становится заметным лишь в XIX в. В двух крупнейших городах страны – Каире и Александрии – наличие различных этнических общин всегда было важным фактором. Так, известно, что по данным пе-

реписи населения 1882 г., по крайней мере 21,5 % населения Александрии составляли иностранцы. До 1930-х гг. доля иностранцев в Александрии составляла 15 %, а в Каире – 8 %. Численность итальянской общины увеличивается в первой половине 1880-х гг. [3, р. 27]. Среди прочего Египет стал пристанищем политических беженцев и мигрантов, стремившихся изменить свою жизнь. Невозможно с точностью установить, являлись ли эти мигранты профессионалами, однако высокие должности, занятые ими как в частном, так и в государственном секторах экономики Египта, свидетельствуют о высоком культурном уровне или, во всяком случае, свидетельствуют о способности успешно интегрироваться в общественную систему этой страны. Среди существенных результатов деятельности итальянцев в Египте можно отметить следующие: в 1820 г. в Александрии Лоренцо Мази создал Регистрационную Земельную палату; в 1831 г. Колуччи-бей создал и возглавил Департамент здравоохранения правительства Египта; в 1860 г. Амичи-бей создал в Александрии Департамент статистики естественного движения населения, который оставался под руководством итальянцев вплоть до 1924 г.; в 1865 г. почтовая служба, учрежденная в Александрии как частная компания, была преобразована в государственную, но до 1876 г. официальным языком египетской почты оставался итальянский. Численность итальянской общины в Египте была достаточно велика: в 1933 г. в этой стране проживало около 53 тыс. итальянцев, по меньшей мере 25 тыс. из них – в Александрии, 20 тыс. – в Каире и 5 тыс. – вдоль зоны Суэцкого канала [3, р. 27].

Правительство египетского короля Ахмеда Фуада I положительно относилось к развитию отношений с Италией, считая, что Италия может в определенной степени сыграть роль противовеса Великобритании, войска которой оставались на территории Египта. Особый интерес к Италии король Египта стал проявлять после формального провозглашения независимости этой страны в 1922 г. В одном из своих выступлений в октябре 1923 г. Ахмед Фуад I даже подчеркивал, что Италию и Египет сближает сам факт почти одновременных политических изменений в обеих странах: в Италии установлен фашистский режим, а Египет получил независимость [12, р. 297]. В египетской прессе постоянно публиковались статьи, в которых с симпатией отмечалась итальянская активность в этой стране [13, р. 83]. Итальянское правительство оценивало отношения между двумя странами как состояние «активной дружбы» [14, р. 75]. Строительство двух школ (в Александрии и Каире) итальянским архитектором Клементе Бусири Вичи в 1931 – 1935 гг. стало очередным этапом развития отношений между Египтом и Италией.

Деятельность Клементе Бусири Вичи в Египте относится к тому историческому моменту, когда, несмотря на общее необратимое сокращение итальянского присутствия в Египте, позиции итальянцев в архитектурной и строительной сферах в Египте были сильны. Еще в конце XIX в. египетское правительство создало условия, благоприятствующие расширению возможностей для деятельности архитекторов-профессионалов, в том числе иностранцев. Результаты этой деятельности очевидны, особенно в таких горо-

дах, как Александрия и Каир. Тем не менее черты итальянского влияния в этих городах очень различны.

Современные кварталы Каира – это здания, построенные не столько итальянскими, сколько в основном французскими, британскими и немецкими архитекторами. Европейская эклектика нашла здесь широкую сферу воплощения, здесь представлены самые разнообразные направления: от неоренессанса до рационалистической архитектуры, не говоря уже о «мусульманском» и «средиземноморском» стилях [17].

В Александрии почерк итальянских архитекторов замечен, скорее, не в центральной части города, а в «спальных районах» города, расположенных в предместьях Чатби и Рамлех. Здания, построенные в этом районе в межвоенный период, отличаются небольшими размерами и несут черты основного архитектурного стиля Италии этого периода – рационализма.

Это были жилые здания, рассчитанные на одну или несколько семей. По стилю они близки к конструктивизму, который использовался итальянскими компаниями и специалистами. Очевидно, небольшая итальянская строительная компания легко могла найти здесь возможность одержать победу и над местными, и над другими иностранными фирмами – конкурентами, хотя и те и другие развивали свой бизнес в Александрии (так, в реставрации виллы Пинто в Александрии, проведенной архитектором Марио Авена в 1927 г., из 16 участвовавших компаний 10 принадлежало итальянцам, проживающим в Александрии; такая же пропорция характерна и в отношении поставок строительных материалов, тканей и стекла, которые импортировались из Италии) [9, р. 118]. В Александрии этот феномен был более замечен, чем в Каире, и связан с определенными факторами: в Александрии существовал унифицированный городской план, который обусловил согласованную и единообразную застройку. В Каире такого плана не существовало. Другим отличительным фактором являлось то, что в Александрии действовала муниципальная комиссия, которая с 1891 г. издавала указания, регламентирующие правила оформления фасадов зданий. В Каире такая комиссия была сформирована на двадцать лет позже. Кроме того, в Александрии клиентами архитектурных фирм выступали частные лица, в то время как в Каире основными заказчиками были государство и государственные чиновники, которым по вкусу был не рационализм, а представительские сооружения в эклектическом стиле. Разница в клиентах влияла на стиль, выбираемый итальянскими архитекторами в Египте в 1920-х и 1930-х гг.

В 1930 г. Италия и Египет подписали торговое соглашение, по которому за Италией был признан режим наибольшего благоприятствования в торговле. Это соглашение благоприятствовало не только росту итальянских экспортных поставок в Египет, но и учреждению новых производственных структур в экономике Египта [9, р. 168].

Итальянский королевский торговый представитель в Александрии Лизарди, заканчивая свой доклад по основной динамике развития итало-египетского торгового оборота в 1919 г., писал, что «стоит надеяться, что в силу национальных интересов Италия встанет однажды на прямой путь серьезной и непрерывной работы, оценит свои индустриальные мощно-

сти, увеличивая максимально экспортную торговлю и только тогда мы отметим и в Египте это развитие, где вот уже несколько лет мы даем себе слово занять в этой богатой стране то место, которое нам принадлежит по праву» [5, р. 175]. Сфокусировав свое исследование на совокупности экспортных поставок и не анализируя импортные поставки, состоящие на 90 % из закупки хлопка, представитель подтвердил отставание Италии по темпам роста торгового оборота в этом регионе не только от Великобритании, но также и от Франции и США. Комплексный анализ различных категорий товаров также выявил недостаточно эффективную организацию товарообмена и нехватку структур, ведущих деятельность непосредственно на территории Египта [5, р. 175].

Даже в тех категориях, в которых уровень итальянских экспортных поставок сохранился достаточно высоким, отмечал Лизарди, как нехватка компетентного и технически обученного персонала, способного управлять торгово-экономической деятельностью в Египте, сказывается на замедленном росте итальянского экономического влияния в стране. Как в секторе текстильной промышленности, так и в металлургическом секторе и автомобилестроении, Лизарди утверждал, что «если бы итальянские промышленные компании были хорошо организованными, они смогли бы конкурировать с иностранными компаниями» [5, р. 176].

Аналогичные доклады направлялись Министерству иностранных дел и в последующие годы с целью стимулировать товарообмен между Италией и Египтом и создать необходимые дополнительные условия для открытия промышленных предприятий в Египте. В декабре 1921 г. ввиду возможного бойкота английских товаров вследствие срыва переговоров по подготовке англо-египетского договора министр промышленности и торговли Италии послал премьер-министру Иваноэ Бономи телеграмму: «Наш подчиненный оценивает как благоприятную сложившуюся ситуацию для усиления нашего экономического влияния на египетском рынке, принимая к сведению то обстоятельство, что Италия пользуется определенной симпатией у местного населения, и Италия может снабдить Египет большинством продуктов, поступающих из Англии» [5, р. 178].

Относительная географическая близость Италии с Египтом, укоренение итальянского населения и распространение итальянского языка как разговорного на севере Египта – вот те основные факторы, которые вместе с экономическими предпосылками указывали на перспективное сотрудничество двух стран. В дипломатических отчетах королевских представителей в Египте говорилось о том, что «итальянское предпринимательское дело хорошо зарекомендовало себя в производстве масла из хлопкового семени, в механическом производстве, изготовлении цемента и строительной керамики, рациональном пользовании фосфорных месторождений, и в других многочисленных мелких секторах промышленности, где были достигнуты удовлетворительные результаты» [5, р. 179].

В 1924 г. началась реализация египетской правительственной программы, разработанной пришедшей к власти партией Вафд и обращенной на защиту зарождающейся национальной промышленности посредством принятия протекционистских мер. Повы-

шение таможенных тарифов, объявленное Египтом в 1923 г. государствам, с которыми Египет был связан торговыми договорами [5, р. 179], привело к изменению планов, продуманных итальянскими политическими и экономическими агентами в Египте. В июне 1924 г. королевский консул в Каире Витторио Импалломенти в одном из своих донесений по промышленному развитию Египта подтверждал, что протекционистские меры, принятые египетским правительством, в ближайшем будущем должны привести к «самоутверждению египетской промышленности» [7, р. 211]. Консул утверждал, что «Италия должна занять четкую позицию: она не может и не должна препятствовать развитию зарождающейся промышленности хотя это и ее потенциальный конкурент в ближайшем будущем; не может – потому что ей это не удастся, не должна – потому что в таком случае она противоречила бы своим собственным интересам» [7, р. 212]. Реалистичный анализ консула Импалломенти сопровождался документом, опубликованным в декабре 1923 г., в котором говорилось о создании учреждения «L'Association des Industries en Egypte» (Ассоциация промышленности Египта), задачами которого были объединять основные промышленные предприятия страны, изучать наиболее подходящие средства, благоприятствующие развитию промышленности, а также защищать промышленность методом координирования индивидуальных действий предприятий [7, р. 212].

На своей первой ассамблее «Ассоциация промышленности Египта» выдвинула ряд предложений египетскому правительству, среди которых было предложение включить в протекционистские меры повышение налоговых пошлин с целью защиты зарождающейся национальной промышленности [7, р. 214]. Из доклада консула в Каире стало понятно, что надежда итальянского правительства на успешное проникновение в египетскую экономику посредством учреждения новых промышленных предприятий, которые смогли бы на равных конкурировать с египетскими предприятиями, была далека от реальности. Импалломенти, подводя итог, отметил, что «исследование предпринимательской деятельности итальянских капиталистов могло бы указать на более подходящие инициативы; его преимуществом было бы определение взаимного сотрудничества и интеграции египетской и итальянской промышленности» [7, р. 215].

Фактически экономическое проникновение Италии в Египет в этот период в основном сводилось к давлению на египетских министров с целью получить различные строительные подряды и подряды на поставку материалов [18, р. 253]. Эффективная программа экономического проникновения так и не была реализована в 1920-е гг. Напротив, была предоставлена полная свобода индивидуальным предпринимательским инициативам, несмотря на убеждение фашистских политиков, что такие самостоятельно предпринятые действия не всегда гармонируют с национальными интересами Италии [18, р. 274].

Деятельность концерна «Фиат» как фактор итальянского влияния в Египте

В начале 1930-х гг. принятая египетским правительством протекционистская политика привела к индустриализации страны. Помимо выращивания и

сбора хлопка, до тех пор обрабатываемого только на больших европейских заводах, важнейшими из которых были заводы Ливерпуля, начали развиваться египетские прядильные и ткацкие фабрики, которые снизили зависимость от иностранной продукции [20, p. 114]. В то же время утверждение итальянской промышленности в Египте, несмотря на протекционистский режим, началось именно в 1930-е гг. Знаменательным событием в этом аспекте было учреждение восточного отделения концерна «Fiat» в Александрии в 1928 г. [20, p. 118].

3 июня 1927 г. административный совет «Фиата» принял решение об участии туринского предприятия в учреждении концерна «Fiat» в Александрии, торгового филиала группы, ставящего своей целью осуществление прямой торговли продуктами компании в Северо-Восточной Африке и на Ближнем Востоке [5, p. 183]. Этот проект входил в приоритетное направление политики компании, которое предусматривало прогрессивное проникновение на восточные рынки «посредством самоутверждения уже существующих и создания новых филиальных сетей, сокращая продажу продукции через агентов, которые не продемонстрировали достаточного боеспособного духа для защиты жизненных интересов компании» [4, p. 258]. Предприятие должно было иметь лучшие условия для поддержания конкуренции «Ford» и «General Motors», которые уже предприняли аналогичные инициативы в стране, став показательным примером рационализации продукции в постоянно развивающемся автомобильном секторе. Марке «FIAT» благодаря этой операции удалось значительно увеличить рост своей продукции и специализировать ее на рынке. Автомобили «Fiat» получили широкое распространение не только среди итальянской общины, несмотря на свои недостатки по сравнению с английскими, американскими и французскими машинами, но и среди египтян [4, p. 268 – 269].

Туринское предприятие уже с 1920-х гг. учредило и развило свою собственную торговую сеть с целью выхода и объединения различных торговых площадок мира. «Экспортное направление будущего – достигать все большей национализации в стране как в организации продажи, так и в монтажных мастерских до тех пор пока не будет существовать национализированное производство и продажа на местах» [4, p. 260]. Такая стратегия позволяла «Fiat» быть единственной маркой, которая уравнивала всемогущество американских автомобильных производителей. Учреждение филиалов представляло собой системную ось, которая гарантировала полную адаптацию производства к различным региональным реалиям и возможностям-офертам отдельных стран [4, p. 260]. Такая дифференцированная деятельность, как бы то ни было, не служила исключительно интересам обходить протекционистские меры, которые в связи с кризисом 1929 – 1932 гг. значительно расширились на мировых экономических площадках. Такая политика скорее отвечала стратегии предприятия. Филиалы становились интегральными частями туринской компании, которыми руководили назначенные на местах эмиссары [5, p. 184]. Управление агентствами, доверенное центральному филиалу в Турине, в действительности было тесно связано с директивами главного филиала пред-

приятия, который контролировал операторов при помощи различных инспекторских комиссий [5, p. 184].

Таким образом, решение расширять свою собственную торговую сеть в Египте зародилось только после долгого и скрупулезного анализа территории, рынка и конкуренции со стороны других иностранных марок. Дистрибьюторская продажа, доверенная до 1928 г. сети торговых агентов, располагавшихся на всей африканской территории, была показательным элементом для других стран в послевоенный период. Египет, и в меньшей степени Судан, с самого начала являлись наиболее важными рынками для Италии, гарантируя объем продаж, который мог бы конкурировать с американской и английской продукцией. Следовательно, выбор Александрии в качестве нового места филиала компании не был случайным. Египетский город гарантировал центральную позицию для расширения деятельности производства. Приоритетными направлениями в этом плане являлись такие страны, как Судан, Сирия и Палестина. Александрия был важным городом-портом, который обеспечивал распространение по всей территории Египта товара, транспортируемого из Италии; при этом снижались затраты на его транспортировку. Эти положительные стороны отличали Александрию от Египта. Начиная с 1920 г. кавалер Лизарди призывал туринскую компанию предпринять решительные действия в направлении египетского рынка, так как у предприятия были в наличии все необходимые инструменты привлечь местную клиентуру и сдерживать международную конкуренцию [5, p. 186].

В информации, собранной и обработанной Статистическим и экономическим отделом «Фиата», рассматривалось геополитическое расположение страны, демографическое распространение в главные урбанистические центры, а также рассматривались и экономические аспекты, касающиеся производственного аппарата Египта.

В исследовании, проведенном в 1928 г., вместе с анализом причин снижения продаж, которые пытались найти в конъюнктурной ситуации внутригосударственной экономики страны и в последующем повышении таможенных пошлин, прилагалось соотношение цен моделей «Фиата» с другими моделями, оперирующими на том же рынке [5, p. 187]. Исследование было завершено в 1932 г. вместе с включением в него сведений дипломатических представительств Египта, Сирии и Палестины о наиболее подходящих условиях продажи и качества продукции для удовлетворения требований и пожеланий местной клиентуры. В своем докладе Статистический отдел писал, что «так как в Египте не существует специализированных технических журналов, реклама размещается в ежедневных газетах и самых распространенных журналах. Помимо итальянского языка, на котором рекламируется продукция «Фиата», следовало бы обратиться к английскому, французскому и арабскому языку. Освещенные рекламные щиты, расположенные в ключевых точках Каира и Александрии, широко используются американскими компаниями» [5, p. 187].

Таким образом, «Fiat» создал условия для экономического проникновения, проектируемого в 1920-е гг. в докладах королевских торговых агентов, которыми фашистскому режиму не удалось восполь-

зоваться, управляя грамотным органичным проектом. Рост автомобильного египетского рынка, начиная с 1932 г., а в частности распространение моделей «Фиат», подтвердило успех предпринятой торговой стратегии компании крупными сделками. После учреждения «Фиата» в Александрии 21 июля 1928 г. акционерный капитал составил 100000 египетских лир, 51 % которого принадлежал акционерному обществу «Фиат» Турин, а оставшиеся 49 % – посланнику в Александрии В. Джаннотти, торговому агенту группы. С самого первого баланса, составленного в Турине в феврале 1929 г., Торговое Управление предполагало возможность выкупа акционерного пакета, принадлежавшего Джаннотти [5, р. 187]. Устранение Джаннотти означало бы передачу полного контрольного пакета акций туринской компании. В балансе 1930 г. подчеркивалось катастрофичное управление Джаннотти и необходимость реорганизации филиалов в Египте. Потерянные позиции, «которые нужно было учитывать исходя из балансов 1928 – 1929 гг. и которые не произошли бы из-за очевидных личных интересов», подтолкнули главного бухгалтера доктора Марцьяно, «человека энергичного, которому можно доверять», нового доверенного в дела из Турина, дать предприятию «новый импульс для поправки прошлых ошибок и подготовить лучшее будущее» [5, р. 187].

Падение продажи автомобилей «Фиат» в 1929 – 1930 гг. привело к ревизии организации Агентства, к снижению акционерного капитала до 50 тыс. египетских лир в целях оздоровления экономики и к закрытию филиалов в городах Мансуа, Минье и Танта.

Результаты нового управления, изначально благоприятствующие оживлению египетской экономики, начали проявляться в 1932 г. По данным баланса 1932 г. был зафиксирован рост продаж автомобилей «Фиат» на 50 % по отношению к предыдущему году; рост числа автомобилей «Фиат», эксплуатируемых в стране, что ознаменовало шаг вперед в конкурентной борьбе [8, р. 493]. В протоколе Комитета по управлению, датированном февралем 1933 г. говорится о том, что «рост импорта стал таким значительным, что местное население не успевает раскупать наши автомобили, а низкие квоты, которые нас вынуждают поддерживать конкурентные цены, не повлияли на чистый доход, превышающий покрытие основных затрат» [8, р. 494].

1933 г. ознаменовал собой бум продаж итальянских автомобилей в Египте. Прогрессивный рост импортных и экспортных ставок и одновременное повышение цен на хлопок были основными причинами повышения спроса на престижные товары, среди которых были и автомобили. Рост импортных итальянских поставок примерно на 90 % и автомобилей «Фиат» в частности ознаменовал относительный процентный рост, превышающий рост автомобильных поставок Великобритании и США, зарегистрированный в тот же период [8, р. 494]. Увеличение присутствия на рынке «Фиат» сказалось на снижении продаж у «Ford» и «General Motors». Такая же позиция закрепилась и в следующем году, когда все выставленные в Турине машины на экспорт были распроданы исключительно в Египте. Последующее улучшение рыночных условий Агентства укрепило успех компании и привело к проектированию открытия в Каире нового

филиала «Фиат». Открытие нового филиала в Каире в 1935 г. позволило рационализировать распространение моделей автомобилей «Фиат» в Египте.

Итальянская экспедиция в Эфиопию (1935 – 1936), из-за которой военное министерство заказало у «Фиата» 5 тыс. пулеметов [8, р. 494], практически не сказалась на продажах предприятия в Египте. В балансе, составленном в июне 1937 г., отмечается, что «во время похода 1936 г. филиал получил из Турина, Германии и Швейцарии 484 модели, из которых он продал 474» [5, р. 190]. Зарубежная организация «Фиата» в период экономических санкций стала необходимой для поддержания соответствующего объема продаж, важного для баланса предприятия. К тому же филиалы «Фиат» были посредниками закупки сырья для других итальянских предприятий и самого правительства, что ослабляло тяжесть санкций фашистскому режиму [4, р. 265].

Таким образом, деятельность, проводимая «Фиат» в Александрии, представляет собой самый удачный пример реализации итальянских экономических проектов в Египте. Организационная модель туринского предприятия благоприятствовала быстрому развитию экономической деятельности в Египте посредством правильного использования внутренних рыночных условий и ответом требований местной клиентуры.

Децентрализация производства, с помощью учреждения Агентств на различных международных торговых площадках, дала возможность предприятию дифференцировать собственную продукцию и реализовать в большинстве случаев эффективное широко-масштабное производство. К тому же относительная финансовая автономия Агентств позволяла туринской компании без излишних потерь жертвовать непродуктивными филиалами.

Таким образом «Фиат» в Египте предоставил фашистской Италии уникальную возможность роста престижа национальной продукции. Также знаменательными были преимущества, вытекающие из существования марки, которая, оперируя вне национального контекста, спасла фашистский режим от экономических санкций с позитивными прибыльными результатами для туринского дома, помогла выжить и другим итальянским предприятиям, оперирующим в Африке.

Что касается торговых отношений между Италией и Египтом в тридцатые годы в целом, то комплексный анализ динамики развития отношений свидетельствует о сокращении итальянских экспортных поставок. Статьи торгового соглашения 1931 г. Италии с Египтом гарантировали Италии режим наибольшего благоприятствования. Таким образом, Италия была частично нейтрализована от постоянно растущих налоговых пошлин и от японской конкуренции, нового экономического партнера Египта. К тому же рост и дифференциация промышленных египетских продуктов привели в 1932 г. к обратной тенденции в торговом итальянском балансе в отношении товарообмена с Египтом [19, р. 179]. Спад в экспортных поставках, который затронул все категории товаров, иногда сопровождался соответствующим повышением импорта. Показательным фактом в этом смысле является сильное падение экспортных поставок продовольствия, этот рынок к тому моменту доминировал в итальянской продукции вследствие заметного роста

таможенных пошлин. Единственный сектор, поддерживающий экспортный процент, был текстильный сектор, несмотря на наполнение египетского рынка японскими товарами.

Экономические санкции, принятые Лигой Наций против Италии после нападения Италии на Эфиопию в 1935 г., и решение египетского правительства частично поддержать их замедлили развитие торговых отношений между двумя странами в 1935 – 1939 гг., но эти отношения не были заморожены полностью. За итальянскими кораблями сохранялось право пользования Суэцким каналом. Нефть была исключена из списков товаров, запрещенных для продажи в Италию.

Завоевание Эфиопии и политика Египта, направленная против английского контроля над страной, дали фашистскому режиму сильный стимул для подготовки новых действий с целью все большего утверждения итальянской промышленности в Египте, а также с целью интенсификации итало-египетских торговых отношений и итальянской популярности в стране. Ситуация, однако, не претерпела серьезных изменений по причине скудности частных экономических инициатив, которые ограничивались участием в соревнованиях за подряды и поставки материалов. Ожидания снижения английского влияния после предоставления независимости Египту, а следовательно и

лучших условий для конкурентоспособности итальянских предприятий, очень быстро столкнулись с огромной разницей между английской и американской продукцией и итальянской. Способность интегрировать в египетскую экономику различные секторы производства и построить солидную дистрибьюторскую и финансовую цепь обеспечила англосаксонским странам контроль над египетским рынком. Зависимость египетской экономики от английского рынка, несмотря на развитие собственной промышленности, не завершилась договором 1936 г.

Таким образом, недостаточная активность итальянских предпринимателей, невозможность реализовать на практике планы королевских торговых агентов в Египте обусловили итальянским промышленным предприятиям второстепенную позицию на египетском рынке, ограничивая возможность осуществления прямого влияния на экономику страны. Отдельные удачные проекты, такие как реализация строительных программ или активизация деятельности компании «Фиат» на египетском рынке, остались в целом второстепенными достижениями итальянской экономической политики в Египте. Реализовать широкие планы вытеснения британских компаний из Египта Италии так и не удалось.

Литература

1. Борьба за Северо-Восточную Африку. М., 1935.
2. Aglietti B. L'Egitto. Dagli avvenimenti del 1882 ai giorni nostri. Roma, 1965.
3. Annuario degli italiani in Egitto 1933. Alexandrie, 1933.
4. Bigazzi D. Esportazione e investimenti esteri: la Fiat sul mercato mondiale fino al 1940. Storia e documenti. Milano, 1991.
5. Capurso F. La presenza italiana in Egitto. Napoli, 2000.
6. Carocci D. Italia: Dall'unità al oggi. Roma, 1965.
7. Carocci G. La politica estera dell'Italia fascista. Roma, 1969.
8. Castronovo V. FIAT 1899 – 1999. Un Secolo di Storia italiana. Milano, 1999.
9. Ciranna S. Italian Architecture in Egypt in the 30-s // Environmental Design: Presence of Italy in the Architecture of the Islamic Mediterranean. London, 1990.
10. Crider E. F. Italo-egyptian relations in the interwar period. 1922 – 1942. Michigan, 1986.
11. De Felice R. Il Fascismo e l'Oriente. Arabi, ebrei e indiani nella politica di Mussolini. Bologna, 1988.
12. I Documenti diplomatici italiani (DDI). Ser. 7. T. 2. Roma, 1955.
13. I Documenti diplomatici italiani (DDI). Ser. 7. T. 3. Roma, 1959.
14. I Documenti diplomatici italiani (DDI). Ser. 7. T. 4. Roma, 1962.
15. Lessona A. L'Africa settentrionale nella politica mediterranea. Roma, 1954.
16. Minganti P. L'Egitto Moderno. Firenze, 1959.
17. Mohamed Sharabi. Kairo. Stadt und Architektur im Zeitalter des europäischen Kolonialismus. Tübingen, 1989.
18. Petricoli M. L'Egitto degli italiani (1917 – 1947). Milano, 2007.
19. Sammarco A. Gli italiani in Egitto. Alexandrie, 1937.
20. Tedeschini Lalli M. La propaganda araba del Fascismo e l'Egitto // Storia contemporanea. 1976. Dicembre. № 31. P. 110 – 256.

Информация об авторе:

Нестерова Татьяна Петровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (Екатеринбург), tpnesterova@yandex.ru.

Tatiana P. Nesterova – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Foreign Regional Studies, Institute of Social and Political Sciences, Ural Federal University (Yekaterinburg).

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

ВКЛАД ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ПОСТРОЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО РЕЖИМА УПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИЕЙ

А. М. Погорельская

THE EU CONTRIBUTION TO THE GLOBAL GOVERNANCE OF MIGRATION

A. M. Pogorelskaya

Современная миграция населения является глобальным процессом, и ее регулирование возможно лишь совместными усилиями всех затрагиваемых ею сторон. В 1990-х гг. зародились внешнеполитические инструменты регулирования миграции, предполагающие сотрудничество между странами исхода, транзита и назначения мигрантов. Данная работа посвящена изучению региональных консультативных процессов, поскольку они являются новым явлением в регулировании миграционных потоков глобального уровня. В ходе исследования документов Европейского Союза и Международной организации по миграции, а также аналитических работ зарубежных авторов был сделан вывод о том, что эти механизмы являются достаточно эффективным и удобным для большинства участников форматом сотрудничества. Данная статья представляет обзор опыта Европейского Союза в данной области мировой политики, который считается достаточно успешным. Для того, чтобы не упустить возможности участвовать в формировании глобального режима управления миграцией, России необходимо изучить работу таких механизмов и активно включаться в их работу.

Contemporary migration is a global phenomenon and only all the affected states together can direct it. The 1990s witnessed the beginning of using foreign policy instruments in migration governance which means the cooperation among the countries of origin, transit and destination of migrants. This paper covers regional consultative processes which have become a new tendency in global governance of migration. Having analyzed the European Union and the International Organization for Migration documents as well as foreign researchers' articles, the author concludes that regional consultative processes are rather effective and convenient for most participants. This paper is an overview of the successful EU experience in this sphere of world politics. Russia should explore it and become more active in this issue in order to take part in the global governance of migration.

Ключевые слова: миграция, региональные консультативные процессы, Европейский Союз.

Keywords: migration, regional consultative processes, the European Union.

Современные миграционные потоки имеют тенденцию к росту в качественном и количественном плане, охватывая все новые географические регионы и слои населения [3, с. 254 – 275]. Перемещения огромных масс людей не могут не касаться затронутых этим процессом государств – как стран исхода и транзита мигрантов, так и стран их назначения. В этой связи с начала XX в. государства стали разрабатывать миграционную политику, которая имеет дело с режимом пребывания иностранцев на их территории, предоставлением гражданства, выдачей виз и пограничным контролем [15, с. 98 – 105]. Однако миграционная политика далеко не всегда имеет ожидаемые последствия, поскольку они зависят не только от действий правительств, но и решений самих мигрирующих индивидов [7, с. 299].

Долгое время регулирование миграции осуществлялось в одностороннем порядке. Но с ростом взаимозависимости мира государства постепенно пришли к выводу, что для повышения эффективности своей миграционной политики им необходимо сотрудничать. Первоначальные попытки сотрудничества носили двусторонний характер, тем не менее они положили начало сближению внешней и миграционной политики. Тогда же в конце XX в. оформилась идея многостороннего сотрудничества в сфере миграции в виде региональных консультативных процессов или же межрегиональных форумов по проблеме миграции [9].

В 1985 г. появилась система межправительственных консультаций по вопросам регулирования миграции и предоставления убежища, охватывающая в настоящее время 15 государств Европы и Северной Америки, а также Австралию и Новую Зеландию, и три организации (Европейское Сообщество, Международную организацию по миграции и Управление верховного комиссара ООН по делам беженцев). Эта система стала первым неформальным межправительственным форумом для обмена информацией, опытом и мнениями по вопросам управления международной миграцией. Ее секретариат базируется в г. Женева (Швейцария), тематика работы определяется председательствующим государством, занимающим этот пост в течение года. Механизм действует путем организации встреч соответствующих должностных лиц и экспертов, поддержки экспертных сообществ по вопросам миграции и убежища по всему миру, обеспечения доступа к результатам необходимых исследований и поддержки системы обмена информацией и статистическими данными [5]. Учитывая удобство такого формата сотрудничества, позднее он был продублирован в других частях мира – Азиатско-Тихоокеанском регионе (с 1996 г.), Северной и Центральной Америке (с 1996 г.) и Южной Америке (с 1999 г.) [16].

В Европе идея создания региональных консультативных механизмов нашла свое дальнейшее развитие в запуске в 1991 – 1993 гг. Будапештского процесса.

Он является консультативным форумом, объединяющим более 50 государств и 10 международных организаций. Этот механизм был создан в связи с окончанием холодной войны и падением «железного занавеса», инициировавшими массовую миграцию населения с территории бывшего Советского Союза в Европу, которую необходимо было регулировать совместными усилиями всех затронутых этим явлением стран. Впоследствии Будапештский процесс стал площадкой для обмена информацией и опытом, координации миграционной политики участников и содействия реализации совместных проектов. В своем развитии Процесс прошел три фазы. Первая (1993 – 2003 гг.) состояла в сотрудничестве ЕС по вопросам миграции со странами Центральной и Восточной Европы, которые тогда еще не входили в ЕС, а также странами Юго-Восточной Европы. Вторая фаза (2003 – 2009 гг.) расширила действие процесса на ряд стран СНГ. В настоящее время Процесс находится на третьей фазе своего развития, которая привела к включению в него стран региона Шелкового пути (Афганистана, Бангладеш, Китая, Ирака, Ирана и Пакистана) в качестве участников или наблюдателей [6]. Секретариатом процесса стал Международный центр развития миграционной политики, основанный в 1993 г. в г. Вена (Австрия) и носивший новаторские для того времени черты, способствовавшие в дальнейшем его успеху. Во-первых, в качестве центра анализа миграционных тенденций и политики он должен был также создать базу документов и аналитических материалов для консультирования стран-участниц Процесса в выработке долгосрочной миграционной политики. Во-вторых, за счет своей готовности сотрудничать с различными акторами Международный центр развития миграционной политики стал точкой соприкосновения и обмена информацией, опытом и знаниями между различными уровнями власти – международными и государственными структурами, а также неправительственными организациями различного масштаба [18, с. 375]. В 2013 г. была реформирована структура Будапештского процесса, тогда же была расширена повестка дня: фокус обсуждения сместился с борьбы с нелегальной миграцией на взаимосвязь миграции и развития, а также обеспечение возможностей для легальной миграции и предоставление убежища [10, с. 67 – 69].

Уже первые региональные консультативные процессы носили черты, ставшие затем характеристикой всех подобных механизмов. Они неформальны, т. е. переговоры носят конфиденциальный характер, хотя отсутствует институционализация сотрудничества. Они открыты, поскольку участие в региональных консультативных процессах добровольно, а решения, принятые в рамках их работы, не обязательны к исполнению всеми участниками. Наконец, такие механизмы весьма эффективны, поскольку из-за отсутствия раздутой административной структуры участники непосредственно вовлечены в обмен мнениями и информацией, что ускоряет согласование позиций [18, с. 377 – 378]. Подобным характеристикам во многом соответствуют и межрегиональные форумы по мигра-

ции, поэтому в исследованиях они рассматриваются вместе [10, с. 11 – 12].

Другим региональным механизмом сотрудничества, инициированным Европейским Союзом, стал Барселонский процесс, запущенный в 1995 г., а в 2008 г. переименованный в Средиземноморский Союз. Первоначально сотрудничество в рамках Процесса распространялось на три опоры: вопросы политики и безопасности; финансовые и экономические вопросы; отношения в культурной, социальной сфере и в области защиты прав человека. Проблемы, связанные с регулированием миграции в регионе рассматривались в рамках третьей опоры, пока в 2005 г. на саммите в г. Барселона (Испания) сотрудничество в управлении миграцией не было добавлено в качестве четвертой опоры Процесса [17].

С 2004 г. в рамках Процесса была запущена Программа по миграции, прошедшая к настоящему моменту три стадии реализации, которые характеризуются расширением повестки обсуждения и смещением акцента с борьбы с нелегальной миграцией на взаимосвязь миграции и развития. В рамках осуществления Программы по миграции проводятся мероприятия по развитию диалога и совместной работы в управлении миграцией, в частности предоставляется помощь соседям ЕС в выработке миграционной политики, осуществляется мониторинг и анализ миграционных потоков в регионе, а также проводятся встречи и обучающие семинары для соответствующих экспертов и должностных лиц. Учитывая успехи в реализации этой Программы, можно сказать, что вопросы регулирования миграции стали одним из приоритетов работы Средиземноморского Союза [10, с. 82 – 85].

Строго говоря, Средиземноморский Союз, как и Барселонский процесс ранее, не представляет собой региональный консультативный процесс, поскольку не является постоянно действующим неформальным межправительственным диалогом. Он скорее представляет собой программу межрегионального технического сотрудничества стран ЕС с 16 государствами Средиземноморья, Африки и Ближнего Востока с целью осуществления общих проектов. Однако, его формат, безусловно, в значительной мере напоминает региональный консультативный процесс, поэтому эксперты Международной организации по миграции рассматривают его именно с этой точки зрения [10, с. 85].

По предложению Сингапура и Франции, озвученному еще в 1994 г., был основан форум «Азия-Европа», первый саммит в рамках которого прошел в марте 1996 г. в г. Бангкок (Таиланд). В настоящее время после пяти этапов расширений в его состав входят 51 государство, а также Секретариат АСЕАН и Европейский Союз, представленный Европейской службой внешнеполитической деятельности. Целью форума является укрепление отношений между двумя регионами в политической, экономической и культурной сферах. Форум не имеет Секретариата, координация деятельности возложена на Малайзию и Монголию (в Азии) и Европейскую службу внешнеполитической деятельности и Италию (в Европе). Форум функционирует путем проведения раз в два года встреч глав

государств и правительств, а также проведения регулярных министерских встреч по специфическим вопросам. В рамках форума существуют диалоги по разным вопросам: защите окружающей среды, правам человека, борьбе с терроризмом, а также по миграции. Последний в частности был начат по инициативе Китая, Германии и Испании в ходе министерской конференции по сотрудничеству в управлении миграционными потоками в апреле 2002 г. В настоящее время он существует в виде ежегодных конференций соответствующих министров стран-участниц, каждая из которых посвящена отдельной проблеме в сфере управления миграцией. Кроме того, работающий в рамках Форума Фонд «Азия-Европа» также проводит работу в этом направлении, устраивая семинары и поддерживая обмен опытом [4]. Диалог по миграции формально не называется региональным консультативным процессом, он представляет собой механизм в рамках более широкой структуры, что позволяет комплексно обсуждать проблемы в разных областях. Тем не менее его характеристики соответствуют во многом определению региональных консультативных процессов [10, с. 61].

Согласно статье 13 Соглашения Котону 2000 г. сотрудничество ЕС со странами Африки, Карибского бассейна и Тихоокеанского региона (АКТ) должно было включать и диалог по миграции, который стал бы составной частью сотрудничества указанных регионов. Однако участники не раз отмечали медленный прогресс в его реализации. Поэтому в июне 2010 г. Совет АКТ-ЕС выпустил Совместную декларацию по вопросам миграции и развития, выделив три направления сотрудничества, которые предполагалось интенсифицировать: взаимосвязь миграции и уровня развития государств; расширение возможностей для легальной миграции; борьба с нелегальной миграцией. Новая структура диалога стала включать ежегодные встречи в г. Брюссель (Бельгия) послов всех участвующих государств, дополняемые рядом экспертных встреч [10, с. 58 – 59]. Постепенно повестка диалога расширяется, но поскольку сотрудничество с указанными странами не является приоритетом внешней политики ЕС, то реализация договоренностей, в том числе и по вопросам миграции затягивается.

В 2001 г. был дан старт Сёдеркопингскому процессу – региональному консультативному механизму, чьей первоначальной задачей было укрепление пограничного и миграционного контроля в Украине, Белоруссии и Молдове, которые должны были стать новыми соседями ЕС после его расширения в 2004 г. Поскольку Процесс выполнил свою первоначальную функцию гармонизации миграционной политики и законодательства, то в 2011 г. он был интегрирован в более масштабный механизм Восточного партнерства в качестве Панели по миграции и убежищу, а также расширен с первоначальных 10 участников (Белоруссия, Венгрия, Латвия, Литва, Молдова, Польша, Румыния, Словакия, Украина, Швеция) до 13 (включая Азербайджан, Армению и Грузию). Целью Панели стало содействие трансграничному сотрудничеству стран-участниц в вопросах миграционного и погра-

ничного контроля и предоставления убежища, что дополняет такие цели Восточного партнерства, как сотрудничество стран-участниц в политической и экономической сфере путем содействия проведению в государствах, соседствующих с ЕС, политических и социально-экономических реформ для гармонизации с общеевропейскими стандартами [8]. Функционирование Панели по миграции и убежищу осуществляется путем проведения ежегодных встреч участников (представителей стран-участниц и делегатов от Международной организации по миграции, Европейской Комиссии и неправительственных организаций) и экспертных встреч. Каждая встреча посвящена отдельной проблеме, что делает обсуждение более эффективным. Опорой этого регионального консультативного процесса стали национальные координаторы – назначенные в каждой стране-участнице специалисты, отвечающие за координацию деятельности и поддержание связей со всеми заинтересованными лицами. В 2011 г. был запущен масштабный проект по мониторингу миграционных процессов в странах Восточного партнерства и России – миграционный наблюдательный центр КАРИМ-Восток. Он регулярно проводит и предлагает в открытом доступе анализ миграционных тенденций на постсоветском пространстве и восточных рубежах Европейского Союза, а также служит форумом для экспертов и ученых и вспомогательным органом выработки миграционной политики ряда стран [2].

Сеть региональных и межрегиональных форумов по проблемам миграции с участием Европейского Союза расширилась в 2002 г. с запуском Диалога по миграции в Западном Средиземноморье, ставшего частью Диалога 5+5 – сотрудничества пяти европейских и пяти африканских стран по различным вопросам, продиктованного соображениями безопасности региона. Диалог не имеет секретариата и проходит в виде встреч на высоком уровне, которые дополняются по мере необходимости другими мероприятиями [1]. Диалог 5+5 по миграции представляет собой механизм политического сотрудничества с акцентом на взаимосвязи миграции и развития, в частности, на первопричинах легальной и нелегальной миграции в регионе. То, что он встроен в более широкую структуру сотрудничества, делает возможным комплексное решение проблем региона, однако, нерегулярность встреч и политический характер сотрудничества (без включения технического) снижают его эффективность. Его часто рассматривают во взаимосвязи с другим механизмом – Диалогом по транзитной миграции в Средиземноморье, также учрежденным в 2003 г. и носящим чисто технический характер [10, с. 80]. Последний представляет собой межрегиональный межправительственный консультативный форум с участием 46 государств и 7 международных организаций-партнеров с Международным центром развития миграционной политики в качестве секретариата. Его первоначальный фокус на борьбе с нелегальной миграцией и торговлей людьми с течением времени сохранился, но некоторое внимание стало уделяться также идеям взаимосвязи миграции и развития. Тем не менее этот механизм впоследствии не был включен

в число приоритетных в миграционной политике ЕС, к тому же он очень зависим от Евросоюза в плане финансирования, что может негативно сказаться на его развитии в будущем [10, с. 79].

Активное участие Европейского Союза или ряда его членов в работе региональных и межрегиональных консультативных процессов отражает глобальные тенденции в сфере управления миграцией. Деятельность ООН и Международной организации по миграции (МОМ) в этой области стала постепенно дополняться новыми механизмами, в частности, были учреждены Глобальная комиссия по вопросам международной миграции (2003 – 2005 гг.), Бернская инициатива (2001 – 2004 гг.), Глобальный форум по вопросам миграции и развития (с 2007 г.) [12, с. 1227 – 1228]. Успехи многосторонних механизмов если не в управлении, то в анализе и корректировке миграционных потоков стали одним из поводов принятия в Европейском Союзе комплексного, или глобального, подхода к управлению миграцией, который среди прочего предписывал сотрудничество с третьими странами, а именно странами происхождения и транзита мигрантов, в сфере регулирования миграции и предоставления убежища, а также использование инструментов внешней политики, политики развития и внешней торговли для управления миграцией [14, с. 2 – 4].

Реализуя поставленные в комплексном подходе к управлению миграцией цели, ЕС инициировал в дальнейшем целый ряд межправительственных диалогов по миграции. В частности, в 2006 г. был запущен Рабатский процесс, или Евро-Африканский диалог по вопросам миграции и развития. Он объединил 57 государств Европы, Северной, Центральной и Западной Африки, расположенных на устоявшемся миграционном маршруте из Африки в Европу, а также Еврокомиссию и Комиссию Экономического сообщества западноафриканских государств. Работа Процесса ведется в трех направлениях: организация легальной миграции, борьба с нелегальной миграцией и укрепление взаимосвязей между миграцией и развитием. В рамках Процесса проводятся встречи и семинары для министров и иных представителей стран-участниц и экспертов, сбор и анализ данных по миграции в регионе, составление и поддержка интерактивной карты миграционных маршрутов, техническая помощь странам Африки в выработке и проведении миграционной политики. Отличие этого процесса от других состоит в его формальном характере и принятии обязательных к исполнению решений, хотя участники высказались за то, чтобы сделать его более гибким [10, с. 33 – 35]. В том же году начал работу Процесс Триполи, объединяющий все африканские государства и Евросоюз в диалог по вопросам миграции по девяти направлениям работы, в том числе по взаимосвязи миграции и развития, противодействию нелегальной миграции и защите беженцев. Этот процесс можно характеризовать как серию формальных политических встреч на высоком уровне, что отличает его от неформальных региональных консультативных процессов и делает более похожим на сегмент более масштабного стратегического сотрудничества ЕС с Африкой. Акцент в

Процессе делается на обмене опытом и информацией [10, с. 35 – 38].

В 2009 г. увидели свет два межрегиональных форума по миграции: Структурный диалог по миграции между ЕС и странами Латинской Америки и Карибского бассейна и Пражский процесс, объединяющий ЕС, страны Юго-Восточной и Восточной Европы, Центральной Азии, а также Турцию и Россию. Диалог со странами Латинской Америки и Карибского бассейна проходит в трех сферах: взаимосвязь миграции и развития, борьба с нелегальной миграцией и упрощение легальной миграции. Постепенно был налажен обмен информацией и опытом [10, с. 75 – 78]. Пражский процесс объединяет более 50 государств, сотрудничающих в поощрении легальной миграции и мобильности, борьбе с нелегальной миграцией и интеграции легальных мигрантов. Для этого в рамках Процесса между министерскими конференциями, проходящими раз в два года, организовываются регулярные встречи экспертов и высоких должностных лиц для имплементации принятых решений и одобренных проектов [13].

В последние годы Европейский Союз стал больше внимания уделять участию в работе региональных консультативных процессов в области управления миграцией. Отчасти это обусловлено тем, что несмотря на наличие двусторонних соглашений между Евросоюзом и рядом государств, его партнеры все чаще предпочитают сотрудничество в рамках региональных консультативных процессов, поскольку принятые в их рамках решения не носят обязательный характер, что ослабляет возможности политического давления на них Евросоюзом, а также такой формат работы снижает издержки на консультации, обмен информацией и опытом [11].

Несмотря на разнообразие региональных консультативных механизмов, они похожи тем, что способствуют распространению общих взглядов, опыта и политических решений в сфере регулирования миграции, а потому служат цели гармонизации миграционной политики всех стран. Появление региональных механизмов по управлению миграцией знаменует изменение понимания миграционной политики: ее перестали считать прерогативой государства, обсуждаемой лишь в двустороннем порядке. Теперь в миграционном регулировании задействованы кроме национального, также региональный и глобальный уровни управления, а среди его участников есть как государства, так и международные правительственные, неправительственные организации, представители бизнеса, науки и гражданского общества. Возможно, в будущем развитие региональных консультативных процессов приведет к созданию глобального режима управления миграцией, который позволит поставить процесс миграции на службу всем заинтересованным сторонам: регионам происхождения и транзита мигрантов, регионам их назначения и самим мигрантам [18, с. 370 – 378].

Литература

1. 5+5 Dialogue / International Organization for Migration, 2014. Режим доступа: <http://www.iom.int/cms/-en/sites/iom/home/what-we-do/regional-processes-1/rcps-by-region/5--5-dialogue.html#meetings>
2. Консорциум прикладных исследований по международной миграции. О нас / CARIM-East, 2014. Режим доступа: <http://www.carim-east.eu/about-us/?lang=ru>
3. Юдина Т. Н. Социология миграции: к формированию нового научного направления. М.: Дашков и К, 2004. С. 254 – 275.
4. ASEM InfoBoard, 2014. Режим доступа: <http://www.aseminfoboard.org/>
5. Asylum Procedures: Report on Policies and Practices in IGC Participating States / IGC, 2012. Режим доступа: http://www.iom.int/files/live/sites/iom/files/What-We-Do/docs/IGC-Flyer-2014_public.pdf
6. Budapest process / ICMPD, 2014. Режим доступа: <http://www.icmpd.org/Budapest-Process.1528.0.html>
7. Castles St., Miller M. J. The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World, 4th ed. UK: Palgrave Macmillan, 2009. P. 299.
8. Eastern Partnership Panel on Migration and Asylum, 2014. Режим доступа: <http://eapmigrationpanel.-org/page108.html>
9. Hansen R., Koehler J. The Future of Migration Governance and Regional Consultative Processes, Background Paper WMR 2010 / International Organization for Migration, 2010. Режим доступа: http://publications.iom.int/bookstore/free/WMR2010_governance_regional_consultative_processes.pdf
10. Harnes Ch. Regional Inter-State Consultation Mechanisms on Migration: Approaches, Recent Activities and Implications for Global Governance of Migration / International Organization for Migration, 2013. Режим доступа: http://www.iom.int/files/live/sites/iom/files/What-We-Do/docs/2013-Global-RCP-Background-Study_MRS45.pdf
11. Korenevych M. 2004 Söderköping Process Cluster Meetings / European Commission, 2005. Режим доступа: <https://www.iom.int/jahia/webdav/shared/shared/mainsite/microsites/rcps/soderkoping/Soderkoping-Cluster-Meetings-2004.pdf>
12. Kunz K. Governing International Migration through Partnership // Third World Quarterly, 2013. Vol. 34. № 7. P. 1227 – 1228. Режим доступа: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/01436597.2013.825089?journalCode=ctwq20>
13. Prague Process / ICMPD, 2014. Режим доступа: <http://www.icmpd.org/Prague-Process.1557.0.html>
14. Presidency conclusions, Brussels European Council, 15/16 December 2005 / Council of the European Union, 30.01.2006, Brussels, P. 2 – 4. Режим доступа: http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/ec/87642.pdf
15. Sales R. Understanding Immigration and Refugee Policy. UK: The Policy Press, 2007. P. 98 – 105.
16. Solomon M. K. Regional and Global Migration Dialogues, Roundtable 1, 2012. Режим доступа: <http://www.un.org/esa/population/migration/hlmimd2013/Michele%20Klein%20Solomon%20-%20Regional%20and%20Global%20Migration%20Dialogues.pdf>
17. The Barcelona process / European External Action Service, 2014. Режим доступа: http://www.eeas.europa.eu/euromed/barcelona_en.htm
18. Thouez C. and Channac F. Shaping international migration policy: The role of regional consultative processes // West European Politics, 2006. Vol. 29. № 2. P. 370 – 387.

Информация об авторе:

Погорельская Анастасия Михайловна – аспирант кафедры Мировой политики исторического факультета Томского государственного университета, englishteacher1@rambler.ru.

Anastasia M. Pogorelskaya – post-graduate student at the Department of World Politics, National Research Tomsk State University.

(Научный руководитель: Мирошников Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры Мировой политики исторического факультета Томского государственного университета, smiroshnikov64@mail.ru.

Academic advisor: Sergey N. Miroshnikov – Candidate of History, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of World Politics, National Research Tomsk State University).

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

СТРУКТУРНЫЕ УРОВНИ АНАЛИЗА В ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И ЕВРОСОЮЗА
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Т. А. Романова

STRUCTURAL LEVELS OF ANALYSIS IN THE EU – RUSSIA RELATIONS AT PRESENT

T. A. Romanova

Статья рассматривает эволюцию отношений России и Европейского союза, выделяя в них структурные уровни анализа (прежде всего, диалог России с ЕС на наднациональном уровне и с отдельными его странами-членами). Отмечая эволюцию в развитии двух уровней от синхронности к какофонии и обратно к синхронности, автор выделяет факторы, которые способствовали согласованности позиции ЕС на всех уровнях отношений с Россией. Особо отмечается различие в этих факторах до и после украинских событий 2014 г., вызвавших глубокий кризис в диалоге Москвы и Брюсселя. Автор также подробно останавливается на усложнении структурных уровней анализа в отношениях России и ЕС в 2014 – 2015 гг. за счет роста важности международных организаций, с одной стороны, и становления евразийских структур сотрудничества, с другой.

The paper assesses the evolution of the EU – Russia relations, identifying the structural levels of analysis in them (first and foremost, the dialogue between Russia and the EU as a block and Russia and individual EU member states). Stressing the evolution in the development of two levels from synchrony to cacophony and back to synchrony, the author identified the factors which facilitated the synchrony of the EU's position towards Russia. Particular attention is paid to the fact that the factors which led to the synchrony of the EU national and community levels were different before and after the Ukrainian events of 2014, which led to a pronounced and deep crisis in the EU – Russia relations. The author also examines in detail the growing complexity of the structural levels of analysis in 2014 – 2015. The two processes led to the later: increased importance of international organisations, where both Russia and the EU are equal members, and strengthening of the institutions of Eurasian integration.

Ключевые слова: отношения России и ЕС, уровни анализа, коммунитарный, национальный, международные организации, евразийская интеграция.

Keywords: EU – Russia relations, levels of analysis, communitarian, national, international organization, Eurasian integration.

Отношения России и Евросоюза в последние два года стали одним из самых болезненных вопросов в международных отношениях. С одной стороны, Москва последовательно пытается настаивать на своем равном статусе по сравнению с другими игроками в мировой политике. С другой стороны, Евросоюз разочарован тем, что так и не смог интегрировать нашу страну в ту систему международных отношений, которую он продвигает и поддерживает. Наблюдаемый кризис возник не на пустом месте; отношения России и Евросоюза долго подходили к этой точке, и, как отмечают многие сотрудники Министерства иностранных дел России, проинтервьюированные автором, если бы не Украина, возник бы другой повод для обострения между Москвой и Брюсселем.

В этом контексте представляется необходимым разобраться в эволюции отношений России и Евросоюза. Масштаб данной статьи не позволяет рассмотреть все детали. В отношениях России и ЕС надо выделять тематическую, институциональную и структурную эволюцию [34], динамику которой нам помогает проследить изменение соотношения между различными уровнями анализа [34]. Статья рассматривает связи России и ЕС, исходя из структурного подхода к проблеме уровней анализа, выделяя диалоги на национальном и наднациональном уровнях, а также на уровне международных организаций. Она также идентифицирует факторы, способствующие сохране-

нию гомогенности между наднациональным и национальными уровнями политики ЕС.

В первой части представлены теоретические аспекты проблемы уровней анализа, а также структурный подход к ней, во второй рассмотрены существующие подходы к проблеме структурных уровней анализа в отношениях России и ЕС, а также эволюция связей Москвы и Брюсселя в данном разрезе, и те факторы, которые способствовали и какофонии со стороны ЕС, и постепенно возрастающей синхронности между его уровнями. Наконец, третья часть статьи анализирует, как структурно трансформируются отношения России и ЕС в современных условиях (в 2014 – 2015 гг., т. е. после украинских событий).

Проблема уровней анализа и структурный подход к ней

Проблема уровней анализа прочно вошла в изучение международных отношений в 1960-е гг., чему способствовали три обстоятельства. Во-первых, М. Бунге еще в 1960 г. писал, что «вопрос уровней ...кажется особенно важным в построении научно-ориентированной онтологии и перспектив, поскольку дает реалистичную и объединенную категоризацию частям материальной и культурной реальности» [13, с. 406]. Параллельно в 1959 г. К. Волтц в своей кандидатской диссертации идентифицировал три потенциальных источника войны – человека, государство и систему – что де-факто демонстрирует три возмож-

ных уровня анализа в международных отношениях. Наконец, в 1961 г. Д. Сингер опубликовал работу об уровнях анализа, в которой он подчеркнул возможность многогранного изучения любого феномена. В частности, «можно смотреть на цветы и на сад, на скалы и каменоломню, на деревья и на лес» [37, с. 77]. Ключевой посыл работы Сингера заключался в том, что системная и подсистемная перспективы высвечивают различные аспекты одного и того же феномена, а глубокое познание является результатом применения различных перспектив.

С того времени дискуссия об уровнях анализа развивалась по двум направлениям. Во-первых, ученые пытались определить онтологические уровни анализа, а также их относительную важность. Некоторые следовали за К. Уолтцем и его тезисом о приоритете системного уровня. Другие настаивали на превалировании индивидов [19 – 20]. Предлагалось дифференцировать между индивидами, бюрократиями и институтами внутри государства [18; 27; 35]. Высказывалась и точка зрения о необходимости учета растущей сложности международной среды, анализировать отдельно глобальный, региональный и межгосударственный уровни [10; 14].

Во-вторых, была обозначена необходимость отличить уровни анализа от единиц анализа. В. Моул первым заговорил об этом, раскритиковав Сингера за смешение проблемы единица-целое (т. е. вопроса о единице анализа) и проблемы «переменных, которые объясняют поведение конкретной единицы» [26; 42].

Иными словами, категория «уровни анализа» может иметь и онтологический, и эпистемологический смысл, между которыми важно понимать разницу, поскольку эпистемологическое понимание уровней позволяет синтезировать различные объясняющие факторы [32], тогда как онтологическое – этому препятствует. А. Вендт также читает проблему уровней анализа через эпистемологическую призму, настаивая, что это «проблема объяснения: оценки относительной важности различных каузальных факторов на различных уровнях агрегирования» [41].

Уровни анализа по-прежнему используются и в онтологическом, и в эпистемологическом смысле. Данная статья придерживается эпистемологической точки зрения. Она использует категорию «уровни» как инструмент для анализа структурных аспектов отношений России и ЕС. Ни один из этих уровней не может быть абсолютно изолирован от остальных отношений России и ЕС и именно это позволяет нам говорить об уровнях анализа [28].

Наиболее очевидное применение методологии уровней анализа к отношениям России и ЕС связано со спецификой Евросоюза как международного актора. Его нередко описывают как явление особого рода, *sui generis* [17; 29; 33], состоящего из наднационального уровня (институтов ЕС, координирующих процесс принятия решений), стран-членов, а также субнациональных образований (регионов). Существование в ЕС этих уровней даже стимулировало появление концепции многоуровневого управления, которая акцентирует внимание на том, как акторы взаимодействуют на различных аренах при выработке той

или иной политики [25]. Несомненно, уровни регионов и индивидов важны для функционирования Евросоюза, однако, для нынешней статьи ключевыми являются наднациональный и национальный уровни.

Особая природа Евросоюза проявляет себя комплексно во внешних отношениях. Как принято считать, 28 стран-членов ЕС согласованно проводят политику в экономической области, поскольку договорились о т. н. слиянии суверенитетов здесь (т. е. о том, что они не будут осуществлять какие-либо действия самостоятельно, а будут только принимать согласованные решения, либо квалифицированным, либо простым большинством при участии Европейской комиссии, Европейского парламента и Суда ЕС). Это результат т. н. коммунитаризации внешней экономической политики ЕС, обусловленной тем, что компетенции во внутренней экономической политике (в том, что касается регулирования свободы передвижения товаров, услуг, капитала и людей) переданы на наднациональный уровень.

Однако в то же время страны-члены конкурируют друг с другом за новые рабочие места, новые источники дохода, что потенциально подрывает согласованность их действий на внешней арене в экономике, заставляет отдельные национальные столицы порой ставить под вопрос политику ЕС на наднациональном уровне. Пределы этой самостоятельности постепенно ограничивались вначале основополагающими актами Европейских экономических сообществ, а затем и Евросоюза (со всеми последующими реформами учредительных документов). Тем не менее остаются еще множественные лакуны, да и четко прописанные правила (о госпомощи, об экспорте и импорте и т. п.) страны-члены порой нарушают.

Во внешней политике принято говорить, скорее, о брасселизации, чем о коммунитаризации. Еще с 1970-х гг. страны Европейского экономического сообщества стали постепенно усиливать координацию своих внешнеполитических действий. Этот процесс активизировался с созданием Евросоюза в результате подписания Маастрихтского договора, а затем и его укреплением в ходе одобрения Амстердамского, Ниццкого и Лиссабонского договоров. Несмотря на укрепление наднациональных органов в области внешней политики (выразившемся в последние годы в создании Европейской внешнеполитической службы и поста Высокого представителя по внешней политике), страны-члены сохраняют здесь полноту власти, а для принятия решений требуется единогласие. В то же время национальные столицы нередко прагматично отдают на откуп структурам ЕС такие сложные вопросы, как критика нарушений прав человека, демократии и законности в партнерах. Более того, их согласованной позиции содействует такая категория, как солидарность стран-членов, вырабатываемая в ЕС с 1970-х гг. [39].

Таким образом, структурное измерение отношений России и ЕС довольно сложно и подвижно. Оно определяется не только тем, что прописано собственноручно во внутренних актах ЕС или в двухсторонних документах России и ЕС, но и ежедневной интерпретацией этих актов, ежеминутной практикой политиче-

ского процесса, а также неформальным взаимодействием. В этой связи интерес представляет то, как соотношение наднационального и национального эволюционировало в диалоге России и ЕС, какие факторы способствовали синхронизации этих уровней, и, в конечном итоге если не коммуитаризации, то брусселлизации вопросов, а также и то, как на структурное измерение отношений России и ЕС повлияли события 2014 – 2015 гг.

Динамика национального и наднационального в отношениях России и ЕС до 2014 года

Структурный подход к уровням анализа в отношениях России и ЕС на сегодняшний день наиболее развернутый. Его часто ассоциируют с концепцией двухуровневой игры [38], хотя эта концепция была разработана Р. Путнамом для концептуализации участия государства в международных организациях / переговорах [30] и лишь позже использована для анализа отношений ЕС и США [31].

Структурный подход в отношениях России и ЕС стал актуальным на рубеже XX и XXI вв., поскольку 1990-е гг. характеризовались относительно пасторальным налаживанием связей между Москвой и Брюсселем. С одной стороны, это было вызвано тогдашним интеграционным настроением российской внешней политики, определенным ее романтизмом в отношении Запада и любопытством к опыту 12/15 стран-членов Евросоюза. С другой стороны, сам ЕС был более гомогенным, а его действия – согласованными. Кроме того, его страны-члены были умеренно зависимы от российских энергетических ресурсов и не имели серьезных исторических травм, связанных с нашей страной. Напротив, как и в Москве, их отношение было продиктовано надеждами на прочные будущие отношения после окончания Холодной войны.

Таким образом, факторами гомогенности национального и наднационального уровней на этом этапе было желание построить конструктивные отношения, согласие России следовать в фарватере ценностей, норм и правил Евросоюза (в т. ч. зафиксированное в Соглашении о партнерстве и сотрудничестве 1994 г. [1]), а также внутренняя гомогенность Евросоюза и отсутствие исторических травм или ощущения уязвимости собственной безопасности среди его членов.

Ситуация стала меняться на рубеже веков, чему способствовали несколько факторов. Во-первых, приход В. Путина на пост Президента в сочетании с постепенным экономическим восстановлением сделал Россию более уверенной и жесткой в защите своих интересов, постепенно страна начала требовать большего равенства с ЕС и США в новой системе. Даже старые страны ЕС почувствовали необходимость подвергнуть критике отдельные инициативы Москвы, но без нарушения конструктивного диалога с Россией. Причем нередко они оставляли за Брюсселем возможность критики России, а сами при этом выстраивали прагматичные деловые отношения. Такая тактика способствовала становлению негативного отношения к ЕС в России.

Во-вторых, расширение 2004 г. существенно усилило гетерогенность внутри Евросоюза, в особенности, по России. Новые члены организации были более уязвимы в связи и с большей зависимостью от российских природных ресурсов (прежде всего, углеводородных), и с историческим наследием, и из-за отчасти пренебрежительного отношения Москвы к ним. В этом контексте логичным стали их попытки провести различия между ними, заслуги которых в преобразованиях были отмечены вступлением в клуб «избранных», в ЕС, и Россией с ее незавершенными политическими и экономическими реформами. Новые страны также потребовали более жесткого осуждения действий России со стороны Евросоюза, более активной критики Москвы в области прав человека, демократии и верховенства закона.

Они привнесли в российскую политику Евросоюза не только свое особое видение, которое контрастировало с тем, что разделяли старые страны ЕС [15; 36], но и свои проблемы (в частности, вопросы русскоязычных меньшинств, транзита природного газа и нефти, ценообразования на углеводороды, вопросы трактовки отдельных страниц истории). Трансляция отдельных национальных проблем на наднациональный уровень – легитимная практика в ЕС, однако, она не сделала ничего хорошего для отношений России и ЕС. Литва и Польша, напротив, смогли заблокировать начало переговоров по новому базовому соглашению на многие месяцы. Более того, российские ученые все чаще проявляли озабоченность, что немногие страны ЕС выступают конструктивно в отношениях России и ЕС [8 – 9; 11]. Отдельные российские специалисты сдвинулись к точке зрения, что ЕС – это довольно неуклюжий игрок, отношения со странами ЕС более эффективны, а Брюссель хорош только для безвизового диалога [3]. А российские дипломаты упрекали ЕС за манипулирование вопросами компетенций в соответствии с тем, как удобно ЕС для переговорной тактики в каждый конкретный момент [40].

Многие служащие ЕС, а также тамошние исследователи, напротив, считали, что это Россия привносит разлад во внешнюю политику Евросоюза, решая вопросы на уровне отдельных (более дружественно настроенных) стран-членов и оставляя в стороне других [16; 21 – 22]. Россию также упрекали в попытке разрешить двухсторонние проблемы на уровне ЕС (например, конфликт с Польшей относительно сельскохозяйственных поставок в 2007 г. или вопросы русскоязычного населения в Латвии и Эстонии). Несмотря на структурные преобразования внутри Евросоюза (укрепление наднационального уровня в области внешней политики в результате принятия Амстердамского и Лиссабонского договоров), проблему решить окончательно не удавалось.

Наконец, и в отечественной, и в зарубежной науке было сделано несколько попыток классифицировать страны-члены Евросоюза на основе их отношения к России [6 – 7; 12; 23]. Сквозная идея этих исследований (как, впрочем, и всего структурного подхода к уровням анализа в отношениях России и ЕС) в том, что различия между странами ЕС затрудняет выработку общей политики Евросоюза в отношении Рос-

сии, а следовательно, высвечивает как внутренние институциональные сложности внутри ЕС, так и различия мотивации стран-членов в этих отношениях, а также дифференцированные трактовки некоторых базовых категорий.

С одними странами в результате у России были достаточно развитые и экономические, и политические отношения, с другими – связи носили, скорее, экономический характер, а с третьими – политические проблемы и историческое наследие осложняло выстраивание конструктивных отношений. В результате, сохранялась не только дифференциация между странами ЕС в плотности и качестве диалога с Москвой, но и повестка двухсторонняя нередко была отлична от повестки отношений Москвы и Брюсселя.

Таким образом, факторами десинхронизации, какофонии стали растущая уверенность России, ее отказ следовать в фарватере ЕС, а также возросшая помощь в ЕС и в особенности исторические травмы новых стран-членов, а также их ощущение уязвимости в области (энергетической) безопасности из-за высокой зависимости от России. Примечательно, что даже внутренние реформы, направленные на усиление институтов сотрудничества стран-членов и координации их действий, не смогли преодолеть этой какофонии в полной мере.

Любопытным феноменом в этой связи стало Партнерство ради Модернизации, запущенное Россией и ЕС в июне 2010 г. [2] (как и другие сферы отношений России и ЕС, оно пострадало от событий в 2014 г., было де-факто заморожено). В период с 2009 по 2013 гг. Россия и страны-члены заключили 24 документа о партнерстве ради модернизации, которые развивали договоренности на уровне Россия – ЕС [6 – 7]. Более того, все документы России и ЕС по модернизации поддерживали эти двухсторонние договоренности, а последние, в свою очередь, наполняли субстанцией диалог по линии Россия-ЕС.

В соответствии с классическим порядком разделения компетенций между ЕС и его странами-членами, экономическая часть этих документов по модернизации была тождественной (хотя и отражала специфику стран-членов и их связей с Россией [6]). А вот политические части национальных документов по модернизации рознились [7]. Несмотря на общую нормативную повестку [24], часть стран предпочло делегировать ее на уровень ЕС, другие – упомянуть только наименее политизированные вопросы, а третьи – включить гораздо более жесткие требования на национальном уровне по сравнению с документами на уровне Россия – ЕС. Таким образом, Партнерство ради Модернизации было не радикальным разрывом с предыдущей какофонией, а скорее, плавной эволюцией к более согласованному диалогу Евросоюза с Россией как на наднациональном, так и на национальном уровне.

Тем не менее важность Партнерства ради Модернизации в отношениях России и ЕС заключалась в том, что в 2009 – 2013 гг. впервые за историю этих отношений с 1992 г. согласованная повестка специально поощрялась и продвигалась на обоих уровнях взаимодействия России с ЕС. Этому содействовало не

только распределение компетенций внутри ЕС, но и общее согласие в отношении целей, а также усилия России, которая являлась автором всех экономических проектов документов по модернизации и адаптировала их к индивидуальным нуждам каждого государства-члена в ходе двухсторонних переговоров. В политической же части разногласия стимулировало как отсутствие компетенций на уровне ЕС, так и то, что никаких общих договоренностей Москва не предлагала (но и не препятствовала им), конкретные положения зависели напрямую от соответствующих стран ЕС и их способности к координации [7].

Таким образом, можно сделать вывод, что с 2009 г. до 2014 г. росла синхронность действий Евросоюза по отношению к России на наднациональном и национальном уровнях. Этому способствовали как факторы внутри ЕС (разграничение компетенций, усиление институтов координации внешней деятельности ЕС в результате реформы учредительных документов, особенно Лиссабонским договором), так и внешние факторы, продиктованные Россией (представление единой повестки на наднациональном и национальном уровнях, согласие в отношении среднесрочных целей (модернизации)). Такая позитивная динамика, однако, не ликвидировала различия между наднациональным и национальным уровнями, особенно в политической области, обусловленные гетерогенностью стран-членов. Москва также сохраняла ощущение, что ЕС порой произвольно отсылает при переговорах то к национальному, то к субнациональному уровню, используя это как переговорную тактику.

Динамика национального и наднационального в отношениях России и ЕС в 2014 – 2015 гг.

Пожалуй, одной из самых любопытных тенденций 2014 г. стала способность Евросоюза сохранять свое единство в политической области, возросшая синхронность наднационального и национального уровней в условиях, когда Россия отказалась и от среднесрочной разделяемой цели, и от механизмов ее продвижения одновременно на двух уровнях.

Синхронность ЕС проявилась в его согласованной реакции на события в Крыму в марте 2014 г., а затем и в Восточной Украине. ЕС не только единодушно обвинил Россию в произвольном одностороннем изменении границ, в отказе от своих международных обязательств (гарантии территориальной целостности Украины), а затем и в вооруженном вторжении на территорию Украины для поддержки повстанцев в Донецкой и Луганской областях, но и смог ввести против нее санкции. Напомним, что согласно праву ЕС санкции требуют вначале политического единогласного решения всех стран-членов, а затем уже одобрения соответствующих мер Европейской комиссией квалифицированным большинством участников ЕС. Причем первое решение относится к прерогативе стран-членов, а второе, экономическое, – к компетенции ЕС.

Вначале рестриктивные меры ЕС носили исключительно символический характер: они затрагивали отдельных политиков России (в т. ч. Крыма) и Вос-

точной Украины, их права на свободу передвижения в ЕС, а также заморозку их активов. Иными словами, ущерба экономике ЕС это почти не наносило. Затем, однако, в июле 2014 г. ЕС перешел к широким экономическим санкциям (затронувшим энергетическую область, банковский сектор и военно-промышленный комплекс). В сентябре 2014 г. эти широкие экономические меры были ужесточены. Впоследствии ЕС еще несколько раз расширял черный список россиян и украинцев, обвиненных в нарушении территориальной целостности Украины. Несмотря на неравномерно распределенный экономический ущерб от санкций, вопреки жалобам со стороны Финляндии, Чехии, Кипра, а также бизнес-кругов Германии и Франции, политическое единство удалось пока сохранить.

Россия неоднократно этот консенсус пыталась разрушить. Во-первых, предпринимались действия, направленные на внутреннюю политику стран-членов. Это, прежде всего, финансовая поддержка, а также активные контакты с крайне правыми силами Франции (Национальный Фронт), Венгрии (Йоббик) и Германии (Альтернатива для Германии). Эти партии противодействуют усилению Евросоюза, передаче ему новых компетенций, а также лоббируют восстановление отдельных национальных прерогатив. Таким образом, попытка подорвать единство ЕС была предпринята изнутри его стран-членов.

Во-вторых, Россия активно использовала экономические рычаги, пытаясь вызвать конкуренцию между странами-членами. Здесь можно упомянуть, например, отказ от строительства Южного потока в Болгарию и рекомендации В. В. Путина Софии искать экономическую помощь и потенциальные источники финансирования в Брюсселе. Таким образом, Болгарии были продемонстрированы конкретные экономические убытки от солидарности со странами ЕС. Другая иллюстрация – готовность в начале 2015 г. обсудить с Грецией возможность создания на ее территории газового хаба (центра перераспределения голубого топлива), который бы связал ее с Турецким потоком, пришедшим на смену Южному потоку. Наконец, еще один пример – это попытки открыть переговоры с отдельными странами ЕС о поставке только с их территории отдельных категорий мясной продукции, запрещенных как в результате фито-санитарного контроля, так и ответных ограничительных мер России в августе 2014 г.

Все эти действия, однако, не смогли пошатнуть единства внутри Евросоюза. Более того, даже когда новые минские соглашения в феврале 2015 г. выработали при активной поддержке канцлера Германии А. Меркель и президента Франции Ф. Олланда, т. е. национальных, а не наднациональных лидеров, их результаты затем были немедленно представлены остальным странам ЕС на Европейском совете в Брюсселе (что дало этим соглашениям легитимность внутри всего ЕС, послало вовне сигнал, что за соглашениями стоит ЕС).

Что способствовало такой консолидации ЕС в ущерб многим более прагматичным экономическим интересам? Здесь следует отметить два фактора. Первый и, с нашей точки зрения, самый важный – это

ощущение атаки на Евросоюз, прежде всего, на ценности и нормы, которые он пытается проводить в своей внешней политике (мы намеренно оставляем в стороне нередко справедливые возражения отечественных экспертов о том, что сама трактовка и применение этих норм Евросоюзом пропитана двойными стандартами). Это ощущение атаки на Евросоюз усиливала риторика стран Балтии, которые, указывая на значительное, не интегрированное в гражданские и политические структуры русскоязычное меньшинство на своей территории, высказывали опасения, что и в отношении них может быть разыграна та же карта, которую по официальной версии ЕС разыграла Россия на Украине (защита прав русскоязычного меньшинства вплоть до вооруженного вторжения). Наконец, атмосфере атаки на Евросоюз содействовали и многочисленные инциденты на границе (полеты российских военных самолетов, задержание эстонского полицейского в пограничной зоне и т. п.).

Таким образом, первый фактор синхронизации национального и наднационального уровней в отношении России – это ощущения внешней угрозы, интенсивность которой была разной для национальных столиц. Он лег на прочный фундамент уже существующей с 1907-х гг. нормы о солидарности членов ЕЭС. По своей силе этот внешний фактор оказался более мощным, нежели даже разделяемая повестка с Россией и ее шаги по поощрению синхронных отношений на национальном и наднациональном уровнях в эпоху Партнерства ради Модернизации. При этом, если в период Партнерства страны ЕС выравнились по конструктивной линии отношений с Россией (условно «немецкой»), то в 2014 – 2015 гг. общей стала минималистская, жесткая линия в отношении России, проводимая, прежде всего, странами Балтии и Польшей.

Во-вторых, консолидации стран-членов внутри ЕС способствовали рычаги внешней экономической политики, где компетенции переданы на уровень Евросоюза. Они позволяли свести на нет попытки сепаратных договоренностей стран-членов. В частности, Брюссель довольно быстро свел на нет все попытки стран ЕС оговорить для себя особые условия в поставке сельскохозяйственных продуктов в Россию. В других случаях санкции принимались так, чтобы не затронуть особо чувствительные области (например, поставки оборудования из Чехии). В отдельных случаях страны, исходя из своих идеологических соображений, соглашались нести экономическое бремя (аграрный экспорт стран Балтии или ограничения в финансовой области для Великобритании). Наконец, Евросоюз представлял отдельные программы помощи особо пострадавшим группам предприятий (прежде всего, аграрному сектору).

По сути, диссонанс с общей линией Евросоюза в отношении России в 2014 – 2015 гг. высказывали только две группы политиков. Первые – это маргинальные силы, либо не находящиеся у власти (как крайне правые), либо имеющие серьезные проблемы с Евросоюзом (как нынешняя правящая элита в Венгрии). Вторые – это группы, которые хотели усилить свою переговорную позицию в Евросоюзе. Здесь наи-

более ярким примером является Греция, безусловно, имеющая длинные исторические связи с нашей страной. Самое важное для нового левого правительства здесь – выработка договоренностей по реструктуризации задолженности, отказ от режима жесткой экономики. В данном контексте переговоры с Россией используются, главным образом, для того, чтобы дороже продать голос Афин в построении внутреннего консенсуса в ЕС, а не для того, чтобы коренным образом изменить позицию последнего. Яркая иллюстрация этого феномена – голосование по расширению санкций в отношении России в январе 2015 г., когда, несмотря на свои возражения накануне заседания, Афины не заблокировали новые ограничительные меры ЕС.

Таким образом, наличие инструментов дисциплины во внешней экономической политике, а также умение стран-членов договариваться через взаимные уступки, путем пакетной дипломатии, – второй фактор который обеспечивает единство ЕС. Однако этот фактор (как и преобразования, вызванные Лиссабонским соглашением) вторичен по отношению к ощущению внешней угрозы. Именно поэтому парадоксальным образом действия России, направленные на подрыв синхронности национального и наднационального, способствуют не разобщенности ЕС, а его дальнейшей консолидации.

Новые тенденции структурных уровней анализа отношений России и ЕС

События 2014 – 2015 гг. наметили еще две важных тенденции структурных уровней анализа отношений России и Евросоюза. Первая – это усиление внимания к международным организациям. Их роль в выстраивании отношений России и ЕС существенно возросла на фоне нежелания Брюсселя сохранять классические, двухсторонние каналы связей с Москвой, стремления заморозить диалог де-факто по всем направлениям [4]. Прежде всего, надо упомянуть те международные организации, где Россия и ЕС равноправные члены (например, ВТО, Договор к Энергетической хартии). В современных условиях именно здесь идут многие экспертные консультации по торговле и энергетике, по этой линии сохраняются рабочие контакты. К другой группе надо отнести ОБСЕ и ООН (в т. ч. ее Экономическую комиссию), которые призваны способствовать как деэскалации в Старом Свете, так и нахождению консенсуса по многим спорным вопросам (от новой концепции безопасности в Европе до стандартизации товаров).

По сути, можно говорить об укреплении институтов, внимание на которые давно уже обращала Россия как на форумы, где диалог может вестись не с позиции трансляции лишь норм и ценностей ЕС на Россию, а в формате двухстороннего сближения и равноправного диалога [5]. Учитывая именно акцент на равноправие в современной внешней политике России, эти форумы могут стать новым структурным уровнем в отношениях России и ЕС.

Вторая тенденция – это укрепление евразийских структур, в т. ч. создание Россией, Казахстаном и Беларусью в 2015 г. Евразийского экономического сою-

за, которому переданы части компетенций его стран-членов. В результате, в перспективе проблема наднационального и национального будет в полном объеме воспроизводиться и на отечественной стороне диалога России и ЕС. Отметим, что МИД уже это активно использует в диалоге с Евросоюзом, указывая, что отдельные вопросы надо решать не на Смоленской площади, а в офисе Евразийской экономической комиссии.

Пока, с нашей точки зрения, здесь преобладают тактические соображения: Москва получила ту же возможность играть между национальным и наднациональным уровнями, которая так долго ее раздражала в Евросоюзе. Эта возможность тем более интересна, что, поскольку Казахстан и Беларусь не состоят в ВТО, Брюссель пока официально не может признать евразийские структуры (хотя все активнее ведет с ними диалог в условиях отсутствия контактов по текущим вопросам с Москвой).

Однако в перспективе вопрос компетенций должен быть рассмотрен Москвой и на более фундаментальном уровне: как теперь вести переговоры по новому базовому соглашению с Евросоюзом, где какие вопросы решать и, главное, как поддерживать внутреннее единство стран-участников евразийской интеграции. Проблема тем острее, что санкции Евросоюза и России наглядно показали, скорее, стремление Казахстана и Беларуси заработать на них, чем солидаризироваться с Москвой; здесь нет и толики солидарности, характерной для ЕС, когда один из его членов под угрозой.

Таким образом, события 2014 – 2015 гг. показывают усложнение структурных уровней анализа отношений России и Евросоюза в связи как с более активным использованием международных организаций (т. е. выстраивания нового уровня взаимодействия), так и с становлением евразийской интеграции, а значит, требуется и более внимательного отношения к структурным уровням анализа в отношениях России и ЕС.

Заключение

Структурный подход к уровням анализа показывает, что конфликтность, какофония между национальным и наднациональным уровнями внутри ЕС в выстраивании взаимодействия с Россией возросла на рубеже веков. Факторами стали возросшая гетерогенность Евросоюза, а также более жесткая позиция России. Затем, особенно после запуска Партнерства ради Модернизации, она стала уменьшаться. Мощные импульсы для синхронизации двух уровней политики ЕС в отношении России дали как внутренние реформы Союза (с усилением коммунитарного уровня за счет новых институциональных механизмов), так и кооперативный подход России (разделяемые среднесрочные цели модернизации и предложение одинаковой повестки на национальном и наднациональном уровнях диалога с ЕС). В 2014 – 2015 гг. этот тренд синхронизации укрепился, несмотря на смену политики России. Этому усилению содействовали ощущение внешней угрозы ЕС, которая укрепила базовый

посыл о солидарности, а также внутренние экономические механизмы дисциплины и компенсации.

Таким образом, можно говорить о важности как внешних, так и внутренних факторов для синхронизации национального и наднационального уровней взаимодействия ЕС с Россией. При этом внешний оказался много сильнее, особенно в 2014 – 2015 гг., но способствовал консолидации ЕС не по конструктивной линии, как в эпоху Партнерства ради Модернизации, а по минималистской. Однако сохранение такой консолидации сложно и требует постоянной подпитки негативными имиджами России. При реализации минских соглашений 2015 г. это мало вероятно, но и возврат к конструктивной линии эпохи Партнерства ради Модернизации вряд ли можно ожидать.

Очевидно, ослабление ощущения внешней угрозы со стороны России повлечет рост какофонии ЕС в отношении России.

Структурный подход к уровням анализа также становится более сложным в отношениях России и ЕС на современном этапе. Это обусловлено двумя тенденциями. Первая – активное использование международных организаций. Для ЕС это компенсация дефицита диалога с Россией сегодня, после введения санкций, а для России – взаимный диалог на тех площадках, где влияние игроков равно (давний призыв Москвы). Вторая тенденция – это активизация евразийского строительства в России, которое повлечет усложнение процессов координации и конструктивного взаимодействия с отечественной стороны.

Литература

1. Бордачев Т. Новый стратегический союз. Россия и Европа перед вызовами XXI века: возможности «большой сделки». М.: Европа, 2009.
2. Романова Т. А. Институциональные аспекты диалога России и Европейского союза: через диверсификацию к примитивизации? (На примере энергетических отношений) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2015. Вып. 1.
3. Романова Т. А. Фактор ВТО в отношениях России и Европейского союза // Вестник международных организаций. 2013. № 4. С. 180 – 195.
4. Романова Т. А., Павлова Е. Б. Российская модернизация и Евросоюз // Современная Европа. 2013. № 1. С. 45 – 57.
5. Романова Т. А., Павлова Е. Б. Россия и страны Евросоюза: Партнерство для модернизации // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 8. С. 54 – 61.
6. Тимофеев П. Франция в диалоге Россия – ЕС // Современная Европа. 2010. № 3. С. 41 – 55.
7. Чернышев С. В. Два уровня взаимодействия Россия – ЕС: страны-члены и институты Сообщества // Энтин М., Галенская Л., Кавешников Н. (ред.) Взаимодополняемость ЕС и его государств-членов в области внешних действий и ОВПБ и ее влияние на отношения ЕС и Российской Федерации. СПб: Искусство России, 2008. Р. 31 – 36.
8. Agreement on Partnership and Cooperation, Establishing a Partnership between the European Communities and their Member States, of the one part, and the Russian Federation, of the other part. 27 November 1997.
9. Andriole S. J. The levels of analysis problems and the study of foreign international, and global affairs: A review critique, and another final solution // International Interactions: Empirical and Theoretical Research International Relations. 1979. 5(2-3). P. 113 – 133.
10. Arbatova N. Russia-EU beyond 2007. Russian Domestic Debates. Paris: IFRI, Russia/NIS Center, 2007.
11. Braghiroli S., Carta C. An Index of Friendliness toward Russia: An Analysis of the Member States and Member of the European Parliament's Positions. Turku: Pan-European Institute, 2009.
12. Bunge M. Levels: A Semantical Preliminary // The Review of Metaphysics. 1960. 13(3). P. 396 – 406.
13. Buzan B., Jones G., Little R. The Logic of Anarchy: Neorealism to Structural Realism. New York: Columbia University Press, 1993.
14. David M., Gower J., Haukkala H. (eds.) Special Issue: The European Union and Russia // Journal of Contemporary European Studies. 2011. 19(2). P. 183 – 272.
15. Dura G. The EU and Its Member States: Pursuing Diverse Interests in the CIS Region. Warsaw: CASE, 2008. Paper № 36.
16. Hix S. The Study of the European Union II: The “New Governance” Agenda and Its Rival // Journal of European Public Policy. 1998. 5(1). P. 38 – 65.
17. Hollis M., Smith S. Explaining and Understanding International Relations. Oxford: Clarendon Press, 1990.
18. Holsti K. J. National Role Conceptions in the Study of Foreign Policy // International Studies Quarterly. 1970. 14(3). P. 233 – 309.
19. Isaak R. A. The Individual in International Politics: Solving the Level-of-Analysis // Polity. 1974. 7 (2). P. 264 – 276.
20. Joint Statement on the Partnership for Modernisation, EU-Russia Summit, Rostov-on-Don, 31 May – 1 June 2010.
21. Kaczmarek M., Smolar E. The European Union and Russia 2004-2007. Warsaw: Center for International Relations, 2007. Policy Paper № 3.
22. Kulhanek J. The Fundamentals of Russia's EU Policy // Problems of Post-Communism. 2010. 57(5). P. 51 – 63.

23. Leonard M., Popescu N. A Power Audit of EU – Russia Relations. Policy Paper London: European Council on Foreign Relations, 2007.
24. Manners I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // Journal of Common Market Studies. 2002. 40(2). P. 235 – 258.
25. Marks G, Hooghe L., Blank K. European integration from the 1980s: State-centric v. multi-level governance // Journal of Common Market Studies. 1996. 34(3). P. 341 – 378.
26. Moul W. B. The Level of Analysis Problem Revisited // Canadian Journal of Political Science / Revue Canadienne de science politique. 1973. 6(3). P. 494 – 513.
27. Mouritzen H. Selecting Explanatory Level in International Politics: Evaluating a Set of Criteria // Cooperation and Conflict. 1980. 15(1). P. 169 – 182.
28. Onuf N. Levels // European Journal of International Relations. 1995. 1(1). P. 35 – 58.
29. Phelan W. What Is Sui Generis About the European Union? Costly International Cooperation in a Self-Contained Regime // International Studies Review. 2012. 14(3). P. 367 – 385.
30. Putnam R. D. Diplomacy and Domestic Policy: the Logic of Two-Level Games // International organization. 1988. Vol. 42. P. 427 – 460.
31. Putnam R. D. Two-Level Games: the Impact of Domestic Politics on Transatlantic Bargaining // Haftendorn H., Tuschhoff C. (eds.) America and Europe in an Era of Change. Boulder, CO: Westview Press, 1993. P. 69 – 83.
32. Ray J. L. Integrating Levels of Analysis in World Politics // Journal of Theoretical Politics. 2001. 13(4). P. 355 – 388.
33. Risse-Kappen T. Exploring the Nature of the Beast: International Relations Theory and Comparative Policy Analysis Meet the European Union // Journal of Common Market Studies. 1996. 34(1). P. 53 – 80.
34. Romanova T. The Partnership for Modernisation through the Three Level-of-Analysis Perspectives // Perspectives on European Politics and Society. 2015. № 1. P. 45 – 61.
35. Rosenau J. Turbulence in World Politics: A Theory of Chance and Continuity. Princeton, N. Y.: Princeton University Press, 1990.
36. Roth M. Bilateral Disputes between EU Member States and Russia. Brussels: CEPS, 2009. Working Document № 319.
37. Singer J. D. The Level of Analysis Problem in International Relations // World Politics. 1961. 14(1). P. 77 – 92.
38. Smith H. (ed.) The Two-Level Game: Russia's Relations with Great Britain, Finland and the European Union. Saarijärvi, Finland: Kikimora Publications, 2006.
39. Smith M. E. Rules, Transgovernmentalism, and EPC // Sandholtz W., Stone Sweet A. European Integration and Supranational Governance. Oxford: Oxford University Press, 1998.
40. Sokolov S. Russia and the EU to Negotiate a New Cooperation Agreement // Russia in Global Affairs. 2007. 5(3). P. 271 – 294.
41. Wendt A. Bridging the theory/metatheory gap in international relations // Review of International Studies. 1991. 17(4). P. 383–392.
42. Yurdusev N. A. Level of Analysis and Unit of Analysis // Millennium: Journal of International Studies. 1993. 22(1). P. 77 – 88.

Информация об авторе:

Романова Татьяна Алексеевна – кандидат политических наук, доцент, зав. кафедрой Жана Монне Санкт-Петербургского государственного университета, romanova@mail.sir.edu.

Tatiana A. Romanova – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of Jean Monnet Department, St. Petersburg State University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

УДК 94:341.217+070(479.22)

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ, РОССИЯ И ГРУЗИНО-АБХАЗСКИЙ КОНФЛИКТ (1992 – 2015 ГГ.)*О. С. Самутина, К. В. Юматов***THE EUROPEAN UNION, RUSSIA AND THE GEORGIA – ABKHAZIA CONFLICT (1992 – 2015)***O. S. Samutina, K. V. Yumatov*

Распад Советского Союза привел к возникновению на постсоветском пространстве ряда военно-политических конфликтов. Конфликт между Грузией, Южной Осетией и Абхазией активизировал в международных отношениях на Южном Кавказе фактор влияния Европейского Союза, России и США. С августа 2008 г. ЕС оказался напрямую вовлечен в контекст осетино-грузинского, грузино-абхазского и российско-грузинского конфликтов. Влияние Европейского Союза на Грузию позволяет, с одной стороны, сдерживать грузинские власти от военного решения конфликта, с другой – создавать информационный образ этой страны, как стремящейся к политическому диалогу и являющейся противовесом экспансионистским планам России на Южном Кавказе. Создание и деятельность Миссии Наблюдателей Европейского Союза позволила обеспечить Грузии внешнеполитическое прикрытие от возможного военно-политического давления со стороны мятежных "автономий" и стоящей за ними Российской Федерации. Нежелание Абхазии допустить Миссию наблюдателей для постоянной работы на территории непризнанной республики, представляется Европейским Союзом как отказ абхазского и российского руководства способствовать реальному разрешению конфликта политическим путем. Таким образом, действия ЕС могут рассматриваться не только и не столько как реальная миротворческая деятельность, сколько как аспект политики за влияние на Южном Кавказе и постсоветском пространстве.

The collapse of the USSR led to a number of military and political conflicts emerging in the post-Soviet area. The conflict between Georgia, South Ossetia and Abkhazia triggered the factor of the EU, Russia and the USA influencing the international relations in the South Caucasus. Since August 2008, the EU has found itself directly involved in the Ossetia-Georgia, Georgia- Abkhazia and Russia- Georgia conflicts. The EU influence on Georgia allows, on the one hand, restricting the Georgian authorities from the military solution of the conflict, and on the other hand, creating the image of Georgia as a country seeking for political dialogue and opposing the Russian expansion plans in the South Caucasus. The creation and activities of the European Union Monitoring Mission provided Georgia with a foreign policy cover from the possible military and political pressure from the rebelling "autonomies" and the Russian federation supporting them. Abkhazia's refusal to accept the EUMM for permanent work in the territory of the un-recognized republic was seen by the EU as Russia's and Abkhazia's authorities refusal to facilitate the solution of the conflict in the political way. Thus, the EU actions can be regarded not only as real peace-making activities, but rather an aspect of political struggle for authority in the South Caucasus and in the post- Soviet area.

Ключевые слова: Южный Кавказ, Грузия, Абхазия, Европейский Союз, Россия, миротворчество, информационная политика ЕС.

Keywords: South Caucasus, Georgia. Abkhazia, European Union, Russia, peace-making, EU informational policy.

Отношения России и Европы на протяжении всего существования российской государственности были приоритетным направлением внешней политики нашего государства. Роль Европы в мировой системе международных отношений традиционно вызывает у российской элиты и общества противоречивые настроения. Перманентное противостояние российских «западников» и «славянофилов», «европейцев» и «патриотов», это уже многовековая традиция российской политической культуры. Не стала исключением и последняя четверть века. Попытка Андрея Козырева периода президентства Б. Н. Ельцина начала 90-х гг. XX в. наладить дружественную и полноправную внешнюю политику РФ сменилась охлаждением и разочарованием в этой дружбе второй половины 90-х гг. Прагматическое партнерство-соперничество периода первого президентства Владимира Путина в настоящее время проходит испытание по целому ряду проблем. Сегодня заявления о начале новой «холодной войны» стали уже нормой политической риторики с обеих сторон информационного противостояния не только в речах «ястребов», но и в выступлениях

весьма умеренных политиков, экспертов и журналистов.

Необходимость восстановления позитивной динамики в отношениях Россия – Запад требует тщательного анализа всех аспектов российско-европейских противоречий с 90-х гг. XX в. до настоящего времени. Наиболее насущными являются проблемы Украины и Грузии, увязанные в российском массовом сознании с расширением НАТО и активизацией ЕС, а у европейцев – с экспансионизмом России. В этом контексте одной из самых актуальных является проблема взаимоотношений между РФ и ЕС в столь релевантном для России регионе как Южный Кавказ. Не секрет, что до украинского кризиса 2013 – 2015 гг. наиболее сложным вопросом между ЕС и РФ на постсоветском пространстве являлась проблема мятежных автономий бывшей Грузинской ССР – Абхазии и Южной Осетии. Данная проблематика вызывает серьезные дискуссии как в политической, так и в научной среде [6; 8; 9; 22; 37].

Взаимоотношения РФ с Абхазией складывались неровно. В 1992 г. российские войска Закавказского

военного округа обвинялись в поддержке противника как абхазскими сепаратистами, так и грузинами во главе с Эдуардом Шеварднадзе. Проблемность ситуации заключалась в том, что единой политики РФ в Грузии собственно и не существовало. Дипломаты действовали вне зависимости от военных и наоборот.

В результате в войну на стороне Абхазии вступили враждебная и России, и Грузии Конфедерация горских народов Кавказа (КГНК) [27], а также вооруженные формирования этнонациональных движений народов Северного Кавказа. Одним из главных действующих лиц и КГНК, и чеченского сепаратизма был Юсуп Сосламбеков. В Абхазии в войне против грузин набирался боевого опыта будущий лидер чеченских сепаратистов и салафитов Шамиль Басаев. "Через батальон Басаева во время его участия в боевых действиях в Абхазии прошли около пяти тысяч боевиков" [17]. Необходимость сохранения позиций на Кавказе заставляла российское руководство не только заниматься собственными проблемами, но и участвовать в разрешении противоречий в Грузии.

В связи с этим, когда 26 августа 1992 г. президент России Б. Н. Ельцин призвал прекратить военные действия и вывести из Абхазии войска Госсвета Грузии, в то же время была озвучена четкая формулировка, определявшая видение Россией вопроса о сохранении территориальной целостности Грузинской республики: «Наша позиция в отношении единства и территориальной целостности Грузии неизменна. Россия не поддерживает сепаратистские и воинственные призывы» [24]. Именно миротворческим силам СНГ, основу которых составляли российские миротворцы, удалось обеспечить прекращение огня и переход конфликта в «замороженную стадию». Россия была содействующей стороной при проведении миссии Генерального Секретаря ООН и его Спецпредставителя. Активную позицию она занимала и в Группе друзей Генерального Секретаря и в ОБСЕ. Не случайно министр иностранных дел Грузии периода президентства Шеварднадзе Александр Чикваидзе так оценивал возможности и роль РФ: "Я считал тогда, и считаю сейчас, что самый эффективный ключ абхазского урегулирования находится в Москве" [37, с. 191].

В то же время ряд действий Российской Федерации приводили грузинское руководство и Запад к выводу, что, формально признавая территориальную целостность Грузии, РФ негласно поддерживала сепаратистские настроения в грузинских автономиях. Абхазы за время существования Советского Союза, привыкшие видеть арбитра и заступника против Тбилиси в Москве, продолжали апеллировать и к новой российской власти. Уже с 1989 г. абхазы в поисках восстановления «политического, экономического и культурного суверенитета» обратились к московским властям. "Именно тогда «абхазский сепаратизм» был в грузинском политическом и массовом сознании зарифмован с российскими происками (не делавшим серьезных различий между СССР и Россией в разных формах ее политического бытия). Трагические события 9 апреля 1989 г. в Тбилиси (разгон митинга на проспекте Руставели с использованием частей Закав-

казского военного округа) и грузино-абхазские столкновения в Сухуми и других районах Абхазской АССР в июле того же года кровью закрепили линии раздела между Грузией и Абхазией" [17].

В конце 90-х – начале 2000-х гг. видению России как пособника абхазского сепаратизма способствовали такие факты, как выдача российских паспортов населению Абхазии и Южной Осетии, экономическая и политическая помощь абхамам и осетинам, антигрузинская риторика руководства и депутатов парламента РФ. Грузия, США, ЕС обвиняли Россию в двойственности политики, в антигрузинских акциях. В ответ из уст российских дипломатов звучали о двойных стандартах американцев и европейцев, косовская и боснийская политика которых никак не соответствовала, с точки зрения России, представлениям о главенстве норм международного права. Грузинское руководство обвинялось в агрессивных намерениях, в нарушении договоренностей 1994 г., в стремлении к геноциду абхазского и осетинского народа.

Грузинская политика в отношении Абхазии была направлена на международную изоляцию с помощью экономических, политических и информационных санкций, введенных через Содружества Независимых Государств (СНГ) и Россию. Неэффективность такой политики обеспечила изменение грузинского внешнеполитического вектора в отношении РФ. Выход Грузии из Договора по обеспечению безопасности СНГ в 1999 г. привел к началу поэтапного вывода российских военнослужащих с территории Грузии, что было воспринято Россией как недружественный шаг. После этого Россия в значительной степени перестала соблюдать санкции СНГ.

В начале 2000-х гг. грузинское руководство заговорило о прекращении миротворческой миссии России, которая в средствах массовой информации Грузии получила название "оккупационной" за невыполнение своей миссии в регионе. Была выдвинута идея создания "международного полицейского контингента" с привлечением ЕС, ОБСЕ и США [17].

Абхазия на этот счет имела противоположное мнение, считая, что Миротворческие Силы – КСПМ России выполняют свою миссию и потому искать какие-то другие миротворческие силы абхазская сторона не собиралась. При сохранении статус-кво постконфликтного состояния российские войска действовали в Абхазии в качестве де-факто пограничников для абхазских властей, что позволяло строить государство с уменьшением угрозы вмешательства со стороны Грузии [17].

Особенно динамично напряженность между РФ и Грузией стала нарастать после так называемой «революции роз» ноября 2003 г. и прихода к власти в Тбилиси администрации Михаила Саакашвили. Интенсификация военных приготовлений грузинских войск при поддержке США и НАТО провоцировала Россию на активизацию в непризнанных государствах. Операции грузинских войск в Кодорском ущелье, военные столкновения с российскими миротворцами и абхазскими пограничниками, создание «законных правительств» Абхазии и Южной Осетии, все эти действия правительства М. Саакашвили привели к

окончательному ступору в российско-грузинских отношениях.

Несколько раз в начале 2000-х гг. ситуация в Грузии доходила до уровня вооруженного конфликта. Только специальные усилия руководства России, Грузии и США смогли остановить развитие конфликта уже в 2004 г. [14]. Но переговорный процесс все больше переходил во взаимные обвинения. «В конце сентября 2006 г. грузинская сторона пошла на резкое обострение двусторонних отношений, предприняв беспрецедентную провокацию против российских военнослужащих в Тбилиси. В этой ситуации из Тбилиси был отозван для консультаций посол Российской Федерации и введен ряд ограничительных мер в отношении Грузии» [32]. Грузия де-факто прекратила деятельность в институтах СНГ. Только в январе 2007 г. Посол России В. Е. Коваленко вернулся в Тбилиси. Тем не менее отношения между двумя государствами не улучшались.

В отличие от Российской Федерации, позиция ЕС в «грузинском вопросе» была весьма четко определена. Отношения между Грузией и Европейским Союзом были заложены в самом начале существования независимой Грузии и ЕС. «23 марта 1992 г. Португалия, председательствующая тогда в Европейском сообществе, сообщила, что Грузия признана странами членами-сообществами. Этот значительный шаг поставил точку в истории с изоляцией Грузии на международной арене, изоляцией, к которой страну привел прежний режим» [35, с. 278]. Так роль европейских интеграционных структур оценивал председатель Государственного совета Грузии (позже второй Президент республики), бывший министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварднадзе.

Действительно, в период кратковременного правления Звиада Гамсахурдиа международный статус Грузии оставался неопределенным. Для Запада звиадистский режим был слишком непредсказуемым и националистическим. К тому же до конца 1991 г. существовал Советский Союз и это сдерживало процесс признания постсоветских республик.

Возвращение в политическую деятельность Э. Шеварднадзе, хорошо известного западным дипломатам по его деятельности в МИД СССР и прозападным внешнеполитическим курсом, открывало ЕС и США возможность резкого увеличения своего влияния на Южном Кавказе. Инициаторами выступили именно европейцы. Уже в начале марта 1992 г. Дуглас Херд и Ролан Дюма от имени Великобритании и Франции стали налаживать контакты для установления дипломатических отношений [35, с. 278].

В первый же визит в Грузию министра иностранных дел Германии и вице-канцлера ФРГ Ганса-Дитриха Геншера была озвучена позиция европейцев по возможному изменению границ европейских государств (в т. ч. в контексте Грузии): «При любых обстоятельствах границы должны оставаться неприкосновенными. Мы в Европе можем поддерживать длительный мир только благодаря неукоснительному соблюдению этого принципа. Нет такой границы, ради которой стоило бы рисковать жизнью человека или подвергать опасности жизнь целого народа» [35,

с. 278]. Таким образом, принцип территориальной целостности был заявлен как ключевой во внешней политике ведущих европейских держав.

Бескомпромиссно поддерживая идею территориальной целостности Грузии, Европейский Союз (как и США) лояльно относился ко всем грузинским правительствам). В начале 90-х гг. такой подход основывался на представлениях о демократической природе власти бывшего диссидента Звиада Гамсахурдиа (затем Эдуарда Шеварднадзе) и коммунистическом характере элиты Абхазии и Южной Осетии. Этот стереотип в трансформированном виде сохранился и до сих пор. Прозападная «демократическая» Грузия противопоставляется «коррупционному», «авторитарному» режимам Абхазии и Южной Осетии. Особенно интенсивным процесс сближения Грузии с США, ЕС и НАТО стал с начала 2000-х гг. Началось перевооружение и переобучение грузинской армии, подключение ее к натовским учениям. Э. Шеварднадзе поддерживал миротворческую операцию в Косово, антитеррористическую коалицию в Афганистане 2001 г. и иракскую операцию США и их союзников 2003 г. Небольшие грузинские контингенты набирались боевого опыта в этих военно-политических акциях США и ЕС.

В 2003 г. К. С. Гаджиев писал: «Если Россия выберет принцип территориальной целостности и будет принудительными мерами «загонять» Абхазию и Нагорный Карабах в состав соответственно Грузии и Азербайджана, то она рискует утратить пророссийскую ориентацию Абхазии и потерять Армению. Если же она будет ориентироваться на принцип права на самоопределение, поддержав тем самым склоняющихся к России Южную Осетию, Абхазию и Армению, то в результате в них Россия найдет истинных союзников. Но обратной стороной станет резкое ухудшение отношений с Грузией и Азербайджаном» [5, с. 14 – 15]. Такая ситуация ставила РФ в очень непростую ситуацию.

Усложнял ситуацию и особый интерес со стороны ЕС к ресурсам и транзитным возможностям Грузии, в частности, и Кавказа, в целом. Такие экономические проекты как нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан и газопровод Баку – Тбилиси – Эрзерум несомненно имели и политические характеристики. Ослабление роли России в регионе и усиление связи Грузия – Азербайджан – Турция – США – ЕС виделись наиболее важным аспектом вышеуказанных проектов. Претензии Грузии и Абхазии на нефтяные месторождения черноморского шельфа провоцировали Россию и Запад активизировать политические рычаги и поддержку выгодных для них режимов.

Кавказ играл все большую роль во взаимоотношениях России с ЕС. Усиливающееся проникновение европейцев в регион провоцируется несколькими факторами:

- контроль над энергоресурсами;
- ограничение и контроль влияния России, Ирана, Турции.

Именно наличие этноконфессиональных конфликтов в регионе позволяло ЕС и России играть значимые роли на Южном Кавказе. Но, если проследить

эволюцию позиций, то можно отметить, что в 90-е гг. XX в. Российская Федерация имела более устойчивые, но более зависимые позиции на Южном Кавказе, что и позволяло ей играть роль миротворца. Запад давал России действовать в таком ключе, поскольку российская позиция находилась под его влиянием. Нарастание противоречий между Западом и РФ, увеличившаяся роль ближневосточного региона привлекли внимание администрации Буша к Кавказу. Интенсификация контактов США с Грузией, разочарование этого государства в российском посредничестве привели к фактическому вытеснению влияния России из Грузии. В ответ Россия стала увеличивать свое влияние в Абхазии и Южной Осетии. В результате на Кавказе была создана своеобразная система сдержек и противовесов, которая обеспечивала определенный баланс в регионе. На позицию России и Запада влияло стремление сохранить систему «динамической» стабильности. Такую систему А. Д. Богатуров определил следующим образом: «характерно наличие относительно большого числа неурегулированных, но «адаптированных» конфликтов, которые, создавая теоретически более высокий конфликтный потенциал, на практике не resultируются в крупный региональный конфликт благодаря особому механизму систематического сбрасывания возникающих в межгосударственных отношениях перенапряжений. Основными принципами работы этой модели являются свободное соприкосновение конфликтных устремлений и сопряженные с этим «регулярные» и «регулируемые» трения, перерастание которых в острое столкновение блокируется наличием потенциала совпадающих интересов, активно конструируемых самими взаимодействующими государствами. Иными словами, стабильность предохраняется не через взаимную изоляцию спорных устремлений, а через саморегулирование комплекса отношений, в котором общие выгоды от партнерства уравнивают потенциал разногласий и позволяют его постепенно, систематически «фразьяжать» – в том числе и через политические и экономические трения, периодически достигающие значительной остроты, но все же остающиеся в рамках рационального взаимодействия» [2]. Но, к сожалению, такая позиция Запада и России не всегда совпадала со стремлением руководства государств Южного Кавказа решить проблемы раз и навсегда. США, ЕС и Россия с разных сторон и с переменным успехом сдерживали радикальные настроения и действия грузинской и абхазской элиты. Таким образом, политика двух сторон определялась не только противостоянием, но и поиском компромиссов.

К сожалению, в 2008 г. и Белый Дом, и Кремль пошли на поводу амбиций региональных элит и фактически спровоцировали вооруженное столкновение. Участие США и НАТО в перевооружении и переподготовке армии заставили грузинское руководство поверить в возможность «блицкрига» на югоосетинском направлении. В это же время антигрузинская позиция российских миротворцев приводила к постоянному провоцированию грузинских властей и военных в пограничных районах Грузии и Южной Осетии. Авантюрная политика грузинского правительства

Михаила Саакашвили и жесткие ответы югоосетинского, абхазского и российского руководства в конце концов привели к открытому вооруженному конфликту августа 2008 г.

8.08.2008 г. в Южной Осетии развернулись военные действия между Грузией с одной стороны, Южной Осетией и Россией – с другой. Выполняя условия договора с Южной Осетией, в конфликт включилась и Абхазия. Вскоре стало понятно, что Грузия, несмотря на все попытки переломить ситуацию, терпит военное поражение.

США рассматривались Россией и Южной Осетией как фактический союзник Грузии, в связи с этим не имели возможности выступить в роли миротворца. В этой ситуации для прекращения военного конфликта, инициативу пришлось брать на себя представителям Европейского Союза. В качестве посредников в переговорный процесс включилась Франция и ЕС в лице президента и министра иностранных дел Французской республики. Николя Саркози и Бернар Кушнер начали дипломатические встречи в Москве и Тбилиси. В результате был принят документ по мирному урегулированию получивший название "плана Медведева – Саркози" [11].

Первоначально он состоял из 6 пунктов. 4 из них не вызывали дискуссий:

- 1) не прибегать к использованию силы;
- 2) окончательно прекратить все военные действия;
- 3) свободный доступ к гуманитарной помощи;
- 4) вооруженные силы Грузии возвращаются в места их постоянной дислокации.

Два пункта договора в трактовке российской и французской стороны звучали по-разному. Европейцы заявили, что имеются в виду «Вооруженные Силы России, действующие в рамках мандата ОБСЕ, которые присутствуют в Осетии». В трактовке российского президента в 5 пункте: «Вооруженные Силы Российской Федерации выводятся на линию, предшествующую началу боевых действий. До создания международных механизмов российские миротворческие силы принимают дополнительные меры безопасности», под российскими миротворческими силами подразумевались войска, продолжающие находиться на территории Южной Осетии и Абхазии для обеспечения «дополнительных мер безопасности». В результате таких разночтений европейцы, США и Грузия получили возможность обвинять Россию в нарушении плана мирного урегулирования.

В ходе переговоров грузинской стороной была видоизменена первоначальная формулировка 6 пункта плана Медведева – Саркози: «Начало международного обсуждения вопросов будущего статуса Южной Осетии и Абхазии и путей обеспечения их прочной безопасности» [11]. В результате в русскоязычной версии документа осталась следующая фраза: «Международное обсуждение мер обеспечения безопасности и стабильности Абхазии и Южной Осетии». Во французской версии была принята грузинская формулировка: «Международное обсуждение мер обеспечения безопасности и стабильности в Абхазии и в Южной Осетии» [13]. Это позволило толковать фразу как

относящуюся не к независимым государствам Абхазия и Южная Осетия, а к регионам Грузии. Впоследствии на этом основании глава Миссии наблюдателей ЕС, посол Х. Хабер заявлял: «Мандат МНЕС действителен на всей территории Грузии, включая Абхазию и Южную Осетию, но мы не можем и не хотим продвигаться с усилием, задача наших мониторов стучаться в двери и просить доступ в Абхазию и Южную Осетию» [15].

Впоследствии, 8 сентября 2008 г. в Москве глава страны-председателя ЕС Николя Саркози, председатель Европейской комиссии Жозе Мануэль Баррозу и верховный представитель ЕС по вопросам внешней политики и политики безопасности Хавьер Солана договорились с российским руководством о дополнении плана урегулирования еще тремя пунктами.

1. «Полный вывод российских миротворческих сил из зон, прилегающих к Южной Осетии и Абхазии, на линию, предшествующую началу боевых действий. Этот вывод будет осуществлен в течение 10 дней после развертывания в этих зонах международных механизмов, включая не менее 200 наблюдателей от ЕС, которое должно произойти не позднее 1 октября 2008 г.» [35].

2. Международные механизмы наблюдения должны были осуществляться наблюдатели ООН, ОБСЕ и ЕС. Именно ЕС выступает гарантом неприменения силы.

3. Достигнута договоренность о начале международных дискуссий по урегулированию конфликта с 15 октября 2008 г. в Женеве. Должны были обсуждаться пути обеспечения безопасности и стабильности в регионе, вопрос о беженцах и перемещенных лицах и вопросы, внесенные с обоюдного согласия сторон [18].

По результатам этих переговоров ЕС было принято решение о скорейшем развертывании Миссии Наблюдателей Европейского Союза (МНЕС) в зоне грузино-осетинского и грузино-абхазского конфликтов. МНЕС была создана уже 15 сентября, и приступила к деятельности 1 октября 2008 г. Главной целью МНЕС стали способствование и контроль за соблюдением условий перемирия и стабилизацией ситуации [40]. 10 октября Хавьер Солана в Брюсселе подтвердил вывод российских войск "из прилежащих к Южной Осетии и Абхазии территорий" [40]. Несмотря на динамичное начало сразу же проявились и основные проблемы, с которыми столкнулась МНЕС. С точки зрения Европейского Союза "Мандат МНЕС охватывает всю территорию Грузии в рамках международно-признанных границ страны, хотя де-факто власти Абхазии и Южной Осетии до сих пор отказывают в доступе к территории, находящейся под их контролем" [25]. Помимо МНЕС, с миротворческой целью в Грузии от ЕС функционируют: Специальный Представитель ЕС по вопросам Южного Кавказа и кризиса в Грузии, и Делегация Комиссии Европейского Союза [12].

В отличие от Южной Осетии Абхазия не включилась в дипломатический диалог с ЕС. Договоренность о начале проведения пятисторонних встреч с участием представителей Абхазии, Грузии, России, ЕС и

ООН в Гале в рамках механизма по предотвращению и реагированию на инциденты была достигнута в ходе шестого раунда Женевских дискуссий по безопасности в Закавказье 1 июля 2009 г. [3].

Если взаимодействие с югосетинскими властями постоянно получало информационное освещение на сайте МНЕС, то ситуация с Абхазией выглядит иначе. За два года проведения миротворческой миссии Европейским Союзом в Грузии на сайте МНЕС не было опубликовано пресс-релизов относительно позитивных встреч и договоренностей с "де-факто властями Абхазии". Постоянные переговоры с участием абхазской стороны проводятся только в рамках раундов Женевских международных дискуссий [29]. Сопредседатели традиционно констатируют, что необходимо найти компромисс относительно возобновления встреч МПРИ в Гали и приветствуют работу, продолженную в рамках МПРИ в Эргнети.

10 декабря 2014 г. на тридцатом заседании Женевских международных дискуссий «в рамках обзора ситуации безопасности, состоялось обсуждение по соглашению о "союзничестве и стратегическом партнерстве", подписанном между Москвой и Сухуми 24 ноября 2014 г. Различные мнения были выражены по этому вопросу». Традиционно «приветствовали плодотворное сотрудничество на встречах в рамках Механизмов Предотвращения и Реагирования на Инциденты (МПРИ) в Эргнети и призвали к скорейшему возобновлению МПРИ в Гали» [30].

Таким образом, можно констатировать, что в отличие от ситуации с Южной Осетией, реальный диалог и поиски взаимодействия с Абхазией почти отсутствуют. Женевские раунды принципиально ситуацию в этом смысле не изменяют.

Деятельности МНЕС уделяется внимание как на уровне общеевропейских структур, так и национальными правительствами европейских государств. Так, 13 июня 2014 г. Полевой Офис МНЕС в Мцхета посетил президент Европейской комиссии Жозе Мануэль Баррозу, в рамках однодневного визита в Грузию. «Мой визит приурочен к подготовке к более тесной интеграции между Грузией и Евросоюзом. 27 числа этого месяца в рамках следующего саммита ЕС мы подпишем в Брюсселе Соглашение между ЕС и Грузией об ассоциации. Ежедневно Вы делаете важный вклад в достижение этой цели, работая для стабильности в Грузии. Ваша роль в укреплении доверия и взаимодействия является одной из ключевых в данном контексте» [16]. Верховный Представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Федерика Могерини так же четко фиксирует приоритеты ЕС в этом конфликте: «Посредством Миссии Наблюдателей ЕС, Европейский Союз предоставляет конкретную поддержку мира и стабильности в регионе. ЕС по-прежнему твердо поддерживает суверенитет и территориальную целостность Грузии в пределах ее международно-признанных границ» [16].

Деятельность МНЕС действительно во многом способствовала мониторингу ситуации перед заключением договора об Ассоциации. Не случайно докладчик по Грузии в Европарламенте Андрейс Мами-

кинс провел часть своего визита в патрулировании миротворцев [38].

Миссия курируется и национальными правительствами. Так в 2014 г. МНЕС посетили официальные представители от Польши [26], Австрии [1]. Кроме того, в начале декабря «Миссия приняла 22 официальных представителя из Армении, Беларуси, Грузии, Молдовы и Украины, пяти стран Восточного партнерства ЕС. Визит был организован с целью укрепления сотрудничества между странами Восточного партнерства в вопросах безопасности и обороны» [10]. Созданное на постсоветском пространстве в 2009 г., оно стало своеобразным ответом на вероятное усиление роли России после августовской войны 2008 г. Восточное партнерство усиливает политические, экономические и культурные связи с ЕС [10].

Миссия работает в тесном контакте с другими европейскими структурами на Кавказе. В частности, со Специальным Представителем ЕС по вопросам Южного Кавказа и кризиса в Грузии. «Его задача заключается в содействии мирному урегулированию конфликтов в регионе, в том числе кризиса в Грузии и Нагорно-Карабахского конфликта, а также в поощрении регионального сотрудничества. В частности, Специальный Представитель будет сопредседательствовать и участвовать от имени ЕС в Женевских международных дискуссиях по последствиям конфликта 2008 г. в Грузии» [23].

Происходит постоянное взаимодействие Миссии с грузинскими властями [23]. При этом также подчеркивается: «важность встреч в рамках Механизмов Предотвращения и Реагирования на Инциденты (МПРИ) и важность возобновления встреч МПРИ в Гали» [23].

Хорошо понимая роль информации в современном мире Миссия проводит достаточно большую работу с местными СМИ и журналистами [7; 19], в том числе из Абхазии и Южной Осетии [34], распространяет свои материалы и идеи. Энн Вессен, Пресс-Спикер МНЕС и Глава отдела прессы и связи с общественностью так объясняет эту работу: «Журналисты играют решающую роль, когда дело касается построения доверия между пострадавшими от конфликта общинами». Маргарита Ахвледиани, руководитель Go Group Media продолжает эту мысль: «Мы видим в

выбранных участниках тех, кто будет формировать сущность средств массовой информации на Южном Кавказе через несколько лет, и от их выбора в качестве журналистов во многом будет зависеть будущее конфликтов в регионе» [34]. Эта работа должна способствовать «пониманию и подготовке репортажей о политике Европейского Союза в регионе» [34]. С августа 2010 г. по декабрь 2014 г. действовало Радио-шоу МНЕС. В настоящее время предполагается, что МНЕС «будет продолжать работу по осведомлению населения по обе стороны административной границы в режиме онлайн, умножив усилия в социальных медиа» [31]. Миссией распространяется книга фотографий наблюдателя ЕС Рэя Купера «Жизнь на грани». Миссией проведена большая информационная кампания против гендерного насилия [20; 21].

Совет Европейского Союза продлил мандат Миссии Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (МНЕС в Грузии) на два года до 14 декабря 2016 г. [16].

Подводя итог, хотелось бы отметить, что в условиях сохранения конфликтного потенциала на Кавказе для России во взаимоотношениях с США и НАТО требуется очень взвешенная и прагматическая политика. С одной стороны, РФ должна четко сохранять позицию державы Кавказской, для которой регион является ключевым с точки зрения сохранения государственности в целом. С другой стороны, России следует выработать политику в отношении Закавказья с учетом фактора проникновения ЕС в регион де-факто.

Пожалуй, следует согласиться, с мнением А. В. Ващенко [4], что будущее в данном регионе должно быть все же за системой «динамической стабильности». Отказ от военных методов решения проблем – это ключевая задача внешней политики всех заинтересованных акторов, и прежде всего: Грузии, Абхазии, России и Европейского Союза. В этом смысле присутствие в Грузии МНЕС, а в Абхазии военных сил РФ является сдерживающим фактором, несмотря на взаимные претензии россиян и европейцев друг к другу.

Литература

1. Австрийский Министр Иностранных Дел посетил Полевой Офис МНЕС в Мцхета. 11.09.2014 // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). Режим доступа: http://www.eumm.eu/ru/press_and_public_information/features/4692/?year=2014&month=12 (дата обращения: 15.04.2015).
2. Богатуров А. Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945 – 1995). М.: Конверт – МО НФ, 1997. 353 с.
3. В Абхазии намечена очередная встреча по предотвращению инцидентов // Кавказский Узел. Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/203560/> (дата обращения: 15.04.2015).
4. Ващенко А. В. Роль Российской Федерации в создании региональных систем безопасности: Южный регион – Кавказ (конец XX – начало XXI века) // Современная Россия и мир: Альтернативы развития. Барнаул, Ежегодник Алтайской школы 2002. С. 89 – 96.
5. Гаджиев К. С. Конфликты в Закавказье и перспективы их разрешения // Современные международные отношения: этнополитический аспект. М.; Нижний Новгород, 2003. С. 14 – 15.
6. Галстян Х. С. Россия в Закавказье: посредническая роль в урегулировании карабахского конфликта / Десять лет внешней политики России: материалы Первого Конвента Российской ассоциации международных исследований / под ред. А. В. Торкунова. М., 2003. С. 283 – 288.

7. Гога Апциаури награжден Специальным Призом МНЕС за мирную журналистику. 23.12.2014 // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). Режим доступа: http://www.eumm.eu/ru/press_and_public_information/features/5027/?year=2014&month=12 (дата обращения: 15.04.2015).
8. Дегоев В. В. Россия, Кавказ и постсоветский мир: прощание с иллюзиями. М., 2003. 296 с.
9. Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2003. 512 с.
10. Делегация Восточного партнерства ЕС посетила МНЕС. 4.12.2014 // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). Режим доступа: http://www.eumm.eu/ru/press_and_public_information/features/4989/?year=2014&month=12 (дата обращения: 15.04.2015).
11. Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам переговоров с Президентом Франции Николя Саркози 12 августа 2008 г. // Официальный сайт Президента России [сайт]. Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2008/08/12/2004_type63374type63377type63380type82634_205199.shtml (дата обращения: 15.04.2015).
12. ЕС в Грузии // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). Режим доступа: http://eumm.eu/ru/eu_in_georgia (дата обращения: 15.04.2015).
13. Лавров: Саакашвили подписал не тот документ о мире, ему кто-то дописал букву "в" // Сайт NEWSru.com в России [сайт]. Режим доступа: http://www.newsru.com/russia/03sep2008/bukva_i_duh_print.html (дата обращения: 15.04.2015).
14. Майоров М. В. Миротворцы. Из опыта российской дипломатии в посредничестве. М., 2007. С. 55 – 56.
15. Мандат МНЕС действителен на всей территории Грузии. 27.10.2008 // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). Режим доступа: http://eumm.eu/ru/press_and_public_information/press_releases/224/?year=2008&month=12 (дата обращения: 15.04.2015).
16. Мандат Миссии Наблюдателей ЕС в Грузии продлен на два года. 17.12.2014 // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). Режим доступа: http://www.eumm.eu/ru/press_and_public_information/press_releases/5012/?year=2014&month=12 (дата обращения: 15.04.2015).
17. Маркедонов С. М. Этнополитические конфликты в Абхазии и в Южной Осетии: причины, динамика, уроки // Сайт Валерия Тишкова – Режим доступа: <http://valerytishkov.ru/engine/documents/document1996.doc> (дата обращения: 05.05.2015).
18. Медведев и Саркози проговорили несколько часов: к их плану добавились пункты, вступающие в силу немедленно. 8.09.2008 // Сайт NEWSru.com в России. Режим доступа: http://www.newsru.com/russia/08sep2008/peregovory_save.html (дата обращения: 15.04.2015).
19. МНЕС представила Специальный Приз ЕС за мирную журналистику медиа представителям в Зугдиди. 31.07.2014 // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). Режим доступа: http://www.eumm.eu/ru/press_and_public_information/features/4658/?year=2014&month=12, (дата обращения: 15.04.2015).
20. МНЕС проводит презентации в школах о кампании против гендерного насилия. 4.12.2014 // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). Режим доступа: http://www.eumm.eu/ru/press_and_public_information/features/4990/?year=2014&month=12, (дата обращения: 15.04.2015).
21. МНЕС приняла участие в матче по регби, посвященному прекращению насилия в отношении женщин и девочек. 12.12.2014 // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). Режим доступа: http://www.eumm.eu/ru/press_and_public_information/features/5015/?year=2014&month=12 (дата обращения: 15.04.2015).
22. Наджафов Э. Н. Южный Кавказ: тернистый путь к безопасности. М.: Научная книга, 2005. С. 76.
23. Новый Глава МНЕС начал проведение ознакомительных встреч в Тбилиси. 15.01.2015 // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). Режим доступа: http://www.eumm.eu/ru/press_and_public_information/features/5042/?year=2015&month=3 (дата обращения: 15.04.2015).
24. Обращение Президента России к руководству Грузии и Абхазии // Те суровые дни. Хроника отечественной войны народа Абхазии 1992 – 1993 гг. в документах. Сухум, 2004. С. 46 – 47.
25. О МНЕС // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). Режим доступа: http://www.eumm.eu/ru/about_eumm (дата обращения: 15.06.2014).
26. Польская делегация посетила Полевой Офис МНЕС // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). Режим доступа: http://www.eumm.eu/ru/press_and_public_information/features/4634/?year=2014&month=12 (дата обращения: 15.04.2015).
27. Постановление Чрезвычайной (X) расширенной сессии Парламента Конфедерации горских народов Кавказа (КГНК) «О ситуации в Абхазии и отпоре агрессивным действиям войск госсвета Грузии» // Те суровые дни. Хроника отечественной войны народа Абхазии 1992 – 1993 гг. в документах. Сухум, 2004. С. 18 – 19.
28. Представители Офиса Народного Защитника Грузии посетили МНЕС. 25.07.2014 // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). Режим доступа: http://www.eumm.eu/ru/press_and_public_information/features/4652/?year=2014&month=12 (дата обращения: 15.04.2015).
29. Пресс-коммюнике сопредседателей Женевских дискуссий. 18.06.2014 // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). Режим доступа: http://www.eumm.eu/ru/press_and_public_information/press_releases/4585/?year=2014&month=12 (дата обращения: 15.04.2015).

30. Пресс-коммюнике сопредседателей Женевских дискуссий. 10.12.2014 // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). Режим доступа: http://www.eumm.eu/ru/press_and_public_information/press_releases/5013/?year=2014&month=12 (дата обращения: 15.04.2015).
31. Радио-шоу МНЕС завершилось. 30.01.2015 // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). Режим доступа: http://www.eumm.eu/ru/press_and_public_information/features/5058/?year=2015-&month=3 (дата обращения: 15.04.2015).
32. Новый Глава МНЕС в Грузии. 19.12.2014 // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). Режим доступа: http://www.eumm.eu/ru/press_and_public_information/press_releases/5022/?year=2014-&month=12
33. Российско-грузинские отношения (справочная информация) // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. Режим доступа: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 15.04.2015).
34. Семинар для молодых журналистов из Южного Кавказа проходит в Лондоне. 12.12.2014 // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). Режим доступа: http://www.eumm.eu/ru/press_and_public_information/features/5016/?year=2014&month=12 (дата обращения: 15.04.2015).
35. Терехов А. Российских миротворцев заменят немцы, французы, итальянцы // Независимая газета. 2008. 15 сентября. Режим доступа: http://www.ng.ru/world/2008-09-15/9_eurounion.html (дата обращения: 15.04.2015).
36. Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания. М.: Европа, 2009.
37. Чикваидзе А. Д. На изломе истории. СССР – Россия – Грузия. М., 2006. 312 с.
38. Член Европейского парламента и докладчик по Грузии принял участие в патрулировании МНЕС. 12.12.2014 // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). Режим доступа: http://www.eumm.eu/ru/press_and_public_information/features/4688/?year=2014&month=12 (дата обращения: 15.04.2015).
39. Calleja R. R. EUMM Georgia: A mission in the Caucasus geopolitical crossroads. 27.02.2013 // Diplomacy Status Quo. Режим доступа: <http://diplomacystatusquo.wordpress.com/2013/02/27/eumm-georgia-a-mission-in-the-caucasus-geopolitical-crossroads/> (дата обращения: 15.04.2015).
40. Solana J. EU High Representative for the CFSP, confirms the withdrawal of Russian forces from the zones adjacent to South Ossetia and Abkhazia. Brussels, 10 October 2008 // Council of the Europe Union. Режим доступа: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/en/declarations/103268.pdf?year=2008&month=12 (дата обращения: 15.06.2014).

Информация об авторах:

Самутина Ольга Сергеевна – магистрант 2 года обучения, факультета истории и международных отношений КемГУ, olga_samutina@mail.ru.

Olga S. Samutina – Master's Degree student at the Faculty of History and International Relations, Kemerovo State University.

Юматов Константин Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, декан факультета истории и международных отношений КемГУ, yumatov@list.ru, yumatov@kemsu.ru.

Konstantin V. Yumatov – Candidate of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History and International Relations, Kemerovo State University.

(Научный руководитель – **К. В. Юматов**).

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

УДК 94:327.7

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ОБЩЕЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ БЕЗОПАСНОСТИ И ОБОРОНЫ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕС В ЗАКАВКАЗЬЕ

О. Ю. Семенов, Д. А. Белащенко

COMMON EUROPEAN SECURITY AND DEFENSE POLICY DEVELOPMENT DYNAMICS: THE EXAMPLE OF THE EUROPEAN UNION ACTIVITY IN THE CAUCASUS REGION

O. Yu. Semenov, D. A. Belashchenko

Статья выполнена в рамках НИР по государственному заданию Минобрнауки России 11.9135.2014.

Предметом исследования являются концептуальные детерминанты и конкретные шаги ЕС по развитию ОЕПБО. Целью работы выступает выявление особенностей эволюции Общей европейской политики безопасности и обороны на примере практической деятельности Европейского Союза в области кризисного реагирования в Закавказском регионе. Методологическая основа исследования включает принципы историзма, объективности, системности, конкретности, использованы методы исторической и политической науки: синхронный, хронологический, сравнительно-сопоставительный, методы источникового анализа, ивент-анализ, методы исторической дедукции и индукции. По итогам исследования получены новые научные данные о динамике политики ЕС по кризисному урегулированию в Закавказье и выявлено, что, хотя структурный потенциал ЕС в области урегулирования конфликтов за период развития ОЕПБО значительно вырос, преждевременно говорить о том, что ЕС стал влиятельным международным игроком в сфере международной безопасности. Выводы исследования могут использоваться при разработке новых технологических решений в сфере эффективного использования Российским государством комплекса военных и гражданских инструментов участия в построении архитектуры общеевропейской безопасности.

The paper analyzes conceptual determinants as well as practical EU steps towards Common European Security and Defense Policy (CESDP) development. The purpose is to reveal the peculiarities of CESDP evolution with the example of the EU actions towards crisis regulation in the Caucasus region. The paper methodology includes the principles of historicism, objectivity, systemic, concreteness as well as the methods of historical and political research: synchronous, chronological, comparative benchmarking, source analysis techniques, event analysis, historical induction and deduction. The results of the paper include new scientific data on the dynamics of the EU actions towards crisis regulation in the Caucasus region. It is pointed out that despite the evident growth of the EU structural potential in the sphere of conflict resolution since the foundation of CESDP it is untimely to talk about the EU as an influential actor of international security system. The paper outcomes can be used by Russian state authorities when elaborating new technologies of effective complex use of military and civil tools towards constructing common European security architecture.

Ключевые слова: Европейский Союз, Закавказье, Европейская политика соседства, урегулирование конфликтов, двусторонние отношения, Общая европейская политика безопасности и обороны.

Keywords: European Union, Caucasus, European neighborhood policy, conflict resolution, bilateral relations, Common European Security and Defence Policy.

Общая европейская политика безопасности и обороны (ОЕПБО) является на сегодняшний день одним из приоритетных направлений деятельности Европейского Союза (ЕС) в области формирования европейской идентичности, а успехи в данной области служат индикатором эффективной способности ЕС к эволюционному политическому развитию. Собственная же система кризисного реагирования, в том числе на вызовы вне пространства Евросоюза, призвана оградить страны ЕС от новых угроз, которым отдельные европейские государства, в частности малые, не способны противопоставить адекватные меры защиты. При этом необходимо отметить, что успех или провал политики ответственности ЕС за ситуационное развитие событий в целом ряде регионов, прежде всего, на постсоветском пространстве, проиллюстрирует дееспособность Брюсселя как актора мировой политики. Вышеуказанные обстоятельства обуславливают актуальность проблематики деятельности ЕС в области безопасности и обороны на примере такого конфликтного и географически близкого к Евросоюзу региона, как Закавказье.

Европейский Союз (ЕС) практически сразу же после распада СССР приступил к наращиванию своего влияния на постсоветском пространстве, в том числе за счет определенной посреднической роли в разрешении конфликтов. Например, в 1996 г. вступили в силу соглашения о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Арменией, Азербайджаном и Грузией [12]. Однако в силу того, что ЕС на тот момент не имел системы объективного мониторинга ситуации в Закавказье, данные документы касались, преимущественно, вопросов экономического и законодательного развития без учета наличия высокой степени конфликтности в регионе. Вопросы урегулирования конфликтов не занимали значительного места в пространстве кавказско-европейского сотрудничества. Очевидно, что целью ЕС в рамках данного переговорного процесса была лишь попытка декларировать принцип построения диалога в регионе как основного инструмента снижения конфликтных рисков развития [12]. Со стороны ЕС не предлагалось каких-либо основополагающих принципов комплексной стратегии

для урегулирования конфликтов в Нагорном Карабахе, Абхазии и Южной Осетии.

Данный подход отражал приоритетность построения рыночной экономической системы в этих странах перед проблемой наличия группы неразрешенных региональных конфликтов. Урегулирование конфликтов предполагалось отложить на неопределенное время в связи с отсутствием согласия между странами-членами ЕС о стратегическом подходе к системе безопасности внутри кавказского региона.

В 2000-х гг. исключительно экономический подход к данному вопросу сменился комплексным видением проблем, в рамках которого неразрешенные конфликты в регионе могли выступать непосредственной угрозой для ЕС в т. ч. и в энергетической сфере. В 2003 г. в рамках принятого решения специальным представителем ЕС по Южному Кавказу был назначен Питер Семнеби, однако, несмотря на его усилия, европейские инициативы в регионе не имели должного результата [15]. Это во многом объяснялось объективным расхождением между поставленной ЕС целью приобретения главенствующей посреднической роли в урегулировании конфликтов и располагаемыми фактическими ресурсами в регионе.

Среди причин неудач ЕС по урегулированию кавказских конфликтов выделяют отсутствие координации между Брюсселем и его представителями в регионе, а также слабые рычаги влияния на конфликтующие стороны. Эти проблемы также усугублялись отсутствием консолидации и разного уровня приоритетности отношений с таким важным региональным игроком как Российская Федерация [13]. Соответственно, ЕС сконцентрировал свои усилия на сфере посредничества, хотя для эффективного управления ситуацией необходима была активная стратегия. Данное положение было закреплено и в Стратегии безопасности ЕС от декабря 2003 г., в которой говорилось, что одной из основ безопасности ЕС является мирное и лояльное соседство. Документ не упоминал конкретных стратегий достижения данной цели, включая при этом общее положение о том, что ЕС приходится иметь дело с застаревшими конфликтами в регионе Кавказа, решение которых, однако, предотвращает новые угрозы [5].

Расширение на восток 2004 г. и смещение границ побудило ЕС принять другую политику в отношении своих новых соседей – Европейская политика соседства (ЕПС) была запущена в 2004 г., и дальнейшее ее развитие последовало в рамках принятия двустороннего плана действий между ЕС и Арменией, Азербайджаном, Грузией в период февраля 2005 г. – ноября 2006 г. [7]. Данные документы задекларировали готовность ЕС к более решительным действиям для получения влияния на ход урегулирования конфликтов. Однако отсутствие согласованности в сумме с недостаточным количеством инструментов и каналов оказывало решающую роль. Кроме того, двусторонние планы действий не составили единую политику ЕС по отношению к конфликтам, а попытка ЕС учесть интересы всех своих соседей придала данным документам элемент противоречивости. Так, например, в двустороннем плане Азербайджан-ЕС относительно разрешения Нагорно-Карабахского конфликта говорится о

территориальной целостности Азербайджана, а в двустороннем плане Армения-ЕС говорится о верховенстве принципа права на самоопределение народов.

Промежуточный обзор Европейской политики соседства только констатировал использование со стороны ЕС усилий по урегулированию конфликтов без попытки предложить конкретные системные положения для будущей единой политической линии [10]. Отсутствие конкретных предложений в итоговом документе явилось упущенной возможностью ЕС приобрести весомую роль в регионе и предложить свою рациональную модель урегулирования. Помимо этого, структурные изменения в системе внешнеполитических служб ЕС (в частности создание Европейской службы внешних отношений (EEAS)) не способствовали концентрации внимания на проблеме урегулирования региональных конфликтов [15]. В сентябре 2011 г. должности специального представителя ЕС на Южном Кавказе и по кризису в Грузии были объединены, и на этот пост был назначен Филипп Лефорт.

Наиболее яркое выражение политика ЕС в регионе Южного Кавказа получила во время эскалации конфликта между Грузией и Южной Осетией в августе 2008 г. Несмотря на то, что абхазский и югоосетинский конфликты имеют различную историю и развивались независимо друг от друга, ЕС придерживался сходного подхода к ним обоим. Как следует из двусторонних договоров между ЕС и Грузией, Брюссель рассматривал конфликты лишь как часть двусторонних отношений с Тбилиси, который, в свою очередь, призывал не преувеличивать степень сложности ситуации и фактическую силу сепаратистских тенденций в Цхинвали и Сухуми [14].

В ноябре 2006 г. был принят пятилетний план двусторонних действий между ЕС и Грузией по развитию ЕПС. Данный план задекларировал разрешение конфликтов, как таковых, в качестве приоритета политики ЕС, что также направлено и на ситуацию в Южной Осетии и Абхазии. Пункт 4.2 общих положений гласит об исключительно мирном разрешении конфликтов путем активизации поддержки ЕС в переговорном процессе норм и механизмов ООН и ОБСЕ. Помимо этого, в разделе о приоритетах говорилось о предоставлении экономической помощи, пропорциональной достигнутому прогрессу в решении конфликта, об ускорении процесса демилитаризации, о реализации ранее достигнутых соглашений и включении вопроса о данных конфликтах в двустороннюю повестку переговоров между ЕС и РФ [7].

Прямая и безусловная поддержка суверенитета и территориальной целостности Грузии означала предвзятость ЕС в переговорах. Абсолютное игнорирование факта создания независимых государств народами Южной Осетии и Абхазии также явилось негативным аспектом отношений ЕС-Грузия, т. к. это фактически искажило картину объективной реальности и заставило ЕС отстаивать заведомо «проигрышную» позицию. Концентрация внимания ЕС в двусторонних переговорах с Грузией на проблеме экономических и политических преобразований, а не на разрешении территориальных конфликтов, также создало коллизию между задекларированными принципами и практическими действиями. В данной ситуации стратегия

Брюсселя была обусловлена отсутствием желания непосредственного участия в региональных конфликтах в будущем и выбора переговоров в качестве единственного эффективного инструмента, что, в свою очередь, требовало координации интересов ЕС и РФ в регионе [16].

Фактически именно миротворческие силы РФ играли ведущую роль по поддержанию мира в регионе. Из-за разногласий между государствами-членами ЕС был даже не в состоянии взять на себя функции миссии ОБСЕ по мониторингу на грузинской границе с Россией. Несколько государств-членов ЕС, включая Францию, Германию и Италию, опасались, что развертывание миссии ЕС в области приведет к ухудшению отношений с Российской Федерацией [14]. Из этого можно сделать вывод, что накануне августовского кризиса 2008 г. в ЕС не существовало последовательной политики и отсутствовали возможности повлиять на ход ситуации изнутри. Каналы взаимодействия ЕС и Грузии, как партнеров по ЕПС, еще более снизили свою эффективность под непосредственным давлением правительства США. Именно слишком уверенная поддержка режима М. Саакашвили со стороны Вашингтона побудила его принять решение быстрого, но насильственного, разрешения конфликта и игнорировать мирный сценарий, предлагаемый ЕС. Единственным достижением ЕС в предшествующие конфликту месяцы был визит Высокого представителя по вопросам внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) Хавьера Соланы в Тбилиси и Сухуми [14].

Кроме того, разногласия внутри европейского сообщества внесли свой вклад в провал мирного плана по Абхазии, представленный министром иностранных дел Германии Франк-Вальтером Штайнмайером в середине июля 2008 г. И в преддверии и во время августовской войны 2008 г. Великобритания и государства Центральной и Восточной Европы выступали за жесткую позицию по отношению к России. Это было особенно характерно для Польши и стран Балтии, которые имели очень сложные двусторонние отношения с Москвой и были готовы экстраполировать двустороннюю конфронтацию на дипломатическую позицию всего ЕС [15].

Относительный успех президента Франции Н. Саркози в посредничестве при заключении соглашения о прекращении огня было связано с тем, что он действовал из собственной инициативы, не дожидаясь разработки общей позиции ЕС, которой было бы очень трудно достичь.

Н. Саркози, выступая также в качестве президента Совета ЕС, прибыл в Москву 12 августа 2008 г., где совместно с президентом Российской Федерации Дмитрием Медведевым обсудил вопрос о плане перемирия, включавший подготовленные в Париже предложения [11]. Участие России в инициативе Франции и гибкость позиции Н. Саркози по отношению к законным требованиям российской стороны способствовали продвижению переговорного процесса. Необходимо отметить, что ни один из 6 пунктов соглашения о прекращении огня не включает в себя ссылку на изначальную позицию ЕС о территориальной целостности Грузии, что было сделано для избежания кон-

фронтации с Российской Федерацией [17]. Однако РФ 26 августа 2008 г. признала независимость Абхазии и Южной Осетии, что явно противоречило европейским интересам. Реакция ЕС была отражена в замораживании переговоров по новому соглашению о партнерстве с Россией, однако, не затронула вопросы коммерческого и энергетического сотрудничества. Отношения с Кремлем были нормализованы в ноябре 2008 г., после вывода ВС РФ из всех неоспоримых районов территории Грузии. Тем не менее Москва одновременно укрепила свое военное присутствие в Абхазии и Южной Осетии, что было воспринято ЕС в качестве свершившегося факта [8].

15 сентября 2008 г. Совет Европейского Союза создал гражданскую миссию наблюдателей в Грузии (EUMM, МНЕС) для контроля вывода вооруженных сил России из районов, прилегающих к Абхазии и Южной Осетии [6]. EUMM выполняло задачи мониторинга выполнения обязательств о прекращении огня всеми задействованными сторонами, осуществления мер по укреплению доверия, а также передачи оперативной информации в Брюссель [6]. В период до 1 октября был развернут штаб численностью около 200 наблюдателей, что являлось самой быстрой операцией по развертыванию миссии по наблюдению за всю историю Европейской политики в области обороны и безопасности. Миссия наблюдателей ЕС подписала с правительством Грузии меморандум о взаимопонимании, в рамках которого Грузия обязалась уведомлять МНЕС о развертывании полицейских сил в непосредственной близости от границ с Абхазией и Южной Осетией. Помимо этого, Грузия обязалась воздержаться от использования в данных районах тяжелой техники и передвижения больших военизированных подразделений, а также предоставить возможность для осмотра частей вооруженных сил представителями МНЕС. Быстрое развертывание МНЕС было знаком редкого внутреннего единства со стороны ЕС по конкретному вопросу. Однако это был результат двусторонних соглашений государств-членов о необходимости развертывания миссии для снижения уровня напряженности. Деятельность миссии внесла свой вклад в предотвращение новой эскалации и обеспечения Брюсселя необходимой информацией. Тем не менее ограниченность возможностей МНЕС была обусловлена отсутствием доступа к источникам на территории Абхазии и Южной Осетии. Абхазия и Южная Осетия поставили условие, в рамках которого МНЕС не будет допущена на территорию указанных государств, пока ЕС поддерживает безоговорочную позицию о территориальной целостности Грузии, что в свою очередь являлось условием допуска на территорию Грузии. МНЕС в Абхазии и Южной Осетии воспринималась как прогрузинский актор, а Миссия ООН по наблюдению в Грузии (МООННГ) и миссия ОБСЕ – как акторы с ярко выраженным российским влиянием [9].

На сегодняшний день миссия наблюдателей ЕС в Грузии насчитывает чуть больше 250 человек, из которых 200 непосредственно являются наблюдателями, а миссия остается единственной в регионе после свертывания миссий ОБСЕ и ООН. Необходимо отметить, что структура миссии включает 3 полевых штаба

(г. Гори, г. Зугдиди, г. Мххета), за которыми закреплены определенные зоны ответственности [1]. Для повышения эффективности деятельности был разработан принцип деления на 3 функциональных патрульных подразделения:

1) административная граница и построение доверия – группы работают на приграничных линиях Южной Осетии и Абхазии, в основном занимаясь вопросами, связанными с конфликтом и поощряя сотрудничество между сторонами;

2) соответствие – группы наблюдают за оборудованием военных и правоохранительных объектов, гарантируя соблюдение ими Меморандумов Взаимопонимания, существующими соответственно между МНЕС и Министерством Внутренних Дел, и Министерством Обороны;

3) группы по вопросам безопасности человека – в первую очередь концентрируются на гражданских аспектах стабильности, включая воздействие конфликта на мирное население и динамику мирного процесса с гражданской точки зрения, когда мирные жители оказываются под влиянием событий и могут быть активными в поощрении перемен [1].

Практическая деятельность Миссии наблюдателей ЕС в Грузии носит также контролирующий характер. После событий 2008 г. ЕС продолжил свою политику экономической помощи Грузии, и в 2010 г. была одобрена экономическая помощь на период 2011 – 2013 гг. в размере 180 млн евро (с 1992 по 2007 гг. ЕС оказал финансовую помощь в размере 530 млн евро.) [2], т. е. сумма траншей по сравнению с предыдущим периодом увеличилась с 35 млн евро до 60 млн евро в год. В связи с этим возникла необходимость контроля «мирного» [3] эффективного расходования средств, который отчасти и выполняет МНЕС, а также Специальный Представитель ЕС по вопросам Южного Кавказа и кризиса в Грузии и Делегация Европейской Комиссии в Грузии.

Однако, несмотря на то, что ЕС стремится к повышению эффективности миссии, остается ряд нерешенных проблем [3]. Исходя из того, что ЕС не имеет обмена информацией с Республикой Абхазия и Южной Осетия, можно констатировать слабое влияние европейского сообщества на региональные процессы построения стабильного пространства.

В основном, те приоритеты, которые были задекларированы в двусторонних соглашениях остались нереализованными по трем основным причинам. Во-первых, ЕС не имеет до сих пор эффективных прямых каналов влияния на конфликтующие стороны. Во-вторых, европейское сообщество до сих пор не может выработать единую дипломатическую позицию по проблемам региона. В-третьих, отдельные представители европейского сообщества беспокоит возможность ухудшения отношений с Россией, что может негативно отразиться на уровне экономического развития и энергетической безопасности.

Литература

1. Данные и факты о миссии // European External Action Service. 28 января 2015. Режим доступа: http://www.eumm.eu/ru/about_eumm/facts_and_figures (дата обращения: 30.01.2015).
2. Делегация Европейской Комиссии в Грузии // European External Action Service. 28 января 2015. Режим доступа: http://www.eumm.eu/ru/eu_in_georgia/delegation_of_the_eu_commission (дата обращения: 30.01.2015).

Результаты развертывания миссии по наблюдению в Грузии оказались противоречивыми. С одной стороны, сам факт присутствия наблюдателей позволил не допустить повторной эскалации, а с другой – не позволила ЕС усилить свои позиции в постконфликтном урегулировании. Дипломатические усилия ЕС по урегулированию конфликта как в формате Представителей ЕС в регионе, так и на международной арене были недостаточны для достижения целей, изложенных в планах действий с соответствующими партнерами по ЕПС [4]. Документ, выпущенный Европейской комиссией, «Новая позиция по отношению к меняющемуся соседству» («A new response to a changing neighborhood») говорит о том, что «геополитические, экономические и интересы в области безопасности напрямую подвержены влиянию продолжающейся нестабильности в регионе» и «ЕС стремится к созданию сценариев постконфликтного восстановления» [10]. Т. о. была упущена возможность выработки системного подхода к урегулированию конфликтов.

В целом по итогам рассмотрения динамики ОЕПБО на примере политики ЕС в Закавказье можно сделать вывод, что антикризисные миссии ЕС пока что довольно ограничены по масштабам и, в отсутствие общих военных ресурсов и вооруженных сил, в значительной степени зависят от степени участия и предоставляемых ведущими странами Евросоюза средств. Серьезные пробелы в сфере командования и контроля означают, что любая серьезная операция неизбежно должна опираться на поддержку НАТО. Хотя в целом структурный потенциал ЕС в области урегулирования конфликтов за период развития ОЕПБО значительно вырос, преждевременно говорить о том, что ЕС стал влиятельным международным игроком в сфере международной безопасности.

В итоге, несмотря на очевидные успехи в становлении ОЕПБО, развитие Европейской политики в области обороны и безопасности представляется далеко не таким однозначным. Возможности ЕС в области кризисного урегулирования (прежде всего, оперативность реагирования на возникающие кризисы) не выявлены в полном объеме, а вопрос о том, насколько разрабатываемые ЕС механизмы могут быть эффективно применены на практике, пока остается открытым. До сих пор ни одна из проведенных миссий, как видно на примере Кавказского региона, не позволила Евросоюзу задействовать весь спектр своих потенциальных возможностей в области кризисного урегулирования ввиду просчетов при планировании и развертывании миссий, зависимости от логистических, инфраструктурных и военно-технических ресурсов НАТО и ООН, а также тактических и стратегических разногласий внутри самого Евросоюза, не в последнюю очередь в контексте отношений с Российской Федерацией.

3. ЕС продлил мандат миссии наблюдателей в Грузии до 2012 года // Кавказский узел. 12 сентября 2011. Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/192443/> (дата обращения: 28.01.2015).
4. Капанадзе: миссия наблюдателей ЕС в Грузии успешно проводит независимый мониторинг // Кавказский узел. 14 сентября 2012. Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/212624/> (дата обращения: 28.01.2015).
5. A secure Europe in a better world. European Security Strategy (12 December 2003). Режим доступа: <http://www.consilium.europa.eu/eeas/security-defence/european-security-strategy.aspx?lang=en> (дата обращения: 25.01.2015).
6. Council Joint Action 2008/736/CFSP (15 September 2008). Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2008:248:0026:0031:EN:PDF> (дата обращения: 25.01.2015).
7. EU/Georgia Action Plan // European External Action Service. 14 November 2006. Режим доступа: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/action_plans/georgia_enp_ap_final_en.pdf (дата обращения: 24.01.2015).
8. Forsberg T., Seppo A. The Russo-Georgian war and EU mediation // Russian Foreign Policy in the 21st Century / Kanet R. E. (ed.). Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. P. 121 – 137.
9. Harzl B., Engl A. and Toggenburg G. von Guidelines and recommendations for EU conflict prevention and management: the case of the South Caucasus: Bolzano. 2008. 87 p.
10. Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions, 'A new response to a changing Neighbourhood' (Brussels, 25 May 2011). Режим доступа: http://eeas.europa.eu/enp/pdf/pdf/com_11_303_en.pdf (дата обращения: 29.01.2015).
11. Kurtbag O. EU's response to the Georgia crisis: an active peace broker or a confused and divided actor? // Central Asian and Caucasian Studies. Vol. 3. № 6 (2008).
12. Partnership and Cooperation Agreement between the European Communities and their Member States, of the one part, and the Republic of Armenia, of the other part // European External Action Service. 20 November 2008. Режим доступа: <http://ec.europa.eu/world/agreements/prepareCreateTreatiesWorkspace/treatiesGeneralData.do?step=0&-redirect=true&treatyId=183&back=184> (дата обращения: 24.01.2015).
13. Popescu N. EU and the Eastern neighbourhood: reluctant involvement in conflict resolution // European Foreign Affairs Review. 2010. № 14.
14. Report of the Independent International Fact-Finding Mission on the Conflict in Georgia. Vol. II // Russia Today. 21 February 2012. Режим доступа: <http://rt.com/files/politics/georgia-started-ossetian-war/iifmcg-volume-ii.pdf> (дата обращения: 29.01.2015).
15. Schmidt-Felzmann A. All for one? EU member states and the Union's common policy towards the Russian Federation. // Journal of Contemporary European Studies. 2008. Vol. 16. № 2.
16. The Caucasus and energy security // Caucasus Review of International Affairs. 2008. Vol. 2 № 2.
17. Volkhonskiy M. Medvedev-Sarkozy's six points: the diplomatic aspect of the South Ossetian settlement // Central Asia and the Caucasus. 2009. Vol. 58 – 59. №. 4 – 5.

Информация об авторах:

Семенов Олег Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, horrin@mail.ru.

Oleg Yu. Semenov – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of History and Theory of International Relations, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod.

Белащенко Дмитрий Александрович – кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории и политики России Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, dmi-belashhenko@yandex.ru.

Dmitry A. Belashchenko – Candidate of History, Assistant Lecturer at the Department of History and Policy of Russia, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

**ПОЗИЦИЯ ФРГ В ОТНОШЕНИИ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА
В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
И ОТНОШЕНИЙ С РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ**

О. Ю. Семенов, Д. А. Белащенко

**GERMAN POSITION TOWARDS UKRAINE CRISIS WITHIN THE CONTEXT
OF EUROPEAN SECURITY PROBLEMS AND RELATIONS WITH THE RUSSIAN FEDERATION**

O. Yu. Semenov, D. A. Belashchenko

Статья выполнена в рамках НИР по государственному заданию Минобрнауки России 11.9135.2014.

Предметом исследования являются кризисные явления на Украине в контексте современного состояния российско-германских отношений и проблем общеевропейской безопасности. Целью работы выступает выявление особенностей концептуальной позиции и практических шагов ФРГ в отношении украинского кризиса с учетом проблем континентальной безопасности и динамики российско-германского диалога. Методологическая основа исследования включает принципы историзма, объективности, системности, конкретности, использованы методы исторической и политической науки: синхронный, хронологический, сравнительно-сопоставительный, методы источникового анализа, ивент-анализ, методы исторической дедукции и индукции. По итогам исследования получены новые научные данные о специфике германской позиции в отношении украинских событий последнего времени и выявлено, что внешнеполитическая линия Берлина по жесткому противодействию политике и интересам России путем санкционного давления, сформированная под влиянием внешних сил, требует переформатирования, а сохранение нынешнего курса может привести к подрыву внутри- и внешнеполитических позиций канцлера Германии А. Меркель. Выводы исследования могут использоваться при разработке новых технологических решений в сфере эффективного использования Российским государством инструментов двусторонней дипломатии, равно как и участия в построении архитектуры общеевропейской безопасности.

The paper analyzes latest crisis events in Ukraine within the context of contemporary German-Russian relations as well as European security problems. The purpose of the paper is to reveal the peculiarities of conceptual position as well as practical German steps towards Ukraine crisis taking into account continental security problems and Russian-German dialogue dynamics. The paper methodology includes the principles of historicism, objectivity, systemic, concreteness as well as methods of historical and political research: synchronous, chronological, comparative benchmarking, source analysis techniques, event analysis, historical induction and deduction. The results of the paper include new scientific data on the specific German position towards latest Ukrainian events. It is pointed out that Berlin foreign policy, aimed at hard counteractions to Russian ideas and interests and formed well under external influence, needs to be reformatted otherwise such policy may weaken both internal and foreign positions of German Chancellor A. Merkel. The paper outcomes may be used by Russian state authorities when elaborating new technologies of effective use of bilateral diplomacy tools as well as taking part in constructing common European security architecture.

Ключевые слова: Германия, украинский кризис, европейская безопасность, российско-германские отношения.

Keywords: Germany, Ukraine crisis, European security, Russian-German relations.

Конфликт на Украине разворачивается в то время, когда политическая элита Германии активно формулирует более эффективную и творческую внешнюю политику не только в Европе, но и в мире. Сигналом послужили выступления министра иностранных дел Франка-Вальтера Штайнмайера, президента Йоахима Гаука и министра обороны Урсулы фон дер Ляйен на Мюнхенской конференции по безопасности в начале 2014 г. [15]. Пересмотр внешней политики стал одной из главных задач Ф.-В. Штайнмайера во время его нынешнего пребывания на посту министра иностранных дел [16].

Вне всякого сомнения, растущая экономическая и политическая мощь на фоне общего экономического и институционального кризиса Евросоюза усилила позиции Берлина в Европе. Хотя Германия всегда определяла себя как преимущественно экономическую державу, в последние годы активизировалось обсуждение и ее внешнеполитического профиля. Политическая элита осознает: страна должна брать больше ме-

ждународной ответственности за урегулирование кризисов и миротворчество. Это связано и с экономическими интересами Германии, которой для процветания нужны стабильные и открытые рынки, власть закона и функционирующая государственность. Тот факт, что переосмысление внешней политики происходит на фоне растущего скептицизма немецкой общественности относительно участия Германии в международных конфликтах или даже военных миссиях, является вызовом внешнеполитическому истеблишменту [14].

Украинский кризис, начинавшийся в конце осени 2013 г. как очередное протестное выступление проевропейски ориентированных сил недовольных политикой действующего президента В. Ф. Януковича, уже к весне следующего года привел не только к государственному перевороту, нарушению территориальной целостности страны и началу военной кампании в Донбассе, но и выявил явное несовершенство европейской системы безопасности. После возвращения

Крыма в состав России и постепенного оформления Новороссии в качестве очередного непризнанного государства постсоветского пространства перед Европейским Союзом встала задача по максимальному смягчению последствий кризиса и поиска возможных путей выхода из сложившейся ситуации. Разрешить кризис своими силами ЕС никак не мог в силу позиций других заинтересованных сторон (прежде всего, России и США) и отсутствия единства внутри самого ЕС. В этих условиях большая ответственность легла на «локомотивы» ЕС Германию и Францию, которые должны были не только прилагать усилия к разрешению украинского кризиса, но и стараться консолидировать мнения представителей «Старой» и «Новой» Европы, отстаивавших порою диаметрально противоположные точки зрения.

В сложившейся ситуации Германия вынуждена была занять во многом противоречивую позицию. Джордж Фридман в своей статье «Germany Emerges» («Германия поднимается») отметил, что немцы сыграли «значительную роль» в свержении украинского президента Виктора Януковича и его правительства. В частности, Германия активно способствовала заключению соглашения между Украиной и Европейским Союзом, отвергнутым впоследствии В. Януковичем. Кроме того, Германия публично поддерживала киевских демонстрантов и имела тесные связи с одним оппозиционных лидеров, нынешним мэром Киева Виталием Кличко (широко известного в Германии и Европе в целом благодаря своим достижениям в профессиональном боксе). Известно также, что нынешний глава украинской столицы проходил обучение в рамках программы для растущих политических лидеров, спонсировавшейся Христианско-демократическим союзом (ХДС) – партией канцлера Ангелы Меркель [5].

Проукраинская позиция Германии первоначально была категоричной и последовательной. Берлин осудил «аннексию» Крыма Россией и поддержку Москвой «сепаратистских движений» в восточных регионах Украины. Дж. Фридман приходит к выводу, что «в этих событиях Германия не играла, быть может, ключевую роль, но она являлась важным игроком» [5].

В то же время позиция Германии подвергалась корректировке. Во многом это было обусловлено серьезным обострением ситуации в Донбассе. В сложившейся ситуации А. Меркель вынуждена была не только публично поддерживать антироссийские санкции, но и всячески избегать втягивания в разгорающийся конфликт. Как отмечает Дж. Фридман, «когда немцы поняли, что это дело не будет просто политическим, а приобретет еще военный привкус, они начали отступать от главной роли. Но выход из нее был трудным. Немцы приняли комплексную позицию. Они противостояли россиянам, но и также не хотели оказывать непосредственную военную поддержку украинцам» [5].

Из-за вынужденного балансирования между сторонами украинского кризиса позиция Германии подверглась и продолжает подвергаться критике сразу с нескольких сторон: США и Украина призывают А. Меркель проявить большую жесткость и последо-

вательность в выработке и осуществлении антироссийских санкций, Россия возлагает на Германию ответственность за ухудшение отношений по линии «Москва-Берлин», ряд стран-членов ЕС критикуют Германию за следование в курсе политики США и контрпродуктивность экономического давления Европы на Россию. В то же время внешнеполитическая линия Германии вызывает вопросы и внутри самой ФРГ. В частности, согласно данным социологического опроса, проведенного компанией Infratest dimap в апреле 2014 г., более 49 % немцев хотят, чтобы Германия была посредником между НАТО и ЕС, с одной стороны, и Россией – с другой. Только 45 % граждан полагают, что Берлин должен позиционировать себя исключительно как участник западного альянса [12]. Скептически о политике Германии в отношении России и роли Берлина в украинском кризисе высказывались бывшие и нынешние политики. В числе критиков выступают экс-канцлеры Гельмут Шмидт и Герхард Шредер, лидер парламентской фракции партии «Левые» Грегор Гизи. Министр иностранных дел Германии Ф.-В. Штайнмайер в интервью газете Thuringische Landeszeitung заявил, что антироссийские санкции «не должны стать самоцелью» и призвал избегать «автоматизма» в принятии и применении санкций, который «ведет в тупик» [3].

Негативную реакцию санкционная политика ЕС вызывает у немецкого бизнеса, поскольку экономическое воздействие на Россию и ответная реакция Москвы сказываются на работе ряда компаний и предприятий. По данным на июль 2014 г. из-за ужесточения антироссийских санкций под угрозой увольнения в Германии находились 25000 человек [10]. Председатель лоббистской группы «Eastern Committee», защищающей интересы компаний, сотрудничающих со странами Восточной Европы, Экхард Кордес сравнил нынешний кризис с «ядом для условий ведения бизнеса в России и на Украине» [10]. Интересно, что, по словам Э. Кордеса, французские компании не подвергаются столь сильной критике за сотрудничество с Россией: «Франция экспортирует в Россию боевой корабль, и все в порядке, а к Германии подход иной» [10].

Именно немецкая экономика куда болезненнее, чем другие страны, ощущает на себе последствия принятых санкций. По оценкам Института мировой экономики в Киле, если против России будут приняты самые жесткие меры, темпы роста ВВП Германии в 2015 г. потеряют до двух процентных пунктов. Поскольку как немецкие, так и международные эксперты прогнозировали в этом году прирост ВВП в Германии на 1,6 – 2,0 %, санкции против России могут полностью остановить всякий экономический рост в этой стране или даже вызвать экономический спад. Есть и менее радикальные, но все же весьма тревожные оценки. Например, британская Telegraph опубликовала данные закрытого доклада Еврокомиссии, в котором рассмотрен ущерб от возможных санкций для каждой из стран ЕС. Как следует из доклада, рост немецкого ВВП уменьшится на 0,9 процентного пункта [2].

В целом приведенные факты наглядно демонстрируют, что попытка Германии занять некую «срединную» позицию между интересами России, Украи-

ны и США с их европейскими сателлитами пока не находят поддержки ни в Брюсселе, ни в Вашингтоне, ни в Москве. Однако не стоит упускать из виду то, что Германия на протяжении всего украинского кризиса старалась принимать конкретные (пусть и далеко не всегда эффективные) шаги по смягчению украинского кризиса и деэскалации конфликта в Донбассе. В частности, именно А. Меркель в ходе юбилейных торжеств по случаю открытия второго фронта выдвинула идею о создании «нормандской четверки» (Россия, Германия, Франция, Украина), пытающуюся выработать возможные пути урегулирования конфликта на Юго-Востоке Украины. При участии Германии были организованы встречи контактных групп с участием представителей Украины, ДНР и ЛНР, закончившиеся подписанием двух т. н. «Минских перемирий» в сентябре 2014 и феврале 2015 гг. [17].

В то же время Германия, испытывая постоянное давление США и партнеров по ЕС, неоднократно высказывала критические оценки в адрес России и ее роли в украинском кризисе. С подобными замечаниями выступали А. Меркель, Ф.-В. Штайнмайер и другие представители немецкой политической элиты. Например, министр обороны Германии У. фон дер Ляйен в одном из своих выступлений заявила, что в новой военной доктрине бундесвера, планируемой к принятию в 2016 г., Германии необходимо дать ответ на вызовы последних десяти лет (предыдущая доктрина, т. н. «Белая книга», датируется 2006 г.). «Новая политика Кремля началась задолго до конфликта в Украине и будет занимать нас еще очень-очень долгое время», — подчеркнула У. фон дер Ляйен. Глава оборонного ведомства также отметила, что в работе над «Белой книгой» Берлину придется заняться поиском «соответствующего ответа» на попытку Москвы восстановить «геополитическую политику насилия и военное давление как форму отстаивания своих интересов» [8].

На протяжении 2014 – начала 2015 гг. на фоне украинского кризиса постепенно происходило ухудшение отношений Германии и России, многими до этого характеризовавшиеся как «партнерские» и даже «стратегические». В немецких СМИ нынешнее состояние германо-российских отношений характеризуется как «эрозия», а развитие экономического сотрудничества рассматривается как близкое к обвалу [8]. Знаковым событием стало выступление А. Меркель в Бундестаге 26 ноября 2014 г., в ходе которого канцлер жестко раскритиковала политику России на украинском направлении, и заявила, что «действия РФ ставят под вопрос мирный порядок в Европе и нарушают международное право». По ее словам, «ничто не может оправдать аннексию Крыма или извинить прямое или не прямое участие России в боях в Донецке и Луганске». Заметив, что в Донбассе продолжают стрелять, Ангела Меркель отметила, что экономические санкции в отношении РФ остаются «неизбежными» [11].

Двусторонние трения сказались на отношении россиян к Германии, которую раньше неизменно считали скорее союзником, а в СМИ и выступлениях российских политиков и экспертов неоднократно подчеркивалась важность формирующейся стратеги-

ческой оси «Москва-Берлин». Согласно опросу ВЦИОМ, сейчас крупнейшему торговому партнеру России симпатизируют только 2 % респондентов. В докризисный период это число доходило до 17 % [6], что является весьма высоким показателем, учитывая характер российско-германских отношений в XX в.

Аналогичные опросы в самой Германии дают похожие результаты: только 10 % немцев оценивают Россию как надежного партнера. При этом 76 % опрошенных указывают, что отношения между обеими странами надолго испорчены [6].

В принципе, позиция Германии и настроения немецкого общества понятны, и ключевым моментом является вовсе не поддержка Донецка и Луганска, а ситуация с Крымом. В постбиполярный период любое изменение границ, особенно в Европе, происходило под контролем США и их союзников. Любая попытка повлиять на сложившуюся систему со стороны других стран жестко пресекалась. В новейшее время Россия дважды нарушила «правила игры» – в августе 2008 и марте 2014. И если конфликт с Грузией и признание независимости Южной Осетии и Абхазии стали полной неожиданностью для Запада, то присоединение Крыма стало серьезным вызовом всей современной системе международных отношений. Своими действиями Россия поставила под сомнение возможности США контролировать ключевые процессы в Европе, а заодно нанесла серьезный урон имиджу Германии как одному из столпов европейской стабильности и безопасности.

27 ноября 2014 г. стало известно, что из-за разногласий по Украине власти ФРГ отменили запланированную на 1 – 2 декабря встречу сопредседателей форума гражданских обществ РФ и Германии «Петербургский диалог». Запущенный президентом РФ В. В. Путиным и тогдашним канцлером ФРГ Г. Шредером в 2001 г. «Петербургский диалог» был символом особого характера отношений между Москвой и Берлином, и его заседания проходили даже после августовских событий 2008 г., когда Запад негативно реагировал на действия России в Южной Осетии [2].

Полная утрата доверия к нынешнему российскому руководству и особенно ухудшение личных отношений между А. Меркель и В. В. Путиным сильно повредили двусторонним связям. Для немецкой политической элиты кризис и вооруженный конфликт на Украине стали серьезной проверкой на прочность отношений с Россией. Украина превратилась в своеобразную «лакмусовую бумажку», показывающую общее состояние отношений Берлина и Москвы. В результате стало очевидным, что по фундаментальным вопросам позиции России и Германии не совпадают, и стороны фактически не разделяют общих ценностей и интересов [4].

После заключения второго «Минского перемирия» Германия позиционировалась в европейских СМИ как один из главных создателей «временного спокойствия» в Европе. По мнению экспертов, удачный для Европы исход переговоров в столице Белоруссии во многом способствует росту популярности Христианско-демократического союза и самой А. Меркель. Благодаря активности канцлера ХДС и

ХСС увеличили рейтинг на один процентный пункт (до 43 %), что на 2,5 процентных пункта выше результата всеобщих выборов двухлетней давности [13].

Тем не менее спустя несколько дней после подписания «Минского перемирия» А. Меркель, выступая на съезде Христианско-демократического союза, заявила: «Немецкое правительство, европейское правительство, Германия и Франция совместно не оставят усилий сделать все возможное для того, чтобы Украина могла развиваться собственным путем, сохранила территориальную целостность, но также мы сделаем все для того, чтобы иметь основания повторять: мы хотим, чтобы Россия стала нашим партнером, мы хотим делать это вместе с Россией, а не против России... Мы хотим, сразу скажу это, строить европейский миропорядок вместе с Россией, а не против России. Но мы не можем отказаться от наших принципов. Аннексия Крыма – это нарушение международного права» [7].

Характерно, что после взятия силами ополчения города Дебальцево и фактически прямого саботирования Киевом пунктов Минского соглашения, в Германии вновь заговорили о продлении срока действия экономических санкций против России и необходимости введения новых [18]. Очевидно, что с продолжением конфликта в Донбассе риторика политического руководства Германии будет корректироваться исключительно в сторону ужесточения санкционного давления на Россию. Причем в случае возобновления боевых действий и возможных успехов вооруженных сил Новороссии градус риторики будет только усиливаться.

Интересную точку зрения на украинский кризис и роль Германии в его разрешении высказал Эккехард Брозе, бывший руководитель постоянного представительства Германии в НАТО. В статье «О необходимости корректировки позиции Германии по украинскому кризису» он отмечает, что в отношениях с Москвой Берлин вынужден ориентироваться на позицию Вашингтона [9]. Именно этим и обуславливается отсутствие какой-либо дипломатической гибкости и попыток найти взаимоустранивающий компромисс. По мнению Э. Брозе, Германия фактически работает «в ущерб собственным интересам», ради «призрачных шансов» в будущем получить выгоду от ослабления [9].

В то же время, как отмечает эксперт, Германия занимает весьма противоречивую позицию, спонсируя ряд украинских политических лидеров, которые во многом выстраивают свой имидж на «особом взгляде на итоги Второй Мировой войны и послево-

енное мироустройство и поддерживают усиление влияния неонацистских организаций» [9], угрожающих как непосредственно Украине, так и всей Европе. Кроме того, действия украинских политиков часто бывают «необдуманными и несогласованными», что ставит германское руководство в «неудобное положение», вынуждая его предпринимать дополнительные усилия для «сглаживания последствий» [9].

Поэтому Э. Брозе считает, что внешнеполитическая линия Берлина, направленная исключительно на усиление санкционного давления, требует «срочного реформирования» ввиду бесперспективности и базировании на «ошибочном» представлении о действиях Москвы в отношении Киева. Приверженность нынешнему курсу приведет, как минимум, к подрыву авторитета канцлера А. Меркель [9].

В целях выхода из сложившейся ситуации и избегания потенциальных проблем Э. Брозе выдвигает следующую программу действий:

1. Смягчение политики экономической блокады и политического противостояния в отношении России для устранения угрозы невосполнимых потерь германской экономики.

2. Более жесткие взаимоотношения с украинскими политическими лидерами, исключающие необоснованные денежные транши украинскому правительству.

3. Создать германо-российско-украинскую комиссию на уровне правительств для мониторинга ситуации на промышленных и энергетических объектах, несущих потенциальную угрозу экологической безопасности в регионе.

4. Акцентировать внимание немецкого общества на неприятии руководством Германии возможных вариантов пересмотра итогов Второй Мировой войны.

5. Временно прекратить осуществление помощи украинским националистическим организациям [9].

В целом идеи, изложенные в статье Э. Брозе, отражают точку зрения прагматичной части немецкого политического истеблишмента, отстаивающей самостоятельный внешнеполитический курс, равноудаленный как от жестких требований Вашингтона и поддержки киевского режима, так и от усиления экономической, прежде всего газовой, зависимости от России. Однако, как отмечают немецкие эксперты, над большей частью немецкой политической элиты довлеет историческое прошлое, вынуждающее особенно остро реагировать на нарушение любых (даже противоречивых) норм современного международного права.

Литература

1. Михайлина И. Бундесвер меняет военную доктрину из-за конфликта на Украине // Информационный портал «Germania-online.ru». 2015. Режим доступа: http://www.germania-online.diplo.de/Vertretung/russland-dz/ru/01-politik/au_C3_9Fenpolitik/bundeswehr.html (дата обращения: 25.03.2015).
2. Восканян М. Битва за Германию // Информационно-аналитический проект «Однако». 29 июля 2014. Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/bitva-za-germaniyu/> (дата обращения: 25.03.2015).
3. Бушуев М. Германо-российские отношения разъедает эрозия // Deutsche Welle (русская редакция). 27 февраля 2015. Режим доступа: <http://www.dw.com/ru/германо-российские-отношения-разъедает-эрозия/a-18282471> (дата обращения: 25.03.2015).

4. Костерев А. Украинский кризис расколол Европу // Интернет-журнал «Новая политика». 20 мая 2014. Режим доступа: <http://www.novopol.ru/-ukrainskiy-krisis-raskolol-evropu-text163683.html> (дата обращения: 25.03.2015).
5. Майстер Ш. Как Россия потеряла Германию // Россия в глобальной политике. 2015. № 1. Режим доступа: <http://globalaffairs.ru/number/Kak-Rossiya-poteryala-Germaniyu-17308> (дата обращения: 25.03.2015).
6. Максудов А. STRATFOR: Почему Германия ведет противоречивую политику в отношении украинского кризиса?! // Интернет-газета «Zona KZ». 2015. Режим доступа: <https://zonakz.net/view-stratfor-pochemu-germanija-vedet-protivorechivuju-politiku-v-otnoshenii-ukrainskogo-krisisa.html?action=author&id=3378> (дата обращения: 25.03.2015).
7. Матвеева П., Братерский А. И не друг, и не враг // Газета.ru. 16 октября 2014. Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2014/10/16_a_6262685.shtml (дата обращения: 25.03.2015).
8. Меркель: мы хотим строить европейский миропорядок вместе с Россией // РИА Новости. 18 февраля 2015. Режим доступа: <http://ria.ru/world/20150218/1048462284.html> (дата обращения: 25.03.2015).
9. О необходимости корректировки позиции Германии по украинскому кризису // Информационный центр «Aftershock». 26 января 2015. Режим доступа: <http://aftershock.su/?q=node/283369> (дата обращения: 25.03.2015).
10. Позиция Меркель в отношении России беспокоит бизнес Германии // Ведомости. 4 июля 2014. Режим доступа: <http://finance.rambler.ru/news/economics/147768450.html> (дата обращения: 25.03.2015).
11. Полунин А. Восточный фронт вместо «Восточной политики» // Свободная пресса. 27 ноября. Режим доступа: <http://svpressa.ru/politic/article/105421/?mra=1> (дата обращения: 25.03.2015).
12. СМИ: граждане Германии не хотят портить отношения с РФ из-за Украины // РИА Новости. 25 апреля 2014. Режим доступа: <http://ria.ru/world/20140425/1005453570.html> (дата обращения: 25.03.2015).
13. Чувакин О. Европе расхотелось играть против России? // Военное обозрение. 20 февраля 2015. Режим доступа: <http://topwar.ru/69372-evrope-rashotelos-igrat-protiv-rossii.html> (дата обращения: 25.03.2015).
14. Busse N. Der verborgene Teil deutscher Aussenpolitik / FAZ, 27 March 2014. Режим доступа: <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/ukraine-krise-der-verborgene-teil-deutscher-aussenpolitik-12867581.html> (дата обращения: 26.03.2015).
15. Germany's role in the world: Reflections on responsibility, norms and alliances – Speech by Federal President Joachim Gauck at the opening of the Munich Security Conference on 31 January 2014 in Munich. Режим доступа: http://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Downloads/DE/Reden/2014/01/140131-Muenchner-Sicherheitskonferenz-Englisch.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения: 26.03.2015).
16. Rede von Außenminister Frank-Walter Steinmeier anlässlich der 50. Münchner Sicherheitskonferenz // Auswärtiges Amt. 1 Februar 2014. Режим доступа: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Reden/-2014/140201-BM_M%C3%BCSiKo.html (дата обращения: 26.03.2015).
17. Rede von Außenminister Steinmeier bei der Münchner Sicherheitskonferenz 2015 // Auswärtiges Amt. 8 Februar 2015. Режим доступа: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Reden/2015/150208-BM_M%C3%BCSiKo.html (дата обращения: 26.03.2015).
18. Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel anlässlich der 51. Münchner Sicherheitskonferenz // Die Bundesregierung. 7 Februar 2015. Режим доступа: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Rede/2015/02/2015-02-07-merkel-sicherheitskonferenz.html> (дата обращения: 26.03.2015).

Информация об авторах:

Семенов Олег Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, horrin@mail.ru.

Oleg Yu. Semenov – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of History and Theory of International Relations, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod.

Белашенко Дмитрий Александрович – кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории и политики России Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, dmi-belashhenko@yandex.ru.

Dmitry A. Belashchenko – Candidate of History, Assistant Lecturer at the Department of History and Policy of Russia, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

УДК 94(430) + 94(410)

РЕПАРАЦИОННЫЙ ВОПРОС В КОНТЕКСТЕ АНГЛО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ 1924 – 1929 ГГ.*М. Н. Созонов***THE QUESTION OF REPARATIONS IN THE CONTEXT OF ANGLO-GERMAN RELATIONS IN 1924 – 1929***M. N. Sozonov*

Статья посвящена урегулированию репарационного вопроса в контексте англо-германских отношений второй половины 20-х гг. XX в. Цель статьи – описать основные вехи в решении проблемы репараций и обозначить причины пересмотра плана Дауэса. В статье также уделено внимание эволюции британской и немецкой политики в репарационном вопросе, роли отдельных политических деятелей в его урегулировании. Сделан вывод о сочетании экономических и политических причин ревизии плана Дауэса. В течение почти двух лет британское правительство выступало против ревизии «плана Дауса», надеясь продавить свою позицию по данному вопросу. Однако вследствие давления Союзников на Лондон и начала экономических затруднений в Германии, Британия в конечном счете пошла на компромисс.

The paper is devoted to the settlement of the question of reparations in the context of the relations between Germany and Britain in the second half of the 1920s. The paper aims at describing the main milestones in the solution of the problem of reparations and designating the reasons for the revision of the Dawes Plan. The paper also pays attention to the evolution of British and German policy in the reparations question, the role of particular political figures in its regulation. A conclusion is made about the combination of economical and political reasons for the revision of the Dawes Plan. For almost two years the British Government opposed that revision, hoping to force its position. Due to the pressure of the Allies on London and the beginning of Germany's economic difficulties, eventually Britain met Berlin and the Allies halfway.

Ключевые слова: репарации, план Дауэса, Великобритания, Веймарская республика, англо-германские отношения.

Keywords: reparations, Dawes Plan, Great Britain, Weimar Republic, Anglo-German relations.

Одной из центральных проблем международного развития межвоенного периода были репарационные выплаты Веймарской республики, тесно переплетенные с вопросами долгов дореволюционной России и стран Антанты друг другу. В той или иной степени эти проблемы касались 28 государств, включая США. Статус Соединенных Штатов за период Первой мировой войны изменился кардинально. Если до ее начала Америка была должником, то к окончанию мировой бойни США стали главным кредитором Союзников – Великобритании, Франции, Италии и Бельгии. После капитуляции Германии и ее союзником страны-должники предложили Вашингтону хотя бы частично списать задолженность, аргументируя свое предложение тем, что американские кредиты – это вклад США в общую победу, но поддержки не нашли. Проблему усугубляло то обстоятельство, что в стане Союзников, которые все быстрее становились бывшими, не было единства и в вопросе о германских репарациях. Франция рассматривала эту проблему как неразрывную составляющую всего комплекса международных отношений и полагала, что свои долги Великобритании и США она будет выплачивать из средств, взысканных с поверженной Германии. В Вашингтоне и особенно в Лондоне смотрели на проблемы иначе. Там заявляли: германские репарации – это отдельная проблема международных отношений. Одновременно англичане выступили против чрезмерного экономического давления на немцев. В обоснование своей позиции они приводили следующие аргументы: дальнейшее разорение Германии при помощи репараций мешает восстановлению Европы и чревато опасными политическими потрясениями в немецком государстве.

Вопрос репараций обсуждался в 1920 – 1923 гг. на 23 конференциях, среди которых выделялись Лондонские конференции, прошедшие в мае 1921 г., а также в августе и декабре 1922 г. В итоге страны-победительницы в Первой мировой войне, определив на Парижской мирной конференции в 1919 г. сумму германских платежей в 269 млрд зол. марок, снизили ее до 132 млрд зол. марок. Пятьдесят два процента от суммы должна была получить Франция, 22 % – Великобритания. Веймарская республика не отказывалась от выплат, но просила отложить их на пять лет. В Берлине указывали на невозможность выполнения условий Союзников. Великобритания была склонна поддержать немцев, но Франция требовала выплат сегодня и их гарантий в будущем. Ее представители заявляли: если Германия не будет платить, то Париж, как и предписывал Версальский договор, воспользуется правом эксплуатации германских шахт в Руре, должен будут получить контрольный пакет акций германских красильных фабрик на левобережье Рейна и т. п. США как решение спора предложили создать комитет независимых финансовых экспертов, который должен был оценить платежеспособность Веймарской Германии. Однако Франция не желала ждать итогов работы этой комиссии. 26 декабря 1922 г. она при поддержке Бельгии и Италии, не обращая внимания на протест Великобритании, объявила в Германии дефолт. Согласно Версальскому договору это давало Парижу право на оккупацию Рейнской зоны – промышленного сердца Веймарской республики. Одинадцатого января 1923 г. французские войска, поддержанные бельгийцами, вошли в Рур. Так начался Рурский кризис, поставивший Европу на грань новой войны и революции.

В события активно вмешались США и Великобритания. Итогом стала очередная Лондонская конференция (16 июля – 16 августа 1924 г.), на которой был рассмотрен план выплат германских репараций, разработанный комитетом экспертов и получивший название по имени его руководителя американского банкира Чарльза Дауэса. «План Дауэса» предусматривал: 1) сокращение абсолютного размера выплат; 2) ограничение санкций против Германии со стороны Франции; 3) установление ежегодного лимита платежей; 4) рекомендацию предоставления Германии кредитов; 5) вывод франко-бельгийских войск из Рура в течение года.

«План Дауэса» помимо решения важных экономических вопросов означал серьезное ослабление позиции Франции, укрепление положения Великобритании и рост влияния в европейских делах США.

Реакция на «план Дауэса» в самой Великобритании была неоднозначной. Первоначально в парламенте его поддерживали представители всех партий [5, с. 136]. Предполагалось, что восстановление германской экономики сможет возродить для британского экспорта достаточно емкий немецкий рынок. Однако по мере обсуждения проблемы возникли опасения касательно того, не составит ли возрождаемая германская промышленность конкуренцию Англии в европейской торговле.

В Берлине «план Дауэса» был принят с большим энтузиазмом, поскольку в политическом отношении давал германской стороне серьезный инструмент давления на союзников в деле постепенного ослабления «пут Версаля» и восстановления страны в статусе великой европейской державы [7, с. 81]. С другой стороны, план никогда не рассматривался как окончательный и неизменный вариант решения репарационного вопроса. Напротив, в среде германских политических и экономических элит зрела убежденность, что репарационный план должен быть подвергнут очередной ревизии в обозримом будущем [7, с. 81].

Примечательно, что схожей позиции придерживались и некоторые англо-американские представители на Лондонской конференции. Так, например, в письме британскому премьеру Джеймсу Рамсею Макдональду из Берлина от 18 августа посол Великобритании в немецкой столице лорд Эдгар Винсент Д'Абернон указывал, что «не дает плану Дауэса больше трех – четырех лет жизни» [6, с. 40].

Тридцатого августа 1924 г. «план Дауэса» был окончательно утвержден и 1 сентября вступил в силу.

Вторая половина 1924 г. не ознаменовалась какими-либо существенными подвижками в дальнейшем урегулировании репарационной проблемы. Имели место лишь незначительные коррективы. Так, 2 декабря 1924 г. был заключен англо-германский договор о торговле и мореплавании. Помимо всего прочего соглашение вносило некоторые изменения в репарационный вопрос: отныне изменялись размеры отчислений в фонд репараций от суммы германского ввоза в Англию [7, с. 82]. Через полгода после утверждения «плана Дауэса» в Париже другая конференция увеличила английскую долю в репарационных платежах с 22 % до 23,04 % за счет Бельгии [5, с. 136].

Тысяча девятьсот двадцать пятый год по праву можно считать годом гарантийного пакта и вопроса о разоружении. Репарационный вопрос же отошел на второй план. Но уже во второй половине 1926 г. он вновь вышел на авансцену дипломатической жизни Европы. 17 сентября в местечке Туари близ франко-швейцарской границы состоялась секретная встреча министра иностранных дел Франции Аристиды Бриана с его германским коллегой Густавом Штресеманом [2, с. 155]. На встрече Г. Штресеман поставил вопрос об окончательном определении суммы германского долга по «плану Дауэса» и полной его мобилизации, а в качестве условия последнего назвал необходимость скорейшего прекращения оккупации Рейнской области, назвав срок, – 30 сентября 1927 г. Возможную финансовую помощь Франции от мобилизации железнодорожных облигаций по «плану Дауэса» и выкупа Саарских рудников Штресеман определил суммой в 1 млрд зол. марок [3].

А. Бриан, не желая давать каких-либо обещаний и гарантий, отвечал на предложения германского коллеги уклончиво. Тем не менее идея связать две проблемы (репараций и эвакуации Рейнской области), возникшая задолго до встречи, теперь вылилась в обсуждение на высшем государственном уровне. Периодически она проговаривалась в следующие два года после Туари, пока не приобрела в августе 1928 г. вид триады: репарации – эвакуация – военные долги [3].

Реакция Великобритании на свидание в Туари в целом была негативной. Уже 22 сентября 1926 г. британский дипломат Джон Грегори в частной беседе с германским коллегой Альбертом Дюфур-Феронсе дал понять: тот факт, что «Форин офис не был поставлен в известность о совещании Штресемана-Бриана, несколько возмутил» руководство британской дипломатии, и оно выражает надежду на то, «что в рамках франко-германского диалога не будет принято каких-либо договоренностей, не укладывающихся в рамки плана Дауэса и Локарнских соглашений» [9, с. 240]. Во время следующей встречи, 29 сентября, Дюфур-Феронсе заверил Грегори, что «ни французская, ни немецкая сторона не имеют намерений о чем-либо договариваться за спиной у Великобритании» [8, с. 286].

Примерно в то же время, вечером 21 сентября 1926 г., Дюфур-Феронсе посетил редактор всемирно известной газеты «Times» и отметил, что «его газета приветствует и поддерживает германо-французское сближение как гарантию соблюдения мирного договора» [9, с. 239]. Иную позицию заняли руководители английского внешнеполитического ведомства. На состоявшемся 24 сентября 1926 г. совещании руководители отделов Форин офиса «выразили тревогу по поводу того, что бывший главный союзник и главный противник ведут переговоры по актуальным вопросам, которые, весьма вероятно, затрагивают интересы Великобритании, но при этом обе стороны не считают нужным... держать британское правительство в курсе дел» [9, с. 263]. Также было высказано опасение, что «дальнейший ход германо-французских переговоров без британского участия может поставить Великобри-

танию перед свершившимся фактом достигнутой между Парижем и Берлином договоренности» [9, s. 264].

Настороженность Лондона усиливало и неудачное выступление делегации Великобритании на сентябрьской сессии Лиги Наций в Женеве [9, s. 285].

Особое недовольство английских дипломатов и финансистов вызывала идея мобилизации железнодорожных облигаций с целью экономической поддержки Франции. Так, 27 сентября 1926 г. директор Английского банка Монтегю Норман в беседе с Дюфур-Феронса подверг эту инициативу резкой критике, отметив, что оказать посильную помощь французам можно и посредством англо-американских займов [9, s. 284].

Официальную позицию британского МИДа обозначил в разговоре с германским послом в Лондоне Фридрихом Штамером заместитель главы Форин офиса Уильям Тиррелл. В ходе встречи он дал понять, «что не считает возможным (как и руководство Форин офиса) использование железнодорожных облигаций для улучшения финансового положения Франции и ускорения вывода союзных войск из Рейнской области» [9, s. 306].

В первые дни октября 1926 г. усилилось давление на британское правительство со стороны Франции, Италии и Бельгии с «целью заставить его поддержать зачиненный в Туари план мобилизации государственных железнодорожных облигаций для урегулирования Рейнского и Саарского вопросов, а также помощи французским финансам» [9, s. 297]. Этот шаг союзников был весьма враждебно встречен в британском МИДе.

Сумятицы в действия английского министерства иностранных дел добавляло отсутствие в Лондоне его руководителя – Джозефа Остина Чемберлена, еще не вернувшегося к тому времени из тосканского Ливорно, где у него состоялась встреча с главой фашистской Италии Бенито Муссолини.

Сам Чемберлен еще до начала переговоров в Туари (о которых он был извещен предварительно, однако по какой-то причине не уведомил руководителей Форин офиса в Лондоне) занял выжидательную позицию, отметив в разговоре с Штреземаном 11 сентября 1926 г., что «тепло приветствует любое проявление взаимопонимания между Германией и Францией» [9, s. 325]. Однако касательно любых изменений «плана Дауэса» он сделал оговорку: «Англия определенно не согласится с каким бы то ни было решением, которое поставит Францию в привилегированное положение» [9, s. 325].

К середине октября 1926 г. напряженность в англо-германских отношениях удалось преодолеть. В сообщении от 11 октября, переданном Штреземаном Чемберлену через Ф. Штамера, германский министр иностранных дел клятвенно заверял своего английского визави, что если обсуждаемые в Туари вопросы когда-нибудь выйдут за рамки подготовительной стадии, то к их решению в будущем обязательно будут привлечены заинтересованные мировые державы. И в их числе, несомненно, будут Англия, Италия и Бельгия [9, s. 332].

Хотя напряжение в отношениях Лондона с Берлином и Парижем удалось снизить, позиция Великобри-

тания в вопросе использования железнодорожных облигаций для финансовой помощи Франции осталась неизменной – категорически отрицательной. Правда, О. Чемберлен обещал Ф. Штамеру, что эту проблему детально рассмотрят в Форин офисе и предложат свой вариант ее решения [9, s. 337].

Итак, Великобритания крайне болезненно реагировала на любые попытки французов оспорить ее статус главного актора в европейских делах. 14 октября в разговоре с Штамером, посвященном итогам встречи в Ливорно и перспективам франко-германского диалога, Чемберлен несколько раз подчеркнул, что «положение, при котором Франция займет место доминирующей силы в Европе, абсолютно неприемлемо как для Англии, так и для других государств» [8, s. 337]. Кроме того, англичан пугала возможность дальнейшего франко-германского сближения. Вероятность (пусть и довольно малая) создания блока двух сильнейших континентальных держав ставила под угрозу реализацию доктрины «баланса сил» и подрывала позиции британцев в Европе.

Идее мобилизации железнодорожных облигаций с целью финансовой помощи Франции не было суждено осуществиться. В конце 1926 г. не без давления со стороны Соединенных Штатов так называемый «план Туари» был окончательно отвергнут [16, s. 77].

В начале следующего, 1927 г., участились обвинения в подтасовке данных о бюджете Веймарской республики, адресованные немецкому правительству со стороны ряда политических деятелей Франции и Великобритании. Во время личной встречи 10 марта 1927 г. в ответ на жалобы рейхсканцлера Вильгельма Маркса о несправедливых обвинениях Германии генеральный агент по репарациям Паркер Джильберт заверил собеседника, что «он и американское правительство всецело доверяют канцлеру, его политике и деятельности его кабинета... А сомнения зарубежных аналитиков по поводу финансовой деятельности немецкого правительства совершенно беспочвенны» [8, s. 615 – 617].

Широкий общественный резонанс вызвала публикация меморандума П. Джильберта от 24 октября 1927 г., обращенного к немецкому правительству. Генеральный агент по репарациям предупреждал о растущем уровне внешней задолженности немецких государственных органов, особенно на уровне региональных и местных правительств. Он указывал, что кредиторы и иностранные банкиры были готовы мириться с растущей внешней задолженностью частных немецких компаний, но не органов государственной власти. Рост внешнего долга в государственном секторе, по мнению Джильберта, являлся потенциально дестабилизирующим фактором и, следовательно, угрожал всем будущим иностранным инвестициям, в том числе в частном секторе [14, p. 135].

По сообщениям Штамера, в связи с этой публикацией в английской прессе резко возрос интерес к репарационной проблеме. При этом общественное мнение Великобритании в большинстве своем встало на сторону Германии [10, s. 218]. Схожую позицию заняли и ведущие экономические аналитики Англии, а также Монтегю Норман, директор Банка Англии [10, s. 255]. Лишь немногие газеты («Financial News» и

«Morning Post») обвинили немецкую сторону в попытках саботажа реализации «плана Дауэса» посредством намеренной аккумуляции внешнего долга [10, с. 219].

К 1927/28 финансовому году по мере роста тяжести репарационного бремени для государственного бюджета в Веймарской Германии все чаще стали раздаваться голоса за пересмотр репарационных обязательств. В результате Союзники пошли на некоторые уступки. В частности, была достигнута договоренность о передаче репарационного вопроса и вопроса о Рейнской области на рассмотрение Лиги Наций [7, с. 105]. Это был крупный успех немецкой дипломатии. Отныне Германия получала возможность самой участвовать в обсуждении интересующих ее вопросов на самом высшем уровне.

Весной 1928 г. вновь обострилась дискуссия вокруг идеи связать репарации с военными долгами. Главным апологетом ее осуществления была Великобритания, которая на фоне серьезных экономических затруднений в стране все более зависела в вопросе погашения внешних долгов (прежде всего, перед США) от стабильности репарационных выплат. Соединенные Штаты, как и прежде, выступали категорически против этой инициативы.

В конце марта 1928 г. в Лондоне состоялась встреча П. Джилберта с Уинстоном Черчиллем, канцлером казначейства в кабинете Стэнли Болдуина, и М. Норманом. Генеральный агент по репарациям изложил англичанам позицию правительства США и американского общественного мнения, согласно которой «проблемы межсоюзнических долгов и репараций никак не связаны друг с другом. И потому – поскольку проблема репараций со всей очевидностью нуждается в новом прочтении – необходима ревизия плана Дауэса» [11, с. 455]. В ответ англичане вспомнили о «ноте Бальфура» от 1 августа 1922 г. и указали на незыблемость ее положений. В этом документе Великобритания в обращении ко всем должникам заявляла о готовности пойти на любое снижение долгов, но при сохранении одного условия – получаемая Лондоном от должников сумма должна соответствовать сумме, которую сама Англия должна Америке [1].

Кроме англичан П. Джилберт встречался с французами. Позже он на встрече с представителями прессы заявил, что «ему уже удалось достичь взаимопонимания с французами, и Пуанкаре (*премьер-министр Франции в 1922 – 1924 г. и 1926 – 1929 гг.* – М. С.) смирился с мыслью о необходимости пересмотра репарационного вопроса» [13, с. 455]. Он также открыто заявил, что «если Англия и дальше будет упорствовать, то под давлением единого фронта Америки, Германии и Франции, ей все равно придется уступить» [11, с. 456].

Великобритания, таким образом, выступила главным противником ревизии «плана Дауэса». Что неудивительно – осуществление пересмотра репарационного вопроса, проведенного под эгидой США, ставило под удар и без того пошатнувшиеся позиции Англии в Европе. К тому же перспектива остаться один на один с необходимостью выплаты солидного

внешнего долга не могла не смущать британских политических деятелей и экономических аналитиков.

В мае 1928 г. еще одним камнем преткновения в англо-германских отношениях стало требование британского правительства распространить сферу действия так называемого репарационного акта, принятого в 1921 г. Согласно акту, все ввозимые в Великобританию немецкие товары облагались 26 % репарационной пошлиной. Их сумма была уменьшена в рамках заключенного в декабре 1924 г. договора о торговле между Германией и Англией [17, р. 151] на территорию всей Британской империи, что вызвало недовольство Германии.

Весной 1928 г. Ф. Штамер в беседе с британским послом в Берлине Рональдом Линдсеем, выражая позицию немецкого правительства, заметил, что «его руководство имеет серьезные опасения по поводу возможных негативных последствий изменения репарационного акта для германской внешней торговли» [12, с. 81], и что «мотивы англичан ему совершенно непонятны» [12, с. 80]. Р. Линдсей в ответ попросил германского посла пока не поднимать шума вокруг этого проекта, поскольку тот находится лишь на стадии обсуждения.

К лету 1928 г. позиция Великобритании касательно пересмотра репарационного вопроса оставалась прежней. Более того, как отмечал Ф. Штамер в своем донесении от 26 июня, в Лондоне росла убежденность в том, определение окончательной суммы репараций, на чем настаивает германская сторона, должны осуществляться с оглядкой на межсоюзнические долги [12, с. 238]. По наблюдениям немецкого дипломата, труднее всего было сломить сопротивление министерства финансов во главе с Черчиллем, выступившим резко против ревизии «плана Дауэса» [12, с. 239]. Кроме того, германский посол рекомендовал Берлину не торопить события до тех пор, пока не закончится первый финансовый период (переходный) в реализации «плана Дауэса» (т. е. до осени 1929 г.) [12, с. 240].

3 июля 1928 г. в своем правительственном заявлении о внешней политике новый рейхсканцлер Веймарской республики социал-демократ Герман Мюллер поставил вопрос о необходимости вывода всех союзнических войск из Рейнской области и «окончательного решения» вопроса о репарациях [4, с. 237]. В результате к концу лета 1928 г. окончательно оформилась триада: репарации – эвакуация – военные долги. 16 сентября между делегациями Великобритании, Франции, Англии, Бельгии, Италии и Японии было согласовано коммюнике «по вопросу о дальнейшем направлении репарационной проблемы». Было решено начать широкие переговоры о пересмотре «плана Дауэса» и новом урегулировании репарационной проблемы. Таким образом, германской дипломатии удалось вновь добиться некоторых уступок со стороны Союзников [7, с. 107].

В середине октября 1928 г. Джилберт посетил в Лондоне Болдуина и Черчилля. По итогам встречи британский премьер обещал, что в скором времени его кабинет приступит к рассмотрению репарационного вопроса. Тем не менее, как отмечал советник германского посольства в Великобритании Ганс-Генрих Дикхоф, «Черчилля до конца убедить не уда-

лось. А следовательно, сопротивление министерства финансов еще не полностью преодолено, и нельзя сбрасывать его со счетов» [13, s. 181].

Ни Великобритания, ни Франция не желали выступать застрельщиками обсуждения репарационного вопроса, стремясь «перекинуть» инициативу Веймарской Германии. Однако, по мнению Г.-Г. Дикхофа, наиболее предпочтительным для Берлина был бы такой вариант развития событий, когда «инициатива исходила бы либо от всех Союзников сразу, либо от французов, поскольку именно они были заинтересованы в скорейшем разрешении репарационного вопроса» [13, s. 181]. Того же мнения придерживался и Ф. Штамер [12, s. 240]. Но в итоге первый шаг все равно пришлось вновь сделать немцам. В конце октября 1928 г. Веймарская республика в очередной раз поставила вопросы досрочной эвакуации союзнических войск из Рейнской области и пересмотра репарационной проблемы. В ответ Англия и Франция вновь подтвердили свое согласие на рассмотрение обоих вопросов. В связи с этим в течение последующих полутора месяцев развернулось обсуждение конкретных решений, реализующих достигнутые договоренности на практике. В частности, острые дебаты велись по проблеме границ компетенции комитета экспертов по вопросу о репарациях. Англичане настаивали на том, чтобы функции комитета сводились лишь к изучению платежеспособности Германии, в то время как германская сторона предполагала наделить его правом обсуждения максимально широкого круга вопросов без каких-либо ограничений [13, s. 253].

5 ноября 1928 г. состоялась встреча Дикхофа с заместителем контроллера финансов в британском казначействе Фредериком Лайт-Россом, в ходе которой была обозначена официальная английская позиция по ряду вопросов, связанных с формированием и деятельностью комитета, точнее, с его составом, количеством делегатов и сроком функционирования. Британцы были согласны с привлечением американской стороны. Кроме того, Великобритания априори признавала все решения комитета экспертов [13, s. 273 – 274].

Наконец, к середине декабря 1928 г. удалось достигнуть консенсуса, и уже 22 декабря было объявлено

об учреждении комитета экспертов по вопросу о репарациях [7, с. 107].

После небольшой подготовительной работы комитет начал свою работу в Париже 11 февраля 1929 г. Результатом его деятельности стало появление на свет второго плана репарационных выплат Германии – «плана Юнга», который будет действовать совсем недолго и уже в июле 1932 г. последует его официальная отмена. Репарации Германия в итоге выплатит, но уже спустя долгие семьдесят лет. Но это уже будет совсем другая страна и другое время.

Так или иначе, логика развития репарационного вопроса объективно вела к ревизии «плана Дауэса». Тезис Генерального агента по репарациям П. Джильберта о неплатежеспособности Веймарской республики в некотором роде соответствовал истине: пока значительная часть ежегодных репарационных выплат покрывалась международными займами и иностранными инвестициями, немцы без труда справлялись со своими репарационными обязательствами. По «плану Дауэса» Германия получила займов на сумму около 30 млрд золотых марок. Выплатила же она за время действия этого плана в счет репараций всего 8 млрд марок. Но «золотые двадцатые» были уже на излете, а кризис стоял на пороге.

Значительную роль в ревизии «плана Дауэса» сыграл и политический фактор. В 1924 г. для разоренной и обескровленной Германии первый репарационный план стал подарком судьбы. К концу 1920-х гг. Веймарская республика уже восстановила статус сильной европейской державы и все чаще стала заявлять на международной арене о равных правах с Великобританией, Францией и США. Эти страны, имея друг с другом не простые отношения и опасаясь, что кто-то из них может усилить свои позиции союзом с набиравшим силу Берлином, предпочитали уступать Германии и не обострять ситуацию. Для Великобритании к концу 1920-х гг. проблема усугублялась тем, что в условиях, когда остальные акторы мировой политики единодушно выступили за ревизию «плана Дауэса», она могла оказаться в политической изоляции. Причем решение о пересмотре «плана» вполне могло состояться без участия Лондона, а на это англичане пойти не могли.

Литература

1. Дипломатический словарь. М.: Госполитиздат, 1948. 926 с.
2. Никонова С. В. Германия и Англия от Локарно до Лозанны. М.: Наука, 1966. 344 с.
3. Пуанкаре. Разное отношение к Германскому вопросу [пер. с фр.]. // История Франции: сайт. Режим доступа: <http://акцентуация.рф/archives/1163> (дата обращения: 13.03.2014).
4. Руге В. Гинденбург: портрет германского милитариста / авториз. пер. с нем. Г. Рудого. М.: Мысль, 1981. 429 с.
5. Трухановский В. Г. Внешняя политика Великобритании на первом этапе общего кризиса капитализма (1918 – 1939 гг.). М.: Наука, 1962. 411 с.
6. Турок В. М. Локарно. М.-Л.: АН СССР, 1949. 268 с.
7. Ушаков В. Б. Внешняя политика Германии в период Веймарской республики. М.: Международные отношения, 1959. 158 с.
8. Akten der Reichskanzlei. Weimarer Republik – Das Kabinett Marx III/IV / Band 1 / Dokumente / Nr. 197 Aufzeichnung des Reichskanzlers über seine Besprechung mit dem Generalagenten für Reparationszahlungen Gilbert am 10. März 1927, S. 615 – 617. Режим доступа: http://www.bundesarchiv.de/aktenreichskanzlei/1919-1933/10a/ma3/ma31p/kap1_2/para2_197.html (дата посещения: 16.04.2014).
9. Akten zur deutschen Auswärtigen Politik (1918 – 1945). Serie B: 1925 – 1933. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1967. Band I.2. 712 s.

10. Akten zur deutschen Auswartigen Politik (1918 – 1945). Serie B: 1925 – 1933. Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1974. Band VII. 660 s.
11. Akten zur deutschen Auswartigen Politik (1918 – 1945). Serie B: 1925 – 1933. Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1976. Band VIII. 589 s.
12. Akten zur deutschen Auswartigen Politik (1918 – 1945). Serie B: 1925 – 1933. Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1976. Band IX. 694 s.
13. Akten zur deutschen Auswartigen Politik (1918 – 1945). Serie B: 1925 – 1933. Gottingen, 1977: Vandenhoeck & Ruprecht. Band X. 647 s.
14. Herrigel G. Industrial Constructions: The Sources of German Industrial Power. Cambridge: at the Univ. Press, 1996. 482 p.
15. Orde A. British Policy and European Reconstruction After the First World War. Cambridge: at the Univ. Press, 1990. 359 p.
16. Pohl K. H. Politiker und Bürger: Gustav Stresemann und seine Zeit. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2002. 311 s.

Информация об авторе:

Созонов Михаил Николаевич – аспирант исторического факультета Ивановского государственного университета, spectr6@gmail.com.

Mikhail N. Sozonov – postgraduate student at the Faculty of History, Ivanovo State University.

(**Научный руководитель: Черноперов Василий Львович** – доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета, vlchernoperov@rambler.ru.

Academic advisor: Vasiliy L. Chernoperov – Dr. of History, Head of the Department of World History and International Relations, Ivanovo State University).

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

УДК 93/94

ДИПЛОМАТ В. Л. КОПП В СТАНОВЛЕНИИ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ И ПОЛИТИКЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ИЗ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В РСФСР (1919 – 1921 ГГ.) *В. Л. Черноперов*

THE ROLE OF THE DIPLOMAT V. L. KOPP IN THE FORMATION OF THE SOVIET-GERMAN SCIENTIFIC TIGHTS AND THE POLICY OF LABOUR MIGRATION FROM WEIMAR REPUBLIC TO THE RSFSR (1919 – 1921) *V. L. Chernoperov*

Статья подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ на проведение научно-исследовательской работы № 33.526.2014/К «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX – начала XXI вв.: виртуальность и реальность».

Статья подготовлена преимущественно на документах из Архива внешней политики РФ, Российского архива социально-политической истории и Российского архива экономики. Значительная часть источников вводится в научный оборот впервые. В публикации доказываемая большая, а подчас определяющая роль одного из первых большевистских дипломатов («полулегального полпреда» РСФСР в Веймарской республике) Виктора Леонтьевича Коппа в становлении многосторонних советско-германских научных связей в 1919 – 1921 гг. В частности, обращено внимание на его участие в создании нормальных условий работы для специалистов из России, въехавших в Германию, отмечена деятельность этого дипломата в реализации заказов Москвы на новейшую зарубежную общеобразовательную и специальную литературу, подчеркнута вовлеченность В. Л. Коппа в открытие Берлинского Бюро иностранной науки и техники, которое для российских ученых в условиях международной изоляции большевистского режима стало прорывным в деле возобновления регулярных контактов с иностранными коллегами. Кроме того, в представленной статье с опорой на архивные источники впервые в историографии показана роль В. Коппа в осуществлении проекта кремлевских вождей по организации массовой миграции рабочих и инженеров из Веймарской Германии в РСФСР. При этом особое внимание обращено на неудачи и даже скандалы, возникшие при реализации этого проекта в начале 1920-х гг.

The paper is based on the documents stored in the Archive of the Russian Foreign Policy, the Russian Archive of Social and Political History and the Russian Archive of Economy. A considerable part of the documents is published and introduced into scientific use for the first time. We prove the defining role of one of the first Bolshevik diplomats V. L. Kopp (the partly empowered RSFSR representative in the Weimar Republic) in the formation of many-sided Soviet-German scientific ties in 1919 – 1921. Special attention is paid to his participation in establishing good working

conditions for the specialists from Russia; the author also notes the activities of this diplomat devoted to the realization of orders for new general and special literature from abroad received from Moscow. The paper emphasizes Kopp's involvement into the establishment of Berlin Bureau for foreign science and technology, which was significant for the Russian scientists to renew the regular contacts with foreign colleagues under the conditions of global isolation. It is for the first time in historiography that the paper, basing on the archive sources, marks the role of V. Kopp in the implementation of Kremlin's project of organizing mass migration of workers and engineers from Weimar Germany to the RSFSR. But for all that the author pays special attention to failures and even scandals that occurred during the realization of this plan.

Ключевые слова: В. Л. Копп, Советская Россия, Веймарская республика, советско-германские научные связи, трудовая эмиграция.

Keywords: V. L. Kopp, Soviet Russia, Weimar Republic, Soviet-German scientific ties, labour migration.

Имя одного из первых дипломатов советского государства Виктора Леонтьевича Коппа и его роли в становлении отношений Советской России и Веймарской Германии уже достаточно хорошо известно читателю, интересующегося историей российско-немецких связей (см., напр.: [24; 27]). Вместе с тем еще остаются сюжеты, связанные с его многогранной работой на немецкой земле, которые не стали предметом всестороннего анализа. Среди таковых – участие дипломата в становлении многомерных научных связей большевистской России и Веймарской республики и организации массовой трудовой миграции немцев в РСФСР. Данным вопросам и посвящено предлагаемое сообщение. Источниковую базу работы составили материалы архивов, пресса и опубликованные сборники документов.

Для В. Л. Коппа, который с 1919 г. утвердился в Берлине «полулегальным полпредом», участие в советско-германских научных связях начиналось с получения виз для ученых и инженеров из РСФСР, выезжавших в Веймарскую республику. Решение этого вопроса было не простым. Немцы крайне неохотно выдавали визы гражданам из большевистской России. И дело здесь было не только в боязни официального Берлина, что таким образом в страну проникнут коммунистические агитаторы. Отчасти действия немцев были реакцией на визовую политику в отношении германских специалистов самой Советской России. Копп, настаивая на изменении сложившегося положения, осенью 1920 г. писал московским руководителям: «...Мы до сих пор из немцев никого в Россию не пустили, на всякие просьбы я отвечаю вежливыми, но категорическими отказами. Сами же мы прем в Германию в довольно изрядном количестве. Диспропорция получается довольно чувствительная» [11, л. 37 – 37 об.].

Параллельно с проблемой изменения визовой политики Копп не раз поднимал вопросы кадрового состава командируемых из РСФСР и просил Москву предельно строго подходить к количественному и персональному составу лиц, направляемых в Веймарскую республику. Свою позицию он объяснял, прежде всего, тем, что командируемые отягощали кассу возглавляемой им миссии «громадными расходами» и обостряли «проблемы жилья» [11, л. 37, 37 об.], что было крайне чувствительно при нерегулярном снабжении Коппа финансовыми средствами [12, л. 13 – 14 об.].

Еще одной причиной было недоверие В. Коппа к части командируемых. 17 сентября 1920 г. он писал заместителю наркома внешней торговли РСФСР

А. М. Лежаве: «Замеченное мною в Москве стремление спецов за границу на жирные командировки никоим образом нельзя поддерживать. Все это большей частью прохвосты, а если немецко-подданные то прохвосты вдвойне» [12, л. 3]. Жесткие слова Коппа – это результат его наблюдений за поведением в Германии некоторых специалистов, командированных из РСФСР. Часть из них, оказавшись в Веймарской республике, начинала дублировать работу самого Коппа или его подчиненных, а некоторые – вместо исполнения поручений отправлялись на лечение или выступали с антисоветскими заявлениями [12, л. 3 об.].

После получения германских виз Копп решал вопросы материального обеспечения, а часто и размещения приезжавших из РСФСР ученых и специалистов.

В 1919 – 1921 гг. при отсутствии официальных дипломатических отношений между Советской Россией и Веймарской республикой большевики не могли иметь в немецких банках счетов, открытых на РСФСР, поэтому оперировали через личный депозит Коппа. При командировке того или иного специалиста этот дипломат получал задание по обеспечению приезжающего определенной суммой денег. Например, для крупнейшего российского ученого в области электротехники, члена Научно-технического отдела (НТО) Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) РСФСР А. А. Эйхенвальда Копп должен был выделить кредит в 20 тыс. зол. руб. [16, л. 280]. Для другого члена НТО профессора Н. М. Федоровского – в 200 тыс. германских марок [16, л. 270]. Однако В. Копп обычно не ограничивался только сужением денег, но и сам активно участвовал в закупках товаров для советских ученых. Например, в августе в 1920 г. помогал в приобретении научной литературы и приборов для профессора Аркадьева [16, л. 309], в октябре – для исследователя В. М. Свердлова [14, л. 185]. Тогда же он вместе с Н. М. Федоровским ходатайствовал перед руководством наркоматов по иностранным делам и внешней торговли о выделении 1 млн марок на приобретение инструментов и аппаратуры для нужд НТО ВСНХ [17, л. 10].

Виктор Копп еще до революции показал себя человеком, обладающим инженерным мышлением и навыками изобретателя, слыл среди сослуживцев по Наркоминделу европейски образованным человеком [7, с. 146]. В 1920-е гг. эти таланты позволили Коппу принимать участие в выполнении научных программ командируемых в Германию советских ученых. Например, упоминаемому выше А. Эйхенвальду он помогал в «ознакомлении с новейшими усовершенствованиями»

ваниями и положением научно-технического образования» [16, л. 280].

Копп находился также в контакте с основателем и президентом Государственного рентгенологического и радиологического Института в Петрограде профессором М. И. Неметовым. Этот ученый в личном письме дипломату от 9 октября 1920 г. сообщил об организации лечения волчаночных больных в Вуссене и о снабжении немецких инвалидов войны механическими протезами профессора Зауэрбруха. Профессор М. И. Неметов, рассматривая Коппа представителем высшего эшелона советской власти и стремясь заручиться его поддержкой в осуществлении своих планов, писал относительно применения протезов Зауэрбруха: «Результаты эти <...> настолько ушли вперед от того, что мы в настоящее время знаем в России, что на этот вопрос следовало бы обратить самое серьезное внимание, так как, применяя эти методы, можно людей, потерявших верхние конечности, сделать в значительной степени работоспособными» [15, л. 97 об.]. В письме Коппу М. Неметов сообщил также, что посетил конгресс естествоиспытателей в Наугейме, где на встречах с немецкими и швейцарскими учеными «сумел в значительной мере поколебать» их антисоветские представления. Кроме того, профессор особо подчеркнул тот факт, что все встреченные им коллеги «горячо приветствовали возобновление научных и экономических отношений с Советской Россией» [15, л. 97]. Информацию ученого-рентгенолога Виктор Копп оперативно переправил в Москву.

Письмом Коппу значение миссии Неметова не исчерпывалось. Этот профессор закупил для Советской России на целый железнодорожный состав научной литературы и аппаратуры [21, с. 34]. Вряд ли стоит повторяться, что эта операция была бы невозможна без участия В. Коппа. Кроме того, Неметов по возвращении в Россию выступил с серией статей, в которых пропагандировал достижения немецкой научной и университетской жизни [8; 9]. Именно во время этой поездки у советского ученого и его германских коллег возникла идея о создании русско-немецкого общества «для возобновления научных и культурных сношений» [9, с. 41 – 43]. Вскоре эти планы получили практическое воплощение. Прежде всего, в открытии в Берлине Бюро иностранной науки и техники (БИНТ).

Значение для советской науки открытия БИНТ переоценить сложно. Бюро стало для ученых из РСФСР подлинным окном в большую науку. Ведь к концу Гражданской войны, как вспоминали современники-физики, в научном мире России сложилась воистину трагическая ситуация: «Трудно описать наступившее тогда ощущение умственного голода и ту высокую расценку всякой, даже плохой, информации о зарубежных научных делах. Эта крайняя степень оторванности заметно уже сопровождалась в некоторых случаях ослабленной квалификацией наших ученых работ и даже признаками провинциализма в научном мышлении» [цит. по: 25, с. 422].

В связи с открытием берлинского БИНТ отметим, что, по-видимому, первоначально у Москвы планов создания этой структуры не было, хотя попытки наладить регулярный советско-германский научный обмен имели место уже в начале 1920 г. Весной этого года большеви-

ки попытались включить в выезжавшую за границу делегацию во главе с наркомом внешней торговли РСФСР Л. Б. Красиным упоминавшегося выше председателя коллегии НТО ВСНХ профессора Н. М. Федоровского. Однако тогда эта попытка успеха не имела [25, с. 422]. Федоровский появился в Германии позже. Причем его приезд оказался неразрывно связан с малоизученным проектом массовой трудовой эмиграции немцев в Советскую Россию.

Первым идеей массового переезда немецких специалистов (рабочих, техников, инженеров) в РСФСР проникся известный революционер К. Б. Радек. На эту мысль его навели встречи с ведущими немецкими предпринимателями и организаторами производства В. Ротенау и Ф. Дейчем. Причем часть бесед большевика с немецкими капитанами индустрии прошла в «знаменитом салоне Радека» в Моабитской тюрьме, куда К. Радек попал после провала Спартаковского восстания в январе 1919 г. На некоторых встречах присутствовал и В. Копп. По возвращении в Москву Радек поделился идеями трудовой эмиграции с большевистской элитой и озвучил их в ряде публицистических работ. Весной 1920 г. радековские соображения нашли поддержку у председателя Совета народных комиссаров РСФСР В. И. Ленина и руководителя ВСНХ РСФСР Н. А. Милютин [13, л. 3]. К такому решению большевистских лидеров отчасти подтолкнули многочисленные просьбы германских рабочих и техников о переезде в Советскую Россию [13, л. 7]. В итоге появилось Положение о порядке предоставления переселенцам работы на предприятиях РСФСР [13, л. 6 – 6 об.], которое не подлежало опубликованию. 11 мая 1920 г. Совнарком РСФСР признал «в принципе необходимым привлечение немецких промышленных и сельскохозяйственных рабочих в Советскую Россию» [13, л. 9].

По вопросу трудовой миграции Москва направила в Веймарскую республику специальное радиообращение. В нем Н. А. Милютин откровенно говорил, что «тяжелые экономические условия делают необходимым тщательное предварительное выяснение... условий, так как переселяющиеся в Советскую Россию будут получать все то, что получают и русские рабочие, но не больше» [13, л. 7]. Это положение подтвердил и В. И. Ленин. «Заграничные рабочие, – писал вождь большевиков, – должны знать правду, что они идут на лишения, переселяясь к нам» [13, л. 7]. Далее председатель СНК РСФСР потребовал брать с желающих переехать в большевистскую Россию расписки в том, что они ознакомились с предостережением Милютина и его собственной запиской.

Иммиграционную комиссию решением Политбюро ЦК РКП(б) было поручено возглавить упоминавшемуся профессору Н. М. Федоровскому. Однако и на этот раз этот ученый выехать в Германию не смог.

Хотя Н. Федоровский до Германии в начале 1920 г. не добрался, сама операция по переселению немцев в советскую страну началась. Для осуществления проекта был образован союз «Интерессе Гезельшафт». Именно его члены получали возможность выехать в большевистскую Россию. Параллельно была развернута массированная пропагандистская компания. В Веймарской республике, переживавшей тяжелое послевоенное время, усугубленное репарационными

выплатами Антанте, эмиграционный проект вызвал у населения большой интерес.

Следует отметить, что «полулегальный полпред» РСФСР в Берлине В. Копп с самого начала отнесся к инициативе К. Радека по переселению немецких специалистов крайне настороженно. Еще в мае 1920 г. он сообщал Москве об отрицательном отношении к планам эмиграции со стороны руководства Коммунистической партии Германии, которое стало воспринимать отъезд из страны политически активных специалистов как дезертирство [1, л. 5].

Но не только недовольство товарищей из КПГ беспокоило Коппа. Наблюдение за осуществлением эмиграционной программы привело дипломата к убеждению, что «переселяться собираются вовсе не лучшие элементы, а зараженные спекулянтщиной» [1, л. 5]. Недоверие вызвали у него и руководители данного предприятия. «Публика [эта], – писал В. Копп наркому по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерину, – хотя и честная, но фантастическая и не солидная. А главное: мы можем сыграть здесь на руку всяким жуликам и спекулянтам, которые начнут под нашим флагом отбирать у «переселенцев» последние гроши» [1, л. 13].

Копп, делясь своими оценками с руководством НКВД, просил во избежании конфликтов «вести дело в контакте» персонально с ним и с лидерами КПГ, и ни в коем случае не заключать при осуществлении эмиграции коммерческих контрактов [1, л. 5]. Кроме того, он настаивал на официальном заявлении Москвы по поводу распространившейся информации о том, что большевистское руководство якобы готово принять из Германии «до десяти тысяч человек с чадами и домочадцами». Сам Виктор Копп связывал распространение этих слухов с «бессовестной пропагандой» ведущейся, по-видимому, руководителями «Интерессе Гезельшафт» [1, л. 66].

Просьба Коппа об официальном заявлении Москвы была продиктована появлением следующей проблемы. На волне барабанной пропагандой в поддержку переселенческой политики в Веймарской Германии участились случаи, когда разгитированные немецкие рабочие без согласования всех необходимых вопросов с «Интерессе Гезельшафт» распродавали имущество и самостоятельно приезжали в портовый город Штеттин, откуда в Советскую Россию отправлялись пароходы с военнопленными Первой мировой войны. Здесь немецкие рабочие, техники и иные специалисты требовали посадки на суда, отплывавшие в РСФСР. Сложившаяся ситуация порождала много проблем.

Во-первых, немецкие граждане из-за спешки не получали необходимых выездных и въездных документов, что было чревато конфликтом между советской миссией, возглавляемой Коппом, и германским правительством [1, л. 67].

Во-вторых, большевики, в условиях незатухающей Гражданской войны маниакально искавшие шпионов среди всех въезжающих в их страну, стремились проводить максимально полную проверку всех иностранцев, посещавших Советскую Россию. Массовая же волна трудовых мигрантов могла подорвать усилия по выстраиванию неприступной системы проверки и дать сбой. В итоге вместе с тысячами тру-

довых переселенцев в РСФСР могли проникнуть враждебные элементы.

Третью проблему при осуществлении массовой миграции породил, говоря современным языком, «конфликт интересов» потенциальных трудовых мигрантов и жертв Первой мировой войны. Российские военнопленные и российские граждане, интернированные в Германии в годы войны, стали выражать опасения, что их места на кораблях, отправлявшихся в РСФСР, займут немцы. Дошло до того, что бывшие военнослужащие российской армии и гражданские лица, проживавшие в берлинском районе Обер Шене-вейде, узнав об отправке в Советскую Россию 20 июля 1920 г. примерно 150 немецких рабочих и техников, направили к В. Коппу делегацию. При личной встрече россияне с нескрываемой обидой указали дипломату на то, что большевики предпочли отправить в Россию не их, а германских рабочих. В завершении встречи они просили либо срочно отправить их домой, либо выдать денежное пособие [1, л. 92].

Выступления Коппа против организации переселенческой политики вызвали недовольство немецких руководителей «Интерессе Гезельшафт» [1, л. 66]. Однако в Москве к оценкам дипломата прислушались и начали действовать. Глава НКВД Г. Чичерин в письмах Коппу сообщал, что Наркоминдел относится к планам колонизации скептически [3, л. 3] и старается их ограничивать [22, с. 197]. Затем нарком, выполняя просьбу Коппа, напрямую обратился в МИД Веймарской республики со следующим предупреждением: все германские граждане, не получившие официальных документов в миссии РСФСР в Германии, при проникновении в Советскую Россию будут высылаться назад к немецкой границе [22, с. 209 – 210]. Фактически заявление наркома означало резкое ограничение (если не полное свертывание) программы переселения.

Не бездействовал и В. Копп. 14 августа 1920 г. он дал интервью популярной лево-социалистической газете «Фрейхейт», в котором предупредил: «Ни влиятельные круги в Москве, ни я лично не разделяем мнение, к сожалению очень распространенное в некоторых слоях немецкого рабочего класса, что будто бы Россия может немедленно принять большое количество рабочих. Для массовой эмиграции Россия в настоящий момент неподходящая страна. <...> Поэтому ведущаяся здесь в Германии пропаганда за массовую эмиграцию в Россию не имеет никакой фактической базы и должна находить самый резкий отпор» [22, с. 219 – 220].

Под влиянием совместных демаршей Коппа и НКВД вопросом трудовых мигрантов из Германии озаботился и большевистский ареопаг. Политбюро ЦК РКП(б), осознавая, что программа переселения пошла не так, как задумывалось, для изучения вопроса на месте решило направить в Веймарскую республику делегацию во главе с Н. Федоровским [25, с. 423]. Вторым лицом стал Моросанов. Коппу вменялось в обязанность руководить работой приезжающих [16, л. 290]. Федоровский, в свою очередь, получил точный адрес советского представителя.

Советская делегация во главе с Федоровским, выехавшая в Веймарскую республику, получила официальное название «Русская техническая комиссия»

(РТК). Германские власти первоначально препятствовали ее въезду в страну. Лишь со второй попытки, 10 августа 1920 г., члены РТК получили разрешение и 3 сентября отправились в Веймарскую республику [26, с. 47]. В декабре того же года из Ревеля на имя Г. В. Чичерина пришла телеграмма о том, что трудовая эмиграция из Германии вроде бы началась: в Москву выехала группа немецких рабочих в составе 150 мужчин, 35 женщин и 60 детей [13, л. 16]. Причем, как можно понять из источников, эта группа была не первая.

Однако декабрьское переселение 1920 г., по-видимому, стало последним. К этому времени в Москве осознали, что идея массовой трудовой эмиграции потерпела фиаско. Таким образом, Копп, изначально не доверявший проекту, оказался прав. Причем к концу 1920 г. ситуация на поле трудовой миграции обострилась настолько, что один из переселенцев (некий Клёгер), вернувшись из России домой, подал в суд на «Интерессе Гезельшафт», обвинив общество в преднамеренном обмане [2, л. 83 – 89]. Информация об этом скандале моментально стала темой обсуждения берлинской прессы. Причем статьи на эту тему, выдержанные в издевательски-антисоветском духе, сообщали о том, что большевики преднамеренно завлекали немецких специалистов в ловушку, обрекая их на гибель (см., напр.: [23]).

Копп, озабоченный развитием событий вокруг иска Клёгеля, в письме Чичерину от 22 декабря 1920 г. заявлял, что будет «держаться» своих прежних публичных заявлений о непричастности НКВД к программе переселения [2, л. 82]. Правда, у его позиции было слабое звено. Многим было известно, что в организации трудовой миграции непосредственное участие принимал дипкурьер Наркомата по иностранным делам Сливкин.

Разразившийся скандал вокруг миграционной политики самым негативным образом сказался на пребывании в Берлине РТК. МИД Германии официально уведомил советскую сторону об отказе в продлении срока пребывания на германской территории Федоровского и Моросанова. Ответом Коппа стала нота протеста от 4 января 1921 г. В ней дипломат охарактеризовал решение немецких властей «недоразумением». Далее он так пытался обосновать необходимость дальнейшего пребывания Федоровского и Моросанова в Германии: оставаясь в Веймарской республике, эти советские представители исправят ошибки, допущенные в переселенческой политике [22, с. 265].

В контексте отмеченных выше критических заявлений о планах по массовой трудовой миграции демарш Коппа в защиту РТК выглядит нелогично. Причину появления ноты протеста можно объяснить, пожалуй, лишь умением В. Коппа предугадывать желания кремлевских властей. И, действительно, 14 января 1921 г. НКВД потребовал от Виктора Коппа принять меры для организации нормальной работы комиссии Федоровского. При этом нарком Чичерин возложил ответственность за неудачи в переселенческой политике на германские власти, которые якобы чинили этой программе «всевозможные затруднения и препятствия» [22, с. 266]. Копп, выполняя поручение московского начальства, обратился в германский МИД с просьбой о сохранении РТК Берлине, однако, в ответ

немцы 17 января 1921 г. подтвердили решение об отказе Русской технической комиссии в продлении срока пребывания в их стране [22, с. 266 – 267].

Со временем напряжение вокруг проблемы трудовой миграции начало разряжаться. На страницах берлинской просоветской газеты «Новый мир» появилось развернутое интервью Н. Федоровского, в котором значительная доля вины за провал переселенческой политики возлагалась на участников самого движения, которые, якобы, проявили неорганизованность в проведении столь масштабного мероприятия. При этом сам Федоровский Берлин не покинул и стал выступать с разного рода инициативами по налаживанию научно-технических связей между РСФСР и Западной Европой, которые далеко не всегда находили понимание Коппа, и не только его. Например, осенью 1920 г. на предложение профессора организовать в Москве научно-техническую выставку, нарком внешней торговли Л. Б. Красин скептически заметил: «Не будет ли она (выставка – В. Ч.) напоминать бриллиантовую булавку в галстук нищему, лишенному сапог?» [18, л. 6.]. Однако предложение Федоровского нашло поддержку в НТО ВСНХ, и в ноябре 1920 г. Копп получил следующее указание заместителя главы НКВД А. М. Лежавы: оказать содействие в покупке необходимых для выставки материалов и открыть на имя профессора кредит в 300 тыс. марок [17, л. 9].

Пока не удалось выяснить, как, и было ли вообще, выполнено Коппом это распоряжение. Вероятнее всего, он препятствовал его воплощению в жизнь. Косвенным подтверждением служат факты ухудшения отношений между Коппом и Федоровским и рост скептицизма в отношении проектов ученого у Красина. Так 30 декабря 1920 г. глава НКВД писал неизвестному адресату: «В Берлине существует какое-то бюро Н. М. Федоровского. Н. М. Федоровский товарищ весьма почтенный и симпатичный, но с умонастроением ученого и, следовательно, в делах человека вероятно <...> недостаточно скептически относящийся к поползновениям окружающей среды дельцов и проходимцев всякого рода. На какие средства действует его бюро, с какими именно заданиями, какие полномочия имеет...[?] Ничего этого, по-видимому, никем не установлено, и бюро Федоровского существует, как кажется, на положении некоторой независимой федеративной республики. Моя попытка связать его с Коппом не удалась[,] и я получил от Федоровского письмо, из коего явствует, что он вообще не считает бюро Коппа учреждением достойным посещения. Быть может для этого имеется и серьезное основание[,] <...> но отнюдь не в смысле свободы самого Н. М. Федоровского от какого либо контакта и контроля со стороны НКВД. Представьте себе, что Федоровский заключит несколько десятков или сотен договоров с разными специалистами не только с большими жалованиями в иностранной валюте, но и может быть с значительными неустойками <...>. Спрашивается, какие суммы могут грозить нам потерей от таких договоров, кто контролирует эти договоры[,] и кто будет платить по ним деньги» [19, л. 43].

Провал переселенческой политики и неоднозначные инициативы Федоровского с точки зрения руководителей НКВД делали его дальнейшее пребывание в Берлине проблематичным. Тогда-то ученый и пред-

ложил организовать на базе уже выстроенных структур РТК новую организацию – БИНТ. Серьезный шаг к этому он сделал еще в конце 1920 г., когда при участии Коппа начал печатать обзоры по развитию зарубежной науки и техники, а также налаживать связи с германскими учеными [4, л. 17]. Тогда же Н. Федоровский об этих достижениях уведомил В. Ленина. Однако полной уверенности в том, что БИНТ все-таки будет открыт, у Федоровского не было, о чем свидетельствует его письмо весной 1921 г. коллеге по НТО ВСНХ, профессору М. Я. Лапирову-Скобл [10, л. 2].

Федоровский волновался напрасно. Еще в феврале 1921 г. вопрос об НТО обсуждался в Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б), а 29 марта появилось постановление Совета народных комиссаров о создании при экономическом представительстве РСФСР в Германии Бюро иностранной науки и техники во главе с Н. М. Федоровским и А. А. Эйхенвальдом [21, с. 54; 25, с. 424 – 425]. Вскоре после создания БИНТ получило 500 тыс. зол. руб. [25, с. 425]. Эти деньги были потрачены не напрасно. За относительно короткий срок, 1922 – 1923 гг., БИНТ издало в Веймарской республике 15 монографий, наладило выпуск журналов «Наука и техника», «Организация труда в промышленном хозяйстве», «Химическая промышленность» и ряда справочников, установило связь с 77 учреждениями и отдельными гражданами в СССР, создало картотеку в 600 тыс. названий и собрало до 200 тыс. рефератов [21, с. 54]. Кроме того, через БИНТ и иные советские структуры на территории Германии в

1920-е гг. массово закупалась специальная и общеобразовательная литература для разных государственных учреждений [21, с. 82 – 83]. Копп участвовал в большинстве операций. Самостоятельно или по указанию московского руководства [16, л. 169 – 169 об.] приобретал издательские новинки для НКВТ [14, л. 172; 17, л. 4; 20, л. 8, 22], НКВД [6, л. 26], городского отдела здравоохранения Москвы [5, л. 23] и т. д.

Определяющую роль в отборе приобретаемой печатной научной продукции обычно играли командированные в Берлин специалисты или сам Копп. Единственная сфера, в которую Копп практически не входил, – были книги по электротехнике. Здесь решающее слово обычно оставалось за наркомом внешней торговли Красиным – признанным авторитетом в этой области [18, л. 7]. Именно им в список наиболее значимых для Советской России книг был внесен «Справочник для инженеров и техников» – знаменитый «Хюттэ». В итоге уже в 1921 г. книга была переведена на русский язык и вышла в трех томах 20 тысячным тиражом [21, с. 55].

Приведенный выше материал убедительно свидетельствует о большой, а подчас и определяющей роли «полулегального полпреда» Советской России в Берлине Виктора Коппа в становлении советско-германских научных связей и приоткрывает завесу над весьма скандальной историей с массовой трудовой миграцией из Веймарской республики в РСФСР в начале 1920-х гг.

Литература

1. Архив внешней политики Российской Федерации. Фонд. 04. Секретариат Г. В. Чичерина. Описание. 13. Германия. Папка. 73. Дело. 1037. Письма и доклады В. Л. Коппа в НКВД РСФСР. 1920 г.
2. Архив внешней политики Российской Федерации. Фонд. 04. Секретариат Г. В. Чичерина. Описание. 13. Германия. Папка. Дело 1038. Письма и доклады В. Л. Коппа в НКВД РСФСР. 1920 г.
3. Архив внешней политики Российской Федерации. Фонд 04. Секретариат Г. В. Чичерина. Описание. 13. Германия. Папка. 73. Дело 1039. Письма из НКВД РСФСР В. Л. Коппу. 1920 г.
4. Архив внешней политики Российской Федерации. Фонд. 04. Секретариат Г. В. Чичерина. Описание. 13. Германия. Папка. 73. Дело. 1045. Вопросы въезда и выезда. 1920 г.
5. Архив внешней политики Российской Федерации. Фонд 82. Реферантура по Германии. Описание 3. Папка 34. Дело. 12. Экономические взаимоотношения. 1) Переписка уполномоченного РСФСР в Германии тов. В. Л. Коппа с НКВД РСФСР о закупке в Германии различного товара, их цена, условия покупки и пр., о продаже табака за границу, о поездке германской торговой делегации в РСФСР и др. вопросы. 2) Запрос германского посла в Эстонии о ценных немецких бумагах, секвестрированных царским правительством во время войны. 18.02. – 30.12.1920 г.
6. Архив внешней политики Российской Федерации. Фонд 082. Реферантура по Германии (секретный фонд). Описание. 3. Папка 3. Дело 5. Германия. Материалы о хозяйственном положении Германии (здесь же договор В. Л. Коппа с Отто Маркевичем – интернированные красноармейцы в Германии). 1920 г.
7. Беседовский Г. З. На путях к термидору. М.: Современник, 1996.
8. Из впечатлений о Германии: Переложение доклада профессора [М. И.] Неметова, президента Рентгенологического института в Петрограде, прочитанного 26 сего месяца в «Доме печати» // Известия. 1921. 31 марта.
9. Неметов [М. И.]. Университетская жизнь и наука в Германии // Работник просвещения. 1921. № 4 – 5
10. Российский государственный архив социально-политической истории. Фонд 2. Ленин (наст. Ульянов) Владимир Ильич. Описание. 1. Дело 18127. Надпись Л. Б. Каменеву «К сведению» на препроводительной записке Ш. Манучарянц В. И. Ленину от 9 апреля 1921 г. с сообщением о посылке письма Н. М. Федоровского из Берлина. Не ранее 9.04.1921 г. Приложение: Копия письма Н. М. Федоровского М. Я. Лапирову-Скобл от 4 апреля 1921 г. о своей работе в Германии, с отзывом об издательской деятельности Гржебина.
11. Российский государственный архив социально-политической истории. Фонд. 5. Секретариат председателя Совета народных комиссаров РСФСР и Совета труда и обороны В. И. Ленина. Описание. 1. Дело 2137. Письма и докладные записки полномочного представителя РСФСР в Германии В. Л. Коппа и Ю. Х. Лутовинова о советско-германских взаимоотношениях и по другим вопросам внешней политики, направленные В. И. Ленину. 11.06.1920 г. – 1.10.1921 г.

12. Российский государственный архив социально-политической истории. Фонд 5. Секретариат председателя Совета народных комиссаров РСФСР и Совета труда и обороны В. И. Ленина. Опись 1. Дело 2376. Письма полномочного представителя РСФСР в Германии В. Л. Коппа в Народный комиссариат внешней торговли по вопросам экономических и торговых взаимоотношений с Германией, направленные В. И. Ленину. 17.04.1920 г. – 20.12.1921 г.

13. Российский государственный архив экономики. Фонд 413. Народный комиссариат внешней торговли РСФСР/СССР (до апреля 1920 г. Народный комиссариат торговли и промышленности РСФСР). Опись 2. Дело 279. Постановление СНК РСФСР о привлечении немецких промышленных и сельскохозяйственных рабочих. Май – сентябрь 1920 г.

14. Российский государственный архив экономики. Фонд 413. Народный комиссариат внешней торговли РСФСР/СССР (до апреля 1920 г. Народный комиссариат торговли и промышленности РСФСР). Опись 2. Дело 320. Административное управление. Главная канцелярия. Переписка с Наркоминделом, с отделом Наркомвнешторга в Ревеле о закупках импортных товаров, о командировании сотрудников за границу. 1.09.1920. – 13.10.1920 г.

15. Российский государственный архив экономики. Фонд 413. Народный комиссариат внешней торговли РСФСР/СССР (до апреля 1920 г. Народный комиссариат торговли и промышленности РСФСР). Опись 2. Дело 325. Секретариат. Переписка с уполномоченными представителями Наркомвнешторга в Берлине о закупке локомотивов и других товаров. 30.01. – 29.12.1920 г.

16. Российский государственный архив экономики. Фонд 413. Народный комиссариат внешней торговли РСФСР/СССР (до апреля 1920 г. Народный комиссариат торговли и промышленности РСФСР). Опись 2. Дело 367. Переписка с управлениями и представительными учреждениями о товарообмене с заграницей, предоставлении кредитов, по личному составу и другим вопросам. 10.01.1920 г. – 31.12.1921 г.

17. Российский государственный архив экономики. Фонд 413. Народный комиссариат внешней торговли РСФСР/СССР (до апреля 1920 г. Народный комиссариат торговли и промышленности РСФСР). Опись 2. Дело 417. Отношение в НТО ВСНХ об утверждении заявки НТО на покупку научных книг и пособий. Июнь – декабрь 1920 г.

18. Российский государственный архив экономики. Фонд 413. Народный комиссариат внешней торговли РСФСР/СССР (до апреля 1920 г. Народный комиссариат торговли и промышленности РСФСР). Опись 2. Дело 552. Административное управление. Секретариат. Копии писем наркома внешней торговли представителю РСФСР в Германии об экспорте платиновой руды, о работе советских представительств за границей. 1921 г.

19. Российский государственный архив экономики. Фонд 413. Народный комиссариат внешней торговли РСФСР/СССР (до апреля 1920 г. Народный комиссариат торговли и промышленности РСФСР). Опись 2. Дело 1437. Секретариат. Переписка с представительством Наркомвнешторга в Германии об организации воздушного сообщения Кенигсберг – Москва, о посылке германских специалистов в Россию, о закупке медикаментов и химических продуктов и другим вопросам. 1.03. – 3.08.1921 г.

20. Российский государственный архив экономики. Фонд 413. Народный комиссариат внешней торговли РСФСР/СССР (до апреля 1920 г. Народный комиссариат торговли и промышленности РСФСР). Опись 3. Дело 406. Экспортное управление. Секретариат. Переписка с представителем РСФСР в Берлине по вопросу об экспорте хмеля, металлических отбросов. 1.10. – 6.12.1920 г.

21. Советско-германские научные связи времени Веймарской республики. СПб.: Наука, 2001.

22. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора: Сб. документов: В 2 т. М.: Политиздат, 1971. Т. 2. (1919 – 1922).

23. Х-ань. Большевицкая ловушка // Руль. 1921. 20 (7) января.

24. Черноперов В. Л. Дипломатическая деятельность В. Л. Коппа в Германии в 1918 – 1921 гг. Иваново: ИвГУ, 2006.

25. Шишкин В. А. Советское государство и страны Запада в 1917 – 1923 гг.: очерки истории становления экономических отношений. Л.: Наука, 1969.

26. Шишкин В. А. В. И. Ленин и внешнеэкономическая политика Советского государства (1917 – 1923 гг.). Л.: Лениздат, 1977.

27. Chernoperov V. L. Viktor Kopp und die Anfänge der sowjetisch-deutschen Beziehungen 1919 bis 1921 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2012. Vol. 60. № 4. S. 529 – 554.

Информация об авторе

Черноперов Василий Львович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета, lchernoperov@rambler.ru.

Vasily L. Chernoperov – Dr. of History, Head of the Department of World History and International Relations, Ivanovo State University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 349

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: ЗЕЛИКОВА Ю. А. СТАРЕЮЩАЯ ЕВРОПА: ДЕМОГРАФИЯ, ПОЛИТИКА, СОЦИОЛОГИЯ. СПБ.: НОРМА, 2014. 224 С. ISBN 978-5-87857-229-3
Л. В. Дериглазова

A REVIEW OF THE MONOGRAPH AGING EUROPE: DEMOGRAPHY, POLITICS, SOCIOLOGY BY YU. A. ZELIKOVA (ST. PETERSBURG: NORMA, 2014. 224 P. ISBN 978-5-87857-229-3)
L. V. Deriglazova

Рецензия подготовлена в рамках работ по проекту “Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности” (грант Правительства РФ № 14.B25.31.0009).

Рецензия рассматривает особенности авторского подхода, теоретическое обоснование, содержание и выводы монографии. Монография основана на междисциплинарном подходе и дает комплексное представление о проблеме пожилого поколения в современной Европе. Устоявшийся тезис о «старении Европы» в монографии анализируется через призму демографических показателей, их влияния на систему социального обеспечения и отношений между поколениями. Автор рассматривает проблему старения Европы в сравнительном контексте демографических тенденций в мире и подводит итоги о будущем системы обеспечения пенсионеров в Европе.

The review evaluates the particularities of the author's approach, theoretical framework, content and conclusions of the book. The monograph is based on the interdisciplinary approach and gives a complex vision of the elder generation in modern Europe. The monograph uses the established notion of “aging Europe” to analyse the demographic data, their impact on social security system and relations between generations. The author studies the problem of aging Europe through a comparative analysis of the world trends and draws conclusions on the future of elder people provision in Europe.

Ключевые слова: Европа, старение Европы, демографические тенденции, пенсионная система, социальная политика.

Keywords: Europe, aging Europe, demographic trends, pensions schemes, social policy.

Сегодня ни у кого не вызывает сомнения тезис о том, что «Европа стареет». На быденном уровне этот процесс воспринимается как явное увеличение числа пожилых людей в странах Европы по сравнению с молодежью и детьми. Согласно данным статистической службы Европейского союза «Евростат» в 1994 г. количество детей превышало количество пожилых людей (старше 65 лет) почти на 10 млн человек, в 2004 г. показатели сравнялись, а в 2014 г. количество пожилых людей было уже 93,9 млн человек против 79,1 млн детей, то есть на 14,8 млн человек больше [2, р. 19 – 21].

Как социальное явление «старение Европы» складывается из суммы тенденций, которые накладываются и создают значимую проблему для общества, экономики и политики. Во многих европейских странах 65 лет – это возраст выхода на пенсию. Учитывая, что ожидаемая продолжительность жизни в большинстве европейских стран превышает 80 лет, пенсионеры составляют многочисленную социальную страту, которая не принимает активного участия в экономической деятельности, но при этом является получателем значительной доли общественного блага продолжительное время. Основное бремя социальных расходов как доля в ВВП в наиболее развитых европейских странах приходится на выплату пенсий, здравоохра-

нение и долговременный уход, и проекция на ближайшие десятилетия показывает постоянное повышение этой статьи социальных расходов как доли ВВП [3, р. 6]. Статистика по перераспределению доходов в странах ЕС в виде так называемых социальных трансфертов показывает, что именно пенсионные выплаты являются основным «выравнивающим механизмом», повышая средний уровень доходов почти в три раза после выплаты пенсий [4, р. 18]. В таких условиях молодые европейцы все чаще попадают в категорию «новых бедных», и в Европе формируется основа для конфликта поколений.

Парадоксальным образом проблема старения в Европе является отложенным следствием резкого роста рождаемости в два послевоенных десятилетия, получившего название «поколение беби-бума». В 1960 – 1970-е гг. это поколение проявило себя в массовых молодежных движениях, настоящим «молодежным бунтом», в котором воплотились самые разнообразные идеи от сексуальной революции до антивоенных и антибуржуазных идеологий. Под влиянием этого поколения западное общество стало более разнообразным и терпимым ко всякого рода «отклонениям от мейнстрима» в культуре, образе жизни, карьерных траекториях и убеждениях. Однако, оказав такое большое влияние на современное состояние развитых

стран, в настоящее время это поколение стало источником проблемы, которую пытается решить европейское общество. Для понимания сути и последствий «старения» необходимо обращение к ряду смежных социальных дисциплин, которые показывают, как количественные проявления феномена приводят к качественным изменениям отношений в обществе.

Монография Ю. А. Зеликовой, кандидата социологических наук, доцента НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге «Стареющая Европа: демография, политика, социология» опубликована при поддержке гранта Европейского союза на создание Центра ЕС на Северо-Западе России, реализованном на базе Европейского университета в Санкт-Петербурге. Как заявлено в названии книги, она посвящена проблеме старения в Европе на пересечении трех дисциплин: демографии, политики и социологии. Данный подход воплощен в структурировании материала в трех главах, где первая рассматривает количественные проявления старения в целом в Европе, вторая глава анализирует проблему старения через призму социальной политики, и третья глава рассматривает проблему в теоретическом дискурсе по поводу самого явления, его интерпретации в различных социологических теориях и соответствии теоретических обобщений эмпирическому материалу.

Первая глава является скорее вводной, которая обсуждает проблему старения с точки зрения демографических показателей и их проявления для трех очень разных регионов – Северной, Южной и Центральной и Восточной Европы. Ю. А. Зеликова, обосновав во введении тезис о том, что старость является социальным конструктом [1, с. 7], обращает свое внимание на те демографические факторы, которые привели к «старению»: быстрое снижение смертности, отмечаемое с конца 1940-х гг., и постепенное снижение рождаемости. В начале главы автор обсуждает теории демографического и эпидемиологического перехода, которые предлагают объяснения изменения рождаемости и смертности в европейском обществе. Важным представляется тезис теории второго демографического перехода, согласно которой европейское общество перешло от «планирования жизни в терминах семьи» к планированию в «терминах комбинирования семьи, потребления, карьеры и других стилей жизни». По сути, это стало поворотной точкой в демографической истории континента, определив сдвиг «от альтруизма к индивидуализму» и от «рождаемости на уровне воспроизводства к рождаемости ниже уровня воспроизводства» [1, с. 19].

Разделы, посвященные региональным особенностям, показывают, какое место занимают пожилые люди в системе социальных и родственных связей, каким образом система социальной защиты учитывала демографические изменения в обществе. Сравнение Северной и Южной Европы является очень удачным методологическим приемом, поскольку позволяет показать существенные различия решения проблемы старения, связанные с особенностями экономического и социального развития. Главная тема, через которую автор рассматривает проблему старения, это роль общественного сектора и семьи в обеспечении благополучия пожилых людей. Раздел, посвященный странам Восточной Европы, включая Россию, опро-

вергает распространенное суждение о том, что проблема старения характерна для развитых стран, и предоставляет интересные данные о демографических процессах в ЦВЕ на протяжении XX века.

Глава вторая последовательно рассматривает феномен социального государства в европейских странах, который сложился после второй мировой войны, с особым вниманием к пенсионной политике с учетом ее национальной или региональной специфики. Главный исследовательский вопрос главы озвучен в подзаголовке: «Есть ли будущее у государства всеобщего благосостояния в Европе?». Способы решения проблем пожилых людей представлены через призму моделей социального государства в Европе, предложенных датским ученым Гостой Эспинг-Андерсоном. Отходя от заданной в начале книги региональной фокуса, автор дает краткую характеристику пенсионной системы в отдельных странах – Германии, Финляндии, Нидерландам и Великобритании в соответствии с типологией Г. Эспинга-Андерсона [1, с. 89 – 97]. По сути, этот раздел, хотя и важный для понимания сути социального государства, не рассматривает как таковые системы Южной и Восточной Европы, которые также не были учтены в типологизации моделей социального государства Г. Эспинг-Андерсона. В главе представлена эволюция пенсионных схем в европейских странах под давлением экономических проблем в 1970 – 1990-е гг. Главу заключает раздел, посвященный теме «индивидуального благополучия» как индикатора успешности решения проблем пожилых людей, способов замера этого «субъективного показателя» и результаты авторского исследования влияния индекса декоммодификации на уровень субъективного благополучия. Важным понятием этой главы является термин «декоммодификации» как способа реализации социальной помощи на «внерыночных» принципах.

Глава третья продолжает презентацию результатов авторского исследования, напрямую обращаясь к теориям «старения», которые рассматривают пожилую возраст как индивидуальную и социальную проблему; экономическую проблему и проблему занятости; и как глобальную проблему [1, с. 119]. Приведенные теории несомненно интересны с точки зрения эволюции представлений о старости как определенном жизненном этапе, когда самочувствие человека определяется не только и не столько индивидуальными особенностями, сколько степенью его/ее включенности или исключенности из социального контекста. Проследивая хронологически появление и изменение теорий, автор по сути воссоздает этапы изменения системы социальной защиты пожилых людей. От идей структурной зависимости 1940 – 1950-х гг. к теории освобождения и теории активности взгляды социологов отражают объективное изменение места и положения пожилых людей в европейском обществе.

Несомненный интерес представляет авторская концепция изучения феномена «успешного старения» и обоснование методологии замеров, социальных индикаторов и важности факторов, которые отражают субъективное благополучие. Автор представляет результаты исследования, далеко выходя за обозначенные региональные рамки и включая сравнительные

данные по странам Азии, Африки и Латинской Америки [1, с. 155]. Для понимания применяемого метода, анализа результатов читателю необходимы хотя бы базовые знания статистического анализа. Однако выводы исследования скорее не вызовут проблем восприятия, и вряд ли поразят новизной. Заключительный раздел монографии обсуждает проблему конфликта между поколениями с использованием многоуровневого регрессивного анализа. Интересен вывод, следующий за презентацией результатов исследования, о том, что наибольшие ожидания и «перекладывания ответственности за свою жизнь на государство характерно для людей с низким уровнем образования, дохода и уверенности в том, что человек сам управляет своей жизнью» [1, с. 179]. Данный вывод, несомненно, противоречит изначальному тезису и статистическим данным, которые показывают высокую зависимость пожилых людей от социальных отчислений.

В заключение работы вместе с кратким изложением основных положений книги автор выдвигает любопытный тезис о том, что процесс старения должен привести к изменению одного из важнейших принципов социальных отношений. На смену принципу солидарности поколений должен прийти принцип «контракта поколений, когда у каждого поколения есть свои преимущества, возможности и ресурсы, используя которые поколения помогают друг другу, формируя тем самым общество для всех возрастов и для всех поколений» [1, с. 189]. При всей соблазнительности этого тезиса, на наш взгляд, он не отличается от принципа солидарности поколений.

Оценивая работу в целом, необходимо сказать, что это важная работа, обращенная к актуальной теме, которая пока не нашла соответствующего внимания в

отечественной науке. В качестве замечаний, без которых не может обойтись ни одна рецензия, стоит заметить, что встречаются повторы некоторых сюжетов (типология социального государства). Раздел, посвященный «измерению» успешности старения в разных странах вне заявленного региона (3.3. Социальная политика и социальная справедливость. Миф о конфликте между поколениями), носит скорее технический характер, ему явно не хватает той глубины и детальности, которые присутствуют в других разделах. Также в работе мало «политики», так как практически не представлены общественные дискуссии по поводу необходимости изменения пенсионной политики и политические механизмы принятия таких решений.

Сильной стороной работы является её высокий научный уровень, широкое привлечение теоретической литературы, четко прописанная методология сравнительного исследования, большое количество деталей, которые иллюстрируют теоретические построения. Учитывая то, что процессы старения общества ярко проявлены в России, уровень пенсионного обеспечения является крайне низким, а пенсионная политика по-прежнему сохраняет черты, характерные для советского периода, данная работа должна быть «настойной книгой» для всех, кто принимает решения и формирует пенсионную политику в России сегодня. Эта книга также будет полезна преподавателям и студентам, изучающим современное европейское общество, социальную политику развитых стран. Книга написана хорошим языком и, несмотря на большое количество теоретических выкладок, читается легко.

Литература

1. Зеликова Ю. А. Стареющая Европа: демография, политика, социология. СПб.: Норма, 2014. 224 с.
2. Being young in Europe today. 2015 edition. Eurostat. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2015. Режим доступа: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/6776245/KS-05-14-031-EN-N.pdf/18bee6f0-c181-457d-ba82-d77b314456b9>
3. OECD ministerial meeting on Social policy. Paris, 2-3 May 2011. Session 3: Paying for the past, providing for the future: intergenerational solidarity. Background document. Режим доступа: <http://www.oecd.org/els/public-pensions/47712019.pdf>
4. Living conditions in Europe. Eurostat Statistical books. 2014 edition. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2014. Режим доступа: <http://ec.europa.eu/eurostat/web/products-statistical-books/-/KS-DZ-14-001>

Информация об авторе:

Дериглазова Лариса Валериевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры мировой политики Томского государственного университета, dlarisa@inbox.ru.

Larisa V. Deriglazova – Doctor of History, Full Professor, Professor at the Department of World Politics, National Research Tomsk State University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Для публикации в «Вестнике КемГУ» принимаются статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и прикладных научных исследований, передовых наукоемких технологий, научных и научно-методических работ, посвященных проблемам высшего образования и развитию науки в высшей школе, соответствующие тематике журнала, и ранее не опубликованные ни в каких других изданиях. Представленный к публикации материал может иметь разнообразный характер: от постановки проблемных теоретических вопросов, предложений разработки новых направлений в науке до анализа результатов конкретных исследований. Предоставляя статью для публикации в журнале «Вестник КемГУ», автор тем самым выражает свое согласие на передачу права на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

Предоставляя статью для публикации в журнале «Вестник КемГУ», автор тем самым выражает свое согласие на передачу права на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

Статьи принимаются по установленному графику:

- в № 1 (март) – до 1 февраля текущего года;
- в № 2 (июнь) – до 1 мая текущего года;
- в № 3 (сентябрь) – до 1 августа текущего года;
- в № 4 (декабрь) – до 1 ноября текущего года.

В исключительных случаях, по согласованию с редакцией журнала, срок приема статьи в ближайший номер может быть продлен, но не более чем на две недели.

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА В РЕДАКЦИЮ

1. Текст статьи представляется в редакцию на русском языке, на электронном носителе, проверенном на отсутствие вирусов, в виде файла с расширением *.doc*, построенного средствами Microsoft Word 97-2007, и одного печатного экземпляра на стандартных листах формата 210×297 мм. Иногородние авторы могут представлять указанные материалы по электронной почте vestnik@kemsu.ru. Электронная версия должна быть идентична распечатанному тексту, в случае расхождения, за основу берется печатный вариант.

2. Рекомендуемый объем статьи, включая аннотацию и список литературы, 16 – 25 тыс. знаков без пробелов.

3. Авторам материалов естественнонаучного направления необходимо дополнительно предоставить экспертное заключение¹ о возможности опубликования в открытой печати.

4. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят рецензирование, где анализируются актуальность темы, научная новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала, и публикуются по решению редакционной коллегии журнала.

5. Редакция имеет право проводить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.

6. Работы общественно-публицистического характера к рассмотрению и публикации не принимаются.

7. Представленные статьи могут быть возвращены автору на доработку или отклонены из-за несоответствия профилю журнала, неприемлемого объема, отрицательного итога экспертизы или несоблюдения правил оформления. Рукописи, не принятые к публикации, авторам не высылаются. Гонорар за опубликованные статьи не выплачивается.

8. Не допускается свыше двух статей одного автора в одном номере журнала.

9. Статьи обучающихся (аспиранты, магистранты, студенты) вузов и научных организаций России, а также сотрудников КемГУ, работающих над диссертационными исследованиями, темы которых утверждены ученым советом университета, публикуются при наличии рекомендации научного руководителя (научного консультанта) и (или) решения кафедры. Статьи студентов принимаются для публикации по рекомендации кафедры только в соавторстве с научным руководителем или учеными, являющимися специалистами в соответствующей области науки.

10. Статьи включаются в выпуск только после положительного решения редколлегии и предоставления копии платежного документа в редакцию журнала, при этом **статьи обучающихся печатаются в журнале бесплатно**.

11. Представление оригинальной статьи к публикации в «Вестнике КемГУ» означает согласие авторов на передачу права автора на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

¹ Форма экспертного заключения в формате *.pdf* представлена на [сайте издания](#)

СТРУКТУРА СТАТЬИ

1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи.
3. Инициалы и фамилия автора (авторов).
4. Аннотация/реферат.
5. Ключевые слова.
6. Текст статьи с таблицами, рисунками, формулами.
7. Список литературы.
8. Публикуемые сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; должность, место работы; служебные или домашние телефоны, адрес электронной почты (e-mail).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Текст набирается без форматирования и нумерации страниц, с учетом абзацев и особых указаний в требованиях к оформлению статей.
2. Последовательность элементов оформления – в соответствии со структурой статьи.
3. Заголовок статьи (не более 3 строк) необходимо предоставить на русском и английском языках.
4. Инициалы и фамилия автора (авторов) – через запятую.
5. Статья должна быть снабжена аннотацией² на русском и английском языках. **Аннотация к статье должна быть:** информативной (не содержать общих слов); оригинальной; содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); структурированной (следовать логике описания результатов в статье); компактной (укладываться в объем от 120 до 250 слов). **Аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:** предмет, цель работы; метод или методологию проведения работы; результаты работы; область применения результатов; выводы.
6. Статья должна быть снабжена ключевыми словами на русском и английском языках (рекомендуемое количество ключевых слов – 5–7).
7. При вставке формул использовать только Microsoft Equation 3.0 (встроенный редактор формул Microsoft Office), расположение формул на странице – по центру. Нумеровать рекомендуется лишь формулы, на которые имеются ссылки.

Например:

$$J_q^+ : q = \begin{cases} \operatorname{Re}(z_1 / z_2) i + \operatorname{Im}(z_1 / z_2) j + \\ + \frac{|z_1|^2 - |z_2|^2}{|z_1|^2 + |z_2|^2} k \mid z_2 \neq 0, \\ k \mid z_2 = 0. \end{cases} \quad (12)$$

8. Рисунки и подписи к ним располагаются непосредственно в тексте. Рисунки должны иметь формат .jpg, допускать перемещение в тексте и возможность уменьшения размеров, в черно-белой палитре.
9. Объекты, созданные средствами Microsoft Office, должны допускать возможность редактирования.
10. Таблицы нумеруются, если их число более одной.
11. Ссылки на цитированную литературу приводятся в квадратных скобках.

Например:

Ссылка на полный текст документа [6].

Ссылка на фрагмент текста документа или статью в периодическом издании [6, с. 24 – 28].

12. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера) в алфавитном порядке, предваряется словом «Литература» и оформляется в соответствии с [ГОСТ Р 7.0.5-2008 «СИБИД. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления»](#). Под одним номером допустимо указывать только один источник.

13. Сокращения в тексте – по [ГОСТ 7.0.12-2011 «СИБИД. Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила»](#). Допускается использование аббревиатур.

14. Примечания и сноски оформляются непосредственно в **тексте** в круглых скобках курсивом.

Например: текст (*Прим. автора: текст примечания*).

15. Внедренные шрифты, используемые в тексте статьи, предоставляются отдельными файлами.

16. На последней странице статьи указываются публикуемые сведения об авторах **на русском и английском языках**: полное название учреждения, где выполнено исследование; фамилии, имена и отчества авторов полностью; ученая степень, звание, должность, место работы, номера контактных телефонов, адрес электронной почты всех авторов.

17. На последней странице статьи должны быть подписи всех авторов.

² Рекомендации по составлению аннотации (реферата) к статье размещены на [сайте издания](#).

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Минимальный период подписки – 3 месяца (1 выпуск).

Подписка проводится через отделения связи по каталогу «Пресса России» – подписной индекс 42150

Стоимость подписки указана в каталоге.

Редакция журнала приглашает авторов к сотрудничеству

Подробная информация на сайте издателя:

<http://vestnik.kemsu.ru>

Подписано к печати 21.09.2015 г. Формат А 4.

Дата выхода в свет 28.09.2015 г.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 32,5. Уч.- изд. л. – 33,92.

Тираж 500 экз. Заказ № _____

Цена свободная.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>.

Отпечатано в ООО ПК «ОФСЕТ». 650001, Кемерово, ул. 40 лет Октября, 1б.